Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАУКИ, НОРМОТВОРЧЕСТВА И ПРАКТИКИ

IV Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (16–17 июня 2021 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2021

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2021
ISBN 978-5-9694-1053-4

УДК 34
ББК 67
В74

Рецензенты:
инспектор по особым поручениям отдела организации взаимодействия с компетентными органами стран ближнего зарубежья Управления международного сотрудничества МВД России кандидат юридических наук **А. Н. Смирнова**; старший инспектор отдела реализации законодательства по вопросам трудовой миграции Управления внешней трудовой миграции МВД России кандидат юридических наук **И. П. Сайфуллина**

Составитель *Р. Б. Осокин*

В74 **Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики** : IV Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, 16–17 июня 2021 г. : сборник научных трудов / [сост. Р. Б. Осокин]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. – 609 с. – 1 электронный опт. диск (CD-R). – Системные требования : CPU 1,5 ГГц ; RAM 512 Мб ; Windows XP SP3 ; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1053-4

В сборник научных трудов вошли статьи, посвященные наиболее значимым вопросам профессионального образования по гуманитарному профилю подготовки кадров. В статьях рассмотрены актуальное состояние и перспективы развития юриспруденции, экономической безопасности, психологии служебной деятельности, юридической психологии и педагогики.

Издание адресовано преподавателям, адъюнктам, курсантам и слушателям образовательных организаций МВД России; преподавателям, студентам, аспирантам, докторантам юридических, психологических и педагогических вузов. Определенный интерес может представлять для практических сотрудников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

Редактор *Абилова Ф. А.*
Компьютерная верстка *Абилова Ф. А.*

Подписано к изданию 19.11.2021
Объем издания: 4,66 Мб
1 электронный оптический диск (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1053-4

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бондарь Н. И.
Действие норм международного уголовного права и уголовного права Российской Федерации в пространстве: сравнительный аспект 18

Елисеева Е. С.
Служение в контексте деспотических властных отношений: актуальные аспекты становления деспотического самодержавия 21

Ерифа Е. Н.
Перспективные направления сотрудничества международных организаций в борьбе с киберпреступностью 25

Жукова О. И.
К вопросу о международном сотрудничестве по борьбе с геноцидом на современном этапе 29

Захарова А. Д.
Международно-правовое регулирование борьбы с преступными посягательствами в сфере информационных технологий, направленными против половой неприкосновенности и половой свободы личности 33

Иванов Д. В.
Нормативные правовые основы деятельности медицинских вытрезвителей в Ленинграде во второй половине 1980-х годов: опыт и проблемы 37

Козлова А. А., Рыжак В. А.
Роль интерпола в международном сотрудничестве в борьбе с киберпреступностью 41

Коренухина А. А.
Деятельность универсальных международных организаций по защите прав иностранных граждан от высылки (на примере специализированных учреждений ООН) 44

Кочетков А. А.
Обеспечение продовольственной безопасности в рамках ЕАЭС: международно-правовой аспект 47

Лихова А. А.
Международно-правовые основы обеспечения экологической безопасности ... 49

Митрофанова О. А.
Гражданское общество как один из факторов, влияющих на правовые формы осуществления государством собственных функций 52

Мысина А. И.
Международно-правовые основы сотрудничества
государств-участников СНГ в сфере информационного взаимодействия
и обмена информацией в электронном виде 55

Порывакина Т. С.
Развитие политических прав женщин на примере
России и Союза Африканских государств..... 58

Раков К. А.
Целерациональные основания правопорядка современного государства 62

Хрони Н. Н.
Приоритетная обязанность в праве: ценностный аспект 64

Чикалов О. В.
К вопросу о функциональной характеристике правосудного
типа профессионального правосознания 67

Чуткова Ю. Д.
Актуальные проблемы реализации норм международного гуманитарного права:
теоретический и практический аспект 73

Шитов Г. А.
Роль систематизации законодательства в укреплении
российской государственности..... 77

РАЗДЕЛ II
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО
И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Белова О. А.
К вопросу о необходимости совершенствования административно-правового
регулирования деятельности МФЦ в Российской Федерации 81

Горшков И. С., Шурухнова Д. Н.
Соблюдение гражданами правил оборота оружия
как форма правовой культуры 85

Джафарова Н. Т.
О некоторых аспектах зарубежного практического опыта по вопросам
административно-правового обеспечения оборота информации 88

Дрогавцева Е. А.
Безопасность как цель ограничения права на гражданство
в современной России91

Кашаева В. В.
Актуальные проблемы преступности мигрантов в Российской Федерации
и способы ее профилактики 95

Кузнецов И. С.
Механизмы обеспечения конституционных прав граждан
на неприкосновенность частной жизни 98

Лобанова И. К.
К вопросу о необходимости создания административно-правового института
миграционной амнистии в Российской Федерации 102

Малахов С. А.
Связи норм права как признак системности административно-деликтного
законодательства 105

Морозова М. Н.
К вопросу об отельных проблемах производства по делу об административном
правонарушении, предусмотренном ст. 14.10 КОАП РФ,
сотрудниками ОВД..... 108

Поглазов А. В.
Конституционно-правовой статус органов публичной власти
в Российской Федерации 111

Серпионова А. И.
Особенности правового регулирования реадмиссионных отношений
в Российской Федерации 114

Соколова А. Ю.
Реализация полномочий субъектов Российской Федерации
в отношении беженцев и вынужденных переселенцев 117

Шубин И. В.
К вопросу о конституционности некоторых положений КОАП РФ 121

РАЗДЕЛ III
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аксенов В. А.
«SCAM» как современный хайп-проект в среде молодежи 124

Алимирзаев Э. А.
Специфика квалификации надругательства над телами умерших и местами
их захоронения по признакам объективной и субъективной сторон..... 128

Андрюхин Д. С.
Штраф как вид уголовного наказания, применяемого к несовершеннолетним:
проблемы теории и практики 132

Аулов С. В.
Влияние средств массовой информации на формирование
перступного поведения 137

Бабич А. А.
Незаконная трудовая миграция как социальный фон преступности 140

Виссаров В. А.
Некоторые вопросы определения понятия производства
и оборота алкогольной продукции 144

Горяева А. Ю.
Проблемы квалификации хищений денежных средств
с банковского счета, а равно электронных денежных средств 148

Григорян Н. Г.
Вымогательство взятки: специальный способ (прием) получения взятки
или самостоятельный состав коррупционного преступления 152

Гуляева И. А.
Исторические аспекты развития уголовного законодательства
об ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма 156

Дулова Т. В.
Некоторые аспекты противодействия
проявлениям колумбайна в России 159

Завьялов Д. А.
Трансформация способов совершения мошенничества
в современных условиях 165

Иванова Е. А.
Теоретический аспект применения смертной казни 169

Ивлева А. А.
«Группы смерти» в сети Интернет 174

Карпова Н. А.
Актуальные вопросы правоприменительной практики по уголовным делам
о хищениях денежных средств с банковского счета 177

Карпушкин А. В.
Сравнительный анализ института причинения вреда при задержании лица,
совершившего преступление, стран романо-германской
правовой системы 182

Кельм С. И.
Преступления, совершаемые в сфере ЖКХ,
как угроза экономической безопасности страны 185

Киктенко А. А.
К вопросу о предмете преступления,
предусмотренного п. «г» ч. 3 статьи 158 УК РФ 188

Ковригин В. С.
К вопросу о терминологической согласованности терминов «уничтожение» и «разрушение» как общественно опасных последствий в контексте статьи 215.2 УК РФ 191

Козина А. А.
Сравнительно-правовой анализ ограничения свободы и административного надзора, за лицами освобожденными из мест лишения свободы 194

Корнеев С. А.
Соответствие судимости отдельным принципам уголовного права..... 197

Корниенкова М. Р.
Теоретический аспект уголовно-правовой борьбы с розничной продажей несовершеннолетним алкогольной продукции 200

Котова А. А.
Отдельные вопросы определения объекта преступлений, предусмотренных статьями 191, 192 УК РФ..... 203

Лимарь А. С.
Криминологическая обоснованность создания игорной зоны на территории Республики Крым 206

Матюхина Т. И.
Уголовно-правовая характеристика субъекта мелкого хищения (статья 158.1 УК РФ)..... 210

Меерсон В. Р.
К вопросу об объекте состава преступления в виде дезорганизации функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы, по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь 213

Михайлова Е. В.
Интернет-груминг как форма сексуального насилия над детьми 216

Новиков И. А.
Некоторые вопросы привлечения к уголовной ответственности по статье 200.3 УК РФ 221

Озеров К. И.
Некоторые аспекты противодействия мошенничествам в сфере информационно-телекоммуникационных технологий 223

Поличная Т. Е.
К вопросу о соотношении преступлений в виде нарушения права на свободу совести и вероисповеданий и нарушения равенства прав и свобод человека и гражданина..... 225

Примов Д. Р.
К вопросу о значении объекта самоуправства 229

Сироткина Т. Г.
Актуальные вопросы назначения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия несовершеннолетним за совершение преступлений экстремистской направленности 233

Старостенко Н. И.
Стадии преступной деятельности субъекта, совершающего мошенничества с использованием методов социальной инженерии в сфере информационно-телекоммуникационных технологий 236

Точилкина А. А
Исследование психологии личности при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности 240

Туманов А. С.
Основание криминализации кражи нефти, нефтепродуктов и газа из трубопровода 244

Ушакина Ю. С.
Проблемные вопросы уголовной ответственности за массовые беспорядки 248

Чефранов К. А.
О понятии социально-правового явления эвтаназии 252

Шураев А. А.
Несанкционированные протестные акции 2021 года в поддержку А. Навального, как пример современных деструктивно-информационных технологий вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность 256

Юдакова С. П.
Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия преступности на примере апробации несовершеннолетних преступников 259

Юрченкова Е. С.
Эскроу счет, как «механизм» защиты денежных средств дольщиков от преступных посягательств 264

РАЗДЕЛ IV
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, КРИМИНАЛИСТИКИ И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Агеева А. А.
Личность мигранта в аспекте исследования криминалистической гомологии 267

Алимова А. А.
Трансформация уголовного судопроизводства России
в электронный формат, путем внедрения
информационных технологий 271

Алонцева Е. Ю.
Проблемы доказывания на этапе окончания
предварительного расследования 274

Белов В. Р.
Проблемы ограничения права на неприкосновенность личности
в уголовном процессе в России 277

Бибикова О. В.
Некоторые вопросы применения домашнего ареста в России 280

Богатырев Д. В.
К вопросу о злоупотреблении правом
в уголовном судопроизводстве 287

Васильева Н. А.
Основные тенденции предмета преступного посягательства
в сфере незаконного производства наркотиков 291

Венидиктов М. И.
Актуальность разработки мер противодействия преступлениям,
связанным с незаконной миграцией иностранных граждан 296

Вознюк Е. П.
К вопросу о понятии достаточности доказательств
в уголовном процессе 299

Воронина Н. А., Химичева О. В.
К вопросу о проблемных аспектах прекращения уголовного дела
за примирением сторон в случае смерти потерпевшего 302

Гордеева Е. А., Миргородская Э. Р.
Электронная информация в системе доказательств по уголовному делу:
проблемы правового регулирования 307

Грачева А. С.
Проблемы совершенствования нормативного регулирования мер
попечительного характера, предусмотренных статьей 160 УПК РФ 311

Дорош Е. Ю.
Субъекты уполномоченные на применение мер принуждения
при проведении оперативно-розыскных мероприятий 315

Емельянова А. А.
Законный интерес несовершеннолетнего
подозреваемого, обвиняемого 318

Ендольцева А. А.
Роль суда в досудебном производстве по уголовному делу 322

Казимирова Е. Д.
К вопросу о прекращении процессуального статуса подозреваемого 325

Калачева М. С.
Тактика использования теневого интернета для бесконтактного
распространения поддельных денежных средств или ценных бумаг 328

Кияева Е. Ю.
Оценка заключения эксперта, полученного с использованием
технологий искусственного интеллекта 333

Коглина В. А.
Об интеграции и дифференциации знани
в трасологической экспертизе 337

Комаров М. В.
Перспективы внедрения цифровых технологий
уголовное судопроизводство 340

Котов А. С.
Практика назначения судебной ботанической экспертизы с применением
методов дендрохронологии: проблемы и пути решения 345

Крылова Д. С.
Роль общих условий предварительного расследования в обеспечении прав
и свобод участников уголовного процесса 349

Кулакова А. А.
Исчисление уголовно-процессуальных сроков 353

Лисова А. П.
Презумпция невиновности: отечественная позиция или позиция стран
европейского сообщества 357

Михайлина Ю. В.
К вопросу о причинах, способствующих появлению меры пресечения
в виде запрета определенных действий
в уголовном судопроизводстве России 360

Михайлова Е. Е.
К вопросу изъятия сведений о переписке и иных соединениях граждан,
осуществляемых с использованием мессенджеров 364

Несмиянова И. О.
Особенности использования информационных технологий
при подготовке судебных экспертов 369

Плахота К. С.
Видеоконференцсвязь: настоящее и будущее 371

Поташов М. Р.
О вопросах признания ввозимых лекарственных средств наркотическими средствами 374

Салганский Н. Е., Салганская Д. Д.
Актуальные проблемы установления факта замены листов в многостраничных документах 378

Сидоров Ю. В.
Исторический экскурс института обвинения в России 382

Сорокина И. А.
Момент приобретения участником уголовного судопроизводства процессуального положения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство и его правовые последствия 386

Сумина А. В.
О некоторых вопросах взаимодействия следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при назначении и производстве судебных экспертиз по делам о преступлениях, совершенных с применением метательного стрелкового оружия 390

Тютерева Ю. С.
Актуальные проблемы дистанционного порядка производства по уголовному делу 392

Урывкова А. Е.
Факты отмены прокурором решений об отказе в возбуждении уголовного дела – весомый аргумент в пользу несостоятельности стадии возбуждения уголовного дела? 395

Хиленко А. Ю.
Некоторые особенности проведения судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных нарушениях медицинских работников 401

Черкасова Ю. А.
Неопределенный процессуальный статус статиста в уголовном судопроизводстве: проблемы и перспективы 404

Чернышов А. Г.
Обеспечительные меры в уголовном судопроизводстве как элемент безопасности следственной деятельности 408

Яковлева К. Ю.
Совершенствование процесса собирания доказательств 411

РАЗДЕЛ V
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Васильев М. К.
Правовой анализ коммерческого подкупа 415

Журило П. И.
Влияние реновации жилого фонда в Москве на развитие института права собственности 421

Канаева Ю. А.
О необходимости совершенствования правовых основ, регулирующих порядок реализации прав на получение жилища сотрудниками органов внутренних дел 425

Кузьмичёв А. В.
Роль инвестиционной политики в обеспечении экономической безопасности предприятия 427

Кулешова А. Н.
Преимущества и недостатки типовых контрактов в нефтяной отрасли 431

Кушхова А. А.
Трудовая миграция в России в контексте пандемии COVID-19 436

Малышева Н. А.
Требования справедливости, разумности и соразмерности к решению вопроса о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов 442

Масько С. В.
Утилитарные цифровые права: отдельные подходы к пониманию 445

Петухова М. Р.
Договор счета эскроу и договор условного депонирования: сравнительная характеристика 451

Терентьев А. В.
Современные проблемы раскрытия и противодействия экономическим преступлениям 456

Шаповалов Я. А.
Гражданско-правовые аспекты обеспечения антитеррористической защищенности многоквартирного дома 459

Шашилова С. А.
Налоговый контроль как инструмент противодействия нарушения налогового законодательства в целях обеспечения налоговой безопасности 463

РАЗДЕЛ VI
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ануфриева Д. А.
Внешние и внутренние факторы,
влияющие на имидж сотрудника полиции 467

Башкина Е. В.
Самообладание в структуре психологической безопасности личности
сотрудников полиции..... 469

Гаврилина А. А.
Цифровые технологии в профессиональной деятельности
социального педагога..... 472

Гагарина П. А.
Тиктокеры как молодежная субкультура..... 476

Гарманова О. В.
Значение использования ситуационных заданий
для адаптации сотрудников органов внутренних дел
к условиям служебной деятельности 480

Голубкина А. М.
Домашнее насилие над детьми как социально-педагогическая проблема
современного общества 485

Демидов В. Н
Анализ координационной подготовки сотрудников
правоохранительных органов Российской Федерации 488

Журавлева А. К.
Я-концепция и особенности ее проявления
в профессиональной деятельности сотрудников ОВД..... 492

Зайцев Р. Б.
Система «ПРОСТО» – профиль роста для управления профессиональным
развитием сотрудника оперативного полка ППС 495

Зыков Д. Р.
Совершенствование уровней сознания психики..... 500

Коваленко Е. Е.
Психолого-педагогические аспекты становления развития формирования
стрессоустойчивости в системе учебной подготовки курсантов
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя..... 504

Когутова А. А.
Использование номотетического и идеографического подходов для оценки эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел 508

Костина Е. Ю.
Проявления творческих способностей в составе служебного коллектива сотрудников оперативных подразделений МВД России 511

Кругликова С. А.
Сущность игры в образовательном процессе 514

Кублова М. Г.
Актуальность развития оперативно-розыскной психологии в системе органов внутренних дел 517

Лаврова М. С.
Тренинг саморегуляции как средство профилактики профессионального выгорания психологов органов внутренних дел 521

Левчук Г. А.
Рекомендации по улучшению уровня креативности у курсантов образовательных организаций МВД России в процессе их профессиональной деятельности 524

Мельник-Веденеев Я. Р.
Психические состояние тревожности, фрустрации и депрессии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел недавно принятых на службу 528

Милюкова Ю. Д.
Специфика развития психологической устойчивости к негативным факторам служебной деятельности молодых специалистов органов внутренних дел 532

Михайлова С. Ю.
Специфика психологического консультирования по проблеме личностного роста на примере программы сопровождения обучающихся образовательных организаций МВД России 536

Мышенкова Ю. Ю.
Самостоятельная работа по огневой подготовке обучающихся образовательных организаций МВД России в реализации компетентностного подхода 540

Новосельская С. Р.
Эмпирическое исследование эмоционального компонента образа профессии у курсантов образовательных организаций МВД России 542

Овсянников Н. С.
Значение механизмов защит в процессе учебно-служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя 545

Пешков М. В.
Философско-педагогические особенности процессов самовоспитания личности 550

Пучкова Ю. С.
Диагностика уровня толерантности к неопределенности среды у курсантов Института психологии служебной деятельности 553

Таланова Н. В.
Изучение культуры интернет-пространства как фактор повышения эффективности будущей профессиональной деятельности курсантов 557

Титова М. О.
Пути преодоления профессионального выгорания субъектов правоохранительных органов 559

Фам Вьет Кхоа
Навыки применения методов воздействия на граждан как основные профессиональные навыки участковых уполномоченных полиции 563

Харламова Д. А.
Социально-педагогическая деятельность сотрудников ПДН с детьми из семей иммигрантов 566

Чумакова Д. С.
К вопросу о технологиях распознавания лжи 569

Шукаева Д. Т.
Особенности психологического сопровождения и консультирования сотрудников ОВД, специализирующихся на раскрытии и расследовании киберпреступлений 572

РАЗДЕЛ VII
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Алменбетова Г. Ж.
Правоохранительная деятельность через призму американского опыта 575

Богатырев Д. В.
Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России и Англии 578

Гаврилина А. А.
Ювенальная система правосудия в США и Великобритании 582

Малахов С. А.
Принцип разделения властей
в административном управлении США 585

Милюкова Ю. Д.
Психологический стресс в служебной деятельности
сотрудников полиции 589

Митрофанова О. А.
Правотворческая функция судьи в Соединеннных Штатах Америки 592

Московцева К. А.
Особенности уголовного процесса ФРГ 594

Новосельская С. Р.
Исследование мотивационно-ценностного компонента
образа профессии у курсантов в Китае 597

Плахота К. С.
Цифровая криминалистика (зарубежный опыт) 599

Сироткина Т. Г., Безбородова Л. А.
Уголовная ответственность несовершеннолетних в Германии 603

Шаповалов Я. А.
Некоторые аспекты добросовестности
в имущественном праве Луизианы 606

РАЗДЕЛ I
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Бондарь Н. И.[1],
курсант 581 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Пузырева Ю. В.,***
заместитель начальника кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕЙСТВИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРАВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПРОСТРАНСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Действие уголовного законодательства в пространстве базируется на нескольких основополагающих принципах, таких как, территориальный, гражданства, реальный и универсальный. Данные принципы взаимоисключающие, каждый следующий применяется, если предшествующий не может быть реализован. Основным принципом действия уголовного закона в пространстве является территориальный.

Согласно территориальному принципу, все лица, совершившие уголовно-наказуемые деяния территории нашей страны, в соответствии с ч. 1 ст. 11 УК РФ подлежат уголовной ответственности [2].

Таким образом, действие УК РФ распространяется на всю территорию Российской Федерации[2]. Сухопутная государственная часть территории включает в себя материковую часть государства и острова в пределах Государственной границы Российской Федерации. Водную территорию Российской Федерации составляют территориальные и внутренние морские воды, а также части пограничных рек и озер.

К территориальному морю Российской Федерации относятся прибрежные морские воды шириной 12 морских миль, отмеряемых по постоянному уровню воды, а в случае периодического изменения уровня воды – по линии максимального отлива как на материке, так и на островах, принадлежащих России (ст. 15 и 16 Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ [3])[3].

---

[1] © Бондарь Н. И., 2021.

[2] Согласно Закону Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации», территорией нашей страны является сухопутное, водное и воздушное пространство в пределах Государственной границы Российской Федерации.

[3] Территориальное море Российской Федерации – это морской пояс шириной 12 морских миль, примыкающий к сухопутной территории или внутренним морским водам, определяемых от исходных линий.

Внутренними морскими водами являются воды: морских портов Российской Федерации, ограниченные линией, проходящей через наиболее удаленные в сторону моря точки гидротехнических и других постоянных технических сооружений портов; заливов бухт, губ, а так же лиманов, берега которых принадлежат Российской Федерации, до прямой линии, проведенной от берега к берегу в месте наибольшего отлива, где со стороны моря впервые образуется один или несколько проходов, если ширина каждого из них не превышает 24 морские мили; заливов, бухт, губ, лиманов, морей и проливов с шириной входа и них не более чем 24 морские мили, которые исторически принадлежат Российской Федерации, перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации.

Кроме того, юрисдикция России распространяется на лиц, совершивших преступления на континентальном шельфе Российской Федерации (ч. 2 ст. 11 УК РФ). В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. [1] и Федеральным законом Российской Федерации «О континентальном шельфе Российской Федерации» шельф включает в себя недра и морское дно подводных районов, находящихся за пределами границы территориального моря РФ на всей дистанции естественного продолжения ее сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка. Международное уголовное право, как самостоятельная отрасль, входящая в единую систему международного права, содержит международные правовые нормы и решения международных организаций, устанавливающие преступность деяний и пределы ответственности за их совершение, а также регламентирующих иные вопросы в целях охраны мирового правопорядка [6]. Бесспорно, международное уголовное право оказывает существенное влияние на национальное законодательство, в связи с чем представляет интерес исследование его положений о принципах действия в пространстве. Для определения действия закона в пространстве в международном праве принято использовать термин «юрисдикция», под которым можно понимать компетенцию государственных органов власти в сфере правотворчества и правоприменения. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон определяют юрисдикцию как подведомственность тех или иных гражданских или уголовных дел разным органам судебной власти. Юрисдикция – это деятельность государственных органов, направленная в области правоприменения, а также сферы государственно-правовых полномочий. В научной юридической литературе пространственная юрисдикция классифицируется на территориальную и экстерриториальную. Территориальный принцип юрисдикции означает безусловный приоритет национального права для всех физических и юридических лиц, находящихся в его границах. Данный принцип распространяется на всех лиц, он не зависит от их гражданства. Соблюдать законы этой страны и исполнять указания государственных органов, а также уполномоченных лиц необходимо всем без исключения. Суть экстерриториального принципа юрисдикции состоит в том, что правовые нормы государства распространяют свое действие на общественные отношения, возникающие за его пределами: на территории иностранного государства, в открытых водах или воздушном пространстве, в космосе и в Антарктике. В зависимости от объема применяемых правовых инструментов [5], в науке выделяют полную и ограниченную юрисдикцию. Полная юрисдикция означает

безусловное применение национального права, ограниченная юрисдикция предполагает применение национального права при определенных условиях. Так, например, государство владеет полной юрисдикцией на своей территории, а в отношении своих граждан, находящихся на территории другого государства – юрисдикция ограниченная. Национальное уголовное законодательство государств, а также международное уголовное право призвано обеспечить эффективную охрану наиболее ценных интересов личности, общества, государства, мирового правопорядка в целом [4]. Среди важнейших положений уголовного законодательства можно отметить принципы, определяющие его действие в пространстве, что обуславливает актуальность их научного исследования.

Для консолидации усилий в сфере охраны мирового правопорядка, реализации неотвратимости уголовной ответственности за совершенные конвенционные преступления, а также преступления против мира и безопасности человечества, международное уголовное право базируется на территориальном, реальном и универсальном принципах действия уголовного закона в пространстве, с тенденцией расширения сферы применения последнего.

Список литературы

1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. // Котляров И. И., Пузырева Ю. В // Международное право : сборник документов. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 133–185.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_106699/.

3. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60683/.

4. Ерифа Е. Н., Пузырева Ю. В. Международное сотрудничество в борьбе с транснациональной организованной преступностью: правовые аспекты // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: материалы научно-представительских конференций. Орёл : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 65–70.

5. Попов В. И. Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности, 2020. № 2. С. 19–22.

6. Раков К. А. Социальные основания правопорядка // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 173–176.

Елисеева Е. С.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***К. Е. Сигалов****,*
профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

СЛУЖЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕСПОТИЧЕСКИХ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ДЕСПОТИЧЕСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ

Понятие самодержавия, знакомое нашему государству не понаслышке, уходит корнями к греческому понятию автократии, которая, в свою очередь, плавно раскрывает одну из форм государственного правления, как деспотизм, при котором власть сконцентрирована в руках правителя как своего государства, так и своих подданных.

Согласно словаря терминов и понятий А. М. Лопухова, «деспотия – власть, основанная на древних восточных традициях патриархальности и патернализма, когда государство, вырастающее из общинной организации и использующее общинные устои, отождествляется с обществом и в дальнейшем рассматривается как единая и неделимая вотчина верховного правителя, чья воля, чье решение – закон для многочисленных подданных (членов «семьи-общины») [11, с. 134].

Почему же для российской политики и в принципе государства доминирующее самодержавие стало существенной чертой, переориентировавшей общеевропейский ход становления государства на восточно-деспотический? Однозначного ответа и разъяснения исторической вехи как в истории, так и теории права невозможно найти. Разбираясь в довольно-таки непростом и дискуссионном вопросе, следует начать с ранней истории становления раннеклассовых отношений и государства в целом.

Для начала стоит отметить, что несмотря на взаимовлияние и взаимопроникновение западноевропейских и российских культур Россия прошла свой уникальный путь становления, не пройдя через продолжительную затянувшуюся фазу феодализма.

Рассматривая домонгольских период, власть киевского князя относилась к политике военной демократии и близкой к западноевропейскому вассалитету, предполагающему взаимные обязательства сторон.

Следом же вытекает и считающийся универсальным ответ на вопрос «Почему же Россия пошла в сторону восточной деспотии оставив за спиной западноевропейские вассальные договорные отношения?» Это монгольское нашествие, которое прервало путь развития и отбросило Русь назад и которое, по мнению европейцев, спасло от католического порабощения на русской земле.

---

[1] © Елисеева Е. С., 2021.

Вытеснив вассалитет, появилось подданство, означающее систему отношений, где слуга находился в прямой и безусловной зависимости от господина. Появившееся при Иване III слово «самодержец» несло в себе не только образ правителя, в руках которого заключена неограниченная власть, но и призывы к государственной независимости, которая возрождалась после более двухсотлетнего монголо-татарского ига. Спустя время усиливающаяся нарастающая тенденция в расширении понимания данного понятия станет определяющей в эволюции русского самодержавия, следующей ступенью развития которой станет личность и политика Ивана IV, поддерживающего идею неприкосновенной и священной власти, обличенной в деспотический произвол [1, с. 170].

Тяжело отрицать, что именно тогда уверенно закрепилась повинность (общественная обязанность), возвышенная до уровня полного подчинения и растворения внутри общности, доминирующими моментами становятся принудительность и вынужденная целесообразность. В данном случае речь идет о вытекающем из исторического опыта и уже на тот момент напоминающем восточный деспотизм контроле над обществом и церковью. Итогом явилось установление главенства государства над обществом, политики над общественными делами, государя над подданными в не сравнимой с Европой степени. Во многом на формирование российской политической культуры повлиял общинный коллективный быт, воспитывавших и сопровождающий всю жизнь русских с незапамятных времен [6, с. 119].

Невозможно отрицать, что общинный строй, который просуществовал практически половину нашей истории, а именно десять веков, не мог не влиять на формирование общественного и индивидуального сознания, идеалов и ценностей. Коллективизм общинного быта, являющийся прямой противоположностью европейского индивидуализма, не выделял и не мог выделить отдельно взятого человека из коллектива. Поглощенная миром личность растворяется в общественном бытии, ставя в приоритет общинные интересы, отрицая личное право [10, с. 110].

Для деспотического самодержавия в русском стиле не был характерен развитый вассалитет в отличие от его западноевропейского аналога, при котором переход от вассалитета к государственному подданству, иначе говоря подчинение всех одному сюзерену, не лишал общества приобретенных свобод и привилегий, характерной чертой которых являлась законность. Как отмечал А. Я. Гуревич, вместо тесных «горизонтальных» связей между лицами одинакового статуса преобладали «вертикально» направленные отношения подданных к государю [4, с. 55].

Лукин А. В., Лукин П. В. в своей работе «Умом Россию понимать…» отмечают, что к одним из истоков и первопричин зарождения российского авторитаризма и тоталитаризма следует относить неразвитость или даже отсутствие частной собственности [5, с. 117].

Р. Пайпс пишет, что главное отличие правления западного типа от незападного заключается в расплывчатых границах между суверенитетом и собственностью, отмечая отличие западного политического опыта в наличии частной собственности, не подпадающей под юрисдикцию государственной власти. По

его мнению, довольно с запозданием в России произошло разделение между властью над людьми и властью над собственностью, приняв при этом, довольно несовершенную форму. Россию он причисляет к государствам, в которых властитель является одновременно и сувереном государства, и его собственником [8, с. 348]. Как писал Аристотель в своем сочинении «Политика», что власть государя схожа с властью хозяина над рабами.

Говоря об особенностях русского правопонимания, К. Е. Сигалов отмечает, что всеобщее холопство, которое в процессе стало нормой не только социальной, но и политической жизни в России, особенно характерное в допетровскую эпоху, породило ситуацию, при которой большая часть населения просто не могла, не видела иного состояния, нежели рабское. Состояние несвободы характеризовалось служением, внутренне необходимым для русского человека на протяжении многих веков, осознавая в маргинальной форме свободы свою связь с социумом, полагая себя равным среди равных, что в корне противоположно западной) позиции, при которой собственность – это свобода, а свобода – это собственность. Собственность и люди принадлежали государству, персонифицированному самодержцу.

Признание несвободы и полной зависимости от власти и чужой воли можно назвать основной чертой правосознания русского народа, для которого служение являлось смыслом жизни всех и каждого и для которого право было заменено произволом, а в лучшем случае милостью господина [10, с. 248].

При сравнительно-правовом анализе можно выделить основное отличие России от Запада: неограниченная деспотия власти, отсутствие свободы личности, коллективное право. Россия вплоть до XVIII в. не знала разделения между публичной и частной сферой, а также публичным и частным правом, развивавшемся в Европе старого типа под влиянием римского права.

Подводя небольшие итоги и выводы при рассмотрении аспектов становления деспотического самодержавия в России, необходимо уделить внимание переходу от вассалитета к подданству. Являясь преемником военной демократии, вассалитет на Руси был обусловлен княжеско-дружинными отношениями, что отражено в «Повести временных лет». В XV–XVI вв. происходит постепенное исчезновение вассалитета в государстве и господство отношений по принципу государь – холоп. Но гарантий против произвола монарха и возможности классу феодалов сохранить свои политические права и привилегии данный переход не дал. Типологически русский вариант деспотического самодержавия близок византийскому, в котором также не было развитого вассалитета. К основным причинам перехода к подданству стоит носить татаро-монгольское иго, при котором зависимость уже являлось ростком подданства и деспотии, а также гибель в ходе ордынского нашествия основной массы дружинников.

Затем политическое объединение русских земель и централизация государства окончательно утвердили власть великого князя как государя, что, в свою очередь, привело к изменению социального положения подданных в холопов.

Список литературы

1. Божко Н. В. Традиции политической власти в России // Вестник Воронежского института высоких технологий. 2019. № 1 (28). С. 169–172.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1964. С. 199.
3. Тихомиров М. Н. Российское государство XV–XVII вв. М., 1973. 327 с.
4. Кобрин В. Б., Юрганов А. Л. Становление деспотического самодержавия в Средневековой Руси (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 4. С. 54–64.
5. Лукин А. В., Лукин П. В. Умом Россию понимать: Постсоветская политическая культура и отечественная история. М. : Весь мир, 2015. 384 с.
6. Малахов В. П. Философия права. М .: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 447 с.
7. Медушевская Н. Ф., Сигалов К. Е. Условия формирования гражданского общества в контексте пространственно-временных факторов // Пространство и Время. 2015. № 3(21). С. 32–40.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М. : Независимая газета, 1993. 424 с.
9. Семитко А. П. Русская правовая культура: мифологические и социально-экономические истоки и предпосылки // Государство и право. 1992. № 10. С. 108–113.
10. Сигалов К. Е., Прокуратов А. А. Среда права и особенности русского правопонимания в контексте исторических эпох // Право и образование. 2005. № 4. С. 246–259.
11. Словарь терминов и понятий по обществознанию / [сост. А. М. Лопухов]. 7-е изд., переб. и доп. М., 2013. 216 с.

Ерифа Е. Н.[1]*,*
курсант 571 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Пузырева Ю. В.****,*
заместитель начальника кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

За последние десятилетия список преступных действий, ставших возможными благодаря широкому использованию компьютеров, вырос в геометрической прогрессии и включает в себя распространение компьютерных вирусов, сетевое вторжение, кражу личных данных и даже электронное запугивание, преследование и терроризм. Эволюция технологий и растущая доступность интеллектуальных технологий привели к тому, что в домах пользователей появилось множество точек доступа, которыми могут воспользоваться хакеры.

В то время как правоохранительные органы пытаются решить возникшую проблему, число преступников продолжает расти, пользуясь анонимностью Интернета. В связи с этим, стремление к всестороннему предотвращению, выявлению и расследованию преступлений в кибер сфере закрепилось за различными Международными организациями, такими как Интерпол, Европол, ООН, Совет Европы, ШОС, ЕАЭС, СНГ и другими, целью которых является межгосударственное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с международной преступностью.

За последние пять лет организации расширили круг соратников и разработали свою систему обучения сотрудников, которая позволяет обмениваться опытом с государствами-членами и способствует снижению преступности.

Международная организация уголовной полиции Интерпол представляет собой крупнейшую полицейскую организацию в мире [6, с. 173–174]. В число ее партнеров по киберпреступности входят Европол, СНГ, ООН, «Лаборатория Касперского», Group-IB и другие международные партнеры, обмен данными с которыми способствует точной и слаженной работе в решении возникшей проблемы [3, с. 128–131].

В ответ на киберугрозы международное сообщество предприняло действия по укреплению национального потенциала правоохранительных органов и содействию международному сотрудничеству в области киберпреступности – это создание Глобальной программы Интерпола по киберпреступности и Инновационного центра в Сингапуре, Европейского центра по киберпреступности Европола и Совместной целевой группы по борьбе с киберпреступностью,

---

[1] © Ерифа Е. Н., 2021.

а также Межправительственной группы экспертов открытого состава Организации Объединенных Наций по киберпреступности и Будапештской конвенции Совета Европы.

Но одним из многообещающих подходов в объединении различных заинтересованных сторон в рамках совместного сотрудничества для достижения общей цели заключается в создании Альянса на примере Национального Альянса кибербезопасности (NCSA), Международного альянса обеспечения кибербезопасности (ICSPA).

На Ежегодном совещании Всемирного экономического форума по кибербезопасности лидеры государственного и частного секторов изучали новые вызовы, которые представляет собой киберпреступность. Признавая значительные усилия, предпринимаемые как государственным, так и частным секторами, участники дискуссии также подчеркнули ряд препятствий на пути сотрудничества [4, с. 321–325].

Глобальный альянс мог бы использовать платформу, предоставленную Всемирным экономическим форумом в партнерстве с Интерполом, Альянсом по киберугрозам и другими ведущими субъектами, чтобы обеспечить нейтральную и беспристрастную среду для развития сотрудничества между государственным и частным секторами в области кибератак.

Партнерами станут компании по осуществлению кибербезопасности, технологические компании, поставщики услуг и международные корпорации, группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности, международные организации, сообщества обмена информацией, альянсы, ориентированные на конкретные действия, и другие некоммерческие группы. Альянс будет дополнять и укреплять существующие партнерские отношения, а не заменять или дублировать существующие усилия.

Киберпреступность бросила беспрецедентный вызов полицейскому потенциалу, требуя расширения сотрудничества между государствами и эффективного расследования [1, с. 167].

Разочарования в традиционных инструментах, имеющихся в распоряжении правоохранительных органов способствовали созданию J-CAT – первой физической, совместно расположенной и постоянно действующей целевой группе по киберпреступности, состоящей из специалистов по киберпреступности и заинтересованных государств-членов, партнеров правоохранительных органов, не входящих в ЕС и Европейский Центр киберпреступности Европола.

Как и Интерпол, J-CAT активно сотрудничает с Международной ассоциацией воздушного транспорта, Европейской банковской федерацией (EBF), различными авиакомпаниями, университетами, IT-компаниями, такими как Microsoft, Symantec и Anubis Networks.

JCAT уделяет приоритетное внимание совместным расследованиям некоторых из самых отвратительных интернет-преступлений, включая сексуальную эксплуатацию несовершеннолетних в Интернете, ботнеты и кражи личных данных. В результате получается эффективная платформа для трансграничного сотрудничества и координации международных расследований с партнерами,

максимизирующая эффективность международных совместных действий против киберугроз и главных целей.

В состав J-CAT входит 9 государств-членов ЕС: Австрия, Франция, Германия, Италия, Нидерланды, Румыния, Польша, Швеция и Испания, которая представлена двумя агентствами: Национальной полицией и Гражданской гвардией. А также, 7 стран-партнеров, не входящих в ЕС: Австралия, Канада, Колумбия, Норвегия, Швейцария, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты, которые представлены двумя агентствами: Федеральным бюро расследований и Секретной службой [6].

Государства-члены J-CAT заявили о важности, которую они придают ограниченному членству в целях поддержания надежного обмена разведывательными данными. Ценность небольшой группы членов подтверждается многочисленными успехами, достигнутыми с момента ее создания.

J-CAT признает ценность работы с академическими кругами, а также надеется, что, предоставляя информацию и данные, собранные в ходе крупномасштабных операций, ученые разработают новые методы раскрытия IT-преступлений, выявления преступников и сбора доказательств. Сосредоточившись на угрозе и создав эффективные способы расследования, J-CAT сможет лучше справиться с проблемами, связанными с анонимностью киберпреступности.

При разработке J-CAT, было признано, что установление и поддержание доверия между партнерами при сохранении возможности преследовать нарушителей в государствах, не являющихся членами, имеет первостепенное значение. Когда государства не доверяют друг другу, они менее склонны делиться развед-данными, что серьезно ограничивает способность правоохранительных органов проводить расследования.

Еще одним интересным направлением сотрудничества является использование искусственного интеллекта для нахождения киберпреступников, что имеет самое высокое существование в этом столетии. В связи с чем каждая страна конкурирует за создание одной из машин, которая сможет заменить положение людей в определенных секторах.

Система искусственного интеллекта направлена на то, чтобы демонстрировать, по крайней мере, некоторые из следующих видов поведения, связанных с человеческим интеллектом, например, обучение, планирование, решение проблем, восприятие, движение, манипулирование, творчество, социальный интеллект и многое другое. Что может сделать человек, также может сделать один из примеров искусственного интеллекта – это SIRI, приложение в Apple.

Существование двух широких типов искусственного интеллекта: узкого и общего, уже подтверждает преобладание технологий над человеком как в решении узко-направленных задач, так и общих. А вот опасности и правовые проблемы, которые таит в себе их применение на практике, заслуживает более подробного анализа [2, с. 69]. Киберпреступность может нарушать интересы как государства, так и отдельного человека [5, с. 369–378]. Искусственный интеллект, не осознавая всю серьезность передачи данных преступникам может стать еще одним автономным оружием в эпоху Интернета. Например, между Европейским Союзом и Соединенными Штатами было заключено соглашение о защите данных, однако

гражданин Австрии пожаловался, что данные в Facebook были недостаточно защищены из-за того, что слежка правительства США была раскрыта Эдвардом Сноуденом. В связи с чем Европейский суд отменил принципы безопасной гавани. В тоже время, если искусственный интеллект располагает данными об обвиняемом, не спрашивая его, он способен распознать лицо и голос, после чего передать данные правоохранительным органам.

Так деятельность различных международных организаций идеально подходит для работы с правоохранительными органами по всему миру в целях укрепления их способности предотвращать преступления, выявлять и арестовывать преступников. Партнерские отношения с другими региональными организациями укрепляют комбинированный подход к решению общих проблем, а искусственный интеллект может быть инструментом для решения проблемы киберпреступности.

Список литературы

1. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий. М. : ИНФРА-М, 2020. 92 с.

2. Кашкин С. Ю., Покровский А. В. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском Союзе // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 4. С. 69–74.

3. Мысина А. И. Сотрудничество государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий на платформе глобального комплекса инноваций Интерпола // Вестник экономической безопасности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2020. № 2. С. 128–131.

4. Шестак В. А., Савенкова П. Г. Роль Международной организации уголовной полиции (Интерпол) в расследовании цифровых преступлений // Журнал Образование и право. 2020. № 10. С. 321–325.

5. Якимова Е. М., Нарутто С. В. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2016. Т. 10. № 2. С. 369–378.

6. Пузырева Ю. В. Укрепление международного полицейского сотрудничества в свете вызовов и угроз со стороны транснациональной организованной преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 6. С. 173–176.

Жукова О. И.[1]*,*
слушатель 561 учебного взвода международно-правовой факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***М. М. Алексеева****,*
доцент кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО БОРЬБЕ С ГЕНОЦИДОМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Несмотря на международно-правовые меры, принимаемые международным сообществом в ходе сотрудничества государств и международных организаций, начиная с 1948 года, геноцид на современном этапе, на наш взгляд, представляет собой одно из наиболее тяжких, общественно опасных и противоправных преступлений, посягающих на базовые права человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1] и иных актах международно-правового характера в данной сфере, а также на мир и международную безопасность в целом.

В частности, на современном этапе, начиная с 2016 года вооруженные силы и полиция Мьянмы совершали противозаконные действия в отношении мусульманского народа рохинджа в штате Ракхайн, которые, в свою очередь, по всем признакам, указанным в статье 2 Конвенции 1948 г. [2], могут быть квалифицированы как геноцид. Власти Мьянмы обвиняются в повсеместных нарушениях прав и свобод человека, которые выражаются в массовых казнях, групповых изнасилованиях, поджогах населенных пунктов, в которых проживают представители народа рохинджа, а также детоубийствах. Около 740 тыс. человек сбежали в граничащий с Мьянмой Бангладеш.

Однако власти отказывались признавать данный факт – опровергали обвинения в геноциде. Именно поэтому министр иностранных дел Гамбии Абубакар Тамбаду подал иск при поддержке иных мусульманских государств в Международный уголовный суд (далее – МУС), который признал право народа рохинджа на защиту от геноцида. На правительство Мьянмы наложили обязательства по принятию всех возможных мер, направленных на защиту народа.

Для наиболее полного понимания сложившейся ситуации, на наш взгляд, необходимо разобраться в теоретических аспектах геноцида в современном международном праве. Этимология термина «геноцид» довольно неоднозначна. Вероятнее всего, оно произошло от греческого слова «genos», которое обозначает народ или племя и латинского слова «caedere», которое, в свою очередь, является глаголом и имеет значение убивать/истреблять. Однако в Конвенции 1948 г. [2] закреплено также религиозное единство группы, в отношении которой может быть совершен геноцид. Это позволяет трактовать геноцид, как преступление против группы лиц, представляющих собой некую общность по происхождению и принадлежности их к определенной социальной или биологической группе.

---

[1] © Жукова О. И., 2021.

Представляется возможным отметить, что конвенционное понятие геноцида было закреплено в международном праве относительно недавно – в середине XX в. После событий, произошедших в Османской империи (геноцид армян 1915–1923 гг.) и зверств нацистов в отношении евреев, поляков и иных категорий лиц, перед международным сообществом стояла задача по разработке и принятию единого универсального международно-правового акта, на основании которого должно было сформироваться международное сотрудничество государств и международных организаций по противодействию геноциду, квалификации данного преступления в целом и основы привлечения к международной уголовной ответственности виновных лиц в совершении геноцида. Таким актом стала Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 г. [2], которая закрепила конвенционное понятие геноцида, на основании которого государства сформулировали свои определения, содержащиеся в национальной законодательной базе – в частности, в уголовных кодексах.

На наш взгляд, одним из важных шагов в становлении и формировании международного сотрудничества по противодействию геноциду в том виде, в котором оно существует на современном этапе, является принятие и подписание государствами Конвенции о неприменимости срока исковой давности в 1968 г. [3]. Указанный акт международно-правового характера закрепил основные положения, в соответствии с которыми срок исковой давности не применяется к военным преступлениям и преступлением против человечества, в состав которых, на основе п. b статьи 1 данной Конвенции, входит геноцид. Указанная Конвенция также закрепляет положения, в которых установлено, что государства, подписавшие ее, обязаны не создавать препятствий для выдачи лиц, виновных в совершении данной категории преступлений, а также должны привести свою национальную законодательную базу к стандартам, установленным в Конвенции для унификации подхода к пониманию геноцида и реализации правосудия за него, так как несмотря на возможность судебного разбирательства на международном (универсальном) уровне, данные дела по большей степени рассматриваются именно в национальных судах.

В случае возникновения разногласий между национальным законодательством и международно-правовой базой, государства могут призвать на помощь инстанции и суды, отвечающие за контроль над законностью, а также привлечь ряд международных организаций, которые приняли указанную Конвенцию 1968 г. – ООН, Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) и иные.

Аналогичное положение о неприменении срока исковой давности к ряду преступлений, к которым относится и геноцид, содержится в Римском статуте Международного уголовного суда (далее – МУС).

Важную роль в становлении международного сотрудничества по противодействию геноциду сыграл Римский статут МУС [4], который закрепил не только основополагающие, фундаментальные основы функционирования Международного уголовного суда – принципы деятельности, перечень подсудных дел, положения о судьях и т.д.; но и определения основных преступлений, входящих

в перечень международных – понятия, список действий, составляющих указанные преступления, а также положение о субъектах.

В целом, МУС выступает инновационным амбициозным проектом в сфере международного сотрудничества, касающегося соблюдения и реализации прав человека на современном этапе. Представляется возможным отметить, что помимо ряда нововведений, которые были привнесены в международно-правовую систему права в связи с принятием Римского Статута, МУС также полномочен рассматривать дела, в которых государство совершило преступления, попадающие под юрисдикцию Суда, в отношении своих граждан. Основной проблемой МУС на современном этапе является отказ подписавших Римский статут государств ратифицировать данный акт (в том числе это характерно и для России). Этот факт обуславливается, на наш взгляд, тем, что страны боятся подрыва суверенитета и авторитета государства перед своими гражданами (так, например, может начаться уголовное преследование главы государства или значимого должностного лица со стороны МУС). К тому же юрисдикция МУС распространяется только на представителей государств, ратифицировавших Статут.

Несмотря на то, что МУС на международной арене функционирует относительно недавно, уже существуют результаты его деятельности. До создания Римского статута и МУС в целом, существовали негласные положения, в соответствии с которыми к главам государств должны быть применены иные санкции, и они не могут быть привлечены к международной уголовной ответственности. Необходимо отметить, что в целом, применение санкций к главе государства резко снижает шансы на мирное урегулирование того или иного международного конфликта.

Однако в случае с геноцидом, ситуация складывается иным путем. Главы государств, которые проводили политику геноцида в своем государстве, теряют авторитет и легитимность как среди населения, так и среди мирового сообщества в целом.

Организация Объединенных Наций (далее – ООН), созданная в 1945 г., является главным координатором международного сотрудничества государств на современном этапе. Одним из актуальных направлений на международном уровне, является предупреждение геноцида. В частности, важную роль сыграла Резолюция 60/7, принятая на шестидесятой сессии Генеральной Ассамблеи – она закрепила понятие «Холокост» и ввела ежегодный Международный день памяти жертв, пострадавших от него – 27 января. К тому же, данная резолюция содержала призыв к государствам-членам ООН создать просветительские программы в целях недопущения повторения геноцида в целом, а также для сохранения будущими поколениями памяти о данных событиях. Также Департаментом общественной информации ООН была учреждена программа «Холокост и ООН». Помимо ООН, вопросами освещения геноцида занимается ЮНЕСКО посредством создания образовательных программ, направленных на недопущение повторения указанных событий.

Необходимо отметить, что деятельность ООН по данному направлению носит преимущественно просветительский характер и является ответом на события, произошедшие в XX в. К сожалению, как показывает практика, геноцид

остается актуальным международным преступлением и на сегодняшний день – об этом свидетельствуют события, происходящие в Мьянме. Однако на современном этапе практически не существует реальных действенных программ, направленных на предупреждение геноцида в будущем. Предполагаем, что на современном этапе необходима разработка нового международно-правового акта, направленного на комплексное противодействие геноциду как международному преступлению, которое, в первую очередь, будет включать действенные меры (не только образовательного и просветительского характера), направленные на предотвращение геноцида в будущем.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него от 9 декабря 1948 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.

3. Конвенция о неприменимости срока исковой давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. // Официальный сайт Организации Объединённых Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/warcrimes_limit.shtml.

4. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute (r).pdf.

Захарова А. Д.[1]**,**
курсант 571 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Пузырева Ю. В.,***
заместитель начальника кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНЫМИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, НАПРАВЛЕННЫМИ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Технологический прогресс, произошедший в конце XX века, значительно изменил общественное устройство. Компьютерные технология дошли до всех уголков земного шара, становясь неотъемлемой частью общества. Государства совершенствуют свои информационно-телекоммуникационные технологии в различных сферах, происходит перевод государственных учреждений на новый уровень, меняется уклад в жизни многих организаций, а также физических лиц. Развитие информационных технологий вызвало появление нового вида преступления, именуемого «киберпреступностью». Действия киберпреступников являются весьма обширными и посягают на права различных слоёв населения.

В условиях постоянной информатизации общества, расширения технологического пространства, а также с увеличением роли информационно-телекоммуникационных сетей, угроза в Интернет-пространстве приобрела новые направления деятельности, в том числе это касается преступных действий по сексуальной эксплуатации людей. Это угроза непосредственно исходит от преступных групп – киберпреступников, совершающих свои противоправные действия в информационных сетях и посягающих на различные личные права, в том числе направление на насильственные действия [7, с. 65–67].

В настоящее время, в особенности с введением карантинных мероприятий в мире, действия киберпреступников приобрели особо острый характер, в особенности это касается такой незащищённой группы населения как дети, которые в условиях информатизации стали более уязвимыми и незащищенными. Проблема совершенствования международного сотрудничества в области борьбы киберпреступностью, в том числе, способствующая совершения преступных действий направленных на сексуальную эксплуатацию лиц, в настоящее время является одной из наиболее актуальных тем в деятельности правоохранительных органов [8]. Скрытность лица, ощущение безнаказанности приводит к особой жестокости преступных лиц. Одними из примеров данной жестокости и чувства полной свободы преступных действий могут выступать действия по организации

[1] © Захарова А. Д., 2021.

преступниками киберсекс-притонов, которые транслируют действия сексуального насилия над несовершеннолетними и малолетними лицами в прямой трансляции.

Говоря о сексуальном насилии над детьми, следует отметить крайне сложную и опасную тенденцию: достаточно большое количество преступных действий направлены на очень маленьких детей и даже младенцев, вследствие чего пред правоохранительными органами встают задачи по розыску преступных лиц, совершающих сексуальное насилие, определению лиц, передавших или продавших детей для сексуальных эксплуатаций, а также по розыску малолетних жертв и оказанию им немедленной психологической помощи. Преступные группировки в Интернет-пространстве обладают транснациональным характером, из-за этого малолетние жертвы часто оказываются гражданами другого государства или вообще незарегистрированными гражданами, в связи с этим возникают международные проблемы, связанные с определением гражданства малолетнего лица, а также оказанию ему достойной психологической и медицинской помощи. Для наиболее детального изучения жертв киберпреступников, чьи деяния направлены против половой свободы несовершеннолетнего в Интернет-пространстве, можно обратиться к случайной выборке видео- и фотоизображений в базе данных ICSE. Отметим, что в 2018 году, на основе базы данных данной системы, Интерполом и ECPAT International был опубликован совместный отчёт по характеристикам жертв, пострадавших от преступных посягательств, озаглавленный «На пути к глобальном показателю неустановленных жертв в материалах сексуальной эксплуатации детей». В ходе исследования были выявлены тревожные тенденции. Одна из них представляет тот факт, что чем младше жертва насилия, тем более жестокое обращение с ней предпринимают преступники; 84 % изображений и видео материала содержат откровенную сексуальную активность; более 60% неопознанных жертв были в препубертатном возрасте, включая младенцев и детей младшей ясельной группы; 65 % лиц были женского пола; на изображениях жестокого насилия чаще всего изображались мальчики; 92 % правонарушителей были лица мужского пола [1, 2, 3].

Несовершеннолетние лица, ставшие объектом преступного посягательства, подвергаются риску стать жертвами нескольких особо тяжких преступлений. Так, в случае с преступлениями, связанными с половой неприкосновенностью несовершеннолетних и малолетних лиц, то помимо сексуальных домогательств, киберпреступники часто снимают и продают порнографические материалы в Интернет-пространстве, нередки случаи, продажи несовершеннолетних лиц с целью эксплуатации, которая включает в себя как принуждение к занятию проституцией, так и любые другие формы сексуальной эксплуатации, а также использование детского труда или услуг [4].

Рассматривая виды преступного посягательства на личные права детей, необходимо выделить, преступления международного характера, направленные на торговлю детьми, которые в большинстве своём имеют конечную цель, в создании благоприятных преступных условий, направленных на реализацию сексуальной эксплуатации детей [5]. Торговля детьми через информационное пространство, в частности через сервисы «темного и глубинного Интернета»,

значительно облегчают этапы подготовки к совершению преступного посягательства, а также делают данный процесс наиболее доступным. Преступные посягательства, направленные на личные права детей в информационном пространстве, являются высоко латентными, транснациональными преступными деяниями, совершающиеся организованными группами. Вследствие чего, данный вид преступности, достаточно остро ставится перед международным сообществом, а также перед государственными органами различных государств. Помимо вышеперечисленных международных документов, затрагивающих личные права детей, преступными посягательствами киберпреступниками, вопросами по недопущению фактов продажи детей, рассматриваются в различных международных актах, одними из основополагающих являются: Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года, Факультативный протокол к Конвенции о правах ребёнка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии 2002 г. Преступные посягательства характеризуется следующими факторами, преступные действия совершаются на просторах тёмного или глубинного Интернета, с переводом денежных средств на электронные счета, не попадающие под контроль государственных органов, в частности криптосчета. Наиболее часто такие преступные действия осуществляются в среде мигрантов, а также лиц находящихся, в пределах крайней нищеты. Отметим, что по данным, предоставленным Российской Федерации, в связи с запросом Специального докладчика Совета ООН, по правам человека, было выявлено, что наиболее уязвимой возрастной категорией для торговли, являются дети в возрасте от рождения до одного года. В данном докладе также отмечается, что действия по продаже детей, чаще всего осуществляются родителями, или близким кругом взаимодействия с ребенком, однако нередки случаи похищения и контрабанды ребёнка [6].

Подводя итог, отметим, преступления международного характера, направленные на личные права детей в информационных технологиях, представляют собой действия организованных преступных групп, носящие транснациональный характер, отличающихся высокой степенью скрытности за информационными кодами. К таким киберпреступным деяниям, в частности, относятся, действия, направленные на торговлю детьми в информационно-телекоммуникационных сетях, с целью сексуальной эксплуатации несовершеннолетних лиц, в том числе вовлечение в проституцию. Данные преступления международного характера представляют собой тяжкие или особо тяжкие преступные действия, направленные на личные права человека, в особенности можно выделить детей, для осуществления, необходимо формирование национальных законодательств и постоянное международное сотрудничество.

Список литературы

1. International Child Sexual Exploitation database. Report // INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/Crimes/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database (дата обращения: 15.06.2021).

2. International-Child-Sexual-Exploitation-database International Child Sexual Exploitation database // INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/Crimes/Crimes-against-children/International-Child-Sexual-Exploitation-database (дата обращения: 15.06.2021).

3. COVID19 – Child Sexual Exploitation and Abuse threats and trends. Report // INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-highlights-impact-of-COVID-19-on-child-sexual-abuse (дата обращения: 15.06.2021).

4. Лебединец И. Н. Международно-правовые основы сотрудничества государств в борьбе с торговлей женщинами и детьми // Актуальные проблемы российского права 2016. № 11. С. 186–195.

5. Блатова Т. М., Мелков Г. М. Конвенция о правах ребенка 1989 г. // Международное право : сборник документов. М. : РИОР. С. 50–52.

6. Информация Российской Федерации в ответ на запрос специального докладчика Совета ООН по правам человека по вопросу о торговле детьми, детской проституции и детской порнографии по теме «Торговля детьми и их сексуальная эксплуатация, включая проституцию, порнографию и другие виды насилия» (г. Женева, 17 октября 2019 г.) // Управлению Верховного комиссара ООН по правам человека. URL: https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Children/Submissions/Russia.pdf (дата обращения: 15.06.2021).

7. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий. М. : ИНФРА-М, 2020. 92 с.

8. Раков К. А. Социальные основания правопорядка // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 173–176.

Иванов Д. В.[1]**,**
соискатель кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НОРМАТИВНЫЕ ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕДИЦИНСКИХ ВЫТРЕЗВИТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ: ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ

Передавая в конце 1939 г., созданные еще в начале 1930-х гг. в крупных городах наркоприемники, из системы Наркомздрава СССР в ведение НКВД СССР, Совета Народных Комисаров Союза ССР, помимо оказания ими помощи тем, кто в состоянии опьянения утратил способность самостоятельно ориентироваться в окружающей обстановке, наделял их ещё и задачей непосредственного участия в охране общественного порядка и борьбе с преступностью [1, с. 267–268]. Учитывалось также, что данный контингент нередко и сам подвергался преступному воздействию со стороны, получал травмы и увечья. К середине 1980-х гг. в органах внутренних дел на местах был накоплен значительный опыт правоотношений не только в сфере организации медвытрезвителей, но и в их участии в борьбе с пьянством и алкоголизмом. Вместе с этим проявились и отдельные проблемы, заметно влияющие на полноту и эффективность данных правоотношений [2, с. 247].

Во второй половине 1980-х гг. деятельность медвытрезвителей, находящихся в структуре органов внутренних дел, претерпела заметные изменения, повлиявшие в том числе и на результативность борьбы с пьянством и укрепление общественного порядка в регионах. Так, в Ленинграде в этот период коренного перелома в преодолении пьянства и вызванного им роста преступности не произошло. Вплоть до начала 1990-х гг. город занимал одно из первых мест в стране по употреблению крепкого алкоголя на душу населения и уровню «пьяной» преступности. Деятельность Отдела по руководству медвытрезвителями при ГУВД Леноблгорисполкомов постоянно подвергалась критической оценке, как со стороны прокуратуры, так и МВД СССР и МВД РСФСР.

Контролирующие и надзирающие органы не раз отмечали в эти годы, что для результативной деятельности медвытрезвителей в Ленинграде были созданы все необходимые условия и предпосылки. Анализ архивных материалов в основном подтвердил эти утверждения.

Во-первых, деятельность медвытрезвителей города опиралась на прочную законодательную базу, существенно дополненную указом Президиума ВС СССР от 16 мая 1985 г. «Об усилении борьбы с пьянством» [3], а также указом Президиума ВС РСФСР № 398 – XI от 16 мая 1985 г. и постановлением СМ СССР № 410 от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения» [4].

На их основании МВД СССР внесло существенные изменения в ранее изданные нормативные документы, рекомендовало МВД, ГУВД, УВД республик, краев и областей внести необходимые коррективы и перемены как оргштатного, струк-

[1] © Иванов Д. В., 2021.

турного порядка, так и организационно-управленческого характера (планы, методические указания и др.). Изданный 28 мая 1985 г. приказ МВД СССР № 180 объявлял не только принятые указы и постановления высших органов власти и управления страны, но и подводил итоги деятельности территориальных ОВД по руководству медвытрезвителями и участию в борьбе с пьянством и нарушениями антиалкогольного законодательства в регионах [5]. В ГУВД Леноблгорисполкомов, в частности, был подготовлен «План основных организационных мероприятий ГУВД Леноблгорисполкомов, по выполнению постановлений ЦК КПСС, СМ СССР и требований приказа МВД СССР о мерах по преодолению пьянства и алкоголизма на 1985–1987 гг.».

Помимо этого, с 30 мая 1985 г. в действие вступили, утвержденные приказом МВД СССР и Минздравом СССР, Положение о медицинском вытрезвителе при горрайоргане внутренних дел и Инструкция по оказанию медицинской помощи лицам, доставляемым в медицинский вытрезвитель. Не прояснённые до конца, но важные для деятельности вытрезвителей понятия «крепкие спиртные напитки» и «появление в общественных местах в пьяном виде, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность» были подробно истолкованы и разъяснены п. п. 4 и 7 постановления Президиума ВС СССР № 3320 – XI от 30 сентября 1985 г. «О порядке применения указа Президиума ВС СССР от 16 мая 1985 г.» «Об усилении борьбы с пьянством» [6]. Постановление предписывало сотрудникам ОВД помещать в медвытрезвитель лиц, «находящихся в общественных местах в средней или тяжелой степени опьянения, если они утратили способность самостоятельно передвигаться либо могут причинить вред окружающим или себе» [7].

Во-вторых, в Ленинграде еще осенью 1966 г. (по решению Исполкома Ленгорсовета № 769 от 20 августа) медвытрезвители были созданы во всех районах города. Со временем их число с 20 в 1969 г. возросло до 39 в 1972 г. [8]. Увеличилось и число койко-мест с 777 в 1969 г. до 1000 в 1972 г. Помещения вытрезвителей в основном соответствовали требованиям МВД СССР и Минздрава СССР. Поддержание их в порядке во многом определялось «доходами» вытрезвителей, отчисляемых в местный бюджет.

В-третьих, в городе к середине 1980-х гг. уже сложилась в целом стройная система управления медвытрезвителями, имелись подготовленные кадры и вспомогательный персонал, соответствующая техника и оборудование. В том же 1972 г. в Ленинграде функционировало 94 экипажа спецмедслужбы Особого дивизиона. Работой вытрезвителей руководила Служба (с 1975 г. – Отдел) медвытрезвителей при УВД Леноблгорисполкомов. Штатная численность сотрудников во второй половине 1980-х гг. колебалась от 1 тыс. до 1,2 тыс. чел. [9]. Руководящий состав медвытрезвителей города назначался, как правило, с опытом работы «на земле» и был подготовлен в том числе к оперативной деятельности, взаимодействию со всеми службами милиции.

Вместе с тем во второй половине 1980-х гг. службе медицинских вытрезвителей Ленинграда так и не удалось преодолеть некоторые существенные проблемы, отражавшиеся на показателях борьбы с преступностью в городе. Отдельные из них носили определяющий характер.

Прежде всего, Отделу по руководству в ГУВД, и самим медвытрезвителям на территории районов, так и не удалось реализовать ключевое требование МВД СССР и прокуратуры города по организации комплексной профилактики пьянства, совместно со всеми заинтересованными службами и органами района. Вытрезвители, по оценкам местного руководства, превратились, по сути, в некие «отстойники», «мусоросборники» и не более, которые к тому же были вечными должниками местному бюджету. К примеру, все вытрезвители Ленинграда на апрель 1988 г. «задолжали» местному бюджету почти 235,5 тыс. руб. [10]. И это при том, что за 1985–1988 гг. с улиц города было поднято в состоянии сильного опьянения более 846 тыс. чел., из которых свыше 790 тыс. чел. содержались в медвытрезвителях [11].

«Преуспевающие» в резких оценках деятельности вытрезвителей органы прокуратуры, на деле слабо взаимодействовали с ними, а многие представления, подготовленные руководством Отдела, да и самим ГУВД Леноблгорисполкома, в адрес местных исполкомов и руководителей предприятий и учреждений, остались без внимания и реакции. Между тем, только по линии уголовного розыска в Ленинграде за 1985 г. было зарегистрировано более 32 тыс. преступлений, из которых 10,2 тыс. (т. е. каждое 3-е) было совершено в состоянии опьянения [12].

В приказе по ГУВД Леноблгорисполкома № 305 от 20 августа 1990 г. генерал Г.П. Вощинин констатировал осложнение ситуации вокруг взыскания выплаты с лиц, побывавших в вытрезвителях города и прогнозировал возможную приостановку их деятельности [13]. Органы внутренних дел города и здесь оказались один на один с проблемой, от решения которой зависел общий уровень криминальной обстановки.

Видимо, чтобы хоть как-то снять остроту проблемы с задолженностями в местный бюджет вытрезвителями города, мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак своим распоряжением № 561-р от 30 октября 1991 г. передавал здание медвытрезвителя при Выборгском РУВД в ведение Петербургской епархии, а затраченные на капремонт здания денежные суммы в размере 74,3 тыс. руб. должны были быть взысканы с нее в городскую казну [14].

Последовавшее вскоре резкое снижение норм расхода медикаментов на доставленных в вытрезвитель, «веерные» отключения от них электроэнергии, воды и тепла поставили перед ОВД города вопрос о свертывании деятельности медвытрезвителей, что и произошло в ближайшие два–три года. За всю историю медицинских вытрезвителей в Ленинграде, они организованно закрывались только в период блокады, и то с весны 1942 г. Тогда, 20 марта приказом УНКВД по Ленинградской области № 16 из-за «нецелесообразности их полного содержания…», временно расформировались медвытрезвители № 2, 3 и 4. В штатах УНКВД ЛО оставался до января 1943 г. только один медвытрезвитель милиции № 1. Одновременно расформировалось 4-е отделение Отдела службы и боевой подготовки УРКМ г. Ленинграда, обслуживавшее медвытрезвители города. В штате медвытрезвителя милиции № 1 насчитывался 21 чел. Проведенные оргштатные мероприятия были осуществлены на основании постановления Исполкома Ленгорсовета от 12 марта 1942 г. № 63/27 [15]. После полного снятия

блокады «временно расформированные» медвытрезвители милиции были быстро восстановлены и приступили к выполнению своих функций.

Опыт деятельности вытрезвителей Ленинграда во второй половине 1980-х гг. учит тому, что подход к реформированию этой «чувствительной» для всего общества сферы отношений и деятельности должен носить взвешенный, комплексный и договорной характер, с закрепленной на юридическом уровне, коллективной ответственностью четко определенных субъектов.

Список литературы

1. Носков Ю. М. Медицинский вытрезвитель / ред. В. Ф. Некрасов // МВД России. Энциклопедия. М. : Объединенная редакция МВД России; Издат. Дом «ОЛМА – ПРЕСС», 2002. С. 267–268.

2. Иванов Д. В. Государственно-правовой концепт и практика борьбы с преступностью на Северо-Западе РСФСР в 1917–1991 годах. СПб. : Юридический центр, 2018. 480 с.

3. Собрание постановлений СССР. 1985. № 17. Ст. 82.

4. Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1985. № 2. Ст. 82.

5. Отдел архивной информации Информационного Центра Главного управления МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее – ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб. и области). Ф. 2. Оп. 1. Д. 603. Лл. 162–171.

6. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 608. Лл. 156 об, 157.

7. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 608. Лл. 157 об.

8. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 140. Д. 85. Л. 18; ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 104. Л. 180.

9. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 68. Оп. 1. Д. 2. Л. 6; Д. 8. Л. 11; Д. 12. Лл. 9, 10, 16; Д. 18. Л. 7, 7 об.

10. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736. Лл. 95, 96, 97, 98.

11. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 56. Оп. 1. Д. 138. Лл. 86, 129; Д. 139. Л. 175; Д. 144. Л. 202.

12. ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 252. Д. 49. Л. 25.

13. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 754. Л. 29.

14. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 774. Лл. 141, 142.

15. ОАИ ИЦ ГУ МВД России по СПб и области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 84. Л. 19; Д. 92. Т. 1. Л. 15.

Козлова А. А.[1]*,*
старший преподаватель кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Рыжак В. А.[2]*,*
слушатель института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РОЛЬ ИНТЕРПОЛА В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В БОРЬБЕ С КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬЮ

Преступления в сфере информационных технологий не знают границ и быстро развиваются в киберсреде. Данный вид преступности проявляется в любом цифровом виде: внедрение вирусного домена, действие программ-вымогателей, вредоносное программное обеспечение, созданное для сбора данных, ботнеты, криптоджекинг, киберпреступность как услуга и др. Слова и фразы, которых почти не существовало десять лет назад, теперь стали частью нашей повседневности, поскольку преступники используют новые технологии для совершения атак во всех сферах жизнедеятельности. Эти преступления не знают границ, ни физических, ни виртуальных, причиняют серьезный вред и представляют собой реальную угрозу для каждого государства.

Киберпреступность – одна из самых распространенных форм международной преступности, ущерб от которой, по данным Cybersecurity Ventures, к 2025 году будет стоить мировой экономике 10,5 трлн долл. ежегодно [3].

Международно-правовой основой по данным преступлениям является Конвенция о компьютерных преступлениях [1] (о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185), принятая в Будапеште 23 ноября 2001 г. также Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г. [2] и др. Стоит уделить внимание и ибероамериканскому соглашению «О сотрудничестве в области исследований, заверений и получения доказательств по делам, связанным с киберпреступностью» – согласно содержанию, она направлена на поощрение сотрудничества между государствами, подписавшими соглашение, в области сбора и обеспечения сохранности доказательств по делам, связанным с киберпреступностью [5].

Компьютерная преступность развивается невероятно быстрыми темпами, постоянно появляются новые тенденции. Вспышка COVID-19 является не исключением. Так, киберпреступники используют широко распространенные глобальные сообщения о COVID-19 для маскировки своей деятельности, обманом заставляют пользователей переходить по ссылкам, которые загружают вредоносное ПО на их компьютеры или мобильные устройства. Однако даже

[1] © Козлова А. А., 2021.
[2] © Рыжак В. А., 2021.

несмотря на принятые государствами и полицейскими организациями меры, преступники становятся более гибкими, молниеносно используют новые технологии, адаптируют свои атаки с использованием новых методов. Сложные преступные сети действуют по всему миру, координируя атаки за считанные минуты. Именно поэтому полицейские организации должны оперативно реагировать на новые технологии, чтобы понимать возможности, которые они создают для преступников и как их можно использовать в качестве инструментов для борьбы с киберпреступностью. У данного вида преступности нет границ - угрозы и атаки могут исходить из любого места в любое время, также стационарно, что создает проблемы для полицейских организаций.

Интерпол (международная организация уголовной полиции) является крупнейшей международной полицейской организацией в мире. Интерпол помогает выявлять, сортировать и координировать ответные меры на киберугрозы, как для России, так и для других государств-членов, являясь международной полицейской организацией. Cyber Fusion Center (далее – CFC) объединяет кибер-экспертов из правоохранительных органов и промышленности для сбора и анализа всей доступной информации о преступной деятельности в киберпространстве. CFC публикует отчеты, чтобы предупреждать о новых, неизбежных или развивающихся компьютерных преступлениях. В свою очередь правоохранительные органы могут воспользоваться созданными Интерполом двумя службами для облегчения связи между подразделениями полиции и другими заинтересованными сторонами:

– рабочее пространство, обмена знаниями о киберпреступности, обрабатывает общую, не относящуюся к полиции информацию, и открыто для всех соответствующих пользователей. Рабочее пространство обмена знаниями о киберпреступности открыто для правоохранительных органов, правительств, международных организаций и экспертов отрасли компьютерной преступности для обмена оперативной информацией о киберпреступности. Служба представляет собой динамический канал связи, который позволяет пользователям обсуждать последние тенденции преступности, стратегии предотвращения, технологии обнаружения и методы расследования с авторизованными коллегами;

– платформа для совместной работы по борьбе с киберпреступностью – операция для поддержки правоохранительных операций, доступ которой ограничен только заинтересованными сторонами. Первая в своем роде платформа совместной работы по борьбе с компьютерной преступностью (CCP-Operation) – это централизованный информационный центр для координации глобальных правоохранительных операций по борьбе с киберпреступностью. Даная платформа с ограниченным доступом, на которой размещается несколько независимых рабочих пространств, позволяет заинтересованным сторонам обмениваться данными в интерактивной и безопасной среде. Платформа повышает операционную эффективность и результативность правоохранительных органов, позволяет лучше сконцентрировать свои ресурсы и избежать дублирования усилий.

Интерпол помогает государствам-членам координировать операции в сфере противодействия киберпреступности, публикует отчеты о кибератаках. Напри-

мер, данные, предоставленные частным партнером по кибербезопасности, выявили штамм вредоносных программ, заражающих сайты электронной коммерции для кражи данных платежных карт и персональных данных. Используя эти данные, в рамках операции «Ночная ярость» Интерпол опубликовал Отчеты о кибератаках в происходивших странах, подчеркнув угрозу поддержки их национальных расследований. В результате трое киберпреступников были арестованы в Индонезии при содействии Интерпола [4].

Таким образом, для быстрого реагирования на существующие киберпреступления необходимы общие усилия всех участников информационных отношений и создание общей более новой системы защиты. Государства довольно быстро и успешно справляются с данной поставленной перед ними задачей, однако роль Интерпола в процессе расследования таких видов преступлений, а также в содействии каждому правоохранительному органу не оспорима. Интерпол выступает как главная и ведущая международная полицейская организация по борьбе с преступностью во всем мире и аккумулирует всю значимую информацию в своем центре для ее дальнейшего использования.

Список литературы

1. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185) (заключена в г. Будапеште, 23 ноября 2001 г.). URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=13526#02531652216217388.

2. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 28 сентября 2018 г. // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/72087644/#help.

3. Интерпол запускает инициативу по борьбе с киберпреступностью в Африке // URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2021/INTERPOL-launches-initiative-to-fight-cybercrime-in-Africa.

4. Операции по борьбе с киберпреступностью // URL: https://www.interpol.int/Crimes/Cybercrime/Cybercrime-operations.

5. Международный фонд криминалистики. Convenio Iberoamericano de Cooperación sobre Investigación, Aseguramiento y Obtención de Prueba en materia de Ciberdelincuencia (принята 28 мая 2014 г.). // URL: https://ficp.es/.

Коренухина А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***В. А. Коннов****,*
начальник кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УНИВЕРСАЛЬНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН ОТ ВЫСЫЛКИ (НА ПРИМЕРЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ООН)

Миграционные процессы играют важное политическое и экономическое значение для государства. Во всем мире права миллионов мигрантов недостаточно защищены или подвергаются риску злоупотреблений. Это особенно верно в отношении мигрантов, не имеющих законного права оставаться в странах, в которых они проживают, и которые могут подвергаться принудительному удалению с территории государства или иным образом стимулироваться или принуждаться к добровольному возвращению. Хотя государства обладают суверенной прерогативой регулировать условия въезда, пребывания и выезда неграждан, эта прерогатива не является абсолютной. Государства должны регулировать свои границы в свете своих обязательств в области прав человека [6]. Это означает, что права человека всех лиц, включая мигрантов в контексте возвращения, должны соблюдаться.

Сегодня миллионы человек проживают за пределами стран, в которых они родились. Хотя иностранные граждане изначально не относятся к уязвимым группам населения, их права зачастую подлежат нарушению. Иностранные граждане и лица без гражданства часто сталкиваются с множественными формами дискриминации, эксплуатации и других нарушений прав человека. Иностранные граждане и лица без гражданства, продолжают пребывать на территории другого государства, боясь обратиться с жалобой в защиту своих прав и свобод.

Неспособность защитить права мигрантов в контексте высылки приводит к ряду серьезных проблем в области прав человека. Чаще всего мигранты подвергаются повышенному риску возвращения в места, где они могут столкнуться с пытками или другими жестокими, бесчеловечными или унижающими достоинство видами обращения и наказания в нарушение принципа «невысылки». Другие сталкиваются с произвольной или коллективной высылкой, или могут быть возвращены обратно в ситуации внутреннего перемещения. Еще одним аспектом, связанным с высылкой мигрантов, является нарушение их права на уважение частной и семейной жизни.

Среди универсальных механизмов защиты прав человека в международном праве наибольшее число жалоб, касающееся защиты прав иностранных граждан

[1] © Коренухина А. А., 2021.

от высылки, приходится на Комитет ООН против пыток и Комитет ООН по правам человека [5]. В этой связи деятельность этих специализированных органов Организации Объединенных наций направлена на защиту и осуществление прав всех мигрантов, в независимости от их статуса или положения. Рассмотрим подробнее деятельность данных органов.

В 1984 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [2]. На основании статьи 17 данной Конвенции был создан Комитет против пыток (далее – КПП), который выступает в качестве контрольного механизма обеспечения выполнения соответствующего договора [3].

Комитет против пыток обладает функциями по рассмотрению и расследованию дел, связанных с защитой от пыток и других бесчеловечных видов обращений. КПП вправе рассматривать индивидуальные жалобы лиц, утверждающих о нарушении своих прав. Обратиться может любой человек в отношении государства, являющегося участником Конвенции 1984 г.

Жалобы со стороны мигрантов на применение к ним пыток и других бесчеловечных видов обращений нередко являются аспектом рассмотрения в деятельности КПП. Комитет проводит различные расследования по факту нарушения положений статьи 3 Конвенции 1984 г., которая определяет запрет на высылку лица, если есть основания полагать, что данное лицо в другом государстве может подвергнуться риску применения пыток.

В своей работе Комитет толкует положения Конвенции 1984 г. в «общих замечаниях». Так, например, в Замечании общего порядка № 2 КПП говорит о том, что государства должны запрещать и предупреждать пытки и жестокое обращение, а также компенсировать вред, понесенный лицом в результате нарушения его права [1].

Комитет рассматривает жалобы только на нарушение статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, жалобы на нарушение других прав, связанных с высылкой иностранных граждан и лиц без гражданства, вправе рассматривать Комитет ООН по правам человека.

Комитет ООН по правам человека (далее – КПЧ) был образован в 1976 г. на основании статьи 28 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [4]. В задачи Комитета входит контроль за соблюдением государствами принятых на себя обязательств в соответствии с Конвенцией 1966 г.

Важными функциями КПЧ является прием и рассмотрение индивидуальных жалоб от граждан на нарушение своих прав со стороны государств, также прием и рассмотрение жалоб от государств на действия других государств. Одной из функций Комитета является принятие «общих замечаний», в которых КПЧ толкует положения Конвенции 1966 г.

Необходимо отметить, что в случае принятия решения Комитетом против пыток и Комитетом по правам человека о нарушении положений конвенций, государству предлагается устранить данное нарушение. Сами решения лишь констатируют факт нарушения права в случае высылки, они не отменяют и не

изменяют вынесенные решения и постановления органов государственной власти Российской Федерации. Правовые позиции межгосударственных органов по защите прав человека могут использоваться судами Российской Федерации при принятии решений о высылке иностранных граждан, а также административными органами, регулирующими вопросы высылки.

Помимо КПП и КПЧ защитой прав иностранных граждан от высылки занимается Комитет ООН по защите прав трудящихся-мигрантов, а также Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН).

В настоящее время Российская Федерация не является участником Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., соответственно на Российскую Федерацию не распространяется мандат Комитета ООН по защите прав трудящихся-мигрантов. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев защищает права всех беженцев в соответствии с Конвенцией о статусе беженцев 1951 г. и лишь указывает государствам на нарушение определенных прав. Определенных механизмов по защите прав УВКБ ООН не имеет.

Таким образом, в настоящее время существует ряд специализированных органов Организации объединенных наций, защищающий права такой категории населения как мигранты, которые часто бывают уязвимы и не могут в полной мере самостоятельно отстоять свои права на внутригосударственном уровне.

Список литературы

1. Комитет против пыток. Замечания общего порядка № 2 // Официальный сайт ООН. Комитет против пыток. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=ru&TreatyID=1&DocTypeID=11.

2. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания ГАООН 1997 г.

3. Коннов В. А. Соотношение правовых позиций международных судебных и внесудебных органов по вопросам соблюдения прав человека при экстрадиции подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

5. Самович Ю. В. Деятельность комитета против пыток ООН в сфере защиты прав лиц, лишенных свободы // Вестник Кузбасского института. 2014. № 4 (21). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/deyatelnost-komiteta-protiv-pytok-oon-v-sfere-zaschity-prav-lits-lishyonnyh-svobody.

6. Система защиты прав человека в Российской Федерации : учебник / под ред. Г. Н.Комковой. М. : Проспект, 2017. 384 с.

Кочетков А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ЕАЭС: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В условиях дефицита продовольственных ресурсов в мире, роста цен на важнейшие виды продукции, которые усугубляются кризисным рисками и последствиями пандемии COVID-19, выработка международно-правовых норм, касающихся обеспечения продовольственной безопасности государств представляется одним из важнейших направлений международного сотрудничества государств.

Как указано в Декларации о ликвидации массового голода и недоедания (далее – Декларация): «основной обязанностью правительств является совместная работа в направлении увеличения производства продовольствия, а также более справедливого и эффективного его распределения между странами и внутри них…» [1].

Государство, как основной субъект международного права, принимает самое активное участие в разрешении проблемы продовольственной безопасности. В решении указанной проблемы данная Декларация является одним из базовых наряду с Декларацией Всемирного продовольственного саммита 1996 г. [2].

На их основе постепенно складывалась международная система поддержания продовольственной безопасности, которая, в частности, направлена на обеспечение всем лицам, вне зависимости от их гражданства, национальности, расы и пола, доступа к продуктам питания по доступным ценам в любых условиях (т. е. различные изменения в климате, политике или экономике не должны оказывать на это влияния) [5, с. 6].

Важность решения проблемы продовольственной безопасности признается не только на уровне Организации Объединенных Наций (далее – ООН), но также на уровне региональных международных организаций. Отметим, что для членов Евразийского экономического союза (далее – государства-члены, ЕАЭС, Союз) выработка правовых норм в области обеспечения продовольственной безопасности также становится объективной необходимостью. Несмотря на противоречивое положение, при котором у каждого государства определены национальные приоритетные направления и механизмы обеспечения продовольственной безопасности, функционируют собственные системы оценки и мониторинга, участникам удалось согласовать в 2019 году проект Концепции коллективной продовольственной безопасности государств-членов Евразийского экономического союза. В нем предлагается реализовывать дальнейшее сотрудничество в данной области на основе принципов оптимального сочетания национальных и общегосударственных интересов Союза, равенства государств-членов, поэтапности выработки решений и др. Немаловажным стало отражение методики

[1] © Кочетков А. А., 2021.

оценки состояния коллективной продовольственной безопасности и основных направлений сотрудничества [3].

В ходе реализации основных положений Концепции станет возможным успешное проведение мониторинга состояния продовольственной безопасности по унифицированной для всех стран Союза системе оценки. Для этого устанавливаются индикаторы по физической и экономической доступности сельскохозяйственной продукции и продовольствия [6, с. 116].

В современных условиях проблема продовольственной безопасности государств является одной из приоритетных для решения. Реализовывается это не только посредством принятия документов на универсальном уровне международно-правового сотрудничества – ООН, но также и в рамках региональных международных организаций. Одной из таких организаций является ЕАЭС. Несмотря на разногласия по некоторым вопросам, отметим, что участники успешно согласовали Концепцию 2019 г. Ее положения показывают нам, что для участников ЕАЭС обеспечение продовольственной безопасности является важнейшим направлением обеспечения стратегического развития. При ответственной реализации данного документа на основе общепризнанных принципов международного права, по всем ключевым направлениям Концепции – полагаем, что государства-участники Союза смогут повысить уровень своего экономического развития, улучшить качество жизни населения и эффективно использовать имеющиеся у них ресурсы.

Список литературы

1. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания 1974 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml (дата обращения: 10.05.2021).

2. Декларация Всемирного продовольственного саммита 1996 г. // Официальный сайт ООН. URL: http://www.fao.org/WFS/ (дата обращения: 11.05.2021).

3. Концепция коллективной продовольственной безопасности государств-членов Евразийского экономического союза (Проект) // Официальный сайт ЕАЭС. URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf (дата обращения: 11.05.2021).

4. Вертлиб Ф. О. Институт ответственности основных субъектов международного экономического права : монография. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2019. 127 с.

5. Добросоцкий В. И. Обеспечение продовольственной безопасности в странах Евразийского экономического союза: мировой и региональные аспекты : монография. М. : Одинцовский филиал МГИМО, 2019. 128 с.

Лихова А. А.[1]*,*
курсант 1853 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников полиции и следователей
Барнаульского юридического института МВД России

Научный руководитель: ***Р. С. Галиев****,*
доцент кафедры конституционного и международного права
Барнаульского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук,

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В конце XX столетия экономический императив, существовавший довольно продолжительное время, стал заменяться экологическим, так как возникающие проблемы в сфере экологии наносят невосполнимый ущерб государствам и международному сообществу в целом. В связи с этим, обеспечение экологической безопасности является важнейшим элементом устойчивого культурного развития человечества.

Обеспечение экологической безопасности является глобальной задачей, которую решить можно только совместными усилиями всех членов мирового сообщества. В настоящее время вопросы экологической безопасности отражаются во многих международно-правовых актах. Например, одно из наиболее известных соглашений – Парижское соглашение об изменении климата (итоговый документ 21-й Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата 2015 г.). Стоит отметить, что Организация Объединенных Наций в целом вносит чрезвычайно важный вклад в преодоление сложившейся обстановки в современном мире, связанной с возникновением множества серьезных экологических проблем. На конференции ООН в июне 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро был принят исторический документ «Повестка дня XXI», в котором обозначены и охарактеризованы основные проблемы в сфере экологии, а также разработаны пути их решения на основе концепции устойчивого развития. В связи с большой актуальностью экологических проблем в 2015 году была принята Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [2], в которой представлены основные характеристики проблем Земли и определены пути их решения. Большое количество международных соглашений были разработаны и приняты при участии Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП). В соответствии с Найробийской декларацией 1997 года [3], ЮНЕП является необходимым специализированным органом по охране природы, защищающим интересы окружающей среды и содействующим реализации устойчивого экологического развития в рамках системы ООН.

Несомненно, важное место в обеспечении международной экологической безопасности занимает Интерпол. Генеральной Ассамблеей Интерпола принято множество рекомендаций по данному направлению сотрудничества, кроме того,

[1] © Лихова А. А., 2021.

по инициативе Генерального Секретариата создан отдел экологической безопасности, координирующий деятельность правоохранительных органов государств участников, а также предоставляющий им инструменты и опыт противодействия экологическим преступлениям.

Система уведомлений Интерпола одинаково эффективна и в отношении противодействия экологической преступности, так уведомления с красным углом содержат информацию о разыскиваемых экологических преступниках, уведомления с синим углом направлены на сбор информации о подозреваемых и обвиняемых за совершение преступления в сфере экологии, уведомления с зеленым углом содержат информацию о лицах ранее совершавших преступления против экологии и возможном возобновлении с их стороны преступной деятельности, уведомления с пурпурным углом издаются в целях информирования о незаконных средствах и способах совершения преступлений, представляющих международный оперативный интерес [5, с. 56, 57].

Также среди международных межправительственных организаций, важную роль в обеспечении сотрудничества в обеспечении экологической безопасности играют Международное агентство по атомной энергии (далее – МАГАТЭ), Организация Объединенных наций по культуре, науке, образованию (далее – ЮНЕСКО), Всемирная организация здравоохранения (далее – ВОЗ), Сельскохозяйственная и продовольственная организация объединенных наций (далее – ФАО) и др. [4, с. 171]

Основными направлениями МАГАТЭ являются радиологические исследования, разработка вопросов радиационной безопасности, изучение последствий ядерных взрывов. Стоит отметить, что данная организация не является международным регулирующим органом, но ее рекомендации в области безопасности используются многими государствами в качестве основы для разработки национальных актов. Основной же функцией ЮНЕСКО в сфере экологии непосредственно выступает содействие экологическому образованию, воспитанию, а также охрана природных объектов, которые отнесены к всемирному наследию. Стоит сказать и о том, что основополагающей задачей ВОЗ в экологической сфере является исследование вопросов охраны здоровья человека в аспекте его взаимодействия с окружающей средой. Естественно, в свою очередь, Сельскохозяйственная и продовольственная организация объединенных наций (ФАО) занимается экологическими проблемами в сельском хозяйстве, охраной и использованием земель, лесов, вод, животного мира, и т. д.

Представляется, что участие международных организаций необходимо для устойчивого развития, ведь их деятельность в экологической сфере оказала большое влияние на процесс становления и формирования международно-правовых основ, механизмов развития и форм сотрудничества в обеспечении экологической безопасности. Важно обозначить, что во многих странах экологическая политика основана и на принципах, провозглашенных в конституциях. Так, например, Конституция Российской Федерации в ст. 42 закрепляет за каждым право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу

экологическим правонарушением, а вот в ст. 58 уже обязывает каждого сохранять и беречь окружающую среду и природу [1]. На основе конституционных принципов разрабатываются и принимаются специальные документы, которые выступают основным инструментом в определенной области.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что экологическая безопасность является важнейшим условием устойчивого развития, как каждого государства, так и всего мирового сообщества. Полагаем, что основным механизмом международного сотрудничество в рассматриваемой теме выступает сотрудничество государств в рамках международных организаций. Необходимо заметить, что решения международных организаций и итоговые документы международных конференций не являются актами, которые прямо регулируют деятельность государств, однако они имеют огромную значимость, так как в основном выступают ориентиром поведения членов международного сообщества, в том числе оказывая влияние на правовое обеспечение экологической безопасности на национальном уровне в соответствии с нормами международного права.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 25 сентября 2015 г. (A/70/L.1). Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/89/PDF/N1529189.pdf?OpenElement (дата обращения 13.02.2020).

3. Найробийская декларация о роли и мандате Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде. Резолюция специальной 19-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН A/S-19/5 от 4 марта 1997 г. // URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N97/057/95/PDF/N9705795.pdf?OpenElement (дата обращения 13.02.2020).

4. Карлова Н. В., Галиев Р. С. Роль универсальных международных межправительственных организаций в противодействии глобальным вызовам и угрозам в сфере экологии // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 170–173.

5. Пузырёва Ю. В. Современная система уведомлений Интерпола как эффективная основа международного сотрудничества в борьбе с преступностью // Алтайский юридический вестник. Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России 2014. № 1 (5). С. 55.

Митрофанова О. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Г. М. Лановая****,*
профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ СОБСТВЕННЫХ ФУНКЦИЙ

Формы реализации государственных функций представляются нам в качестве определенного феномена, на который оказывают свое влияние множество факторов. К подобным факторам мы можем отнести: юридизация и цифровизация общественной жизни, политический режим, особенности современного права и современного государства, гражданское общество и другие. Рассматривая влияния, непосредственно, гражданского общества на формы осуществления государством своих функций стоит отметить некоторые аспекты.

Так, гражданское общество – это сложное явление, к которому в современной юридической теории многие ученые проявляют интерес, как изучают отдельно в качестве феномена, так и анализируют его взаимодействие с правовыми и государственными явлениями. По своей сущности гражданское общество представляется нам политически организованным, структурным обществом. Гражданское общество является динамическим состоянием, закономерно противопоставленным состоянию стабильному, структуре, в качестве которой выступает государство [1, с. 184].

По своей сути гражданское общество выступает в противовес государственному аппарату и государству в целом, это противоборство необходимо для того, чтобы общество сдерживало государство от произвола. Развитое гражданское общество определяет работу государства, заставляя его сообразовывать свою политику с требованиями и запросами общества, выстраивать свою деятельность в соответствии с ними. В частности, именно противопоставленность гражданского общества государству заставляет последнее реагировать на запросы общества, приобретая черты демократического и правового.

Определяя выше общее влияние гражданского общества на государство, мы понимаем, что оно также влияет на функции современного государства и формы их осуществления.

Так, например, гражданское общество предъявляет к государству такие требования как социальная направленность государственной политики, то есть общество заинтересованно в том, чтобы государство улучшало его уровень жизни. Тем самым, государству необходимо отражать интересы гражданского общества в

[1] © Митрофанова О. А., 2021.

своей политики и тем самым больше развивать социальную функцию. Это представляется одним из примеров, как гражданское общество влияет на функции государства.

Относительно влияния гражданского общества на формы, при помощи которых государство реализует собственные функции, то оно не столько прямое, так как общество в основном предъявляет требования к определенным изменениям и оценивает больше результат деятельности государства чем, то как оно реализует своих функции и добивается этих изменения. Но, тем не менее влияние присутствует. Оно заключается в том, что общество современного государства заинтересовано в особенной прозрачности деятельности государства, чтобы при реализации своих функций государство не злоупотребляло имеющейся у него властью.

Таким образом, гражданское общество в современном государстве влияет на формы осуществления государством собственных функций. Формы должны отвечать ряду требований. Так одной из форм, сформированной под влиянием гражданского общества можно выделить, например, легализацию [2, с. 345]. Данная правовая форма является юридической и заключается в том, что государство легализует явления обычного права, которое имеет место быть в обществе. То есть, то устойчивое правовое явление, которое распространено в обществе, государство формализует и закрепляет в законодательстве и тем самым подкрепляет данное правовое явление государственной защитой, так как теперь оно существует не просто в обществе, а признано государством.

Данная форма является проявлением влияния гражданского общества на современное государство, так как в данном случае государство принимает и тем самым защищает то обычное право, которое есть в обществе. Влияние гражданского общества можно отследить и в других правовых формах реализации государством собственных функций.

Гражданское общество также оказывает свое влияние на такую правовую форму реализации государством своих функций, как правоустановительную. Данная форма заключается в том, что государство не берет за основу уже сформированное обычное право в обществе, как в предыдущем случае, а в рамках законотворческой деятельности создает принципиально новое позитивное право. Эта форма имеет большое значение и применяется в реализации государством практически всех своих функций. Гражданское общество тут оказывает свое влияние тем, что оно формирует эти законодательные органы и тем самым выбирает лиц, которые от имени государства будут создавать новое право [3]. Также гражданское общество в случае своего несогласия или одобрения активно высказывает свое массовое мнение, тем самым государство понимает уровень принятия и делает выводы о том необходим ли тот или иной закон.

Итак, исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что связь государства и гражданского общества отражается на многих аспектах государственной деятельности, в том числе гражданское общество оказывает влияние как на функции государства, так и на формы их реализации. Данное влияние представляется автору логичным, обусловленным и в конечном счете необходимым для развития как государства, так и гражданского общества.

Список литературы

1. Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011. 431 с.

2. Малахов С. А. Роль судебной практики в правотворчестве: особенности российской правовой системы // В сборнике: Право, общество, государство: проблемы теории и истории : сборник статей Всероссийской студенческой научной конференции. М. : Российский университет дружбы народов, 2017. С. 344–347.

3. Попов В. И. Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 19–22.

Мысина А. И.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ОБМЕНА ИНФОРМАЦИЕЙ В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ

Основным механизмом сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) в сфере информационного взаимодействия является Межгосударственный информационный банк (далее – МИБ), функционирующий в соответствии с Соглашением о взаимоотношениях министерств внутренних дел в сфере обмена информацией от 3 августа 1992 г. (далее – Соглашение 1992 г.) и Соглашением об обмене информацией в сфере борьбы с преступностью от 22 мая 2009 г. (далее – Соглашение 2009 г.).

Статьей 5 Соглашения 1992 г. и статьей 8 Соглашения 2009 г. предусмотрено, что держателем МИБ является МВД России. Компетентным подразделением по данному вопросу выступает ГИАЦ МВД России, которое, в свою очередь: обеспечивает обработку, хранение и выдачу по запросам органов внутренних дел государств – участников СНГ имеющейся в МИБ информации, а также статистических сведений о состоянии преступности и результатах расследований преступлений; осуществляет с помощью разыскных учетов информационное обеспечение деятельности по розыску лиц, объявленных компетентными органами государств – участников СНГ в межгосударственный розыск; сотрудничает с компетентными органами государств – участников СНГ по вопросам компьютеризации, совершенствования программного и информационного обеспечения, создания единой автоматизированной системы передачи данных.

Совершенствование порядка обмена информацией между государствами – участниками СНГ имеет большое значение для повышения эффективности международного сотрудничества по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел [2, 6, 7, 9]. В современных условиях развития общества с учетом неблагоприятной эпидемиологической обстановки, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции, осуществление информационного обмена в электронном виде в целях обеспечения правопорядка [8] представляется особенно актуальным.

В настоящее время в СНГ ведется активная работа по заключению двусторонних международных договоров в данной сфере. В частности, следует отметить Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь об информационном взаимодействии и обмене информацией в электронном виде по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел, от 13 декабря 2018 г., а также аналогичные межправительственные договоры, подписанные Российской Федерацией с Республикой Узбекистан (15 декабря 2020 г.), Республикой Армения (13 мая

---

[1] © Мысина А. И., 2021.

2021 г.). Переговорный процесс по данному вопросу осуществляется и с Республикой Таджикистан.

Указанные межправительственные двусторонние договоры схожи по содержанию и характеризуются тем, что они:

– разработаны в целях развития сотрудничества между органами внутренних дел по вопросам информационного взаимодействия и обмена информацией в электронном виде;

– оказывают положительное влияние на развитие правовой основы двустороннего сотрудничества в области информационного обмена;

– направлены на создание современных правовых механизмов практического взаимодействия в электронном виде по различным направлениям оперативно-служебной деятельности с учетом действующих международных договоров;

– позволяют значительно ускорить процесс передачи необходимой информации и повысить эффективность международного сотрудничества по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел;

– обеспечивают правовое регулирование и организацию взаимодействия компетентных органов государств Сторон при обмене информацией в электронном виде, в том числе персональными данными, по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел, за исключением сведений, составляющих государственную тайну.

Отсутствие в данных соглашениях привязки к конкретным видам деятельности позволяет использовать их в качестве универсальных инструментов организации информационного взаимодействия в электронном виде [2, 10]. Двусторонними соглашениями в данной сфере предусмотрено, что компетентные органы государств Сторон используют полученную информацию исключительно в служебных целях.

Реализация указанных соглашений не создает сложностей в правоприменительной практике, поскольку их нормы не противоречат положениям Соглашения 1992 г., Соглашения 2009 г., а также иных международных договоров Российской Федерации [1, 3, 4, 5].

Кроме того, в настоящее время осуществляется подготовка к ратификации Соглашения о взаимной правовой помощи по административным вопросам в сфере обмена персональными данными от 18 декабря 2020 г. Положения данного договора регламентируют порядок оказания взаимной правовой помощи по представлению информации о лицах, связанной с назначением на должность, наличием (отсутствием) гражданства иностранного государства или права на постоянное (временное) пребывание на территории иностранного государства, наличием недвижимого имущества, зарегистрированного на территории иностранного государства, обязательствами имущественного характера, привлечением к уголовной и административной ответственности на территории иностранного государства, документами, удостоверяющими личность, что расширяет возможности государств-участников СНГ по осуществлению информационного обмена в электронном виде.

Таким образом, международно-правовые основы сотрудничества государств-участников СНГ в сфере информационного взаимодействия и обмена информацией в электронном виде, поступательно развиваются, что имеет большое значение для повышения эффективности взаимодействия компетентных органов. В целях активизации данного процесса представляется возможной разработка концепции развития информационного взаимодействия и обмена информацией в электронном виде по вопросам, относящимся к компетенции органов внутренних дел, которая могла бы стать ориентиром для разработки и заключения государствами – участниками СНГ новых международных договоров, регулирующих сотрудничество государств в данной сфере.

Список литературы

1. Бирюков П. Н. Международное право : учебное пособие. М. : Юристъ, 2001. 415 с.

2. Гончар В. В. Деятельность следователя по розыску подозреваемых и обвиняемых : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М. : Московский университет МВД России, 2007.

3. Козлова А. А., Рыжак В. А. Правовые аспекты международного сотрудничества по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий / под ред. О. В. Химичевой // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : сборник научных трудов IX ежегодной Всероссийской конференции. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. С. 65–71.

4. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Международно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел России // Московский журнал международного права. 2015. № 3 (99). С. 37–57.

5. Правовые и организационные основы международного полицейского сотрудничества : учебно-практическое пособие / [И. И. Котляров и др.]. М., 2017.

6. Ляхов Е. Г., Алексеева М. М. Транснациональная преступность в глобализирующемся мире // Публичное и частное право. 2011. № 4 (12). С. 32–36.

7. Попов В. И. Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 19–22.

8. Раков К. А. Социальные основания правопорядка // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 173–176.

9. Русскевич Е. А. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий. М., 2017. 188 с.

10. Степанян А. Ж. Регулирование цифровых технологий: цифровизация или гуманизация? // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 4 (68). С. 114–120.

Порывакина Т. С.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***В. П. Малахов*****,**
профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор

РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВ ЖЕНЩИН НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И СОЮЗА АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Динамика развития политических систем является одним из важных факторов их эффективного функционирования. Для стабильного развития политические институты подвергаются постоянным изменениям в виде поиска новых ориентиров политического развития. Граждане, как часть демократического общества, выбирают своих представителей, для защиты их прав и интересов на государственном уровне. Однако хочется учесть факт гендерного различия. На протяжении всей человеческой истории женщины были ущемлены в политических правах, они не имели права голоса на выборах, их законные интересы не были защищены, либо защита осуществлялась не должным образом. Но с момента получения женщинами своих политических прав, их представительство в политике пропорционально меньше. Вместе с тем право не стоит на месте и гендерное равноправие является одним из критериев его развития [1].

Под гендерным равенством понимается система, в которой имеется доступ к правам и возможностям вне зависимости от пола конкретного индивида. Гендерное равенство одна из основных проблем в странах Европы, Америки и Африки, они ведут активную гендерную политику и в настоящее время достигли значительных результатов. Однако в России данная проблема носит второстепенный характер.

В мировой практике борьба за гендерное равенство официально началась с момента создания Организации Объединенных Наций, во второй статье Всеобщей Декларации прав человека указано, что: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» [2]. Позже в 1979 году был принят другой документ, который Советский союз ратифицировал, а именно Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. В данной конвенции было дано понятие «дискриминации», которое трактуется так: «дискриминация в отношении женщин» означает любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия

[1] © Порывакина Т. С., 2021.

мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области» [3].

В 2003 г. впервые в России Лаховой Е. Ф. был выдвинут по истине резонансный законопроект «О государственных гарантиях равных прав и свобод и равных возможностей мужчин и женщин в Российской Федерации». Данный законопроект был принят в первом чтении, в 2011 г. были сделаны первые поправки к нему, в 2012 г. было изменено название: «О государственных гарантиях равноправия женщин и мужчин». К сожалению, в данном законопроекте отсутствовали предложения о механизме введения и поддержания гендерного равенства. Также общественность и политические деятели высказывали своё недовольство, аргументируя его тем, что нет статических показателей относительной половой дискриминации в Российской Федерации, большее же недовольство оказало предложение об обязательном увеличении представительства женщин в органах власти. Также противниками данного законопроекта отмечалось, что данная идея заменяет важность профессионализма на важность демонстрации условного гендерного равенства. Данный законопроект так и не был принят. В замену ему в 2017 г. премьер-министром Российской Федерации Д. А. Медведевым была подписана «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», однако, за исключением некоторых пунктов, данное решение не увенчалось успехом. Так, по состоянию на 2020 г. безработица среди женщин в России составила 54 %, на сегодняшний день в России существует 100 профессий, к которым женщины не допущены.

Для улучшения ситуации в плане гендерного равенства, не только в России, но и по всему миру, необходимо увеличение количества женщин, осуществляющих политическую деятельность. Так, 30 января 2007 г. на восьмой очередной сессии ассамблеи Африканского союза была принята Африканская хартия о демократии, выборах и управлении (Хартия). В хартии акцентируется внимание на том, что гендерное равенство является ключевым элементом углубления демократического управления. В статьях 3.7, 8.2 и 29 данная хартия обязывает государства-члены Африканского союза создавать необходимые условия для полного и активного участия женщин в процессах демократии и управления [4]. Данные обязательства свидетельствуют о признании необходимости гендерносознательного подхода к демократическому управлению. Согласно статье 2.11 данная хартия прямо стремиться «содействовать гендерному балансу и равенству в процессах управления». Это отражается и в статье 3.6, где гендерное равенство, как в государственных, так и в частных учреждениях заявлено в качестве принципа. Помимо определения целей и принципов, Хартия налагает обязательства на государства Африканского союза, признавая необходимость гендерного паритета для укрепления демократического управления в Африке [4].

Согласно статье 6 государства обязаны обеспечивать гражданам возможность пользоваться их «основными свободами и правами человека». Это является важной частью, так как повторение важного принципа прав человека, особенно когда оно дополняется понятием этих прав как универсальных, взаимосвязанных и

неделимых, тем самым отвергая иерархию прав. Также это важно при обсуждении прав женщин, которые часто рассматриваются как второстепенные по сравнению с другими правами.

В статьях 8.1 и 8.2 Африканская хартия о демократии, выборах и управлении призывает государства Африканского союза «устранить все формы дискриминации, особенно на основе политических убеждений, пола» и «принять законодательные и административные меры для обеспечения прав женщин […] и другие маргинализированные и уязвимые группы».

Расширение политических прав и возможностей женщин зависит от сложного взаимодействия социокультурных, экономических и политических факторов. Африканская хартия о демократии, выборах и управлении делает основной упор на универсальность, взаимосвязанность и неделимость прав человека и предусматривает бесплатное и обязательное базовое образование, и грамотность для всех, особенно девочек и женщин. Страны-участницы должны обеспечить меры по повышению социально-экономического положения женщин, чтобы они являлись неотъемлемой частью усилий по расширению участия в политической жизни.

С 2007 г., когда была принята Африканская хартия о демократии, выборах и управлении, Африка добилась значительных успехов в расширении пространства для женщин. Несколько стран-участниц Африканского союза ввели в действие национальные законы, которые несут ответственность за продвижение гендерного равенства. Благодаря этим политическим инициативам континент добился значительного прогресса в расширении численности женщин в политической системе. Например, данная Хартия поспособствовала женщине, которая занимала пост министра финансов в Нигерии, в настоящее время занять должность Генерального директора Всемирной торговой организации [5]. Также важно отметить, что значительно увеличилось количество женщин в парламенте.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что Африканский союз создал хорошую правоприменительную базу в сфере политических прав для женщин. Африканская хартия о демократии, выборах и управлении создала прочную основу значимого участия женщин в политической сфере, тем самым дало огромный толчок в динамике развития политических прав человека. Однако, это нельзя назвать конечной целью, ведь данная хартия только начала оказывать свое влияние. Российская Федерация также развивается в данном вопросе, но в связи с менталитетом и стереотипами российского общества данная проблематика решается постепенно. Чтобы пролить свет на данную ситуацию необходимо провести аналитическую работу, чтобы факт о наличии гендерного неравенства в России был официально закреплен статистикой и на основе этого начинать более активное участие в разработке необходимых нормативно-правовых актов, либо вернуться к уже ранее предлагаемым законопроектам и их доработке.

Список литературы

1. Шумилина Д. В. Гендерное равенство в контексте политического развития Российской Федерации : проблемы, инициативы, потенциал // URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-ravenstvo-v-kontekste-politicheskogo-razvitiya-rossiyskoy-federatsii-problemy-initsiativy-potentsial (дата обращения: 14.05.2021).

2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/10135532/ (дата обращения: 14.05.2021).

3. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/2540229/ (дата обращения: 14.05.2021).

4. African charter on democracy, elections and governance (adopted by thr eighth ordinary session of the assembly, held in Addis Ababa, Ethiopia, 30 January 2007) // URL: http://archive.ipu.org/idd-E/afr_charter.pdf (дата обращения: 14.05.2021).

5. ВТО возглавит Нгози Оконджо-Ивеала – первая женщина-африканка на этом посту. Против ее назначения выступал Трамп // BBC News Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/news-56070372 (дата обращения: 14.05.2021).

Раков К. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЦЕЛЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВОПОРЯДКА СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос об основаниях правопорядка приобретает особую актуальность в условиях стремительно меняющегося мира, в условиях качественной трансформации общественных отношений. Для адаптации правового порядка в соответствии с объективными социальными условиями требуется полноценное и глубокое осмысление не только совокупности наличных его (правопорядка) проявлений, но и сложного неоднородного фундамента, определяющего форму и содержание правовой организации жизни современного общества.

В этой связи следует отметить, что важной предустановкой такого рассмотрения является избрание в качестве его объекта концепта действительного правопорядка. Действительный правопорядок подразумевает то, что представляет собой «эффективное совпадение» реального и идеального порядков, требует изучения, во-первых, поскольку находит свое проявление в реально складывающейся правовой практике людей; во-вторых, потому что включает в себя лишь те формы и процессы, которые возможно определить, как эффективные и реализующие потребности и интересы субъектов общественных отношений.

Упомянутая выше апелляция к форме и содержанию правопорядка неслучайна. Свои формальные и содержательные характеристики правопорядок получает под влиянием разнородных условий – формальных и содержательных оснований. И поскольку формальные основания (такие как нормативный строй права; устойчивые формы правового поведения) не испытывают дефицита внимания со стороны субъектов формирования и укрепления правопорядка, что является нормальным для доминирующего сегодня юридического права государства, то следует все же, на наш взгляд, несколько сместить акцент в сторону содержательных оснований. Подобное требование объективно обусловлено сложной диалектической взаимосвязью формальных и содержательных условий действительности правопорядка. Развитие общественных отношений невозможно без ориентации на содержательно-ориентирующие стандарты, те основания, которые ориентируют его на потребности и интересы социальных акторов, а также на цели социального взаимодействия.

Важными содержательными основаниями правопорядка являются основания целерациональные – стандарты, определяющие векторы развития правоотношений в соответствии с целями, обусловленными объективно складывающейся социальной обстановкой [2]. В современном праве целерациональные основания правопорядка представлены правовыми стратегиями. По мнению Р. Дворкина, правовая стратегия являет собой «стандарт, формулирующий необходимость достижения некоторой цели, обычно связанной с улучшением каких-то экономических, политических или социальных условий в обществе» [3].

---

[1] © Раков К. А., 2021.

Несмотря на то, что традиционно под стратегией понимается программно-нормативный стандарт, в системе содержательных оснований правопорядка правовые стратегии выступают казуальными условиями его действительности, поскольку, в некотором смысле, все же определяются правовыми ценностями и правовой идеологией общества. Наблюдаемый сегодня комплекс правовых мер, направленный на улучшение эпидемиологической обстановки в России, безусловно, является правовой стратегией. Вместе с тем, за этой стратегией стоят вполне понятные существующие в обществе ценности – ценность человеческой жизни и здоровья. В данном случае можно говорить о ценностно-рациональном дуализме, поскольку одновременно общество и государство пытаются предотвратить конкретные негативные экономические последствия. Подобный дуализм мы можем наблюдать в контексте принятой в стране пенсионной реформы, где целерациональной предпосылкой выступил фактор увеличения продолжительности жизни населения, но также за указанным решением стоит постулат капиталистической идеологии, заключающийся в стремлении к уходу от политики социального государства.

Стоит отметить, что значение целерациональных оснований правопорядка весьма велико в условиях материалистического подхода к праву. Сформированные в обществе правовые ценности носят относительный характер, поскольку представляют собой результат определенной конвенции, учитывающей совокупность потребностей и интересов различных социальных групп [4]. Вместе с тем обеспечить гибкость и адаптивность правопорядка способны именно целерациональные основания (в частности, правовые стратегии), функцией которых является ответ на возникающие угрозы ценностным основаниям, корректировка правоотношений в соответствии с изменяющейся социальной обстановкой. В эпоху постистины (постправды) [1], когда производство смыслов отождествляется с формированием реальности, особенно важно различать идеологические и целерациональные условия действительности правового порядка. Несмотря на серьезное значение идеологических установок, для объективного восприятия правовой действительности важно обращение к правовым стратегиям как основаниям, обусловленным материальными социально-экономическими запросами общества.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула : Тульский полиграфист, 2013. 202 с.

2. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.

3. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л. Б. Макеева. М. : Российская политическая энциклопедия, 2004. 392 с.

4. Клименко А. И. Марксистские основания современной философии права // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 6. С. 58–76.

Хрони Н. Н.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России

Научный руководитель: ***А. Г. Репьев*****,**
профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ПРИОРИТЕТНАЯ ОБЯЗАННОСТЬ В ПРАВЕ: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Наблюдаемые в последние десятилетия активные правовые процессы, направленные на защиту прав и свобод человека, свидетельствуют об актуальности дальнейшей гуманизации юридического процесса, ценностной ориентации правовых норм. Кроме института «субъективных прав» одной из составных частей конструкции правоотношений выступают юридические обязанности. Они несут в себе ценностную нагрузку и должны быть направлены на достижение демократических принципов в развитии государства. Ввиду исторической преемственности государственно-правового развития России предпримем попытку рассмотреть взгляды некоторых российских исследователей на обязанности и их исполнение с акцентом на аксиологическую проблематику.

В ряде научных исследований обязанность трактуется как принуждение со стороны государства, необходимость выполнения обязанным лицом определенных действий, выраженных в законах, мера его должного поведения, которая и обеспечивается государством (С. Н. Братусь, С. Ф. Кечекьян, Л. Д. Воеводин, Р. П. Мананкова, Г. В. Мальцев). В учебной литературе по общей теории права говорится о строгости, категоричности и непререкаемости обязанностей, и о мерах воздействия в виде санкций [1, с. 28]. Действительно правовые нормы требуют точного исполнения, независимо от желаний и чувств обязанного лица, и в тоже время предписывают тем, кто установил норму, ее поддерживать и соответственно применять меры принуждения за отклонение или не исполнение возложенных обязанностей. Нарушающего правовую норму, делающего запретное или не исполняющего своей обязанности, как правило, ожидают неблагоприятные последствия (физического, нравственного, экономического характера и пр.). По выражению И. А. Ильина: «Санкция правовой нормы всегда осуществляется так, что приходят другие, уполномоченные люди и заставляют неповинующегося делать то, чего ему не хочется: или понуждают его исполнить обязанность, указывая на правовую норму, которую он нарушил, и на взыскания, которые могут быть на него возложены» [2, с. 6].

В работах русских религиозных философов затрагиваются вопросы права с позиции нравственных ценностей, рассматривается место личности, человека в общественных отношениях (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. В. Соловьев). Авторами акцентируется внимание, что только при осознанном, самостоятельном принятии требований по выполнению обязанностей человек реализует их в

[1] © Хрони Н. Н., 2021.

своем поведении и решениях. Эта самостоятельность, и автономия (свобода) человека демонстрирует его абсолютную ценность.

К примеру, И. А. Ильин пишет о том, что принуждаемое исполнение обязанностей вызывает отрицание, и если сводить правосознание к устойчивой привычке соблюдения под внешним влиянием уполномоченных авторитетов, то это не соответствует духовному достоинству человека, он утрачивает свою духовную свободу, а вместе с ней подлинное уважение к себе [3, с. 6]. В то же время государство, устанавливая обязанности рассчитывает на их добровольное исполнение, видит в субъектах права не правонарушителей, а потенциальных союзников [4, с. 67]. Действительно немыслим такой порядок вещей, при котором никто не выполнял бы свои юридические обязанности добровольно, если бы каждого приходилось принуждать [5, с. 96]. В одной из работ Н. А. Бердяев писал, что обязанности глубже прав, они и обосновывают права человека [6, с. 123]. В данном высказывании отражается посыл на принятие человеком значения обязанностей. Это показывает высокую ценность обязанности как для общества в целом, так и для самого индивидуума. Соответственно данное высказывание логично распространяется и на обязанности, которые предлагается определить, как приоритетные. Полагаем, что наибольшее соответствие принципам добровольности и направленности на обеспечение прав заложено в приоритетной обязанности, которая является разновидностью юридической обязанности и предусматривает безотлагательные действия субъекта, наделенного специальным правовым статусом, по реализации возложенных на него обязанностей, по обеспечению высших ценностей общества (жизнь, свобода человека и др.). Несмотря на наличие санкций за неисполнение, принятие субъектом данной категории обязанностей несет явный акцент добровольности и осознанности своей ответственности. Предполагается, что осознание и признание субъектом своих приоритетных обязанностей соотносится с его системой ценностей.

Осознанное исполнение обязанностей является ценностным, и как определяет В. С. Соловьев «понятие права и соотносительное с ним понятие обязанности настолько входят в область идей нравственных, что прямо могут служить для их выражения» [7, с. 539]. В то же время, при наделении специальным правовым статусом субъекта, нормативными правовыми актами устанавливаются требования к его личным и профессиональным качествам. Например, в Республике Казахстан утвержден «Стандарт полицейского»[1], принят закон «О статусе педагога»[2]. Таким образом, устанавливаются требования к субъекту на соответствие его ценностных ориентиров, установок, целей, нравственных императивов.

Полагаем, что понимание субъектом своих обязанностей с учетом приоритетности, принятие их через ценностные ориентиры способствует соблюдению законности, снижению коррупционных рисков, росту правового сознания.

---

[1] Приказ Министра внутренних дел Республики Казахстан от 24 апреля 2020 г. № 358 «Об утверждении Стандарта полицейского» // URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020500 (дата обращения: 03.05.2020).

[2] Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2019 г. № 293-VI ЗРК «О статусе педагога» // URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000293 (дата обращения: 03.05.2020).

Для реализации указанных целей необходима классификация обязанностей с определением в их числе приоритетных, применение градации при перечислении и указании в законодательстве, ознакомление и усвоение данных принципов при правовом обучении.

Таким образом, предлагается выделить следующие ценностно-нравственные проявления приоритетных обязанностей как феномена права и законодательства:

– это мощное средство, способствующее укреплению взаимодействия государства и общества, государства и индивидуума, в соответствии с общечеловеческими ценностями, так как направлено на обеспечение высших ценностей общества – жизни, прав и свобод человека;

– способствует росту правовой ответственности субъектов через проявление самостоятельности и осознанности исполнения обязанностей;

– имеет направленность к достижению справедливости, соблюдению равноправия и законности, устранению допущенных нарушений прав;

– стимулирует рост правовой культуры и правовой грамотности общества по средствам понимания приоритетных обязанностей и значимости их исполнения для всех субъектов права.

Ценностная переориентация субъекта при уяснении приоритетных обязанностей может быть сравнима с изменениями аксиологических ориентиров с политико-государственных на социальные (человека и общество) в конституциях некоторых постсоветских стран, в том числе России и Казахстана.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права Т. 2 // URL: https://bookshake.net/b/obshchaya-teoriya-prava-tom-ii-sergey-sergeevich-alekseev (дата обращения: 11.05.2020).

2. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве // URL: https://filosoff.org/ilyin/tvorchestvo/obshhee-uchenie-o-prave-i-gosudarstve/ (дата обращения: 03.05.2020).

3. Ильин И. А. О сущности правосознания // URL: https://filosoff.org/ilyin/tvorchestvo/o-sushhnosti-pravosoznaniya/ (дата обращения: 02.05.2020).

4. Липинский Д. А. Формы юридической ответственности // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева: серия «Юриспруденция». Вып. 4. Тольятти : ВУИТ, 1999.

5. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб., 2004.

6. Бердяев Н. А. Философия неравенства письма к недругам по социальной философии. Берлин, 1923.

7. Соловьев В. С. Собрание сочинений Т. 8 // URL: http://www.odinblago.ru/soloviev_8/2 (дата обращения: 04.05.2020).

Чикалов О. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***В. П. Малахов*****,**
профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРАВОСУДНОГО ТИПА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ

Начиная исследование правосудного типа профессионального правосознания, важно обратить внимание на наличие диалектической связи между ним и правосудием как видом профессиональной юридической деятельности. Следует указать, что достижение понимания целевой специфики, структуры и содержания исследуемой субформы профессионального правосознания, а также ее связи с иными формами общественного сознания, первостепенно, зависит от того, насколько четко определено значение используемого в данном диссертационном исследовании понятия «правосудный вид юридической деятельности». Важно указать, что определяющее значение в реализации им отражающе-преобразующей активности имеет «регулятивная» группа функций. Комплементарным значением, в данном ключе, обладают «познавательная» и «творческая» группы функций. Данным обстоятельством обусловлено, что процесс осуществления правосудного типа профессионального правосознания состоит из следующих стадий:

– когнитивной, в рамках которой доминирующим значением обладают функции «познавательной» группы;

– творческо-регулятивной, в рамках которой доминирующим значением обладают функции «творческой» и «регулятивной» групп, одновременно.

В рамках функциональной характеристики правосудного типа профессионального правосознания представляется целесообразным выделить следующие модусы его реализации: содержательный и формальный. Переходя к рассмотрению «содержательного» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания, необходимо отметить, что объектом его отражающе-преобразующей активности являются конкретные социальные ситуации, состоящие в правовых конфликтах (спорах) между субъектами правореализационной деятельности и (или) противоправных деяниях (правонарушениях, преступлениях, деликтах). Поэтому, целевой установкой «содержательного» модуса реализации рассматриваемой субформы профессионального правосознания становится «казуальная», направленная на узкий аспект социальной жизни, выражающийся в конкретной социальной ситуации, содержанием которой является правовой конфликт (спор) и (или) противоправное деяние (правонарушение, преступление, деликт). Важно указать, что процесс осуществления «содержательного» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания состоит из следующих стадий: когнитивной и творческо-регулятивной.

---

[1] © Чикалов О. В., 2021.

Когнитивная стадия осуществления «содержательного» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания состоит в познании судебной истины в рамках разрешаемой социальной ситуации, содержанием которой является правовой конфликт (спор) и (или) противоправное деяние (правонарушение, преступление, деликт). Рассматриваемая стадия включает в себя следующие этапы:

– *эмпирический* – данный этап состоит в восприятии фабулы и установлении обстоятельств рассматриваемого судебного дела [1]. В рамках рассматриваемого этапа актуализируются «отражательная» функция правосудного типа профессионального правосознания, состоящая в установлении путем непосредственной (опосредованной) регистрации фактических сведений об обстоятельствах, характеризующих по существу рассматриваемое судебное дело;

– *гносеологический* – этот этап заключается в исследовании относимости, допустимости, достоверности и достаточности предъявляемых сторонами доводов и доказательств, характеризующих по существу рассматриваемое судебное дело [2], а также в установлении юридической истины по рассматриваемому судебному делу путем формирования представления о достоверности материалов дела и соответствии юридической сути разрешаемого правового конфликта (спора) [3].

В рамках рассматриваемого этапа актуализируются следующие функции правосудного типа профессионального правосознания:

– *моделирующая*, состоящая в объединении полученных в ходе эмпирического этапа сведений об обстоятельствах, характеризующих по существу разрешаемое судебное дело в «унитарную модель юридической ситуации»;

– *оценочная*, состоящаяв сегрегации правозначимых фактов и доказательств от таковых, не имеющих юридического значения в рамках «унитарной модели юридической ситуации», являющейся выражением установленной юридической истины по рассматриваемому судебному делу;

– *интегративная*, состоящая в формировании внутреннего убеждения судьи относительно обстоятельств рассматриваемого судебного дела, содержанием которого является юридическая истина. Итогами осуществления когнитивной стадии «содержательного» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания являются:

а) формирование внутреннего убеждения судьи относительно обстоятельств рассматриваемого судебного дела;

б) установление судебной истины по рассматриваемому судебному делу.

Творческо-регулятивная стадия осуществления «содержательного» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания состоит:

– в квалификации конкретной социальной ситуации, содержанием которой является правовой конфликт (спор) и (или) противоправное деяние (правонарушение, преступление, деликт) [4];

– в выборе справедливого наказания для подсудимого (ответчика);

– в подготовке ментального проекта судебного решения (судебного акта) по рассматриваемому судебному делу, отвечающего критериям законности, обоснованности, мотивированности, справедливости.

В рамках рассматриваемой стадии актуализируются следующие функции правосудного типа профессионального правосознания:

– *интерпретационная*, состоящая в установлении подлежащей применению нормы действующего позитивного права относительно содержания установленной на познавательном этапе юридической истины по рассматриваемому делу, с учетом разъяснений высших судов, положений судебной практики, а также целями, стоящими перед отправлением правосудия и функционированием судебной системы;

– *воспитательная*, состоящая в выборе справедливого наказания для виновного лица (подсудимого, ответчика), с учетом особенностей его личности, установленных в ходе когнитивной стадии, а также на основании требований юридических предписаний, устанавливающих меры юридической ответственности за совершение противоправного деяния (правонарушения, преступления, деликта), а также назначения наказания или освобождения от такового.

Итогами осуществления творческо-регулятивной стадии «содержательного» модуса правосудного типа профессионального правосознания являются:

– формирование судейского усмотрения относительно рассматриваемого судебного дела, выражающегося в квалификации конкретной социальной ситуации, содержанием которой является правовой конфликт (спор) и (или) противоправное деяние (правонарушение, преступление, деликт) в рамках судебного следствия;

– выбор справедливого наказания для подсудимого (ответчика), соответствующего существу совершенного противоправного деяния (правонарушения, преступления, деликта), его характеру и степени общественной опасности, обстоятельствам совершения последнего, а также личности виновного;

– подготовка ментального проекта судебного решения (судебного акта) по рассматриваемому судебному делу, отвечающего критериям законности, обоснованности, мотивированности, справедливости.

Интегральным итогом осуществления «содержательного» модуса правосудного типа профессионального правосознания является подготовка ментального проекта судебного прецедента, содержание которого заключается в судейском усмотрении, разрешающем конкретную социальную ситуацию, состоящую в правовом конфликте (споре) между субъектами правореализационной деятельности и (или) противоправном деянии (правонарушении, преступлении, деликте).

Представляется целесообразным перейти к рассмотрению «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания. Объектом отражательно-преобразующей активности последнего являются противоречия (правовые коллизии) между положениями органическим законодательства и нормативных правовых актов действующего законодательства, а также решение вопроса о правосудности (неправосудности) решений нижестоящих судов.

Осуществление «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания актуализируется в связи с необходимостью подтверждения (опровержения) наличия противоречий (коллизий) между

положениями органического законодательства и предписаниями акта позитивного права и с необходимостью пересмотра вышестоящими судами вступивших (не вступивших) в законную силу судебных решений нижестоящих судов на предмет законности и обоснованности (неправосудности). Необходимо подчеркнуть, что общей целевой установкой «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания является «частно-юридическая», направленная на узкий аспект системы позитивного права, выражающийся в конкретном противоречии (коллизии) в рамках системы судебной практики и (или) системы источников позитивного права.

Важно отметить, что процесс осуществления «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания также состоит из когнитивной и творческо-регулятивной стадий. Когнитивная стадия осуществления «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания состоит: в установлении соответствия (несоответствия) нормативного правового акта или его отдельных предписаний положениям Конституции Российской Федерации и (или) органического законодательства [5, 6]; на поиск признаков неправосудности оспариваемого судебного решения нижестоящего суда [7].

В рамках когнитивной стадии актуализируются следующие функции правосудного типа профессионального правосознания:

– *интерпретационная*, состоящая в выявлении смысла рассматриваемой правовой нормы и (или) нормативного правового акта действующего законодательства;

– *оценочная*, состоящая в сравнении правового смысла положений органического законодательства и нормативного правового акта и (или) отдельных предписаний последнего, конституционность которых оспаривается, с целью выявления противоречий между ними;

– *интегративная*, состоящая в формировании внутреннего убеждения судьи относительно соответствия (несоответствия) нормативного правового акта или его отдельных предписаний положениям Конституции Российской Федерации. Итогами когнитивной стадии осуществления «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания являются: установление юридической истины по разрешаемой правовой коллизии и формирование внутреннего убеждения судьи.

Творческо-регулятивная стадия осуществления «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания состоит в формировании судейского усмотрения и подготовке ментального проекта судебного прецедента в форме судейского решения (постановления, заключения) относительно: соответствия (несоответствия) нормативного правового акта положениям Конституции Российской Федерации (ст. 71); необходимости отмены неправосудного судебного решения, принятого нижестоящим судом (п. 5 ст. 5).

В рамках творческо-регулятивной стадии актуализируется «творческая» функция правосудного типа профессионального правосознания. При этом «творческая» функция в рамках данной стадии представлена в своих «позитивном» и «негативном» аспектах. Важно указать, что на творческой стадии осуществления

«формального» модуса реализации исследуемой субформы профессионального правосознания необходимо выделить в рамках общей «частно-юридической» целевой установки следующие частные целевые установки:

– *конструктивную*, целевая установка выражается в направленности на формирование судейского усмотрения, реализуемого в форме судебного прецедента по рассматриваемому вопросу. Данная целевая установка осуществляется посредством позитивного аспекта творческой функции правосудного типа профессионального правосознания. Достижение цели этой частной целевой установки обеспечивается через реализацию позитивного аспекта «творческой» функции исследуемой субформы профессионального правосознания;

– *деструктивную*, целевая установка выражается в направленности на формирование судейского усмотрения относительно необходимости лишения юридической силы оспариваемого нормативного правового акта или его отдельных положений как противоречащих Конституции Российской Федерации и (или) органического законодательства государства; оставления без изменений или отмены, в части или в целом неправосудного решения нижестоящего суда. Достижение цели данной установки обеспечивается через реализацию негативного аспекта «творческой» функции исследуемой субформы профессионального правосознания.

Итогами творческо-регулятивной стадии осуществления «формального» модуса реализации правосудного типа профессионального правосознания являются: формирование судейского усмотрения о необходимости лишения юридической силы оспариваемого нормативного правового акта или его отдельных положений как противоречащих Конституции Российской Федерации; (отмена или оставление без изменений в части или в целом решения нижестоящего суда.

Интегральным итогом осуществления «формального» модуса правосудного типа профессионального правосознания является подготовка ментального проекта судебного прецедента, содержание которого заключается в судейском усмотрении, разрешающем противоречие (коллизию) в рамках системы правоприменительной и судебной практики и (или) системы источников позитивного права.

Таким образом, резюмируя итоги функционального анализа правосудного типа профессионального правосознания, представляется целесообразным сформулировать следующие выводы:

– специфика функционирования «содержательного» модуса реализации исследуемой субформы профессионального правосознания заключается в смысловом переходе от содержания общественного отношения к ментальному проекту судебного прецедента;

– специфика функционирования «формального» модуса реализации исследуемой субформы профессионального правосознания заключается: в смысловом переходе от содержания «старого» судебного прецедента к ментальному проекту «нового» судебного прецедента и в смысловом переходе от содержания оспариваемой правовой нормы к ментальному проекту судебного прецедента.

Список литературы

1. Романов С. В. Требования всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела как необходимое условие предварительного расследования // Вестник Московского университета. 2008. № 1. С. 19.

2. Непранов Р. Г. Некоторые вопросы оценки свойств доказательств в уголовно-процессуальном праве России // Юристъ-Правоведъ. 2013. № 4 (59). С. 54–55.

3. Бубон К. В. К вопросу о категории «истина» в гражданском и уголовном процессе и ее место в ряду правовых ценностей // Адвокат. 2012. № 5. С. 19–20.

4. Епихин А. Ю., Тарханов И. А. Изменение обвинения и квалификации преступления в судебном производстве // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 126–127.

5. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.

6. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 31. Ст. 4811.

7. Иванов А. О. К вопросу об объективных признаках вынесения заведомо неправосудного судебного акта // Вестник Омского юридического института. 2011. № 1 (14). С. 101–102.

Чуткова Ю. Д.[1]*,*
курсант 571 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Пузырева Ю. В.****,*
заместитель начальника кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривая проблематику реализации государствами норм МГП, следует обратить внимание на ключевые механизмы, посредством которых осуществляется регулирование любого рода деятельности в рамках международных отношений. Согласно статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. императивные принципы (jus cogens) признаны международным сообществом как нормы, которые не мог быть проигнорированы либо нарушены и подлежат изменению исключительно принятием норм общего международного права, аналогично носящими императивный характер [1, с. 18–43].

К вышеупомянутой категории следует относить и принцип добросовестного выполнения международных обязательств (лат. pacta sunt servanda). В целом механизм выполнения обязательств по международным договорам представляет собой сложное комплексное правовое явление, которое объединяет под своим началом институт обязательности, средства обеспечения выполнения обязательств, институт ответственности, институты, связанные с добросовестностью, и другие) [2, с. 60–77].

Ключевым шагом в принятии на общемировом уровне pacta sunt servanda стал пересмотр Парижского мирного договора 1856 г. на прошедшей в 1871 г. Лондонской конференции. В ходе длительной совместной работы государства пришли к консенсусу, большинство европейских стран признало в качестве базового положения международного права тезис о том, что все государства обязаны соблюдать установленные обязательства и не могут самопроизвольно освободить себя от тех или иных обязательств при условии отсутствия согласия договаривающихся сторон, достигаемого в ходе переговорного процесса. Данное решение послужило непосредственному закреплению принципа pacta sunt servanda («договоры должны соблюдаться») на международном уровне [3, с. 9–10]. В дальнейшем исследуемый принцип был закреплен в Уставе Организации Объединенных Наций 1945 г.

Отдельно в преамбуле Устава выделяется ответственность государств-членов ООН по созданию необходимых условий для соблюдения, поддержания справедливости и уважения к обязательствам, которые порождаются различными договорами и иными источниками международного права [4]. Опираясь на

[1] © Чуткова Ю. Д., 2021.

содержание Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., следует отметить, что государства-участники обязуются «добросовестно выполнять свои обязательства по международному праву, как те обязательства, которые вытекают из общепризнанных принципов и норм международного права, так и те обязательства, которые вытекают из соответствующих международному праву договоров или других соглашений, участниками которых они являются» [1, с. 130].

В период вооруженных конфликтов серьезную роль играет механизм международного контроля за выполнением обязательств, ключевой особенностью которого выступают нормы, содержащиеся в различного рода конвенционных источниках и относящихся к защите жертв войны, запрещенным средствам и методам ведения боевых действий [4]. Своим приходом XX век вынес на повестку дня вопросы, связанные с используемыми государствами средствами и методами ведения войны, поскольку именно в эпоху индустриализации стали возникать новые виды оружия (в том числе и оружие массового уничтожения), усовершенствоваться ранее созданные виды, что влекло за собой необходимость создания и внедрения системы международного контроля как гарантии выполнения принятых государствами обязательств в данной сфере.

К примеру, в рамках Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду 1977 г. введено положение о консультациях и сотрудничестве государств-членов как некоторой форме контроля за соблюдением данного документа. Для указанных выше целей активно используются также международные процедуры, применяемые при помощи сил Организации Объединенных Наций. Также любое государство-участник по вопросам, затрагивающим выполнение положений Конвенции, имеет право выразить просьбу, в ответ на которую депозитарий вправе созвать Консультативный комитет экспертов. Весьма трудоемким и сложным представляется процесс разработки контрольного механизма касательно действия такого нормативного документа как Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении 1993 г., поскольку объем установленных запретов крайне велик и непосредственный объект регулирования довольно обширен.

Данный документ включает в себя обязательство государств сделать объявления касательно местонахождения имеющегося у них химического оружия; также в нем закреплены обязательства в отношении проверки добросовестного соблюдения Конвенции. Например, статья 6 указанной Конвенции содержит положения о том, что разнообразные токсичные химикаты (а также их прекурсоры) производились, приобретались, иным образом сохранялись, передавались и использовались в пределах территории государства либо в другом месте под юрисдикцией государства и его контролем [1, с. 142–146].

По мнению исследователя-правоведа В. Калугина, обсуждаемый нами ранее принцип pacta sunt servanda по сути своей служит фиксатором: данный принцип закрепляет обязанности государств-участников в полной мере выполнять международные обязательства, вытекающие из Женевских конвенций 1949 г., Дополнительного протокола I, Дополнительного протокола II 1977 г. и иных

международно-правовых актов, регулирующих взаимоотношения в данной области. Соответственно для практической реализации норм МГП необходимо приложить усилия в контексте принятия ряда внутригосударственных мер. Упомянутые меры прежде всего подразумевают имплементацию норм МГП во внутригосударственное законодательство [5, с. 15]. Наивно полагать, что в случае возникновения вооруженного конфликта, в его острой фазе, стороны будут готовы к открытому диалогу и налаживанию взаимодействия, направленному на обеспечение реализации норм МГП. Исходя из этого, вполне закономерно следует вывод о том, что вопросы имплементации норм МГП во внутригосударственное право необходимо разрешать вне вооруженных конфликтов любого характера, то есть в мирное время.

Международные договоры, формирующие своим содержанием МГП, зачастую включают в себя обязательства государств по криминализации различных деяний, представляющих собой нарушения норм МГП в международных вооруженных конфликтах. Говоря о Женевских конвенциях 1949 г., следует отметить, что в данных документах закреплена обязанность государств интегрировать в национальное законодательство нормы, касающиеся «обеспечения эффективных уголовных наказаний для лиц, совершивших или приказавших совершить те или иные серьезные нарушения Конвенций» [6]. Также исходя из статьи 1 Женевских конвенций 1949 г., можно прийти к логичному умозаключению о том, что государства обязаны самостоятельно принять решение – возможно ли введение юридической ответственности за преступные деяния, не относящиеся к военным преступлениям, но нарушающее существующие нормы МГП, и в каком виде упомянутая ответственность может быть реализована [7, с. 45–46].

Крайне важным во время вооруженных конфликтов представляется создание и регулирование дальнейшей деятельности национальных представительств Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца, а также контроль за использованием символики данного движения и предотвращение неправомерного использования эмблем и знаков, которые в соответствии с нормами МГП подлежат защите [8]. Помимо прочего, особое значение в рамках вооруженных конфликтов приобретает деятельность правоохранительных структур и обеспечение судебных гарантий на должном уровне. Также к мерам необходимым для эффективной реализации норм МГП в ходе вооруженных конфликтов следует отнести: обеспечение защиты лиц и объектов, которые в соответствии с действующими международными актами обладают правом на защиту; формирование демилитаризованных зон во время военных действий, а также санитарных зон, нейтрализованных зон [4]; проведение разработки, применения оружия, методов и средств ведения войны, размещения военных объектов, развертывания военной техники, согласно существующим международно-правовым нормам [4].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что государства, принимающие участие в договорах касательно запрещенных методов и средств ведения войны, приобретают обязательства в данной сфере. Соответ-

ственно для реализации обязательств государств по тем или иным договорам существуют определенные меры международного контроля, международных гарантий и ряд специальных механизмов контроля за выполнением обязательств.

Список литературы

1. Котляров И. И., Пузырева Ю. В. Международное право. Сборник документов : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2020. 622 с.

2. Симонова (Никитенко) Н. С. Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам: понятие, основные элементы // Московский журнал международного права. 2013. № 3. С. 60–77.

3. Международное гуманитарное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / отв. ред. Н. Д. Эриашвили.М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 231 с.

4. Смирнова А. Н. Прогрессивное развитие норм международного гуманитарного права о методах и средствах ведения войны: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.10. М., 2017. 186 с.

5. Калугин В. Механизм имплементации норм международного гуманитарного права на внутригосударственном уровне // Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2000. № 1. С. 15.

6. Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. М., 1997. 318 с.

7. Русинова В. Н. Нарушения международного гуманитарного права: индивидуальная уголовная ответственность и судебное преследование. М. : Юрлитинформ, 2006. 189 с.

8. Выполнение норм международного гуманитарного права: от правовых норм к действию // Информация по правовым вопросам. URL: https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/666hbb.htm (дата обращения: 19.05.2021).

Шитов Г. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***С. А. Иванов*****,**
доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В УКРЕПЛЕНИИ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

История показывает, что возникновение государства и постепенное развитие общественных отношений от примитивных к более развитым формам требовало соответствующего уровня правового регулирования. Постепенное накопление правовых предписаний правящей власти наряду с действующими обычаями привело к первым попыткам их систематизации с целью собрания в одном сборнике действующих в обществе правовых норм и укрепления власти правителей.

Так, в отечественной истории первым значимым правовым памятником Древнерусского права является «Русская Правда» первое издание которой, называемое Древнейшей правдой или Правда Ярослава, датируется 1015–1016 гг. (всего известно пять редакций). В научной литературе наших дней она характеризуется как сводный акт кодифицированного характера, профилирующий правовую систему своего времени [1, с. 109]. Также современные подходы в исследовании «Русской Правды» показывают, что созданная на основе норм обычного права, действующего в Киеве, она была призвана обеспечить процесс интеграции многонационального Русского государства, путём действия на всей территории единообразных, унифицированных и согласованных на законодательном уровне нормативных предписаний [2, с. 14, 16].

В данной статье история дореволюционного российского права будет рассмотрена в периодизации, предложенной Г. Ф. Шершеневичем, в которой выделены киевский, местный, московский и петербургский периоды [3, с. 12]. Каждый из периодов характеризуется созданием соответствующего правового памятника, созданного путем систематизации. Периоды, указанные Г. Ф. Шершеневичем, в принципе совпадают с общепринятой современной периодизацией истории российского права, за исключением последнего «петербургского», который в наше время разделяется на период абсолютизма и период буржуазной монархии [4, с. 5].

После утраты влияния Киевом наступает период удельных княжеств, а затем и феодальной раздробленности, который характеризуется созданием местного законодательства, имеющего признаки систематизации, как попытка в период отсутствия сильной центральной власти упорядочить общественные отношения на местном уровне. Здесь можно отметить Псковскую и Новгородскую судные грамоты.

---

[1] © Шитов Г. А., 2021.

Усиление Московского царства, единство власти Московских государей логично вело к попытке централизации управления и знаменуется созданием Царских судебников 1547 г. Иваном III и 1550 г. Иваном IV, которые имели систематизированный и реформаторский характер, в первую очередь для судебной системы Российского государства. С появлением судебников судебная система приобрела иерархичный характер, во главе которой стоял суд Великого князя или государя. Оба судебника разделены на две части: первая о порядке суда, вторая половина состоит из новых узаконений. Судебник 1550 г., по словам Ивана IV, является исправленной версией первого. Излишнее стремление к централизации в Судебнике 1547 г., по мнению Царя Ивана IV, привело к неуважению к старым русским законам, в связи с чем, во втором Судебнике произошла частичная децентрализация в пользу местного управления, и более удачная адаптация правового акта к реалиям современного общества того времени и соответственно обеспечено уважение к прежним традициям [5, с. 525].

В период начала царствования Алексея Михайловича остро встали вопросы внутреннего государственного устройства, требующего, в виду творившегося произвола на новых завоёванных и объединённых территориях, твердого юридического порядка. Прежние источники, описанные выше были не в состоянии его обеспечить. Печальное состояние действующего на тот момент законодательства порождали злоупотребления во власти, которые в итоге стали причиной масштабных народных волнений в Москве летом 1648 г. Данные обстоятельства, возможно, побудили Царя принять меры к составлению уложения известное в истории как Соборное Уложение 1649 г. В короткие сроки был подготовлен проект Уложения, который в последствии был утвержден государем и созванным по такому случаю Земским собором. Итоговый документ отражал существующую на тот момент структуру отраслей законодательства, был пронумерован и разделён на главы и статьи, отменял действующие на тот момент акты, за исключением тех, на которые делались ссылки, то есть обладал признаками, характеризующими такой кодификационный акт как уложение. Урегулировав основные и наиболее значимые сферы государственных и общественных интересов, он оценивается в наши дни как символ окрепшего Российского государства [6, с. 261]. В то же время некоторые положения Уложения укрепляли царскую власть, отменяя прежний порядок коллегиального решения государственных вопросов, отстраняя общество от участия в них [5, с. 571–572].

Следующий этап истории права начинается с периода правления Петра Первого, который, проводя многочисленные реформы, осознал необходимость укрепления действовавшего в стране законодательства и предпринял попытки к его систематизации. Для этой цели Петром Первым была учреждена «Палата о уложении», целью которой было создание сводного уложения. Начало кодификационной деятельности было положено соответствующим указом Государя 18 февраля 1700 г. [7, с. 14]. Однако созданная комиссия, а также несколько последующих каких-либо значимых результатов не дали.

Ситуация изменилась только в период правления Николая I, который с самого начала своего правления сосредоточился на укреплении государственной власти

во всех ее сферах. Осознавая необходимость создания единого систематизированного законодательства для укрепления и развития Российской Империи, он принял решение об учреждении во главе со М. М. Сперанским II-го отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Систематизацией охватывался период от Соборного уложения 1649 г. до момента начала самой систематизации. По предложению Сперанского первоначально было принято решение провести систематизацию в три этапа, однако были реализованы только первые два этапа. В результате этого были созданы Полное Собрание законов и Свод законов Российской Империи. По масштабам законодательной работы они решили поставленные задачи и приобрели значимость не только российского уровня, но и получили большую известность в мире.

Действие Свода с текущими изменениями продолжалось вплоть до революционных событий 1917 г. На его основании строилось не только правоприменительная практика, законность и правопорядок, но и юридическое образование молодого поколения, так необходимое для укрепления государственного строя большой и многонациональной Империи.

Переходя к Советскому периоду истории права стоит обратить внимание на монографию Т. Ф. Ящук, посвященной систематизации российского законодательства в советский период. Систематизация законодательства в этот период, по мнению автора, обеспечивала выполнение политических задач государства. Периодизация по упорядочиванию законодательства на основе количественных и качественных изменений разделена автором на несколько периодов:

– возникновение Советского государства и права и до принятия Конституции СССР 1924 г.;
– период от Конституции СССР 1924 г. до принятия Конституции СССР 1936 г.;
– от утверждения Конституции СССР 1936 г. и до середины1950-х гг.;
– период от середины 1950-х гг. до конца советского периода [8, с. 380].

Исследователи этих периодов также, как и Т. Ф. Ящук отмечают сильное влияние государственной идеологии в вопросах систематизации советского законодательства. Так, Д. А. Пашенцев, анализируя начальный период советской систематизации, характеризующийся бурной кодификацией, отмечает, что конструирование новой модели общественных отношений с помощью первых кодексов в сфере трудовых и брачно-семейных отношений происходило не на юридических, а на идеологических основах, создаваемые нормы права закрепляли идеологическую концепцию. В итоге направление правоприменительной практики на деле отличалось от заложенного законодателем вектора из-за давления идеологических факторов на субъектов правоприменительной деятельности [9, с. 12]. Также под влиянием идеологических факторов, усиленных режимом тоталитаризма, была решена судьба уже конечных итогов крупной систематизационной работы. В частности, издание разработанного в конце 20-х гг. большими усилиями Свода законов Союза ССР, в 1930 г. решением ЦИК СССР было признано нецелесообразным, ввиду изменения государственной политики.

Новый постсоветский уже российский период систематизации законодательства, длящийся уже на протяжении трех последних десятилетий, характеризуется пониманием ее важности и необходимости на самом высоком государственном

уровне. Хотя попытки общей систематизации путем создания Свода законов были закреплены на законодательном уровне, они не привели к конечному результату, и, тем не менее, на сегодняшний день кодифицированы основные отрасли права. Вопросы и проблемы систематизации законодательства обозначены как актуальные и в общеправовой теории, и в юридической практике. Подводя итог можно сказать, что систематизация, несомненно, развивает законодательство, делает его более понятным и влияет на правовое воспитание молодого поколения. Понятные и справедливые законы вызывают уважение и доверие, а значит бесспорно влияют на укрепление российского государства.

Список литературы

1. Кодан С. В. Акты систематизации законодательства как опорные точки в периодизации истории русского права (IX – начало XX в.) // Вестник Самарского юридического института, 2013. № 2 (10). С. 105–110.

2. Иншакова А. О. Русская правда как первоисточник унифицированного гражданско-правового развития Русского государства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Социология. Право. Политика, 2015. № 4 (29). С. 10–18.

3. Шершеневич Г. Ф. История кодификации гражданского права в России. М. : ЛЕНАНД, 2015.

4. Романенкова Е. Н. История отечественного государства и права. Конспект лекций : учебное пособие. М. : Проспект, 2014.

5. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М. : Типо-Литография С. А. Петровского, 1879.

6. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под. ред. А. С. Пиголкина. СПб. : Юридический центр Пресс», 2003.

7. Именной указ «О заседании в Государевых Палатах Боярам для учинения свода Уложения и всех указов, после того состоявшихся» // ПСЗ РИ. Собр. I. 1700–1712. Т. IV. № 1765.

8. Ящук Т. Ф. Систематизация российского законодательства в советский период. Омск : Омский государственный университет, 2021.

9. Пашенцев Д. А. Кодификация как инструмент конструирования системы конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.

РАЗДЕЛ II
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Белова О. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Б. Н. Комахин*****,**
профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МФЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Предоставление государственных и муниципальных услуг учреждениями МФЦ по принципу «одного окна» осуществляется в соответствии с нормами Федерального закона № 210 «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – ФЗ № 210) [4]. Одной из обязанностей учреждений МФЦ является то, что они обязаны предоставлять государственные и муниципальные услуги в соответствии с административными регламентами. Это указывает на то, что предоставление той или иной государственной или муниципальной услуги нормируется, то есть, осуществляется по единому универсальному стандарту, разработанному и положенному в основу такого регламента. Поскольку регламент является административным, то осуществление государственной или муниципальной услуги в рамках реализации ст. 33 Конституции Российской Федерации [2] осуществляется в рамках административно-правового поля, что также имеет как свои преимущества, так и определенные недостатки. К преимуществам такого способа предоставления услуг следует отнести достаточно небольшое время получения услуги, снижение «волокиты», самостоятельное обеспечение межведомственного взаимодействия между государственными органами и повышение качества условий, в которых проводится прием заявителей. К недостаткам следует отнести метод правового регулирования оказания государственных и муниципальных услуг – это административный метод, который является основой для установления административного регулирования правоотношения. Такой метод основан исключительно на императивности, неравноправии сторон правоотношения, недобровольности волеизъявления. Однако в случае с МФЦ данные принципы проявляются достаточно интересно.

Императивность в данном случае можно усмотреть в том, что процедура предоставления той или иной государственной услуги уже заранее предусмотрена и установлена. Эта процедура, стандартизирована административными регламентами, не подлежит пересмотру и не может оспариваться другой стороной

[1] © Белова О. А., 2021.

государственной услуги – заявителем и гражданином. При этом даже сама процедура оспаривания административного регламента не предусмотрена в рамках ФЗ № 210. Такие нормы просто отсутствуют, что указывает на существенное неравноправие сторон правоотношения, поскольку МФЦ заключает межведомственные соглашения с различными государственными и муниципальными органами, которые, соглашаясь на эти соглашения, что подтверждало бы равноправный, гражданско-правовой способ заключения соглашения, в дальнейшем устанавливаются свои правила и нормы предоставления государственных и муниципальных услуг, которые они же и осуществляют через МФЦ.

Таким образом, для гражданина-заявителя, в сущности, ничего не меняется, поскольку государственный орган и в рамках Федерального закона № 59 «О порядке рассмотрения обращений граждан» [3] и до возникновения учреждений МФЦ предоставлял государственные и муниципальные услуги на аналогичных административно-правовых и неравноправных принципах. При этом в случае несогласия с результатом предоставления государственной или муниципальной услуги гражданин ранее мог использовать процедуру административной юстиции для обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц, рассматривавших обращение. Так, согласно ст. 5 ФЗ № 59 при рассмотрении обращения государственным органом, органом местного самоуправления или должностным лицом гражданин имеет право обращаться с жалобой на принятое по обращению решение или на действие (бездействие) в связи с рассмотрением обращения в административном и (или) судебном порядке в соответствии с законодательством Российской Федерации. Таким порядком является порядок обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц и государственных органов власти, установленный нормами главы 22 Кодекса Российской Федерации об административном судопроизводстве о производстве по административным делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, наделенных государственными или иными публичными полномочиями [4].

Обжалование такого ответа или отказа в предоставлении государственной услуги в рамках ФЗ № 59 осуществлялось по нормам ст. 218 КАС РФ, согласно п. 1 которой гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, иного органа, организации, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности. Также в рамках данной нормы гражданин или организация имели право в административном порядке оспорить решение, действие или бездействие в вышестоящий государственный орган в порядке подчиненности.

Порядок обжалования, предусмотренный ФЗ № 210, такого не предусматривает, что влечет ухудшение правовой защиты заявителя-гражданина в сравнении с порядком рассмотрения обращений граждан в рамках ФЗ № 59 [5, с. 66–67].

Так, согласно нормам главы 2.1 ФЗ № 210 заявитель-гражданин должен соблюсти обязательный досудебный порядок обращения к руководителю соответствующего учреждения МФЦ в случае, если полагает, что его права нарушены при предоставлении государственной услуги МФЦ. При этом ст.11.1 содержит лишь ограниченный перечень причин и оснований, по которым может быть подана жалоба. К ним относятся, к примеру, нарушение срока регистрации запроса о предоставлении государственной или муниципальной услуги, запроса, указанного в статье 15.1 настоящего Федерального закона; нарушение срока предоставления государственной или муниципальной услуги. В указанном случае досудебное (внесудебное) обжалование заявителем решений и действий (бездействия) многофункционального центра, работника многофункционального центра возможно в случае, если на многофункциональный центр, решения и действия (бездействие) которого обжалуются, возложена функция по предоставлению соответствующих государственных или муниципальных услуг в полном объеме в порядке, определенном ч. 1.3 ст. 16 настоящего Федерального закона; отказ в приеме документов, предоставление которых предусмотрено нормативными правовыми актами Российской Федерации, нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными правовыми актами для предоставления государственной или муниципальной услуги, у заявителя; затребование непредусмотренных документов у заявителя и т. д.

Лишь только после того, как заявитель пройдет процедуру досудебного обжалования, он может обратиться в суд, при этом порядок и нормы, на которые должен ссылаться заявитель в суде, нормы ФЗ № 210 не устанавливают. Очевидно, что это тот же административный порядок КАС РФ, однако правовая защита явно снижается, поскольку в случае предоставления государственных услуг заявителю по ФЗ № 59 он имел возможность сразу же обращаться в суд с административным иском, указывая непосредственно на нарушение, совершенное самим государственным или муниципальным органом. Сейчас же, обращаясь в МФЦ, заявитель получил небольшой объем прав по оспариванию решений, действий или бездействий сотрудников учреждения МФЦ, которые не могут отвечать за нарушения, совершенные государственными или муниципальными органами в рамках оказания ими услуг через МФЦ. К тому же заявитель лишается возможности напрямую контактировать с самим государственным органом, лишаясь возможность сразу обжаловать непосредственно нарушения государственного органа, а не МФЦ как посредника по ограниченному числу оснований. Из этого следует, что государственный или муниципальный орган, оказывая услугу через МФЦ как через посредника, отделен от заявителя, и последний лишен возможности обжаловать незаконные и необоснованные решения и действия (бездействия) такого государственного органа. Таким образом, вхождение государственных органов в систему предоставления государственных услуг через МФЦ, привело к ухудшению правовой защиты граждан-заявителей, которые вынуждены были сначала прибегать к процедуре досудебного обжалования действий сотрудников МФЦ, но не самих государственных органов. Подобные условия функционирования учреждений МФЦ вкупе с государственными и

муниципальными органами должны подвергнуться усовершенствованию в целях обеспечения прямого обжалования решений и действий органов государственной или муниципальной власти напрямую в суд, минуя досудебное урегулирование в МФЦ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 2020. № 220.

2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Российска газета. 2015. № 49.

3. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российская газета. 2006. № 95.

4. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. №210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Российская газета. 2010. № 168.

5. Рудой В. В. Многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг как инструмент повышения эффективности взаимодействия власти и общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. 2010. № 4. С. 66–67.

Горшков И. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Шурухнова Д. Н.[2],
профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

СОБЛЮДЕНИЕ ГРАЖДАНАМИ ПРАВИЛ ОБОРОТА ОРУЖИЯ КАК ФОРМА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Культура безусловно является важным феноменом человеческого общества, совокупность всего созданного конкретной общностью и определяющее уровень его развития на определенном историческом этапе. Ее организующее и мобилизующее общество значение трудно переоценить. Отмечается, что культура как предмет исследования содержит в себе три основных смысла. Во-первых, «культурой» мы можем назвать любые социальные характеристики человеческой жизни, материальной и духовной. Во-вторых, в термин «культура» может вкладываться понятие «благовоспитанность», в основе которого лежит незначительный корпус усвоенных знаний и опыта, состоящий по большей части из набора типовых реакций, санкционированных общественным классом и долгой традицией, т.е. норм поведения. В-третьих, культура понимается как цивилизация, взятая в той мере, в какой она воплощает в себе национальный дух [1, с. 23]. Таким образом культура не есть лишь материальное проявление человеческой деятельности, воплощение его идей в материальных формах. Культура есть и духовная сверхпозиция, качественная концентрация человеческих абстракций, которые находят воплощение в том числе в поведенческих установках и в этом отношении выражаются в осознании членом общества нескольких аспектов. В качестве таких аспектов можно выделить:

- модели социального регулирования поведения;
- процесс их восприятия индивидом, осознание и согласие с ними;
- осознание важности в этом процессе собственных поведенческих установок.

Поскольку среди всех социальных регуляторов в современном обществе особое место занимают формализированные нормы – нормы права, без которых немыслимо само существование государства, то такая поведенческая культура рассматривается как правовая культура. Отмечаем, что правовая культура в большей степени социальный феномен, чем правовой. В сущности, право в целом есть безусловно регулятивный инструмент, который стремиться к секуляризации от всех абстракций, не связанных с этой функцией. Вместе с тем, право, будучи само социальным феноменом не подлежит рассмотрению отдельно от процесса правового регулирования, представляющее собой «право в работе». Право в работе образует особый тип объективно складывающихся взаимодей-

---

[1] © Горшков И. С., 2021.
[2] © Шурухнова Д. Н., 2021.

ствие между юридическими нормами и их субъектами, которые оказывают влияние друг на друга. Рассмотрение права вне рамок таких взаимодействий и обратных субъект-объектных взаимосвязей было бы ошибочным. Более того, установление положительных подобных взаимосвязей есть не просто «побочный» (объективно складывающийся) продукт правового регулирования, а одна из его целей. Базовым понятием для установления взаимосвязей подобного рода являются юридические ценности. В этой связи правовую культуру можно определить как совокупность всех юридических ценностей, образующих продуктивно-позитивный пласт в правовой жизни отдельных людей, их коллективов, классов, слоев, социальных групп и общества в целом [2, с. 8].

Основываясь на данном определении, важным будет отметить разность подходов к самому понятию права и его сущности в зависимости от его отраслевой принадлежности. В особенности отчетливо это проявляется общественных отношениях, урегулированных нормами административного права. Ведь сущностью административного права являются как минимум две сферы. Сфера публичного администрирования (государственного и муниципального управления) и полицейская сфера, а ведущие роли среди способов регулятивного действия замещают не ценностная основа функционирования правовых норм, а жесткие рамки нормативных предписаний императивного характера, подкрепленных механизмом государственного принуждения и требующих их неукоснительного исполнения. Ценностная составляющая здесь вторична. Все это в полной мере относится к таким административно-правовым отношениям как оборот гражданского огнестрельного оружия.

Оружие, несомненно является важным элементом культуры с древних времен, с которым связаны многочисленные мифы и легенды, традиции и церемониал. Оборот оружия как элемент культуры и в нашей стране имеет давнюю историю и ведет письменный отсчет еще со времен «Повести временных лет». Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [3] (далее – Закон об оружии) в качестве одного из объектов правового регулирования имеет оборот гражданского оружие, имеющее культурную ценность, и оборот старинного (антикварного) оружия (ст.ст. 1 и 3). Кроме того, ст. 24 Закона об оружии используется понятия «религиозные обряды» и «церемонии», отправляемые с использованием оружия. Стоит принять в расчет и длительную историю охотничьих традиций (как формализированных, так и не формализированных). Все это говорит о том, что как минимум у части граждан – владельцев оружия (в особенности владельцев огнестрельного оружия) его владение, а также его хранение, ношение и использование выходит за рамки простого соблюдения норм административного права в форме исполнения нормативных предписаний юридических норм системы законодательства, регулирующего общественные отношения, связанные с оборотом гражданского оружия. Представляется верным считать, что императивные формы регулирования в правосознании таких граждан заменены ценностными установками, которые в большей степени тяготеют к нормам морали, нежели к праву. Такие установки составляют доминанту как личного правосознания, так и правосознания определенных социальных (и даже этнических) групп. Право, регулирующее оборот гражданского огнестрельного оружия, для

таких граждан является частью их правосознания, а его соблюдение частью правовой культуры, которое у весьма широких слоев населения (например, у отдельных народностей) может передаваться как социокультурный опыт в процессе воспитания и обучения. Однако, с сожалением констатируем, что такое положение дел ограничено и, в целом, не носит массового характера. Подобного рода поведенческие установки не характерны для широких слоёв наших сограждан – владельцев гражданского огнестрельного оружия, а в наиболее крайних формах можно говорить даже об отрицательных тенденциях влияния на правосознание многих владельцев гражданского огнестрельного оружия деструктивных образцов массовой культуры (прежде всего Западной), где оружие рассматривается как инструмент и способ доминирования одного субъекта над другим, источник личной власти и т. п.

В заключении отмечаем, что идеальной целью правового регулирования общественных отношений в сфере оборота гражданского огнестрельного оружия, характерными для административно-правовой отрасли способами должно стать не только лишь усиление их императивной составляющей, связанной с развитием механизма государственного принуждения и контрольно-надзорной деятельности компетентных органов. Идеальной целью было бы органическая встройка механизма административно-правового регулирования в систему сформированной правовой культуры в сфере оборота гражданского огнестрельного оружия, где регулирование данных правоотношений основывается на ценностных факторах и социокультурном опыте, который является частью модели социального регулирования поведения субъекта в данной сфере, процесс восприятия индивида такой модели, ее осознание и согласие с ней, а также осознание важности в этом процессе собственных поведенческих установок.

Список литературы

1. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : Гнозис, 2003. 375 с.

2. Карташов В. Н., М. Г. Баумова Правовая культура: понятие, структура, функции : монография. Ярославль : Ярославский государственный университет, 2008. 200 с.

3. Федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12679/.

Джафарова Н. Т.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***О. В. Зиборов****,*
первый заместитель начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЗАРУБЕЖНОГО ПРАКТИЧЕСКОГО ОПЫТА ПО ВОПРОСАМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБОРОТА ИНФОРМАЦИИ

Положительные аспекты практического опыта наиболее развитых государств по вопросам административно-правового обеспечения оборота информации являются одним из детерминирующих факторов совершенствования российского административного законодательства в сфере регулирования данной группы административных правоотношений.

Большинство высокоразвитых государств обладает достаточно развитой нормативной правовой основой, позволяющей не только успешно расследовать административные правонарушения, совершаемые при помощи цифровых технологий, но и предотвращать их.

Наиболее эффективная модель административно-правового регулирования правоотношений в области оборота информации к настоящему моменту сложилась в таких государствах, как Соединенные Штаты Америки (США), Китайская Народная Республика (далее – КНР), Англия в составе Соединенного королевства и в ряде других.

Нормативную правовую основу административного законодательства европейских стран в области оборота информации, и, в частности, в сфере регулирования функционирования сети Интернет, составляют нормативные документы Европейского Парламента и Совета Европы.

Одними из важнейших международных нормативных правовых актов в сфере информационного пространства являются Окинавская Хартия глобального информационного общества [1] и Декларация о европейской политике в области новых информационных технологий [2].

Каждый из указанных актов предусматривает меры по обеспечению оборота информации, и, в частности, информационной безопасности. Кроме того, нормами международного права рекомендуется поощрять установление внутригосударственных стандартов и правил, направленных на регламентацию правоотношений, протекающих в электронно-цифровой сфере и связанных с передачей информации в электронной форме.

Среди имеющегося объема международных правовых актов в области информационного пространства к рассматриваемой нами сфере непосредственно относятся следующие:

– декларация о свободе обмена информацией в интернете;

---

[1] © Джафарова Н. Т., 2021.

– директива 97/66/ЕС об обработке персональных данных и защите частных интересов в области телекоммуникации;

– конвенция Совета Европы по киберпреступности от 2001 г.;

– декларация принципов построения информационного общества принята в г. Женеве в декабре 2003 г.;

– рекомендация Совета Европы № 1706 «Средства массовой информации и терроризм»;

– Тунисское обязательство по вопросам информационного общества принято в 2005 г.

Перечисленные правовые акты преследуют цель снизить уровень возможности совершения правонарушений в области оборота информации посредством сети Интернет, а также установить наиболее благоприятный режим обмена информацией для пользователей глобальной сети.

Так, Декларация о свободе общения в интернете закрепляет основные принципы, призванные гарантировать соблюдение прав человека при пользовании глобальной компьютерной сетью Интернет [3].

В частности, Декларация призывает все страны придерживаться следующих принципов:

– воздерживаться от возложения на информацию в интернете каких-либо ограничений, которые бы по соразмерности превышали ограничения, возложенные на другие средства массовой информации;

– поощрять самоуправление и совместное управление в том, что касается распространения информации в интернете;

– воздерживаться от использования технологий, блокирующих или фильтрующих информацию, в допустимых пределах;

– применять фильтры, позволяющие ограничить определенные категории населения (например, детей) от нежелательной для просмотра информации;

– предпринять все возможные меры к тому, чтобы устранить явления, препятствующие доступу в интернет, созданию и поддержке веб-сайтов;

– гарантировать предоставление права на анонимность и уважать желание пользователей интернета не раскрывать свои персональные данные.

Реализация подобных принципов на практике требует разработки соответствующих правовых норм в системе законодательства стран, ратифицировавших данную Конвенцию. Российская Федерация, в свою очередь, также стремится к приближению норм административного права в области оборота информации к международным рекомендациям.

Для многих зарубежных государств в основном характерен подход к проблеме информационной безопасности с учетом таких понятий, как аутентичность, доступность, целостность, конфиденциальность.

Интересно отметить, что в системе законодательства США действует Закон «Об информационной безопасности», принятый с целью реализации действий по обеспечению безопасности информации в федеральных компьютерных системах.

Вопросам административной ответственности в законодательстве США также уделяется достаточно пристальное внимание. В особенности достаточно

принципиальная позиция законодателя прослеживается в установлении ответственности за распространение информации клеветнического характера [4].

В силу особенностей правовых систем, романо-германской в Российской Федерации и англо-саксонской в США, в российском законодательстве нашел отражение иной подход к привлечению лиц, виновных в совершении правонарушения, к административной ответственности.

В настоящее время прослеживается тенденция в зарубежном законодательстве в области оборота информации, заключающаяся в повсеместном создании электронного правительства, функционирование которого основывается на применении информационных технологий. Данные технологии используются при создании государственных информационных ресурсов и обеспечении доступа к информации о деятельности органов государственной власти.

Российское законодательство в сфере оборота информации приближается к международным стандартам путем ратификации отдельных международных нормативных правовых актов.

Список литературы

1. Окинавская Хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. № 8.

2. Декларация о европейской политике в области новых информационных технологий (принята в г. Будапеште 06.05.1999 - 07.05.1999 на 104-й сессии Комитета министров Совета Европы) // Дипломатический вестник. 1999. № 6. С. 37–39.

3. Декларация о свободе обмена информацией в интернете (принята Комитетом Министров Совета Европы от 28 мая 2003 г. на 840-м заседании заместителей Министров) // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/71036560/.

4. Telecommunications Act of 1996 // URL: https://www.fcc.gov/general/telecommunications-act-1996 (дата обращения: 05.05.2021).

Дрогавцева Е. А.[1]*,*
адъюнкт кафедры конституционного и международного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель: ***П. А. Астафичев****,*
профессор кафедры конституционного и международного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ЦЕЛЬ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА ГРАЖДАНСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Обеспечение безопасности при реализации права на гражданство как личного права каждого человека [1, с. 104] включает два основных аспекта: обеспечение защищенности гражданина (лица, имеющего основания для приобретения гражданства) и обеспечение интересов государства и общества с учетом соблюдения норм национального законодательства.

О. О. Миронов выделил ряд правомочий гражданина: проживать на территории государства; обладать всем комплексом прав, предусмотренных законодательством государства, как на его территории, так вне ее пределов; беспрепятственно покидать территорию своего государства и возвращаться [2, с. 69]. Это безусловно верный подход в отношении лица, уже состоящего в гражданстве конкретного государства. Для лиц, не состоящих в российском гражданстве, круг правомочий будет другим – это правомочия: приобретать, изменять, оформлять выход и осуществлять выбор гражданства.

У каждого субъективного права есть строго определенные границы (пределы) его осуществления. Перечисленные правомочия имеют относительный, а не абсолютный характер. К абсолютным правам можно отнести лишь право на достоинство человека, которое ни при каких условиях не может быть ни ограничено, ни отменено [3, с. 150–153]. В свою очередь пределы прав и свобод человека имеют социальные основы – предопределены обществом [4, с. 7]. Безопасность личности и общества имеет прямую связь с безопасностью государства, так как последняя имеет безусловную ценность только при полноценном обеспечении предшествующей. Ограничения прав и свобод человека и гражданина как установленное государством «сужение условий и возможностей человека и гражданина притязать на определенные блага» [5, с. 7] выступают в качестве одного из средств обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Рассмотрим соотношение государственной безопасности и такого правомочия как приобретение российского гражданства иностранными гражданами и лицами без гражданства, а также существующие в современном законодательстве ограничения правомочия на приобретение гражданства в рамках реализации права на гражданство иностранными гражданами и лицами без гражданства.

В качестве основных средств обеспечения государственной безопасности в современной России при натурализации выступают основания для отклонения заявлений по вопросам гражданства, а также основания для отмены решения.

---

[1] © Дрогавцева Е. А., 2021.

Эти две группы оснований корреспондируют между собой ввиду того, что последствия нарушений или несвоевременного выявления таких ограничений представляют угрозу безопасности как отдельной личности, так и обществу, государству и мировому сообществу в целом. Причем, первые из них можно охарактеризовать в качестве средств защиты, а вторые как средства восстановления пробелов, возникших на этапе рассмотрения заявлений по вопросам российского гражданства, и повлекших факт необъективного решения. Акцентируем внимание на том, что в 2017 г. перечень оснований для отмены решения о приобретении гражданства был расширен. Отмене подлежат решения о приобретении гражданства, принятые в отношении лиц, целью приобретения гражданства, которых было осуществление деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, а также совершение преступлений (приготовления к преступлениям или покушения на преступления), направленных против мира и безопасности человека, против основ конституционного строя, государственной и общественной безопасности [6]. Ранее основанием для отмены решения по вопросам гражданство являлось только сообщение заведомо ложных сведений или предоставление подложных документов. Полагаем, что нововведение обусловлено развитием форм и методов, используемых террористами и экстремистами. Законодательные органы вынуждены искать новые пути противодействия деструктивным явлениям и тенденциям [7, с. 10].

На основании вышеизложенного логично сформулировать следующее определение. Основания, при наличии которых заявление о приобретении российского гражданства отклоняется, а принятое решение о приеме в гражданство подлежит отмене – это законодательно санкционированные и обусловленные необходимостью обеспечения защиты основ конституционного строя, государственной, общественной и личной безопасности, а также безопасности человечества в целом, ограничения права на гражданство, реализуемого посредством натурализации лицами, не состоящими в гражданстве Российской Федерации, либо лицами, приобретшими российское гражданство в результате необоснованного решения, принятого на основании заведомо ложных сведений, подложных документов или с целью осуществления деятельности, представляющей угрозу основам конституционного строя России и безопасности.

Конституционный Суд Российской Федерации разъясняет, что объективность решения о гражданстве, принятого на основании изучения уполномоченным государственным органом заявлений по вопросам гражданства, зависит от достоверности информации, содержащейся в данных заявлениях, а также от достоверности представленных документов [8]. Вместе с тем обязанность по выявлению таких фактов законодателем возложена на полномочные органы, ведающие вопросами гражданства Российской Федерации, которые осуществляют предусмотренные законодательством проверки в тандеме с территориальными органами Федеральной службой безопасности Российской Федерации [9].

Обращаясь ко всем видам юридических ограничений всегда встает вопрос о степени их разумности, объективности и необходимости, которые в свою очередь обусловлены целями политики обеспечения государственной безопасности, которые должны быть направлены не только на защиту безопасности, но и на

«создание условий для реализации планов и программ развития страны – личности, общества и государства – в условиях действия вызовов и угроз» [10, с. 12]. В этом контексте, следует отметить то, что законодатель в 2020 году в п. 9.1. и п. 53 Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации четко регламентировал перечень сведений, умышленное неверное указание которых влечет отклонение или последующую отмену решения по вопросам гражданства. К ним относятся: фамилия, имя, отчество, дата, место рождения, гражданство либо отсутствие гражданства [11]. Иными словами, указание только заведомо ложных сведений, имеющих определяющее значение для решения вопроса о приобретении российского гражданства, может являться основанием для отклонения заявления либо отмены решения по вопросам гражданства. Таким образом, указанные изменения выступают в качестве новой гарантии защиты прав лиц, приобретших российское гражданство, либо проходящих процедуру натурализации иностранных граждан (лиц без гражданства) и создают условия для обеспечения баланса интересов человека, общества и государства.

В то же время законодатель предусматривает в ч. 4 ст. 35 действующего Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» возможность продления срока рассмотрения заявления по вопросам гражданства Российской Федерации на три месяца с целью необходимости уточнения фактов, свидетельствующих о наличии определенных оснований для отклонения заявлений, относящихся к категории, затрагивающей вопросы государственной безопасности России (пп. а, б, в, е ч. 1 ст. 16 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: факты участия в террористических актах, в осуществлении экстремистской деятельности; совершение действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и т. д.) [12]. Указанная мера является специальной гарантией обеспечения принципа объективности и всесторонности рассмотрения заявления по вопросам гражданства как в общем, так и в упрощенном порядке.

Подводя итоги, считаем возможным сделать следующие обобщения и выводы. С целью обеспечения правовой определенности и содействия развитию правосознания населения, ст. 3 «Основные понятия» Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» целесообразно дополнить определением понятия «основания, при наличии которых заявление о приобретении российского гражданства отклоняется, а принятое решение о приеме в гражданство подлежит отмене». Анализируя изменения российского законодательства о гражданстве в части, касающейся оснований отмены решения о приеме в гражданство и оснований отклонения заявления о приеме в гражданство, можно сделать вывод о том, что имеет место тенденция к установлению абсолютно-определенных детализированных норм, что способствует единообразному толкованию и исключает «произвольную правоприменительную практику» [13, с. 51].

Список литературы

1. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. М. : ИНФРА-М, 1997. 298 с.

2. Миронов О. О. Субъекты советского государственного права / под. ред. И. Е. Фарбера. Саратов : Саратовский университет, 1975. 81 с.

3. Маунц Т. Государственное право Германии (ФРГ и ГДР) / пер. с нем. Ю. П. Урьяса. М. : Издательство иностранной литературы, 1959. 596 с.

4. Бородин В. В., Тарасов А. В., Ушаков В. И. Ограничение конституционных прав и свобод человека в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект : монография. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2008. 156 с.

5. Беломестных Л. Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина : Теоретический аспект : автореф. дис … канд. юрид. наук : 12.00.01. М., 2003. 20 с.

6. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 243-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» и ст.ст. 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4792.

7. Терроризм, права человека и демократические ценности в России и за рубежом : монография / [О. В. Безрукова и др.]. М. : Юрлитинформ, 2019. 232 с.

8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 октября 2016 г. № 2211-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Мехтиева Талеха на нарушение его конституционных прав ст. 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» // Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. Режим доступа: локальная сеть РНБ.

9. Приказ МВД России от 16 сентября 2019 г. № 623 (ред. от 03.07.2020) «Об утверждении Инструкции об организации деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации и его территориальных органов при рассмотрении заявлений по вопросам гражданства Российской Федерации и принятии по ним решений» // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. Режим доступа: локальная сеть РНБ.

10. Назаров В. П., Афиногенов Д. А. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 9–19.

11. Указ Президента Российской Федерации от 5 октября 2020 г. № 606 «О внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 1325» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 41. Ст. 6390.

12. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», с учетом изменений, внесенных Федеральным законом от 13 июля 2020 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 22. Ст. 2031.

13. Астафичев П. А. Проблемы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях пандемии COVID-19 // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 42–53.

Кашаева В. В.[1]*,*
курсант 574 учебного взвода международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***С. О. Харламов****,*
начальник кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СПОСОБЫ ЕЕ ПРОФИЛАКТИКИ

Актуальность проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, совершенных мигрантами, обусловлена повышенным вниманием со стороны государства и общества к связи роста преступности и увеличения количества мигрантов на территории России. Миграция имеет сложный социальный и порой конфликтный характер.

Миграционные потоки в современном мире принимают огромные размеры из-за влияния различных социальных, экономических, политических факторов. Приток мигрантов в Россию порождает определ енные проблемы такие, как рост конкуренции на рынке труда, рост числа безработных граждан, трудности в жизни общества и многие другие. Одним из последствий миграции в Российской Федерации является рост преступности [1, с. 102–105]. При этом низкая эффективность мер борьбы с криминальной составляющей миграционных процессов может поставить под угрозу национальную безопасность страны.

Преступность мигрантов – это вид преступности, обусловленный особой характеристикой личности преступника. Эта характеристика предполагает наличие гражданства иностранного государства у преступника, либо вовсе его отсутствие (лицо без гражданства), а также перемещение преступника из одной территориальной единицы в другую, включая смену места пребывания или места жительства [3, с. 201–203].

Масштабная неконтролируемая миграция вызывает различные проблемы такие, как развитие теней экономики, нелегальная миграция, разжигание межнациональной ненависти, ухудшение социальной жизни общества, тем самым усложняя оперативно-профилактическую деятельность [2, с. 116–117].

Изучая статистические данные, стоит отметить, что в период с января по сентябрь 2020 г. в Российской Федерации прибыло более 4,3 млн мигрантов, за данный период иностранные граждане совершили 25 тыс. преступлений и 466 тыс. административных преступлений, в розыске находится 13 тыс. мигрантов.

Сравнение данных показателей с предыдущим 2019 г. свидетельствует о росте совершенных мигрантами преступлений. Так, в 2019 г. на территорию Российской Федерации прибыло 15,7 млн иностранных граждан, а число преступлений среди них составило 38,5 тыс. По статистике МВД за январь 2021 г. количество преступлений, совершенных мигрантами, увеличилось на

[1] © Кашаева В. В., 2021.

6,1 % по сравнению с январем 2020 г. Только за январь 2021 г. мигрантами совершено 3,3 тыс. преступлений, а гражданами СНГ из этого числа совершено 2,6 тыс. преступлений. Кроме того, количество преступлений, совершенных в отношении мигрантов, составляет 1,4 тыс. за январь 2021 г., что на 18,4 % выше по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. Этот показатель должен насторожить, так как количество совершенных преступлений растёт, ухудшается криминогенная обстановка в стране, усложняется порядок раскрытия, расследования и предупреждения совершаемых преступлений [1, с. 133–134].

К тому же, необходимо отметить, что в связи с эпидемией COVID-19 и введенными ограничениями ситуация на рынке труда довольно сложная, многие граждане Российской Федерации и иностранные граждане потеряли рабочие места, поэтому после снятие всех или части отграничений ожидается всплеск трудовой миграции и как следствие, ухудшение криминогенной обстановки.

Преступность мигрантов обладает высокой латентностью. Это обусловлено сложностью розыска данных лиц и нелегальных мигрантов.

Выделяют некоторые виды преступлений, которые чаще всего совершаются мигрантами. Среди них: незаконные действия в отношении официальных документов, дача взятки, разбой, мошенничество, кража. Для преступников-мигрантов свойственно совершение преступлений, которые требуют определенных умений и навыков, участие в организованных преступных группах.

Существуют различные причины преступности мигрантов: формирование личности иностранного гражданина до миграции, цель миграции и факторы, влияющие на личность мигранта после его переезда к иному месту жительства или пребывания. Как правило, миграция может быть вызвана определенными социальными, экономическими, политическими проблемами на родине. Даже после смены территориальной единицы мигранты испытывают стресс, непринятие их на новом месте. Иностранные граждане сталкиваются с негативным отношением местных жителей, испытывают финансовые сложности, не сразу могут найти рабочее место и устроиться на новом месте жительства. Все это детерминирует преступность среди мигрантов [3, с. 214–215].

Предупреждение преступности среди мигрантов должно осуществляться компетентными органами в строгом соответствии законодательству. Меры воздействия на группу мигрантов или на отдельных лиц должны осуществляться только при наличии достаточных данных, которые определяют меры предупредительного воздействия на данных лиц, и которые не нарушают их права и свободы.

Эффективное регулирование миграционных процессов возможно только при стабилизации социальной, экономической и политической обстановки в России. Необходимо контролировать количество занятости населения, не допускать экономического спада производства, предотвращать дискриминацию мигрантов со стороны коренного населения страны, устранять социальные противоречия [4, с. 146–147].

По моему мнению, для достижения эффективного результата нужно планомерно распределять мигрантов по регионам Российской Федерации в зависимости от количества рабочих мест и структуры населения. Среди мер профилактики и предупреждения преступлений, совершаемых мигрантами, можно выделить

ограничение массовых беспорядков и процессов, недопущение формирования преступных групп и сообществ, проверка документов у иностранных граждан на предмет подделки.

В заключение стоит отметить, что в целях оказания воздействия на преступность мигрантов необходимо сочетание мер, направленных на недопущение нелегальной миграции, регулирование миграционных процессов. Среди задач стоит выделить следующее:

- расширение международного сотрудничества;
- регулирование миграционных процессов;
- контроль незаконной миграции на границах страны;
- создание условий для адаптации мигрантов;
- проведение профилактической работы с гражданами Российской Федерации в целях избежания расовой ненависти;
- контроль над перемещением мигрантов внутри страны и за ее пределами.

Список литературы

1. Миграционная преступность / [Г. В. Антонов-Романовский и др.]. М. : Издательство Юрайт, 2020.

2. Цинделиани И. А. Миграционное право России. М. : Просрект, 2019.

3. Собольников В. В. Миграционные процессы и преступность. Система противодействия. М. : Юрайт, 2019.

4. Собольников В. В. Противодействие и профилактика миграционной преступности. М. : Юрайт, 2019.

Кузнецов И. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Современное общество имеет определенные черты. Основные из них это интеграция мирового экономического пространства, что сказывается на экономике в целом. Не мало важным фактором является колоссальная скорость развития технического прогресса. И как следствие право человека на неприкосновенность частной жизни с каждым годом все чаще находится под угрозой. Для минимизации угрозы нарушения данного права на территории Российской федерации присутствует огромное количество норм отраслевых законов, в которых непосредственно выделены права человека на неприкосновенность частной жизни. К ним можно отнести: Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях»; Гражданский кодекс Российской Федерации; Уголовный кодекс Российской Федерации; Основы законодательства Российской Федерации о нотариате; Семейный кодекс Российской Федерации; Федеральный закон «О персональных данных»; Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [1].

Естественно, что основополагающие нормы отражены в фундаментальном документе – Конституция Российской Федерации. Основная их часть расположена в ст.ст. 23, 24 и 25 Конституции Российской Федерации.

Функционал норм состоит в том, чтобы ограничить вмешательство как со стороны государственных органов, так и со стороны третьих лиц в личную и семейную тайну, частную жизнь, врачебную тайну, тайну усыновления, тайну нотариальных документов (в основном это относится к завещанию), тайну исповеди, неприкосновенность жилища, тайну личных переговоров, тайну денежных вкладов, тайну переписки. Отдельно отмечена недопустимость слежки, прослушивания телефонных переговоров и т. п.

Для того что бы грамотно и эффективно следовать предписанным нормам необходимо четко определять, что такое «частная жизнь».

Как такового понятия частная жизнь в Конституции Российской Федерации не существует. Под частной жизнью принято понимать такую область жизни человека, которая относится к физической, духовной, семейной, бытовой сфере, она включает в себя общение, отношение к религии, внерабочие занятия (то есть досуг) и относится именно к той категории которую сам человек не желает придавать огласке. Исключения возникают только при необходимости раскрытия данных по требованию закона.

[1] © Кузнецов И. С., 2021.

Личная и семейная тайна (тайна усыновления, тайна частной жизни супругов, личные имущественные и неимущественные отношения, а также иные отношения, существующие в семье) может быть раскрыта по усмотрению гражданина или же по согласию остальных членов семьи гражданина [3, с 114–127].

На протяжении жизни люди различных профессий на законных основаниях получают личные данные об определенных аспектах деятельности гражданина. Это происходит по различным причинам. Среди этих профессий можно выделить самые часто встречающиеся:

– врачи (при посещении медицинских учреждений);

– работники правоохранительных органов (при возникновении необходимости обращения в правоохранительные органы либо при совершении правонарушения);

– священнослужители (при крещении, венчании и т. д.);

– работники ЗАГСов (регистрация либо расторжение брака, регистрация рождения либо смерти человека или родственника человека);

– работники школ (при приеме ребенка в школу) и т. д.

В связи с этим на данный момент в законодательстве существует перечень требований, которые направлены на сохранение полученной информации о частной жизни.

Например, при посещении больным медицинского учреждения медицинский персонал обязан сохранить тайну о факте обращения за помощью, о состоянии здоровья, о диагнозе, о способах лечения. Это составляет врачебную тайну. Так же сюда включаются все возможные сведения, которые получены медицинским учреждением при обследовании больного.

Наравне с врачебной тайной существует тайна при обращении в правоохранительные органы. Это тайна затрагивает определенные категории гражданских дел. Как правило это дела связанные с усыновлением (удочерением) ребенка. Так же возможно сохранение тайны по ходатайству лица в целях конфиденциальности, охраняемой законом тайны, а именно неприкосновенности частной жизни. То есть лицо в праве потребовать сохранение личной информации даже во время судебных разбирательств [5, с. 29–44].

Государство – это система, которая состоит из каждого гражданина по отдельности и существует только в системе всех граждан. И на практике получается, что все те критерии, которые соблюдаются к каждому гражданину отдельно присутствуют во всем государстве в целом.

Исходя из этого можно утверждать, что при соблюдении индивидуальной свободы граждан соблюдается свобода во всем государстве в целом. На данный момент времени в политике и в социальной сфере свобода играет огромную роль. Свобода государства характеризует уровень правового, демократического и социального развития в целом.

Тема, изучения механизмов обеспечения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни на данный период достаточно актуальна. Это связано с тем, что модернизация конституционной концепции прав и свобод

личности путем поэтапного использования конституционных принципов развития демократического правового государства предопределяет в качестве одной из ключевых проблему выполнения государством конституционных обязанностей по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина.

В России права и личные свободы граждан являются неотчуждаемыми и неотъемлемыми. А в связи с развитием технического прогресса необходимо выделять такие моменты, как сбор и хранение и распространение информации о частной жизни лица без его ведома, в отдельные нормы.

В ст. 24 ч. 1 Конституции Российской Федерации выделено: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются».

В «докомпьютерное» время или даже на рубеже начала развития технологического прогресса, когда ЭВМ занимала комнату внушительных размеров, вся информация записывалась и хранилась на бумажном носителе, на пластинках или на магнитных лентах.

Частная жизнь была максимально спрятана от чужих глаз. Информацию собирали только по требованию судебных производств и хранилась она, как правило, не большой период времени. В основном это связано с непрочностью материалов, которые использовали для хранения. Бумага быстро перетиралась, ленты размагничивались, пластинки кололись. Иногда случались случайные и не случайные пожары в месте хранения информации.

Медицина, школы, церкви и прочие места посещения гражданами не требовали такого большого объёма информации и так же, как и в судебном производстве носители информации не выдерживали долгой эксплуатации и со временем, информация, которой долго не пользовались терялась за ненадобностью. Играл огромную роль человеческий фактор [3, с. 74–90].

Но наступил цифровой век – век компьютеров, гаджетов и глобальной сети «Интернет». И с каждым днем все труднее защитить свою частную жизнь. Технологии, имеющиеся сейчас практически в любом устройстве связи позволяют негласно определить место расположения человека, который пользуется гаджетом. Присутствует возможность слежки и прослушивания и как следствие сбора и обработки конфиденциальной информации.

В законодательстве происходит постоянное ужесточение норм и требований, которые регламентируют сбор, хранение и распространение личных данных. Но, как правило, проверить соблюдение этих норм крайне сложно.

Основная функция государства – охрана права на тайну личной жизни. Но, государство, в той или иной мере всегда стремится контролировать своих граждан и тем самым нарушить закон. И исходя из этого оно не заинтересовано в соблюдении данных норм. То есть на практике не существует каких – либо реальных действий по контролю за соблюдением тайны частной жизни.

И действительно, если задуматься, то сбор и хранение информации о каждом граждане в государстве является прямой необходимостью для эффективной работы правоохранительных органов и системы в целом. Это помогает, на определенных уровнях минимизировать социальную опасность [2].

Так же не стоит забывать, что при переходе экономики на рыночные отношения информация выступает в качестве одного из самых дорогостоящих и востребованных товаров. В системе с новейшими технологиями персональные данные являются «золотой жилой», способной не только сократить затраты на неэффективную рекламу, но и минимизировать риски.

На сегодня многие компании являются как покупателями персональных данных, так и продавцами. Люди, зачастую, сами того не подозревая, распространяют свою личную и конфиденциальную информацию третьим лицам. Например, многие из граждан, не задумываясь оформляют дисконтные скидочные карты, оставляя тем самым свои личные данные продавцу и уже к этой карте и как к следствие к этим данным «привязана» вся история покупок гражданина. И это только один пример необдуманного использования частной, личной информации. Вся информация, полученная когда-либо о гражданах, хранится уже не 10–15 лет, а гораздо больше. Причина этому изменение места хранения информации. На сегодня это «облачные носители», электронные базы данных и т. д.

По факту получается, что в частную жизнь все-таки вторгаются. В первую очередь это государство, а во вторую коммерческие организации, которые рассматривают каждого гражданина, как покупателя или как возможного пользователя предлагаемыми услугами организации. Необходимо подчеркнуть, что третьи лица, в соответствии с существующим законодательством обязаны обеспечить конфиденциальность полученных данных.

В случае несоблюдения ст. 24 ч. 1 Конституции Российской Федерации лица, нарушившие данные нормы несут ответственность, вплоть до уголовной. Это является показателем того, что право на неприкосновенность частной жизни не только гарантируется Конституцией Российской Федерации, но и защищается государством на должном уровне, хоть и доказать нарушение неприкосновенности на практике, как правило достаточно сложно.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/.

3. Бозоров У. В. Личные права и свободы человека и гражданина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018.

4. Власова Г. Б., Цечоев Г. Х. Значение прав и свобод человека и гражданина для развития гражданского общества // Молодой ученый. 2020. № 10.

5. Кокотов А. Н. Конституционное право России. Курс лекции. М. : Проспект, 2018.

Лобанова И. К.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Т. А. Прудникова,***
профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, доктор юридических наук

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОЗДАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА МИГРАЦИОННОЙ АМНИСТИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Нелегальная миграция – один из глобальных феноменов современной общественной жизни. Практически все регионы мира и многие государства вовлечены в миграционный процесс в качестве стран выезда, либо принимающих стран, либо стран со смешанными потоками. Роли участников профильных для данной сферы отношений нормативно определены [1, с. 513].

По общему правилу, институт легализации мигрантов (миграционной амнистии) представляет собой совокупность административно-правовых норм, обеспечивающих реализацию иностранным гражданином права выступать в правоотношениях под юрисдикцией Российской Федерации в качестве иностранного физического лица.

Миграционную амнистию следует рассматривать как одно из административно-правовых средств реализации миграционной политики. Для регулирования общественных отношений, возникающих по поводу миграционной амнистии государство использует преимущественно нормы административного права. Воздействие этих норм на указанные отношения, с нашей точки зрения, происходит в рамках механизма административно-правового регулирования.

Институт миграционной амнистии представляет собой совокупность юридических норм, направленных на урегулирование общественных отношений, складывающихся в связи с утратой иностранным гражданином или лицом без гражданства административно-правового статуса мигранта на территории Российской Федерации.

Институционально-правовое обеспечение миграционной амнистии представляет собой законодательную деятельность органов власти, включая следующие направления: порядок легализации определенной категории мигрантов с учетом квалификационно-профессиональных требований; создание благоприятных условий адаптации; четкое установление процедур ее реализации; комплекс политико-правовых культурных средств и способов ее обеспечения.

Институциональное построение отрасли административного права весьма многообразно. Институты административного права – это крупные правовые образования, которые регулируют общественные отношения в рамках ключевых направлений государственной деятельности, например, правовые институты декларирования, лицензирования, аккредитации, контроля и надзора, сертификации, учета и другие. Универсальность институционального подхода в понимании

[1] © Лобанова И. К., 2021.

системы административного права очевидна, еще и потому, что соответствующие конкретному институту методы и средства регулирования универсальны вне зависимости от сферы их реализации. Так, например, метод лицензирования в сельском хозяйстве принципиально ничем не отличается от того же метода в сфере строительства или внутренней безопасности. Метод останется прежним так же, как статус участников, их профильные права и обязанности. Такая универсальная модель применения свойственна каждому административно-правовому институту. Поэтому, представление об особенной части административного права через институциональное построение представляется нам более обоснованным и соответствующим современным реалиям развития общества.

В связи с тем, что административно-правовые институты исторически формировались по-разному, на фоне традиционных стали появляться новые образования, так как общественные отношения не стоят на месте, они динамичны, отмечается высокая интенсивность их трансформации. Этому способствует в том числе глобальная информатизация общества – быстрое перемещение информации вынуждает органы государственной власти оперативно реагировать на современные вызовы. Такая реакция проявляется в поиске эффективных механизмов правового регулирования через профильные институты лицензирования, сертификации и другие, которые уже являются традиционными. Вместе с тем, на сегодняшний день в существующей системе институтов не учитывается специфика миграционного законодательства.

Мнение о том, что миграционное законодательство относится к отрасли конституционного права, представляется нам ошибочным. Решение проблем в государственном управлении миграционными процессами следует искать в системе административно-правовых методов и средств.

В реализации миграционного законодательства основную роль играют органы исполнительной власти, а предмет административного права – это общественные отношения в сфере государственного управления, то есть в сфере реализации исполнительной власти. Исходя из этого становится очевидным тот факт, что миграционные процессы регулируются, в первую очередь, нормами административного права. Их количество и качество, на сегодняшний день позволяет сказать о том, что в рамках этого профильного законодательства формируются крупные правовые образования, претендующие на статус правового института. Одним из них, с нашей точки зрения, является – институт «миграционной амнистии».

Исследуя этот институт, необходимо сказать, в первую очередь, о его понятийном аппарате, который на сегодняшний день не имеет нормативной регламентации, хотя в широком обиходе среди правоприменителей конструкция «миграционной амнистии» воспринимается и используется повсеместно. Одной из серьезных исследовательских задач является научное обоснование указанной правовой категории и включение института «миграционной амнистии» в систему особенной части административного права Российской Федерации.

Обращаясь к этимологии термина «миграционная амнистия» необходимо исходить из двух категорий: миграция и амнистия. Миграция (от лат. migratio – переселение) – перемещение людей из одного региона (страны, мира) в другой, в

ряде случаев большими группами и на большие расстояния. Амнистия (гр. amnestia – забвение, прощение) – полное или частичное освобождения от ответственности или от наказания неопределенного круга лиц, совершивших преступления, либо замена наказания более мягким, либо сокращение его срока; легализация.

Под миграционной амнистией предлагаем понимать административную процедуру по легализации, то есть восстановлению административно-правового статуса мигранта на территории Российской Федерации, которая реализуется федеральным органом исполнительной власти в сфере миграции в отношении нормативно-определенных категорий нелегальных мигрантов в целях обеспечения реализации отдельных направлений государственной политики в сфере миграции. Миграционную амнистию следует рассматривать как одно из средств реализации миграционной политики [2, с. 215].

Функции по регулированию миграционных процессов в Российской Федерации и обеспечению правового статуса иностранных граждан и лиц без гражданства возложены на подразделения Главное управление по вопросам миграции МВД России. Деятельность Главного управления связана с регулированием миграционных процессов внутри России и за ее пределами, ее эффективность зависит от многих факторов. В последнее десятилетие отмечается активность в процессе создания и обновления миграционного законодательства, расширение международно-правового регулирования указанной сферы.

Одним из вопросов, требующих научно-теоретического осмысления, является возможность и целесообразность применения миграционной амнистии на территории Российской Федерации.

В заключение следует отметить, что внедрение в российское правовое поле четко регламентированной процедуры миграционной амнистии позволит в том числе преодолеть демографический кризис в стране [3, с. 174]. С другой стороны, легализация незаконных мигрантов с экономической точки зрения оправдана необходимостью и возможностью пополнения федерального бюджета.

Цифровизация этого процесса позволит сэкономить финансовые и трудовые ресурсы, избежать лишних издержек и прогнозируемо упростит процесс подачи заявления в электронном виде.

Список литературы

1. Административное право : учебник для среднего профессионального образования / [А. В. Зубач и др.]; под общ. ред. А. В. Зубача. М. : Юрайт, 2020. 513 с.

2. Востроknутова О. Ю. Административно-правовой механизм миграции населения // Административное и муниципальное право. 2009. № 12 (24). С. 10–13.

3. Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Миграционное право России : учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / отв. ред. А. Н. Жеребцов. М. : Юрайт, 2020.

4. Казарян К. В. Юридическая институционализация миграционной амнистии автореф. дис. … канд. юрид. наук : 23.00.02 / Ростов н/Дону : Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации, 2008. 27 с.

5. Прудникова Т. А. Опыт зарубежных стран по регулированию миграционных процессов // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 215.

Малахов С. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***В. Р. Кисин,***
профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

СВЯЗИ НОРМ ПРАВА КАК ПРИЗНАК СИСТЕМНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Современное состояние законодательства об административных правонарушениях следует охарактеризовать как беспорядочное и несистемное, частота вносимых новелл в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях сопряжена с ростом противоречивости и пробельности в правовом регулировании общественных отношений.

В сложившейся ситуации многие представители административного права указывают на кризисное положение действующего административно-деликтного законодательства, в публикациях последних лет акцентируется внимание на дефектности отдельных нормативных положений и институтов административно-деликтного права и законодательства.

Проблема взаимосвязи норм законодательства об административных правонарушениях не занимает должного места в исследованиях административистов.

Проведение таких исследований возможно при использовании системного подхода, который сводится к рассмотрению объекта как системы, с характерными для нее системными свойствами и признаками.

Применение системного подхода позволяет рассматривать содержание законодательство об административных правонарушениях как систему административно-деликтных норм, находящихся во взаимосвязи, а не просто как совокупности нормативных правовых актов, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с совершением административных правонарушений.

В случае, когда мы рассматриваем в качестве базового (первичного) элемента системы законодательства об административных правонарушениях нормативный правовой акт, то мы рассматриваем систему формальных юридических источников административно-деликтного права.

Нормативное содержание системы законодательства об административных правонарушениях составляет два объемные блока материальных и процессуальных норм. Данные правовые нормы классифицируются по различным основаниям таким как объем, предмет регулирования, выполняемые ими функции и так далее. Неоднородность административно-деликтных норм предопределяет занимаемое ими место в структуре системы административно-деликтного законодательства. Нормы общего содержания, закрепленные в «Общих положениях» Кодекса об административных правонарушениях России оказывают сквозное,

[1] © Малахов С. А., 2021.

организующее воздействие на содержание всей системы административно-деликтного законодательства.

Установленные в законодательстве об административных правонарушениях нормы-принципы обладают двойственным воздействием на правоотношения в сфере административно-правового регулирования. Отражение в принципах концептуальных основ отрасли законодательства оказывает идеологическое воздействие на всех участников правоотношений: правоприменителя, граждан, законодателя. В тоже время они обладают значительным регулятивным потенциалом, путем возможности их применения в рамках рассмотрения конкретных дел об административных правонарушениях.

Учредительные нормы содержат в себе цели, задачи, предметы ведения уровней системы законодательства об административных правонарушениях так же относятся к нормам общего содержания и обладают присущим им признаком приоритетности над нормами, содержащимися в других частях Кодекса об административных правонарушениях России и законодательства субъектов об административных правонарушениях.

Так, например наказания которые содержатся в санкциях статей Особенной части КоАП РФ и законодательства об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации опосредованы нормативным содержанием, установленных в ст. 3 гл. «Административные наказания» КоАП РФ [1].

Связь между нормами общего содержания и нормами конкретного содержания, устанавливающими административную ответственность за определенный вид административного правонарушения должна характеризоваться приоритетностью и стабильностью учредительных норм, норм-принципов и норм-понятий.

На сегодняшний день, существует тенденция нарушения данной взаимосвязи норм в системе законодательства об административных правонарушения данной взаимосвязи норм в системе законодательства об административных правонарушениях. Как отмечают специалисты в сфере административно-деликтного права: формирование норм Особенной части осуществляется без учета соответствующих правовых установлений первого раздела «Общие положения» КоАП РФ [3, с. 92]. Связь административно-деликтных норм – это отношение между нормами, при котором они накладывают взаимные ограничения друг на друга, в зависимости от характера связи ограничения могу накладываться одной нормой на другую, что предопределяет ее функционирование в рамках системы законодательства.

Существующие в системе административно-деликтного законодательства связи норм отражают логику права, закономерности, на основании которых нормы способны осуществлять регулирование общественных отношений. Взаимосвязь норм в системе административно-деликтного законодательства не ограничивается только отношением норм общего и конкретного содержания, не менее важным для законодательной и правоприменительной деятельности является связь общих и специальных норм, устанавливающих административные правонарушения. Характер данной взаимосвязи определяется базовым положением общей нормы по отношению к специальной, которая по своей правовой природе является производной и основанной на правовом содержании общей

нормы, но при этом приоритет при использовании остается за специальной нормой, регулирующей более узкий круг общественных отношений. Например, в такой взаимосвязи находятся нормы, закрепленные в ст.ст. 19.4.1. и 19.4.2. КоАП РФ – устанавливающие административную ответственность за воспрепятствование законной деятельности должностного лица органа государственного контроля (надзора), специальная норма ст. 19.4.2. устанавливает дополнительный признак – совершение данного административного правонарушения в сфере оборонного заказа. В данном случае происходит уточнение одного конкретного признака административного правонарушения и сужение объема правового регулирования нормы, предусмотренной ст. 19.4.2. КоАП РФ.

Системообразующими связями являются и взаимосвязи норм Федерального и регионального законодательства об административных правонарушениях. Помимо внутриотраслевых связей норм законодательства об административных правонарушениях существуют их связи с нормами иных отраслей законодательства (конституционного, уголовного, гражданского и так далее).

Учет их существования, анализ их характера, необходимы для устранения (предупреждения) многих имеющихся недостатков рассматриваемого законодательства и практики его применения.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34661/.

2. Административно-деликтное право. Том I: учебник / [Г. Х. Хадисов и др.]. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. С. 53.

3. Кисин В. Р., Хадисов Г. Х. Объективное вменение в законодательстве об административных правонарушениях // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 11. С. 11–16.

4. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления) : монография / [А. М. Абакирова и др.]; отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФА-М, 2018. 496 с.

5. Нарыкова С. П. Системный подход в теоретико-правовых исследованиях. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2006. 155 с.

Морозова М. Н.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. О. Бондарь,***
заместитель начальника кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ОБ ОТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТ. 14.10 КОАП РФ, СОТРУДНИКАМИ ОВД

Товарный знак является специфическим средством индивидуализации товаров, услуг и выполняемых организацией работ. Незаконное использование товарного знака причиняет ущерб экономической системе, а также отдельные контрафактные товары могут причинить вред жизни и здоровью человека. Органы внутренних дел являются одним из субъектов противодействия незаконному использованию товарных знаков.

Под товарным знаком понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей. На товарный знак признается исключительное право, которое подтверждается свидетельством на товарный знак, которое подлежит регистрации в Государственном реестре объектов интеллектуальной собственности.

Актуальность проведенного нами исследования обусловлена развитием рыночной экономики, условием успешного развития которого, является наличие здоровой конкуренции, что создает предпосылки для стимулирования развития производства и повышения качество выпускаемой продукции. Осуществление данного рода деятельности определяет своего рода борьбу за место на рынке, в целях увеличения прибыли, вследствие чего, компания старается закрепить свое положение на товарном рынке, посредством использования средств индивидуализации, одним из таких средств является товарный знак. Исключительное право на товарный знак является важной правовой категорией, поскольку позволяет правообладателю в полной мере использовать данный объект.

Соответственно, условия эффективной реализации исключительных прав предполагают тщательное исследование охраны и защиты данных прав. Правообладатель исключительного права на зарегистрированный товарный знак имеет право пользования им любимыми законными способами, например, размещать товарный знак на этикетках и упаковках товаров, в целях идентификации и индивидуализации товаров, которые реализуются и демонстрируются на вставках, рынках, ярмарках и магазинах. Согласно п. 3, ст. 1484 ГК РФ [1], лица, не являющиеся правообладателями, не имеют право на использование товарного знака или схожего с ним обозначения. Продукция правообладателя товарного знака является наиболее востребованной. Некоторые недобросовестные юридические лица или индивидуальные предприниматели прибегают к практике незаконного

[1] © Морозова М. Н., 2021.

использования товарного знака. Незаконным использованием товарного знака признается использование тождественного или схожего до степени смешения с товарным знаком обозначения без лицензионного договора. Лица, незаконно использующие товарный знак, осознанно допускают возможность реализации товара с тождественным товарным знаком за счет сниженной стоимости товара. Использование чужого товарного знака способствует росту контрафактной продукции на рынке и причинению материального и морального вреда правообладателю товарного знака.

Данное противоправное деяние имеет различные формы проявления:

– использование товарного знака в целях популяризации товара;
– использование товарного знака в документах, прилагающихся к продукции;
– реализация продукции под чужим «брендом»;
– использование товарного знака в документах, прилагающихся к продукции без согласования и разрешения правообладателя.

За незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, предусмотрена административная ответственность ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [2]. Диспозиция данной статьи устанавливает ответственность для лиц, незаконно использующих товарный знак правообладателя, действия которого могут выражаться в том, что правонарушитель не заключает с правообладателем договор, позволяющий ему пользоваться при выполнении работ, оказании услуг, реализации товаров комплексом таких исключительных прав.

Одним из субъектов, наделенных административно-юрисдикционными полномочиями по составлению протокола об административном правонарушении по данной статье, являются сотрудники органов внутренних дел, а в частности сотрудники подразделения исполнения административного законодательства (далее – ИАЗ) [4, с. 153]. Установление события и состава административного правонарушения. Предусмотренного ст. 14.10 КоАП РФ является важной отправной точкой при начале административного производства. В виду того, что для установления события административного правонарушения необходимо проведение процессуальных действий, требующих значительных временных затрат, сотрудниками органов внутренних дел проводится административное расследование.

При проведении административного расследования по данным административным правонарушениям сотрудники органов внутренних дел сталкиваются с определенными проблемами. Анализ материалов по делам об административных правонарушениях показал, что в материалах, которые возвращаются из судебных органов, присутствуют следующие недостатки: отсутствие копий документов, удостоверяющих личность, отсутствие подписей участников производства по делу об административном правонарушении в определении о назначении экспертизы, неправильно составленный протокол, который не отражает полной и достоверной информации об административном правонарушении и т. д. Следующей проблемой, с которой сталкиваются сотрудники ОВД России, является отсутствие заинтересованности защиты своих прав со стороны правообладателя.

Данная проблема возникает ввиду малозначительности причиненного ущерба, а также по причине в значительных временных и материальных затрат для представления своих интересов в суде. Таким образом, de-facto, происходит нарушение принципа неотвратимости наказания за совершение административного правонарушения ввиду незаинтересованности правообладателя.

Также проблемой является отсутствие правообладателя на территории Российской Федерации. Примером такого правообладателя является компания Columbia GRT (Columbia Sportswear Company[3]), данный правообладатель отсутствует на территории Российской Федерации, поэтому невозможно произвести экспертизу. Ввиду отсутствия доказанности вины лица, в незаконном использовании товарного знаку дело об административном правонарушении подлежит прекращению, и тем самым, получается, что продажа данной продукции допустима и использование товарного знака не может быть признано незаконным.

Таким образом, правовая защита товарного знака является одним из важнейших направлений деятельности различных государственных органов власти, в том числе МВД России. ИАЗ является подразделением ОВД России, деятельность которого непосредственно направлена на осуществление административного производства по делам об административных правонарушениях.

Административное расследование по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 14.10 КоАП РФ осложнено тем, что правоотношения, связанные с использованием товарного знака, являются объектом регулирования гражданского, административного и уголовного законодательства. Товарный знак выступает как результат интеллектуальной деятельности, в силу слабой правовой подготовки сотрудников данной сфере возникаю проблемы, связанные с составлением протокола об административном правонарушении, что признается одним из важнейших доказательств по делу об административном правонарушении. Поэтому в целях повышения эффективности деятельности сотрудников подразделений ИАЗ необходимо повышение уровня правовой подготовки в данной сфере.

Список литературы

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_34661/.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/.

3. Письмо ФТС России от 2 октября 2006 г. № 06-68/34268 «О товарных знаках компании «Columbia Sportswear Company» // URL: https://www.alta.ru/tamdoc/06p34268/.

4. Потапенкова И. В. Актуальные вопросы деятельности полиции по исполнению административного законодательства. // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 150–153.

Поглазов А. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Действующая Конституция России датируется 1993 г., когда она была принята референдумом. За исключением нескольких незначительных изменений, касающихся названий и количества субъектов Российской Федерации. 15 января 2020 г. президент Российской Федерации объявил о планах пересмотреть Конституцию в своем ежегодном обращении к нации. После трех обязательных чтений в Думе законопроект был принят почти единогласно в обеих палатах 11 марта. В соответствии с требованиями Конституции законопроект был также внесен в 85 региональных парламентов России, которые также единогласно одобрили его. Исходя из этого, 1 июля 2020 г. на общероссийском голосовании были одобрены изменения в основной закон Российской Федерации.

Таким образом в 2020 г. после проведения общероссийского референдума, в основной закон Российской Федерации были одобрены и внесены поправки, которые в настоящее время по-новому трактуют и закрепляют конституционно-правовой статус органов публичной власти Российской Федерации. В данной статье будут рассмотрены их структура и статус опираясь на Конституцию Российской Федерации.

Отметим, что в основной закон было внесено понятие «публичная власть», подразумевающее систему федеральных органов законодательной, исполнительной и судебной власти, которые определяют направления деятельности внутренней и внешней политики Российской Федерации. Приоритетными направлениями в данном случае могут выступать как социальное, так и экономическое развитие государства, вне зависимости от внешнеполитической или внутриполитической сфер его деятельности.

Многие известные российские ученые и правоведы считают, что закрепление в новой редакции основного закона категории «публичная власть» является необходимым шагом для дальнейшего развития правового государственного аппарата и конституционного развития страны. Также обращаясь к п. «г» ст. 71 Конституции Российской Федерации, можно отметить, что организация публичной власти отнесена к ведению Российской Федерации, помимо этого, в ч. 2 ст. 80 основного закона, законодатель обращает внимание на единство системы публичной власти, а также взаимодействии входящих в эту систему органов государственной власти. Данная позиция прослеживается и в пояснении Конституционного суда Российской Федерации, дословно цитируя: «принцип единой системы публичной власти, хотя и не нашел буквального закрепления в гл. 1 Конституции Российской Федерации, вместе с тем имплицитно следует из многих конституционных положений действующей редакции».

---

[1] © Поглазов А. В., 2021.

Подробно обращаясь к содержанию Конституции Российской Федерации, отметим, что в соответствии со ст. 132 не только федеральный закон, но и закон субъекта Федерации становится источником перераспределения полномочий между государственной и муниципальной властями. [1] Исходя из этого, можно сделать вывод, что законодатель впредь предъявляет повышенные требования к действующему региональному законодательству, обуславливая необходимость его качественной и практической модернизации путем развития гибкой системы перераспределения полномочий между регионами и муниципалитетами.

С практической точки зрения, ст. 132 Конституции Российской Федерации предусматривает единство публичной власти, образуя определённую систему органов государственной власти. Иными словами, данная система подразумевает под собой единство взаимодействия и сотрудничества всех органов государственной власти и местного самоуправления. Данное нововведение было осуществлено с целью наиболее эффективного решения задач во всех сферах жизни общества, среди которых можно выделить: социальную, экономическую и политическую, что наиболее точно определяет цель единства системы публичной власти и взаимодействия всех ее органов. Иначе говоря, принятые поправки в Конституцию определили, что в случае возникновения проблемы, она должна решаться наиболее эффективно на том уровне (поселенческом, окружном либо региональном), на котором это возможно. [2, с. 8] Необходимо понимать, что неэффективность работы данной системы нельзя объяснять относительной самостоятельностью ее подсистем.

Обращаясь к позиции Конституционного суда Российской Федерации, отметим, что изменения в главу 8 Конституции действительно «не предполагают искажения конституционной природы местного самоуправления как уровня публичной власти, наиболее приближенного к населению». Они полностью соответствуют ст. 12 Основного Закона и иным нормам его гл. 1 и 2. Конституционный Суд подчеркнул, что конституционные новации «не отрицают самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствуют о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти».

Необходимо отметить, что в прогрессивном современном государстве основным источником публичной власти является многонациональный народ. Помимо этого, известные правоведы выделяют еще 2 источника или подсистемы: государственная и муниципальная. [3] Однако, в Российской Федерации приоритетным выступает народовластие, так как именно граждане являются основным двигателем принятия тех или иных государственных решений, так как именно тесное рациональное взаимодействие с органами государственной власти посредством выработки единых стандартов для всех уровней публичной власти обеспечивает социальные и иные условия жизни общества в государстве.

Подводя итог, в научных кругах дискуссия по поводу обновления Конституции Российской Федерации в части регулирования публичной власти развивалась от гипертрофированных подходов к самостоятельности местного самоуправления до предложений построения системы местного госуправления в Российской Федерации. В настоящее время можно утверждать, что система органов публичной

власти в Российской Федерации эффективно решает возникающие перед ней задачи.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Авакьян С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 7–13.

3. Зорькин В. Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. № 226.

Серпионова А. И.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАДМИССИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Для обеспечения стабильности в стране, государство стремится регулировать происходящие миграционные процессы. Результативной мерой сокращения незаконной иммиграции является реадмиссия – возвращение нелегальных мигрантов, проникших на территорию одной страны с территории другой; обязательство страны принять назад мигрантов, незаконно въехавших с ее территории на территорию другой страны и задержанных там. Дальнейшее развитие института реадмиссии представляет собой одно из приоритетных направления деятельности в сфере миграционной политики. В этом контексте процесс реадмиссии представляет собой особый вид принудительного возвращения, полностью соответствующий принципам, международного права. Основное различие заключается в его двустороннем или, в некоторых случаях, многостороннем характере. Односторонние процедуры высылки часто характеризуются отсутствием сотрудничества или полным отсутствием сотрудничества со стороны страны происхождения человека, подлежащего высылке. Когда существует соглашение о реадмиссии, страна возвращения функционирует в соответствии с обязательствами, принятыми в международном соглашении, и не может пренебрегать допуском нелегальных мигрантов, проживающих или следующих транзитом через их территорию. В то же время в случае депортации государство назначения просто отправляет мигранта обратно, не заботясь о том, что с ним будет. В ответ на обе упомянутые проблемы соглашения о реадмиссии гарантируют согласованное решение государств назначения и государства происхождения.

Соглашения о реадмиссии, как международные договоры, являются основой общего процесса реадмиссии. Они поддерживают вывоз, устанавливая формальную процедуру между страной назначения и страной происхождения в рамках определенных условий возврата, сроков, ответственных органов и других технических аспектов. Целью соглашения о реадмиссии является определение взаимных обязательств, а также подробных административных и оперативных процедур для облегчения возвращения и транзита лиц, которые не выполняют или более не выполняют условия въезда, присутствия или проживания в принимающей стране, обратившись к процедурам возвращения, и формализовать эффективный процесс возвращения и предотвратить возникновение трудностей в этой области.

Задача подписания соглашений о реадмиссии впервые была сформулирована в документе «Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации» (Концепция 2003). [3, с. 68] Подписание соглашения о реадмиссии с ЕС активизировало рабочий процесс по подписанию аналогичных соглашений

[1] © Серпионова А. И., 2021.

со странами, не входящими в Европейское сообщество, такими как: Армения, Узбекистан, Вьетнам, Норвегия, Дания, Исландия, Швейцария и т.д.

Реадмиссия в настоящее время рассматривается как одна из самых передовых форм в организации и осуществлении выдворения мигрантов, не имеющих законных оснований для пребывания на территории страны назначения. Значительные международные усилия в последние годы привели к значительному увеличению числа соглашений о реадмиссии.

Прежде всего, как упоминалось выше, реадмиссия — это процедура, предусмотренная международными договорами, в которой участвуют как минимум две стороны, и поэтому это действие не может быть осуществлено в одностороннем порядке. [4, с. 51] Вторая принципиальная особенность реадмиссии заключается в том, что это не вид административного наказания, требующего особого обращения с реадмиссированными лицами, включая особые условия в случае их задержания, снятия или отмены запрета на повторный въезд. Они, независимо от международного характера процесса реадмиссии, требуют наличия соответствующих оснований во внутреннем законодательстве. Наконец, в рамках процесса реадмиссии нелегальные мигранты могут быть возвращены не только в государство их происхождения, но и в государство, с территории которого они непосредственно прибыли.

В 1999 г. вступил в силу Амстердамский договор, который установил новые принципы и обязанности в области общей внешней политики и политики безопасности, включая общие стратегии и процедуры в области миграции. В результате с 2000 г. ЕС непрерывно разрабатывал соответствующие инструменты политики для эффективной борьбы с незаконным въездом и проживанием граждан третьих стран в Европейском союзе. Следует отметить, что в настоящее время Европейский Союз широко признан законодателем мод как в области заключения договоров о реадмиссии, так и в реализации практического механизма возвращения мигрантов. Длительный период эмпирической практики привел к разработке принципов и передовой практики, которые заслуживают того, чтобы их можно было использовать в качестве основы для построения конкретных моделей других стран (такой подход, например, использовался Российской Федерацией при разработке своей политики реадмиссии). С точки зрения политики, соглашения о реадмиссии в Европейском союзе считаются необходимым инструментом для эффективного управления миграционными потоками, поскольку они должны способствовать быстрому возвращению нелегальных мигрантов. Одним из важнейших компонентов такой политики стало выдворение нелегальных иммигрантов и возвращение в страны их происхождения. Следовательно, заключение соглашений о реадмиссии превратилось из отдельного инструмента европейской миграционной политики в основу для высылки и системы возвращения в целом.

Основная идея, которую следует принимать во внимание при рассмотрении европейского опыта и передовой практики в области реадмиссии, заключается в том, что возвращение в целом и реадмиссия как ее особый метод являются неотъемлемыми частями общей миграционной политики ЕС. Поэтому их нужно рассматривать как единое целое. [3, с. 67] Данный опыт можно проследить и в

миграционной политике Российской Федерации, в частности обращаясь к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

Таким образом, можно сделать вывод, что миграционная политика Российской Федерации опирается на добровольное возвращение, считая его наиболее гуманным, но в то же время существуют другие механизмы, одним из которых является процедура реадмиссии.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.

2. Руководство по реадмиссии. Практика реализации соглашений о реадмиссии в Российской Федерации. Т. 2 // URL: http://docplayer.ru/ (дата обращения: 03.06.2021).

3. Кузнецов Г. С. Миграционные процессы Российской Федерации в условиях глобализации // Экономика. Право. Общество. 2019 г. № 4.

4. Зарипов З. С., Марков А. Ю. Влияние миграционных процессов на национальную безопасность Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2011. № 2.

Соколова А. Ю.[1]*,*
соискатель кафедры конституционного и муниципального права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОТНОШЕНИИ БЕЖЕНЦЕВ И ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Регулярно увеличивающиеся потоки мигрантов вызывают серьезную озабоченность. Государства-реципиенты не всегда способны разместить на своей территории такое большое количество иностранных граждан. Еще более острым остается вопросы их декларируемое социальное обеспечение и трудоустройство. Также существует обеспокоенность в случае проникновения на территорию различных противоправных группировок, в том числе, и террористической направленности. Вопросы правовых статусов вынужденного мигранта, беженца, вынужденного переселенца лиц, получившего политическое или временное убежище на территории Российской Федерации, изучались в работах С. А. Авакьяна, Н. В. Витрука, О. Д. Воробьевой, С. Г. Денисова, Н. Н. Зинченко, А. Н. Жеребцова, А. М. Ибрагимова, Д. М. Иванова, В. А. Карташкина, Е. А. Лукашевой, Р. А. Мюллерсона, В. И. Потапова, Ю. Н. Тодыка и ряда других авторов данного направления. В целом же основную законодательную базу создают Конституция Российской Федерации, ее субъектов, рекомендации Верховного суда и судебного парламента, в том числе, и иные законодательные акты.

Главными методами исследования служат, правовой, сравнительный, логический, выявление пробелов в базе законов страны, связей между его уровнями, обобщенным и частным направлением. Женевская конвенция о защите прав беженцев вступила в законную силу 22 апреля 1954 г. Россия же присоединилась к ее Протоколу 1967 г. Постановлением Верховного Совета Российской Федерации 1992 г. Определим круг вынужденных мигрантов, к которым относят следующие категории лиц [2]: гражданин иностранного государства, человек без гражданства, имеющий право на политическое убежище на территории страны; вынужденный переселенец; беженец.

Стоит отметить, что два десятка лет Россия после распада Советского Союза, не имела четкой миграционной политики. Не существовало единого документа в данной сфере, он лишь появился в 2012 г. – Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная Президентом Российской Федерации, которая так и не стала идеальным документом. Имеет ряд определенных недостатков, в том числе, слабо отражены вопросы, касающиеся трудовой, образовательной, незаконной миграции, так и не получившие в ней должного освещения. Тут лишь расписано право на жилище для вынужденных переселенцев, отсутствует понятие совершенствования системы предоставления убежища для новых мигрантов.

Значительное количество стран СНГ, которые являются непосредственными участниками Конвенции 1951 г., занимают позицию прямой имплементации эле-

[1] © Соколова А. Ю., 2021.

ментов международно-правового определения. Подпункт 1 п. 1 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», определяет, что беженцем является лицо, не имеющее гражданства страны, а также гражданин, подвергавшийся ряду преследований по ряду следующих факторов [3] гражданства, национальности, вероисповедания; принадлежности к отдельно взятой социальной группе и ряду некоторых признаков, посредством которых он потерял свое постоянное местожительство и не имеет возможности вернуться в свое государство из-за определенного количества причин или опасений. Для получения статуса беженца гражданин должен находиться вне пределов собственной страны, стать жертвой преследования и не получать помощь в этом направлении в своей стране. Причем, «обоснованные опасения» бывают объективного и необъективного характера, а также должна иметься реальная вероятность преследования для того, чтобы получить статус «беженец». Несмотря на то, что понятие «преследование» квалифицируется как принесение вреда лицу, сюда же относят и ряд субъективных элементов. Цель защиты – создание условий для защиты прав конкретного гражданина, соблюдение его прав, где допущенные лишь в данный момент нарушения являются малой толикой его общих проблем. Административно-правовые нормы политики нашего государства в отношении беженцев отражены двумя основными видами норм. Первая – материальная группа – блок прав, устанавливающий лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации, в отношении которых осуществляется миграционная политика. Процессуальная категория предусматривает определенные требования к деятельности госорганов в отношении каждого субъекта через цели самостоятельного характера. В общем смысле, главной задачей миграционной политики служит соблюдение конституционных норм международной практики и обеспечение статуса «беженец», «вынужденный переселенец».

В нашей стране проблема вынужденных мигрантов занимает одно из ключевых мест и является актуальной на сегодняшний день. На территории страны имеют право находиться следующие виды граждан [4] лица, осуществляющие транзитную поездку по территории; сотрудники дипмиссий и других стран, работающих в организациях международного уровня; трудящиеся и экономические мигранты, беженцы из стран ближнего и дальнего зарубежья, лица, ищущие здесь убежище. Право индивида на свободу передвижения, выбор места жительства на территории государства является основным базовым правом, закрепленным во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Протоколе № 4 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Оно определяется также в ст.ст. 27 и 40 Конституции Российской Федерации. Также в 1993 г. были приняты законы «О беженцах» и «О переселенцах», которые определяют ряд их основной правовой статус, порядок признания беженцем или переселенцем, способствуют защите их прав [5].

Появление 2 таких категорий с различным объемом их прав для получения данного статуса при обращении в государственный орган. Граждане, которые изъявляют желание получение статуса вынужденного переселенца, обращаются в территориальный уполномоченный орган по месту пребывания. Также имеют

возможность обратиться в МВД России или дипломатическое (консульское) учреждение для направления ходатайства по месту переселения. Территориальный орган МВД регистрирует подобное обращение в течение 3 рабочих дней.

Лицу, подавшему такой документ, выдается свидетельство о регистрации ходатайства, лицам менее 18 лет, сведения вносятся в свидетельство отца (матери). Подобная регистрация является возложением обязательств на основании пункта 4 статьи закона «О вынужденных переселенцах», которая дает возможность данному лицу проживать в определенном регионе России на законных основаниях. В случае отказа в течение 5 рабочих дней предоставляется письменное уведомление, которое может быть применено и для обжалования решения.

Беженцу же не требуется подавать ходатайство, а лишь необходимо обратиться с просьбой о предоставлении убежища, о котором более детально говорится в Постановлении правительства от 9 апреля 2001 г. № 274 «О предоставлении временного убежища на территории Российской Федерации». Граждане, не имеющие гражданства других стран, имеют право получить его на основании базовых норм международного права. Также подчеркивается пункт отсутствия выдачи лиц, преследуемых другими странами за политические убеждения различного рода, которое реализуется Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г. № 746 [6]. Лицам, не подпадающим под вышеуказанные статусы, нуждающимся в защите государства, может быть предоставлен гуманитарный статус, базирующийся на гуманных побуждениях, препятствующих выдворению из страны. В обобщенном смысле права беженцев в ряде законов прописаны более детально, чем вынужденных переселенцев. В ряде случаев такие лица являются гражданами нашего государства. Некоторым категориям граждан, таким как, например, экологическим беженцам Россия неохотно и совсем не часто предоставляет временное убежище, то есть миграционная политика в этом направлении требует серьезной доработки и пересмотра ряда позиций. Для совершенствования госполитики в этом направлении требуется [7] закрепление в Конвенции о миграционной политики в отношении вынужденных переселенцев и правил предоставления им убежища; создание отдельного документа в этом направлении, коррекция и доработка законов «О беженцах», «О вынужденных переселенцах»; расширение прав, социальных гарантий для лиц, ищущих постоянное (временное) убежище.

Требуется разработка государственного концептуального документа на уровне Президента Российской Федерации в сфере вынужденной миграции, а также взаимодействие с УВКБ ООН, международными организациями, общественными объединениями в сфере предоставления убежища для более четкой проработки имеющихся проблем и поиска оптимальных способов их разрешения. Сюда следует отнести и разработку федеральной программы относительно вынужденных мигрантов уполномоченными организациями на уровне субъектов страны [8]. К сожалению, ни в 71, 72 статьях Конституции Российской Федерации, ни в Федеральном законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан Российской Федерации» эта проблема не решена. И это, безусловно, затрудняет создание и функционирование органов государственной власти субъектов по реализации

миграционной политики. Несмотря на закрепленное во Всеобщей декларации прав человека еще в 1948 году право людей искать убежища в других странах и возможности пользоваться этим убежищем, имеется ряд сложностей на законодательном уровне. Несовершенство законодательной базы в определенной степени имеет ряд проблем. Например, в Конвенции 1951 г. и Протоколе 1967 года отсутствует обязательное право для конкретного государства предоставлять это убежище. Также подтверждается в ст. 1 данной Конвенции, что статус признания беженцем не зависит от воли государства. В то же время отсутствует какая-либо ответственность за отказ от признания. Хотя отказ от признания нарушает ряд международных прав в этой сфере [9].

В сфере вынужденной миграции, а также смежных областях международного права вопрос о юридической обоснованности приобретает особенное значение. Об ответственности государства, помимо непредоставления права искать убежище и пользоваться им, можно говорить также в связи с порождаемым статусом беженца правом не быть высланным из страны пребывания (non-refoulement), что также отражается в ст. 31, 32 Конвенции [10].

Исследование российской законодательной базы подтвердило, что существующие нормативно-правовые акты часто противоречат друг другу, в ряде случаев носят фрагментальный характер, могут быть непоследовательными и нуждаются в более глубокой проработке, особенно в области вынужденных мигрантов и тех ситуаций, когда неприменим статус «беженец».

Список литературы

1. Содружество // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1998. № 1.

2. Десятый Конгресс Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Сборник документов. М., 2001.

3. Подшивалов В. Е. Незаконная миграция: Международно-правовой подход // Правоведение. 2002. № 4 (243).

4. Лях С. М. Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. Ростов-н/Дону: Ростовский государственный экономический университет, 2009.

5. Собольников В. В. Юридическая наука и методология преподавания юридических дисциплин в условиях реформирования системы высшего образования. Ростов-н/Дону: Ростовский государственный экономический университет, 2009.

6. Сендугей А. Н. «Вопросы совершенствования модели отечественной организационной структуры государственного управления в миграционной сфере» // Российский следователь. 2008. № 22.

Шубин И. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***С. Н. Бочаров,***
профессор кафедры административного права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУЦИОННОСТИ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КОАП РФ

Конституция Российской Федерации, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, занимает видное место в истории России. Она закрепляет основы конституционного строя, широкий комплекс прав и свобод человека и гражданина, федеративное устройство и т. д.

Свободы и права человека – это ценности, по которым определяют уровень демократизма, законности, конституционности, цивилизованности общества и государства.

В этой связи возникает актуальный вопрос гарантированности и обеспечения указанных в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина.

К сожалению, сегодня, можно констатировать, что проводимые реформы в сфере административно-деликтного законодательства не всегда согласуются, а порой и вовсе противоречат, нормам Основного закона страны.

Например, по прошествии нескольких лет со дня принятие Конституции Российской Федерации вступает в силу Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, с которого начинается современный этап развития законодательства об административных правонарушения. В Кодексе предусматриваются нормы, которые определяют административный штраф и наделяют должностных лиц многочисленных органов исполнительной власти полномочиями по рассмотрению дел об административных правонарушениях, влекущих наказание в виде административного штрафа.

Указанное, происходит в условиях, когда действует норма Конституции Российской Федерации о недопущении лишения имущества иначе как по решению суда (ч. 3 ст. 35). Заметим, что право собственности закреплено в целом ряде норм Конституции и признается основным конституционным правом.

Правовая природа имущества традиционно определяется гражданским правом. Перечисляя в ст. 128 объекты гражданских прав, законодатель относит наличные денежные средства к вещам, а безналичные средства к иному имуществу. Кроме того, в ст.ст. 242, 243, 854 ГК РФ оговаривается, что принудительное безвозмездное изъятие у собственника имущества в административном порядке (без судебного решения) допускается только в порядке его реквизиции или конфискации, а списание денежных средств со счета владельца без его распоряжения возможно лишь по решению суда, а также в случаях, установленных законом [1].

---

[1] © Шубин И. В., 2021.

Наличие указанной коллизии правовых норм неоднократно становилось предметом научных дискуссий, однако до сих пор остается без внимания со стороны законодателя. Кроме того, ситуация усугубляется передачей части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях в области дорожного движения, предусмотренных КоАП РФ, субъектам Российской Федерации [4]. Более того концепция нового кодекса и вовсе предлагает сократить судебную подведомственность.

Исчерпывающе характеризует сложившееся положение вещей В. Р. Кисин, говоря о концепции нового кодекса: «Не замечая указанных противоречий, не предлагая поиска пути их устранения в ходе работы над новым законодательством, Концепция не решает обозначенной в её вводной части задачи приведения норм этого законодательства в соответствие с конституционными требованиями на основе научного осмысления и критической оценки действующего КоАП РФ» [3, с. 37–42.].

Устранение отмеченного противоречия, на наш взгляд, видится в одном из трех направлений.

Во-первых, путем установления порядка наложения административных наказаний, в том числе административного штрафа, исключительно в судебном порядке, что видится наиболее перспективным и объективно правильным, несмотря на свою утопичность. В данной связи следует согласиться с позицией А.С. Дугенца, что «долгий, тернистый путь Российской Федерации к уровню развития общественных отношений, соответствующих требованиям правового государства, в обязательном порядке должен быть увенчан принятием федеральной законодательной властью решения о рассмотрении всех дел об административных правонарушениях и, следовательно, наложения административных наказаний исключительно только судьями (мировыми судьями) без всяких исключений» [2, с. 101].

К подобному выводу приходит и В. Д. Сорокин [4, с. 511–512.]. Во-вторых, путем внесения изменений в ГК РФ об исключении денег (наличных и безналичных) из категории имущества, что потребует значительной переработки всего законодательства и повлечет за собой правовую неопределенность в регулировании гражданско-правовых отношений. В-третьих, путем внесения изменений в основной закон Российской Федерации – Конституцию, с добавлением в ст.35 формулировки, которая допускала бы отчуждение имущества в административном порядке не только по решению суда.

Кроме того, другое конституционное положение о социально-территориальном равноправии, выражающееся в гарантированности равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от места жительства и других обстоятельств, нарушается нормами административно-деликтного законодательства.

Подобное несоответствие появилось в апреле 2011 г. [6], когда были внесены изменения, содержание которых сводится к тому, что в Москве и Санкт-Петербурге совершение определённых административных правонарушений в области дорожного движения повлечёт наложение повышенных административных штрафов, нежели в иных городах Российской Федерации.

По сути, данные нормы для вышеуказанных городов федерального значения установили особый правовой режим привлечения физических лиц к административной ответственности за административные правонарушения в области дорожного движения, тем самым дифференцировав штрафную санкцию в зависимости от места нахождения субъекта административного правонарушения.

Данные изменения были приняты на фоне конституционных положений о равноправии субъектов Российской Федерации (ст. 5 Конституции Российской Федерации) и о равноправии граждан Российской Федерации и запрещении любой дискриминации (ст. 19 Конституции Российской Федерации). Не замечаются данные положения и по истечении нескольких лет практики их применения, ни законодателем, ни высшими судебными инстанциями.

Думается, что административная практика должна быть единой на всей территории Российской Федерации и не иметь каких-либо исключений. В данной связи требуется принятие соответствующих изменений для установления единообразных штрафных санкций для всех субъектов Российской Федерации.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что настоящая статья не претендует на всестороннее и глубокое исследование указанной проблемы. Однако, даже фрагментарно затронутые вопросы установления административного штрафа и пути их разрешения могут оказаться полезными законодателю.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.

2. Дугенец А. С. Административно-юрисдикционный процесс. М., 2003. 272 с.

3. Кисин В. Р. Некоторые суждения по поводу Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2020. № 2. С. 37–42.

4. Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Москвы о передаче городу Москве части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях (заключено 01.11.2013) // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2013. № 60.

4. Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. 659 с.

6. Федеральный закон от 21 апреля 2011 г. № 69-ФЗ (ред. от 14.10.2014) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113289/.

РАЗДЕЛ III
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Аксенов В. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Т. В. Молчанова***,
доцент кафедры криминологии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя кандидат юридических наук, доцент

«SCAM» КАК СОВРЕМЕННЫЙ ХАЙП-ПРОЕКТ В СРЕДЕ МОЛОДЕЖИ

Цифровое общество подразумевает под собой развитие и рост использования информационно-телекоммуникационных технологий. Технологии такого рода в виде социальных сетей являются транслятором для презентации пользователей сети «Интернет». Данная сеть предоставляет возможность экспериментирования со своей идентичностью, осуществлять проверку рамок социально-одобряемых поступков и девиантного поведения. Реальная основа такова, что для молодого человека в настоящее время реальность ограничена, нормативна и неопределенна, и чем больше общество старается регламентировать его поведение, тем больше у него желания выйти за пределы нормативных рамок [3, с. 79]. Череда финансовых кризисов, недостаток рабочих мест и пропаганда в средствах массовой информации культа материального благополучия без особых усилий сформировали у современной российской молодежи склонность к «легким деньгам», в том числе, связанным с совершением преступлений.

Одним из направлений криминального «хайпа» среди молодежи стало появление культа «мошенника». в среде участников называемое Scam. В кембриджском словаре английского языка данное слово употребляется в нескольких смыслах: 1) нечестный (незаконный) план или действие, особенно для зарабатывания денег; 2) незаконный способ заработка, обычно обманывая людей [2].

Примерно в конце 2019 – начале 2020 годов в мессенджере «Телеграм» появились группы пользователей, целью деятельности которых стал заработок денежных средств путем совершения мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Данная категория лиц условно называла себя «Скамерами». Данные преступные группы существуют и по настоящее время, постоянно обновляя схемы совершения преступлений и расширяя свою преступную деятельность за пределы РФ.

Схема совершения мошенничества. Суть мошенничества заключается в использовании схемы обмана пользователей популярных маркетплейсов по покупке – продаже товаров под предлогом имитации курьерской доставки с использованием элементов фишинга и социальной инженерии. Процесс выглядит следующим образом:

---

[1] © Аксенов В. А., 2021.

– публикация объявления с популярным товаром средней ценовой категории. Например, с продажей электросамоката;

– уговор потенциального покупателя на использование услуги доставки (к примеру: Авито или Юла доставка). Предлоги сводятся к невозможности личной встречи по причине отъезда в командировку, болезни и т. п.;

– получение согласия, после чего следует отправка поддельной (фишинговой) ссылки для оплаты. Страница по ссылке похожа на стандартную форму маркетплейса;

– после заполнения реквизитов банковской карты происходит списание денежных средств на банковский счет злоумышленников. Жертва при этом полагает, что оплачивает покупку;

– при удачной попытке обмана мошенник пытается заработать больше денежных средств, предлагая их вернуть. Он присылает покупателю новую поддельную ссылку для возврата денежных средств, однако фактически списывает их еще раз. Страница возврата – это та же страница оплаты, но текст на кнопке изменен с «оплатить» на «вернуть».

Указанный способ мошенничества скамерами именуется как: «Авито Scam 1.0», но уже появились версии 2.0, 3.0 и даже 4.0, 5.0 и т. д. Эти обозначения используются мошенниками для понимания методики совершения мошенничества и их разграничения.

Использование информационно-телекоммуникационных технологий. Доменное имя поддельной ссылки мошенников замаскировано под маркетплейс (Авито, Юла, ОЛХ и другие), а сам сайт похож на страницу оформления заказа в интернет-магазине. После заполнения данных пользователь попадает на страницу оплаты заказа, где ему необходимо ввести данные банковской карты. В связи с постоянным мониторингом службы безопасности и блокировкой подобных пользователей, мошенникам необходимо постоянно создавать новые аккаунты. Они либо регистрируют их самостоятельно на временный виртуальный номер, либо покупают аккаунты текущих пользователей, в том числе взломанных.

Состав участников преступных групп. В реализации данной преступной схемы участвуют три подгруппы скамеров: воркеры, саппорт и ТС. Воркеры, от слова worker, – это самая многочисленная группа лиц, в основном школьники и студенты. Для обучения воркеров методике совершения мошенничеств создаются «мануалы», они же инструкции. Воркеры создают аккаунты на маркетплейсах и ждут обращения потенциальных жертв.

Далее с использованием навыков социальной инженерии они убеждают жертв произвести оплату и присылают поддельную ссылку. Если жертва оплачивает «товар», то задача воркеров с помощью саппорта осуществить перевод жертвы на возврат денежных средств, ссылаясь на техническую ошибку.

Саппорт – это скамер, который за фиксированный доход помогает воркерам-новичкам совершать обман пользователей. Они дают советы, рекомендуют «прибыльные» товары, зачастую, за некоторый процент от мошеннической сделки готовы предоставить и другие услуги, например, подготовить в фотошопе паспорт,

прозвонить жертву, написать ей от лица технической поддержки маркетплейса. ТС, от Topic Starter, организатор скам-проекта, осуществляющий найм воркеров, саппортов и ответственный за функционирование поддельных ссылок на оплату товаров. Они скачивают или покупают софт, который состоит из двух частей: телеграм-бота, который является основным инструментом мошенников. В нем можно получить поддельную ссылку на товар, получить уведомления о переходах или оплате, и веб-версии, которая отвечает за отображение страницы оплаты /возврата /приема денег. К ней же подключена платёжная система для приёма платежей. Зарабатывают организаторы на проценте от каждого перевода жертвы, который называют профитом. Поэтому они стараются рекламировать свой Scam – проект и оплачивают услуги саппорта, чтобы он обучал новичков. На них же ложатся все расходы, связанные с покупкой новых доменов и банковских карт, на которые приходят денежные средства.

Некоторые ТС также нанимают разработчиков, которые делают улучшения для бота или сайта. Например, прикручивают рейтинг воркеров или защищают скрипты (последовательность действий, описанных с помощью различных языков программирования: JavaScript, Python и другие, для автоматического выполнения определенных задач) от уязвимостей, которые есть в бесплатных версиях. Общее количество одной команды мошенников может варьироваться от 100 до 4000 человек в зависимости от предлагаемого функционала организаторами [1].

Кроме скриптов скамеры используют бомберы. Это боты, которые предоставляют возможность спама телефона смс-сообщениями и звонками. Бомберы работают по следующему принципу: боты в автоматическом режиме заходят на различные сайты и запрашивают регистрацию или восстановление пароля по номеру телефона. Обычно мошенники подключают их жертвам на срок от 2 до 72 ч. Обычно они используются скамерами в качестве мести за оскорбления, отказа в переводе денежных средств и иных причин.

В качестве исключения можно отметить то, что некоторые преступные группы скамеров, соблюдают определенные ограничения при совершении мошенничеств. К примеру, при совершении мошенничеств на различных маркетплейсах (Авито, ОЛХ и другие) под предлогом курьерской доставки запрещается обман в случае приобретения детских товаров и товаров для инвалидов. Однако количество таких преступных групп очень мало.

Использование жаргонизмов. В ходе изучения информации на различных форумах скамеров обнаружены жаргонизмы и сокращенные аббревиатуры, свойственные для данной разновидности интернет-мошенников: мамонт – потенциальная жертва мошеннических действий, брут – это аккаунты, к которым получили доступ третьи лица (как правило, просто логин и пароль от аккаунта), саморег – это зарегистрированный вручную аккаунт, акк – аккаунт (к примеру, аккаунты рекламных интернет - ресурсов Авито и Юла (Россия), ОЛХ (Казахстан, Украина, Узбекистан), Куфар (Белоруссия) и т.п.), воркер (worker) – обозначение отдельного скамера в среде интернет-мошенников (как правило, в рамках одной команды), профит – заработок за счет удачного совершения мошенничества, тим – отдельная группа воркеров, объединившаяся для совершения мошенничеств на различных рекламных интернет – ресурсах и другие.

Таким образом, данное направление мошенников не потеряло в количестве, а только увеличивается. В социальной сети «TikTok» мошенники активно рекламируют свои Scam – проекты, демонстрируя аудитории дорогой автотранспорт, купюры денег и азарт от совершения мошенничеств, привлекая в свои ряды все больше молодежи, желающей заработать на обмане. Границы государств под натиском информационно-телекоммуникационных стерты, в результате чего действия мошенников приобрели транснациональный характер. Современные фрод-системы популярных маркетплейсов блокируют большинство аккаунтов мошенников, тем самым затрудняя их деятельность. Однако существование их групп в мессенджере «Телеграм», по-прежнему, представляет большую проблему, которую необходимо разрешить.

Список литературы

1. Блог компании «Авито»: Как Авито выявляет мошенников и борется с фродом // URL: https://habr.com/ru/company/avito/blog/505916/ (дата обращения: 10.05.2021).

2. Кембриджский словарь английского языка // URL: https://clck.ru/UpBrZ (дата обращения: 10.05.2021).

3. Мельникова А. Ю. Хайп как новый способ презентации молодежи в виртуальной среде // Культурная жизнь Юга России. 2017. № 4 (67). С. 78–81.

Алимирзаев Э. А.[1]*,*
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Научный руководитель: ***Р. Б. Осокин****,*
начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор

СПЕЦИФИКА КВАЛИФИКАЦИИ НАДРУГАТЕЛЬСТВА НАД ТЕЛАМИ УМЕРШИХ И МЕСТАМИ ИХ ЗАХОРОНЕНИЯ ПО ПРИЗНАКАМ ОБЪЕКТИВНОЙ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОН

В Уголовном кодексе Российской Федерации безнравственные деяния, совершаемые против общественной нравственности, выделены в самостоятельную группу, а надругательство над телами умерших и местами их захоронений криминализировано в ст. 244 «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения».

Преступления по этому составу в различные периоды развития российской государственности криминализировались в зависимости от преобладающих в конкретном историческом периоде факторов, оказывавших воздействие на формирование морали.

Диспозиция этой уголовно-правовой нормы специфична тем, что в ней исчерпывающим образом перечислены альтернативные действия (надругательство над телами умерших, уничтожение, повреждение или осквернение мест захоронения, надмогильные сооружения) [15]. Ввиду того, что надругательство над телами умерших, осквернение мест захоронения, уничтожение и повреждение надмогильных сооружений влекут причинение имущественного ущерба, по конструкции объективной стороны преступления состав анализируемого деяния относится к разряду материальных [1].

Учитывая выделенную автором специфику объекта, потерпевшего и вреда преступлений против общественной нравственности научный интерес, как думается, имеет исследование точек зрения ученых на юридическую оценку деяний, сопряженных с хищением с могил, с тела умершего различных предметов, имеющих стоимостной эквивалент, выступающих в качестве способа при совершении преступления по ст. 244 УК РФ.

Мнения ученых в рассмотрении проблем квалификации этих деяний разделились, одни квалифицируют их как хищение, а другие как надругательство над телом умершего [2, 3, 5, 7, 14, 20, 21].

Вместе с тем анализ следственно-судебной практики применения ст. 244 УК РФ свидетельствует об отсутствии единообразного толкования хищения находящихся на теле умершего и в местах захоронения ценностей и предметов [12].

С точки зрения Р. Б. Осокина, А. В. Курсаева, при оценке общественно опасных циничных действий деяний по ст. 244 УК РФ необходимо установление прямого умысла, а при оценке хищения ценностей и предметов, находящихся при

[1] © Алимирзаев Э. А., 2021.

трупе, по нормам о хищениях (ст. ст. 158, 160, 161 УК) умысел по отношению к надругательству над местами захоронения является косвенным [12].

Дискуссии на практике относительно дополнительного вменения ст. 244 УК РФ обусловлены именно наличием (отсутствием) прямого умысла при надругательстве над телами умерших.

В частности, при возвращении уголовного дела по обвинению гражданина А. в совершении кражи на кладбище г. Омска оградок из цветного металла (п. п. «а», «б», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ) районный суд в определении указал, что обвиняемому следует дополнительно вменить ст. 244 УК РФ. В частном протесте прокурором был поставлен вопрос об отмене определения суда, так как прямого умысла обвиняемого при совершении деяний доказано не было, преступление направлено исключительно на хищение имущества в виде цветного металла, из которого сделана ограда. Судебной коллегией Омского областного суда было отменено определение суда первой инстанции (районный суд г. Омска), а дело направлено на новое рассмотрение [9].

Вместе с тем следует отметить, что прямой умысел виновного на осквернение мест захоронения не является конститутивным признаком субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, и поэтому не может рассматриваться в качестве условия исключения из объема обвинения и квалификации нормы об ответственности за надругательство над телами умерших и местами их захоронения.

Уголовно-правовая доктрина в отношении осквернения мест захоронений, надмогильных сооружений говорит о циничности действий лица в местах захоронения, противоречащих принятым в социуме нравственным нормам [22].

Таким образом, завладение материальными ценностями в местах захоронения влечет привлечение к уголовной ответственности, которая наступает не по нормам о хищении, а по норме о надругательстве над телами умерших и местами их захоронения, так как хищение в месте захоронения тела умершего посягает на общественную нравственность в области сохранения и поддержания памяти общества об умершем человеке, гарантий достойного отношения к его памяти [23, 24].

Список литературы

1. Абдуллаев А. С. Отличие надругательства над телами умерших и местами их захоронения от вандализма // Законность. 2004. № 9. С. 12.

2. Абдуллаев А. С. Уголовно-правовой и криминологический анализ надругательства над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Махачкала, 2002. С. 31.

3. Гриневский К. Р. Тела умерших как предмет преступления, предусмотренный ст. 244 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 114–117.

4. Есаков Г. А., Рарог А. И., Чучаев А. И. Настольная книга судьи по уголовным делам / отв. ред. А.И. Рарог. М. : Велби, Проспект, 2007. 576 с.

5. Исмагилов П. А. Похоронаая культура как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень : Тюменский юридический институт МВД 2011. С. 57.

6. Миллеров Е. В. Правовое обеспечение достойного отношения к умершим и местам их захоронения : монография. Ростов-н/Дону : Ростиздат, 2010. 162 с.

7. Миллеров Е. В. Уголовно-правовая охрана нравственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Ростов-н/Дону, 2006. С. 53.

8. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Саратовского областного суда о проверке конституционности статьи 8 Закона Российской Федерации «О трансплантации органов и (или) тканей человека»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 459-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 3.

9. Определение СК Омского областного суда от 25 февраля 1999 г. № 22-477 «Для предъявления обвинения по ст. 244 УК РФ необходимо доказать, что виновный имел прямой умысел на уничтожение мест захоронения, намогильных сооружений, осквернение мест захоронения». Документ опубликован не был // НПП «Гарант-сервис». URL https://www.garant.ru/.

10. Осокин Р. Б. Общественная нравственность как особо ценный объект охраны // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 167–169.

11. Осокин Р. Б., Курсаев А. В. Уголовно-правовая оценка похищения, уничтожения или повреждения имущества с тел умерших или мест их захоронения // Государство и право. 2012. № 7. С. 49–58.

12. Осокин Р. Б. К вопросу об основном непосредственном объекте преступлений, предусмотренных ст. 240–242.2 УК РФ // Проблемы применения уголовного закона в современных условиях: сборник научных статей по итогам межвузовского научно-практического семинара (24 мая 2013 г.). М. : Московский университет МВД России: ИД «Юриспруденция», 2014. С. 64–66.

13. Осокин Р. Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2014. 581 с.

14. Осокин Р. Б. Уголовное право в схемах (общая часть): учебно-наглядное пособие / под ред. Н. Г. Кадникова, В. И. Динеки. М. : Московский университет МВД России: Изд-во «Щит-М», 2006. С. 23.

15. Познышев С. В. Основные вопросы учения о наказании. М. : Университетская типография, 1904. 407 с.

16. Долгова А. И. Закономерности преступности, борьба с ней и научное обеспечение борьбы // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М. : Российская криминологическая ассоциация, 2001. С. 24–41.

17. Маршакова Н. Н. Классификация преступлений против общественной безопасности // Безопасность бизнеса. 2007. № 4. С. 5–8.

18. Мальцев В. В. Учение об объекте преступления : монография в 2-х т. Т. 2. Объект преступления: роль в составе преступления, законодательстве и его реализации. Волгоград : ВА МВД России, 2010. 280 с.

19. Старков Е. А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2011. С. 83.

20. Шокель А. С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2011. С. 54.

21. Российское уголовное право. Особенная часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб. : Питер, 2008. 718 с.

22. Уголовное право России. Словарь терминов и определений / под ред. А. В. Шеслера. Тюмень : РГ «Проспект», 2006. 63 с.

23. Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 146.

24. Федеральный закон Российской Федерации от 12 января 1996 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.07.2012) «О погребении и похоронном деле» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 31. Ст. 4327.

Андрюхин Д. С.[1]*,*
курсант 194 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. А. Хлебницына****,*
преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук

ШТРАФ КАК ВИД УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ, ПРИМЕНЯЕМОГО К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Согласно данным, представленным ГИАЦ МВД России, в 2016 г. зарегистрировано 48 589 преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в 2017 г. – 42 504, в 2018 г. – 40 860, в 2019 г. – 37 953, в 2020 г. – 33 575. В общем количестве зарегистрированных преступлений удельный вес деяний, совершенных такими субъектами, составляет в среднем 2 % [12]. Не смотря на тенденцию снижения количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними и при их соучастии, а также их сравнительно небольшую долю в общей структуре преступности, проблема повышения эффективности предупреждения таких преступлений актуальна, во-первых, в силу важности недопущения совершения новых преступлений, во-вторых, в целях пресечения негативного влияния указанных лиц на законопослушных, в том числе и несовершеннолетних; в-третьих, для их перевоспитания.

Стоит отметить, что уголовная ответственность несовершеннолетних имеет свои особенности. Так, законодатель берет в расчет пониженную, по сравнению с совершеннолетними субъектами преступлений, общественную опасность их деяний, в связи с чем перечень уголовных наказаний, применяемых к несовершеннолетним, более короткий. Их сроки и размеры более мягкие, например, штраф назначается несовершеннолетним в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев, что значительно ниже размера штрафа, назначаемого в порядке ст. 46 УК РФ [11]. Так же в соответствии с п. «б» ч. 1 ст. 61 УК РФ, несовершеннолетие субъекта преступления является смягчающим обстоятельством при назначении наказания [11].

На наш взгляд, научный интерес представляет штраф как вид уголовного наказания, назначаемого несовершеннолетним. Его применение регламентируется ч. 2 ст. 88 УК РФ [11]. Отметим, что штраф указанной категории виновных назначается довольно часто – примерно в 15 % случаев [9]. Наиболее распространены такие виды наказаний как лишение свободы на определенный срок (40,6 %) и обязательные работы (36,3 %).

Некоторые особенности назначения штрафа несовершеннолетним разъясняются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [5].

---

[1] © Андрюхин Д. С., 2021.

Не смотря на это ряд проблем теоретического и практического характера все еще не разрешены. Как отмечает А.В. Французова, проблема назначения штрафа несовершеннолетним является одной из актуальных в уголовном законодательстве в силу наличия противоречий [13]. Согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ [11], штраф может применяться к лицу как имеющему постоянный заработок или имущество, на которое может быть обращено денежное взыскание, так и к не имеющим такового. Научный и практический интерес имеет предоставленная законодателем возможность переложения обязанности уплаты штрафа с несовершеннолетнего на его родителей или иных лиц (при наличии их согласия).

Субъекты, на которых может быть обращен штраф, закреплены в ст. 26 ГК РФ [2] и ст. 64 СК РФ [8], согласно данным нормативно-правовым актам таковыми могут выступать: родители, усыновители или попечители. Законодатель отмечает лишь то, что с согласия данных лиц, штраф, который назначен несовершеннолетнему, может быть уплачен ими.

На наш взгляд, следует обратить внимание на противоречие данного законодательного положения принципам, закрепленным в ст. 4, 5 УК РФ [11].

Во-первых, переложение уплаты штрафа на третьих лиц противоречит принципу индивидуализации вины и наказания. А. С. Чувилина [14, с. 41] и И.В. Караваева [3] в своих научных работах приходят к выводу, что принципы, закрепленные в уголовном законодательстве – это некие постулаты, на которых строится вся система уголовного законодательства и никакие нормы, находящиеся в нем, не могут противоречить данным положениям.

Во-вторых, не согласуется с принципом равенства граждан перед законом. Он закреплен в ст. 4 УК РФ [11], его сущность состоит в том, что все лица, совершившие преступные деяния, равны перед законом без каких-либо исключений и обязаны нести уголовную ответственность.

Проблема противоречия принципам уголовного законодательства, выражающаяся в переложении обязанности уплаты штрафа на 3-х лиц, носит всеобъемлющий характер, так как способна порождать множество межсоциальных и правовых неравенств. Имеет смысл указать на неэффективность достижения целей уголовного наказания в отношении детей, проживающих в семьях с разным уровнем достатка. Так, дети из обеспеченных семей, способных уплатить штраф будут нести наказание в меньшей степени, по сравнению с детьми из семей с низким уровнем достатка, которые не способны на это без явных негативных последствий. Тем самым, цели наказания, закрепленные в ст. 43 УК РФ [11], не достигаются вследствие неравного социально-правового положения лиц. Данное противоречие ведет к снижению правовой культуры, вследствие чего оно порождает правовой нигилизм и повторное совершение преступлений.

Например, суд по уголовному делу № 1-27/2019, возбужденному в отношении Е. по ч. 2 ст. 288 УК РФ принял решение о лишении свободы последнего на срок 7 лет 6 месяцев. В ходе судебного следствия выяснилось, что раннее подсудимый уже привлекался к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 228 УК РФ, и ему было назначено наказание в виде штрафа, уплата которого в последующем была переложена на мать подсудимого [6]. Данный пример из судебной практики показывает нам, что перекладывание ответственности, по сути безнаказанность

несовершеннолетнего, порождает совершение в будущем им новых, более тяжких преступлений. Представляется, что обозначенная проблема может быть разрешена путем исключения возможности переложения уплаты штрафа на 3-х лиц для достижения целей наказания, закрепленных в УК РФ, и соблюдения принципов уголовного права.

К пробелам в уголовном законе следует отнести невозможность переложения обязанности уплаты штрафа с детей-сирот, совершивших преступления, на 3-х лиц. В соответствии со ст. 152.2 СК РФ [8] «детям, помещенным под надзор в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются», а обязанность по их воспитанию в соответствии с той же статьей возлагается на организации, в которых они находятся. Мы считаем, что данное упущение вызывает социальную несправедливость. Исходя из анализа судебной практики можно понять, что в случае совершения преступления несовершеннолетним лицом, относящимся к категории «дети-сироты», данные дела разрешаются наложением на несовершеннолетнего иного более строгого, чем штраф, наказания, предусмотренного УК РФ. Так, например, суд по уголовному делу, возбужденному в отношении несовершеннолетней Я, являющейся сиротой, по ч. 1 ст. 228 УК РФ, принял решение о невозможности уплаты штрафа, в силу отсутствия средств и имущества, на который может быть обращен штраф, и назначил наказание в виде ограничения свободы сроком на 6 месяцев [4].

Изложенное позволяет заключить, что существующий законодательный пробел противоречит принципу справедливости в уголовном праве, так как несовершеннолетний, совершивший преступление, и находящийся в семье, чей достаток позволяет оплатить штраф, находится в наиболее выгодном социально-правовом положение, по сравнению с вышеуказанной категорией лиц. Так, в некоторых случаях суду приходится применять иные более строгие наказания в силу невозможности наложения на таких лиц штрафа в связи с отсутствием денежных средств или личного имущества. Указанное является еще одним аргументом в пользу исключения из ч. 2 ст. 88 УК РФ указания на возможность уплаты штрафа 3-ми лицами. Помимо обозначенных пробелов в уголовном законодательстве в исследуемой сфере и вопросов его практического применения, научный интерес представляет проблема злостного уклонения от уплаты штрафа, в случае его переложения на лиц, установленных законом. Частичное разрешение данного вопроса содержится в ст. 32 УИК РФ, из анализа указанной нормы следует, что «в отношении осужденного, злостно уклоняющегося от уплаты штрафа, назначенного в качестве основного наказания, судебный пристав-исполнитель направляет в суд представление о замене штрафа другим видом наказания» [10].

То есть данное положение является не только социально несправедливым, но и нарушающим принцип индивидуализации наказания. В практической деятельности, как отмечает Т. Н. Бокова остается проблематичным вопрос о выборе, а кого же привлекать к ответственности, в случае переложения взыскания штрафа на родителей, за его неуплату: отца или мать? В практической работе данный вопрос решается исходя из того, кто заявлял ходатайство для взыскания штрафа, так как ходатайство представляет возможность переложения штрафа на конкретное лицо [1]. Вышеупомянутое мнение подтверждается судебной практикой.

Так, например, суд по уголовному делу [7], возбужденному в отношении несовершеннолетнего по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, принял решение об ограничении его свободы сроком на 5 месяцев и взыскании штрафа в размере 10 000 рублей. Законным представителем несовершеннолетнего (его матерью) было заявлено ходатайство о взыскании штрафа с нее, которое было удовлетворено судом. Впоследствии, в установленный судом срок, мать не уплатила штраф. На основании ч. 3 ст. 32 УИК РФ матери были назначены меры принудительного исполнения в виде изъятия у должника, то есть матери, телевизора.

Данный пример из судебной практики показывает нам несколько проблем института взыскания штрафа с несовершеннолетних. Во-первых, нарушается принцип индивидуализации наказания, так как виновным признан сын, а в итоге имущество взыскалось с матери за злостное уклонения от уплаты штрафа. Во-вторых, мы можем увидеть, как ответственность за неуплату штрафа несет мать, что нарушает нормы семейного законодательства. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 61 СК РФ [8] «родители имеют равные права и несут равные обязанности в отношении своих детей». Следовательно, данный факт выступает еще одним аргументом в пользу изменения редакции ч. 2 ст. 88 УК РФ, так как в данном случае уголовное и семейное законодательство вступают в юридическую коллизию.

Спорным вопросом является ремарка законодателя в ч. 2 ст. 88 УК РФ о том, что «штраф может назначаться как при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, так и при отсутствии таковых». Встает вопрос о надобности формулировки «…при отсутствии таковых», так как анализ судебной практики позволяет нам сделать вывод о том, что если у несовершеннолетнего отсутствует заработок и имущество, на которое может быть обращено взыскание, то штраф не назначается.

Таким образом, законодательная возможность возложения обязанности уплаты штрафа, назначенного в качестве наказания несовершеннолетнему, на его законного представителя, несмотря на оговорку о наличии согласия последнего, представляется не приемлемой. В связи с чем, ч. 2 ст. 88 УК РФ целесообразно изложить следующим образом: «2. Штраф назначается при наличии у несовершеннолетнего осужденного самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание. Штраф назначается в размере от одной тысячи до пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев». Полагаем, что предлагаемая редакция нормы позволит разрешить проблемы, имеющиеся как в теории уголовного права, так и в практике применения исследуемого вида наказания к несовершеннолетним.

Список литературы

1. Бокова Т. Н. Некоторые проблемные вопросы назначения уголовного наказания несовершеннолетним // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 4-4. С. 49–51.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 01.05.2021).

3. Караваева И. В. Проблемы назначения штрафа в отношении несовершеннолетних // Вестник науки и образования. 2015. № 2-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-naznacheniya-shtrafa-v-otnoshenii-nesovershennoletnih (дата обращения: 01.05.2021).

4. Постановление Дудинского районного суда Красноярского края №1-47/2016 от 07.04.2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 01.05.2021).

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2021).

6. Постановление Ульчского районного суда Хабаровского края №1-27/201 от 08.07.2019. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 01.05.2021).

7. Постановление Хасавюртовского районного суда Республики Дагестан № 1-20/2016 от 04.02.2016 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 01.05.2021).

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 04.02.2021, с изм. от 02.03.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 01.05.2021).

9. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: статистика и аналитика // URL: http://www.cdep.ru/index.php (дата обращения: 01.05.2021).

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/ (дата обращения: 01.05.2021).

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.05.2021).

12. Федеральная служба государственной статистики: статистика и аналитика // URL: https://rosstat.gov.ru (дата обращения: 01.05.2021).

13. Французова А. В. Назначение несовершеннолетним наказания в виде штрафа: несоответствие норм законодательства // Законность и правопорядок в современном обществе. 2013. № 30. С. 96–102.

14. Чувилина А. С. Проблемы назначения штрафа несовершеннолетним осужденным // Вестник науки и образования. 2020. № 2-3. С. 40–42.

Аулов С. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПЕРСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Формирование преступного поведения в современном обществе обусловлено влиянием внешних негативных социальных и психологических процессов. Одним из факторов, способствующих формированию преступного поведения, является криминогенное воздействие средств массовой информации, которые на сегодняшний день стали неотъемлемой частью современного общества. В настоящее время сложно переоценить их влияние на формирование свойств и качеств личности, его установок, мотивации и жизненных ценностей. Криминогенный потенциал информационных ресурсов, как носителя криминогенных факторов, стал крайне велик. Средства массовой информации давно установили особую связь с обществом и стали одним из важнейших социальных институтов, который может противостоять таким традиционным общественным институтам, как: семья, образование и религия. Оказываемое негативное влияние медиаресурсов на формирование личности человека, становится детерминантами его преступного поведения [1].

Информационная политика средств массовой информации давно стала инструментом влияния не только на отдельных людей, но и на целые слои населения. Общественное сознание полностью стало подвержено воздействию внешнего негативного информационного воздействия. Формирование преступного поведения личности в результате проводимой информационной политикой средств массовой информации является очевидной. Однако, применяемые государством меры в данном направлении являются незначительными, так как на законодательном уровне установлены ограничения для государственных органов, связанные с контролем деятельности СМИ. Так, в соответствии со ст. 3 ФЗ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» цензура массовой информации не допускается. Данная норма закона фактически запрещает государственным органам, организациям и общественным объединениям вмешиваться в деятельность средств массовой информации, накладывать запреты и предварительно согласовывать информационный материал, который доводится до широкой аудитории [2].

Данная норма закона, безусловно, имеет положительные стороны. В демократическом обществе независимость СМИ является выражением свободы и проявлением гласности, благодаря которым осуществляются основные функции СМИ, а также устанавливается общественный контроль за деятельностью государственных органов. Однако, независимость и отсутствие надлежащего контроля позволила медиаресурсам формировать свойства и качества личности по своему усмотрению, манипулировать сознанием, навязывать несвойственное поведение, а также оказывать прямое влияние на формирование антисоциальных свойств,

[1] © Аулов С. В., 2021.

имеющих криминогенный вектор. Безусловно, первоначальные причины поведения человека коренятся в его личности, которая формируется посредством влияния многих факторов, в том числе наследственных.

Внешнее негативное информационное воздействие на современного человека оказывает достаточно сильное влияние, и фактически может сформировать в личности человека, будущие задатки преступного поведения.

Можно заметить, что на центральных каналах российского телевидения, и в новостных лентах ежедневно транслируются художественные фильмы, сериалы, документальные фильмы, новости, содержащие сцены насилия, жестоких убийств, антисоциального и безнравственного поведения, что безусловно выступает источником агрессии [3]. Немало таких случаев, когда желание подражать криминальному персонажу из фильма приводило к совершению преступлений. При этом мотивация такого преступного поведения чаще всего направлена на удовлетворение потребностей в самоутверждении и получении «острых» ощущений.

Криминальная идеализация, сформировавшая положительное мнение о преступном поведении, является одним из самых негативных продуктов средств массовой информации и проводимой информационной политики. Криминальная идеология, сформировавшая образ «справедливого преступника», оказала огромное деструктивное влияние на формирование в молодежной среде антисоциальных установок, преступной мотивации и пренебрежительного отношения к нормам закона. В популярных фильмах и сериалах, имеющих многомиллионную аудиторию, насилие стало преподноситься, как способ решения любых проблем. При этом открыто демонстрируются сцены вседозволенности, безнаказанности и бездействия со стороны органов правопорядка, что создает в личности предпосылки преступной мотивации и терпимости к преступлениям.

Криминальный новостной контент, связанный, в первую очередь, с резонансными преступлениями, военными действиями и конфликтами, ежедневно охватывает огромную аудиторию. Негативный посыл таких информационных продуктов, оказывает разрушительное воздействие на эмоциональное психосостояние личности, подрывая его эмоциональную устойчивость, создавая чувство тревожности и психологической неустойчивости. Человек в таком состоянии может становиться излишне мнительным, раздраженным, и прибегать к насильственному способу разрешения конфликтных ситуаций. Человек, ежедневно просматривая криминальные новости, со временем подавляет в себе эмоциональные чувства. Совершение преступлений он уже может воспринимать как норму. Негативное воздействие криминального новостного контента также становится причиной приобретения и ношения холодного и огнестрельного оружия, что в определенных ситуациях может привести к совершению убийств и причинению вреда здоровью.

Как правило, просмотр информационных новостных лент не носит возрастных ограничений, что в определенных случаях может негативно отразиться на формировании личности несовершеннолетнего на его ранних стадиях развития. Напротив, воспитательные и образовательные функции средств массовой информации стали второстепенными [4].

Технологии средств массовой информации научились использовать скрытый информационный подтекст. На первый взгляд, обыденная информация, транслируемая центральными телевизионными каналами, способна сформировать негативное мнение, призвать к определенным действиям, и создать клише навязанного поведения, что в определенных случаях может являться детерминантами преступного поведения и формирования личности преступника.

Подводя итог, необходимо отметить, что возможности и влияние средств массовой информации, как носителя криминогенных детерминантов, крайне велик. В современном мире средства массовой информации являются ведущим социальным институтом, обладающим способностью обеспечить как защиту и развитие культурных идеалов, так и их разрушение и деформацию. Изучение механизмов негативного влияния средств массовой информации на формирование личности преступника и преступного поведения, являющихся криминологическими детерминантами, позволит правоохранительным органам выработать особую криминологическую профилактику и положительно воздействовать на недопущение преступного поведения и формирование личности преступника.

Список литературы

1. Борщов Н. А. Превенция информационного насилия: возможности и границы // Высшее образование сегодня. 2010. № 4. С. 29–31.

2. Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «О средствах массовой информации» № 2124-1 (ред. от 30.12.2020) // // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/.

3. Клочкова А. В. Пропаганда насилия и жестокости в средствах массовой информации (криминологический аспект) // Культура: управление, экономика, право. М. : Юрист, 2006. № 4. С. 2–7.

4. Воронцова О. В. Средства массовой информации как фактор деструктивного воздействия на несовершеннолетних // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 2. С. 229–232.

Бабич А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕЗАКОННАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФОН ПРЕСТУПНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы, связанные с процессом нелегальной трудовой миграции и ее социальные последствия. С одной стороны, в трансграничной миграции есть много положительных моментов. Своим трудом трудящиеся-мигранты вносят вклад в рост и развитие занятости стран-приема. В свою очередь их страны происхождения получают большую выгоду от денежных переводов этих работников и навыков, которые они приобретают в ходе своего миграционного опыта. Однако, миграционный процесс также представляет собой серьезную проблему, представляющую угрозу для самих мигрантов, так и для стран их принимающих.

Многие трудящиеся-мигранты, особенно низкоквалифицированные, сталкиваются с эксплуататорскими условиями труда и пользуются лишь ограниченными трудовыми правами человека. Женщины, которые все чаще мигрируют самостоятельно в настоящее время составляют почти половину всех международных мигрантов, сталкиваются с особыми проблемами защиты. С ростом барьеров для трансграничной мобильности рабочей силы, рост нелегальной миграции, а также торговля людьми и их незаконный ввоз представляют собой серьезные проблемы для защиты прав человека и трудовых прав.

Выгодное транзитно-геополитическое положение Казахстана между Востоком и Западом означает, что страна является активным участником глобальных миграционных процессов. Серьезные вызовы, с которыми сталкиваются страны транзитных зон – это проблемы нелегальной миграции, наркотрафика, религиозного экстремизма и международного терроризма.

Как страна назначения миграции, Казахстан имеет два потока внешней трудовой миграции, направленных на него: легальный и нелегальный. По экспертным оценкам, масштабы «теневого потока» во много раз превышают численность легально привлекаемой рабочей силы, и этот фактор влияет на постсоветский рынок труда.

Казахстан – одна из немногих стран, которая провозглашает и реализует этническую миграционную политику. Следует отметить, что с увеличением числа этнических казахов (кандасов), прибывающих в Казахстан, наблюдается также тенденция к увеличению возвращения бывших казахстанских граждан трудоспособного возраста.

Нелегальная форма международной трудовой миграции в Казахстан широко распространена во всех ее проявлениях. Это главная причина всех проблем трудовой миграции. Протяженные, недостаточно контролируемые границы стимулируют развитие нелегальной миграции через границы из соседних государств.

---

[1] © Бабич А. А., 2021.

Казахстан в настоящее время является преимущественно страной транзита и иммиграции, привлекая квалифицированных рабочих из различных стран и все чаще становясь местом назначения низкоквалифицированных трудовых мигрантов из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Согласно статистическим данным в Республике Казахстан, за 2017 год зарегистрировано 2 516 000 иностранцев. В результате принимаемых мер в 2017 году выявлены 109,8 тыс. нарушителей миграционного законодательства. За осуществление трудовой деятельности без получения разрешений на трудоустройство к административной ответственности привлечено 12,4 тыс. иностранцев, нарушение порядка использования иностранной рабочей силы привлечено 2 335 работодателей, а также возбуждено 1118 уголовных дел.

В 2018 г. в Республику Казахстан въехало 5 949 772 иностранца, из них официально работает 461 518 человек, в основном в строительстве, а также в обрабатывающей промышленности, сельском, лесном и рыбном хозяйстве, горнодобывающей промышленности, в сфере услуг по проживанию и питанию, финансовой и страховой деятельности, образовании, искусстве и прочие услуги. За 2018 г. иностранцами совершено преступлений – 1 563, что из общего количества преступлений в стране составляет 0,03 %. Выявлено 108 493 правонарушителя за нарушение миграционного законодательства. Нарушений установленного порядка осуществления трудовой деятельности 3057. За организацию незаконной миграции возбуждено 62 уголовных дел.

За 2020 г. в Республику Казахстан всего въехало 2 035 306 иностранных граждан (в 2019 г. – 6 088 252), из них выдано 340 141 патентов на трудовую деятельность, нарушений установленного порядка осуществления трудовой деятельности выявлено 3082, количество преступлений, совершенных иностранными гражданами (всего) 100, что составляет 0, 01 % от общего количества преступлений в стране. Из общего числа въехавших 90 % – это граждане стран СНГ, в том числе из Узбекистана – 915 974, России – 476 412, Кыргызстана – 281 144 и Таджикистана – 177 671, из стран дальнего зарубежья большинство – граждане Турции (39 435), Китая (12 349), Индии (7 575) и ФРГ (8 856) [1].

В последние годы страны Центральной Азии пересмотрели политику регулирования внутрирегиональной миграции, в том числе путем заключения двусторонних соглашений о въезде и реадмиссии. Казахстаном подписаны международные соглашения о сотрудничестве в области миграции (с такими странами как Азербайджан, Беларусь, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан, Армения). В Казахстане реализован комплекс мер, направленных на либерализацию визово-миграционного режима, с 1 января 2019 г. внедрена система оформления однократных электронных виз по деловым целям, для лечения и туризма. Так же для учета иностранцев, проживающих в гостиницах, отелях, хостелах, санаториях и других местах общественного проживания, создается и апробируется система «e-qonak». Данная система путем интеграции с визово-миграционным порталом позволяет владеть информацией о месте и сроках пребывания иностранца, освободив его от обязанности явки в органы внутренних дел. В рамках исполнения поручения Главы государства Законом от 27 декабря 2019 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики

Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности» отменена временная регистрация для всех категорий иностранцев, въезжающих в Республику Казахстан, до 30 суток с момента въезда (с 11 января 2020 года).

Нерегулярная миграция является характерной чертой Центральной Азии, хотя точные цифры установить трудно. Нелегальные мигранты прибывают как из самого субрегиона, так и из-за его пределов, причем транзитом они проходят через Центральную часть страны. Азия часто движется в сторону Западной Европы. Первыми пунктами въезда большинства мигрантов являются Кыргызстан и Таджикистан, а затем они контрабандным путем переправляются через Казахстан и Российскую Федерацию в Западную Европу. Такие факторы, как слабое пограничное управление в сочетании с изолированными границами, способствовали нерегулярной миграции через Западную Европу. Незаконный ввоз мигрантов в Центральную Азию является сложным процессом и включает в себя как формальные, так и неформальные договоренности на различных пограничных пунктах внутри субрегиона, а также трансграничную деятельность, способствующую перемещению людей за пределы Центральной Азии.

Однако мер, ориентированных на правоохранительную деятельность и контроль, недостаточно. Что также необходимо в долгосрочной перспективе, так это создание продуктивной занятости в странах происхождения и доступ к легальным миграционным каналам для удовлетворения потребностей рынка труда стран назначения. Комплексная система реагирования должна включать определенные элементы, включая устранение причин дисбаланса предложения и спроса для трудящихся; поощрение основанного на стандартах подхода наряду с мерами по защите прав человека всех трудящихся, подкрепленными адекватной правовой базой и эффективным правоприменением; работа в направлении более регулируемых, упорядоченных и гуманных систем трудовой миграции; и мобилизация всех социальных субъектов.

По данным 2017 года, во всем мире насчитывалось 164 млн трудящихся-мигрантов, что составляет 59,2 % всех международных мигрантов и 70,1 % лиц трудоспособного возраста, поэтому интеграция на рынок труда является ключевой областью политики для государств. Важность такой интеграции все чаще подчеркивается с точки зрения экономического вклада мигрантов в принимающее и исходное общества. Например, было подсчитано, что, хотя в 2015 году мигранты внесли 9,4 % мирового валового внутреннего продукта (ВВП), более широкая интеграция, в том числе с точки зрения занятости, может добавить дополнительный 1 трлн долларов США в год к мировому ВВП [2]. Для мигрантов, как и для немигрантов, интеграция на рынок труда обеспечивает большую экономическую безопасность, повышает их благосостояние и чувство принадлежности к принимающим обществам.

Общая и адресная поддержка мигрантов важна для улучшения доступа мигрантов к занятости, стабилизации роста конкурентности на рынке труда. Помимо языковой подготовки, профессиональная подготовка оказалась эффективной для улучшения доступа, особенно если она включает в себя компонент

практического обучения на рабочем месте. Другими эффективными инструментами, считающимися эффективными, являются программы помощи в поиске работы и программы субсидирования заработной платы (т. е. субсидируемая занятость в частном секторе).

Невозможность признания квалификации или подтверждения навыков также остается проблемой, поскольку это ограничивает доступ к определенным рабочим местам и приводит к чрезмерной квалификации на менее квалифицированных должностях. Работа ниже уровня квалификации также может увеличить риск бедствия для мигрантов и привести к снижению психосоциального благополучия. Вышеперечисленные факторы детерминируют негативные процессы в сфере общественного порядка, способствуют созданию преступных группировок, развитию теневой экономики на фоне роста низкоквалифицированных рабочих элементов, создают условия для межнациональных конфликтов и стычек. Эта проблема связана не только с отсутствием программ признания, но и с отсутствием осведомленности и информации о таких программах или с их стоимостью и сложностью. Создание единого окна для признания в странах, могут быть полезны для упрощения и централизации трудовой миграции.

Список литературы

1. Миграционная ситуация в Республике Казахстан за 2017 год (e-cis.info) // URL: https://clck.ru/UVDnk.

2. World Migration Report 2020 // URL:https://publications.iom.int/system/-files/pdf/wmr_2020.pdf.

Виссаров В. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПРОИЗВОДСТВА И ОБОРОТА АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Сфера производства и (или) оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции имеет весьма обширную нормативную базу, без изучения основных положений которой невозможно уяснение сущности объекта и предмета уголовно - правовой охраны.

В юридической науке сложилось мнение, что правовые институты конструируются с расчетом на конкретный предмет, субстанцией которых являются общественные отношения, демонстрирующие близость, одинаковость, однородность, т. е. качества, позволяющие выделить их и объединить в одну группу. Верно отметил профессор Г. В. Мальцев: «…нормативное правовое регулирование оказывается вместе с тем институциональным правовым регулированием. Институт как регулятор несет в себе гораздо большую мощность, чем отдельная правовая норма или простая сумма норм» [6, с. 396].

Общественные отношения, возникающие в исследуемой сфере, регулируются нормами различных отраслей права. Общим для норм каждой отрасли права являются: они связаны между собой объектом регулирования; определение, согласно которому данный объект состоит из множества близких, схожих, однородных и сравнимых общественных отношений, способных составить определенное единство; нормы права действуют не поодиночке, не в случайном сочетании, а вместе и совокупно в системе правового института.

Исследование указанной проблематики имеет и практическое значение. Согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. По мнению Ветрова Н. И., из всех данных и сведений, полученных правоприменителем, необходимо отобрать лишь юридически значимые признаки, т.е. такие, которые имеют значение для квалификации деяния [3, с. 104]. В этой связи, для установления содержания признаков незаконного производства и оборота алкогольной продукции, следует, прежде всего, определить, что понимается под деятельностью законной.

В соответствии со ст. 34 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. При этом, не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Важным источником права, регулирующим вышеуказанную сферу, является Гражданский Кодекс Российской Федерации, устанавливающий требования к розничной продаже алкогольной продукции, розничной продаже алкогольной

[1] © Виссаров В. А. 2021.

продукции при оказании услуг общественного питания, а также потреблению (распитию) алкогольной продукции.

В области государственного управления действует Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» (далее – Закон № 171-ФЗ), закрепляющий правовые основы производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и ограничения потребления (распития) алкогольной продукции в Российской Федерации. В соответствии со ст. 3 Закона № 171-ФЗ, государственное регулирование производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции состоит из настоящего федерального закона и иных федеральных законов и нормативных правовых актов Российской Федерации, а также принимаемых в соответствии с ними законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, в соответствии с п. 1 ст. 26 Закона № 171 – ФЗ без соответствующих лицензий не допускается. Следовательно, отсутствие лицензии означает нарушение установленного порядка ее получения, либо приостановление, аннулирование или истечение срока действия лицензии.

Законодательное определение производства и оборота алкогольной продукции закреплено в ст. 2 Закона № 171-ФЗ, в соответствии с которой под производством этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции понимается производство указанной продукции в целях ее продажи и получения прибыли, а также для собственных нужд. Оборот указанной продукции предполагает закупку (в том числе импорт), поставку (в том числе экспорт), хранение, перевозку и розничную продажу.

Согласно экономической теории, оборот определяется как движение товаров и денежных средств в ходе воспроизводственного процесса, то есть в ходе производства, распределения [2, с. 335]. Основываясь на положениях указанной теории, исследователи к данному законодателем понятию относятся критически [5], так как в него не включена стадия производства алкогольной продукции, а закупка, поставка, хранение и розничная продажа невозможны без ее предварительного производства.

Однако единого мнения, касающегося научного определения понятия производства и оборота алкогольной продукции на сегодняшний день нет.

Так, Переверзовым М. В. оборот алкогольной продукции определяется как «деятельность юридических и физических лиц по производству, закупке, поставке, хранению и реализации такой продукции» [7].

По мнению Томилова В. А. под оборотом алкогольной продукции следует понимать деятельность юридических и физических лиц, по производству, использованию (в том числе переработке), хранению, перемещению, учету, передаче (приобретению или сбыту) другим лицам, а также уничтожению алкогольной продукции [8].

На наш взгляд, вышеуказанные определения исследователей являются дискуссионными. Анализируя определение оборота алкогольной продукции, данное Переверзовым В. А., можно заметить, что автором в понятие «оборота» включена стадия производства алкогольной продукции. В то время как «оборот» алкогольной продукции без его предварительного «производства» осуществляться не может.

Томиловым В. А. в определение «оборота» включены уголовно-наказуемые деяния: уничтожение и хищение [8, с. 17–18]. Такая позиция выглядит весьма спорной. На наш взгляд следует различать понятия «производство и оборот алкогольной продукции» и «незаконное производство и оборот алкогольной продукции», первое на наш взгляд шире, и включает в себя совокупность всех наказуемых противоправных деяний, предусмотренных различными отраслями права.

В связи с этим представляет интерес точка зрения В. С. Денисова, который под производством и оборотом алкогольной продукции понимает осуществляемую в установленном законом порядке деятельность специально уполномоченных на то юридических лиц по производству алкогольной продукции в целях ее продажи и получения прибыли, а также для собственных нужд, закупке (импорту), поставке (экспорту), хранению, оптовой и розничной реализации такой продукции [4, с. 41].

В данном понятии автор справедливо отмечает, что рассматриваемая деятельность относится к особому виду экономической деятельности, подлежащей лицензированию, квотированию и аккредитации, однако нуждается в некотором уточнении.

Однако, мы считаем, что круг субъектов производства и оборота алкогольной продукции не ограничивается юридическими лицами. В соответствии со ст. 11 Федерального закона от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ производство, хранение, поставку и розничную продажу алкогольной продукции из собственного сырья разрешено осуществлять сельскохозяйственным товаропроизводителям [1]. В соответствии со ст. 3 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ сельскохозяйственными товаропроизводителями признаются организация или индивидуальный предприниматель. Таким образом, мы видим, что Закон № 171-ФЗ расширил круг субъектов производства и оборота алкогольной продукции.

На основании изложенного, а также учитывая, что с 1 июня 2015 г. субъектами производства и оборота алкогольной продукции могут быть сельскохозяйственные товаропроизводители, предлагаем следующее определение производства и оборота алкогольной продукции.

Производство и оборот алкогольной продукции – это деятельность юридических лиц и сельскохозяйственных товаропроизводителей, осуществляемая в соответствии с установленным законодательством порядком по производству алкогольной и спиртосодержащей продукции в целях ее продажи и получения прибыли, а также для собственных нужд, закупке (импорту), поставке (экспорту), хранению, перевозке, оптовой и розничной продаже такой продукции.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 490-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления(распития) алкогольной продукции” и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_173121/ (дата обращения 12.05.2021).

2. Современный экономический словарь / под ред. Б. А. Райзберга, Л. Ш. Лозовского, Е. Б. Стародубцевой. М. : Инфра-М, 1996. 512 с.

3. Ветров Н. И. Уголовное право. Общая часть: Учебник для вузов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 1999. 415 с.

4. Денисов В. С. Уголовная ответственность за незаконные производство и оборот алкогольной продукции : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. М. : Московский университет МВД России, 2008. 180 с.

5. Иванов Г. И. О понятии и классификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта и алкогольной продукции // Научный портал МВД России. 2013. № 4. С. 23–26.

6. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с.

7. Переверзев М. В. Предупреждение преступлений и иных правонарушений в сфере оборота алкогольной продукции: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. Н. Новгород, 2002.

8. Томилов В. А. Криминологическая характеристика и предупреждение незаконного оборота алкогольной продукции: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. Омск : Омская академия МВД России, 2002. 22 с.

Горяева А. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА, А РАВНО ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Становление информационного общества, развитие компьютерных технологий, компьютеризация производства и диджитализация банковского сегмента, привела к повышению роста хищений денежных средств с банковских карт. Так, Судебным Департаментом России представлены статистические данные согласно, которым в 2019 году вынесены обвинительные приговоры по краже денежных средств – 136 624, из которых по ст. 158 ч. 3 п. «г» – 6378, также по ст. 159, 159.1–159.6 – 21 057 [1]. Статистика Генеральной прокуратуры Российской Федерации также неутешительна, так в августе 2020 г. 36 % от общего числа преступлений составляют кражи, из которых 23,3 % – это преступления, совершенные с использованием информационных технологий. При этом по общим подсчетам рынок безналичного ритейла составил: в 2017 г. – 1,0356 трлн руб.; в 2018 г. – 1, 172 трлн руб.; прогноз на 2019 г. (при росте от 13–19 %) составит 1,32 – 1,39 трлн руб., а в 2020 г. – 10 трлн руб. [2].

Нехватка кадров, недостаточный уровень, предъявляемых требований к отбору банковских служащих, пробелы в системах электронной безопасности банков, а также недостатки в компьютерных программах, обеспечивающих проведение безналичных расчетов, создало благоприятную среду для роста хищений с банковских карт и иных платежных документов [3]. Так в практике встречаются случаи, когда сотрудники банка, пользуясь служебным положением, указывают персональные данные граждан, не желающих получения кредита, введя в заблуждение уполномоченного на принятие решения о выдаче займа работника кредитной организации, оформляют пластиковую карту, активируют и впоследствии производят оплату каких-либо товаров или услуг.

Так, приговором Ленинского районного суда г. Новосибирска В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159.3 УК РФ. В судебном заседании установлено, что в период с 07.05.2013 г. по 27.08.2013 г. менеджер В. по продажам в ПАО «Сбербанк» в рабочее время, находясь на рабочем месте, используя свое служебное положение, имея доступ к электронной базе данных клиентов ПАО «Сбербанк» подписал от имени ряда клиентов этого банка в их отсутствие заявления на получение кредитных карт, сформировал досье на получение займа, после чего получил от имени клиентов кредитные карты с предодобренным лимитом денежных средств вместе с ПИН-кодами к ним, необходимыми для их активации и обналичивания денежных средств, тем самым получив возможность распорядиться лимитом доступных к использованию денежных средств в крупном размере в общей сумме 3 886 000 рублей в личных корыстных целях [4].

---

[1] © Горяева А. Ю., 2021.

На наш взгляд, совершение сотрудниками банков подобных преступлений несут большую угрозу для общества и наносят вред банковской системе Российской Федерации. Так по социальному опросу у граждан снизилось доверие к банкам на 58 % в 2019 г., особое недоверие вызывает Сбербанк России [5], в связи с чем, считаем целесообразным более подробно изучить правовой статус сотрудника банка, его функционал. В соответствии с типовой должностной инструкцией операциониста банка в обязанности последнего входят: осуществление расчетных операций, переводов денежных средств по банковским счетам на основании распоряжений клиентов, открытие, ведение и закрытие счетов, осуществляет проверку правильности оформления расчетных (платежных) документов, осуществляет операции по зачислению или списанию денежных средств со счета клиента в автоматизированной системе, регистрирует клиента в автоматизированной системе для открытия счета, идентифицирует владельца счета, работает с персональными данными [6].

В соответствии со ст. 857 ГК РФ банк гарантирует тайну банковского счета и банковского вклада, а также операций по счету и сведений о клиенте. Таким образом, на наш взгляд сотрудники банков помимо злоупотребления служебными полномочиями, незаконно используют сведения, которые являются банковской тайной.

В соответствии с примечанием к ст. 285 УК РФ под должностным лицом понимается, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

К организационно-распорядительным функциям согласно Постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия. На наш взгляд, функция по принятию решения об оформлении кредитной карты, составления досье на получение займа относятся к организационно-распорядительным функциям, однако, рядовые сотрудник банка не обладают правомочиями по управлению трудовым коллективом.

К административно-хозяйственным функциям согласно Постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» относятся полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и (или) денежными средствами, находящимися на балансе и (или) банковских счетах организаций.

ПАО «Сбербанк» является акционерным обществом регулятором, которого выступает Правительство Российской Федерации, также Правительство Российской Федерации является основным акционером ПАО «Сбербанк», его доля составляет 50 % акций +1 акция.

Таким образом, на наш взгляд сотрудники Сбербанка наделены всеми признаками должностного лица и по сути могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 285 УК РФ.

Однако, как справедливо отмечает В. И. Динека «Раскрывая проблему должностного преступления и должностного лица, крайне важно установить, какие конкретно отношения претерпевают вред: отношения между представителем власти и субъектом в лице гражданина, юридического лица (предприятие, хозяйствующий субъект) либо отношения между должностным лицом и субъектом в лице органа власти или управления, в котором работает должностное лицо. От правильного ответа на данный вопрос зависит точное определение объекта преступного посягательства».

При совершении хищения денежных средств с банковского счета держателей карт сотрудником банка, посягательство направлено на право собственности, в связи с чем действия сотрудников банка квалифицируются по ст. 158 ч. 3 п. «г» УК РФ. При совершении таких преступлений сотрудниками банков в США, последние привлекались бы к уголовной ответственности по ст. 1029 Уголовного кодекса США и ст. 224.6, а также за злоупотребление служебными положениями.

Учитывая изложенное, считаем необходимым увеличить уголовную ответственность сотрудникам банков, так как преступные действия последних наносят вред не только владельцам банковских счетов, карт, но и банковской системе в целом.

Список литературы

1. Официальный сайт Судебного Департамента России // URL: http://cdep.ru/-index.php?id=79&item=5258.

2. Официальный сайт Портала правовой статистики // URL: http://crimestat.ru.

3. Горяева А. Ю. Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за хищение денежных средств с банковских карт и иных платежных документов // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-pravovaya-obuslovlennost-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-hischenie-denezhnyh-sredstv-s-bankovskih-kart-i-inyh-platezhnyh.

4. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 26 августа 2014 г. по делу № 1-39/2015 // URL: http://sudact.ru/regular/doc/ejbXHqxArFVE.

5. URL: https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/doverie-rossiyan-k-bankam-v-2019-godu-snizilos-do-58percent-mfo-doveryayut-lish-4percent-opros-nafi-1028568206.

6. URL: https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts= 15689587180836-2012914585361&cacheid=0C7916AAF16D6F6CD7C9D085CB87 7C83&mode=-splus&base=DOF&n=59856&rnd=15E10C607D19EBACD6F1A72E92131B40#a0ioev8gka0.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 №14-ФЗ (ред. от 29 июля 2018 г.) (с изм. и доп. вступившими в силу с 31 декабря 2018 г.). // СПС «КонсультантПлюс». https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/.

12. Динека В. И. Особенности правового положения должностного лица и представителя власти // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-pravovogo-polozheniya-dolzhnostnogo-litsa-i-predstavitelya-vlasti.

16. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // URL: https://rg.ru/2009/10/30/postanovlenie-vs-dok.html.

Григорян Н. Г.[1]*,*
адъюнкт кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России

Научный руководитель: ***В. И. Тюнин****,*
профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ВЫМОГАТЕЛЬСТВО ВЗЯТКИ: СПЕЦИАЛЬНЫЙ СПОСОБ (ПРИЕМ) ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ ИЛИ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ СОСТАВ КОРРУПЦИОННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Одной из дискуссионных вопросов уголовно-правовой науки, актуальность которого ощущается и в правоприменительной практике, определение понятия «вымогательство взятки». В теории советского уголовного права понимание этого термина в основном основывается на постановлениях Пленума Верховного Суда СССР [3, с. 73]. При этом, как в постановлениях высшего судебного органа СССР, так и РФ «вымогательство вятки» рассматривается как квалифицирующий признак основного состава получения взятки, где действия вымогателя взаимосвязаны с действиями вымогаемого [5; 6].

Хотя как квалифицирующий признак получения взятки «вымогательство взятки» было установлено в УК РСФСР 1922 г., 1926 г. и 1960 г., однако его первое официальное разъяснение в советской судебно-следственной практике было дано в абз. «г» п. 8 ППВС СССР от 31 июля 1962 г. № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве», согласно которому взятка вымогается двумя способами:

– угрозой совершения действий по службе;

– умышленным поставлением взяткодателя в невыгодное положение.

При этом в обоих случаях интересы взяткодателя должны быть законными (правоохраняемыми), в противном случае состав вымогательства взятки отсутствует [6].

Именно этот базовый подход к пониманию термина «вымогательство взятки» с незначительными дополнениями сохранился и в предыдущих постановлениях высших судебных органов СССР и Российской Федерации. Однако развитие правоприменительной практики показывает, что при квалификации вымогательства взятки следует брать за основу не только законные интересы вымогаемого, но и преступную инициативу вымогателя – представителя власти, который рассматривает должность как средство получения дохода.

Поскольку армянское уголовное законодательство производное от российского (советского) уголовного законодательства и правоприменительная практика по квалификации вымогательства взятки в обеих странах аналогична, рассмотрим следующее уголовное дело из судебной практики Республики Армения:

Оперуполномоченный Котайкского областного управления Полиции Республики Армения М. Яханян был признан виновным в превышении должностных

---

[1] © Григорян Н. Г., 2021.

полномочий и получении взятки группой лиц с вымогательством и приговорен к семи годам лишения свободы.

Процессуальная предыстория дела сводится к следующему: жители г. Абовян М. Мкоян и А. Игнатенко вечером 16 декабря 2008 г. с целью развлечения находились в ресторанном комплексе «Карс» г. Абовян. По приглашению М. Мкояна к ним присоединились также занимающиеся проституцией М. Погосян и О. Бабаян, которые согласились вступить в половые отношения, требуя за это заплатить по 10 000 драмов РА. М. Мкоян и А. Игнатенко пообещали отдать деньги на следующий день. Проведя вместе время в ночь с 16 на 17 декабря, в районе 02:00 часов А. Игнатенко и М. Мкоян сопроводили их домой.

Подозревая, что обещанную сумму не получит, Погосян 17 декабря к себе домой пригласила оперуполномоченного по особо важным делам Котайкского областного управления полиции М. Яханяна и попросила вмешаться, чтобы от Мкояна и Игнатенко получила не только 20 000 драмов, обещанных за свои услуги, но и сумму, необходимую для прохождения медицинского обследования.

17 декабря 2008 г. М. Яханян, выходя за рамки своих полномочий, без оснований, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, под предлогом представления для опознания в связи с произошедшим наездом, в Котайкское областное управление полиции доставил Мкояна и Игнатенко. После доставления, однако, Яханян сообщил, что реальная причина их доставления в управление полиции жалобы Погосян и Бабаян об их изнасиловании в ресторанном комплексе «Карс» г. Абовян.

После этого, без принятия и регистрации заявления об изнасиловании, М. Яханян начал готовить материалы, с нарушением установленного порядка принятия, регистрации, учета, рассмотрения сообщений о преступлениях, происшествиях и других сведениях. Затем за невозбуждение уголовного дела по обвинению в изнасиловании Яханян потребовал от Игнатенко и Мкояна 3000 долларов США. В результате торгов стороны сошлись на сумме 1500 долларов США, после чего М. Яханян отпустил их домой.

18 декабря, на следующий день, в коридоре третьего этажа административного здания Котайкского областного управления полиции, затем в одном из кабинетов на том же этаже Яханян от Игнатенко и Мкояна вымогательством получил 1000 и 500 соответственно в общей сумме 1500 долларов США взятки.

21 декабря Яханян сообщил Мкояну, что они должны поговорить с Погосян и убедить ее, чтобы она не жаловалась и взять у последней документ о том, что не имеет к ним каких-либо претензий.

С целью предоставления обещанных 20 000 драмов, Игнатенко и Мкоян поехали в дом к Погосян. Но Погосян потребовала от них еще 300 долларов США, пригрозив в противном случае пожаловаться в Главное управление по борьбе с организованной преступностью на изнасилование ее и подруге.

В результате торгов пришли к соглашению, что Мкоян и Игнатенко до 13 января заплатят еще 30 000 драмов, после чего М. Погосян и О. Бабаян письменно сообщили, что у них нет никаких жалоб на А. Игнатенко и М. Мкояна.

По приговору суда общей юрисдикции Котайкской области от 11 июня 2010 г. М. Яханян был признан виновным по ч. 1 ст. 309 и пп. 1 и 3 ч. 3 ст. 311 УК РА и приговорен к 7 годам лишения свободы без конфискации имущества.

М. Погосян была признана виновной по ч. 1 ст. 182 УК РА и приговорена к 3 годам и 3 месяцам лишения свободы [3].

Примечателен факт, что должностное лицо взятку вымогало незаконным деянием по службе, и при этом поведение взяткодателей было не «совсем правомерным», однако, и не противозаконным. Мкоян и Игнатенко, давая взятку оперуполномоченному по особо важным делам, преследовали явно противоправную цель, хотя преступления не совершали. Договорные отношения между взяткополучателем и взяткодателями очевидны, поскольку последние «осознавали», что в случае непредоставления взятки в отношении них будут применены предусмотренные законом меры за совершение незаконного деяния. Иными словами, в этом случае опасность вымогательства взятки судом справедливо усматривается в инициативе вымогателя и в создании им угрозы правам и законным интересам вымогаемых.

В теории уголовного права и правоприменительной практике давно утвердилось понимание, что суть вымогательства не в форме, в которой выражена угроза, а в незаконном влиянии вымогателя на вымогаемого, т. е. в стремлении вызывать страх или другие подобные чувства у потерпевшего и таким образом побудить к поведению, которое дает преступнику имущественное преимущество [2, с. 121–122]. Не без основания Правительствующий Сенат Российской Империи руководствовался характером и степенью влияния должностного лица на поведение частного лица, подчеркивая, что под требованием следует понимать только такое «влияние» вымогателя на волю вымогаемого, которое по своей природе и сопряженным обстоятельствам могло заставить вымогаемого предоставить имущество из-за его опасений о личном и имущественном благополучии, а «… требование, которое не имеет таких качеств, равнозначно выражению желания» [7]. Как видим, комментарий Правительствующего Сената был направлен на юридическую оценку внутреннего соотношения между деянием частного лица, предоставляющим неправомерное имущественное преимущество, и поступком представителя власти. Более того, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., вымогательство взятки именовали «высшей степенью лихоимства» – ст. 406 (ст. 377 в ред. 1885 г.) и рассматривали отдельно от обычных разновидностей получения взятки [7]. В Уголовном уложении 1903 г. вымогательство взятки было также самостоятельным преступным деянием (ст. 657) [8].

Критикуя установление вымогательства как квалифицирующего признака состава получения взятки, С. М. Будатаров предлагает новый состав под названием «Принуждение к даче взятки», диспозицию которого предлагает изложить следующим образом: «должностное лицо, виновное в получении взятки посредством принуждения действием, входящим в круг его обязанностей либо под угрозой совершения такого действия» или «должностное лицо, получившее взятку под угрозой совершения действия, входящего в круг его обязанностей либо путем совершения им такого действия» [1, с. 67]. Примечательно, но термин «требование» в своих определениях автор не использует, хотя именно этим

термином оперируют высшие судебные органы СССР и Российской Федерации. Кроме этого при таком принуждении к даче взятки сам способ совершения преступления, который проявляется в активной деятельности должностного лица и осуществляется по его инициативе, законодателем оценивается как более опасное, и по тому установлен как квалифицирующий признак. Другой аргумент заключается в том, что инициативные действия могут стать причиной, порождающей другое преступление. Следовательно, исключения из составов дачи/получения взятки понятия «вымогательство взятки» представляется нецелесообразным, а раздробление этого состава только усложнит правоприменительную практику.

Список литературы

1. Будатаров С. М. Вымогательство взятки: уголовно-правовая характеристика // Сибирский юридический вестник. 2004. № 2. С. 63–67.

2. Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному праву России (вопросы теории). Томск, 1999. С. 176.

3. Клепицкий И. А., Резонов В. И. Получение взятки в уголовном праве России. М. : АРиНА, 2001. С. 91.

4. Официальный сайт Судебного департамента Республики Армения // URL: https://court.am/hy (дата обращения: 14.04.2021).

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. 2013. № 154.

6. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 31 июля 1962 г. № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве» // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР (1924–1970). М., 1970. С. 472.

7. Систематический сборник решений Правительствующего Сената по вопросам ответственности должностных лиц административного ведомства за преступления по должности (1868–1896) / сост. В. И. Тимофеевский, С. П. Кузнецов. СПб., 1896. С. 882.

8. Уголовное уложение // Приложение к Собранию узаконений и распоряжений Правительства за 1903 г. № 38. Отд. I. Ст. 416.

Гуляева И. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЕ СООБЩЕНИЕ ОБ АКТЕ ТЕРРОРИЗМА

Согласно нормам Конституции Российской Федерации и Уголовного кодекса Российской Федерации, на территории государства гарантируется охрана прав и свобод человека и гражданина, общественного порядка и общественной безопасности [1, 2].

XXI век считается эпохой прогресса, развития новейших информационных технологий и открытий. Однако, помимо позитивных изменений в общественной жизни, это обстоятельство порождает и ряд сложных вопросов, среди которых важное место занимает надлежащее обеспечение общественной безопасности. Именно от уровня защищенности последней во многом зависит прочность основ государства.

Следует отметить, что это далеко не локальная проблема, присущая для одной страны. За последние десятилетия, в связи с распространением географии терроризма, она приобрела характер глобальной мировой угрозы. В связи с чем, меры по противодействию данному явлению разрабатываются и принимаются всем мировым сообществом на высшем межгосударственном и государственном уровнях. Реализация последних является составной частью уголовной политики России.

Необходимо отметить, что в последние годы произошли качественно-количественные изменения показателей преступности террористической направленности. Статистика зарегистрированных преступлений, связанных с заведомо ложным сообщением об акте терроризма, свидетельствует, об отсутствии устойчивой тенденции в динамике: в 2007 г. зарегистрировано 2 299 преступлений (– 29,5 %), в 2008 г. – 1 633 (– 29,0 %), в 2009 г. – 1 432 (– 12,3 %); в 2010 г. – 1 556 (+ 8,7 %), в 2011 г. – 1 878 (+ 20,7 %), в 2012 г. – 1 252 (–33,3 %), в 2013 г. – 1 250 (– 0,2 %), в 2014 г. – 1 328 (+ 4,9 %), в 2015 г. – 1595 (+ 19,7 %), в 2016 г. – 1433 (– 10,2 %), в 2017 г. – 3027 (+ 106,5 %), в 2018 г. – 1530 (– 49,5 %), за январь-сентябрь 2019 г. – 1942 (+ 53,5 %) [3].

Терроризм, известный нам сегодня, явление молодое. Правда его зачатки можно увидеть уже у древних Сикариев и Зелотов, а в Средние века – у Ассасинов. Сикарии, экстремистская группировка еврейских фанатиков, восставшая против римского господства. За пределами городов они вели партизанскую войну против римлян. В Иерусалиме это доходило до покушений, где в разгар дня и под защитой празднующих людей совершались целенаправленные нападения на отдельных людей с нанесением ударов кинжалом. Указанные люди в последующем исчезали, растворяясь в толпе. Жертвами насильственных деяний были в основном священнослужители. Указанные действия были направлены на то, чтобы

[1] © Гуляева И. А., 2021.

спровоцировать массированные контрмеры со стороны римлян, объединить военные ресурсы и тем самым воспрепятствовать осуществлению права на власть. Конец указанным формированиям был вызван осадой крепости Масада, которая до сих пор является символом еврейской воли к свободе.

Другая группировка, которая показывает, что терроризм не является молодым явлением, – это Ассасины, осуществлявшие противозаконную деятельность в 11-м веке. Этот орден возник из мусульманской секты исмаилитов на Ближнем Востоке и активно действовал в Персии, Сирии и Палестине. Мусульманское государство должно было быть создано с помощью целенаправленных убийств с использованием кинжалов или яда. В этих атаках широко использовалась собственная смерть (суициды). С этим явлением мы связываем первых террористов-смертников. Влияние Ассасинов в Персии было прекращено вторжением монголов: одна власть вытеснила другую. Могущественный правитель, султан Бейбарс, пришел к власти в Сирии. Ассасины были для него как заноза в глазу, так как они поставили под угрозу его собственный авторитет. Это подтолкнуло султана назначить своих генералов феодалами в областях проживания Ассасинов, тем самым подорвав их власть [4].

Эти два примера показывают, что мы имеем дело не совсем с новым явлением и в современных меняющихся обстоятельствах нам приходится сталкиваться с этой проблемой снова и снова.

Терроризм не рождается из ничего. Интернационализация терроризма, в частности, показывает, что за каждым нападением стоит мотив, который призван оправдать действия террористов в их глазах, пусть даже это просто внимание средств массовой информации. Психоаналитик Арно Грюен в своей книге «Против терроризма» ставит под сомнение психологические предпосылки терроризма. Он обращается к личностным расстройствам и проблемам идентификации террористов, которые считают себя жертвами [5]. Однако возникает вопрос, может ли сломанная психика оправдать насилие?

Терроризм представляет угрозу не только для Европейского союза (далее – ЕС), но и для всего мира. В последнее десятилетие в странах ЕС отмечается рост террористической активности. Одновременно растет число «трансграничных потерпевших», то есть законопослушных граждан, которые становятся жертвами преступных посягательств в период пребывания в других государствах-членах ЕС. При этом террористы используют всё новые средства совершения преступлений.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165801/.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

3. Состояние преступности в России за 2007 г. // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/reports/.

4. Treus, Alla. Das Verfahren zur Erlangung der deutschen Staatsbürgerschaft wird kompliziert // Aussiedlerbote. 2020.

5. Directive (EU) 2017/541 of the European Parliament and of the Council of 15 March 2017 on combating terrorism and replacing Council Framework Decision 2002/475/JHA and amending Council Decision 2005/671/JHA // СПС «ГАРАНТ». URL: http://base.garant.ru/71927820/.

Дулова Т. В.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОЯВЛЕНИЯМ КОЛУМБАЙНА В РОССИИ

В связи с трагическими событиями в школах нескольких субъектов Российской Федерации в 2018–2021 гг., повышенное общественное внимание привлекает проблема т.н. «колумбайна», или скулшутинга. Колумбайн или скулшутинг (англ. schoolshooting, columbine) – массовые убийства учащихся и персонала образовательных организаций, которые проводятся учениками или посторонними лицами, проникшими в школу с оружием [12, с. 50]. При использовании в данном исследовании метода анализа биографии подростков, совершавших акты колумбайна, с целью осуществления поиска детерминантов и их особенностей, а также анализируя структурные характеристики подобных деликтов, необходимо отметить, что механизм совершения некоторых из них является аналогичным по сравнению с другими. Иными словами, вновь совершаемые преступления имеют свойство «двойственности» или «копирования». Это не может не приводить криминологов к мысли о необходимости изучения причинности и особенностей таких деликтов, особенно если субъектами преступлений являются граждане, относящиеся к молодому возрасту, в том числе несовершеннолетние лица.

Среди обязательных условий, характеризующих совершение таких преступлений, следует выделить:

– совершение преступлений в организациях системы образования;

– отсутствие требований к личности преступника (вне зависимости от пола, возраста, социальных характеристик, в том числе принадлежности к конкретной образовательной организации);

– направленность умысла преступника на причинение вреда жизни и (или) здоровью неограниченного круга лиц;

– применение в качестве способа совершения преступлений стрелкового оружия и/или взрывных устройств.

В Российской Федерации наблюдается тенденция роста таких преступлений. Только за 2017 г. было совершено 5 актов колумбайна с применением школьниками пневматического оружия, в результате чего потерпевшим были причинены телесные повреждения. Всего, по состоянию на 1 июня 2021 г. подобных случаев в России зафиксировано 11. Кроме того, в образовательных организациях регистрируются преступления, когда школьники используют холодное оружие в качестве инструмента совершения преступлений, однако такие деликты не могут признаваться актами колумбайна, исходя из его определения. На сегодняшний день не существует однозначного подхода к причинности колумбайна. Основными источниками формирования преступного поведения скулшутеров исследователи называют: негативную обстановку в семьях, социальный остракизм со стороны сверстников, влияние компьютерных игр с элементами жестокости на

[1] © Дулова Т. В., 2021.

психоповедение, личные психологические проблемы и дисфункции (различные комплексы, депрессии), а также деструкции здоровья [6, с. 11]. На протяжении длительного периода криминологами, психологами и журналистами обсуждается вопрос о влиянии на развитие психотипа ребенка компьютерных игр, в том числе с элементами жестокости.

Действительно, как показывает практика, большая часть скулшутеров увлекалась такими играми, причем /некоторые школьники тратили на подобное увлечение большую часть своего свободного времени. Общеизвестно, что игры могут накладывать определенный отпечаток на психосознание ребенка. Игры могут создавать почву для импринтинга для совершения агрессивных действий у ребенка. Он копирует образ персонажа игры: его внешний вид, психологию поведения, способ совершения преступлений. Однако отметим, что аналогичными играми увлекается еще больше миллиона детей во всем мире и никто из них не становится массовым убийцей или скулшутером. Поэтому однозначно утверждать, что игра является причиной скулшутинга, невозможно. Скорее, такие игры выступают условием совершения деликтов, но только теми лицами, которые имеют определенные ментальные или психологические дисфункции, что может способствовать их гиперактивности или, наоборот, зажатости. Отсутствие надлежащего саморазвития и непринятие подростка обществом заставляет его уходить в информационные культовые сообщества, в которых он выбирает себе кумира, а соответственно, копировать его поступки. Подводя итог вышесказанному, обозначим детерминанты «колумбайна»: 1. Недостаточность надлежащего контроля за особенностями взросления несовершеннолетних и их психологических особенностей со стороны соответствующих субъектов (родителей, опекунов и т. д.). 2. Развитие деструктивной субкулькультуризации в обществе (возникновение направлений, групп, пропагандирующих насилие, суицидологические направления среди несовершеннолетних). 3. Заполняемость интернет- и медиа-пространства информацией, содержащей деструктивную информацию для неустойчивой психики несовершеннолетних Эффективными мерами профилактики «колумбайна» представляются уголовное преследование, вынесение приговоров с запретом заниматься определенной деятельностью и занимать определенные должности с широким информационным освещением юридических последствий деятельности «колумбайнеров». Кроме того, исследование проблем безопасности учебных заведений и профилактики вооруженных нападений учащихся («колумбайна») позволяет предложить комплекс мер, по противодействию подобных преступлений.

1. Единое федеральное целевое финансирование оснащения образовательных учреждений техническими средствами и системами безопасности, поскольку большинство муниципалитетов имеют дотационные бюджеты и не способны самостоятельно обеспечить объекты образования необходимыми системами и средствами безопасности. При этом, речь идет прежде всего, о средствах и системах безопасности: об оснащении дошкольных образовательных организаций системами контроля управления доступом и электромагнитными замками с системой «Антипаника»; об оснащении периметра, уязвимых участков и мест массового пребывания детей системами видеонаблюдения (в перспективе - с

функциями выявления девиантного поведения и детекции оставленных предметов); об обязательном наличии нескольких кнопок тревожной сигнализации (охранник - заведующий - заместитель по безопасности) с обязательным прямым выводом на УВО Росгвардии.

2. Жесткий контрольно-пропускной режим в образовательных организациях.

3. Обязательные для всех правила поведения в учебных заведениях и санкции за их нарушение.

4. Постоянный социально-психологический мониторинг состояния обучающихся, для выявления признаков девиантного поведения и индивидуальной работы с психологами-медиаторами.

5. Тщательный отбор ЧОП и сотрудников для охраны объектов образования (поэтапно надо переходить на охрану всех учебных заведений подготовленными сотрудниками Росгвардии).

6. Регулярные внезапные проверки оснащения, технического состояния и эффективности функционирования инженерно-технических средств защиты и физической охраны.

7. Усиление государственного контроля за оборотом оружия и боеприпасов.

8. Строгая защита информации паспортов безопасности учреждений.

9. Системный мониторинг аккаунтов учащихся в социальных сетях на предмет выявления вовлечения в опасные сообщества, тематические группы и деструктивные молодежные субкультуры [3, с. 65].

В целях эффективного осуществления профилактической работы с обучающимися из «групп риска» целесообразно внести изменения в Административные регламенты Росгвардии по предоставлению государственной услуги по выдаче разрешений на хранение и ношение оружия, лицензий на приобретение оружия и патронов к нему (приказы Росгвардии России: от 11.05.2018 г. № 17222; от 26.06.2018 г. № 22223; от 20.03.2019 г. № 9324; от 17.06.2019 г. № 20725 и 20826; от 12.08.2019 г. № 28327) [4, с.84]. По поручению аппарата АТК Московской области издан приказ Министерства образования Московской области от 8 апреля 2019 г. № 1250 «Об организации работы по профилактике преступлений и правонарушений среди обучающихся в государственных и муниципальных образовательных организациях в Московской области», в котором государственным образовательным организациям и органам местного самоуправления муниципальных образований Московской области, осуществляющих управление в сфере образования, предписано осуществлять своевременное предоставление в территориальные органы внутренних дел и КДН информации о несовершеннолетних, имеющих антиобщественное, агрессивное, противоправное поведение, с целью ранней профилактики правонарушений, коррекции их поведения, а также принятия своевременных мер реагирования. В должностных инструкциях руководителей (заместителей руководителей) государственных и муниципальных образовательных организаций закреплены полномочия по передаче информации в правоохранительные органы при поступлении сведений о противоправных проявлениях террористического, экстремистского и иного криминального характера в образовательных организациях [5, с. 12]. В учебные заведения, подведомственные Министерству образования Московской области, направлены Рекомендации

по предотвращению преступлений с использованием оружия в образовательных организациях Московской области, разработанные Центром управления социально-педагогической поддержки детства, Института педагогической рискологии Академии социального управления [6, с. 14]. По поручению Антитеррористической комиссии Московской области в I квартале 2020 г. во всех образовательных организациях Московской области проведены тематические классные часы, методические семинары с заместителями руководителей учебных заведений, родительские собрания. Особое внимание уделяется исследованию морально-психологического климата в классах, интернет-активности учащихся в социальных сетях и взаимодействию с родителями [7, с.11]. В целях ограничения распространения идеологии насилия в СМИ и Интернете, предотвращения популяризации «колумбайна» (скулшутинга) в молодежной среде ст. 4 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» предлагается дополнить ч. 9 «Запрещается распространение в СМИ материалов, оправдывающих акты вооруженного насилия в местах массового пребывания людей и образовательных организациях и действия участников указанных противоправных акций (“колумбайн”, “скулшутинг”). Информация о насильственных преступлениях в отношении детей и обучающихся не должна героизировать организаторов, подстрекателей и исполнителей преступлений, раскрывать механизм подготовки и совершения преступлений, распространять сведения о тактике деятельности правоохранительных органов» [8, с.11]. Предлагается на базе государственных и муниципальных учреждений по работе с молодежью, молодежных центров создать подразделения по взаимодействию с представителями молодежных субкультур, в т.ч. радикальной направленности и реабилитации подростков, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. Крайне востребованы специалисты по работе с молодежью уличных групп, дворовых компаний, неформальных объединений и субкультур. В рамках летних оздоровительных кампаний нужно предусмотреть обязательные программы для несовершеннолетних, состоящих на учете в органах внутренних дел, а также детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Представляется актуальным проведение научно-прикладных исследований профилактике деструктивного поведения несовершеннолетних. Разумеется, все эти меры должны реализовываться в комплексе с государственной поддержкой. Затраты на целевую работу школьных психологов-профессионалов с «трудными» детьми на криминолого-правовой основе адекватны спасенным человеческим жизням в интересах национальной безопасности [9, с. 29]. Оптимальным средством формирования безопасной образовательной среды могут служить технологии медиации. В Московской области реализуется сетевая модель школьной медиации при координирующей роли научно-методического центра педагогической рискологии Академии социального управления (АСОУ). АСОУ готовятся измерительные материалы, аналитические справки, рекомендации; проводится анализ антирисковых программ учебных заведений; по заявкам образовательных организаций осуществляются медиативные процедуры особой сложности; ведется консультирование педагогов-медиаторов, психологов, социальных педагогов, детей-волонтеров, прошедших обучение медиативным практикам. С 2018 г.

работает Школа медиаторов Подмосковья. Занятия в школе проводятся раз в неделю для всех желающих. Положительную практику разрешения конфликтов с помощью служб школьной медиации необходимо распространить и на средние профессиональные образовательные организации [13, с.2].

По запросу аппарата АТК Московской области Министерством здравоохранения Московской области в феврале-марте 2020 г. проведена проверка подлинности медицинских справок, выданных врачами-психиатрами и врачами-наркологами обучающимся в образовательных организациях. Установлено, что факты получения и подлинность медицинских заключений подтверждены частично [3, с. 13]. Важнейшим элементом общегосударственной работы по защите информационного пространства от проникновения и распространения деструктивных идей является мониторинговая деятельность в Интернете. Современные технологии в данной сфере должны сочетать автоматизированную деятельность по поиску противоправного контента с «ручной» отработкой конкретных аккаунтов. В настоящее время такая работа является достаточно трудоёмкой. Так, в 2019 г. муниципальными комиссиями по делам несовершеннолетних Московской области проведены мероприятия по блокировке опасного контента. К сожалению, в ряде случаев владельцы социальных сетей уклоняются от ответственности за действия любых лиц в отношении использования сайтов. Кроме того, владельцы социальных сетей воздерживаются от выполнения функции по самостоятельному отнесению информации к категории, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Несмотря на имеющиеся у администраций социальных сетей полномочия, они рассматривают свой статус лишь в качестве информационного посредника для общения пользователей. В связи с этим аппаратом Антитеррористической комиссии Московской области на базе Академии социального управления начата работа по пилотному проекту создания группы интернет-мониторинга, которая будет вести сбор информации в сети о возможных проявлениях криминального характера в среде учащихся. Важным элементом предупреждения скулшутинга является профилактическая работа с родителями по разъяснению необходимости контроля круга общения ребенка, информирование о мерах уголовной ответственности подростков. Требует регулирования активность несовершеннолетних детей в социальных сетях. В ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» предлагается включить ч. 1.1 «Владельцы информационно-телекоммуникационных сетей, информационных ресурсов предоставляют доступ для регистрации несовершеннолетних на соответствующих ресурсах через представление данных о документе, удостоверяющем личность одного из родителей (законных представителей) несовершеннолетнего, с автоматическим информированием об этом родителей (законных представителей)». Важнейшим методом профилактики «колумбайна» должна стать ответственность организаторов сообществ и владельцев сайтов социальных сетей за распространение деструктивного и противоправного контента. Пока интернет-компании не начнут нести юридическую ответственность за распространение запрещенного и деструктивного контента,

ситуация по рекрутированию молодежи в опасные сообщества и группы, вовлечению детей и подростков в совершение преступлений не изменится.

Список литературы

1. Амелина Я. А. Группы смерти как угроза национальной безопасности России: аналитический доклад // Кавказский геополитический клуб. М., 2017.

2. Амелина Я. А. Бенефис ненависти. Как колумбайнеры и керченский убийца Владислав Росляков стали «героями» российской деструктивной молодежи // Кавказский геополитический клуб. М., 2019.

3. Красинский В. В. Методика работы в социальных сетях по выявлению экстремистского и иного противоправного контента // Современное право. 2020. № 2.

4. Красинский В. В. Методические рекомендации по выявлению в сети Интернет экстремистских (террористических) материалов // Противодействие современному экстремизму и терроризму. М., 2019.

5. Магомедов М. Д. Вовлечение молодёжи в совершение преступлений экстремистского характера // Росс. Следователь. 2007. № 20.

6. Мартынов В. А. Некоторые аспекты характеристики преступных действий по вовлечению несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность // Наука и практика. 2015. № 4.

7. Методические пособия по выявлению признаков риска поведения в социальных медиа. Цифровая гигиена. М., 2019.

8. Мировский Э. Л. Преступное и виктимное поведение несовершеннолетних. Проблемы их вовлечения в криминальную деятельность // Закон и право. 2004. № 7.

9. Мурсалиева Г. Дети в сети. М., 2017.

10. Павлов Д. В. Противодействие вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий (криминологические и уголовно – правовые проблемы). М., 2013.

11. Противодействие современной преступности. Криминологические, уголовно – правовые и уголовно – процессуальные аспекты / под общ. ред. А. Н. Савенкова. М., 2019.

12. Сокол Е. В. Особенности личности несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 4. С. 50–53.

13. Школа медиаторов Подмосковья // URL: http//new.asoumo.ru/index.php/laptop/item/4527-shkola-mediatorov-podmoskovya.

14. Щетинина Н. В. Особенности субъективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России.2016. № 3. С. 65–69.

Завьялов Д. А.[1]*,*
курсант 282 учебного взвода факультета подготовки сотрудников полиции для подразделений по охране общественного порядка Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Р. Абызова****,*
доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат юридических наук

ТРАНСФОРМАЦИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Защита имущественных интересов граждан является основным направлением уголовной политики государства с древнейших времен. Так, один из старейших памятников российского права – Русская Правда закрепляет в статье 47: «Человек, обманом получивший деньги и пытающийся скрываться в другой земле, не может пользоваться доверием как и тать» [4, с. 66]. На сегодняшний день преступления против собственности занимают главенствующее место в структуре преступности большинства государств. При этом Россия не является исключением из общего правила.

Согласно статье 8 Конституции Российской Федерации одной из основ конституционного строя является признание и защита частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности. Осознавая высокое значение прав собственности, уголовное законодательство запрещает под угрозой уголовного наказания посягательство на общественные отношения, складывающиеся в процессе владения, пользования и распоряжения объектами гражданских прав. В Уголовном Кодексе Российской Федерации закреплено несколько видов деяний, квалифицируемых как преступления против собственности. Хищение, совершаемое различными способами, является наиболее древним и распространенным посягательством, наносящим имущественный вред гражданам.

Несмотря на то, что мошенничество отличается достаточно сложным способом его совершения, данная форма хищения уже длительное время остается одним из самых совершаемых преступлений. В частности, согласно статистике МВД России в 2020 году мошенничество с долей 16,2 % занимало второе место в общей структуре преступности. Особые опасения вызывает резкий рост количества актов совершения данного преступления. Если в 2018 году было зафиксировано уменьшения зарегистрированных фактов мошенничества на 3,5 %, то в 2019 году правоохранительными органами было зарегистрировано 257187 преступлений и прирост составил 19,6 %. За период с января по декабрь 2020 года число зарегистрированных мошенничеств выросло на 30,5 % и составило 335631 случаев [1].

Пандемия коронавирусной инфекции и режим самоизоляции не стали препятствием для мошенников. Напротив, преступники активно адаптировались под

[1] © Завьялов Д. А., 2021.

изменяющиеся условия и даже воспользовались сложившейся сложной ситуацией в своих корыстных целях. Так, за апрель - июнь 2020 года среди всех зарегистрированных прокуратурой актов мошенничества 71 % составили деяния, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В тот же период времени число мошенничеств с банковскими картами увеличилось на 46 % [5].

Приведенные статистические данные наглядно отражают, что активная информатизация, вызванная тяжелой социально-эпидемиологической ситуацией, отрицательно отразилась на количестве мошенничеств.

Кроме того, что мошенники чаще стали использовать при совершении преступлений технологические средства, изменения претерпело и содержание их деятельности. На смену сообщениям и звонкам, в которых мошенники представляются близкими родственниками, попавшими в беду, в связи с чем им нужно перевести деньги, пришли более сложные способы овладевания персональными данными, необходимыми для вывода средств со счетов потерпевших.

Например, в период ограничений широкое распространение получили рассылки от лица международных организаций, таких как ВОЗ или ООН, сообщений на электронную почту, в которых предлагалось перейти по ссылке, чтобы прочитать инструкцию с мерами против COVID-19. Однако ссылка вела на фишинговые сайты, где предлагалось ввести личные данные, которые в последствии попадали к преступникам. Похожую схему мошенники совершали и с сообщениями, отправляемыми от имени Центрального Банка России. В них прикреплялся документ с названием «Вакансии», после скачивания которого на устройства граждан попадало вредоносное программное обеспечение. Еще одну мошенническую схему зафиксировал Сбербанк. Так, преступники сообщали гражданам о том, что им положена компенсация за ущерб, вызванный пандемией, для получения которой достаточно сообщить некоторые персональные данные и сведения о банковской карте. Нередко мошенники представлялись сотрудниками органов исполнения наказания, Роспотребнадзора или врачами больниц и с помощью обмана вынуждали перевести деньги для погашения штрафа или для оплаты лекарств для заболевшего родственника.

Мошенничество совершается путем обмана или введения в заблуждение потерпевшего, в результате которых он самостоятельно передает злоумышленникам либо предмет хищения, либо сведения, необходимые для получения доступа к предмету хищения. Таким образом, при совершении мошенничества на сегодняшний день используется два основных способа. Первый – это рассылка электронных сообщений с фишинговыми сайтами. По данным Центра быстрого реагирования на инциденты кибербезопасности компании Group-IB (CERT-GIB), за период с января по сентябрь 2020 года Центром было заблокировано 14 802 веб-ресурсов, в то время как за весь в 2019 год было выявлено 14 093 таких сайтов [6]. Второй способ - это звонки и сообщения от имени государственных органов, сотрудников банка и иных учреждений. Из этого следует, что в современных условиях преступники используют не только изменения социально-экономических условий, результаты научно-технического процесса и низкую

техническую и информационную грамотность большинства населения, но и методы социальной инженерии, позволяющие завладеть конфиденциальной информацией и без применения сложных технических приемов.

Несмотря на то, что как наука социальная инженерия получила свое оформление относительно недавно, ее методы люди применяют с древних времен. Например, с помощью техник социальной инженерии послы Древней Греции вели переговоры, тем самым вводя другую сторону в заблуждение и убеждая ее в собственной правоте. В 70-х годов XX века технологии воздействия на сознание человека все чаще начинают использоваться в преступных целях. Так, в этот период времени получил так называемый фрикинг, то есть взлом телефонных аппаратов, который осуществлялся с помощью манипулирования сознанием неопытных телефонных операторов.

Таким образом, социальные инженеры основываются на базовых механизмах человеческой психологии, а также на неграмотности, некомпетентности, невнимательности потерпевшего, и понуждают его к передаче персональных данных, данных банковской карты и т. д. При использовании методов социальной инженерии мошенники воздействуют на самый уязвимый элемент системы информационной безопасности – человека. Злоумышленники манипулируют его сознанием, страхами, любопытством и другими эмоциями, тем самым внедряясь в доверие. Именно данный способ используется при «звонках из банка», когда потерпевшего просят сказать код из СМС-сообщения, персональные данные в связи с мнимой блокировкой его банковской карты или из-за якобы совершенного подозрительного перевода со счета. В данном случае мошенники для реализации своего корыстного умысла используют эмоции испуганного гражданина и его привычку доверять сотрудникам банка.

Однако с помощью социальной инженерии мошенники могут совершать свои преступные деяния не только в отношении физических, но и юридических лиц с помощью рассылок сообщений от имени контрагентов, государственных органов, операторов телефонных компаний. После того, как сотрудник открывает вложенный документ, в котором предположительно содержится важная информация, в компьютерную систему организации попадает вредоносное программное обеспечение, которое позволяет получить не только необходимую информацию для хищения средств, но и персональные данные клиентов данной организации. Особые опасения представляют атаки на финансовые организации, например банки, в результате проникновения в информационные сети которых злоумышленники приобретают возможность осуществлять противозаконные операции с денежными средствами на чужих счетах.

Из этого следует, что на сегодняшний день способы совершения мошенничества стали более сложными и заключаются в том, чтобы обманным путем завладеть конфиденциальной информацией, необходимой для хищения средств потерпевших. При этом мошенники используют одновременно методы социальной инженерии и современные технологии, что позволяет им совершать хищения в более крупных масштабах. Вместе с тем мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных отличается высокой латентностью и низкой раскрываемостью. Этому способствует, с одной стороны, тот факт, что

потерпевшие винят себя в том, что они сами передали сведения злоумышленникам, в связи с чем реже обращаются с заявлениями в правоохранительные органы. С другой стороны, отсутствие непосредственного контакта между потерпевшим и преступником приводит к тому, что пострадавший не владеет никакой информацией о личности, внешности и иных характеристиках злоумышленника, а средства, с помощью которых совершалось преступление, немедленно уничтожаются. В отличие от традиционных форм мошенничества, в данном случае мошенник может находиться в любой точке мира, что только усложняет его поиски.

Таким образом, на современном этапе существует объективная необходимость в совершенствовании работы существующих подразделении МВД России по борьбе с IT-преступлениями, а также создание новых структур в ведомстве для противодействия киберпреступлениям. Эффективное противоборство с данным видом мошенничества возможно только при достаточном технологическом обеспечении правоохранительных органов, а также высокой информационной грамотности сотрудников. В то же время обязательным является проведение профилактических мероприятий, направленных на повышение уровня бдительности граждан и снижения их уязвимости перед методами социальной инженерии.

Список литературы

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - ноябрь 2020 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/22501861/.

2. Ламинина О. Г. Возможности социальной инженерии в информационных технологиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-sotsialnoy-inzhenerii-v-informatsionnyh-tehnologiyah.

3. Озеров И. Н., Озеров К. И. Новые способы совершения мошеннических действий в сфере IT-технологий в период коронавирусной инфекции // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2021. № 1. С. 24–28.

4. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 66

5. Число дел о мошенничестве рекордно выросло на фоне пандемии. Каким преступления поспособствовала самоизоляция? // URL: https://www.rbc.ru/society/31/08/2020/5f48ea169a79477e21e25d9d.

6. Эксперты выявили резкий рост числа фишинговых сайтов в мире // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20201019/fishing-1580414537.html.

Иванова Е. А.[1]*,*
курсант 602 учебного взвода института судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. А. Хлебницына****,*
преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРИМЕНЕНИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ

Смертная казнь в России как один из видов уголовного наказания была закреплена во всех нормативных правовых актах, но в зависимости от политического строя, мировых тенденций в уголовном праве, она применялась не всегда.

Право на жизнь – основная ценность, приобретаемая каждым человеком с рождением, признаваемая правопорядком любого государства. В связи с этим, принятие обществом решения о возможности лишения личности данного права должно иметь, в первую очередь, морально-этическое обоснование.

В статье 20 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что каждый имеет право на жизнь, а смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей [1].

Из данной конституционной нормы в ее взаимосвязи со статьями 18 и 46 основного закона страны следует, что в этих случаях право обвиняемого на рассмотрение дела судом с участием присяжных заседателей выступает особой уголовно-процессуальной гарантией судебной защиты права каждого на жизнь (как основного, неотчуждаемого и принадлежащего каждому от рождения), прямо установленной самой Конституцией РФ; оно является непосредственно действующим и в качестве такового должно определять смысл, содержание и применение соответствующих положений уголовного и уголовно-процессуального законодательства, равно как и деятельность законодательной власти по принятию, изменению и дополнению этого законодательства, и обеспечиваться правосудием.

В настоящее время смертная казнь предусмотрена за совершение преступлений, указанных в ч. 2 ст. 105, ст.ст. 277, 295, 317, 357 УК РФ [10], порядок исполнения наказания в виде смертной казни закреплен в главе 23 УИК РФ [9].

Между тем, на сегодняшний день в Российской Федерации действует мораторий на применение сметной казни.

В целом XX в. ознаменовал собой общемировую тенденцию к отказу от смертной казни. Только с 1990 по 2000 гг. смертную казнь отменили свыше 30 стран [2].

16 мая 1996 г. был принят Указ Президента Российской Федерации № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением

---

[1] © Иванова Е. А., 2021.

России в Совет Европы», согласно которому Правительству Российской Федерации было поручено в месячный срок подготовить для внесения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона о присоединении Российской Федерации к Протоколу № 6 от 22 ноября 1984 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Однако до настоящего времени Россия не ратифицировала указанный Протокол № 6, статья 1 которого гласит, что никто не может быть приговорен к смертной казни или казнен. Внесенный в Государственную Думу Российской Федерации законопроект № 97803716-2 «О моратории на исполнение наказания в виде смертной казни» был отклонен 18 июля 2018 г. Сейчас в Государственную Думу Российской Федерации внесен и находится на рассмотрении Комитета по государственному строительству и законодательству новый законопроект № 861991-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием уголовного законодательства» о введении в УК РФ в качестве высшей меры наказания вместо смертной казни одиночного пожизненного лишения свободы [8].

В то же время Конституционный Суд неоднократно подчеркивал, что в контексте действующего правового регулирования положения федерального законодательства о смертной казни как виде уголовного наказания, процедурах его назначения и исполнения в настоящее время применяться не могут [6].

Так в ответ на обращение Верховного Суда Российской Федерации о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П было вынесено определение от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, в котором отмечена невозможность возобновления применения наказания в виде смертной казни, в том числе в связи с тем, что в результате длительного моратория на смертную казнь в обществе сложилось устойчивое представление о существовании гарантий невозможности лишения жизни по приговору суда [4].

Последний приговор о назначении смертной казни в России был приведен в исполнение 02.08.1996 г. в отношении маньяка Головкина, убившего 11 мальчиков, однако данный вид наказания продолжали назначать до 1999 г. (не приводя приговоры в исполнение), то есть до принятия Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П [5].

Таким образом, в настоящий момент фактически имеется правовая неопределенность в вопросе применения такого вида наказания, как смертная казнь, в России. Данный вопрос разрешен по сути только косвенно Указом Президента Российской Федерации от 16 мая 1996 г. № 724, актами Конституционного Суда Российской Федерации и в целом международными обязательствами нашего государства. В силу последних Россия не вправе выдавать и высылать лицо в другое государство, если есть существенные основания полагать, что ему грозит смертная казнь.

При этом, соответствующие законопроекты неоднократно вносились на рассмотрение Федерального Собрания Российской Федерации, однако окончательные решения по ним не принимались.

Исходя из анализа тех обстоятельств, при которых на законодательном уровне возобновлялось рассмотрение вопроса о дальнейшей судьбе смертной казни в России, возможно сделать вывод о том, что это было связано с какими-либо значимыми событиями в жизни государства.

Так, в настоящий момент лидер фракции «Справедливая России» в Государственной Думе Российской Федерации С. М. Миронов вновь поднял вопрос о правовом статусе такого наказания, как смертная казнь. Это было обусловлено событиями в г. Казани, когда в результате стрельбы пострадали более 30 человек, большинство из которых дети. Он выразил мнение о необходимости возвращения смертной казни в качестве наказания за убийство детей [7].

Ранее обсуждение вопроса о необходимости вновь выносить «смертные приговоры» в отношении лиц, совершивших наиболее тяжкие преступления, активно возобновлялось после террористического акта в 2017 г. в метро г. Санкт-Петербурга, после крушения российского самолета в Египте в 2015 г.

По нашему мнению, отсутствие определенности в вопросе исключения смертной казни из перечня наказаний в России связано с общественным резонансом не только в нашем государстве, но и в мировом сообществе.

Проблема возможности и необходимости применения смертной казни всегда была дискуссионной не только в нашей стране в современное время, но и во всем мире с начала возникновения государственности. Этот вид наказания является одним из наиболее древних и изначально возник в ходе реализации принципа «око за око, зуб за зуб», а также учитывая существовавшие традиции кровной мести.

На сегодняшний день смертная казнь отменена в 89 странах мира, в 10 странах она сохранена в качестве ответственности за наиболее тяжкие преступления, а в 30 странах такой вид наказания существует в законодательных актах, но практически не применяется [12].

Согласно мировой статистике больше всего смертных приговоров приводится в исполнение в Китае, где такой вид наказания применятся не только за наиболее тяжкие (в понимании международного права) преступления, но и за преступления, связанные с наркотиками, растратой, взяточничеством, контрафактом.

Главный аргумент сторонников такого вида наказания состоит в том, что страх смерти будет удерживать преступников от совершения подобных деяний, однако исторический опыт показывает, что это далеко не так.

В среднем в мире количество убийств на 100 000 населения составляет 6,5 %. На первом месте по данному показателю находится Колумбия – 61,5 % (смертная казнь отменена в 1910 г.), на втором месте ЮАР – 49,6 % (смертная казнь отменена в 1995 г.), на третьем месте находится Ямайка – 32,1 % (в 2008 году принято решение о восстановлении смертной казни за самые тяжкие преступления). В США смертная казнь есть, но преступность имеет большие масштабы, а в Европе нет смертной казни, но и количество преступлений меньше. В исследовании, проведенном по заказу ООН, был сделан вывод о невозможности научно доказать, что смертная казнь влияет на снижение числа убийств в существенно большей мере, чем угроза пожизненного заключения [11].

Следует отметить, что применение такого вида наказания, как лишение жизни человека, должно полностью исключать судебную ошибку. Однако, тот же исторический опыт как нашего, так и других государств, показывает, что пока это не представляется возможным.

Широко известный пример – это дело Чикатило, когда двое подозреваемых были ошибочно казнены за совершенные им преступления, в чем Чикатило впоследствии сам признался. Также в США Чессман был приговорен к смертной казни, провел в тюрьме 12 лет и затем был казнен, но в своем завещании, которое было вскрыто через полгода после приведения приговора в исполнение, он назвал имя настоящего преступника. Даже известный греческий философ Сократ был приговорен к смерти за разращение молодежи и богохульство, но после казни был оправдан и увековечен в памятнике.

В практике имел место пример, когда Верховным Судом РФ был отменен смертный приговор в отношении С. Михайлова, вынесенный в 1995 г. за убийство ребенка, а в 1997 г. по данному делу были установлены новые обстоятельства, указывающие на невиновность осужденного.

Мировая тенденция в сфере применения жестких карательных мер к преступнику все более склоняется к такому виду наказания, как пожизненное лишение свободы, поскольку этот вид ответственности предполагает возможность реинтеграции преступника в общество путем пересмотра приговора, что является одной из целей применения наказаний вообще. При этом жесткость наказания в виде пожизненного лишения свободы сохраняется, поскольку, как было отмечено в Соединенном Королевстве в ходе парламентских дебатов по законопроекту об отмене смертной казни, обычный человек может выдержать максимум 9-10 лет тюремного заключения без того, чтобы не деградировать как личность, не потерять силу воли и не утратить способность вернуться в общество, заботиться о себе и стать полезным гражданином [3].

Таким образом, общемировая практика в настоящий момент свидетельствует о постепенном отказе государств от такой меры наказания, в том числе в связи с недоказанностью ее эффективности в борьбе с преступностью, в также в связи с возможностью судебной ошибки при назначении такого вида наказания, что недопустимо, учитывая представление о человеческой жизни – как высшей ценности. Более того, согласно последним обсуждениям проблем уголовного наказания появляется все большее число сторонников отмены и пожизненного заключения, которые считают, что оно малоэффективно с точки зрения достижения целей уголовного наказания: исправление преступника и возвращение его в социальную среду. Россия также следует этой тенденции, хотя в настоящий момент на законодательном уровне полный отказ от смертной казни не закреплен.

Статистика преступности в других государствах в совокупности с их социально-экономическими характеристиками указывает на наличие прямой зависимости криминогенной обстановки от уровня жизни общества. Это означает, что страны, экономическое и социальное благополучие населения которых имеет наиболее высокие показатели, имеют, как правило, наименьший уровень преступности. Представляется, что наиболее эффективными методами борьбы с

преступностью является, в первую очередь, не ужесточение карательной функции наказания, а предотвращение преступлений, формирование у граждан мнения о недопустимости их совершения и неизбежности привлечения к ответственности, снижение в целом уровня агрессии в обществе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.05.2021).

2. Борсученко С. На пути к отмене смертной казни // URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/68404-puti-otmene-smertnoj-kazni.

3. Луценко С. И. Институт смертной казни как правовой атавизм // Современное право. 2018. № 1. С. 128–133.

4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21949/.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 апреля 2010 г. № 8-П // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99733/.

7. РИА новости: Миронов призвал вернуть смертную казнь за убийство детей // URL: https://ria.ru/20210511/mironov-1731742475.html.

8. Система обеспечения законодательной деятельности // Объекты законотворчества. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill.

9. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

11. Философия смертной казни // URL: //https://ru-philosophy.livejournal.-com/1519408.html.

12. Философское осмысление смертной казни // URL: //https://euroasia-science.ru/filosofskie-nauki/философское-осмысление-смертной-каз/.

Ивлева А. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

«ГРУППЫ СМЕРТИ» В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

2017 год ознаменовался ростом количества совершаемых самоубийств среди несовершеннолетних, что не могло не отразиться на уголовной политике нашего государства. При анализе каждого случая работники следствия пришли к выводу, что все эти самоубийства носят не случайный характер, и они оказались правы. Было установлено существование так называемых «групп смерти», основной задачей которых доведение несовершеннолетних до самоубийства, среди таких групп можно назвать «Тихий дом», «Море китов», «f57», «Спрячься на сутки», «Беги или умри» и многие другие.

«Группы смерти» — это настоящие секты, заманивающие, а затем удерживающие подростков шантажом и угрозами. В расследовании говорилось о 130 подростках, погибших из-за действий подобных групп, правда, цели, которые преследовали администраторы сообществ, так и остались неясными [6].

Разберемся, что представляют собой указанные «группы смерти». Одни авторы определяют их как «социальные страницы, представляющие опасность жизнедеятельности молодых людей» [5]. Другие авторы пишут о том, что это «пирамиды, верхушку которых занимают организаторы, управляющие кураторами, которые в свою очередь непосредственно воздействуют на подростков» [4]. На сайтах интернета можно встретить множество определений, выделить из них правильные или неправильные, на наш взгляд, невозможно. Важно понимать, что все они направлены на лишение жизни подростков через совершение последними самоубийства. Используются различные психологические приемы, подрывающие нормальное состояние и психику несовершеннолетних, которые оказались в тяжелой жизненной ситуации, на их взгляд, у которых нет поддержки, и они вынуждены искать ответы на интересующие их вопросы на страницах социальных сетей Интернета.

Попасть в такую группу достаточно легко: подросток должен был опубликовать на своей странице пост с хэштегом сообщества, например #f57. После с ним связывался куратор, который сначала беседовал с ним, узнавал о личности подростка, что его беспокоит, постепенно сводя разговор к тому, что жизнь очень тяжелая, что ничего хорошего тут нет, и чем старше будешь становиться, тем безвыходнее будут становиться проблемы, и самый верный способ прекратить всё это и наслаждаться – это совершить самоубийство. Далее давал странные задания, а в случае их невыполнения угрожал подростку удалением из группы или физической расправой. Куратор мог попросить, например, вырезать кита на своей руке или проснуться в 4.20 утра.

Для нас важно понимать, что «группы смерти» - это четко организованные преступные группы или даже целые сообщества, которые строятся по принципу

[1] © Ивлева А. А., 2021.

субординации. Экспертами в одной из групп смерти был найден договор на «получение души», как выяснилось, некоторые организаторы и кураторы заключали его между собой. В таком договоре устанавливалась ставка за добросовестное выполнение куратором своей работы – доведения подростков до самоубийства, детально расписывали, во сколько можно оценивать каждого участника сообщества: так за отличника стоимость была больше, чем за троечника, а за спортсмена больше, чем за домоседа и т.д. В случае доведение подростка до самоубийства, администратор выплачивает куратору 25% от стоимости «души человека», если же подросток отказывается это выполнять, то куратор должен возместить администратору 70 %.

Вот так жизнь человека становится не только объектом уголовно-правовой охраны, но и предметом договора.

Все эти факты только подтверждают четкую структурированность таких групп, за счет чего повышается степень общественной опасности их существования, и обосновываются внесенные 7 июня 2017 года изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее УК РФ) в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению. Ст. 110 УК РФ дополнена частью 2, куда включен, в частности такой квалифицирующий признак как: в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Отправной точкой совершения таких преступлений с помощью использования сетей Интернет стал случай совершения самоубийства 16 летней студенткой в Уссурийске, которая бросилась под поезд, а перед тем сделала селфи, которое выложила в социальные сети ВКонтакте с короткой записью: «Ня. Пока» [7].

После внесения изменений судебная статистика осужденных лиц за преступления, предусмотренные ст. 110 УК РФ, выглядит следующим образом:

– за 2020 г. было осуждено за доведение до самоубийства (по ч. 1 ст. 110) – 4 человека; доведение до самоубийства, совершенное при отягчающих обстоятельствах (по ч. 2 ст. 110) – 1;

– за 2019 г. было осуждено за доведение до самоубийства (по ч. 1 ст. 110) – 9; доведение до самоубийства, совершенное при отягчающих обстоятельствах (по ч. 2 ст. 110) – 10;

– за 2018 г. было осуждено за доведение до самоубийства (по ч. 1 ст. 110) – 14; доведение до самоубийства, совершенное при отягчающих обстоятельствах (по ч. 2 с. 110) – 2;

– за 2017 г. было осуждено за доведение до самоубийства (по ч. 1 ст. 110) – 15 человек [8].

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165801/.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

3. Уголовное право России : учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. 836 с.

4. Галицына А. М. «Группы смерти» как средство манипулирования сознанием // Развитие общественных наук российскими студентами. 2017. № 4.

5. Жихарева Л. В. Виртуальные группы смерти: методология исследования // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2018. № 1.

6. URL: https://daily.afisha.ru/relationship/4580-eto-grustno-i-glupo-shkolniki-i-detskie-psihologi-o-gruppah-smerti/ (дата обращения 29.04.2021 г.).

7. URL: https://pikabu.ru/story/17letnyaya_studentka_iz_ ussuriyska_pryignula_-pod_poezd_opublikovav_predsmertnoe_selfi_3804852 (дата обращения: 29.04.2021).

8. Данные судебной статистики // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 15.04.2021).

Карпова Н. А.[1]*,*
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ХИЩЕНИЯХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ С БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Всеобщая компьютеризация и информатизация населения, популяризация безналичного денежного обращения открыли возможности для новых технологий совершения хищений с банковских счетов граждан. В настоящий момент в действующем уголовном законодательстве предусмотрена ответственность за такого рода корыстные посягательства на собственность в следующих юридических нормах: п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ. В последнее время отмечается стабильная тенденция к увеличению числа данных преступлений, о чем свидетельствуют данные статистики. Так, на территории Российской Федерации по итогам трех месяцев 2021 года зафиксирован рост количества тяжких и особо тяжких преступлений. Основное влияние на этот показатель оказало увеличение числа криминальных деяний данной категории, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В первом квартале текущего года в IT-сфере совершено на 33,7 % больше преступлений, чем год назад, в том числе с использованием сети Интернет – на 51,6 % и при помощи средств мобильной связи – на 31,6 %. В январе-марте 2020 года удельный вес таких деяний составлял 19,9 % от общего числа зарегистрированных преступлений, а за три месяца текущего года увеличился до 27,1 % [5].

В структуре МВД России создаются специальные подразделения по борьбе с киберпреступностью. Успешное противодействие преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, невозможно без комплексного изучения уголовно-правовых проблем, возникающих в процессе их квалификации. Следует отметить, что введение в 2018 году данных правовых норм в УК РФ специалистами было воспринято неоднозначно. Ряд авторов полагают, что внесенные в уголовный закон изменения создали дополнительные сложности при квалификации такого рода хищений, и появление официального судебного толкования было бы весьма значимым для правоприменительной практики [5, с. 45–47]. Безусловно, мы считаем, что криминализация хищений денежных средств с банковского счета, действительно, является эффективной мерой уголовно-правовой борьбы с данными преступлениями. Однако проблемы законодательной техники, сложности разграничения преступлений, имеющих смежную природу, отсутствие разъяснений Верховного Суда Российской Федерации, порождают огромные проблемы в судебной практике. В связи с чем, мы поддерживаем специалистов, которые видят необходимость в создании единой (самостоятельной) нормы, предусматривающей ответственность за хищение с банковского счета и включающей все имеющиеся составы преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158, ст. 159.3, ст. 159.6 УК РФ

[1] © Карпова Н. А., 2021.

[5, с. 31]. С точки зрения правовой регламентации, полагаем, что более верным будет отразить предмет преступления в виде безналичных денежных средств в качестве признака отдельного состава хищения, объединяющего все его формы. Следует отметить, что в следственной и судебной практике возникает немало вопросов, связанных с квалификацией хищений денежных средств с банковского счета.

Противоправные действия виновных лиц получают различную уголовно-правовую оценку. В связи с чем нам представляется важным отразить основные спорные ситуации, возникающие в этой сфере. Необходимо обозначить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 17 постановления № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» указал, что «действия лица следует квалифицировать по ст. 159.3 УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой». Так, приговором районного суда Б. осужден по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за то, что найденной на земле банковской картой он рассчитался за произведенные в магазине покупки на общую сумму 5410 рублей, прикладывая бесконтактную банковскую карту к считывающему устройству кассового терминала, похитив таким образом денежные средства потерпевшего[8]. Однако Кемеровский областной суд, переквалифицировал его действия на ч. 1 ст. 159.3 УК РФ, как мошенничество с использованием электронных средств платежа [3], сославшись на п. 17 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48.

Однако в 2020 году Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации вынесла решение, согласно которому хищение денежных средств с найденной банковской карты путем бесконтактной оплаты в торговой организации следует считать кражей. Таким образом, кассационное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации было удовлетворено. К. произвел оплату товаров в различных магазинах и кафе с использованием банковской карты потерпевшего, похитив, денежные средства в размере 3 026 руб. 54 коп. При этом действия по хищению денежных средств не были доведены К. до конца по независящим от него обстоятельствам, поскольку указанная банковская карта с остатком на счете в размере 3 984 руб. 04 коп. была заблокирована потерпевшим. Содеянное образует неоконченную кражу с банковского счета (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Судебная коллегия указала, что согласно нормативным предписаниям на сотрудников торговых организаций, осуществляющих платежные операции с банковскими картами, не возлагается обязанность по проверке документов, удостоверяющих личность их держателя. Поскольку К. оплачивал товары бесконтактным способом, то работники магазина не принимали участия в осуществлении операций по списанию денежных средств с банковского счета. Таким образом, К. ложные сведения о принадлежности карты сотрудникам торговых организаций не сообщал, и в за-

блуждение их не вводил. Суд кассационной инстанции, квалифицировавший содеянное по ст. 159.3 УК РФ, ошибочно сослался на разъяснения, данные в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате». Данное толкование закона было дано применительно к ранее действовавшей редакции. Однако Федеральным законом от 23 апреля 2018 года № 111-ФЗ в ст. 159.3 УК РФ внесены изменения. Из диспозиции статьи исключено указание на то, что под мошенничеством понимается хищение чужого имущества с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Этим же Законом введена уголовная ответственность по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ за кражу с банковского счета, по которой и должны быть квалифицированы действия осужденного К. [7]. Рассмотрим следующую правовую ситуацию. Так, в последнее время часто встречаются судебные решения, согласно которым хищение с банковского счета не образует квалифицирующий признак, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, если изъятие денежных средств осуществлялось через банкомат. Многие представители правоприменительной сферы полагают, что в данном случае происходит незаконное завладение наличными денежными средствами, что исключает п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Мы же считаем, что данные суждения носят ошибочный характер. В этом отношении показательным является показательным следующее судебное решение. Так, в кассационном представлении заместитель Генерального прокурора Российской Федерации указывает, что выводы суда кассационной инстанции в обоснование необходимости переквалификации действий осужденного с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ являются ошибочными, поскольку по смыслу уголовного закона для квалификации действий виновного по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ юридически значимым является то обстоятельство, что предметом преступления выступают денежные средства, находящиеся на банковском счете, а равно каких-либо указаний на конкретный способ их изъятия диспозиция статьи 158 УК РФ не содержит. К., обнаружив в квартире банковскую карту своего отца и зная от последнего пин-код карты, решил тайно похитить денежные средства, имеющиеся на банковском счете потерпевшего, что и сделал, сняв с использованием данной банковской карты через банкомат денежные средства в размере 5 500 рублей, причинив значительный материальный ущерб. Учитывая же, что потерпевший, являясь держателем банковской карты, имел счет в банке, на котором хранились денежные средства, а банковская карта выступала лишь в качестве инструмента управления денежными средствами, находящимися на банковском счете, при этом при снятии наличных денежных средств через банкомат денежные средства списывались непосредственно с банковского счета потерпевшего, вывод президиума Кировского областного суда об отсутствии в действиях осужденного квалифицирующего признака совершения кражи с банковского счета, нельзя признать обоснованным [6]. Рассмотрим правовую ситуацию, когда происходит одномоментное хищение безналичных денежных средств с банковского счета и иного имущества. Зачастую, представители судебных органов усматривают в противо-

правных действиях злоумышленника совокупность преступлений, охватывающихся одной статьей уголовного закона. Таким примером является уголовное дело в отношении С. и Б., в ходе рассмотрения которого суд согласился с обвинением в том, что в действиях обвиняемых присутствует совокупность двух преступлений. Из существа обвинения следует, что С. и Б. тайно для потерпевшего завладели его мобильным телефоном стоимостью 59 200 руб. Под кожаным чехлом телефона находилась дебетовая банковская карта потерпевшего. С похищенным соучастники проследовали к банкомату, где при помощи банковской карты получили с банковского счета потерпевшего 20 000 руб. С места совершения преступления они скрылись, чем причинили потерпевшему хищением, как мобильного телефона, так и денежных средств с банковского счета значительный материальный ущерб.

Действия С. и Б. по завладению мобильным телефоном и банковской картой потерпевшего совершены соучастниками одномоментно; и мобильный телефон, и банковская карта принадлежат одному и тому же потерпевшему; денежные средства с банковского счета потерпевшего получены в короткий промежуток времени после завладения его банковской картой, то есть изъятие и телефона, и денежных средств потерпевшего объединены единым умыслом на завладение имуществом потерпевшего. В этой связи С. и Б. совершено единое продолжаемое преступление. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда приговор Таганского районного суда г. Москвы в отношении С. и Б. изменила и переквалифицировала их действия с п. п. «а, в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ на п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ как кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с причинением значительного ущерба гражданину, с банковского счета [1].

Рассмотрим еще одну схожую ситуацию. По одному из уголовных дел было установлено, что И., тайно похитил из кармана джинсов К., мобильный телефон общей стоимостью 8 000 рублей. После хищения И. получил доступ к мобильным приложениям банков, после чего, действуя с единым умыслом, одновременно совершил переводы денежных средств на другие карты в своих корыстных целях. При таких обстоятельствах судебная коллегия считает правильным действия И., квалифицированные судом первой инстанции по п. п. «в, г» ч. 3 ст. 158, п. п. «в, г» ч. 3 ст. 158, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, квалифицировать единым эпизодом по п. п. «в, г» ч. 3 ст. 158 УК РФ [2].

Таким образом, анализ материалов правоприменительной практики показал, что возникает немало ошибок в правовой оценке хищений денежных средств с банковского счета. Обобщив данные, можно сделать следующие выводы о подходах к квалификации такого рода корыстных посягательств на собственность граждан:

1) хищение безналичных денежных средств с похищенной или найденной банковской карты путем покупки товаров бесконтактным способом в торговой организации охватывается составом кражи (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ);

2) хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата охватывается кражей с применением

квалифицирующего признака, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, поскольку денежные средства списываются, прежде всего, с банковского счета потерпевшего;

3) действия лица, завладевшего чужим имуществом, например, мобильным телефоном и банковской картой, совершенные одномоментно, когда изъятие и телефона, и денежных средств потерпевшего с банковского счета объединены единым умыслом, направленным на хищение чужого имущества, следует считать единым продолжаемым преступлением;

4) если после хищения мобильного телефона, виновный получает доступ к мобильным приложениям различных банков и, действуя с единым умыслом, с одного мобильного телефона, находясь в одном месте, одновременно осуществляет несколько незаконных переводов денежных средств на другие счета платежных карт в своих корыстных целях, то содеянное образует единое продолжаемое хищение, ответственность за которое предусмотрена п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Список литературы

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 17 июля 2019 г. № 10-12417/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/. Режим доступа: через коммерческую версию.

2. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 февраля 2020 г. по делу № 10-2487/2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/. Режим доступа: через коммерческую версию.

3. Апелляционное постановление Кемеровского областного суда Кемеровской области № 20-203/2019 от 28 марта 2019 года по делу № 20-203/2019 // URL: https://sudact.ru.

4. Иванова О. М., Иванов М. Г. О последних изменениях и дополнениях, внесенных в ст. 158, 159.3, 159.6 УК РФ // Сетевое издание «Академическая мысль». 2019. № 1 (16). С. 45–47.

5. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-март 2021 года // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/-23816756/.

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2020 г. № 10-УДп20-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/. Режим доступа: через коммерческую версию.

7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/. Режим доступа: через коммерческую версию.

8. Приговор Прокопьевского районного суда Кемеровской области № 20-203/2019 от 28 марта 2019 года по делу № 20-203/2019 // URL: https://sudact.ru.

9. Чернякова А. В. Вопросы криминализации хищений с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 115–120.

Карпушкин А. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУТА ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ПРИ ЗАДЕРЖАНИИ ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ, СТРАН РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Институт причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, известен мировой юриспруденции с V века, будучи закрепленным в своде «Законов XII таблиц». По смыслу толкования Таблицы VIII указанного сборника, совершавшего или совершившего кражу в ночное время вора или же вора, укравшего что-то в дневное время, оказавшего вооруженное сопротивление, допускалось убить на месте преступления; если же кража совершена днем безоружным вором или при нем имеется оружие, но последний им не пользуется и не сопротивляется задержанию, то убийство вора запрещается; кроме того, при оказании сопротивления вором, у которого имеется при себе оружие, но последний им не пользуется, оказывая сопротивление, задерживающий (чаще всего задерживал потерпевший, чье имущество похищено), должен был кричать, чтобы его услышали и прибежали к нему на помощь [1, с. 30]. Описанная обычная норма права выступает неким прародителем действующему, в том числе и в нашей стране, обстоятельству, исключающему преступность деяния, а именно статье 38 УК РФ. С тех пор уже прошло более полутора тысячелетий, а указанный институт, закрепляясь в уголовно-процессуальном или уголовном праве отдельных стран, претерпел значительные изменения. Интересным является вопрос о сходствах и различиях данного института в странах, относящихся к романо-германской правовой системе. В их число входят ФРГ, Франция, Швеция, Италия, Испания, Турция, Япония, большинство стран Латинской Америки, а также Российская Федерация и множество других стран, в том числе и страны СНГ.

Особый интерес представляют именно вышеописанные страны ввиду схожести источников права, основных понятий, структуры права и исторического пути его формирования. Первоначально обратимся к законодательству Германии, согласно разделу 127 УПК которой каждый, в том числе несовершеннолетний, имеет право на задержание преступника; в случае «ошибочного ареста», лицо, его совершившее, подлежит ответственности [2]. Задержание такого лица возможно при риске побега, задержанному должна быть сообщена причина задержания, а вред, причиняемый при задержании, должен быть соразмерным [2]. В целом, законодательство Германии допускает применение огнестрельного оружия в случаях: предотвращения неизбежного совершения или продолжения противоправного действия; пресечения попыток побега, в том числе из мест предварительного заключения или избегания ареста; пресечения преступления в виде применения силы к заключенному или кому-либо, находящемуся под стражей, в психиатрической больнице или реабилитационном учреждении; против толпы, только если она совершает насильственные действия или немедленно

[1] © Карпушкин А. В., 2021.

приближается и принудительные меры против отдельных лиц не ведут к цели или явно не обещают успеха [3]. Далее, обращаясь к законодательству Италии, отметим, что в сравнении с нормами Германии, разумеется, имеются существенные различия. Первое из них касается обязательства задержания, которым наделены, в первую очередь, сотрудники полиции. В случае, если у последних появляется такая обязанность, то закон дает право и обычным гражданам задерживать преступников с поличным. Сотрудники полиции обязаны осуществить задержание, если лицо совершило преступление, за которое предусмотрена ответственность в виде пожизненного лишения свободы, либо лишения свободы на срок от 5 до 20 лет, или же за совершение преступления из описанного в УПК Италии, в число которых входят преступления против государства, или же против общественной безопасности, или разграбления, или сексуальное насилие и так далее [4]. Нормы же, регламентирующее право на применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции описывается в самом Уголовном кодексе Италии. Кроме соблюдения требований соразмерности, в статьях 51-53 УК Италии, отмечается, что оружие применяется для самообороны, для исполнения приказа о его применении (при ответственности руководителя за неправомерный приказ), а также в целях предотвращения одного из преступлений: резни; кораблекрушения; авиакатастрофы; железнодорожной катастрофы; добровольного убийства; вооруженного ограбления; похищения людей [5].

Кроме того, полицейский имеет право на законное требование об оказании помощи в задержании к гражданскому лицу. То есть, осуществляя задержание и нуждаясь в помощи, полицейский имеет право потребовать у прохожих помочь представителю власти, а последние не имеют права отказаться. По смыслу описываемого законодательства, за превышение пределов, необходимых для задержания лица, или за отданный приказ на такое неправомерное задержание, полицейский несет ответственность как в случаях ошибки (когда он неправильно оценивает фактическую ситуацию), так и по неосторожности, неопытности или халатности в исполнительной деятельности, превышая необходимые пределы, причинив вред более серьезный, чем нужно было бы.

В целом, проведенный мной анализ, свидетельствует о несовершенстве уголовного законодательства и взаимосвязанных с ним ведомственных нормативных актов, поскольку в каждой стране сотрудник полиции прежде чем применить оружие, специальные средства или физическую силу, должен произвести в голове огромный комплекс мероприятий, направленных на отождествление информации о совершенном деянии, его квалификации, установлении лица, его совершившего, соблюдение требований возможности, законности и обоснованности применения имеющегося у полицейского вооружения, анализ обстановки и условий правомерности задержания лица и так далее. Например, по отечественному законодательству, сотрудник полиции, принимая решение о применении или отказе от применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия, руководствуется требованиями: Конституции Российской Федерации; Уголовного кодекса Российской Федерации; Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях; Федерального закона № 3-ФЗ «О полиции»; Приказа о патрульно-постовой службе полиции.

Так, чтобы принять верное решение, задерживающие вынуждены затрачивать значительное количество времени, что может привести к большим жертвам, иным худшим последствиям, вызванным неготовностью последних к задержанию или к применению имеющихся у них средств. Причем в ситуациях, где задерживающие являются простыми гражданами, выступающими очевидцами или потерпевшими, не в силах квалифицировать совершенное деяние, например, отличить мелкое хищение, предусмотренное в КОАП РФ, от кражи, присвоения и т. п., предусмотренных в УК РФ. В результате вся процедура принятия решения о возможности и границах допустимых мер задержания, в целом, затруднительна в скоротечных обстоятельствах совершения преступления и попытках скрыться лица, его совершившего. Учитывая вышеизложенное, предлагается:

– упростить процедуру применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия сотрудниками полиции при задержании;

– предусмотреть возможность использования гражданами, осуществляющими задержание, подручных и иных имеющихся у них средств наравне с требованиями, предъявляемыми к полицейским;

– внести в ст. 13 ФЗ № 3 «О полиции» права полицейского на требование к гражданам об оказании помощи в осуществлении задержания, от исполнения которого последние не имеют права отказаться;

– внести в ст. 38 действующего УК РФ пункт о возможности оказания помощи при задержании сотрудникам правоохранительных органов, а также предусмотреть ответственность последних за отданные указания о мерах и средствах такого задержания, явно выходящие за превышение пределов, необходимых для задержания, в ст.ст. 108 и 114 УК РФ.

Список литературы

1. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим / под ред. В. В. Струве, М., 1953, 290 с.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Германии в версии, опубликованной 7 апреля 1987 г. // Бюллетень федеральных законов. I. С. 1074, 1319; в который в последний раз вносились поправки ст. 9 Закона от 19 апреля 2021 г. // Бюллетень федеральных законов. I. С. 771.

3. Закон о прямом принуждении к осуществлению официальных полномочий со стороны сотрудников федеральных правоохранительных органов Германии в пересмотренной версии, опубликованной в Федеральном вестнике законов, часть III, номер 201-5, с последними поправками, внесенными ст. 43 Постановления от 19 июня 2020 г. // Федеральный вестник законов. I. С. 1328.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Италии (утв. Указом Президента от 22 сентября 1988 г. № 477).

5. Уголовный кодекс Италии (утв. Королевским указом от 19 октября 1930 г. № 1398) (в ред. от 28.02.2021).

Кельм С. И.[1]***,***
адъюнкт адъюнктуры
Омской академии МВД России

Научный руководитель: ***В. В. Бабурин,***
профессор кафедры криминологии и профилактики преступлений
Омской академии МВД России,
доктор юридических наук

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ В СФЕРЕ ЖКХ, КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Жилищно-коммунальное хозяйство (далее – ЖКХ) – это специфическая форма социально-экономических отношений, которая подвержена преступному воздействию. Основная часть финансирования отрасли является бюджетной. Каждый год из бюджета Российской Федерации на сферу ЖКХ выделяется большое количество различных субсидий. В рамках программы «Жилище» [4] на 2015-2020 годы было выделено 663,79 млрд руб. Большая концентрация денежных средств, отсутствие должного правового регулирования и контроля над расходованием бюджетных средств привлекают криминал и создают условия для формирования в сфере жилищно-коммунального хозяйства организованной преступности. Также различные кризисные явления в этой отрасли являются факторами роста преступлений, социальной напряженности и угрозой безопасности страны.

Проблема преступности в сфере ЖКХ часто затрагивается на государственном уровне. В. В. Путин на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации подвел итоги работы ведомства за 2020 год, в частности было уделено внимание и сфере ЖКХ. Президент России отметил, что «много острых, чувствительных для граждан вопросов остается в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Это и неоправданный рост тарифов, и несоблюдение стандартов качества обслуживания, попытки безосновательного перераспределения средств, выделяемых на ремонт инфраструктуры. Надо отслеживать правоприменительную практику, не допускать новых проблем, чтобы откровенные жулики просто не отыскали какие-либо юридические лазейки для обмана людей» [5].

Многообразие субъектов деятельности в сфере ЖКХ, отсутствие должного правового регулирования, зачастую ведут к несогласованности, дублированию, расточительному использованию выделяемых ресурсов. Именно эта сфера экономической и управленческой деятельности наиболее подвержена преступному воздействию [2].

Структура преступности в сфере ЖКХ является многоплановой, включающей в себя преступления, направленные против собственности, экономической деятельности, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, против общественной безопасности, против здоровья населения и общественной

[1] © Кельм С. И., 2021.

нравственности, против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, против порядка управления, а также экологические преступления.

Официальная статистика предоставляет данные только об отдельных видах преступлений в сфере ЖКХ, связанных с экономической и коррупционной преступностью (рис. 1) [3].

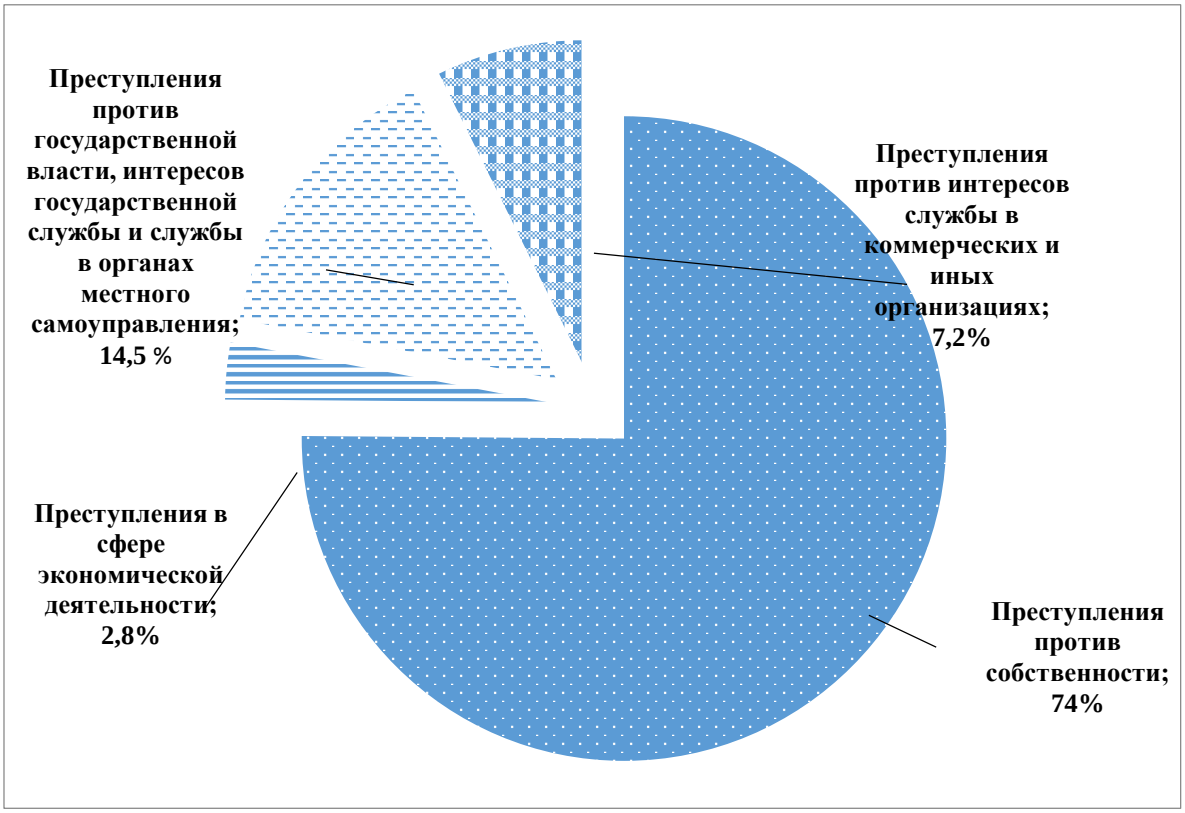

Рис. 1. Информация о структуре зарегестрированной экономической и коррупционной преступности в сфере ЖКХ

Изучение уголовных дел в сфере жилищно-коммунального хозяйства показало, что чаще всего совершаются экономические и коррупционные преступления, предусмотренные ст. ст. 159, 160, 204, 285, 286, 290, 291 УК РФ. Сложные схемы коррупционных преступлений не позволяют правоохранительным органам полностью, достоверно и быстро отследить движение денежных средств. Коррумпированность должностных лиц, как на государственном, так и на местном уровне подрывает доверие к власти и в дальнейшем ставит вопрос о её легитимности [1]. Общественная опасность коррупционных преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства выражается в следующем:

– в росте теневого сектора экономики, значительная часть которого сформирована экономической преступностью и существует благодаря коррупции властных структур;

– в затруднительном расследовании преступлений, совершаемых в сфере ЖКХ, так как цепочки состоят из многочисленных подставных фирм, через которые осуществляются платежи;

– в использовании объектов специализированного жилищного фонда в преступных целях;

– в выводе прибыли управляющих компаний и ресурсоснабжающих организаций в офшоры, это является причиной сокращения налоговых поступлений;

– высокий уровень бюджетного финансирования целевых программ, реализуемых в сфере ЖКХ, что является своеобразной «красной тряпкой» для криминалитета;

– такие преступления, совершаемые в сфере ЖКХ, как взяточничество и коммерческий подкуп являются средством обеспечения иной криминальной деятельности в данной отрасли. Фактически некоторые коммерческие и муниципальные структуры, осуществляющие свою деятельность в рассматриваемой сфере, взаимодействуют, исходя из своих корыстных интересов, и тщательно скрывают свою преступную деятельность [1].

В заключении следует отметить, что преступность в сфере ЖКХ имеет достаточно большую разветвленность, как относительно различных сфер жилищно-коммунального хозяйства, так и относительно составов преступлений различной категории. Это свидетельствует о значительной проблеме, которая может быть решена путем последовательных и системных изменений общественных и экономических отношений в данной сфере.

Список литературы

1. Кельм С. И. Общественная опасность коррупционных преступлений в жилищно-коммунальной сфере // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 4 (17). С.475-484.

2. Костюк М. Ф. Уголовно-правовые средства охраны деятельности жилищно-коммунального хозяйства // Противодействие коррупции в сфере ЖКХ: выявление, расследование, и предупреждение правонарушений. М. : Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова. 2014. С. 73.

3. Отчеты ГИАЦ МВД России: форма «5-БЭП».

4. Федеральная целевая программа «Жилище» // URL: http://www.roszeldor.ru/zhilische (дата обращения: 24.04.2021).

5. Заседание коллегии Генпрокуратуры // URL: http://kremlin.ru/events/president/news/65165 (дата обращения: 10.04.2021).

Киктенко А. А.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО П. «Г» Ч. 3 СТАТЬИ 158 УК РФ

Продвижение электронных и безналичных денежных средств, как и электронных средств платежа содержит в себе ряд положительных влияний на экономику страны, в части уменьшения бумажных наличных денежных средств. Однако использование безналичных и электронных денежных средств влечет за собой и ряд финансовых, правовых рисков, а также риска неправомерного доступа к банковским картам и к электронному кошельку. Данные риски непосредственно принимаются во внимание законодателями различных стран при создании и совершенствовании нормативно-правового поля для противодействия преступлений в данной сфере.

Так, развитие электронных средств платежа, цифровизация и компьютеризация при существующих низких системах безопасности повлияли на включение в ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации нового квалифицирующего признака, а именно кражи, то есть тайного хищения чужого имущества, совершенного банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 1593 Уголовного кодекса Российской Федерации) [1].

При рассмотрении данного состава преступлений необходимо учитывать и такие негативные особенности как: дистанционный характер совершения данного рода преступлений, повышенная скрытность, а также невозможность предотвращения традиционными средствами и способами данного рода преступлений [2, с. 104–106].

Необходимо отметить, что предмет преступления, предусмотренного п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, значительно отличается от традиционного предмета кражи. Так, под предметом статьи 158 Уголовного кодекса Российской Федерации следует понимать материальный предмет окружающего мира, отображенный в пространстве, имеющий материально-телесную субстанцию и находящийся в твердом, жидком или газообразном состоянии, освоенный и доступный человеку [3, с. 90]. Таким образом, предметом рассматриваемой нормы, в соответствии с ее спецификой, будут считаться иные (нетелесные) объекты: электронные денежные средства.

Соотнося понятия «безналичные денежные средства» и «электронные денежные средства», необходимо обратиться к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 48 от 30 ноября 2017 г. «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», согласно которого если предметом признаны безналичные денежные средства, в том числе и электронные, то в силу п. 1 примечания к ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации и

[1] © Киктенко А. А., 2021.

ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации деяние должно быть квалифицировано как хищение чужого имущества.

Существует и иная точка зрения, согласно которой данные понятия не отождествляются. Так, в качестве отличия необходимо признать тот факт, что у безналичных денежных средств, в отличие от электронных, есть открытый банковский счет, на который производится поступление (выдача) денежных средств [4, с. 118–121].

Зачастую предметом рассматриваемого преступления являются именно безналичные денежные средства, изъятие которых осуществляется с использованием технических электронных средств, тайно от собственника и без прямого участия человека. Типичной ситуацией данного вида хищения – это хищение, совершенное с использованием мобильного телефона потерпевшего, либо посредством использования таких мобильных приложений, например, как «СбербанкОнлайн». Электронные денежные средства, которые также являются предметом преступления, представляют собой право требования владельца к оператору электронных денежных средств, которые учитываются в системе перевода на специальном виртуальном счете – «электронном кошельке» [5, с. 5–7]. При этом электронные денежные средства, с юридической точки зрения – денежные обязательства эмитента по факту обмена их на денежные средства по требованию предъявителя, а с технической стороны – это электронная запись, защищенная криптографическим алгоритмом, функционирующие на основе карточек и на основе определенной компьютерной программы [6, с. 95].

Таким образом, предмет преступления, предусмотренный п. «г» ч. 3 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации обладает достаточно сложной правовой природой, ведь внимание законодателей к рассматриваемому составу преступления стоит весьма остро, так как он в значительной степени отличается от смежных с ним составов преступления в части, касающегося того, что изъятие денежных средств происходит без волеизъявления потерпевшей стороны. Так, в качестве предмета данного преступления стоит рассматривать:

– имущество материального характера, обладающее экономической ценностью материального мира;

– имущество, характеризующееся относительной обособленностью, правосубъектностью, с закреплением прав на него в установленном порядке;

– имущество, находящееся в открытом доступе как возможности законно владеть и распоряжаться данным имуществом;

– нематериальное имущество, не относящееся к вещам, то есть имущественное право, которое также обладает ценностью и выступает объектом гражданских прав.

Список литературы

1. Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 18. Ст. 2581.

2. Сериева М. М. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Новый юридический вестник. 2017. № 1. С. 104–106.

3. Кавелин К. Д. Гражданское право. История русского судоустройства // М. : Юрайт. 2020. С. 90.

4. Косыгин В. Е. Мошенничество с использованием электронных средств платежа: некоторые проблемы правоприменения (часть 2) // Молодой ученый. 2020. № 6 (296). С. 118–121.

5. Гниломедова Е. В. Электронные деньги как способ исполнения расчетных обязательств // Юридический факт. 2017. № 9. С. 5–7.

6. Аксютова В. В. Развитие электронных денег в России: проблемы и пути совершенствования / под ред. Д. В. Елисеева // Научное сообщество студентов XXI столетия. Экономические науки : сборник материалов. 2018. № 1 (61). С. 95.

Ковригин В. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ СОГЛАСОВАННОСТИ ТЕРМИНОВ «УНИЧТОЖЕНИЕ» И «РАЗРУШЕНИЕ» КАК ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ В КОНТЕКСТЕ СТАТЬИ 215.2 УК РФ

Законодательное решение о применении термина «разрушение» как одного из видов общественно опасного последствия в диспозиции рассматриваемой статьи наводит на несколько интересных моментов. Во-первых, по своей правовой природе ст. 215.2 УК РФ тождественна ст. 167 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества. Следует отметить, что ст. 215.2 УК РФ является специальной нормой по отношению к ст. 167 УК РФ, являющейся общей нормой. Классификация преступных посягательств по данным критериям (на «общие» и «специальные») является общепринятой в юридической литературе и науке уголовного права. Вполне понятны различия между указанными нормами, лежащие в основе этой классификации, но вопрос стоит иначе, а именно: с какой целью законодатель в общей норме употребляет термин «уничтожение», а в специальной норме сознательно и намеренно использует термин «разрушение» как одного из способов совершения рассматриваемого преступления, создавая тем самым очевидный контраст терминологической несогласованности указанных феноменов, что вынуждает обратиться к корреляции указанных понятий.

Второй немаловажный момент связан с тем, что терминологические категории: «уничтожение» и «разрушение», на первый взгляд, между собой являются тождественными, однако, если провести анализ действующего УК РФ, то можно прийти к выводу, что использование термина «разрушение» встречается только в 6 составах преступлений, в то время как «уничтожение» встречается в 35 составах преступлений, при этом примечательно, что в качестве альтернативных общественно опасных последствий в диспозиции одной из статей применяется и разрушение, и уничтожение (например, п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ). Таким образом, законодатель определяет, что между указанными общественно опасными последствиями имеются существенные отличительные признаки.

Чтобы правильно и объективно осуществить терминологическую корреляцию необходимо обратиться к содержательной части вышеуказанных терминов. В науке уголовного права данный аспект является весьма дискуссионным. Большинство авторов [6, с. 540; 9, с. 115] под разрушением понимают приведение объекта жизнеобеспечения в полную негодность, когда его использование по прямому назначению утрачено. Часть авторов [4, с. 181] понимают под разрушением полное прекращение физического существования объекта.

Заслуживает точка зрения автора Закомолдина Р. В. [2, с. 80], который под разрушением понимает уничтожение объектов жизнеобеспечения либо приведение их в полную негодность, когда они не могут быть использованы по своему

[1] © Ковригин В. С., 2021.

функциональному назначению и не могут быть восстановлены. То есть распад имущественного комплекса, в результате чего он не может функционировать как система. Существует авторская позиция [8, с. 313] согласно которой под разрушением понимается полное уничтожение объектов. В данном случае авторы совместили термины «разрушение» и «уничтожение», тем самым давая понять, что термин «разрушение» является более широким, охватывает и включает в себя термин «уничтожение».

В теории уголовного права также бытует мнение [5, с. 307], что уничтожение является степенью разрушения. В любом случае можно говорить, что эти два понятия связаны с необратимостью процесса возвращения в первоначальное состояние без каких-либо внешних ресурсов.

Примечательно, что по данному вопросу нет каких-либо разъяснений и положений со стороны Верховного Суда Российской Федерации.

Обращаясь к специальной литературе [7, с. 654] мы видим, что термин «разрушить» означает ломать, уничтожить, превратить в развалины. Под термином «уничтожение» [там же, с. 834] понимается прекращение существования кого-нибудь, чего-нибудь, истребление. Анализируя вышеуказанное, приходим к выводу, что все авторы, раскрывая содержание термина «разрушение», сходятся во мнении, что разрушение – это приведение его в такое состояние, при котором оно не может быть использовано по прямому назначению либо прекращает свое физическое существование и не может быть восстановлено.

Таким образом, вполне логично и обоснованно, что термины «уничтожение» и «разрушение» полностью идентичны, сходны по своему содержанию и значению, то есть ничем не различаются. Однако и данная позиция не осталась в стороне от научной критики ряда авторов [1, с. 34; 3], которые утверждают, что термин «разрушение» имеет более масштабное содержание и более применим по отношению к объектам жизнеобеспечения, которые представляют собой имущественные комплексы. Термин «уничтожение» применим к отдельным предметам (вещам). С позициями данных авторов мы не согласны в связи с тем, что данные термины по своей природе являются тождественными. Можно утверждать, что данные общественно опасные последствия являются синонимами, поскольку один термин передает содержание другого и наоборот, никакой принципиальной разницы в них нет. Поскольку расхождений между ними нет, то применение разнообразной однозначительной терминологии сбивает с пути правоприменителя, который будет искать отличительные признаки в указанных терминах, что непременно ведет к негативным тенденциям. Более того, если законодатель увидел принципиальную разницу, то по логике вещей он должен был применительно к объектам жизнеобеспечения вместо термина «повреждение» ввести в оборот качественно иной термин, однако такого, к счастью, не произошло. К тому же, если авторы утверждают, что термин «уничтожение» применяется к отдельным предметам или вещам, то из этого следует, что речь идет об уничтожении какого-либо имущества. Если это так, то объекты жизнеобеспечения представляют собой имущественные комплексы и входят в более объемную категорию под общим названием «имущество», а значит, можно говорить об уничтожении этих объектов.

Если рассматривать данный вопрос с другой стороны, что ст. 167 УК РФ является общей нормой по отношению к ст. 215.2 УК РФ, являющейся специальной нормой, то в данном случае речь должна идти именно об уточнении, конкретизировании ее отдельных положений, то есть иметь узконаправленный профиль. Однако, законодатель применительно к термину «уничтожение», относящийся к общей норме, который по правилам логики, должен был являться более общим и целым, искусственно трансформировал его в термин более узкий по сравнению с термином «разрушение». В связи с чем возникла философская метаморфоза: более широким понятием становится термин «разрушение», содержащийся в специальной норме, в то время как термин «уничтожение», указанный в общей норме, стал более узким и ограниченным, что, на наш взгляд, является не допустимым.

С нашей точки зрения, чтобы избежать путаницы и двусмысленности применяемой законодателем терминологии, необходимо отказаться от употребления слов синонимов и следовать пути унификации категорийно-понятийной терминологии в целях недопущения и решения существующих проблем в правоприменительной практике при расследовании уголовных дел и квалификации данных деяний, то есть изменить формулировку способа «разрушение» на термин «уничтожение».

Список литературы

1. Бикеев И. И. Некоторые вопросы квалификации приведения в негодность объектов жизнеобеспечения, нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов // Российская юстиция. 2008. № 2. С. 34.

2. Закомолдин Р. В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. С. 80.

3. Закомолдин Р. В. Преступные нарушения специальных правил и требований безопасности : монография. Тольятти : Российский государственный социальный университет, 2013. 168 с.

4. Коробеев А. И. Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. IV: Преступления против общественной безопасности / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юридический центр – Пресс (Издательство Р. Асланова), 2008. С. 181.

5. Коробеев А. И. Полный курс уголовного права: В 5 т. Т. III: Преступления против общественной безопасности / под ред. А. И. Коробеева. СПб. : «Юридический центр – Пресс (Издательство Р. Асланова), 2008. С. 307.

6. Лебедев В. М. Особенная часть Уголовного Кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под ред. В. М. Лебедева, А. В. Галахова. М. : Издательский Дом «Городец», 2009. С. 540.

7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М. : А ТЕМП, 2006. С. 654.

8. Прохорова М. Л. Уголовное право России. Особенная часть: учебник : в 2 ч. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. Ч. 1. С. 313.

9. Степенко В. Е., Ахметшин Р. Э., Ульянова А. А. Уголовно-правовой аспект борьбы с преступлениями против общественной безопасности : монография / под ред. В. Е. Степенко. Хабаровск : Издательство ТОГУ, 2017. С. 115.

Козина А. А.[1]***,***
адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ И АДМИНИСТРАТИВНОГО НАДЗОРА, ЗА ЛИЦАМИ ОСВОБОЖДЕННЫМИ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Высокая статистика рецидивной преступности и повторного совершения правонарушений лицами, которые ранее привлекались к различным видам юридической ответственности обусловила необходимость принятия мер контроля и надзора за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы для предупреждения совершения последними новых правонарушений.

На основе положений Федерального закона № 64-ФЗ от 6 апреля 2011 г. «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – закон об административном надзоре) [2] сотрудники органов внутренних дел реализуют свои полномочия в области административного надзора за поведением определенной категории граждан, а именно в соблюдении последними запретов и ограничений, установленных по решению суда.

Анализ официальных данных, предоставленных МВД России, по количеству совершения преступлений и административных правонарушений поднадзорными лицами показывает несовершенство действующего административно-правового механизма административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Так, только за 2020 г. 123 317 лиц, подпадают под основания для установления административного надзора; число состоящих под административным надзором на конец 2020 г. составляет 116 120 человек; в отношении 25 942 поднадзорных возбуждены уголовные дела, а количество лиц привлеченных к административной ответственности составило 93 433 [4].

Таким образом около 80 % от общего числа поднадзорных лиц совершают административные правонарушения в период течения срока административного надзора, а 22 % – уголовно-наказуемые деяния, значит цели уголовного наказания не достигаются.

В соответствии с ч. 4 ст. 5 закона об административном надзоре данная мера пресечения может быть установлена лицу, которое после освобождения из мест лишения свободы в качестве дополнительного наказания отбыло ограничение свободы.

Анализ ст. 53 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1] и положений закона об административном надзоре, а именно ст. 4, 11 показал, что сущность ограничения свободы и мер административного надзора практически полностью дублируют друг друга, за исключением цели ограничения свободы – это восстановление социальной справедливости. Однако, применение мер административного надзора также можно рассматривать как определенное наказание для лица, совершившего преступление, поскольку ограничиваются его права и свободы через установление запретов и ограничений, предусмотренных законом об административном надзоре.

---

[1] © Козина А. А., 2021.

Исходя из положений об установлении административного надзора, можно сделать вывод, что лицо, подвергнутое дополнительному уголовному наказанию в виде ограничения свободы, в указанных законом случаях, может быть подвергнуто в последующем административному надзору, который по своему содержанию не отличается от ограничения свободы, и в соответствии с законом об административном надзоре будет исчисляться с момента окончания уголовного наказания.

Существенным отличием данных мер реагирования государства на противоправное поведение будет являться лишь то, что ограничение свободы, это разновидность уголовного наказания, вследствие чего нарушение ограничений и запретов при ограничении свободы будут нести более тяжкие последствия нежели при административном надзоре. Но возникает вполне закономерный вопрос о нарушении принципа справедливости наказания, закрепленного в ч. 2 ст. 6 УК РФ. Если выявляется определенное сходство между рассматриваемыми категориями в части, касающейся запретов и ограничений, устанавливаемых при административном надзоре лицам, освобожденным из мест лишения свободы и содержанием уголовного наказания в виде ограничения свободы.

По нашему мнению, предупреждение совершения правонарушений определенной категорией лиц, а именно приговоренным к ограничению свободы и которым в дальнейшем будет установлен административный надзор неэффективно, если такие ограничения в рамках уголовного наказания в виде ограничения свободы и меры надзора за поведением лица будут полностью идентичными.

Как справедливо отмечает А. Н. Смирнов, что административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, выступает специфической разновидностью ограничения свободы «в рамках осуществления уголовно-полицейской деятельности» [5, 63], что также подтверждает практически полную идентичность двух указанных мер реагирования на противоправное поведение лиц.

Также существуют и противоположные точки зрения, например, по мнению Н. В. Темниковой несмотря на идентичность ограничений и запретов и частичное совпадение целей административный надзор и ограничение свободы они не могут быть отождествлены, поскольку лица, которые подвергаются административному надзору, уже достигли цели наказания, т. е. исправления [6, 42].

Стоит обратить внимание, что как уголовное наказания в виде ограничения свободы, так и административный надзор призваны содействовать снижению частоты применения уголовного наказания в виде лишения свободы, что также показывает их идентичное целеполагание.

По нашему мнению, стоит необходимо исключить п. 4 ст. 5 закона об административном надзоре, что позволит отменить возможность назначения административного надзора лицам, которые отбыли уголовное наказание в виде ограничения свободы. При этом предусмотреть данное положение соответствующем разъяснении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, а также разъяснить возможность для судов рассматривать вопрос о продлении срока ограничения свободы, поскольку нарушение запретов и ограничений, установ-

ленных при ограничении свободы влекут более серьезные последствия, чем в административном надзоре, что повысит эффективность влияния на правосознание правонарушителей.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

2. Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ // Российская газета. 2011. № 75.

3. Ванюшин Я. Л., Галкин В. А., Филатова А. В. Комментарий к Федеральному закону от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Саратов : Ай Пи Эр Медиа, 2012. 48 с.

4. Сводный отчет по России «О результатах работы территориальных органов МВД России по осуществлению административного надзора за январь-декабрь 2020 года» // URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 01.06.2021).

5. Смирнов А. Н. Административный надзор и ограничение свободы: конкуренция норм / Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики. Материалы научно-практической конференции. 2014. № 3 (38).

6. Темникова Н. В. Предупреждение преступлений поднадзорных лиц : дис. … канд. юр. наук : 12.00.08. М., 2015. 204 с.

Корнеев С. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогически кадров
Академии права и управления ФСИН России

Научный руководитель: ***В. Ф. Лапшин,***
начальник кафедры уголовного права
Академии права и управления ФСИН России,
доктор юридических наук, доцент

СООТВЕТСТВИЕ СУДИМОСТИ ОТДЕЛЬНЫМ ПРИНЦИПАМ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Институт судимости известен отечественному уголовному законодательству достаточно давно – прообраз рассматриваемого явления берет свое начало еще с момента клеймения лица, совершившего запрещённое источником уголовного законодательства деяния (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.). В настоящее же время, спустя несколько столетий, сущность судимости сводится к совокупности межотраслевых лишений и ограничений лица, признанного виновным в совершении, однако и эта точка зрения, с учетом отсутствия дефиниции рассматриваемой категории, не является единой или превалирующей в теории уголовного права. Не менее дискуссионным в юридической литературе видится вопрос о допустимости реализации уголовно-правовых обременений в отношении лица, отбывшего назначенное судом наказание в полном объеме.

Как указано выше, содержание судимости составляет объем лишений и правоограничений, испытываемых лицом, совершившим преступление, с момента вынесения обвинительного приговора суда (осуждения) до снятия либо погашения судимости. Рассматриваемые обременения носят межотраслевой характер, так как затрагивают общественные отношения, урегулированные как федеральным, так и уголовным, уголовно-исполнительным законодательством. Подробнее остановимся на сущности заявленных ограничений. Так, уголовно-правовые обременения находят свое выражение при:

– квалификации ряда преступлений (ч. 5 ст. 131 и др.);

– установлении рецидива преступлений (ст. 18 УК РФ);

– освобождении от уголовной ответственности и наказания (ч. 1 ст. 75 УК РФ и др.);

– распространении на осужденного обратной силы уголовного закона (ч. 1 ст. 10 УК РФ).

В соответствии с уголовно-исполнительным законодательством лица, отбывшие наказание, несут обязанности и пользуются правами, которые установлены для граждан Российской Федерации, с ограничениями, предусмотренными федеральным законом для лиц, имеющих судимость (ст. 179 УК РФ). Ограничения рассматриваемой отрасли права выражаются в раздельном содержании осужденных (ст. 80 УИК РФ); установлении вида исправительного учреждения и условий отбывания наказания непосредственно в нем (ст. 74, ст. 87 УИК РФ); изменении

[1] © Корнеев С. А., 2021.

вида исправительного учреждения (ст. 78 УИК РФ); установлении административного надзора (173.1 УИК РФ) и др.

Предусмотренные законодательством общеправовые обременения играют важную роль в действующем социуме. В частности, лицо с непогашенной или неснятой судимостью имеет сложности в трудоустройстве; испытывает моральные и внутренние ограничения, переживания, ущемления со стороны окружающих, общества в целом. Более того, ряд обременений общеправового характера не устанавливается соответственно дифференциации сроков судимости, а является пожизненным «клеймом» лица, совершившего преступление.

Полагаем, что рассматриваемые правоограничения межотраслевого характера по своей сущности могут сравниться с объемом ограничений отдельных видов наказания (например, ограничение свободы (ст. 53 УК РФ). В связи с этим, представляется, что за совершение одного и того же деяния, запрещенного уголовным законом, лицо подвергается двойной репрессии со стороны государства, что не совсем согласуется с положениями уголовного закона о принципе справедливости (ст. 6 УК РФ) и общими началами назначения наказания (ст. 60 УК РФ).

Легитимность допустимости установления судимости в отношении лица, отбывшего наказание в полном объеме, была предметом не только доктринальных исследований, но и рассмотрения судебного органа конституционного контроля. Так, согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации, лишения и ограничения, реализуемые в рамках судимости не входят в объем наказания и не противоречат ни уголовно-правовому принципу справедливости (ст. 6 УК РФ), ни общим началам назначения наказания (ст. 60 УК РФ) [2; 3].

В то же время, согласно иной точке зрения:

– судимость как явление «объективного» и «субъективного» уголовного права, заменившее «неблагонадежность» времен царизма и «контрреволюционность» времен красного террора и гражданской войны, аморальна (безнравственна), противоречит принципам права, справедливости и гуманизма и представляет собой рудимент прошлого, тоталитарного режима (особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н. В. Витрука) [3];

– «несправедливо добавлять наказание тому, кто уже искупил свою вину» (особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации А. Л. Кононова) [3];

– судимость представляет собой «юридический рудимент», вступающий в противоречие с принципом справедливости и общими началами назначения-наказания [1, с. 170] и др.

Действительно, лишения и ограничения, испытываемые осужденным в рамках реализации судимости, не входят в объем наказания, равно как им не является ввиду того, что перечень видов наказания является исчерпывающим и не подлежит расширительному толкованию. Однако, соглашаясь с вышесказанным, полагаем, что законодательная грань между институтами наказания и судимости, с учетом доктринального анализа сущности лишений и ограничений, реализуемых в рамках рассматриваемых категорий, приобретает формальный характер.

Представляется, что их применение осуществляется по одним и тем же материальным и формальным основаниям. Следовательно, назначаемое судом наказание несоразмерно общественной опасности совершенного преступления и личности виновного, что противоречит положениям норм уголовного закона (ст. 6, ст. 60 УК РФ).

Подводя итог настоящему исследованию, полагаем, что судимость де-юре представляет собой особый правовой статус лица, признанного виновным в совершении преступления и отбывшего установленный судом срок наказания (меры государственного принуждения). Де-факто судимость отождествляется с пролонгированным видом уголовного наказания, которое обретает вид дополнительного наказания в случае совершения нового запрещенного уголовным законом деяния, что противоречит принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и общим началам назначения наказания (ст. 60 УК РФ).

Список литературы

1. Лапшин В. Ф. Условное осуждение и судимость как рудименты современного уголовного права // Преступление, наказание, исправление : материалы международной научно-практической конференции и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России. Рязань : Академия ФСИН России, 2019. С. 168–171.

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 ст. 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой ст. 10 и части шестой ст. 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова» // URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-10102013-n/ (дата обращения : 15.03.2021).

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // URL: https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19032003-n/ (дата обращения: 15.03.2021).

Корниенкова М. Р.[1]***,***
преподаватель кафедры уголовного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ

Россия – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [1]. Приоритетными направлениями в указанной сфере выступает физическое развитие и нравственное воспитание несовершеннолетних.

Следовательно, одной из основных целей Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» выступает защита детей от факторов, которые негативно влияют на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное, а также нравственное развитие. В условиях современности подобных негативных факторов огромное количество (например, пропаганда насилия в социальных сетях, доступность несовершеннолетним табачных изделий, а также алкогольных напитков). Последнее вызывает наиболее серьезную обеспокоенность.

Алкоголизация нашего населения, в частности молодежи, достигла своей критической точки, и главная проблема борьбы с алкоголизмом на любой его стадии, в современных условиях, выступает одной из составляющих государственной политики. По сведениям Роспотребнадзора, в России из 10 миллионов лиц возрастом 11–18 лет более чем половина регулярно употребляют спиртное. Одной из основных причин вовлечения несовершеннолетних к потреблению алкоголя выступает свободная продажа алкоголя продавцами, игнорирующие законы [2].

Федеральным законом от 21 июля 2011 г. № 253-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции» в текст УК РФ была внесена ст. 151.1, которая предусматривает уголовную ответственность за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции.

Данная норма имеет ряд дискуссионных вопросов, требующих разъяснений. В частности, речь идет о сфере применения уголовного закона. Использованное законодателем в положениях ст. 151.1 УК РФ, понятия «розничная торговля» позволяет сделать определенный вывод о том, что речь идет об области розничной торговли, которая выступает в качестве вида торговой деятельности, связанная с приобретением и реализацией товаров по использованию их в личных, семейных, бытовых и иных целях, которые не связаны с предпринимательской деятельностью [3].

Следовательно, розничная продажа – это реализация товаров потребителям (физическим лицам), в том числе предоставление услуг общественного питания

---

[1] © Корниенкова М. Р., 2021.

в целях личного, семейного, а также бытового потребления и других целей, которые не связанны непосредственно с предпринимательской деятельностью.

Безосновательно сужает область допустимого применения этой уголовно-правовой нормы теоретик Н. Р. Косевич. Он полагает, что к ней «не относится продажа алкогольной продукции в барах, кафе, ресторанах и других объектах общественного питания» [4].

Далее, в рамках рассматриваемой проблематики, нельзя оставить без внимания вопрос возраста правонарушителя. На первый взгляд нет никакой специфики. Согласно ст. 20 УК РФ уголовной ответственности по общему правилу подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности на момент совершения преступления. Применительно к анализируемому составу уголовная ответственность за данную статью наступает с 18 лет. Определение возраста субъекта обусловлено объектом уголовно-правовой охраны. Поскольку охраняются общественные отношения, обеспечивающие нормальную социализацию несовершеннолетних, то соответственно субъектом посягательства может быть только лицо, достигшее 18-летнего возраста. Подтверждением этому служит и ст. 256 ТК РФ «Запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре и клубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами, материалами эротического содержания)».

Действующая норма, предусмотренная ст. 151.1 УК РФ, помимо общих признаков, предполагает наличие у субъекта дополнительных. В связи, с чем субъект является специальным. Эту позицию разделяют и другие исследователи [5]. Дополнительный признак связан с трудовой деятельностью субъекта преступлений.

Кроме этого, специфика преступления, предусмотренного ст. 151.1 УК РФ, обусловлена тем, что жертвой выступает несовершеннолетнее лицо, не достигшее возраста 18 лет. При квалификации деяния по ст. 151.1 УК РФ крайне важно учесть, что общественная опасность действий по продажи несовершеннолетним алкогольной продукции не только наносит вред их здоровью, но и состоит в нарушении правил осуществления розничной продажи алкогольной продукции.

Определяющим признаком этого преступления являются неоднократность.

Согласно примечанию ст. 151.1 УК РФ «Розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутым административному наказанию».

Таким образом, объективная сторона рассматриваемого деяния, заключается не только в факте розничной продаже несовершеннолетнему алкогольной продукции, но и напрямую указывает на систему данного деяния, что выражается в привлечении лица к ответственности за аналогично совершенное правонарушение.

В заключение стоит отметить, что алкоголизм, как социально-правовое явление в России зародился в конце 19 века. На данном этапе развития Российского

общества алкоголизация населения достигла критической точки, особую озабоченность вызывает увеличение количества несовершеннолетних, употребляющих алкогольную продукцию, что в свою очередь пагубно влияет на их нормальное физическое и психическое развитие. Государство борется с данной проблемой, как с использованием административных мер, так и уголовно-правовых. Одним из способов было введение ст. 151.1 в УК РФ.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ «О Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165801/.

2. Батычко В. Т. Уголовное право. Общая и Особенная части : курс лекций. Таганрог: ТГРУ, 2015. С. 278.

3. Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https:// www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_95629/.

4. Косевич Н. Р. Усиление мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции как проявление государственной политики по защите несовершеннолетних // Уголовное право. 2012. № 3. С. 102.

5. Купирова Ч. Ш. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: закон и проблемы его применения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 2. С. 117.

Котова А. А.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 191, 192 УК РФ

В настоящее время важное теоретическое и прикладное значение имеет исследование уголовно-правовых средств борьбы с незаконным оборотом драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней либо жемчуга (ст.ст. 191, 192 УК РФ), ввиду того что указанные составы преступлений обладают особой спецификой, а совершение данных преступлений наносит значительный материальный ущерб экономике государства.

Рассматриваемые составы преступлений расположены в главе 22 раздела VIII УК РФ, что позволяет определить в качестве родового объекта общественные отношения в сфере экономики, в качестве видового –отношения в сфере экономической деятельности. Принимая во внимание, что оборот драгоценных металлов и драгоценных камней в Российской Федерации ограничен [3], ученые относят посягательства на данные ценности к группе «преступлений в сфере монополии государственного регулирования» [10, с. 301]. Непосредственный объект данных преступлений – законный оборот драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга (ст. 191 УК РФ), а также интересы государства по распоряжению добытыми из недр ценностями (ст. 192 УК РФ).

При исследовании вопросов уголовной ответственности в сфере незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней ученые большое внимание уделяют изучению предмета преступлений. Исходя из диспозиций ст.ст. 191, 192 УК РФ, предметом указанных преступлений являются янтарь, нефрит или иные полудрагоценные камни, драгоценные металлы, драгоценные камни либо жемчуг в любом виде, состоянии, за исключением ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий.

Е. Н. Бархатова объясняет повышенный интерес к данным предметам тем, что они «являются стратегически важными товарами, обеспечивающими экономическую стабильность государства» [6, с. 45].

Понятия, раскрывающие предмет преступлений, предусмотренных ст.ст. 191, 192 УК РФ, содержатся в статье 1 Федерального закона от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях», что свидетельствует о бланкетности рассматриваемых норм. При этом определения драгоценным камням и драгоценным металлам даны путем их перечисления. Так, к драгоценным камням относятся золото, серебро, платина и металлы платиновой группы (палладий, иридий, родий, рутений и осмий). А драгоценными камнями признаются природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, а также природный жемчуг [1]. При этом определение полудрагоценным камням в указанном Федеральном законе отсутствует, а их перечень устанавливается Правительством Российской Федерации [4].

---

[1] © Котова А. А., 2021.

Следует отметить, что уголовная ответственность за незаконный оборот янтаря, нефрита и иных полудрагоценных камней была введена в 2019 году [2]. Данный состав преступления был криминализирован в части 1, 2 и 3 статьи 191 УК РФ. О необходимости указанных изменений УК РФ неоднократно высказывались в своих статьях ученые, проводившие исследования в данной области (например, Е. Н. Бархатова, Н. Е. Беломестнов [7] и другие).

Вместе с тем некоторые авторы усматривают недостатки принятых изменений законодательства в части определения объекта уголовно-правовой охраны. Так, Забавко Р. А. считает, что самовольная добыча янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней (ответственность за которые предусмотрена частями 2 и 3 статьи 255 УК РФ) и их последующий оборот составляют единый процесс, поэтому законодатель ошибочно поместил данный состав в ст. 191 УК РФ. По мнению автора, ответственность за незаконную добычу и незаконный оборот рассматриваемых предметов должна быть предусмотрена в одной норме, а именно в статье 255 УК РФ [8, с. 133]. На наш взгляд, такая позиция не соответствует сложившейся в УК РФ системе охраны общественных отношений, так как при осуществлении незаконных сделок с драгоценными металлами, драгоценными и полудрагоценными камнями под угрозу ставятся именно отношения в сфере экономики, а не отношения, обеспечивающие экологическую безопасность.

В процессе квалификации деяний по ст. 191 УК РФ правоприменители сталкиваются с рядом трудностей, связанных с определением предмета преступления. В частности, возникают вопросы отграничения драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней от «ювелирных и бытовых изделий и лома таких изделий» (которые предметом рассматриваемого преступления не являются). Это требует изучения дополнительных нормативно-правовых актов, например, приказа Роскомдрагмета от 30 октября 1996 г. № 146 «О порядке отнесения изделий, содержащих драгоценные металлы, к ювелирным» [3]. Кроме того, требуется анализ состояния и вида ценностей. Чабакова Ю. А., Жамбалов Д. Б. отмечают, что предметом преступления, предусмотренного статьей 191 УК РФ, признаются драгоценные металлы «в самородном и аффинированном виде, а также в сырье, сплавах, полуфабрикатах, промышленных продуктах, химических соединениях», а также «природные необработанные драгоценные камни и ограненные драгоценные камни» [11, с. 73]. В свою очередь, Туранов М. Ю. делает уточнение, что «ограненные драгоценные камни, прошедшие сертификацию, не относятся к предмету преступления, предусмотренного ст. 191 УК РФ» [9, с. 185]. Знание указанных особенностей предмета преступлений способствует правильной квалификации деяний, а следовательно, повышению законности действий лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство.

Таким образом, вопросы определения объекта преступлений в сфере незаконного оборота драгоценных металлов, драгоценных и полудрагоценных камней имеют важное значение для теории уголовного права, а также практики применения ст. 191 и 192 УК РФ. В настоящее время имеется много проблем, связанных с установлением объекта и предмета указанных преступлений, которые требуют изучения и разрешения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 марта 1998 г. № 41-ФЗ (ред. от 23.06.2020) «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/ (дата обращения: 13.05.2021).

2. Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341814/ (дата обращения: 13.05.2021).

3. Указ Президента Российской Федерации от 22 февраля 1992 г. № 179 «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_345/ (дата обращения: 13.05.2021).

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 11 сентября 2020 г. № 1406 «Об утверждении перечня полудрагоценных камней в целях применения статьи 7.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статей 191 и 255 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/. Режим доступа: по расписанию (дата обращения: 13.05.2021 г.).

5. Приказ Роскомдрагмета от 30 октября 1996 г. № 146 «О порядке отнесения изделий, содержащих драгоценные металлы, к ювелирным» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/. Режим доступа: по расписанию (дата обращения: 13.05.2021).

6. Бархатова Е. Н. Особенности законодательного регулирования ответственности за незаконный оборот драгоценных металлов и драгоценных камней // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 43–52.

7. Бархатова Е. Н., Беломестнов Н. Е. Янтарь – природное богатство вне уголовно-правовой защиты // Legal Concept. 2019. № 4. С. 174–180.

8. Забавко Р. А. Уголовная ответственность за незаконные добычу и оборот янтаря, нефрита и других полудрагоценных камней // Вопросы российского и международного права. 2020. Том 10. № 8А. С. 131–142.

9. Туранов М. Ю. Проблемы определения предмета преступления, предусмотренного статьей 191 УК РФ // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 183–187.

10. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. 836 с.

11. Чабакова Ю. А., Жамбалов Д. Б. Особенности квалификации незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга // Уголовно-процессуальные аспекты расследования наиболее социально опасных преступлений : сборник материалов межвузовской конференции. Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. С. 71–76.

Лимарь А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ СОЗДАНИЯ ИГОРНОЙ ЗОНЫ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Вхождение Республики Крым в нормативное правовое поле Российской Федерации предопределило комплекс проблем по «освоению» нормативно-правовой базы Российской Федерации и ее адаптации с учетом особенностей функционирования федерального округа.

В 2014 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин утвердил распоряжение о создании игорной зоны на территории Республики Крым [7].

Стоит отметить, что согласно ч. 2 ст. 9 (первоначальной редакции) Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», игорные зоны создаются на территориях следующих субъектов Российской Федерации: Алтайский край («Сибирская монета»); Краснодарский край («Азов-Сити); Приморский край («Приморье»); Калининградская область («Янтарная») [7].

Стоит отметить, что изначально Президент Российской Федерации высказывался против создания иных игорных зон (в том числе в г. Сочи и Республике Крым), так как среди последствий деятельности по организации и проведению азартных игр особое место занимает проблема снижения нравственности, рост преступлений и правонарушений: «И криминал тянется к игорным зонам, но не только. Это своеобразная публика. Я не говорю, что они плохие или хорошие, они своеобразные... Это почти лишило бы шанса все семьи со средними и более чем средними доходами сюда приезжать именно на семейный отдых с детьми, или создало бы такие условия, что существенным образом осложнило бы пребывание здесь на отдыхе наших граждан в семейном режиме. Это абсолютно другая атмосфера, и мне жалко терять эту возможную атмосферу, которая сложится» [1].

Решение о создании локализованной игорной зоны в Республике Крым было принято с целью убрать с улиц городов огромное количество мелких игорных заведений. При этом организованный криминалитет, сохраняя устойчивые связи с преступными сообществами континентальной Украины, используя временную неурегулированность законодательства и отсутствие соответствующего правоохранительного опыта, перенимает «опыт» организации такой деятельности своих российских «коллег» [3, с. 37–43]. В результате деятельность по организации и проведению азартных игр в Крыму приобрела серьезные масштабы.

С другой стороны, как отметил полномочный представитель Президента Российской Федерации в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации Г. Минх, представляя законопроект на рассмотрение, создание

---

[1] © Лимарь А. С., 2021.

игорной зоны в Республике Крым позволит привлечь дополнительные инвестиции, создать новые возможности для расширения инфраструктуры и, таким образом, позволит придать дополнительный импульс в развитии этого региона.

Фондом общественного мнения был проведен всероссийский репрезентативный опрос относительно решения создать игорную зону в Крыму. Всего 22 % респондентов высказались положительно по данному вопросу, аргументировав свое мнение тем, что легализация игорных заведений в Республике Крым будет способствовать поднятию экономики, появлению новых рабочих мест, а также как один из способов привлечения туристов [4].

30 ноября 2015 года Государственным Советом Республики Крым был принят Закон Республики Крым № 170-ЗРК/2015 «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр в игорной зоне на территории Республики Крым», целью которого выступает урегулирование отношений в сфере игорной деятельности на региональном уровне.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2019 г. № 2487-р, новая игорная зона «Золотой берег» площадью 146851 кв. метр. разместится на территории муниципального образования городской округ Ялта Республики Крым на окраине поселка Кацивели (Большая Ялта). Начало строительства намечено на первый квартал 2021 года.

Согласно опроса Фонда общественного мнения, 40 % опрошенных негативно относятся к созданию игорной зоны в Крыму, отмечая, что туристы должны приезжать на отдых и проводить время с пользой (посещать музеи, экскурсии), а также высказывали мнение, что организация игорного бизнеса будет способствовать росту преступности [4].

Специальные исследования свидетельствуют, что уровень преступности на 8 % выше в городах, где развита сеть игорных заведений.

Таблица

Сведения о количестве зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 171 УК РФ[2] на территории всей Российской Федерации и Республике Крым в 2016-2020 гг. [6]

	Всего выявлено преступлений по Российской Федерации	Выявлено преступление по Республике Крым	В % к выявленным преступлениям по Российской Федерации	Направлено в суд по Республике Крым	В % к выявленным по Республике Крым
2016	1519	11	0,72	4	36
2017	1492	11	0,74	3	27
2018	1249	12	0,96	10	83,3
2019	1136	21	1,8	9	42,8
2020	924	3	0,32	5	167

Отметим, что количество совершенных преступлений, предусмотренных ст. 171^2 УК Российской Федерации, зарегистрированных на территории Республики Крым, остается незначительным. Наблюдался рост числа фактов незаконных организации и проведения азартных игр в 2019 году. Детерминирующим фактором, способствующим росту числа преступлений в данный период, выступило принятое решение о территориальном расположении новой игорной зоны.

Сокращение в 2020 году числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 171 УК РФ[2], связано с переходом азартных игр в виртуальную форму сети Интернет. Одной из причин выступает пандемия коронавируса, которая способствовала общему росту преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Тем не менее, наметилась тенденция увеличения количества возбужденных и направленных в суд уголовных дел, что свидетельствует о формировании определенной следственно-судебной практики по противодействию незаконной игорной деятельности на территории Российской Федерации, в частности Республики Крым.

Следует отметить, что игорный бизнес уже давно интегрирован в системную деятельность организованной преступности и сам выступает в роли одного из криминогенных факторов детерминации организованной преступности как социально-правового явления [2, с. 122–142]. Это, в свою очередь, требует системного подхода как в вопросах предупредительной деятельности относительно самой организованной преступности, так и вопросах предупреждения ее различных проявлений (в нашем случае – организация и проведение азартных игр) [5, с. 234–239].

По нашему мнению, внесение изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» в части создания игорной зоны на территории Республики Крым, является нецелесообразным. Во-первых, ранее было создано достаточное число игорных зон, которые, однако, до сих пор находятся на стадии формирования. Во-вторых, вопрос о создании игорной зоны решен без соответствующей криминологической экспертизы. В-третьих, следует обратить внимание, что Республика Крым – это территория в большей мере семейного отдыха, поэтому представляется нецелесообразным решение экономических проблемы за счет социальных.

Список литературы

1. Денег на развитие Сочи больше не дадут // URL: http://www.mk.ru/politics/article/2014/02/10/982774-deneg-na-razvitie-sochi-bolshe-ne dadut.html. (дата обращения: 31.10.15).

2. Иванцов С. В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности : монография. М. : Юнити-Дана, 2012. С. 122–142.

3. Иванцов С. В. Проблемы предупреждения отдельных видов преступности в переходный период / под общ. ред. С. А. Буткевича // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 13 марта 2015 г. Симферополь : Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. С. 37–43.

4. Игорные зоны в Крыму и Сочи: отношение россиян // URL: http://fom.-ru/Kultura-i-dosug/11616 (дата обращения: 31.10.15).

5. Лебедев С. Я., Иванцов С. В. Системный подход в криминологических исследованиях преступности и организованных форм ее проявления // Российский криминологический взгляд. 2009. № 1. С. 234–239.

6. Состояние преступности в России за 2018–2020 гг. // Сведения о преступлениях экономической направленности, а также о причиненном, возмещенном материальном ущербе и стоимости имущества, на которое наложен арест : сборник подготовлен на основании формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС и ведомственного отчета МВД России формы 1-А. URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 07.04.2021).

7. Федеральный закон от 22 июля 2014 г. № 278-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165930/.

Матюхина Т. И.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУБЪЕКТА МЕЛКОГО ХИЩЕНИЯ (СТАТЬЯ 158.1 УК РФ)

Теоретическая и практическая важность, проведения уголовно-правового анализа ст. 158.1 УК РФ не вызывает сомнений в силу криминализации мелкого хищения и связанных с этим правовых проблем. Стоит указать на соответствующую статистику, которая отражает криминальную ситуацию в контексте зарегистрированных в России хищений. Так, согласно статистике Генпрокуратуры Российской Федерации: в 2020 году из всего объема зарегистрированных преступлений более трети (37,9 %) составили хищения чужого имущества, совершенные: путем кражи – 756395 (–4,1 %), мелкое хищение – 13861 (+49,8 %), путем растраты (присвоения) – 15452 (–7 %), посредством грабежа – 50 111 (–11,9 %), путем разбоя – 7 474 (–17,9 %) [7].

Вместе с этим, из сведений Судебного департамента по результатам работы судов общей юрисдикции следует: за 2020 год судами рассмотрено 185 358 дел, возбужденных по ст. 158 УК РФ, и 4650 дел – по ст. 158.1 УК РФ; за 2019 год судами рассмотрено 184 361 дело, возбужденное по ст. 158 УК РФ, и 3 305 дела – по ст. 158.1 УК РФ; за 2018 год судами рассмотрено 181 996 дел, возбужденных по ст. 158 УК РФ, и 2400 дел – по ст. 158.1 УК РФ [8].

Таким образом, анализ приведенной статистики позволяет сделать следующие выводы: доля хищений составляет основное большинство (почти половину) от общего числа зарегистрированных преступлений; статистика свидетельствует о двукратном росте рассмотренных судами дел по ст. 158.1 УК РФ в 2020 году имеющиеся сведения отражают превентивную важность применения ст. 158.1 УК РФ в целях снижения числа более тяжких видов хищения.

В рамках анализа субъективных признаков мелкого хищения стоит отметить, что субъективная сторона состава любого преступления включает два основных элемента состава преступления: субъекта преступления и совокупность субъективных признаков. Субъектом преступления признается физическое лицо, которое совершило преступление и способно нести уголовную ответственность за содеянное с учетом возраста наступления уголовной ответственности и вменяемости такого лица [5].

У субъекта мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ) согласно положениям УК РФ, обозначены общие критерии физического вменяемого лица, достигшего 16-летнего возраста (ч. 1 и 2 ст. 20 УК РФ). То есть, признаки субъекта, рассматриваемого уголовно наказуемого мелкого хищения, определяются критериями (признаками) возраста и вменяемости.

Общий признак возраста для субъекта уголовно наказуемого мелкого хищения определяется хронологическими (паспортными) сведениями, устанавливающими начало уголовной ответственности за совершенное деяние с первого дня

[1] © Матюхина Т. И., 2021.

после 16-го дня рождения, и может считаться судом смягчающим обстоятельством при наступлении преклонного возраста.

Субъект мелкого хищения (ст. 158.1) – специальный, т. е. физическое лицо, вменяемое, достигшее возраста 16 лет, подвергнутое административному наказанию за совершение мелкого хищения по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Согласно Постановления Пленума Верховного Суда № 29 от 27 декабря 2002 г. (в ред. 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» в соответствии со ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию в течении 1 года со дня вступления постановления о назначении административного наказания в законную силу.

В связи с этим при назначении наказания по ст. 158.1 УК РФ суду необходимо выяснять ряд обстоятельств, а именно: вступило ли в законную силу постановление о назначении административного наказания по ч. 2. ст. 7.27 КоАП РФ, на момент совершения повторного мелкого хищения; было ли исполнено постановление; не истек ли 1 год со дня окончания исполнения постановления; не пересматривалось ли постановление и последующие постановления, связанные с его исполнение в порядке главы 30 КоАП РФ [1].

Вменяемость индивида презюмируется в большинстве случаев и специально не определяется. Однако, обстоятельства (индивидуальные субъективные особенности) общественно опасного деяния, а также поведение субъекта при подготовке, совершении и после преступления могут дать основания усомниться в психической полноценности преступника. В подобных ситуациях устанавливается вменяемость лица в период совершения рассматриваемых преступлений с учетом человеческого, субъективного состояния во время совершения преступления [2].

Определение факта вменяемости (невменяемости) относится к полномочиям суда, который использует для констатации таких состояний сведения судебно-психиатрической экспертизы.

В этой связи стоит добавить, что российские правоведы [3] логично отмечают кратность совершения деяния (административного проступка) одним лицом в качестве специфического признака субъекта рассматриваемого мелкого хищения, что делает именно субъекта носителем особой общественной опасности, поскольку он не желает исправляться после административного наказания, обладающего предупредительным характером.

Таким образом, специальный признак субъекта мелкого хищения (ст. 158.1 УК РФ) обусловлен индивидуальной характеристикой общественной опасности виновного лица, которая подтверждается его нежеланием исправляться после административного наказания за схожее правонарушение.

Также стоит обратить внимание на обозначенное А.Г. Разноглядовой несоответствие 16-летнего возраста привлечения к уголовной ответственности за мелкое хищение (ст. 158.1) с установлением в ч. 2 ст. 20 УК РФ 14-летнего возраста для уголовного преследования за кражу (ст. 158 УК РФ), что позволяет: подросткам до 16 лет совершать мелкие хищения (на сумму 1 000 – 2 500 руб.) бесчисленное множество раз; привлекать подростков с 14 лет к ответственности по ст. 158 УК РФ в случае хищения на сумму от 2501 руб.

Указанное несоответствие возраста субъектов преступлений, обозначенных в ст.ст. 158 и 158.1 УК РФ, вызывает логичные вопросы в контексте уголовно-правовых принципов равенства, тяжести содеянного [6]. Физическое лицо 16 лет может признаваться виновным в совершении уголовно наказуемого мелкого хищения, если оно обладает способностью к вменению или к осознанию согласно ч. 3 ст. 20 УК РФ фактического характера, общественной опасности своего действия (бездействия) либо руководства им. Указанное несоответствие возраста субъектов преступлений, обозначенных в ст. 158 и 158.1 УК РФ, вызывает вопросы согласно уголовно-правовых принципов равенства, тяжести содеянного. Исходя из чего, как вариант, считаем целесообразным внести изменения в законодательство Российской Федерации о привлечении по ст. 158.1 УК РФ с 14 лет.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2002 г. (в ред. 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» № 29 // URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/8242/ (дата обращения: 23.03.2021).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 11 декабря 2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

3. Бавсун М. В., Бавсун И. Г., Тихон И. А. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–10; Колмычек П. И., Чернов Ю. И. Некоторые аспекты, связанные с мелким хищением в уголовном законодательстве Российской Федерации // Эпомен. 2018. № 21. С. 89–93.

4. Уголовное право. Общая часть: курс лекций/ [С. А. Денисов и др.]; под общ. ред. С. А. Денисова, В. И. Тюнина. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2008. С. 160–167.

5. Наумов А. М. Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд. М. : Проспект, 2019. С. 331.

6. Разноглядова А. Г. Криминализация мелкого хищения // Актуальные проблемы реформирования современного законодательства : сборник статей Международной научно-практической конференции, 2018. С. 205–206.

7. Ежемесячный сборник о состоянии преступности в России 2020 // URL: http://crimestat.ru/analytics (дата обращения: 23.03.2021).

8. Статистика Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru/ index.php?id=79 (дата обращения: 23.03.2021).

Меерсон В. Р.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ВИДЕ ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ, ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В процессе расширения двусторонних международных взаимоотношений Российской Федерации и Республики Беларусь зачастую возникает соприкосновение интересов в различных сферах, в том числе и в рамках борьбы с преступностью, а также совершенствования уголовной политики. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, исторически сформировавшимися общими подходами, близкими, в том числе и в вопросах исполнения наказаний. Лишение свободы как основной вид наказания в обоих государствах, исполняется в целом близкими системами пенитенциарных учреждений. В связи с указанным обстоятельством, уголовно-исполнительным системам двух стран присуща единая задача должного уровня функционирования, заключающаяся в поддержании необходимых условий, способствующих процессу исполнения назначенных судом наказаний, а также мер процессуального принуждения.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы необходимый эффективный процесс деятельности зависит от целого ряда условий, в первую очередь от качества организации отбывания наказания, степени реализуемости положений отраслевого законодательства, дееспособности каждого структурного подразделения отдельно и в совокупности и т. д. Совершение лицами, содержащимися в исправительных учреждениях, нового преступления препятствует исполнения приговора суда, создает угрозу безопасности в учреждении, нарушает его упорядоченную деятельность, в целом негативно сказывается на авторитете правоохранительных органов. Поэтому следует акцентировать внимание на важности уголовно-правовой охраны от противоправных посягательств, совершаемых в данной области общественных отношений.

Значимость данных специфических правоотношений обуславливается также наличием в Уголовных кодексах Республики Беларусь и Российской Федерации отдельных составов преступлений, таких как ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества) [1], и ст. 410 УК Республики Беларусь (действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома) [2]. Достаточно высокие показатели пенитенциарного рецидива в настоящее время в обоих государствах наводят на закономерный вывод о том, что применение уголовного наказания отнюдь не всегда обеспечивает требуемое предупредительное и воспитательное воздействие. Таким образом охрана нормального функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы,

[1] © Меерсон В. Р., 2021.

его стабильная деятельность на уголовно-процессуальной стадии исполнения приговора детерминируется эффективностью предупреждения и пресечения дезорганизации, как довольно распространенного и опасного преступления, совершаемого в местах лишения свободы. Вместе с тем, актуальность рассмотрения, изучения и совершенствования регламентации указанных преступлений необходима по причине их высокой превенции.

Вместе с тем, несмотря на близость содержания и формы уголовно-правового механизма противодействия преступлениям, направленным на дезорганизацию функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы, в двух странах присутствуют и определенные различия в подходах. Наиболее явное различие кроется в вопросе восприятия сущности объекта данного преступления. И если основной непосредственный объект посягательства воспринимается в теории схожим образом как общественные отношения, обеспечивающие нормальную деятельность исправительных учреждений, то разность в подходах к определению родового объекта данного преступления, можно выявить по расположению указанных статей в Особенной части Уголовных кодексов Беларуси и России. Так ст. 410 УК Беларуси относится к преступлениям против правосудия, а в свою очередь ст. 321 УК РФ включена законодателем в главу «Преступления против порядка управления». Расположение ст. 321 УК РФ в этой главе представляется не совсем верным, учитывая особенности и характер общественных отношений, которые подлежат уголовно-правовой охране.

Расхождения во взглядах на родовой объект данного преступления непосредственно связаны с первоначальным отнесением советским законодателем рассматриваемого преступления к иным государственным преступлениям, что впоследствии, при конструировании современного уголовного кодекса, повлияло на различие в толковании родового объекта. С другой стороны, исходя из современного российского и белорусского понимания непосредственного объекта рассматриваемого преступления, необходимо обратить внимание на направленность преступления на основную деятельность исправительных учреждений – исполнение уголовных наказаний. Это обстоятельство объединяет данное преступление в общую группу с другими преступными посягательствами на упорядоченное исполнение наказания (побег, уклонение от наказание). Таким образом, можно сделать вывод о едином родовом объекте данных преступлений и необходимости их расположения в одной главе Особенной части уголовного кодекса. Дополнительным аргументом указанному выводу служит и тот факт, что при совершении дезорганизации функционирования учреждения уголовно-исполнительной системы происходит препятствование исполнению приговора. И тем самым, очевидно, затрагивается сфера осуществления правосудия, понимаемого в широком смысле – как деятельность совокупности государственных органов, реализующих цели и задачи, присущие данной независимой ветви государственной власти.

Указанный дискуссионный вопрос неоднократно затрагивался в процессе научных исследований действий, дезорганизующих функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, поэтому заслуживает еще большего

внимания в рамках сравнительно-правового исследования уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Беларусь в связи с различием существующих в настоящее время подходов. Уяснение данного вопроса позволит не только дополнить теоретические наработки в данной сфере, но и упростить разграничение исследуемого преступления со смежными составами (в комплексе с иными предложениями), а также будет способствовать эффективной борьбе с преступлениями в двух государствах.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 № 425-ФЗ) // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ ?docbody&nd=102041891 (дата обращения: 05.05.2021).

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (в ред. от 06.01.2021 № 85-З) // URL: https://pravo.by/document/ ?guid=3871-&p0=hk9900275 (дата обращения: 05.05.2021).

Михайлова Е. В.[1]*,*
старший преподаватель кафедры криминологии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИНТЕРНЕТ-ГРУМИНГ КАК ФОРМА СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ НАД ДЕТЬМИ

В сложной структуре зарегистрированной преступности особое место занимают уголовно наказуемые деяния сексуального характера, направленные на общественные отношения против половой неприкосновенности и половой свободы личности, нарушающие нормальный уклад сложившихся отношений в обществе, нравственное и физическое развитие несовершеннолетних. При этом с каждым годом увеличивается число зарегистрированных преступлений по факту развратных действий или насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних, по которым виновное лицо органами предварительного расследования не установлено. Большая часть таких преступлений совершается посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Сексуальное насилие над детьми в сети Интернет приобретает глобальный характер. Доступные статистические данные могут дать лишь некоторое представление о масштабах проблемы: база данных о сексуальной эксплуатации детей Интерпола содержит более 1,5 млн фото и видеоматериалов сексуальной эксплуатации детей, которые фиксируют насилие в отношении более 19,4 тысяч детей [1]. В 2019 г. на горячую линию CyberTipline поступило 16,9 млн сообщений о подобных фактах, включая материалы из России (72 тыс.) [2]. Количество противозаконных изображений и видео, зафиксированных международной сетью горячих линий InternetHotlines, администрируемой INHOPE, возросло на 83 % в период с 2016 по 2020 год [3]. В России по данным исследования с участием более 1,5 тысяч детей, проведенного в 2019 году, более 48 % детей сталкивались с сексуальными изображениями в Интернете, 25 % из них сообщили, что при этом испытывали сильный страх или дистресс [4, с. 8]. Нередко дети, пострадавшие от сексуальной эксплуатации, не могут никому рассказать об этом, находясь в подчиненном положении, получая угрозы, или опасаясь насильственных действий со стороны преступника.

Основными тенденциями преступлений против половой неприкосновенности по данным исследований стали: увеличение объемов распространения материалов сексуального характера, создаваемых самими детьми; увеличение количества выявляемых материалов, изображающих сексуальное насилие над детьми; увеличение прямых трансляций сексуального насилия над детьми; использование злоумышленниками мессенджеров с функциями шифрования, что создает существенные риски для совершения насилия над детьми и затрудняет выявление и расследование преступлений [5].

В соответствии с Руководящими принципами терминологии по защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия [3] одним из видов подобных действия является интернет-груминг или кибер-груминг.

---

[1] © Михайлова Е. В., 2021.

Кибер-груминг – форма сексуального домогательства, реализуемая взрослыми людьми в процессе их онлайн-общения с несовершеннолетними с целью сексуального насилия или эксплуатации. Онлайн груминг может быть как длительным (до нескольких месяцев), так и краткосрочным (несколько часов) в зависимости от целей преступника, а именно: совершение развратных действий и сексуального насилия онлайн, получение материалов сексуального характера для распространения, обмена, продажи или хранения, вовлечение в проституцию или другие формы эксплуатации. Кибер-груминг может ограничиваться только взаимодействием в Интернете, без намерения организовать личную встречу оффлайн. Однако часто сексуальное насилие, совершаемое над ребенком вне Интернета, является результатом онлайн груминга.

Подобные знакомства чаще всего происходят в чатах различных интернет-форумов, социальных сетях или онлайн-играх, где инициатива исходит от грумера. Далее общение переходит в личные сообщения, где грумер входит в доверие к ребенку, узнает его личную информацию, договаривается о встрече в реальном мире либо растлевает ребенка онлайн. Особенность интернет-груминга заключается в том, что преступник может как называть свой реальный возраст, так и выдавать себя за ребенка или подростка, чтобы заслужить большее доверие. Однако даже в тех случаях, когда дети знают, что общаются со взрослым человеком, они все равно могут продолжать общение.

Преступники используют различные коммуникативные стратегии при кибер-груминге, выбор которых зависит от множества факторов, в том числе от того типа поведения, который, как кажется преступнику, будет наиболее эффективным в общении с каждым конкретным ребенком.

Исследователи выделяют следующие коммуникативные стратегии:

1. Льстец. В данном типе поведения преступник говорит ребенку комплименты, хвалит его, высказывает свое одобрение.

2. Ментор. Преступник может представлять себя как человека, с которым ребенок может обсудить свои проблемы и получить помощь в их решении.

3. Конгруэнтный опыт. Преступник может выступать как человек, который разделяет интересы ребенка или имеет схожий с ним жизненный опыт [6, с. 12].

Кроме того, преступники могут использовать шантаж, угрозы, оскорбления, провокативные высказывания (например, сравнивая ребенка со сверстниками, которые, по словам преступника, «раскрепощены», «свободны», «ведут себя более по-взрослому»), расспрашивать, формировать доверительные отношения, предлагать подарки с целью завоевать расположение ребенка (покупка телефонов, камер, наушников, игровых консолей).

Установлено, что фазы процесса интернет-груминга могут значительно различаться в зависимости от участвующих лиц [7, с. 540], среди которых чаще встречаются следующие.

1. Нахождение жертвы. На данной стадии грумер просматривает профили детей в социальных сетях или других ресурсах, чтобы найти ребенка с определенными характеристиками: например, детей, страдающих от нехватки внимания и заботы, или тех, кто готов говорить на интимные темы. Кроме того, он стремится

собрать как можно больше информации о ребенке, его семейной ситуации и интересах, используя данные из его профилей, блогов и т.п. Отдельную группу жертв составляют дети, состоящие в сексуально-ориентированных сообществах, группах или чатах (яой, юри), в таких случаях преступник сразу начинает общение с ребенком на сексуальные темы.

2. Установление контакта, преимущественно дружеского. Сначала преступник пытается создать доверительные отношения с ребенком, убедить его в том, что собеседнику можно рассказывать любую информацию.

3. Развитие отношений. На этой стадии преступник вычисляет, в ком больше нуждается ребенок – в друге, советчике, утешителе. После определения потребностей он может получить личную информацию о нем: адрес, состав семьи, место учебы, характер отношений с родителями и сверстниками и т.д.

4. Оценка риска. Преступник определяет, есть ли факторы, которые несут для него угрозу быть застигнутым, в том числе во время совершения преступления: использование устройства, с помощью которого ребенок заходит в интернет, кем-то из взрослых, наличие контроля за общением ребенка онлайн со стороны родителей. Преступник также может осуществлять различные действия для сокрытия доказательств планирующегося преступления.

5. Создание впечатления особого, уникального характера отношений. На данном этапе преступник может предлагать ребенку развлечения, дарить подарки, деньги, убеждать его в высокой значимости их отношений.

6. Сексуализированное общение. Данный этап может включать в себя разговоры на интимные темы, описание полового акта, демонстрацию порнографических материалов, просьбы прислать свои фотографии в обнаженном виде (секстинг). Завершением процесса онлайн груминга может стать договоренность о встрече с ребенком и совершение сексуального насилия оффлайн.

Важно помнить, что преступник может пытаться запугать ребенка или просить его держать в тайне то, что произошло. Дети часто боятся рассказать о случившемся из-за страха, что об этом узнают родители или сверстники, или что им могут запретить общаться в интернете. Ребенку сложно распознать начало онлайн-груминга, так как первые стадии общения грумера с ребенком похожи на обычное дружеское общение. Часто преступник старается изменить установки ребенка таким образом, чтобы новое, сексуализированное поведение и общение воспринималось им как нормальное.

Все дети могут столкнуться с онлайн-грумингом, однако к факторам уязвимости относятся низкая самооценка, ограниченные возможности здоровья, задержка психического развития, социальная изоляция, отсутствие поддержки и слабые связи со сверстниками.

В Российской Федерации пока не существует единообразной трактовки интернет-груминга, поскольку в Уголовном кодексе Российской Федерации нет конкретной статьи, где были бы прописаны все признаки состава преступления и четко изложены основания для возбуждения дела. Последствия интернет-груминга подпадает под действие таких статей, как развратные действия (ст. 135 УК РФ) и понуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ). В результате из-за подобной неопределенности отдельные факты интернет-груминга

остаются безнаказанными. Возможности правоохранительных органов позволяют обнаружить грумера во время его подготовительных действий, но предъявить ему обвинение не представляется возможным [8].

Предупреждение преступлений против половой неприкосновенности с использованием информационно-телекоммуникационных технологий – это деятельность различных специалистов и организаций, направленная на профилактику, выявление, предотвращение и устранение причин и условий, которые способствуют вовлечению детей в сексуальное насилие и сексуальную эксплуатацию.

Профилактикой таких преступлений могут заниматься родители, образовательные учреждения, интернет-провайдеры и разработчики программного обеспечения, социальные медиа, исследователи, специалисты в области права, правоохранительные органы, учреждения социальной защиты, а также специалисты, работающие с детьми и интересующиеся вопросами профилактики рисков, связанных с использованием сети Интернет.

Родители (или официальные представители) – самые близкие взрослые, которые одни из первых должны информировать детей не только об угрозах в Интернете, но и о правилах безопасного поведения онлайн, помогать детям применять эти правила на практике, а также предотвращать различные ситуации рисков вовлечения в сексуальную эксплуатацию, используя ограничительные меры (например, программы родительского контроля, определение правил пользования Интернетом). Поэтому очень важно проводить с родителями информационные кампании и обучающие программы. Учителя, воспитатели, специалисты по социальной работе, психологи и другие профессионалы, работающие с детьми, реализуют профилактические программы, а также оказывают консультативную помощь родителям и детям, включая детей группы риска и уже пострадавших от насилия. Разработчики программного обеспечения создают различные виды программного обеспечения, позволяющие родителям контролировать действия детей в Интернете – блокировать нежелательный контент, не предназначенный для детей (сайты или приложения), делать профиль ребенка приватным, запрещать другим пользователям отправлять ребенку личные сообщения, устанавливать ограничение времени, которое ребенок может проводить в Интернете, блокировать доступ к Интернету в ночное время. Интернет-провайдеры могут проводить мониторинг и не допускать распространение материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, объявлений о привлечении несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера и иную информацию.

Таким образом, для решения проблемы снижения количества преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или, по крайней мере, сдерживания их темпов и объемов, требуется совместная целенаправленная деятельность как правоохранительных органов, так и всего гражданского общества.

Список литературы

1. Международная база данных по сексуальной эксплуатации детей // URL: https://www.interpol.int/crimes/crimes-against-children/international-child-sexual-exploitation-database (дата обращения: 12.05.2021).

2. Национальная централизованная система отчетности об эксплуатации детей в интернете // URL: https://www.missingkids.org/gethelpnow/cybertipline (дата обращения: 12.05.2021).

3. Годовой отчет ассоциации INHOPE за 2019 год // URL: https://inhope.org/media/pages/the-facts/download-our-whitepapers/009c452175-15-95854476/annualreport_inhope_2019.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

4. Солдатова Г. Онлайн риски и цифровая грамотность в смешанной реальности: статистика и анализ // URL: https://files.runet-id.com/2020/sid/presentations/18feb.sid20-1-1130--soldatova.pdf (дата обращения: 12.05.2021).

5. Оценка угрозы организованной преступности в интернете // URL: https://www.europol.europa.eu/activities-services/main-reports/internet-organised-crime-threat-assessment-iocta-2020 (дата обращения: 12.05.2021).

6. Профилактика вовлечения детей в сексуальную эксплуатацию и торговлю людьми онлайн : сборник / [В. П. Авдеева и др.]. СПб. : РОО СПСБН «Стеллит», 2020.

7. C. Whittle H., HamiltonGiachritsis C., Beech A. A Comparison of Victim and Offender Perspectives of Grooming and Sexual Abuse // Deviant Behavior. 2015. № 36 (7).

8. Мазур А. А. Социально-криминологическое исследование интернет-груминга // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 1 (39). С. 142–146.

Новиков И. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 200.3 УК РФ

На сегодняшний день, в стране насчитывается свыше 133 тысяч граждан, которые инвестировали денежные средства в строительство жилья и пострадали из-за недобросовестных застройщиков [1].

Между тем, на фоне продолжающихся проблем, связанных с незаконным привлечением денежных средств и (или) иного имущества, показатели судебной статистики об ответственности за рассматриваемое преступление выглядят более чем скромно. Так, по ст. 200.3 УК РФ в 2017 г. не было осуждено ни одного человека; в 2018 г. осуждено 3, в отношении одного дело было прекращено; в 2019 г. осуждено 10, прекращены дела в отношении 12 человек; в 2020 г. осуждено 13, в отношении 7 человек дела были прекращены [2].

Связаны данные показатели с проблемами правоприменения, обусловленными несовершенством уголовного законодательства и отсутствием уголовно-правового инструментария, в связи с относительно коротким периодом действия данных норм. Несовершенство юридической конструкции нормы вызывает трудности в понимании того, как правильно следует ее применять.

Особое внимание следует обратить на бланкетность диспозиции указанной статьи. В Федеральном законе «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (Далее – Закон о долевом строительстве) не содержится пояснений законодателя относительно того, какие действия, связанные с деятельностью по привлечению денежных средств в соответствии со ст. 200.3 УК РФ следует считать нарушениями [3]. Представляется, что к числу подобных нарушений следует отнести, например, привлечение денежных средств до получения разрешения на строительные работы или несоответствие предъявляемых требований к застройщикам. Наравне с этим, не до конца представляется понятным, подпадают ли любые нарушения Закона под запрет рассматриваемой статьи или нет.

Необходимо обратить внимание на то, что привлечение застройщиком денежных средств граждан, участвующих в строительстве на долевых началах, может быть осуществлено в полном соответствии с Законом, но дальнейшее использование этих средств будет направлено на достижение отличных от строительства целей. По факту застройщик не нарушает положения ст. 200.3 УК РФ, а данное деяние может быть квалифицировано по ст. 159, 160 или 201 УК РФ.

Также, сложности с квалификацией деяний по ст. 200.3 УК РФ будут возникать в случае, когда часть денежных средств участников долевого строительства была привлечена в рамках соответствующего закона, а другая часть средств привлечена с нарушениями.

---

[1] © Новиков И. А., 2021.

До сих пор продолжаются дискуссии на тему возмещения полного объема привлеченных средств участникам долевого строительства. Полученными от дольщиков средствами застройщик распоряжается ограниченный период времени, в связи с инфляцией стоимость этих средств снижается, в итоге дольщик уже не покроет расход на покупку аналогичного жилья той суммой, которую ему возвратил застройщик. Наравне с этим, ни законодательство, ни акты Пленума Верховного Суда Российской Федерации, не устанавливают порядок возмещения застройщиком указанной суммы, и должен ли процесс возмещения охватывать весь объем, привлеченных средств или только тех, которые были привлечены с нарушение требований законодателя.

Дискуссионным остается вопрос относительно субъекта ст. 200.3 УК РФ. Является ли субъект преступления специальным или нет, ведь тогда под уголовно-правовой запрет могут не подпадать лица, нарушающие законодательство об участии в долевом строительстве. Проблема заключается в неопределенности комментируемой нормы - ни в названии, ни в диспозиции, в которой указание на признаки специального субъекта отсутствует (в отличие от родственной ч. 1 ст. 14.28 КоАП РФ, где субъект определен в санкции статьи - должностное лицо).

Решение вышеуказанных вопросов, регулирующих привлечение денежных средств и (или) иного имущества, устранит проблемы правоприменения, и повысит качество правоохранительной деятельности.

Список литературы

1. Официальный сайт фонда защиты прав граждан – участников долевого строительства // URL: https://фонд214.рф/news/30729/ (дата обращения: 05.05.2021).

2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: данные судебной статистики // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 05.05.2021).

3. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2004.

Озеров К. И.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ МОШЕННИЧЕСТВАМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

XXI в. целиком и полностью связан с развитием информационных технологий. Все сферы общественной жизни стали неразрывны с информационной средой. Процесс компьютеризации несет множество как негативных, так и положительных моментов. В свою очередь, с развитием сферы IT-технологии в Российской Федерации, также, как и на всей международной арене, появились пробелы в законодательстве, которые требуют немедленного реагирования по инициированию правотворческих начинаний для их устранения.

В следственных, оперативно-розыскных подразделениях уголовного розыска нет сотрудников с техническим образованием, также отсутствует высокотехнологическое оснащение рабочего места, поэтому невозможно эффективно действовать в целях противодействия подобной преступности.

На сайте МВД России приводится статистика, подтверждающая проблемы в рассматриваемом аспекте. Так, количество зарегистрированных мошенничеств в сфере компьютерной информации за январь-октябрь 2020 года – 615, а раскрытых – 94. За январь-июль 2020 года компанией Group IB было заблокировано примерно 7 тысяч фишинговых сайтов, нацеленных на хищение денежных средств граждан, что является минимальной частью от всего выявленного вредоносного ресурса в Интернет-сети различными организациями по обеспечению кибербезопасности. Поэтому такое малое количество зарегистрированных мошеннических действий в сфере компьютерной информации не может считаться действительностью [1].

Можем отметить, что за январь-октябрь 2019 года общее количество всех преступлений, связанных с информационными технологиями - 180153, сейчас же эта цифра достигает 420662. Практически втрое увеличилось количество преступлений, совершаемых в киберпространстве.

Такие события не могут оставаться без внимания представителей государственных структур. Глава Следственного департамента МВД России Сергей Лебедев поделился мнением на этот счет: «Пандемия коронавирусной инфекции неблагоприятно повлияла на рост информационно-телекоммуникационных мошенничеств, так как многие сферы общества, перевели свою деятельность на дистанционный режим» [2].

В свою очередь, властью страны было принято решение о создании «киберполиции». «Потребуются техника, деньги и изменение квалификации сотрудников. За период пандемии общая преступность осталась стабильна, а киберпреступность в разы возросла», – заявил заместитель министра Игорь Зубов [3]. Считаем, что такие изменения должны внести положительный очерк в

[1] © Озеров К. И, 2021.

работу правоохранителей со всеми видами преступлений, связанных с IT-технологиями.

Подводя итог вышесказанному, хотелось бы отметить, что проблем, связанных с противодействием киберпреступности достаточно много, правоохранительным структурам при поддержке государственной власти следует использовать немалое количество времени, сил и средств на подавления данного негативного явления. Преступность в сфере информационного пространства за столь малый период нанесла колоссальный ущерб всем сферам общественной жизни. Все международное пространство находится в поисках эффективной и действенной методики противодействия мошенническим действиям в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, совершающихся в отношении физических лиц.

Список литературы

1. Известия.Ru // URL: https://iz.ru/1091824/natalia-ilina/oborot-ne-tuda-chislo-fishing-resursov-v-2020-godu-vyroslo-na-118 (дата обращения: 10.06.2021).

2. Официальный сайт МВД России // URL: мвд.рф (дата обращения: 09.05.2021).

3. Российская газета. // URL: https://rg-ru.turbopages.org/rg.ru/s/2020/12/18/ (дата обращения: 18.05.2021).

Поличная Т. Е.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Н. Г. Кадников,***
профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ВИДЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЙ И НАРУШЕНИЯ РАВЕНСТВА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Преступления, предусмотренные статьями главы 19 Уголовного кодекса Российской Федерации, посягают на различные права и свободы человека и гражданина, предусмотренные Конституцией Российской Федерации. При этом одни из наиболее специфических составов преступлений данной группы содержатся в ст.ст. 136 и 148 УК РФ, первая из которых устанавливает ответственность за нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина, а вторая – за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Несмотря на то, что каждая из данных уголовно-правовых норм направлена на охрану определённого круга общественных отношений, проведение разграничения между предусмотренными ими преступлениями сопряжено с некоторыми трудностями. Так, ст. 136 УК РФ отсылает к ст. 19 Конституции Российской Федерации, в ч. 2 которой говорится о том, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина вне зависимости от различных признаков: социальных, расовых, национальных и религиозных. А также содержит прямое указание на запрет любых форм ограничения прав граждан по таким признакам, включая религиозное отождествление человека. Вместе с тем в ст. 136 УК РФ установлена ответственность не за ограничения, а за нарушения прав и свобод человека и гражданина. Нарушения определенных конституционных прав и свобод составляют предмет запрета и других статей главы 19 УК РФ, в том числе ст. 148, предусматривающей ответственность за нарушения права человека и гражданина на свободу совести и вероисповеданий, гарантированного. В диспозиции ст. 136 УК РФ содержится прямое указание на специальный субъект преступления – лицо, использующее свое служебное положение, что отражается практически на всех элементах состава преступления. Данное лицо не только обладает определённым служебным статусом, например статусом представителя власти или иного должностного лица, но и использует присущее ему служебное положение в процессе осуществления преступления, тем самым дополнительно нарушая общественные отношения, обеспечивающие интересы соответствующей службы. В связи с этим возникает вопрос относительно обоснованности этого решения законодателя, поскольку тем самым искусственно создана конкуренция данной уголовно-пра-

[1] © Поличная Т. Е., 2021.

вовой нормы со ст.ст. 201, 285 и 286 УК РФ об ответственности за злоупотребление служебными (должностными) полномочиями и за превышение должностных полномочий.

Статья 148 УК РФ является сложной по своему составу, поскольку содержит два основных состава. В ч.1 ст. 148 УК РФ предусмотрено противоправное деяние, заключающееся в публичных действиях, выражающих явное неуважение к обществу и направленных на оскорбление религиозных чувств верующих, что лишь косвенно может затронуть обозначенное выше конституционное право. Это деяние фактически посягает на общественный порядок и религиозные чувства верующих, тогда как отношение к религии людей, не исповедующих какую-либо религию и не считающих себя верующими, оставлено вне сферы внимания. Тем самым, не учитывается гарантированная Конституцией РФ обязанность государства обеспечивать равенство прав и свобод всех граждан, предполагающее равную уголовно-правовую охрану любого человека вне зависимости от его отношения к религии [4, с. 347].

В ч. 2 ст. 148 УК РФ предусмотрено ужесточение ответственности за совершение тех же действий в местах, которые специально предназначены для проведения богослужений, а также иных религиозных обрядов и церемоний. Между тем, данный признак является типичным для данного преступления, и не должен иметь квалифицирующее значение, поскольку сочетание публичного выражения явного неуважения к обществу и оскорбления религиозных чувств верующих предполагает выбор виновным не только определённого способа совершения деяния, но и соответствующих ему времени, места и иных внешних условий (обстановки), в совокупности способных придать содеянному общественную опасность, которая должна быть свойственна уголовно наказуемым действиям. Частями 3 и 4 ст. 148 УК РФ предусмотрена ответственность за иной состав преступлений, заключающийся в незаконном воспрепятствовании деятельности религиозных организаций, а равно проведению богослужений, иных религиозных обрядов и церемоний, при этом его квалифицирующими признаками являются совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения либо с насилием или с угрозой его применения. Здесь также нельзя говорить о том, что соответствующие уголовно-правовые запреты в полной мере обеспечивают охрану права на свободу совести и вероисповеданий, поскольку указанные действия не характеризуются направленностью на принуждение граждан к принятию того или иного вероисповедания либо к отказу от него, равно как на создание препятствий для вхождения в состав религиозных организаций либо для деятельности религиозных групп.

Уголовный закон не конкретизирует, какой именно деятельности религиозных организаций препятствует виновное лицо, в связи с чем, нет четкого ответа на вопрос о том, должна ли последняя быть связана с проведением религиозных обрядов или церемоний либо нет. При этом с преступлением, предусмотренным ст. 136 УК РФ, прежде всего, следует сопоставлять деяние, запрещённое п. «а» ч. 4 ст. 148 УК РФ, совершаемое лицом, использующим свое служебное положение для создания препятствий соответствующей религиозной деятельности [5, с. 32].

Статьи 136 и 148 УК РФ на практике применяются крайне редко. Так, с 2017 г. по 1-е полугодие 2020 г. по ст. 136 УК РФ не было осуждено ни одно лицо, а по ст. 148 УК РФ было осуждено всего 22 лица, при этом по ч. 3 и ч. 4 данной статьи осужденных не было [7]. Статистические показатели указывают не столько на отсутствие фактов совершения деяний, запрещаемых данными статьями, сколько на недостатки содержания последних, затрудняющих формирование единообразной практики их применения. Поэтому востребованными являются разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения статей 136 и 148 УК РФ, тем более, что в постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. № 46, посвященном судебной практике по делам об отдельных преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина [3], соответствующие вопросы не нашли своего освещения.

Так, Ю. Е. Федотова отмечает, что ст. 136 УК РФ не способна обеспечить требуемый уровень охраны равенства прав и свобод человека и гражданина, поскольку не устанавливает ответственность за предоставление преимуществ, связанных с определённым отношением лица к религии, что не согласуется с положениями ч. 2 ст. 1 УК РФ [6, с. 10]. Мы считаем, что область применения ст. 136 УК РФ сужается за счёт указания на совершения преступления лицом, обладающим признаком специального субъекта. Если бы ответственности по ст. 136 УК РФ подлежало любое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста, то данная норма охватывала бы большинство действий, в настоящее время квалифицируемых по ч. 3 ст. 148 УК РФ. Это связано с тем, что дискриминационные действия, предусмотренные ст. 136 УК РФ, связаны с нарушением прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в связи с определенными признаками потерпевшего, включая его отношение к религии.

В случае исключения из диспозиции ст. 136 УК РФ указания на специальный субъект преступления, данная норма охватывала бы значительную часть противоправных деяний, нарушающих право на свободу совести и вероисповеданий. При этом следует обратить внимание на соотношение санкций ст. 136 и ч. 4 ст. 148 УК РФ: если в первой из них максимальный срок лишения свободы составляет 5 лет, то во второй – 1 год. Вместе с тем, поскольку в настоящее время можно говорить, что п. «а» ч. 4 ст. 148 УК РФ содержит норму, являющуюся специальной относительно ст. 136 УК РФ, возникают сомнения относительно обоснованности указанного соотношения строгости наказаний. Следует учитывать, что преступление, предусмотренное п. «а» ч. 4 ст. 148 УК РФ, может заключаться в создании препятствий для осуществления права на свободу вероисповеданий большими группами людей, в том числе входящих в состав религиозных организаций, что, на наш взгляд, существенно повышает степень общественной опасности. Относительная мягкость санкции ч. 4 ст. 148 УК РФ порождает и вопросы, касающиеся степени опасности насилия и угроз, охватываемых соответствующим квалифицирующим признаком. В результате сравнения этой санкции с санкциями статей 115, 116 и 119 УК РФ мы пришли к выводу, что рассматриваемый состав преступления охватывает исключительно нанесение побоев, причинение лёгкого вреда здоровью, совершенные без признаков,

указанных в ст. 116 или ч. 2 ст. 115 УК РФ. Например, воспрепятствование проведению религиозных обрядов, сопряженное с нанесением побоев по мотиву религиозной ненависти или вражды, не охватывается п. «б» ч. 4 ст. 148 УК РФ и требует дополнительной квалификации по ст. 116 УК РФ. Угроза причинением тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего также дополнительно квалифицируется по ч. 1 или ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Таким образом, ст.ст. 136 и 148 УК РФ предусматривают ответственность за сходные нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, при этом первая из данных уголовно-правовых норм, хотя и охраняет более широкую сферу общественных отношений, тем не менее, не позволяет обеспечить полную защиту последних вследствие указания на специальный субъект соответствующего преступления. При этом содержание данных статей не свободно от недостатков, связанных как с описанием признаков преступлений, так и регламентацией наказания за их совершение, что указывает на целесообразность совершенствования рассматриваемых уголовно-правовых запретов, а также подготовки разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам их применения.

Список литературы

1. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_-LAW_346019/.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 59-ФЗ (в ред. от 05.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 1381, 139, 1441, 145, 1451 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. 2019.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический, постатейный). 6-е изд., перераб. и доп. / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2019. С. 347.

5. Коняхин В. П., Бахметьев П. В. Квалифицированные виды незаконного воспрепятствования деятельности религиозных организаций или проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний // Российский следователь. 2017. № 20. С. 32.

6. Федотова Ю. Е. Свобода совести и вероисповедания как объект уголовно-правовой охраны : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. Екатеринбург, 2018. С. 10.

7. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Данные судебной статистики. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 02.05.2021).

Примов Д. Р.[1]***,***
аспирант кафедры уголовного права и процесса
Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина

Научный руководитель: ***Р. Б. Осокин,***
начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ОБЪЕКТА САМОУПРАВСТВА

Статья 330 Уголовного кодекса Российской Федерации содержит в себе состав самоуправства, которое направлено против государственной власти, в частности против порядка управления. Указанная уголовно-правовая норма обеспечивает функционирование государственной власти и управления в рамках реализации деликтоспособности граждан.

Для привлечения к ответственности за самоуправство, то есть за самовольное совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается потерпевшими, получившими существенный вред, необходимо правильно квалифицировать совершенное правонарушение [11]. Надлежащая квалификация содеянного невозможна без правильной оценки и юридического закрепления признаков элементов состава преступления.

В теории уголовного права выделяется четыре элемента, которые и формируют состав преступления (corpus delicti): объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона.

Следует заметить, что необходимо не только определить все элементы данного состава преступления, но и установить наличие определённых признаков, отвечающих за наличие самоуправства, а именно: самовольное совершение противоправных действий, их оспаривание и причинение данными действиями существенного вреда потерпевшим (физическим или юридическим лицам).

Проанализировав судебную практику, как по административным, так и по уголовным делам, автор делает вывод о том, что самоуправство может принимать различные формы его реализации правонарушителями, а также может затрагивать разные сферы жизни общества.

Поэтому в рассматриваемой ситуации важно отграничение самоуправства как преступления от самоуправства как проступка, а также определение, в чём именно должно выражаться оспаривание права, являющееся обязательной частью объективной стороны рассматриваемого уголовного деяния.

Помимо определения таких элементов состава преступления, как объективной и субъективной сторон, субъекта, важно определить объект, т. е. то, на что направлены действия преступника.

Объект преступления – это общественные отношения, которые охраняются уголовным законом Российской Федерации и нарушаются преступным посягательством.

---

[1] © Примов Д. Р., 2021.

В научном сообществе существуют различные мнения относительно родового, видового и непосредственного объектов рассматриваемого состава преступления.

Родовым объектом самоуправства является государственная власть, то есть общественные отношения между субъектами, которые основаны на принципе господства, подчинения и принуждения [1]. В частности, О. В. Соколова считает, что в качестве родового объекта самоуправства выступают интересы общества и государства, которые выражаются в стабильном процессе осуществления государственной власти, в частности государственных органов и их должностных лиц [2]. С точки зрения В. А. Кошкина, родовой объект данного состава преступления выражается в общественных отношениях, охраняемых уголовным законом, которые оказывают определенное воздействие на общество и воплощаются через деятельность и компетенцию государственных органов [3]. Такие учёные-криминалисты, как Г. А. Кригер и Б. М. Леонтьев, полагают, что родовым объектом самоуправства является деятельность и репутация механизма осуществления государственной власти в лице органов и должностных лиц [4].

Советский юрист Г. Ф. Поленов определял родовой объект рассматриваемого преступления как процесс управления, который заключается в функционировании органов государственной власти [5]. Профессор М. А. Любавина отмечает, что родовой объект самоуправства – это общественные отношения, возникающие в процессе осуществления государственными органами, органами местного самоуправления и их должностными лицам функций, которые выражаются в форме государственной власти и управления [6].

Под видовым объектом рассматриваемого преступления понимается деятельность государственных органов, осуществляемая с использованием метода власти и подчинения. Та же профессор М. А. Любавина полагает, что видовым объектом самоуправства являются частные отношения, выражающиеся через функции, деятельность и компетенция органов государственной власти, местного самоуправления и их должностных лиц, а также физических и юридических лиц [6].

Преступления, направленные против видового объекта самоуправства, определяются как действия, направленные против стабильного порядка и процесса управленческой деятельности органов и должностных лиц [7].

Касаемо родового и видового объектов рассматриваемого состава преступления наблюдается единообразие мнений представителей науки уголовного права, что подтверждается анализом вышеперечисленных определений как родового, так и видового объектов.

Что касается определения непосредственного объекта самоуправства, то в науке существуют различные полемические точки зрения ученых.

Советский ученый-криминалист Г. Ф. Поленов отмечает, что непосредственным объектом самоуправства является порядок реализации как личных имущественных, так и неимущественных прав гражданами [5, с. 58, 89].

С точки зрения юриста В. Д. Иванова, непосредственный объект рассматриваемого состава преступления – это права, обязанности, а также свободы и интересы граждан, в том числе нормальное функционирование органов, долж-

ностных лиц и общественных учреждений, охраняемые действующим законом права [8].

Подройкина И. А. совместно с другими учёными считает, что непосредственным объектом самоуправства являются общественные отношения, обеспечивающие воплощение гражданами своих прав, обязанностей, свобод и интересов на основании законодательства Российской Федерации [9].

Непосредственным объектом данного преступления, по мнению Г. П. Новоселова, является законное осуществление гражданами своих прав, свобод, законных интересов, а также обязанностей [10].

Как видно из определений непосредственного объекта самоуправства, он может выражаться как в законной реализации прав, свобод, интересов и обязанностей гражданами, так и в стабильном функционировании органов и должностных лиц государственной власти и управления. Однако в данном случае происходит смешение непосредственного и видового объектов соответственно. Данная неопределённость основного непосредственного объекта порождает проблематику как в научной теории, так и в судебной практике из-за неправильной формулировки данной дефиниции. Поэтому, опираясь на метод дедукции, т.е. исследование какого-либо явления от общего к частному, автор считает, что основным непосредственным объектом данного преступления является установленный законом порядок реализации прав и обязанностей гражданами, а дополнительным объектом – здоровье и неприкосновенность граждан.

Соответственно, проанализировав разновидности объектов самоуправства, автор может сделать вывод, что объект самоуправства – это отношения внутри социума, которые обеспечивают установленный законом порядок реализации субъектами своих прав и обязанностей.

Значение объекта самоуправства трудно переоценить, поскольку он позволяет не только определить общественную опасность действия или бездействия, но и отграничить уголовно-правовые преступления от правонарушений и проступков.

Список литературы

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004. С. 512.

2. Соколова О. В. Самоуправство: уголовно-правовая характеристика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Иваново, 2001. С. 6.

3. Кошкин А. В. Ответственность за самоуправство по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Волгоград, 2004. С. 8.

4. Советское уголовное право. Особенная часть : учебник / [Г. Н. Борзенков и др.]; под ред. Г. А. Кригер, Б. А. Куринова, Ю. М. Ткачевского. М. : Изд-во Московского университета, 1982. С. 472.

5. Поленов Г. Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. М., 1966.

6. Любавина М. А. Некоторые проблемы квалификации самоуправства // Труды Санкт-Петербургского юридического института генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2010. № 4. С. 60–64.

7. Артюшкина С. В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2012. С. 58.

8. Иванов В. Д. Самоуправство. Преступления против порядка управления. М., 1985. С. 57.

9. Уголовное право. Общая часть. В 2 т. Том 1: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. / [И. А. Подройкина и др.]; отв. ред. И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. М. : Юрайт, 2020. С. 299.

10. Уголовное право. Особенная часть / под ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселова. М., 1997. С. 105.

11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Сироткина Т. Г.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Участие несовершеннолетних в экстремистских организациях – острая проблема для государства и общества в целом. В силу возраста несовершеннолетние склонны к принятию протестных идей и настроений, формированию радикальных убеждений и взглядов. В большинстве случаев, так называемым «рассадником» вредоносной, пропагандистской информации является информационно-телекоммуникационная сеть «Интернет». В своем выступлении «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» глава нашего государства В. В. Путин отметил, что «Именно в молодежной среде лидеры экстремистских организаций пытаются вербовать своих последователей, вести свою пропаганду, прежде всего через мировую сеть Интернет».

В большей степени, в поле зрения правоохранительных органов попадают так называемые «рядовые» участники преступлений экстремистской направленности, местонахождение же лидеров, идеологов, вербовщиков данных организаций подвергается тщательному сокрытию. За редким исключением их личности могут быть установлены. Все это объясняет открытый характер механизма совершения преступлений экстремистской направленности, особенно среди несовершеннолетних лиц.

Дети – основное орудие в руках организаторов данного вида преступлений, которые, в свою очередь, зачастую избегают уголовной ответственности.

Несовершеннолетние, в свою очередь, в большинстве случаев даже не осознают, что являются объектами манипуляций взрослых, фанатично отстаивают внушенную им «правильную» идею. Это, несомненно, предопределено прежде всего их физическим и психическим развитием. Состояние становления духовного мира и моральных ценностей, отсутствие достаточного жизненного опыта, позволяющего разрабатывать и копить навыки разрешения критических жизненных ситуаций – все это характеризует психику несовершеннолетнего и способствует наиболее частому участию в преступлениях. Также необходимо упомянуть роль семьи в жизни несовершеннолетнего. Находясь в неблагополучной обстановке, ребенок может быть в наибольшей степени повергнут вербовке со стороны представителей экстремистских организаций.

Основной причиной преступлений экстремистской направленности является ненависть и презрение в отношении социальных групп по признакам расы и религии, поэтому уголовно-правовое регулирование и противодействие таким преступлениям в среде несовершеннолетних представляют собой особенную сферу деятельности во всей правоохранительной системе.

---

[1] © Сироткина Т. Г., 2021.

В соответствии с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» [3], как экстремизм в нашей стране определены следующие деяния:

– насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой применения насилия;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой применения такого насилия;

– пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения.

В настоящее время в мире существует более 36 организаций, пропагандирующих и осуществляющих экстремистскую деятельность (в частности, на территории нашей страны). Все они запрещены, но продолжают действовать. Эти организации имеют как политический, так и религиозный характер. В соответствии со статистикой, представленной Министерством внутренних дел Российской Федерации, за период 2020 года число преступлений экстремистской направленности увеличилось на 40 % (всего было совершено 442 преступления), 60 % данных преступлений были совершены с использованием сети «Интернет» (262 из 442), каждое второе – с публичными призывами к осуществлению экстремистской деятельности (223 преступления). Наибольшее количество преступлений, связанных с экстремизмом, было выявлено в Приволжском федеральном округе Российской Федерации [7].

Проблема противодействия экстремистской деятельности на уголовно- правовом, криминологическом, оперативно-разыскном уровнях имеет системный характер. Традиционные методы, используемые в целях противодействия вышеуказанной категории преступлений не всегда могут в полном объеме обеспечить уровень защиты прав и свобод несовершеннолетнего лица.

Поправки к Конституции, принятые в 2020 году, ориентированы на всестороннюю поддержку несовершеннолетних. Поэтому, при назначении наказания в целом, а также, в частности, за преступления экстремистской направленности должны учитываться многие факторы. Ведь чем дольше подросток будет находиться в местах лишения свободы, тем больше вероятность совершения им новых преступлений. Тяжесть этих деяний также возрастает, а не уменьшается в связи с назначением наказания, связанным с лишением свободы.

В целях решения проблем, возникающих в данной сфере, необходимо решить следующие задачи:

– совершенствование действующих и разработка новых нормативно- правовых актов, регулирующих назначение наказания и иных мер уголовно правового воздействия несовершеннолетним за совершение преступлений экстремистской направленности;

– создание системы против вербовки несовершеннолетних лиц;

– создание государственных центров помощи несовершеннолетним, попавшим под влияние «вербовщиков».

В заключение стоит отметить: чтобы правоохранительные органы разных структур могли вести достаточно эффективную борьбу с распространением такого опасного явления как экстремизм среди несовершеннолетних, необходимо делать акцент на воспитательное и профилактическое воздействие на вышеуказанную категорию лиц (молодежную среду населения), проводить обширную работу с семьей несовершеннолетнего, а также усовершенствовать нормативную правовую базу Российской Федерации в целом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 2020. № 144.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142 (5518).

5. Дадова З. И. Экстремизм несовершеннолетних как актуальная проблема // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 161–163.

6. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н. Г. Кадникова. М. : Юриспруденция, 2018. 500 с.

7. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: статистические данные // URL: https://genproc.gov.ru/stat/.

Старостенко Н. И.[1]*,*
адъюнкт кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Научный руководитель: ***А. В. Гусев****,*
профессор кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России
доктор юридических наук

СТАДИИ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА, СОВЕРШАЮЩЕГО МОШЕННИЧЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В настоящее время основной тенденцией современной преступности в сфере информационно-телекоммуникационных технологий является совершение мошенничеств с использованием методов социальной инженерии. Так, обзор отчетности Центрального банка Российской Федерации об инцидентах несанкционированного перевода денежных средств свидетельствует о том, что число мошеннических операций с применением методов социальной инженерии в 2020 г. возросло на 88 % по сравнению с 2019 г [1]. Мошенничество, совершенное с использованием методов социальной инженерии, представляет собой хищение электронных денежных средств путем обмана и использованием психологических приемов воздействия на жертву, которые позволяют получить конфиденциальные данные (персональные/банковские сведения) или предоставить доступ к сервису дистанционного банковского обслуживания или иным способом извлечь финансовую выгоду [2, с. 109–114]. Субъект преступления, а также характеристика его действий играют основополагающую роль в механизме совершения преступления. В связи с этим, представляет научный интерес изучение стадий преступной деятельности субъекта, совершающего мошенничества с использованием методов социальной инженерии в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

По мнению В. Д. Зеленского и Г. М. Меретукова, основой механизма мошенничества выступают «действия, слова, те или иные манипуляции преступников, направленные на вхождение в доверие к потерпевшим и вовлечение их в обман» [3; с. 488]. Обман и злоупотребление доверием потерпевшего осуществляется не только с помощью применения технических устройств, но и с помощью знаний о механизмах скрытого психологического воздействия. В. Д. Шадриков в одной из своих работ делает акцент на психологическом аспекте субъекта преступной деятельности и выделяет следующие элементы: мотивы, цели, программы, информационная основа деятельности, принятие решений, подсистемы деятельностно важных качеств [4; с. 12]. Личность мошенника, совершающего деяния с использованием методов социальной инженерии характеризуется, в первую очередь, наличием высокого уровня знаний в области человеческой психологии и

[1] © Старостенко Н. И., 2021.

умениями их использовать при реализации преступных схем. Кроме того, злоумышленник обладает навыками обращения с компьютерной техникой, которые позволяют ему создавать сайты-подделки, осуществлять взлом баз данных, хранящих персональные сведения пользователей, рассылку фишинговых писем на электронною почту и др.

Большой интеллектуальный потенциал преступника, характеризующийся умением осуществлять поиск конфиденциальных сведений из открытых источников в сети Интернет, владеть техникой воспроизведения голоса, например специалиста банка, а также использовать приемы психологического воздействия, позволяет маскировать противоправные намерения [5, с. 360–388]. Механизм скрытого психологического воздействия на жертву включает в себя несколько этапов. На первом этапе реализуются навыки результативной коммуникации, которые зачастую признаются главным средством психологического воздействия на жертву. Достичь реализации корыстного замысла мошеннику помогают высокое мастерство воздействия, а также использование актуального эмоционального состояния жертвы. Авторитетность общения – основной прием, используемый мошенником при психологическом воздействии. Продолжая реализацию преступного замысла, мошенник переходит ко второму этапу, прибегая к использованию психических автоматизмов. В этом мошеннику помогает определение уровня материального состояния, социального статуса, а также особенностей психофизиологического процесса. Немаловажное значение при оказании воздействия на потерпевших имеет психологическая направленность текстов или обращений злоумышленников. Грамотный выбор слов позволяет мошеннику реализовать при общении с жертвой такое общение, в результате которого высказанные слова наполняются специальным смыслом и незаметно искажают реальную действительность в представлениях адресата. Особая организация текста позволяет злоумышленнику добиться иллюзии самостоятельности сделанных жертвой выводов, сделанных на основе получения важной информации и завуалированности реальности противоправных действий. Использование названных психологических манипуляций и других приемов воздействия формирует у жертвы иллюзию свободы выбора поведения. Заключительный этап мошеннической деятельности включает в себя ряд специфических манипулятивных приемов. Среди них особая роль принадлежит созданию для жертвы искусственного дефицита времени при принятии решения. Мошенничества, совершаемые с использованием методов социальной инженерии, характеризуются длительной подготовкой и требуют: предварительного изучения психологических особенностей жертвы, ее профессиональной принадлежности, круга общения и других сведений, которые необходимы для реализации мошеннических действий; поиска технических средств и предметов, пригодных для успешного достижения корыстной цели; планирования мошеннических схем, подбора способа противоправного поведения. Вместе с тем отмечается тенденция совершения таких мошенничеств в соучастии, что обуславливает организованный характер деятельности группы лиц, объединяемой для реализации корыстных целей. Как совместная деятельность она предполагает разделение и распределение между участниками функций и ролей. В процессе совершения

преступного акта возможен обмен конфиденциальной информацией, заранее подготовленными текстами, обращениями к потенциальными жертвам, что способствует взаимодействию между соучастниками. О наличии предварительного сговора на совершение преступления свидетельствует слаженность и согласованность в действиях, а также устойчивый характер деятельности. Организованная преступная деятельность характеризуется, в частности, наличием в ее составе организатора (руководителя) и заранее разработанного плана совместной преступной деятельности, распределением функций между членами группы при подготовке к совершению преступления и осуществлением преступного умысла. Об устойчивости организованной группы может свидетельствовать не только большой временной промежуток ее существования, неоднократность совершения преступлений членами группы, но и их техническая оснащенность, длительность подготовки даже одного преступления, а также иные обстоятельства (например, специальная подготовка участников организованной группы вести разговор с жертвой от имени сотрудника банка). Организованная преступная группа как правило располагает информацией о тактике, средствах и способах организации работы сотрудников правоохранительных органов, применяет новейшие информационно-телекоммуникационные технологии, имеет познания в области психологии. Полагаем, на повышение организованности анализируемой преступности влияют особенности кибернетического пространства, обусловленные анонимностью действий, уникальные возможности технологий, позволяющие координировать и объединять усилия для стремительного достижения общих противоправных целей, а также использование возможностей сети Интернет для поиска потенциальных жертв и их конфиденциальных данных.

Юрий Яшков, заместитель руководителя Первого управления по расследованию особо важных дел ГСУ СК по Санкт-Петербургу, утверждает, что сложность расследования таких преступлений заключается в том, что, в преступном сообществе, существует четкое распределение ролей. Они разделены таким образом, что одна часть преступного сообщества осуществляет «обзвон» граждан и обманным путем склоняет их перевести деньги на карты или разгласить конфиденциальные данные. А карты, на которые поступают денежные средства, добытые преступным путем, подконтрольны другой части преступного сообщества, состоящей из людей, которые обналичивают их. При этом вторая часть преступного сообщества может контактировать с различными группами преступников не только в сфере хищения денежных средств, но и, например, в сфере незаконного оборота наркотиков. Их защитная версия заключается в том, что они не знали, что поступившие в их распоряжение деньги – результат совершенных преступлений. Однако расследование подобных дел показывает, что цель обналичивания и источник денежных средств они осознавали[1].

[1] Российская газета Ваш счет в опасности. Впервые пойманы телефонные мошенники, которые обманывали граждан от имени банков и следователей URL: https://rg.ru/2021/05/04/reg-szfo/vpervye-pojmany-telefonnye-moshenniki-izobrazhavshie-sotrudnikov-bankov.html (дата обращения: 19.05.2021 г.).

В результате сбора и обработки эмпирического материала мы пришли к выводу, что преступная деятельность мошенника, совершающего преступления с использованием методов социальной инженерии, включает в себя следующие основные криминалистически значимые стадии:

1. Подготовка к совершению преступления (выбор и изучение преступной схемы поведения, технических устройств, сим-карт, оформленных на подставных лиц, выполнение доступа к сети Интернет, открытие счета в банке, избрание схемы оказания психологического воздействия).

2. Исследование цели (сбор и изучение необходимых конфиденциальных данных о потенциальной жертве, осуществление поиска ее информационной уязвимости).

3. Взаимодействие с жертвой (на данном этапе мошенник инициирует общение с выбранной жертвой по разработанной преступной схеме).

4. Получение конфиденциальных данных жертвы.

5. Непосредственное совершение преступления (этап характеризуется возникновением последствий применения методов социальной инженерии и достижением корыстной цели, предполагающей неправомерное получение денежных средств либо доступ к сервису дистанционного банковского обслуживания жертвы).

6. Сокрытие преступления. Способы сокрытия преступления мошенником: выезд преступника из населенного пункта, перевод денежных средств на подконтрольные банковские счета, уничтожение следов преступлений, укрытие орудий совершения преступлений (уничижение сим-карт, технических устройств, смена IP-адресов и др.).

Список литературы

1. Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации // URL: https://www.cbr.ru (дата обращения 20.04.2021 г.).

2. Старостенко Н. И. Социальная инженерия как объект криминалистического изучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12. № 1. С. 109–114.

3. Зеленский В. Д., Меретуков Г. М. Криминалистика : учебник / под ред. В. Д. Зеленского, Г. М. Меретукова. М. : Юридический центр, 2015. 766 с.

4. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека : учебное пособие. М. : Логос, 1996. 320 с.

5. Христенко В. Е. Психология поведения жертвы : учебное пособие. Ростов-н/Д : Феникс, 2004. 416 с.

Точилкина А. А.[1]**,**
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России

ИССЛЕДОВАНИЕ ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ, СОВЕРШЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ

В контексте данной статьи рассматриваются тактико-организационные особенности назначения и проведения судебной психологической экспертизы личности (далее – ЛСПЭ), проводимой в рамках уголовного судопроизводства с целью установления аффекта и эмоциональных состояний, а также с целью исследования индивидуально-психологических особенностей лица (потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого или свидетеля/очевидца), влияющих на криминогенное поведение последних.

Исследование особенностей методики раскрытия и расследования преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, в первую очередь, ставит вопросы, связанные с самим понятием «эмоциональная напряженность», а также большинство ученых справедливо отмечают, что под данную категорию преступлений можно отнести абсолютно все составы преступных деяний и правонарушений, закрепленных российским законодательством, потому как их совершение всегда основано на проявлении эмоций.

Во-первых, под «эмоциональной напряженностью» следует рассматривать совокупность эмоциональных переживаний, подрывающих психическую устойчивость, эмоциональный фон и мотивационную сферу личности, зачастую вызываемое негативными психогенными воздействиями. Так, под преступлениями против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, надлежит понимать общественно опасные деяния, посягающие на безопасность жизни и здоровья человека, совершенные под влиянием негативного психогенного воздействия на психическую устойчивость, эмоциональный фон и мотивационную сферу личности, виды которых закреплены в Уголовном Кодексе Российской Федерации [4, с. 210].

Во-вторых, в данной статье хотелось бы остановиться на таких составах преступлений против жизни и здоровья, в диспозиции которых имеются отсылки на такие понятия как «сильное душевное волнение», «условия психотравмирующей ситуации». В связи с чем представляется рассмотреть особенности проведения ЛСПЭ при раскрытии и расследовании следующих видов преступлений против жизни и здоровья: убийство матерью новорожденного (ст. 106 УК РФ), убийство в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (ст. 108 УК РФ), причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ), а также составы преступлений против личности, связанные с причинением различной степени вреда здоровью (ст.ст. 113, 114, 118 УК РФ).

---

[1] © Точилкина А. А., 2021.

Таким образом, исследование индивидуальных психологических особенностей субъекта правовых отношений включает в себя характеристику психоэмоционального состояния лица до совершения преступного деяния, в момент его совершения и, непосредственно, постпреступное поведение лица. Сложность проведения данного экспертного исследования заключается в том, что объектом выступают материальные следы, а именно процессы, происходящие в сознании личности [1]. Очевидно, что указанные следы не обладают ярко выраженными признаками, в большинстве случаев эмоциональное состояние личности носит скрытый характер, тем самым невозможно на первоначальном этапе верно квалифицировать преступления, совершенные в условиях эмоциональной напряженности.

Учитывая вышесказанное, следует обратить внимание на тактические особенности получения объектов исследования для назначения и производства ЛСПЭ в рамках расследования преступлений указанной категории. Деятельность органа, осуществляющего расследование, должна строиться с учетом эмоциональных переживаний и психологических установок субъекта правоотношений, то есть, в первую очередь, сотрудник должен быть высококвалифицированным и обладать познаниями в области межличностного общения, установления психологического контакта. С этой целью сотрудниками правоохранительных органов привлекаются специалисты-психиатры/психологи, которые, в большинстве случаев, без проведения экспертного исследования в стационарных условиях, могут сделать вывод о наличии/отсутствии у потерпевшего, подозреваемого лица психических отклонений.

По мнению некоторых процессуалистов, психологический контакт, который налаживают сотрудники правоохранительных органов, должен именоваться как «профессионально-психологический контакт» – проявление сотрудником, с одной стороны, и гражданином, с другой стороны, взаимопонимания, уважения, интереса, приводящее к взаимному доверию и содействию друг другу [2, с. 13].

В связи с чем при расследовании указанной категории преступлений, на наш взгляд, важным «источником» объектов исследования для проведения ЛСПЭ, является информация, получения в ходе проведения опроса, допроса участников судопроизводства. Следует учитывать, что сведения об особенностях психики субъекта правоотношений, предоставляют следователю возможность проработать тактику последующих следственных действий.

В целях профессионального установления психического состояния опрашиваемого/допрашиваемого лица, в отношении которого имеются подозрения о наличии у него психических отклонений, целесообразным является проведение его освидетельствования врачом-психиатром. По результатам освидетельствования от специалиста желательно получить информацию:

– способно ли лицо самостоятельно участвовать в проведении следственного действия;

– имеются ли основания для проведения судебной психолого-психиатрической экспертизы. Результаты освидетельствования определяют дальнейшую тактику опроса/допроса.

Если данное мероприятие не представляется возможным провести, то непосредственно перед опросом/допросом следователю должно позаботиться о создании благоприятной, спокойной обстановки. В случае, если имеются подозрения, либо выявлены психические отклонения, необходимо присутствие специалиста. Следует быть готовым к тому, что, в силу наличия психического расстройства, которое, помимо врожденного, может возникнуть после совершения преступного деяния, в условиях психотравмирующей ситуации, допрашиваемое лицо может проявить в ходе дачи показаний импульсивность, активность, либо, наоборот, флегматичность и сдержанность. Поэтому следователь должен проявить терпение, тактичность. Рекомендуется выслушать рассказ подозреваемого, либо потерпевшего лица, не перебивая его.

Недостаточное изучение личности допрашиваемого, как правило, в дальнейшем препятствует установлению «психологического контакта». Что в последствии приводит к возникновению конфликтной ситуации, например, допрашиваемый отказывается от дачи показаний, подписи протокола.

Итак, следователю необходимо быть эмоционально устойчивым, не выражать свое «личное мнение» по поводу действий допрашиваемого. Тем самым, обозначив свое моральное превосходство. Следует применить тактико-психологическое воздействие на подозреваемого, например, использование положительных качеств личности, либо выражение сопереживания. Важно не указывать допрашиваемому на его «отклонения», если таковые имеются. Показания подозреваемого следует протоколировать дословно, желательно в ходе допроса производить видео- или аудиозапись.

Сведения, установленные в ходе сбора первичной информации по факту преступного события, являются материалом, подлежащем изучению при проведении судебного психологического исследования личности. Из чего следует, что при производстве ЛСПЭ исследованию подлежит как сам субъект правоотношений, так и материалы уголовного дела (характеристика по месту жительства/работы, протокол осмотра места происшествия/допроса и т.п.).

М. В. Костицкий в своих трудах выделял следующий круг вопросов, которые возможно отнести к компетенции ЛСПЭ:

– установление признаков психического заболевания;

– установление временного болезненного расстройства психической деятельности подозреваемых;

– установление способностей, подозреваемых отдавать себе отчет в своих действиях, руководствоваться ими;

– установление возможности правильно воспринимать факты, имеющие значение для уголовного дела [3].

Резюмируя вышесказанное, приходим к выводу, что исследование психики личности при раскрытии и расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности, напрямую зависит от профессионализма органов, осуществляющих расследование, и деятельности экспертов, специалистов. Заключение по итогам экспертного исследования играет большую роль, так как способствует выбору необходимого тактического

приема при проведении различного рода следственных действий, а также позволяет правильно квалифицировать инкриминируемое деяния.

Список литературы

1. Варданян А. В. Некоторые проблемы назначения психологопсихиатрической экспертизы при расследовании насильственных посягательств на жизнь и здоровье личности, совершенных субъектами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости. // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 2 (2). С. 168–172.

2. Варданян Г. А. Психологический контакт: терминологические проблемы использования феномена в научном обиходе и практической деятельности следователя // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2020. № 2. С. 12–18.

3. Костицкий М. В. Судебно-психологическая экспертиза. Львов : Львовский государственный университет, 1987. 140 с.

4. Точилкина А. А. Специфические аспекты криминалистического изучения личности преступника при расследовании преступлений против жизни и здоровья, совершенных в условиях эмоциональной напряженности. // ЮристЪ-ПравоведЪ. 2020. № 2 (93). С. 209–212.

Туманов А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ КРАЖИ НЕФТИ, НЕФТЕПРОДУКТОВ И ГАЗА ИЗ ТРУБОПРОВОДА

Тайные хищение нефти, нефтепродуктов и природного газа путем несанкционированного подключения к соответствующему трубопроводу приобрели черты масштабной угрозы топливно-энергетическому комплексу и экономическому благосостоянию страны. Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. №283-ФЗ состав кражи был дополнен новым особо квалифицирующим признаком – «из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода» (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ). Заметим, что по своей сути, тайные хищения из трубопроводов всегда были уголовно-наказуемыми. Ответственность за такие действия наступала по ч.1 ст. 158 УК РФ, либо по п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, т.е. за кражу, совершенную с незаконным проникновением в хранилище (в зависимости от вида трубопровода, в отношении которого направлено преступное посягательство). Выделение специального пункта, в имеющемся общим составе преступления, некоторыми учеными называется дифференцирующей криминализацией или криминализацией по признаку места объективной стороны [6, с. 60, 68].

Под основаниями криминализации с точки зрения В. Н. Кудрявцева следует понимать процессы, которые происходят в материальной и духовной жизни общества, развитие которых порождает объективную необходимость уголовно-правовой охраны тех или иных ценностей [7, с. 205]. Процесс криминализации не может происходить стихийно бессистемно и необоснованно, наличие той или иной нормы уголовного закона всегда обуславливается потребностью, которая исходит из общественных отношений, складывающихся в конкретный период времени. Результатом криминализации выступает установление запрета, наказуемости определенного действия (бездействия) уголовно-правовыми средствами.

В юридической литературе существует достаточное количество подходов относительно классификации оснований, которые могут служить предпосылками для криминализации отдельных негативных проявлений в обществе. Справедливой представляется точка зрения Н. А. Лопашенко, Г. Ю. Лесникова [4, с. 75] и П. С. Тоболкина [10, с. 58] которые полагают, что единственным основанием для установления уголовно-правового запрета выступает общественная опасность поведенческого акта. С точки зрения упомянутых авторов – общественная опасность является характеристикой, характер и степень которой определяется качественными и количественными фактами (распространенность, особенности субъекта, объекта посягательства и т. д.).

Криминализация конкретного поведенческого акта, в первую очередь, обуславливается наличием общественной опасности. Под общественной опасностью традиционно принято понимать свойство деяния причинить или создать

[1] © Туманов А. С., 2021.

реальную угрозу причинения существенного вреда охраняемым уголовным законом отношениям и интересам [11, с. 35].

Общественная опасность тайного хищения, совершенного из нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, как и любого преступного деяния, характеризуется двумя показателями – характером и степенью.

Направленность деяния на охраняемые уголовным законодательством социальные ценности и причиненный им вред, в первую очередь характеризуется объектом преступного посягательства, т.е. наличием угрозы или реального существенного вреда интересам, находящимся под охраной уголовного закона (ст. 2 УК РФ). Объектом тайного хищения их трубопроводов выступают отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением субъектами права собственности материальными благами в виде углеводородного сырья, транспортирующегося посредством систем трубопроводного транспорта. Охрана собственности в Российской Федерации гарантируется Конституцией и обеспечивается уголовным законодательством (ст. 2 УК РФ).

Характер общественной опасности кражи, совершенной из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода так же формируется содержанием преступных последствий, причиненных в результате этого противоправного негативного явления. Общественно опасные последствия хищения имманентно связаны с объектом деяния. Кража из трубопровода всегда вызывает негативные последствия материального характера для собственника или иного владельца сырья. В результате преступной деятельности похищаются внушительные объемы топливных и сырьевых ресурсов, что оказывает негативное влияние на процессы экономического развития государства и наносит существенный ущерб нефтегазовым компаниям.

Как нами уже было обозначено, преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ причиняет вред или создает угрозу причинения вреда, в основном, экономическим отношения. Нефть, продукты ее переработки и газ обладают значительными ценностными характеристиками. Поэтому, нередко, в судебно-следственной практике встречаются случаи, когда причиненный ущерб исчисляется миллионами рублей. К примеру, в Оренбургской области сотрудниками правоохранительных органов была выявлена и задержана группа лиц за совершение нескольких самовольных подключений к нефтепроводу с дальнейшим хищением нефти, предварительный ущерб составил 300 млн руб. [5]. Приговором Пермского районного суда от 19 апреля 2019 г. организованная группа привлечена к уголовной ответственности по п. «а, б» ч. 4 ст. 158 УК РФ за совершение тайного хищения нефти и нефтепродуктов на сумму более 4 млн руб. [9].

Одним из критериев, характеризующих степень общественной опасности преступления, является способ совершения деяния. В свою очередь, конкретный (частный) способ совершения преступления уголовным законом не определен и не является обязательным признаком при установлении основания уголовной ответственности за кражу, совершенную из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода. Изъятию энергоресурсов их полости трубы предшествуют действия, направленные на получение доступа к предмету хищения. Доступ к углеводородам обеспечивается путем незаконного подключения к трубопроводу.

Формами подключения выступают: а) несанкционированная врезка (проделывание отверстия, непредусмотренного конструкцией трубы) и б) иное самовольное подключение (снятие пломб, заглушек, демонтаж универсального запорного устройства).

Степень общественной опасности кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода так же характеризует посткриминальное поведение. В большинстве случаев, похищенная нефть или нефтепродукты сбываются или перерабатываются. По словам начальника ГУЭБиПК МВД России – похищенная нефть и нефтепродукты, зачастую, хранятся на специальных перевалочных пунктах или базах в промышленных зонах. Из криминально полученного сырья производят кустарные продукты нефти и оформляют на них поддельную документацию. После чего «криминально-легализованный» товар поступает в широкое потребление [3]. По данным Института развития технологий топливно-энергетического комплекса – в среднем по стране оборот нелегального топлива достигает около 4 млн тонн в год [1]. На автозаправочных станциях происходит сбыт топлива с повышенным содержанием бензола, превышающим норму примерно в 6–7 раз [8]. Использование такого топлива приводит к массовым повреждениям топливных систем, датчиков и двигателей транспортных средств.

Противоправное вмешательство в работу трубопроводного транспорта осуществляется, как правило, продолжительное время, систематически, до момента обнаружения самовольного подключения правоохранительными органами или службами безопасности компаний. Подобные обстоятельства детерминируют проблемы в определении размера похищенного имущества и ущерба общественным отношениям и благам, находящимся под охраной уголовного закона. Указанное выше является одним из оснований выделения тайного хищения из трубопроводов в группу особо квалифицированных составов кражи (ч. 3 ст. 158 УК РФ).

Одним из показателей степени общественной опасности является вид умысла или неосторожности. Кража из трубопровода всегда совершается только с умышленной формой вины (прямой или косвенный умысел). Теоретически тайное хищение из нефтепровода, нефтепродуктопровода или газопровода может быть совершено как с заранее обдуманным умыслом, так и при внезапно возникшим. Однако, наиболее часто, подобные хищения совершаются с заранее обдуманным умыслом. Как отмечает А. С. Булатецкий – совершить такую кражу спонтанно, без использования необходимых орудий или средств невозможно [2, с. 40].

Исследование специфики и особенностей оснований уголовно-правового запрета позволяет сформулировать следующие выводы о том, что дифференцирующая криминализация кражи из нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода путем выделения из общего состава кражи пункта «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ обусловлена повышенным уровнем общественной опасности и соответствует научно-обоснованным критерием установления уголовно-правового запрета.

Список литературы

1. Алихашкин С. А., Воробьев С. Ю. Криминал на нефтяной трубе: воровство уменьшается, но становится все изощреннее // URL: https://irttek.ru. (дата обращения: 07.05.2021).

2. Булатецкий А. С. Типичные следственные ситуации при расследовании краж нефти и нефтепродуктов из трубопроводов и меры по их разрешению: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. М., 2015. С.40.

3. Газета «Щит и Меч» №11(1603) от 22.03.2018 2017 // Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф (дата обращения: 07.05.2021).

4. Лесников Г. Ю., Лопашенко Н. А. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 1. С. 75.

5. МВД выявило хищение нефти у «Газпрома» и «Роснефти» на 300 млн рублей // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/proisshestviya/8013837 (дата обращения: 08.05.2021).

6. Нечаев А. Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2017.

7. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / [П. С. Дагель и др.]; отв. ред. В. Н. Кудрявцев, А. М. Яковлев. М. : Наука, 1982. С. 205.

8. По следам топливных преступлений // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/daily/27052/4118617/ (дата обращения: 08.05.2021).

9. Приговор Пермского районного суда Пермского края от 19 апреля 2019 г. по делу. № 1–121/2019 // URL: http://bsr.sudrf.ru (дата обращения: 08.05.2021).

10. Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск, 1983. С. 58.

11. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 35.

Ушакина Ю. С.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАССОВЫЕ БЕСПОРЯДКИ

Дифференциация ответственности за преступное деяние, предусмотренное ст. 212 УК РФ, обладает особой значимостью и обусловлена наличием именно тех признаков, которые устанавливают ответственность за различное выражение противоправного действия. Законодатель выделил две объективные стороны в рамках состава массовых беспорядков. В ч. 1 ст. 212 УК РФ деяние как обязательный признак объективной стороны характеризуется организацией массовых беспорядков, ч. 2 ст. 212 УК РФ – участием в них [6].

Следовательно, целесообразно рассмотреть возможность привлечения к ответственности лица, подготавливавшегося как к организации массовых беспорядков, так и для непосредственного участия в них.

Подготовка к совершению преступления заключается в формировании тех обстоятельств, которые в дальнейшем приведут к совершению преступного деяния. Сама подготовка обладает довольно высокой степенью общественной опасности, так как изначально умышлено направлено на совершение преступления [1]. Стоит заметить, что организация массовых беспорядков требует определенных личностных качеств у злоумышленника, его познаний в данной области, умений, способностей и, порой, и огромного опыта.

Дискуссионным является вопрос, касающийся также назначения наказания за совершение рассматриваемого преступления. Законодатель установил достаточно жесткое наказание за организацию массовых беспорядков и участие в них в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет и на срок от 3 до 8 лет соответственно. Возможно, санкция обусловлена тем, что многочисленные массовые беспорядки предусматривают действия инициатора, направленные на третье лицо, выраженные в воздействии на него, для реализации собственных целей.

Модель такого поведения является действием небезопасным для общества и государства. Опасность выражается в том, что подготовка организации массовых беспорядков является конститутивным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 212 УК РФ. Однако подготовка инициатора к организации массовых беспорядков не всегда заканчивается совершением рассматриваемого преступления и выполнением объективной стороны преступления. В данном случае инициатор занимается исключительно подготовкой, не выходя за рамки своих действий, выполняет функции инициатора, но не организатора.

Подготовка к организации массовых беспорядков может быть выражена в виде действий, направленных на склонение к совершению преступления, вовлечение и вербовку третьего лица [2]. Решение законодателя о выделении провокационных действий, сопряженных со склонением, вербовкой и иными

[1] © Ушакина Ю. С., 2021.

способами вовлечения лица в осуществление организации массовых беспорядков, а равно в подготовку инициаторов или других соучастников (ч. 11 ст. 212 УК РФ), не является случайным. Такое решение обусловлено эффективностью противодействия преступлению, предусмотренному ст. 212 УК РФ, а также достаточностью положений уголовного законодательства о подстрекательстве в рамках соучастия к поступкам координационного характера.

Так, приговором Свердловского областного суда 7 октября 2016 года были осуждены Лазарев, Ш. и П. за организацию массовых беспорядков, направленную на нарушение нормальной работы овощебазы и привлечения людей к совершению насилия, погромов. Лазарев к массовым беспорядкам привлек порядком 100 человек, определил место и время сбора, распределил группы и назначил в каждой из них старшего. Лазарев был признан виновным за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 212 УК РФ [7].

Организация массовых беспорядков (ч. 1 ст. 212 УК РФ) обладает той же степенью социальной угрозы, что призывы к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ). Стоит отметить, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 212 УК РФ, выражается в трех видах деяния: призыв к массовым беспорядкам, призыв к участию в массовых беспорядках, а также призыв к насилию над гражданами. Представляется очевидным, что законодатель выделил указанные призывы как существенную социальную угрозу, так как все три действия являются формами насильственного поведения [6].

Так, А. был осужден Краснокаменским городским судом Забайкальского края за организацию массовых беспорядков на территории исправительной колонии, а также за призыв других осужденных к нарушению установленного порядка, применению насилия в отношении работников исправительной колонии и участию в массовых беспорядках. А. с помощью выкриков призывал других осужденных к погрому имущества, после чего группа осужденных начала ломать ограждения [8].

Также необходимо рассмотреть ч. 4 ст. 212 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за обучение лица с целью получения необходимых качеств, умений и навыков для организации массовых беспорядков. Законодатель достаточно точно указал действия, которые составляют объективную сторону рассматриваемого преступления.

Предупредительная сила ч. 4 ст. 212 УК РФ выражена в возможности при выявлении лиц, обучающихся организации массовых беспорядков на этапе подготовке, предотвратить реализацию планов, связанных с организацией и призывами к массовым беспорядкам [6].

Принцип гуманизма лежит в основе всех уголовно-правовых норм, что не может стать исключением для ст. 212 УК РФ. Так, в примечании к ст. 212 УК РФ законодатель разъясняет условия, при которых лицо освобождается к уголовной ответственности. Основным условия является информирование органов власти о прохождении обучения подобного рода, а также обо всех сопутствующих обстоятельствах.

Стоит отметить, что практика назначения наказания за обучение преступному деянию началась еще с включения в Уголовный кодекс Российской Федерации состава преступления, связанного с обучением лица с целью реализации террористической деятельности (ст. 205 УК РФ) [6]. Следовательно, норма, предусмотренная ч. 4 ст. 212 УК РФ, является социально предопределенной. Однако Н. А. Кабанов отмечает: «недочет юридико-технического характера в виде излишнего указания после обозначения пределов штрафа как одного из основных видов наказания словосочетания «либо без такового», используемого только в отношении дополнительных видов наказания» [3].

В ходе проведения опроса среди представителей практических органов и научно-педагогических работников нами было установлено, что особую пользу приобретет введение в уголовное законодательство нормы, предусматривающей ответственность не только за прохождение обучения, с целью получения навыков, умений и знаний об организации массовых беспорядков, но и за организацию подобного рода обучения и его реализацию. Так, за указанное предложение высказались 81,51 % представителей практических органов, а также 80,74 % научно-педагогических работников.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что дифференциация уголовной ответственности за массовые беспорядки является общественно предопределенной. В рамках одной уголовно-правовой нормы все преступные деяния, так или иначе, связанные с массовыми беспорядками, обладают разной степенью социальной опасности.

Как отметил А. М. Багмет, «ясное понимание объективных признаков массовых беспорядков, несомненно, будет способствовать более эффективному их расследованию и уголовному преследованию их организаторов, провокаторов и участников» [4].

Учитывая вышеизложенное, рациональным будет являться дифференциация уголовной ответственности в зависимости от степени социальной опасности, которая различна при организации массовых беспорядков и при подготовке к ним, что обусловлено необходимостью эффективного противодействия этому преступлению, так как нормы, регламентирующие соучастие в преступлении и неоконченное преступление, не достаточны для результативного применения ст. 212 УК РФ.

Список литературы

1. Лапшин В. Ф. Правовое содержание категории «Приготовление к совершению умышленного преступления» // Вестник Югорского государственного университета. 2020. № 1 (56). С. 39–45.

2. Балашов А. А. Актуальные вопросы разграничения призывов к участию в массовых беспорядках и подстрекательства к совершению преступления // Криминологический журнал. 2020. № 4. С. 4–7.

3. Кабанов Н. А. Правовые особенности квалификации массовых беспорядков // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 106–109.

4. Багмет А. М. Объективная сторона массовых беспорядков (ст. 212 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 56–61.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ч. 1, 2 ст. 212, ч. 4 ст. 212) (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_-10699/cdfbaa9aeaf8b47695af18e41433e4e3f5f4be5f/ (дата обращения: 08.06.2021).

7. Приговор Свердловского областного суда г. Екатеринбург по делу № 2-22/2016 // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 08.06.2021).

8. Приговор Краснокаменского городского суда Забайкальского края по делу № 1-26/2016 // URL: https://bsr.sudrf.ru/bigs/portal.html (дата обращения: 08.06.2021).

Чефранов К. А.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О ПОНЯТИИ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ ЭВТАНАЗИИ

В юридической литературе неоднократно вспыхивали споры относительно определения эвтаназии. Термин «эвтаназия» является составным из греческих слов «ev» – благо и «thanatos» – смерть. Так, изначально эвтаназию определяли, как благую, хорошую смерть. Феномен эвтаназии был введен в научный оборот в 1977 году английским философом Френсисом Бэконом, который в тексте своих сочинений выражал положительное отношение к таковому явлению. Ученые имевшие прикосновенность к теме эвтаназии, традиционно разделились на два основных лагеря «за» и соответственно «против». Споры между заинтересованными в затронутой теме ведутся уже не первое тысячелетие, в 360 г. до н.э. в «Государстве» [1] Платон писал, что медицина призвана заботиться лишь о здоровых душой и телом и не следует препятствовать смерти физически слабых, а скверные душой сами себя погубят. Не разделил точку зрения Платона Аристотель, который был противником умерщвления тяжелобольных. Сторонники введения «благой смерти» считают, что запрет эвтаназии является унижением человеческого достоинства, ведь каждый вменяемый, дееспособный человек вправе распоряжаться своей жизнью по собственному усмотрению[2], другие ученые считают, что повсеместное введение эвтаназии приведет к корыстным злоупотреблениям со стороны медицинского персонала, а так же родных и близких больного, что в свою очередь так же нарушит основные права и свободы личности [3].

Пожалуй, самым ярким защитником эвтаназии XX века стал американский врач армянского происхождения Джейкоб Кеворкян, который стал известен в прессе как «Доктор Смерть» или «Доктор Суицид» за его деятельность, в результате которой он помог (убил) безнадежно больным пациентам уходить из жизни. Клиентами названного врача стали 130 человек, для умерщвления которых Д. Кеворкян в 1989 году разработал и построил специальную машину для проведения эвтаназии. Создатель машины для эвтаназии дал ей название «аппарат милосердия» — «Мерситрон» (от английского слова «mercy» — милосердие). Пациенты могли совершать самоубийство, нажав на кнопку «Мерситрона». Машина вводила в кровь больных морфий, а затем смертельную дозу яда. Перед проведением эвтаназии врач проводил консультации, в ходе которых разъяснял и подробно описывал все прелести «благой смерти», в некоторых случаях убеждал пациентов в нужности таких операций. Д. Кеворкян содействовал совершению самоубийств советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления. За свою неоднозначную деятельность Д. Кеворкян неоднократно привлекался к уголовной ответственности, но был осужден лишь на 5ый раз, в марте 1999 года, за совершение прямого убийства второй степени 52-летнего пациента Томаса Йорка. «Доктору Смерть» было назначено

[1] © Чефранов К. А., 2021.

наказание в виде лишения свободы сроком от 10 до 25 лет. Справедливо отметить тот факт, что Д. Кеворкян в ходе проведения эвтаназии в отношении Т. Йорка не использовал «Мерситрон», а произвел инъекцию яда самолично посредствам шприца, записал процесс на видеокамеру и направил видеокассету для демонстрации по телевидению.

1 июня 2007 года за хорошее поведение решением Комиссии штата по условно-досрочному освобождению 79-летний Д. Кеворкян был освобожден на 2 года раньше. Смерть настигла «Доктора Смерть» в возрасте 83 лет. Врачи в пенитенциарном учреждении диагностировали у него гепатит С и диабет. Д. Кеворкян, в отличие от своих клиентов умер своей смертью, так и не испробовав на себе все возможности созданного им аппарата «Мерситрон» [4].

Для справки считаем целесообразным привести некоторые цитаты Д. Кеворкяна для верного понимания восприятия врачебной этики в интерпретации «Доктора Смерть». «Новорожденные, дети, в том числе и умственно отсталые, должны использоваться в ходе экспериментов любой степени сложности. В случае, если после проведения таких экспериментов объект исследований будет проявлять признаки жизни, смерть может быть причинена такими способами, как извлечение внутренних органов для дальнейшей трансплантации, введение смертельной дозы нового или неиспытанного препарата...»

«Дети, младенцы и прочие лица, не способные дать прямого или осмысленного согласия, являются потенциальными кандидатами для гуманного убийства, называемого эвтаназией...»

«Я готов помочь уйти из жизни молодым людям 20-30 лет, которые не являются больными, но просто не желают дальше жить...»

«Медицинские эксперименты германских ученых во время мировой войны, проводившиеся в концлагерях, никак нельзя назвать однозначно негативными...» [5].

Для разбора правового явления эвтаназии следует определиться с понятием.

А. И. Коробеев считает, что эвтаназия это: «умерщвление неизлечимо больных людей по их просьбе с целью прекращения страданий» [6].

С данным определением сложно согласиться, так как автор не указывает субъекта, проводящего манипуляции приводящих к смерти. Для введения смертельной дозы наркотика или отключения человека от аппарата искусственного поддержания жизни не всегда требуются специальные познания в сфере медицины, таким образом субъект может быть, как общим, так и специальным (врач, фельдшер, медицинская сестра).

Более развернутое определение дают Ю. А. Дмитриев и Е. В. Шленева, которые в своем определении акцентировали внимание на области из которой происходит вмешательство, которое приводит к смерти больного «специальное медицинское вмешательство, направленное на прекращение жизни неизлечимо больного, тяжело страдающего человека, осуществляемое в соответствии с его собственной добровольной выраженной волей и имеющее единственной целью прекращение ненужных страданий» [7]. В двух вышеприведенных определениях не говорится о возможности третьих лиц на волеизъявление для проведения эв-

таназии, хотя фактически в случаях, когда лицо по независящим от него причинам не может выразить свою волю, такое право должно быть предоставлено законным представителям.

Международным нормативно-правовым актом об эвтаназии считается Декларация об эвтаназии [8], принятая Всемирной Медицинской Ассамблеей. Данная Декларация выразило мнение медицинских работников и не исключала факта возможности «уважительного отношения врача к желанию больного не препятствовать течению естественного процесса умирания в терминальной фазе заболевания». Думается, что в такой трактовке подменяется понятие эвтаназии на неоказание медицинской помощи по просьбе больного. Декларация в свою очередь указывала на неэтичность эвтаназии, а именно лишения жизни пациента выполненное умышленно по просьбе больного или на основании просьбы его близких. В советский период времени российские юристы неоднократно обращали свое внимание на проблеме эвтаназии. Жижиленко А. А. указывал, что в проекте первого советского уголовного кодекса – УК РСФСР 1922 г. – убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, относилось к привилегированным составам убийства [9]. Считаем важным оговориться, что отрицательно относимся к словосочетанию «привилегированное преступление», так как это не верно со стороны этического отношения к потерпевшему и считаем в таких случаях более подходящим прилагательное «квалифицированный». Действительно, УК РСФСР 1922 г., 1926 г., 1960 г. не предусматривали такой нормы как эвтаназия или убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, с чем соглашались отечественные криминологи А. А. Пионтковский, Н. И. Загородников [10]. В тот период времени не возникал вопрос относительно декриминализации эвтаназии, действия лиц, совершивших активные действия в отношении потерпевшего, квалифицировались как простое убийство. Российский законодатель идет по тому же пути, расценивая эвтаназию как убийство. В Российской юридической энциклопедии содержится определение эвтаназии «лишение жизни с целью освободить больного от неизлечимой болезни или невыносимого страдания» [11]. По мнению О. С. Капинус, под эвтаназией следует понимать умышленное причинение смерти неизлечимо больному, осуществленное по его просьбе медицинским работником, а также иным лицом по мотиву сострадания к больному и с целью избавления его от невыносимых физических страданий [12]. При изучении затронутой темы, мы пришли к выводу о том, что наиболее точные и полные определения эвтаназии нашли свое отражении в работах Р. Стефанчука: «сознательная и преднамеренная деятельность медицинского работника, которая направлена на прекращение физических, психических, моральных либо иных страданий пациента, обусловленных его неизлечимой болезнью, и влечет за собой смерть, при условии, что указанная деятельность осуществляется медицинским работником по осознанной и единотрактуемой просьбе полностью, объективно и своевременно осведомленного о результатах такой деятельности пациента либо его законного представителя» [13] и Н. Е. Крыловой: «Эвтаназия – это умышленные действия или бездействие медицинского работника, которые осуществляются в соответствии с явно и недвусмысленно выраженной просьбой информированного больного или его

законного представителя с целью прекращения физических и психических страданий больного, находящегося в угрожающем жизни состоянии, и в результате которых наступает смерть» [14]. Считаем верной позицию Н. Е. Крыловой относительно того факта, что легализация эвтаназии, несмотря на толерантное отношение к ней со стороны медицинских работников недопустима [15].

Список литературы

1. Платон. Государство // URL: http://lib.ru/POEEAST/PLATO/gosudarstvo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 10.05.2021).

2. Чернышева Ю. А. Запрет эвтаназии унижает человеческое достоинство // Медицинское право. 2017. № 6. С. 42–44.

3. Ширманов И. А. Эвтаназия и предотвращение злоупотреблений // Медицинское право. 2012. №1. С. 31–34.

4. Благие намерения «доктора Смерть» // URL: https://lenta.ru/articles/2007/06/01/kevorkian/ (дата обращения 10.05.2021).

5. Dr. Jack Kevorkian Dies at 83; A Doctor Who Helped End Lives // URL: www.nytimes.com/2011/06/04/us/04kevorkian.html; Jack Kevorkian // URL: www.biography.com/people/jack-kevorkian-9364141; Серийный доктор // URL: https://www.kommersant.ru/doc/14997 (дата обращения 10.05.2021).

6. Коробеев А. И. Простое убийство и сложности его квалификации // Уголовное право. 2001. № 2.

7. Дмитриев Ю. А., Шленева Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. 2000. № 11. С. 57.

8. Декларация об эвтаназии. Принята 39-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей. Мадрид, Испания. 1987. М., 1995.

9. Жижиленко А. А. Преступления против личности. М. 1927. С. 12.

10. Пионтковский А. А., Меньшагин В. Д. Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 1. М., 1955. С. 519; Загородников Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву. М., 1961. С. 39–42.

11. Российская юридическая энциклопедия // под ред. А. Я. Сухарева. М., 1999. С. 1088.

12. Капинус О. С. Эвтаназия как социально-правовое явление (уголовно-правовые проблемы): дис ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. М., 2006. 500 с.

13. Стефанчук Р. К вопросу о легализации эвтаназии в странах СНГ: pro et Contra // Юрист. 2006. № 10.

14. Крылова Н. Е. Эвтаназия уголовно-правовой аспект // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2002. № 2. С. 20.

15. Крылова Н. Е. Уголовное право и биоэтика: проблемы, дискуссии, поиск решений. М., 2006. С. 171.

Шураев А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕСАНКЦИОНИРОВАННЫЕ ПРОТЕСТНЫЕ АКЦИИ 2021 ГОДА В ПОДДЕРЖКУ А. НАВАЛЬНОГО, КАК ПРИМЕР СОВРЕМЕННЫХ ДЕСТРУКТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ВОВЛЕЧЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В ЭКСТРЕМИСТСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Современный экстремизм это превосходно организованная, профессиональная и постоянно совершенствующаяся система, располагающая всеми современными средствами и способами осуществления своей деятельности. При этом традиционные формы экстремистской деятельности уходят в прошлое им на смену пришли средства, технологии и методы, позволяющие целенаправленно проводить социальное разложение с помощью трансформации структуры личности человека и дезорганизации социальных институтов. Доминирующими стали «стратегия непрямых действий» и «стратегия безлидерного сопротивления», опирающиеся на глобальную сеть Интернет и информационные технологии.

Появление глобальной цифровой платформы, объединяющей всевозможные формы сетевого взаимодействия, позволило широко использовать деструктивные технологии как метод манипуляции сознанием людей, направленно формировать в задаваемом формате различные цели, ценности и мотивы поведения - как больших социальных групп, так и отдельных личностей. Так 2021 год ознаменовался несанкционированными протестными акциями в поддержку А. Навального. Общая картина данных акций характеризуется активным обсуждением предстоящих событий в сети Интернет и широкое использование различных мессенджеров, посредством которых организаторы осуществляли вовлечение, планирование и координацию действий участников. Многие участники мероприятий вели видеосъемку происходящего с помощью мобильных телефонов с онлайн-трансляцией. При этом шло прямое провоцирование сотрудников правоохранительных органов с целью видео фиксаций задержаний, для поднятия рейтинга своих каналов на интернет-площадках [1].

Характерной особенностью данных несогласованных акций явилось то, что платформой для их организации стала сеть Интернет. Посредством социальной сети «Вконтакте» осуществлялась информирование о предстоящих протестных акциях на территории Российской Федерации, а с помощью различных интернет мессенджеров, в большинстве случаев мессенджера «Telegram», происходило создание и координация протестной активности в конкретных регионах России. Так на территории Тульской, Рязанской, Калужской, Курской областей в период проведения протестных акций представителями и координаторами штаба А. Навального были созданы закрытые чаты в мессенджере «Telegram» в которых происходило обсуждение предстоящих акций. Мессенджер «Telegram» используется в большинстве случаев в связи с тем, что он позволяет осуществлять

[1] © Шураев А. А., 2021.

общение в «приватном» режиме, предоставляя дополнительные гарантии приватности, шифрование трафика на устройствах, запрет пересылки, сообщений, отображение сделанных скриншотов, возможность удаления переписки на всех телефонах, наличие таймера самоуничтожения сообщений и др. Интернет мессенджеры в этой ситуации создавали такие преимущества, как простота доступа, независимость от географических расположения того или иного региона, безграничная потенциальная аудитория, высокая скорость передачи информации. Через данные мессенджеры фактически проводилась вся управленческая деятельность. Следует отметить, что с помощью интернет мессенджеров были задействованы в основном лица в возрасте от 17 до 35 лет, тогда как для привлечения внимания подростков и несовершеннолетних впервые в истории «протестной активности России» использовалась сервис коротких видео-сообщений «TikTok».

Сторонниками А. Навального ставилась главная задача – наиболее широкое освещение предстоящих несогласованных акций и привлечение наибольшего числа участников. Можно сказать, что с первой задачей благодаря социальной сети Интернет они справились. Но «качественный» показатель участников данных акций свидетельствует о том, что неопределенный круг лиц, никак не связанных между собой, с помощью мессенджеров собирался в одном месте, но большинство даже не смогло объяснить цель своего нахождения. Люди выходила на акции в большинстве случаев за компанию с теми, с кем они вместе переписывались в созданных чатах и закрытых группах, посвященных данным событиям.

Таким образом к деструктивно-информационным факторам вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность и протестную активность, анализирую события шести месяцев 2021 года можно отнести:

– пропагандистская деятельность представителей «несистемной оппозиции» в блогосфере и социальных сетях facebok и Telegram, а также ориентированной на подростков и несовершеннолетних TikTok;

– тенденциозное освещение в СМИ и различных социальных сетях событий, связанных с блогером А. Навальным, что способствует повышению уровня протестной активности граждан;

– активизация размещения в социальных сетях и блогосфере недостоверных либо лживых публикаций, провокационных, подстрекательских материалов, оказывающих отрицательное влияние на подростков и молодежь с неустойчивыми психологическими и психическими состояниями с целью формирования различных фобий, ложных установок и провоцирования противоправного, антиобщественного, агрессивного или иного деструктивного поведения;

– комплекс проводимых мероприятий сотрудниками правоохранительных органов по прекращению деятельности сайтов и блокировке групп в социальной сети «Вконтакте», привел к переходу на использование мессенджеров «Viber», «WhatsApp», «Instagram». Серверы, которых находятся за пределами Российской Федерации, что создает определенные проблемы по выявлению кураторов данных групп и их участников. Также стоит отметить проблему анонимного доступа

Tor-браузер, которая позволяет осуществлять бесконтрольный доступ в Интернет (Darknet) [2].

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года особое внимание уделяется задаче осуществления мер государственной поддержки в системе воспитания молодежи на основе традиционных для российской культуры духовных, нравственных и патриотических ценностей. Эти фундаментальные ценности воплощаются в работе с молодежью по направлению «Мировоззренческая устойчивость личности гражданско-патриотическое направление», мероприятия которого сосредоточены на воспитание патриотизма и формирование гражданского самосознания у молодежи. Кроме изучения героических событий Отечественной истории необходима популяризация достижений российских ученных и выдающихся деятелей культуры, развитие чувства любви к «малой Родине» [3].

В настоящее время ведется активная работа, направленная на минимизацию влияния деструктивной идеологии на молодое поколение, согласно межведомственного плана МВД и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации выстроена работа двадцати шести координационных центров по профилактике экстремизма в молодежной среде. В рамках исполнения данной программы активизирована деятельность по выявлению и пресечению распространения противоправного контента и экстремистской идеологи [4].

Список литературы

1. Протокол совещания у первого заместителя Министерства внутренних дел Российской Федерации генерал-полковника полиции А.В. Горового № 4, 2021.

2. Аналитический обзор «Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2020 года и ожидаемые тенденции ее развития». Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021.

3. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом Российской Федерации 28.11.2014 г., Пр-2753). URL: http//legalacts.ru/doc/strategija-protivodeistvija-ekstremizmu-v-rossiiskoi-federatsii.

4. Аналитические данные ЦПЭ УМВД России по Тульской области.

5. Аналитические данные ЦПЭ УМВД России по Рязанской области.

6. Аналитические данные ЦПЭ УМВД России по Калужской области.

7. Аналитические данные ЦПЭ УМВД России по Курской области.

Юдакова С. П.[1]*,*
аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель: ***Е. В. Емельянова****,*
декан факультета подготовки научно-педагогических кадров
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
доктор юридических наук, кандидат экономических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ПРИМЕРЕ АПРОБАЦИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ

На сегодняшний день одной из актуальных криминологических проблем, и для работников правоохранительных органов, и для общества в целом, является преступность несовершеннолетних.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 12 месяцев 2020 г. всего осуждено 14703 несовершеннолетних, возраст которых на момент совершения преступления 14–15 лет – 4672 человек и 16–17 лет – 10076 человек [1]. Большинство преступлений совершено против собственности (ст. 158–168 УК РФ) – 11 557 человек, за ними идут преступления против здоровья населения и общественной безопасности (ст. 228-245 УК РФ) – 1 353 человека; далее, преступления против личности и здоровья (ст. 105–125 УК РФ, вкл. 124.1 ч. 1, 124.1 ч. 2 УК РФ) – 889 человек. По категориям тяжести преступлений, несовершеннолетними совершено: тяжких – 7298 преступлений, особо тяжких – 1030 преступлений) [2].

Статистика указывает не только на сам факт проблемы преступности несовершеннолетних, но и на то, насколько острым вопросом она является в нашем государстве. По мнению С. Я. Лебедева, проблема несовершеннолетней преступности носит традиционный характер в криминологии и правоохранительной практике. Традиционность обусловлена, прежде всего, социально-демографическими особенностями данного вида преступности, идущей по следам криминальной субкультуры и типично стремящейся к «взрослой» преступности.

Это, уже само по себе, означает, что успешное решение вопроса с профилактикой преступности несовершеннолетних, становится одним из существенных методов снижения преступности в целом. Можно сказать диалектически – процесс снижения преступности среди несовершеннолетних может быть эффективен, только если будет запущен процесс снижения преступности у взрослых, т.к. одновременность решения этих проблем позволит приостановить и в дальнейшем вовсе лишить взрослых преступников возможности ретрансляции своего негативного опыта в преступных делах молодому поколению, одновременно: и снижая привлекательность криминальной субкультуры, и уменьшая риски делинквентного заражения [3, с. 26–29].

---

[1] © Юдакова С. П., 2021.

В законодательстве закреплен возраст наступления уголовной ответственности, в том числе и для несовершеннолетних лиц. Так, согласно ст. 87 УК РФ несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет [4]. Однако, при назначении наказания несовершеннолетнему, учитываются условия его жизни и воспитания, уровень психического развития иные особенности личности, а также влияние на него старших по возрасту лиц [5].

С учетом особенностей личности несовершеннолетнего, таких как малая общественная развитость, неспособность корректно оценивать свои действия, в уголовном законодательстве, возраст несовершеннолетнего является смягчающим обстоятельством [6]. Личность несовершеннолетнего крайне нестабильная – действия неконтролируемы в полной мере, изменчивая, отчасти несформированная личностная психология, сложная социальная позиция, имеющая неполноценные знания, умения, навыки. В данном случае контроль эмоций и анализ своих действий весьма расплывчаты, а деформация «Я» в сторону эмоциональных реакций – является мотиватором собственного поведения в обществе.

Опираясь на проведенное исследование, основанное на сборе анкетных данных несовершеннолетних осужденных Колпинской воспитательной колонии УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Канской воспитательной колонии ГУФСИН России по Красноярскому краю и Пермской воспитательной колонии УФСИН России по Пермскому краю можем рассмотреть некоторые аспекты личности несовершеннолетнего осужденного. Средний возраст осужденных 16–17 лет, большинство имеют среднее образование и воспитывались в полных семьях. Употребление спиртных напитков начинается с десятилетнего возраста, употребление наркотических средств и психотропных веществ – с тринадцати. Из приведённых данных мы можем предположить, что контроль со стороны семьи был очень незначительным, либо отсутствовал. Некоторые респонденты отметили в анкетах, что состояли в неформальных группировках (6,8 %). Были те, кто указали, что среди значимых для них лиц были ранее судимые (из категории: родственники, друзья, знакомые). Здесь видно, что некоторым подросткам передался криминальный опыт «по наследству» (42,2 %), чем они, часто, гордятся, что чётко видно в ответах на вопросы анкеты об осведомленности противоправности совершенного деяния (16,4 %), а также предположения относительно того, за что они попали в места лишения свободы (19,2 %). Еще один важный аспект: далеко не все из числа опрошенных считают свое наказание справедливым (58 %) и осознают вину за содеянное преступление (61 %; 20,5 % – осознают частично).

При этом, считается, что после освобождения из мест лишения свободы подросток должен быть возвращён к нормальному образу жизни, так как нахождение в изоляции от общества и его повседневной жизни провоцирует полную десоциализацию личности. Возникают вопросы о новой ресоциализации, реадаптации и вообще – переподготовке ранее несформированной личности к новым социальный условиям жизни.

Основным вопросом такой адаптации личности к полноценной жизни является как можно более ранняя ресоциализация несовершеннолетнего осужденного. На сегодняшний день понятие «ресоциализации» в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует. При этом в нормативных документах, касающихся профилактики правонарушений, под ресоциализацией понимается «комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера» [7]. Одновременно, необходимо подчеркнуть, что исправление несовершеннолетних осужденных включает «формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения», ст. 9 УИК РФ [8]. При этом, основными средствами исправления осужденных, в т.ч. несовершеннолетних, являются: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие (ст. 9 УИК РФ).

Особое внимание в вопросе исправления и адаптации к нормальной жизни несовершеннолетних осужденных, как видно из проблемных пунктов вышеуказанной анкеты, следует уделять не просто воспитательной работе, как средству педагогического воздействия, но и составляющих ее, спортивной и культурной, как инструментов переключения психологических паттернов криминального поведения в русло общественно-приемлемых реакций, и как мотиваторов, изменяющих взгляды на жизнь воспитанников в исправительных учреждениях.

Популяризация физической культуры и спорта среди воспитанников является одним из направлений в деятельности исправительных учреждений. С 2014 года в России активно возрождается некогда популярное общественное движение – физкультурно-спортивный комплекс «ГТО», имеющий своей целью побудить у граждан интерес к активному образу жизни [9]. В 2021 году впервые фестиваль ГТО прошел в Колпинской воспитательной колонии (г. Санкт-Петербург).

Другим важнейшим направлением воспитательной работы становится культурно-просветительская деятельность. Регулярно в учреждениях проводятся встречи с известными актерами театра и кино, познавательные игры, воспитанники участвуют в различных акциях (например, «Подари книгу»), творческих конкурсах, посещают выставки, концерты, спектакли. Большое внимание уделяется и патриотическому воспитанию несовершеннолетних осужденных. В преддверии значимого для нашей страны праздника – Дня Победы, в воспитательных колониях состоялись митинги, уроки мужества, акции памяти. Администрация учреждения старается как можно больше создавать положительные условия для несовершеннолетних осужденных, чтобы они смогли с минимальными отличиями почувствовать себя полноценными членами общества.

Организация и участие в мероприятиях способствует налаживанию контактов со взрослыми и сверстниками, создает условия для улучшения уровня интеллекта, а тем самым – социально адаптироваться. Однако, нельзя упускать из виду и взаимодействие с общественными и волонтерскими организациями, необходимыми для формирования у несовершеннолетнего правильных убеждений, стремления к законопослушному поведению, дальнейшему недопущения противоправных действий.

Совершенствование нормативного правового законодательства Российской Федерации в сфере педагогического воспитания несовершеннолетних, попавших в трудную жизненную ситуацию, направлено на эффективное решение вопроса по их исправлению, а также по недопущению повторного совершения правонарушений со стороны несовершеннолетних после освобождения. Но при этом, внутри правового законодательства, продолжает существовать проблема отсутствия полноценного нормативного акта по регламентации общей деятельности органов, в обязанность которых будут входить непосредственное сопровождение полного цикла ресоциализации несовершеннолетних.

Сегодня возможность разрешения проблемы ресоциализации несовершеннолетних осужденных может быть осуществлена при взаимодействии служб на разных уровнях всех социальных институтов гражданского общества. Во-первых, развитие системного подхода в сфере профилактической работы положительно скажется на ресоциализации несовершеннолетних, освобождаемых из исправительных учреждений. Во-вторых, эти меры относятся к перспективным направлениям предупреждения преступлений, где можно получить и реальный, и быстрый положительный эффект. В-третьих, благодаря обширному применению профилактических мер, направленных на определение и решение главного вопроса – оказание поддержки гражданам, находящимся в трудной жизненной ситуации, сами осужденные могут быть включены в программы реабилитации, в качестве наставников и значит – ответственных членов общества (т.о., оказываясь с другой стороны этой проблемы). В-четвёртых, такая практика наставничества, применявшаяся кстати в первые годы Советской власти в период борьбы с беспризорностью, способствует самому главному – изменению отношения к собственному будущему, как в рамках эгоцентрической картины мира, так и в рамках понимания своего возможного места в общественных отношениях.

Список литературы

1. Краткая характеристика уголовно-исполнительной системы // Федеральная службы исполнения наказаний: офиц. сайт. URL: https://fsin.gov.ru/structure/inspector/iao/statistika/ (дата обращения: 30.04.2021).

2. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/ index.-php?id=79&item=5669 (дата обращения: 30.04.2021).

3. Лебедев С. Я. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего субъекта преступлений // Российский следователь. 2008. № 10. С. 26–29.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). Ч. 1. Ст. 87 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0cc4f741fbd9a-23925035e7ba49750e99741734e/

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). Ч. 1. Ст. 89 // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/af0ac6d3293ce2-725102441188f171b09626484e/

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021). Ч. 2. Ст. 89.

7. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.01.2021).

8. Федеральный закон от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ «Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» (ред. от 23.11.2020) // Росссийсая газета. 2020. № 267.

9. Воспитанники Колпинской воспитательной колонии поучаствовали в выездном турнире по мини-футболу «Спорт против наркотиков» // УФСИН России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. URL: https://78.fsin.gov.ru/kolpinskaya-vospitatelnaya-koloniya/novosti-uchrezhdeniya/ (дата обращения: 15.05.2021).

Юрченкова Е. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЭСКРОУ СЧЕТ, КАК «МЕХАНИЗМ» ЗАЩИТЫ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ДОЛЬЩИКОВ ОТ ПРЕСТУПНЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ

В настоящее время активно происходит строительство многоквартирных домой или иных объектов недвижимости с привлечением денежных средств граждан, однако имеют место нарушения требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, образующие составы преступлений, предусмотренных частями первой и второй статьи 200.3 УК РФ. Для установления признаков объективной стороны преступного привлечения денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости необходимо более подробно изучить их способы.

Долевое строительство многоквартирных домов способствует реализации прав граждан на комфортное жилье. Вторичные и первичные рынки недвижимости различны по своим ценовым категориям. На ранних этапах строительства объект, как правило, стоит дешевле, чем готовый. Граждане рискуют собственными денежными средства, либо берут на себя кредитные обязательства, и заключив, договор участия в долевом строительстве становятся участниками такового. В рамках данного договора застройщик берет на себя обязательства построить соответствующий объект, получить разрешение на ввод в эксплуатацию, и передать его покупателю. В свою очередь в соответствии со ст. 4 ФЗ № 214 участник долевого строительства обязуется уплатить обусловленную договором цену – размер денежных средств, уплачиваемый за объект недвижимости [5].

Ранее долевое строительство осуществлялось преимущественно за счет денежных средств дольщиков. В связи с чем, данные средства зачастую становились объектами преступных посягательств со стороны недобросовестных застройщиков.

Во исполнении поручения Президента Российской Федерации был учрежден компенсационный фонд [6]. Целью которого является обеспечение законных интересов дольщиков. Так одним из направлений работы фонда является получение от застройщиков взносов в установленном размере одного процента планируемой стоимости строительства многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости, указанной в проектной декларации застройщика, если государственная регистрация договора участия в долевом строительстве таких объектов недвижимости с первым участником долевого строительства осуществляется после 1 января 2017 года [3]. Накопленные в этом фонде средства могут быть использованы только в целях выплаты компенсаций обманутым дольщикам

[1] © Юрченкова Е. С., 2021.

в случае банкротства застройщика, либо на финансовой помощи новому застройщику, который принимает на себя обязательства по завершению строительства проблемного объекта. Данный механизм не может полностью обеспечить права дольщиков в виду того, что в случае выплаты компенсации дольщики могут получить лишь денежные средства в размере не более 10 000 000 руб., даже если недвижимость стоила намного дороже. Также стоит отметить, что ни на каждый недостроенный объект может быть найден новый застройщик, например, из-за нерентабельности.

Следующим этапом правовой защиты интересов дольщиков можно считать введение счетов эскроу. В.Л. Мутко считает, что «с помощью перехода на счета эскроу выполнено прямое поручение Президента – минимизировать риски покупателей строящегося жилья» [7].

На официальном сайте Сбербанка указано: «счут эскроу – специальный счет, который помогает защитить деньги покупателя недвижимости на стадии строительства». Данный факт свидетельствует не о полной защищенности денежных средств, а лишь о помощи в данной сфере.

С 1 июля 2019 года привлечение денежных средств застройщиками может осуществляться только на них. Нарушение данной процедуры привлечения образует состав преступления, предусмотренный статьей 200.3 УК РФ. Существует исключение – если объект строительства соответствует критериям готовности в соответствии с Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2019 года № 480, то застройщику предоставляется право на привлечение денежных средств напрямую [4].

Через счет эскроу блокируются денежные средства, полученные от депонента, в целях их последующей передачи бенефициару в соответствии с условиями договора участия в долевом строительстве. Банк выступает в качестве эскроу-агента. Стоит также отметить, что не все банки могут открывать счета эскроу в рамках блокирования средств дольщиков. На официальном сайте Банка России указан перечень банков допущенных к открытию счетов эскроу для расчетов по договору участия в долевом строительстве. По состоянию на 01 апреля 2021 года допущенными являются 94 банка. Но реализуемая бизнес-модель некоторых банков не предполагает открытие и ведение расчетных счетов застройщика, счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве, либо соответствующее решение банком в настоящее время не принято, либо осуществляются подготовительные мероприятия для начала проведения указанных операций [2]. Считаем, открытие счета экроу в банке не включенном в данный перечень образует состав преступления, предусмотренный статьей 200.3 УК РФ. Именно застройщик выбирает конкретный уполномоченный банк для открытия счетов эскроу по объекту строительства.

Для открытия счета должны в банк представлены необходимые документы, а также договор участия в долевом строительстве, заключенный и зарегистрированный в установленном порядке.

В настоящее время работают различные механизмы привлечения денежных средств. Получены разрешения на строительство:

– с использованием счетов эскроу – 3671;

– с уплатой взносов в компенсационный фонд – 1094;
– без привлечения средств граждан – 393 [1].

Применение в настоящее время различных механизмов при привлечении денежных средств может вводить в заблуждение покупателей жилья, а также открывать простор для действий недобросовестных застройщиков непосредственно на стадии привлечения. В результате чего денежные средства становятся предметом различных преступных посягательств.

Список литературы

1. Единая информационная система жилищного строительства // URL: https://наш.дом.рф/https://xn--80az8a.xn--d1aqf.xn--.

2. Перечень банков, соответствующих критериям (требованиям), установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июня 2018 г. № 697 «Об утверждении критериев (требований), которым в соответствии с Федеральным законом «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» должны соответствовать уполномоченные банки и банки, которые имеют право на открытие счетов эскроу для расчетов по договорам участия в долевом строительстве» по состоянию на 01.04.2021 // URL: http://www.cbr.ru/search/?text=697.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2016 г. № 1310 «О защите прав граждан – участников долевого строительства» (утратил силу // URL: https://base.garant.ru/71557766/.

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2019 г. № 480 «О критериях, определяющих степень готовности многоквартирного дома и (или) иного объекта недвижимости и количество заключенных договоров участия в долевом строительстве, при условии соответствия которым застройщику предоставляется право на привлечение денежных средств участников долевого строительства без использования счетов, предусмотренных статьей 15.4 Федерального закона «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», по договорам участия в долевом строительстве, представленным на государственную регистрацию после 1 июля 2019 г.». URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72128724/.

5. Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51038/.

6. URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/52154.

7. URL: https://xn--d1aqf.xn--p1ai/analytics/.

РАЗДЕЛ IV
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, КРИМИНАЛИСТИКИ И ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Агеева А. А.[1]*,*
адъюнкт Уральского юридического института МВД России

Научный руководитель: ***А. А. Беляков****,*
доцент кафедры криминалистики
Уральского юридического института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ЛИЧНОСТЬ МИГРАНТА В АСПЕКТЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ГОМОЛОГИИ

Стремление к познанию и изучению личности преступника всегда выступало превалирующей целью деятельности следователя (дознавателя). Тем не менее, на сегодняшний день остается достаточное количество научных и теоретических позиций, которые не всегда могут комплексно и доступно отразить смысловую нагрузку того или иного явления, категории в рамках интерпретации их лицами, осуществляющими предварительное расследование.

Актуальность заявленной темы исследования заключается в необходимости концептуального исследования личности преступника-мигранта в контексте формирующейся отрасли – криминалистической гомологии. Востребованность теоретико-научного осмысления личности мигранта в аспекте криминалистической гомологии обосновывается недостаточным объемом имеющихся по данной тематике научных исследований и теоретических позиций, которые позволили бы обобщить и конкретизировать, а также обосновать в авторском понимании определенный элемент, входящий в структуру личности преступника. В. А. Образцов в качестве особенной части криминалистической гомологии рассматривал учение о человеке (криминалистическое учение о жертве человека; криминалистическое учение о преступнике; криминалистическое учение о свидетеле) [1, с. 125]. О. В. Полстовалов определял своеобразную многоуровневую теорию изучения личности, в которой выделял следующие уровни изучения личности: общий уровень (криминалистическая антропология); частные теории о личности первого уровня (применительно к сторонам в уголовном судопроизводстве); частные теории второго уровня (криминалистическое изучение о конкретных участниках уголовного судопроизводства) [2].

В целях проведения комплексного исследования логично проследить генезис формирования и становления криминалистической гомологии. Свое начало криминалистическая гомология берет из криминалистической антропоскопии – учения, основным посылом которого выступает исследование закономерностей формирования личности и ее внешних признаков, развития, диагностики и моделирования таких признаков человека. Криминалистическая антропоскопия

[1] © Агеева А. А., 2021.

включает в себя четыре направления: криминалистическую гомологию, криминалистическую габитоскопию, криминалистическую гомеоскопию, криминалистическую гомобиоскопию. Основная направленность данной работы заключается в акцентировании внимания на криминалистической гомологии как информационном блоке, в котором первостепенная задача сводится к анализу влияния личностно-поведенческих особенностей личности на механизм совершения преступления. Категория «гомология» в переводе с латинского языка означает «homo» – человек, «logos» – изучать. Под криминалистической гомологией следует понимать отрасль криминалистики, которая в качестве объекта изучения выделяет ключевую роль и сферу активных (пассивных) действий участников конкретного преступного события. Объектом изучения так же могут выступать участники сходных преступных событий. Эти участники могут отражать правовое и криминалистическое значение в аспекте изучения имеющихся фактов и сопоставления их в целях получения новых знаний. В криминалистической гомологии основная сфера исследования заключается в изучении поведения лиц, анализа их деятельности, исследование сформировавшихся и алгоритмизированных навыков и привычек, которые, в частности, проявляются непосредственно при реализации преступной деятельности.

В целях подкрепления вышесказанных положений, логично рассмотреть устоявшиеся концепции, в их части, обуславливающей криминалистическую гомологию. Б. Ф. Скиннер – известный американский психолог XX века утверждал, что поведение человека является в значительной степени результатом воздействия внешних, объективных факторов, при этом, психологом рассматривались такие направления как холизм (человека можно познать через его поведение посредством анализа индивида как единого целого) и элементализм (природа человека и его поведение обуславливается через объяснение каждого фундаментального аспекта поведения отдельно, независимо друг от друга) [3, с. 18]. Действительно, поведение человека во многом позволяет устанавливать причинно-следственные связи, выискивать закономерности, требующие лишь доказательного подтверждения или опровержения.

Н. И. Малыхина определила термин «лицо, совершившее преступление», под которым понимается человек с комплексом присущих ему индивидуальных особенностей в той или иной мере отобразившихся на окружающей действительности в виде уголовно наказуемых деяний, информация о данном человеке собирается и обобщается на протяжении всего предварительного расследования, без привязки к его конкретному процессуальному статусу [4, с. 153–157]. Содержательный аспект данной категории в полном объеме позволяет объективно интерпретировать имеющуюся в распоряжении следователя (дознавателя) информацию о личности преступника и без субъективной оценки, привязки к процессуальной роли такого лица выдвигать версии, направленные на эффективное расследование преступления.

В рамках данного исследования центральной фигурой криминалистического гомологического анализа выступает мигрант. Нормативно закрепленного определения категории «мигрант» до сих пор нет, при этом автором она используется неслучайно. Анализ статистических данных позволил сделать вывод о том, что

за последние 3 года наблюдается нестабильная тенденция по количеству въехавших на территорию Российской Федерации (численность за 2020 год обусловлена периодом пандемии COVID-19) [5]. На примере Свердловской, Челябинской, Тюменской областях можно наглядно проследить тенденцию количества мигрантов на въезд на территорию областей:

	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Челябинская область	648 878	635 600	172 844
Свердловская область	168 426	163 252	42 556
Тюменская область	118 786	132 901	23 827

Таким образом, из анализа статистических данных можно сделать вывод о том, что интерес на въезд на территорию Российской Федерации со стороны мигрантов всегда остается на высоком уровне, сказанное подтверждается такими факторами как: улучшение уровня жизни как самого мигранта, так и членов его семьи; реализация трудовой более оплачиваемой деятельности на территории принимающего государства; меньшая часть мигрантов прибывает на территорию России в целях приобретения постоянного места жительства, получения гражданства; некоторые мигранты под влиянием политических и иных мотивов покидают страну своего происхождения; немалая часть мигрантов по приезду с целью получения честного заработка не находят себе возможности реализоваться положительно, вследствие чего, такая категория мигрантов встают на преступный путь. В целях дальнейшего применения и обобщения отдельных положений, касающихся иностранных граждан следует сформулировать категорию «мигрант». Под «мигрантом» следует понимать лиц, обладающих принадлежностью к иностранному государству (иностранцы, имеющие гражданство какого-либо государства, либо иностранцы, имеющие два и более гражданства), либо не обладающие принадлежностью ни к одному из государств (апатриды). А. И. Паньшин предлагает считать мигрантом лицо, совершившее перемещение через границы и внутри государства, связанное со сменой места жительства на продолжительный срок (не менее одного года) [6, с. 23]. Действительно, с мнением А. И. Паньшина следует согласиться, ввиду того, что в рамках категории «мигрант» так или иначе в обязательном порядке должно присутствовать положение о «перемещении».

Безусловно, при формулировании категории мигрант обоснованно важно исследовать различные категории мигрантов, но ввиду ограниченного объема данной статьи, данная классификация будет подробно представлена в дальнейших исследованиях. С точки зрения криминалистической гомологии личность мигранта следует рассматривать в анализе следующих элементов: возраст лица; половая принадлежность; наличие (отсутствие) основного общего образования; наличие определенной спецификации; выбор способа, орудия, места преступления; влияние социально-экономических факторов; психологический портрет преступника-мигранта (исследование психологических факторов позволяет определить направленность мотива на совершение преступных действий); поведение лица (мотивация, цели, намерения, потребности).

Таким образом, личность мигранта в рамках проведения криминалистического исследования позволила акцентировать внимание не только на теоретической составляющей в поле зрения исследования криминалистических особенностей личности преступника-мигранта, но и установить, что данная информация вполне может быть полезна как начинающим исследователям, так и практическим сотрудникам, расследующим преступления, осложненные субъектным элементом – иностранным гражданином (мигрантом).

Список литературы

1. Образцов В. А. Криминалистика / под ред. В. А. Образцова. М. : Юристъ, 1997. 760 с.

2. Полстовалов О. В. Об уровнях изучения личности обвиняемого: процессуально-криминалистические аспекты // Мудрый юрист: каталог статей. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/34495-urovnyakh-izucheniya-lichnosti-obvinyaemogo-processualno-kriminalisticheskie-aspekty (дата обращения: 03.06.2021).

3. Skinner B. F. Recent issues in the analysis of behavior. Columbus, OH: Merrill. 1989. P. 18.

4. Малыхина Н. И. Изучение человека в расследовании преступлений: вопросы формирования частной криминалистической теории // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 153–157.

5. Управление по вопросам миграции ГУ МВД России по Свердловской области // URL: https://66.мвд.рф/ms/ms-66/ekaterinburg-ms; Главное управление МВД России по Челябинской области // URL: https://74.мвд.рф/; Управление по вопросам миграции УМВД России по Тюменской области // официальный сайт. URL: https://72.мвд.рф/ms (дата обращения: 03.06.2021).

6. Паньшин А. И. Миграция и стабильность в современной России: механизмы взаимодействия : дис. … канд. социол. наук : 22.00.08. М. : Московский государственный университет путей сообщения, 2005. 166 с.

Алимова А. А.[1]**,**
командир отделения 374 учебного взвода
института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Т. А. Ильяшевич,***
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ТРАНСФОРМАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ В ЭЛЕКТРОННЫЙ ФОРМАТ, ПУТЕМ ВНЕДРЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

На сегодняшний день современное человечество просто не может обойтись без использования в какой-либо деятельности информационных технологий. Старые компьютерные технологии заменяются новыми, более усовершенствованными, которые оказывают огромное влияние на все сферы жизнедеятельности, в том числе и на уголовное судопроизводство. Благодаря широкому использованию и быстрой адаптации уголовного судопроизводства к цифровым технологиям прогнозируется переход на полностью цифровое производство, что повлечет за собой не только изменения и дополнения законодательной базы, но и немалые материальные затраты. На сегодняшний день в Российской Федерации информационные технологии используются только на отдельных этапах уголовного судопроизводства.

Стоит отметить, что еще в начале 2020 года и до сегодняшнего дня все мировое сообщество столкнулось с внезапно возникшей пандемией COVID-19. Эта проблема затронула также уголовный процесс, который уже сегодня изменяется под влиянием стремительно развивающихся цифровых технологий. Таким образом, переход на дистанционный формат в условиях коронавирусной инфекции стал не только вынужденной мерой, но и определенным выходом правоохранительных органов и судебной системы на новый уровень. Нельзя оставлять без внимания, как достаточно быстроВерховный Суд Российской Федерации адаптировался к данным ограничительным мерам. Так, событие, произошедшее 19 мая 2020 г. вошло в историю, так как впервые заседание Пленума Верховного Суда Российской Федерации прошло в онлайн-формате с помощью веб-конференции. Всего на Пленум зарегистрировались 105 человек, из них около 90 человек – судьи Верховного Суда Российской Федерации, а остальные участники – это представители Генпрокуратуры, Минюста, Совета Федерации и Госдумы, члены научного сообщества. Председателем Верховного Суда Российской Федерации, Вячеславом Лебедевым было отмечено, что такой опыт сыграл положительную роль в период пандемии. Также он обратил внимание, что благодаря быстрому развитию новейших технологий и внедрению их в деятельность появилась возможность оперативно и безопасно проводить неотложные заседания. Несомненно, что теперь такой порядок будет использоваться чаще [3].

---

[1] © Алимова А. А., 2021.

Судебная практика показывает, что суды субъектов тоже благополучно адаптируются к сложившимся обстоятельствам благодаря широкому применению современных электронных технологий. Так, впервые в истории российского правосудия в марте 2020 года в Невьянском городском суде Свердловской области дело было рассмотрено посредством видеозвонка в мессенджере WhatsApp [4], а в Казани Вахитовский районный суд вынес принятое им решение с помощью программы «Skype» посредством видеосвязи [2].

Несомненно, в связи с тем, что сеть, по которой передается информация, не полностью защищена, а также законодательно этот вопрос никак не урегулирован, и не всегда технические возможности устройств позволяют передать хороший звук и изображение и из-за ряда других проблем, перейти на постоянной основе на производство судебного заседания в таком формате судам пока не представляется возможным. Но, в связи с оперативным развитием и внедрением в судебную деятельность информационных технологий, эти проблемы нельзя назвать не решаемыми.

Следует отметить, что суды многих стран, которые также столкнулись с проблемой COVID-19, ввели соответствующие ограничительные меры. В Великобритании в Верховном Суде дела рассматриваются в формате видео-конференц-связи. При этом стороны заранее получают соответствующую информацию о слушании и подают необходимые документы в электронном виде. Идет прямая трансляция слушания, а повтор размещается на официальном сайте.

Особое внимание необходимо обратить на уголовное судопроизводство Кыргызской Республики, где действует «Единый реестр преступлений и (или) проступков», благодаря которому принятие заявления, сообщения о преступлении или проступках в электронной форме облегчает не только работу органов расследования, но и работу заявителя, а также дает ему возможность отслеживать ход уголовного дела [5, с. 318].

Стоит отметить, что в Российской Федерации среди ученых ведутся дискуссии по вопросу, касающемуся института понятых. На сегодняшний день данный институт в уголовном судопроизводстве еще функционирует, наряду со средствами фото и видео фиксации. В свою очередь, в Кыргызской Республике законодатель отказался от института понятых и заменил их средствами аудио-видео фиксации, которые позволяют полностью зафиксировать весь процесс следственного действия. Возможно, тоже самое скоро произойдет и в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, но сначала такие изменения, несомненно, будут отражены в положениях УПК РФ.

Также, отметим, что УПК КР предоставляет следователю возможность допрашивать потерпевшего и свидетеля посредством систем видео-конференц-связи [6]. В свою очередь, в Российской Федерации данное положение рассматривается многими учеными в своих исследованиях. Ведутся широкие дискуссии по поводу выступления сенатора А.В. Кутепова, который предложил внести в УПК РФ статью 189.1, регламентирующую особенности допроса свидетеля, потерпевшего и эксперта посредством видео-конференц-связи. Правительством Российской Федерации такой законопроект был поддержан, но для того, чтобы

его утвердить, требовалось внести некоторые корректировки, на которые указали члены Правительства Российской Федерации. В июле 2020 года данный законопроект был направлен на доработку [1].

Таким образом, несомненно, цифровая трансформация уголовного судопроизводства России займет достаточно длительное время для того, чтобы уголовное судопроизводство полностью перешло в электронный формат. Этот процесс неизбежен, так как информационные технологии уже сегодня широко используются при производстве по уголовным делам, но пока только в отдельных его частях. На наш взгляд необходимо вносить больше предложений по внесению, изменению и дополнению положений УПК РФ, касающихся цифровизации уголовного судопроизводства, тогда цифровая трансформация уголовного судопроизводства Российской Федерации произойдет значительно быстрее.

Список литературы

1. Законопроект № 434998-7 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // URL: http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/BAE69922D1C0B01B43258266005F6F81/SFILE/434998-7_05042018_434998-7.PDF?0penElement (дата обращения: 15.05.2021).

2. Официальный сайт Вахитовского районного суда г. Казани // URL: http://vahitovsky.tat.sudrf.ru/ (дата обращения: 15.05.2021).

3. Официальный сайт Верховного суда Российской Федерации // URL: http://www.supcourt.ru/press_center/ news/28930/ (дата обращения: 15.05.2021).

4. Официальный сайт Невьянского городского суда Свердловской области // URL: http://neviansky.svd.sudrf.ru/ (дата обращения: 15.05.2021).

5. Сыдыкова З. Д. Вопросы информатизации уголовного судопроизводства Киргизской Республики в условиях внедрения цифровых технологий // Бюллетень науки и практики. 2020. Т 6. № 9. С. 317–324.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. № 20 // URL: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530 (дата обращения: 15.05.2021).

Алонцева Е. Ю.[1]*,*
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Предварительное расследование является самостоятельной и наиболее важной стадией уголовного судопроизводства. Предварительное расследование позволяет установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу и в конечном счете принять итоговое решение по уголовному делу. Процессуальная деятельность следователя (дознавателя) в ходе предварительного расследования так или иначе связана с доказыванием по угловому делу. Однако не менее важным доказывание является и на этапе окончания предварительного расследования. Поскольку не только определяет итоговое решение и дальнейшую судьбу дела, но и границы обвинения, предопределяет справедливое судебное разбирательство.

В теории уголовного процесса сложилось следующее представление о доказывании. Доказывание является процессуальной деятельностью, урегулированной уголовно-процессуальным кодексом, направленной на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Целью доказывания является вопрос о виновности или невиновности лица. Доказывание происходит на всех этапах уголовного судопроизводства, начиная с момента получения сообщения о преступлении. Эта деятельность является не только практической, но и мыслительной. В этой связи она включает в себя несколько элементов, установленных законодателем: собирание, проверка и оценка доказательств. Рассмотрим указанные категории более конкретно применительно к предварительному расследованию и окончанию предварительного расследования.

В ходе предварительного расследования субъекты доказывания, установленные законодателем путем производства следственных и процессуальных действий, собирают, закрепляют, проверяют и оценивают доказательства по правилам оценки доказательств. К ним относятся должностные лица органов предварительного расследования следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, орган дознания. Результатом их деятельности является принятие процессуальных решений в ходе самой стадии предварительного расследования, таких как задержание лица, применение меры пресечения, иных мер процессуального принуждения, привлечение лица в качестве обвиняемого либо наоборот прекращение уголовного преследования, решение о соединении уголовных дел, выделении, производство каких–либо следственных действий и затем как следствие принятие итогового решения по делу.

Принятие итогового решения по делу также происходит на основании результатов доказывания, в процессе мыслительной деятельности следователя. Важно

[1] © Алонцева Е. Ю., 2021.

отметить, что от правильной оценки полученных доказательств по уголовному делу и внутреннего убеждения следователя (дознавателя) зависит окончательное решение по уголовному делу в ходе досудебного производства.

Проблемы доказывания на данном этапе связаны с оценкой имеющихся доказательств по уголовному делу и выводом о достаточности в доказывании по уголовному делу, процессуальными сроками, ознакомлением участников с материалами уголовного дела и последующим рассмотрением их ходатайств и составлением итогового процессуального документа.

Безусловно, что на заключительном этапе данной стадии уголовного процесса следователь (дознаватель), руководствуясь доказательствами, собранными по уголовному делу, приходит к твердой убежденности и внутренней уверенности в том, что все значимые обстоятельства и факты доказаны и дальнейшее производство по делу не требуется. Важно отметить, что оценка доказательств на данном этапе в большей степени происходит в результате мыслительной деятельности следователя (дознавателя), на основе которой формируется убеждение следователя (дознавателя). Если подобного убеждения не сформировалось следователь (дознаватель) обязан продолжить расследование. В этом случае возникает необходимость продления процессуального срока расследования, что в свою очередь является негативным фактором в деятельности следователя по следующим причинам:

– отсутствие обоснованной необходимости для продления процессуального срока и нарушение процессуальной формы;

– нарушение прав участников уголовного судопроизводства затягиванием установленного срока расследования и не предоставление возможности воспользоваться правом ознакомления с материалами уголовного дела;

– неопределенность в вопросе вынесения итогового решения по делу на данной стадии, волокита уголовного судопроизводства, отсутствие невозможности справедливого судебного разбирательства;

– продление меры пресечения и меры процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы граждан.

Если следователь (дознаватель) приходит к выводу о том, что доказательств для принятия итогового решения по делу достаточно, он принимает решение об окончании предварительного расследования и в этот момент его процессуальная деятельность по доказыванию прекращается. В соответствии со ст. 215 УПК РФ он принимает меры по ознакомлению участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела, после чего рассматривает ходатайства, заявленные ими. Предметом ходатайств могут быть и обстоятельства преступления, требующие дополнительного установления, либо проверки, подтверждения, либо опровержения. В случае удовлетворения заявленных ходатайств следователь (дознаватель) вновь осуществляют процессуальную деятельность, связанную с доказыванием по уголовному делу. Таким образом, можно полагать, что предварительное расследование продолжается. Что противоречит решению следователя (дознавателя) об окончании предварительного расследования, последствием которого является запрет на производство следственных действий.

После производства следственных действий следователь (дознаватель) вновь предоставляет участникам уголовного судопроизводства, имеющим право знакомиться с материалами уголовного дела материалы, которые были получены следователем на данном этапе предварительного расследования. И если других ходатайств не поступило, он приступает к составлению обвинительного заключения, дознаватель к составлению обвинительного акта или обвинительного постановления.

Таким образом, еще раз констатируя факт того, что принято итоговое решение по делу о направлении его в суд для рассмотрения по существу и принятия законного, обоснованного и справедливого решения о виновности или невиновности лица. После составления итоговых процессуальных документов, влекущих утверждение следователя (дознавателя) о виновности лица в совершении конкретных преступлений, следователь должен согласовать свое решение с руководителем следственного органа, затем незамедлительно направить прокурору. Дознаватель обязан утвердить обвинительный акт или обвинительное постановление у начальника органа дознания и незамедлительно направить прокурору. В соответствии с этим, в доказывании на данном этапе принимают участием руководитель следственного органа и начальник органа дознания, которые вправе вмешаться в процессуальную деятельность указанных должностных лиц таких, как следователь и дознаватель. Чтобы выразить согласие руководитель следственного органа и начальник органа дознания также должны оценить собранные по уголовному делу доказательства как отдельно, так и в совокупности. В этом случае возникает следующая проблема. В УПК РФ не сказано о том, что уголовное дело подлежит направлению указанным должностным лица, нет срока для ознакомления с делом и не понятно, как они должны поступить в том случае, если не согласны с представленными им итоговыми процессуальными решениями. Полагаем, что данная проблема требует дополнительного анализа законодательства и правоприменительной практики для внесения изменений в законодательство.

Белов В. Р.[1]***,***
курсант 183 учебного взвода
факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***П. О. Панфилов,***
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЛИЧНОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИИ

Конституция Российской Федерации, провозглашает в ст. 22 право на неприкосновенность личности [2]. Согласно данному принципу ни один человек не может быть произвольно лишен свободы. Данное право является высшей ценностью общества, и признание, соблюдение и его защита - прямая обязанность государства, его правовая защита нашла свое отражения и в ст. 10 УПК РФ.

В данном случае речь, в первую очередь, идёт о физической свободе личности, при которой лицо вправе по своей воле перемещаться по территории государства и за его пределы, заниматься любой деятельностью, не противоречащей закону.

Вместе с тем, в тех же самых статьях Конституции и УПК чётко прописано, что данное, казалось бы, незыблемое право может быть ограничено, причём даже без судебного решения.

В уголовном процессе чётко обозначены основания и порядок ограничения права на неприкосновенность личности. Для начала следует отметить, что государство в лице правоохранительных органов может ограничить это право путем задержания, назначения меры пресечения и иных мер процессуального принуждения. Данные основания и условия содержатся в ст. 10 и гл. 12, 13 и 14 УПК РФ [3].

Однако ограничение исследуемого права выступает в качестве объективной необходимости, вынужденного действия в деле обеспечения публичного интереса всего общества, направленного на борьбу с преступностью.

При этом любые ограничения должны сопровождаться наличием определенных в законе оснований, быть обоснованы имеющимися по делу доказательствами, чтобы их применение убеждало любого члена общества в необходимости применения принуждения и ограничения права на неприкосновенность личности.

Для обеспечения правомерности и эффективности ограничения неприкосновенности личности не меньшую роль играет и безукоризненное соблюдение законодательно установленной процедуры. Однако сами нормы должны соответствовать не только международным стандартам в этой области, но и отвечать требованиям морали и нравственности [1].

---

1 © Белов В. Р., 2021.

Несмотря на наличие жестких норм, устанавливающих рамки, основания и условия ограничения права на неприкосновенность личности, порой имеют место быть грубые и неоправданные нарушения закона. Среди главных причин такого состояния практики можно назвать несовершенство норм, регулирующих данную сферу деятельности, низкий уровень правосознания российского общества, загруженность и некомпетентность некоторых представителей кадрового состава правоохранительных органов.

В современной России все еще нередки случаи таких нарушений как произвольный арест, незаконное задержание (в том числе и нарушение процессуальных сроков). И это очень большая проблема, ведь при нарушении закона самими правоохранительными органами теряется уважение к ним со стороны граждан и создается атмосфера недоверия и боязни дальнейшего взаимодействия с правоохранительными органами для защиты своих прав.

В нынешних реалиях даже при наличии обширного института формального межведомственного контроля и надзора случаются ситуации, при которых нарушается процессуальный порядок, который и был создан для недопущения нарушения прав человека в уголовном процессе. Для подтверждения данных слов следует обратиться к статистическим данным об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации. Рассмотрим последнюю из доступных на данный момент статистику за январь–октябрь 2020 года. Мы видим, что за данный период было отменено 11 873 постановления следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела, а в целом, было выявлено 4275006 нарушений на стадии досудебного производства [5]. Конечно, далеко не все эти нарушения связаны с незаконным ограничением права граждан на неприкосновенность личности и свободу, но такие цифры явно дают понять, что система далеко не совершенна и её необходимо совершенствовать.

В качестве конкретного же примера можно рассмотреть постановление ЕСПЧ от 8 августа 2010 г. «Дело Юлдашев против Российской Федерации» жалоба №1248/09. По делу рассматривались несколько жалоб, но внимание привлекает обращение по поводу незаконного характера и чрезмерной длительности содержания под стражей. Суть жалобы заключалась в том, что гражданина Узбекистана, которого хотели экстрадировать, заключили под стражу в целях обеспечения дальнейшей процедуры просил придания ему статуса беженца ввиду того, что при возвращении в Узбекистан его ждёт неминуемое жестокое обращение. Данные ходатайства отклоняли, но, тем не менее, в Узбекистан его так и не экстрадировали, и он продолжал находиться под стражей с 2007 по 2010 гг. Как стало известно никаких продлений срока содержания под стражей после истечения первого максимального срока содержания под стражей (два месяца) в суд не поступало, а в общей сложности гражданин пробыл под стражей почти три года. Он писал жалобы в прокуратуру и позже в суд, но везде их отклоняли. ЕСПЧ рассмотрев в 2010 году жалобу, принял решение, посчитав ее оправданной и удовлетворил ее, ссылаясь на УПК РФ, Минскую конвенцию 1993 года и Европейскую конвенцию о выдаче 1957 года и обязал Российскую Федерацию выплатить гражданину компенсацию [4].

Однако, несмотря на наличие таких случаев, возможность воздействовать на потенциальных преступников ограничивая их конституционное право на неприкосновенность личности порой необходимо в целях обеспечения нормальной уголовно-процессуальной деятельности. Порой просто необходимо ограничивать преступников и заключать их под стражу для того, чтобы они не имели возможности продолжать совершать правонарушения, избежать наказания, иметь возможность уничтожить доказательства или угрожать участникам уголовного судопроизводства.

Таким образом, проблема ограничения конституционного права на неприкосновенность личности является актуальной в условиях несовершенной системы гарантий защиты прав и свобод человека и гражданина. Для достижения задач уголовного производства, безусловно, необходимо пользоваться возможностью ограничивать свободу личности по основаниям, указанным в законе. А чтобы исключить злоупотребления, связанные с использованием этой возможности или неправильного и нецелесообразного её применения следует совершенствовать контрольно-надзорный аппарат и ужесточить наказание за нарушения в этой сфере.

Список литературы

1. Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Уфа, 2002. 193 с.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.10.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ч. I. Ст. 4921.

4. Постановление ЕСПЧ от 8 июля 2010 г. «Дело «Юлдашев (Yuldashev) против Российской Федерации» (жалоба № 1248/09) // // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/.

5. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за октябрь 2020 г. // URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/1894234/ (дата обращения: 10.06.2021).

Бибикова О. В.[1]*,*
курсант 581 учебного взвода
международно-правового факультета
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Ю. Алонцева****,*
доцент кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ДОМАШНЕГО АРЕСТА В РОССИИ

Уголовно-процессуальная деятельность является тем видом государственной деятельности, которая допускает и требует применения мер процессуального принуждения. Государственные органы и должностные лица, на которых государством возложена обязанность осуществления уголовного преследования вправе применять меры принуждения в случаях, установленных уголовно-процессуальным законом для обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства и для предупреждения негативного поведения со стороны лица, привлекаемого в качестве обвиняемого по уголовному делу, в том числе во избежание возможности скрыться от органов расследования. Эффективность предварительного расследования обеспечивается не только его качеством, но и процессуальными средствами принуждения. Среди мер процессуального принуждения, применяемых ко многим участникам уголовного судопроизводства, отдельно выделены меры пресечения. Среди мер пресечения актуальность и интерес представляет домашний арест. Домашний арест избирается по судебному решению. Домашний арест был включен в перечень мер пресечения законодателем с той целью, чтобы значительно уменьшить заключение под стражу, являющейся наиболее строгой мерой пресечения. Не исключено, что обвиняемые, к которым необходимо применить меры принуждения могут быть ранее не судимыми, иметь положительную характеристику и стабильное социальное положение. Основания и необходимость ограничительных мер в отношении обвиняемого существует, но не требует заключения под стражу и помещения лица именно в следственный изолятор, несмотря на тяжесть совершенного преступления. Однако, применение домашнего ареста имеет определенные проблемы законодательного регулирования и организационного характера. Попытаемся их изучить, проанализировать и предложить пути решения.

Полагаем, целесообразным обратиться к истории возникновения домашнего ареста. Домашний арест во многих его интерпретациях начал входить в историю российского права с XVII века. В законодательстве Российского государства домашний арест был впервые предусмотрен в Своде законов 1832 г., далее он так же получил закрепление в УПК РСФСР 1923 года, и применялся вплоть до 1960 г., после был исключен из УПК РСФСР по причине не частого применения. Спустя более 40 лет (в 2001 г.) государство предприняло обусловленную временем и

[1] © Бибикова О. В., 2021.

социальным развитием общества попытку, направленную на применение альтернативной и схожей меры пресечения с заключением под стражу - домашний арест, избрание которого было закреплено в принятом в 2001 г. УПК РФ. За произошедший перерыв практика применения домашнего ареста была забыта, и по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации домашний арест начал применяться спустя три года (с 2004 г). Сначала его введения в законодательство он применялся крайне редко и лишь спустя десятилетие кратность его избрания увеличилось в десятки раз. В настоящее время по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 и 2019 г. в районные суды поступило соответственно 7,2 и 7 тыс. ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, 99 % из которых были удовлетворены судом. Что в целом говорит о гуманизации уголовного судопроизводства и о том, что данная мера пресечения стала более востребованной и способной достичь ее целей и заменить заключение под стражу в случаях, когда это возможно в соответствии с УПК РФ.

Изменения, вносимые законодателем в ст. 107 УПК РФ за последние несколько лет, начиная с 2011 г. говорят о попытке законодательства разрешить такие дискуссионные вопросы как основания, субъекты данной меры пресечения, время нахождения под домашним арестом, покидания жилища для посещения медицинского учреждения, мест учебы и т.д.

Домашний арест является мерой пресечения, избираемой пj судебному решению. Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест ограничивает лицо на время, которое определит суд, и установит узкие границы передвижения, которые должен соблюдать обвиняемый (подозреваемый). О мягкости данной меры пресечения свидетельствует то, что находиться обвиняемый должен в жилище, а не в следственном изоляторе или тюремной камере. Тем не менее, заключение под стражу остается наиболее применяемой мерой пресечения. И отчасти это связано не только с тяжестью совершаемых преступлений, но и с более конкретным законодательным регулированием данной меры пресечения.

Основания избрания меры пресечения в виде домашнего ареста в законе не указаны. Не связывает ее избрания законодатель и с преступлениями, за которые санкция соответствующей статьи не предусматривает лишения свободы. Конкретные основания домашнего ареста не закреплены в нормах ст. 107 УПК РФ, но они вытекают из ст. 97 УПК РФ, в соответствии с которой четко прописаны цели применения мер пресечения в целом. Если попытаться сформулировать цели домашнего ареста, то результат, который должен быть достигнут это недопущение попытки скрыться от уголовной ответственности и наказания.

Домашний арест, как и другая мера пресечения избирается в отношении обвиняемого лишь в случаях, предусмотренных ст. 97 УПК РФ в случаях, если есть опасения, что лицо скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Кроме данных оснований следует учитывать условия, содержащиеся в ст. 99 УПК РФ: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого (судимость, психологическое состояние), его возраст (несовершеннолетние, пожилой возраст), состояние здоровья (при наличии медицинского заключения), семейное положение (наличие несовершеннолетних детей, беременная женщина), профессиональная деятельность, высокие достижения в различных сферах и другие обстоятельства. На наш взгляд стоит добавить дополнительно такие условия как социально положение, наличие постоянного места работы, постоянное место жительства, так как в основном домашнему аресту как мягкому виду принуждения подвергаются лица, занимающие определенное положение в обществе (чиновники, актеры, вице-премьеры).

Другой актуальной проблемой нормативного регулирования является срок домашнего ареста. В настоящее время в соответствии с ч. 2.1 ст. 107 УПК РФ он четко установлен законодателем. Однако, практике известны сложности в установлении максимального срока домашнего ареста. Так, в 2011 году в Конституционным Судом Российской Федерации была рассмотрена жалоба гражданина Эстонии о нарушении его прав продолжительностью домашнего ареста. Органом судебного контроля была предпринята попытка установить четкие границы и временные рамки ограничения прав и свобод во время применения домашнего ареста и Конституционный Суд Российской Федерации вынес постановление о признании ст. 107 УПК РФ не соответствующей Конституции Российской Федерации [4]. Гражданин Эстонии Александр Федин провел более 24 месяцев при ограничении свободы передвижения. Сначала 18 месяцев была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, потом применен домашний арест. На данный момент домашний арест избирается на срок до двух месяцев. Начало исчисления срока домашнего ареста начинается с момента вынесения судом решения об избрании данной меры пресечения в отношении подозреваемого или обвиняемого. В случае невозможности закончить предварительное следствие в срок до двух месяцев и при отсутствии оснований для изменения или отмены меры пресечения возможно продление срока по решению суда в порядке, установленном статьей 109 УПК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 109 УПК РФ максимальное пребывание под стражей 18 месяцев, после истечения данного срока обвиняемый должен быть освобожден. Но так же присутствуют исключения, по которым суд может продлить срок прибывания под стражей: для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, направления дела в суд для применения мер медицинского характера. По изменениям в уголовно-процессуальном законе (ст. 107 УПК РФ) теперь в срок домашнего ареста засчитывается время пребывания под стражей. Полагаем, что подобные исключения относятся и к сроку домашнего ареста.

Так же время нахождения под домашним арестом засчитывается в срок лишения свободы один день за один день, но только лицу, которое совершило преступление до 14 июля 2018 г. В Федеральный закон от 3 июля 2018 г. было внесено изменения в пункт 3.4 ст. 72 УК РФ, где сказано, что «время нахождения лица под домашним арестом засчитывается в срок содержания под стражей до

судебного разбирательства и в срок лишения свободы из расчета два дня нахождения под домашним арестом за один день содержания под стражей или лишения свободы».

Сама техническая сторона контроля за данной мерой процессуального принуждения осуществляется сотрудниками ФСИН России. Чтобы контролировать лиц, к которым был применен домашний арест, условно осужденных, лиц, которые вышли по условно досрочному освобождению, существует различные электронные устройства. Данные технологии не только осуществляют территориальный контроль лиц, но и благодаря психологическому влиянию пытаются воздержать от совершения новых преступлений. Но, к сожалению, такой способ контроля, может быть, подвержен возможным махинациям с техническим оборудованием и не позволяет в полной мере контролировать лицо. Проблема взлома данных технических средств остается открытой, ведь технологии не стоят на месте. Минюст России вынес на обсуждение законопроект, который предлагает кроме электронного браслета применять технические средства с использованием аудиовизуальных средств. То есть прослушивать разговоры лица, подверженному домашнему аресту, что явно противоречит Конституции Российской Федерации. Кроме того, контролирующие органы в случае выявления фактов допущенных нарушений и запретов, установленных судом для обвиняемых не вправе самостоятельно обращаться в суд с вопросом о рассмотрении ходатайства о замене домашнего ареста на более строгую меру пресечения. Некоторые ограничения и запреты контролируют не сами органы ФСИН, а учреждения связи, которым направляется уведомление суда в случае принятия решения судом о применении домашнего ареста и наложения запретов и ограничений пользоваться средствами связи, интернетом, отправлять и получать корреспонденцию.

Вместе с тем, если речь идет о нарушении запретов, связанных с отправлением почтово-телеграфной корреспонденции, осуществления переговоров с помощью средств связи, никаких полномочий у сотрудников ФСИН России по принятию конкретных процессуальных мер нет. Они не вправе наложить арест на почтово-телеграфную корреспонденцию, осуществить контроль и запись переговоров. Такого рода полномочия принадлежат сотрудникам МВД России и целесообразно было бы контроль в этой части возложить на соответствующие подразделения МВД России. Полагаем также, что важно обратить внимание на то, что если совместно с обвиняемым проживают в жилище, в котором он должен находиться по решению суда члены его семьи, то он может воспользоваться средствами связи, принадлежащими им и оформленными на членов семьи. Использование их средств связи нельзя запретить.

Лицу, находящемуся под домашним арестом, разъясняется право использования данных средств УИИ для контроля запрета определенных действий. Также обвиняемому (подозреваемому) должны разъяснить правила пользования данным браслетом и выдать Памятку о безопасности и правилах эксплуатации электронного браслета в соответствии с Приказом Минюста. Примерная стоимость браслета составляет от 10 до 30 тыс. руб. Тем не менее не установлена ответственность за повреждение браслета.

Такая мера пресечения как домашний арест в лице суда физически ограничивает и устанавливает пределы личной свободы и прав подозреваемого (обвиняемого), в связи с чем требует особого порядка его избрания. При ограничении прав и свобод лица, который будет отбывать свое наказание в жилище, судья не обязан уточнять присутствие в данном помещении других лиц. Прибывание подозреваемого не ограничивает права других жильцов и следовательно согласие жильцов не является обязательным.

Еще одним вопрос является частое применение судами запрета на общение лиц, подверженными домашнему аресту, со всеми кроме лиц, с которым он проживает, и его защитником. На данный момент контроль за нахождением подозреваемого (обвиняемого) осуществляет федеральный орган исполнительной власти, который контролирует соблюдением запретов и следит за нахождением в месте исполнения меры пресечения. То есть данный орган обязан постоянно контролировать квартиру лица, подверженному домашнему аресту. Это является технически и физически невозможно. Кроме того, контролирующие органы в случае выявления фактов допущенных нарушений и запретов, установленных судом для обвиняемых не вправе самостоятельно обращаться в суд с вопросом о рассмотрении ходатайства о замене домашнего ареста на более строгую меру пресечения. Некоторые ограничения и запреты контролируют не сами органы ФСИН, а учреждения связи, которым направляется уведомление суда в случае принятия решения судом о применении домашнего ареста и наложения запретов и ограничений пользоваться средствами связи, интернетом, отправлять и получать корреспонденцию.

Так, если речь идет о нарушении запретов, связанных с отправлением почтово-телеграфной корреспонденции, осуществления переговоров с помощью средств связи, никаких полномочий у сотрудников ФСИН России по принятию конкретных процессуальных мер нет. Они не вправе наложить арест на почтово-телеграфную корреспонденцию, осуществить контроль и запись переговоров. Такого рода полномочия принадлежат сотрудникам МВД России и целесообразно было бы контроль в этой части возложить на соответствующие подразделения МВД России. Полагаем также, что важно обратить внимание на то, что если совместно с обвиняемым проживают в жилище, в котором он должен находиться по решению суда члены его семьи, то он может воспользоваться средствами связи, принадлежащими им и оформленными на членов семьи. Использование их средств связи нельзя запретить.

Считаем необходим дополнить норму закона не только запретами по осуществлению отбывания домашнего ареста, но и обязательствами, такими как продолжать обучение, посещать постоянное место работы, медицинские учреждения.

Следует отметить, что п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде содержания под стражей. Излагается позиция: «при рассмотрении ходатайства о выборе меры пресечения возможно участие потерпевшего, его представителя, законного представителя,

которые также могут изложить свою позицию по рассматриваемому вопросу» [2].

Исходя из положений части 6 статьи 108 УПК РФ, суд обязан разъяснить свои права и обязанности потерпевшему, его представителю или законному представителю, который явится в судебное заседание и заслушает их мнение по данному вопросу. В связи с этим понимается, что потерпевший должен быть уведомлен о рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста (и ответственность за это возложить на орган предварительного расследования). При этом, как показывает практика, в материалах дела нет информации о том, что потерпевший был уведомлен о рассмотрении вопроса об избрании или продлении меры пресечения. В единичных случаях в материалах дела содержится письменное заявление потерпевшего о том, что он уведомлен о слушании и отказывается в нем участвовать.

Вопрос, каким должно быть судебное заседание, открытым или закрытым не решен до сих пор. Обращаясь к судебной практике, можно сделать вывод, что в основном проходятся открытые процессы по избранию или продления срока данной меры пресечения. Но многие ученые прибегают к выводам, что данные заседания должны быть закрыты, а если проводится открытое судебное заседание, то запрещать СМИ и всем другим лицам осуществлять киносъёмку, аудиозапись, делать письменные пометки.

Практике известны случаи, когда суды проводили закрытый судебный процесс не только исходят из положений законодательства. В протоколах судебного процесса, не всегда отмечено, открытым или закрытым было судебное заседание. Например, Краснодарский краевой суд отменил решение Усть–Лабинского районного суда Краснодарского края от 22 июля 2020 года в отношении подсудимого, которому продлена мера пресечения в виде домашнего ареста по причине необоснованного рассмотрения дела в закрытом судебном заседании, о продлении меры пресечения в виде домашнего ареста [1].

Подводя итог, хотелось бы отметить, что несмотря на довольно длительное существование домашнего ареста, в законодательстве до сих пор не решены некоторые указанные проблемы и его применение во многом является неэффективным. Однако данная мера пресечения необходима в современной системе мер пресечения, поскольку позволяет в некоторых случаях заменить такую меру пресечения как заключение под стражу.

Список литературы

1. Апелляционное постановление № 22-5289/2020 от 25 августа 2020 г. по делу № 1-213/2020.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. № 2.

3. Справка по обобщению судебной практики применения районными (городскими) судами Липецкой области норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих избрание меры пресечения в виде домашнего ареста и

залога. // Официальный сайт Липецкого областного суда Российской Федерации. URL: http://oblsud.lpk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=42.

4. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Эстонской Республики А. Т. Федина» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_123019/.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 134 «О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений» // URL: https://base.garant.ru/70317876/.

6. Александров А. С. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе // Уголовное право. 2019. № 4.

7. Ахминова Ю. Ю. Домашний арест как мера пресечения на стадии предварительного расследования. М. : Юрлитинформ, 2019. 145 с.

Богатырев Д. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИИ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

На сегодняшний день злоупотребление правом проявляет себя во многих различных правовых сферах, в том числе и в рамках уголовного судопроизводства. Следует отметить, что законодатель стремится к расширению прав, предоставляемых участникам уголовного судопроизводства. При этом уголовный процесс характеризуется некоторой спецификой, которая заключается в состязательном и даже конфликтном характере судопроизводства, где большинство участников руководствуется своими личными интересами, при этом зачастую реализуя свое право вопреки его фактическому назначению, а иногда и с целью причинения вреда другим участникам уголовного судопроизводства. Важно обратить внимание на то, что уголовно-процессуальный закон не содержит в себе мер предупреждения и пресечения злоупотребления правом, за исключением некоторых отдельных случаев, а значит, должностные лица уголовного судопроизводства в большинстве своем в этом вопросе опираются на собственный опыт и правоприменительную практику.

Стоит отметить и то, что, реализуя таким образом свои процессуальные права, формально участник уголовного процесса не выходит за рамки правового поля, а потому его деяние внешне выглядит как абсолютно правомерное. В этом и заключается сложность выявления и установления рассматриваемого правового явления. Также следует обратить внимание на то, что выявить злоупотребление правом может практически каждое лицо, уведомив об этом должностное лицо, ведущее производство по уголовному делу для принятия им соответствующего решения.

Заметим, что на сегодняшний день злоупотребление правом является оценочным понятием, а потому решение о его наличии в действиях участника уголовного судопроизводства должны принимать лица, обеспечивающие законность и обоснованность уголовного процесса. Полагаем, что в данном случае наиболее подходящим для этого является суд, так как уголовно-процессуальным законом он выделяется в качестве отельного участника уголовного судопроизводства, а значит справедливый и беспристрастный судья может принять наиболее объективное решение.

При этом стоит акцентировать внимание на том, что основным и неотъемлемым последствием злоупотребления правом будет являться наступление общественно-опасных последствий или создание угрозы их причинения. Таким образом, злоупотребление правом пресекается и предупреждается именно в целях недопущения наступления указанных последствий. Именно указанный признак будет являться отличительной особенностью злоупотребления правом от

[1] © Богатырев Д. В., 2021.

правомерного поведения участника уголовного судопроизводства, реализующего свои права.

Одна из наиболее распространенных и очевидных форм злоупотребления правом происходит в рамках ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Достаточно часто возникает ситуация, когда указанные участники затягивают процедуру ознакомления, руководствуясь своими личными интересами. Следует отметить, что законодатель предусмотрел вероятность такого рода негативного поведения, связанного с злоупотреблением правом ознакомления с материалами уголовного дела, а потому в части 3 ст. 217 УПК РФ регламентируется возможность ограничить время ознакомления с материалами уголовного дела в судебном порядке. Однако стоит отметить, что даже в указанном случае решение о затягивании ознакомления с материалами уголовного дела будет исключительно оценочным, потому как закон не закрепляет в себе четких критериев или сроков, устанавливаемых судом для ознакомления, поэтому на практике часто доказательством злоупотребления обвиняемым своим правом может служить согласованный со следователем или дознавателем график ознакомления с уголовным делом, который безосновательно нарушался обвиняемым и его защитником. Стоит сказать и о том, что ситуация, когда участнику уголовного процесса необходимо ознакомиться с материалами уголовного дела в рамках судебного разбирательства может весьма серьезно обостриться. В качестве примера можно привести случай замены защитника, когда предоставляемый срок для его ознакомления с материалами уголовного дела весьма ограничен. Таким образом, защитник может не успеть ознакомиться с материалами уголовного дела, что может ограничить право обвиняемого на защиту.

Схожая по характеру проблема может проявиться и в том случае, если ознакомить с материалами уголовного дела необходимо сразу нескольких обвиняемых. Так, например, в случае если один из обвиняемых был ограничен во времени ознакомления с материалами уголовного дела, а другие нет, то он может не успеть ознакомиться с некоторыми томами дела, так как они могут быть представлены другим ознакамливающимся, которые во времени не ограничивались. Скажем о том, что в данном случае ограничение ознакомления для одного лишается смысла, потому как материалы уголовного дела все равно находятся у других обвиняемых. Таким образом, мера, направленная на ускорение и оптимизацию уголовного судопроизводства, обретает характер карательной, исключением представляются те случаи, когда один из обвиняемых, явно затягивая ознакомление с материалами уголовного дела, слишком долго ознакамливается с томами уголовного дела, тем самым не дает фактической возможности остальным ознакомиться с ними в полной мере в разумные сроки.

В целом можно говорить о том, что норма, позволяющая ограничить время на ознакомление с материалами уголовного дела, используется весьма оптимально, но, тем не менее, с другой стороны, может предоставлять возможность должностному лицу злоупотребить своим правом, необоснованно ограничив права обвиняемого и его защитника в рамках процедуры ознакомления. Поэтому мы считаем, что законодательная регламентация или разъяснения Верховного

Суда Российской Федерации позволили бы оптимизировать применение указанной нормы, предупреждая возможности злоупотребления правом участниками уголовного судопроизводства.

Еще одной весьма распространенной формой злоупотребления правом является заявление необоснованно большого количества ходатайств или жалоб по одному и тому же вопросу. Необходимо обратить внимание на то, что уголовно-процессуальный закон прямо указывает на возможность заявлять ходатайства в любой момент производства по уголовному делу и, кроме того, отклонение ходатайства не является препятствием для его повторного заявления. Таким образом, законом устанавливается, что участник уголовного судопроизводства имеет право заявлять неограниченное количество ходатайств, при этом законодатель не обращает внимание на их предмет или содержание. Так, например, обвиняемый может каждый день подавать новое ходатайство, не изменяя его содержание, на что он, конечно, имеет право, однако такими действиями он может весьма существенно затягивать уголовное судопроизводство, препятствуя должностным лицам исполнять свои обязанности.

В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» разъясняется, что суд может признавать обоснованным отказ в удовлетворении ходатайств и иные ограничения отдельных правомочий обвиняемого и его защитника в том случае, если это обусловлено недобросовестным использованием ими своих правомочий в ущерб другим участникам уголовного процесса [4]. В данном контексте необходимо сказать, что решение о том, содержатся ли в действиях участника уголовного процесса признаки злоупотребления правом для правоприменителя является весьма сложным, потому как наличие необоснованно большого количества заявляемых ходатайств не всегда является очевидным. Это может привести к тому, что должностные лица, преследуя свои интересы, могут ограничить обвиняемого и его защитника в праве заявлять ходатайства, а следовательно, и в праве на защиту.

Анализируя указанные проблемы, некоторые авторы выражают мнение, согласно которому государству следует проявлять некоторую терпимость к злоупотреблению правом в уголовном судопроизводстве, если оно не носит системный характер, расценивая подобные случаи как издержки для обеспечения максимального обеспечения прав для участников процесса [1, с. 195–200]. Данная позиция видится нам весьма интересной, потому как действительно, чрезмерное реагирование на реализацию лицом своего права может привести к необоснованному, а иногда и незаконному ограничению прав участников на защиту. И, кроме того, возможна ситуация, когда участник уголовного процесса действовал неумышленно, чрезмерно усердствуя в реализации предоставленного ему права. В данном случае ограничение прав будет необоснованным, а значит, необходимы меры предупреждения злоупотребления правом на ранней его стадии.

Исходя из этого весьма интересной видится позиция О. И. Даровских, которая предложила уведомлять лиц, которые по мнению следователя предприняли попытку злоупотребления правом, о недопустимости такого поведения [3, с. 91].

Такая предупредительная мера видится нам наиболее оптимальной в реалиях российского уголовного судопроизводства. В данном случае мы допускаем вероятность того, что лицо может предпринять попытку злоупотребления правом по причине правовой неграмотности, и указанная выше мера вполне способна не допустить применения к нему таких механизмов правового регулирования, которые так или иначе ограничивали бы его права.

Подводя итоги важно сказать о том, что невозможно в уголовно-процессуальном законе предусмотреть все случаи злоупотребления правом, потому что каждое уголовное дело в своем роде уникально. Однако мы считаем, что Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации должен регламентировать положения, связанные с понятием и признаками злоупотребления правом, а также общие меры предупреждения и пресечения такого негативного поведения участников уголовного процесса. При этом важно обратить внимание на то, что меры пресечения злоупотребления правом должны быть соразмерны самому злоупотреблению в целях недопущения ситуации, когда мера пресечения несет больший вред, чем само злоупотребление правом или его попытка. По этой причине суд, принимая решение о наличии в деянии участника уголовного судопроизводства злоупотребления правом, должен оценивать и общественную опасность такого злоупотребления, потому как оно может явиться настолько малозначительным, что меры по его пресечению будут слишком трудозатратные, что не будет способствовать оптимизации уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Андреева О. И., Зайцев О. А., Емельянов Д. В. О злоупотреблении защитником правом на защиту и способах реагирования должностных лиц на недобросовестное поведение // Уголовная юстиция. 2017. № 10. С. 19–24.

2. Андреева О. И., Трубникова Т. В. Принятие судом решения о наличии в деянии лица злоупотребления правом и его последствия // Вестник Томского государственного университета. 2019 г. № 438. С. 194–200.

3. Даровских О. В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 Челябинск, 2013. 210 с.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Российская газета 2015. № 150.

Васильева Н. А.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ПРОИЗВОДСТВА НАРКОТИКОВ

В течение последних нескольких лет ассортимент незаконно производимых наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (далее – наркотиков) претерпел ряд существенных изменений. Множество вновь создаваемых синтетических психоактивных соединений появляются на мировом рынке наркотиков, агрессивно рекламируются и распространяются с помощью информационно-телекоммуникационных сетей как так называемые «легальные наркотики»[2]. Изменение подходов постановки под контроль в целях повышения эффективности борьбы с распространением наркотиков, инициированное изначально Российской Федерацией[3], становится все более популярным в законодательствах других стран. Как следствие, достаточно оперативно целые классы веществ из «легальных наркотиков» автоматически попадают под контроль. Однако, несмотря на это незаконный рынок наркотиков пытается адаптироваться к изменяющейся системе контроля со стороны государства, синтезируются вещества со структурным строением, не попадающим под действующие правила отнесения к производным и аналогам.

По данным мониторинга «Сервис Оповещения АИПСИН Антинаркотики» (ЗАО «БелХард Групп» Республика Беларусь, Минск) [1] определены основные тенденции современного международного незаконного рынка наркотиков:

– новые психоактивные вещества характеризуются большим разнообразием, скоростью их появления, малоизученностью и токсичностью;

– ведется активный поиск, реклама и распространение различного рода неподконтрольной растительной продукции (растения и грибы), имеющих свою предысторию использования в нетрадиционной медицине и при отправлении религиозных культов (Radula marginata, Hemia salicifolica). Данные растительные объекты могут предлагаться на рынке как в чистом виде, так и обработанные психоактивными веществами [2].

---

[1] © Васильева Н. А., 2021.

[2] Вещества, не попадающие по своему структурному строению под действующие правила отнесения к производным и аналогам наркотических средств и психотропных веществ, включенных в «Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации», утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 и не внесенные в указанный Перечень самостоятельной позицией.

[3] Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2010 г. № 882 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств и психотропных веществ» ряд позиций Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, был дополнен формулировкой: «…и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень».

– распространены случаи фальсификации товара.

Во-первых, частые случаи отравлений, смертельных передозировок заставляют потребителей с осторожностью относиться к выбору объекта потребления, выбирать «классические» наркотики, что провоцирует производителей применять маскировку малоизвестной и токсичной продукции под «классические» наркотики. Примером могут служить фальсифицированные продукты Каннабиса – для приготовления подобного рода объектов в качестве основы используется Каннабис технических сортов, легальное выращивание которого продолжается в целом ряде стран, который в свою очередь обрабатывается различными синтетическими каннабиноидами [3].

Во-вторых, сохраняется тенденция к прямой фальсификации дорогих и востребованных наркотиков более дешевыми и токсичным (подделки ЛСД и МДМА) [4], также осуществляется активный поиск, реклама и распространение различного рода смесевых форм, включающих как подконтрольные, так и еще не контролируемые психоактивные вещества.

На территории Российской Федерации по данным ГИАЦ МВД России в 2019–2020 гг. фиксируется резкий рост случаев выявления в нелегальном обороте доли веществ, получаемых в подпольных лабораториях. Если раньше стимуляторы амфетаминового ряда, как правило, производились в странах Северной и Западной Европы, то теперь все чаще незаконное производство синтетических наркотиков происходит внутри Российской Федерации. В 2020 году ликвидировано несколько крупных лабораторий, занимавшихся производством метамфетамина, мефедрона, метадона и альфа-пирролидиновалерофенона (α-PVP).

Таким образом, текущей тенденцией незаконного производства наркотиков является диверсификация незаконного производства синтетических наркотиков внутри страны.

На сегодняшний день сфера международного незаконного производства наркотиков показала свою взаимосвязь с внешними факторами – с мерами, реализованными правительствами стран с целью борьбы с пандемией COVID-19. Воздействие этих мер на производство наркотиков характеризуется следующими чертами:

а) снижение доступности наркотиков и повышение цен. Ограничения на поездки и другие меры социального дистанцирования вызвали дефицит некоторых наркотиков и рост цен на них (особенно на розничном уровне). Степень влияния различается в зависимости от вида производимого наркотика и от географического положения места его производства. Так, согласно исследовательскому обзору Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (United Nations Office on Drugs and Crime) (UNODC), ограничения, связанные с режимом изоляции, затрудняют производство и сбыт опиатов в крупных странах-производителях наркотиков [5];

б) изменение методов организации наркобизнеса. Одним из подходов наркопроизводителей к решению возникших проблем является изменение существующих маршрутов незаконных поставок сырья и прекурсоров, адаптации методов синтеза с целью сведения к минимуму затрат, риска и получения максимальной прибыли.

Необходимо отметить растущее значение новых технологий в производстве наркотиков, в частности - генной инженерии в сфере выращивания каннабиса и производства каннабиноидов. По мере того, как все больше стран разрешают культивирование и использование каннабиса в медицинских целях, ученые и предприниматели все активнее изучают вопрос об использовании технологий генной инженерии для модификации растения каннабис с целью оптимизации технологических процессов и более точного регулирования выхода определенных видов каннабиноидов [6]. Поскольку верхушки с цветами представляют собой лишь малую часть растительной массы каннабиса, селекционеры ищут способы увеличить выход каннабиноидов из растения, а именно - увеличить площадь железистого опушения или добиться выработки каннабиноидов в других частях растения помимо верхушек, чтобы для производства каннабиноидов можно было в итоге использовать все растение целиком. Помимо модификации растения каннабис, некоторые технологии могут позволить получать каннабиноиды и вовсе без его помощи.

В ходе предварительного исследования, проведенного в 2019 г., был найден способ модификации одной из разновидностей дрожжевых грибов, позволяющий производить каннабиноиды в промышленных объемах путем сбраживания простых сахаров, полностью обходясь без выращивания каннабиса [7]. Метод получения каннабиноидов из генетически модифицированных дрожжей снимает необходимость в строительстве больших теплиц или подпольном выращивании каннабиса. Таким образом, технологический прогресс открывает дополнительные возможности для использования новых технологий для незаконного производства наркотиков.

В связи с разработкой и внедрением новых схем синтеза, используемых в нелегальном производстве психоактивной продукции, серьезную проблему представляет расширение списка реализуемых прекурсоров и появление альтернативных прекурсоров, не подлежащих международному и внутригосударственному контролю, включая предпрекурсоры[1], а с недавнего времени также «дизайнерские»[2] прекурсоры. Так, по данным экспертной практики на территории Российской Федерации основным прекурсором мефедрона является 2-бром-4-метилпропиофенон, не подлежащий государственному контролю[3].

---

[1] Промежуточные химические вещества, не являющиеся прекурсорами, но путем несложного синтеза могущими ими стать.

[2] Вещества, не имеющие законного применения и не являющиеся предметом торговли помимо ограниченного круга исследовательских и лабораторных аналитических целей (не имеются в наличии в готовом виде и изготавливаются на заказ).

[3] В соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 29.07.2020) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации»; Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2007 г. № 964 (ред. от 08.11.2019 г. с изменениями, вступ. в силу 01.12.2019 г.) «Об утверждении списков сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации».

При этом, оценивая внутренние факторы экономического характера, следует отметить, что Российская Федерация имеет хорошо развитую технологическую и сырьевую базу для производства химических реактивов, которые потенциально могут быть использованы для незаконного изготовления синтетических наркотиков. Данный фактор позволяет предположить смещение утечки прекурсоров из сферы международной торговли в сферу внутренней торговли. Это обстоятельство повышает важность четкого функционирования внутригосударственной системы контроля, вопрос о которой оставлен Конвенцией Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (далее – Конвенция 1988 года) на усмотрение государств-участников.

Таким образом, исходя из статистических данных, данных анализа правоприменительной практики, информационных источников систем мониторинга и международных антинаркотических структур, можно обозначить следующие основные тенденции, касающиеся предмета преступного посягательства в сфере незаконного производства наркотиков:

а) диверсификация производства наркотиков внутри страны, которой способствует ряд криминогенных факторов:

– пробелы в механизме государственного контроля за оборотом прекурсоров;

– простые в реализации одноступенчатые методы синтеза наркотиков по инструкциям, полученным с помощью информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

– формирование и рост спроса на синтетические наркотики;

– высокая маржинальность данной сферы наркобизнеса.

б) сохранение тенденции синтеза веществ со структурным строением, не попадающим под государственный контроль и характеризующихся разнообразием, малоизученностью и токсичностью;

в) взаимосвязь процесса производства с внешними факторами, в частности - с мерами, реализованными правительствами стран с целью борьбы с пандемией COVID-19;

г) растущее значение новых технологий в производстве наркотиков, в частности генной инженерии, в сфере выращивания каннабиса и производства каннабиноидов;

д) расширение списка реализуемых прекурсоров и появление альтернативных прекурсоров, не подлежащих международному и внутригосударственному контролю.

В заключение отметим, что намеченный государством курс на ужесточение контроля в сфере незаконного оборота наркотиков, не может быть эффективно реализован без внесения обоснованных предложений по изменению действующего законодательства в сфере государственного контроля за оборотом прекурсоров, выявлении пробелов в механизмах их внутригосударственного контроля.

Список литературы

1. АИПСИН // URL: https://aipsin.com/archive_newsubstance/ (дата обращения: 07.05.2021).

2. Bouncing Bear Botanicals // URL: https://www.bouncingbearbotanicals.com/sinicuichi-p-81.html#.X25O-pMzbpB (дата обращения: 07.05.2021).

3. DRUGSDATA.ORG Erowid's anonymous drug analysis program Formerly called EcstasyData // URL: https://www.drugsdata.org/view.php?id=8483 (дата обращения: 07.05.2021).

4. Vlaams expertisecentrum Alcohol en andere Drugs // URL: https://www.vad.be/nodes/hooggedoseerdemdmatabletteninomloopinbelgie18062018cloneclone/nl (дата обращения: 07.05.2021).

5. Исследовательский обзор. COVID-19 и цепочка незаконных поставок наркотиков: от производства и транспортировки до потребления // URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/covid/COVID-19_and_ drug_-supply_chain_ru.pdf (дата обращения: 07.05.2021).

6. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2020 г. (E/INCB/2020/1), п. 356. // URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2021/INCB/INCB_Report_R.pdf (дата обращения: 07.05.2021).

7. Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2020 год (E/INCB/2020/1), п. 358. // URL: https://unis.unvienna.org/pdf/2021/INCB/INCB_Report_R.pdf (дата обращения: 07.05.2021).

Венидиктов М. И.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗРАБОТКИ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН

За последние 30 лет в России сложилась сложная миграционная ситуация. Несмотря на то, что по данным статистической отчётности, количество преступлений, совершённых мигрантами на протяжении ряда лет снижается, вызывает озабоченность значительное количество нелегальных мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации, которые не только совершают общеуголовные преступления, но и активно способствуют распространению террористической и экстремистской идеологии. Важно отметить, что миграционная политика относится к приоритетным стратегическим направлениям государственного строительства, поэтому осуществление разработки актуальных мер противодействия преступлениям, связанным с незаконной миграцией иностранных граждан, является важнейшей прерогативой Правительства Российской Федерации. Последовательное проведение миграционной политики возможно лишь при наличии законодательной нормативной базы, регулирующей миграционные процессы на территории Российской Федерации, и сформированного контролирующего аппарата управления.

С учетом этого, Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683, незаконная миграция отнесена к одной из основных угроз государственной и общественной безопасности Российской Федерации.

Проблема незаконной миграции вышла на государственный уровень в связи с осложнением международной террористической ситуации в мире. Благоприятное географическое положение России, а также прозрачность границ со странами СНГ создали условия для проникновения в страну достаточно большого количества незаконных мигрантов. По данным автоматизированной системы аналитической отчетности ГИАЦ МВД РФ на территорию Российской Федерации в 2018 г. въехало 16,8 миллионов иностранных граждан [1], а в 2019 г. порядка 13 млн иностранных граждан, а в 2020 г. въехали 6 млн человек, что на 60 % меньше, чем за аналогичный период 2019 г. [2], что связанно с обострением коронавирусной инфекции (COVID-19).

Иностранные граждане, незаконно находящиеся на территории России за 2015–2019 гг., совершили по данным статистической отчетности 89 убийств, 146 изнасилований, 870 краж, 46 преступлений, связанным с незаконным оборотом оружия и 308 незаконного оборота наркотиков. Можно по-разному относиться к приведенной статистике, делая упор только на незначительное количество совершенных преступлений в масштабе всей преступности, без учёта высокого

[1] © Венидиктов М. И., 2021.

уровня латентности преступлений, совершаемых иностранцами, и реального уровня их раскрываемости. Известно, что статистика в числе зарегистрированных преступлений по линии иностранцев, учитывает только раскрытые преступления.

Следовательно, по-нашему мнению, состояние преступности, субъектами совершения которых являются иностранные граждане, незаконно находящиеся на территории России, следует оценивать с учётом их количества в России и уровня латентности совершённых ими преступлений. Так по мнению респондентов-сотрудников уголовного розыска ГУВД МВД РФ по г. Москве и Московской области латентность преступлений иностранцев-мигрантов на 70 % связана с организацией незаконной миграции. В последние годы в Российской Федерации по разным источникам в среднем проживали от 8 до 10 млн мигрантов. Точной статистики никогда не было. Сведения берутся, исходя из количества постановок на миграционный учет, а там они часто дублируются: если человек за год въезжал два или три раза, то по цифрам получается, что приехали три мигранта. С учетом такой регистрации Президент Федерации мигрантов Российской Федерации В.В. Кожевин считает, что в настоящее время на территории России находятся порядка 3 миллионов нелегалов-мигрантов [3]. Кроме того, по результатам исследования, проведённого Российской криминологической ассоциацией, и по экспертным оценкам правоохранительных органов нелегалами в России совершается каждое четвертое преступление из всех преступлений иностранцев [4]. Следовательно, количество преступлений, совершаемых иностранцами-нелегалами, в реальности значительно больше нежели отражено в статистической отчетности.

На состояние преступности в сфере незаконной миграции существенно влияет организованная преступность. Исходя из данных сводного отчета по России за 2015–2019 гг. «О результатах борьбы с организованной преступностью», за указанный период в составе организованных групп или преступных сообществ совершено 320 преступлений, квалифицируемых по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. Из них 67 или 21 % совершены организованными преступными группами, сформированными по этническому признаку.

Стоит сказать, что в последнее время транспортировка в Россию нелегальных мигрантов из стран Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Северной Африки, Афганистана и других помимо прибыльного криминального бизнеса, свидетельствует об увеличении масштабов незаконной миграции, которая провоцирует рост террористической и экстремистской активности, распространения незаконного оборота оружия и наркотиков, проявлений ксенофобии и национализма в России.

Изучение уголовных дел, заведённых по фактам организации незаконной миграции, показало, что объективными трудностями при расследовании уголовных дел данной категории, являются: отсутствие эффективной системы учёта мигрантов, что затрудняет устанавливать их местонахождение на территории России с целью проведения необходимых следственных действий; невозможность сбора свидетельских показаний в виду выдворения иностранных граждан за пределы Российской Федерации и др. В тоже время активных мер по установлению

места нахождения нелегальных мигрантов и лиц, организовавших их незаконное пребывание и трудоустройство; проведению конкретных мероприятий, направленных на раскрытие совершённых мигрантами преступлений и установление обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, не проводится.

Проблема незаконной миграции иностранцев на территории Российской Федерации усугубляется влиянием международных террористических организаций. При этом недостаточно эффективна система оперативно-розыскного контроля и надзора за пресечением организации незаконной миграции, как вида организованной преступности, не создано действенного оперативного контроля за противоправной деятельностью пользователей ресурсов сети Интернет, связанных с незаконной миграцией.

Незаконная миграция, как социально-криминальное явление, экспортируемое на территорию Российской Федерации транснациональными преступными группами, в значительной степени осложняет криминогенную ситуацию в стране, усиливает социальную напряженность, способствует возникновению межнациональных конфликтов и формированию этнических, организованных преступных групп, террористических организаций.

Указанные доводы подтверждают тот факт, что разработка мер противодействия преступлениям, связанным с незаконной миграцией иностранных граждан чрезвычайно необходима. Действующая правоохранительная система недостаточно эффективно противодействует незаконной миграции иностранцев. В связи с этим, необходимо проведение научного исследования теоретических, практических и правовых аспектов противодействия незаконной миграции иностранных граждан и в особенности организации незаконной миграции иностранных.

Список литературы

1. Информационно-справочные материалы о миграционной ситуации в Российской Федерации по состоянию на 1 января 2019 года и результатах оперативно-служебной деятельности подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России и ГУВМ МВД России за 2018 год.

2. Число въехавших в Россию иностранцев в первом полугодии сократилось на 60 % // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4442876 (дата обращения: 01.06.2021).

3. Отбились от рабочих рук // Российская газета. 2020. № 293 (8347). URL: https://rg.ru/2020/12/27/kuda-ischezli-iz-rossii-trudovye-migranty-i-vernutsia-li-oni-obratno.html (дата обращения: 01.06.2021).

4. Долгова А. И. Криминология : учебник для вузов. М. : группа НОРМА-ИНФРА.М, 1999. С.50.

Вознюк Е. П.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ДОСТАТОЧНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Продолжающиеся процессы формирования правового государства в России ставят перед юридической наукой и практикой задачи, требующие скорейшего разрешения в целях создания более надежной системы правовой защиты граждан Российской Федерации. Следует отметить, что уголовно-процессуальные правоотношения – это сфера, в которой нарушения конституционных прав граждан (на неприкосновенность личности, жилища, свободу передвижения и др.) наиболее вероятны в силу специфики этой сферы. Поэтому вопрос обоснованности применения мер уголовно-правового принуждения обладает непреходящей актуальностью. Конечно, тезис о собственном признании обвиняемого как «царице доказательств» давно не постулируется ни в практике, ни в теории, уголовно-процессуальное законодательство постоянно совершенствуется, но, тем не менее, и сегодня существуют проблемы как законодательного, так и правоприменительного характера, требующие устранения.

Учение о доказательствах и их качествах (относимости, допустимости, достоверности, достаточности) является ключевым вопросом уголовно-процессуальной науки. На тему проверки и оценки доказательств написано немало научных трудов, но в то же время стержневая проблема правильного понимания вышеуказанных качеств доказательств для принятия надлежащего решения по уголовному делу остается не до конца решенной. Необходимость дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства в этой сфере не вызывает сомнений. Одной из таких проблем, которой ученые процессуалы уделяют сегодня внимание, является проблема достаточности доказательств и ее обеспечение.

Неоднозначность проблем достаточности доказательств обусловлена многоаспектностью данной категории. Проблему достаточности можно рассматривать в «широком смысле». И в этом случае следует говорить о достаточности, как такой совокупности определенных доказательств, которая устанавливает все обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу. Но можно говорить о достаточности в «узком смысле», например, о достаточности данных (доказательств), дающих основание для избрании меры пресечения, принятия определенного процессуального решения и т.д.

Основная проблема здесь видится в отсутствии в уголовно-процессуальном законодательстве критериев достаточности доказательств для принятия процессуальных решений. Так, оценить достаточность доказательств нередко бывает сложно в силу относительности этого понятия. Само понятие «достаточность» предполагает определенную долю субъективизма должностного лица при оцени-

[1] © Вознюк Е. П., 2021.

вании совокупности доказательств. Этот вопрос решается по усмотрению должностных лиц (следователя или дознавателя), в производстве которых находится уголовное дело. Однако, как показывает практика, такой подход приводит к негативным последствиям в виде принятия незаконных или необоснованных решений. Но, прежде чем пытаться выработать критерии достаточности доказательств в уголовном процессе, на наш взгляд, нужно определить само понятие «достаточность доказательств».

Начнем с понимания того, количественное это понятие или качественное? Ответ на этот вопрос также важен и для выработки критериев достаточности доказательств. Анализ определений слова «достаточность» в толковых словарях русского языка говорит о том, что это понятие скорее количественное. Например: «Достаточность – наличие *всех (выделено авт.)* необходимых предпосылок; заведомое наличие *всего* требуемого; наличие основы» [1, с. 114]. Или: «Достаточность, достаточный – удовлетворяющий потребностям, необходимым условиям» [2]. В юридических словарях достаточность доказательств трактуется следующим образом: «Достаточность доказательств означает, что они позволяют сделать достоверный вывод о существовании факта, в подтверждение которого они собраны. Если такого вывода сделать нельзя, то это указывает на недостаточность доказательств или их совокупности. Так, единичное косвенное доказательство всегда является недостаточным, поскольку позволяет сделать лишь предположительный, а не достоверный вывод о доказываемом факте» [3]. Данное определение представляется весьма расплывчатым и не позволяющим сделать вывод о сущности достаточности доказательства. Кроме того, такая трактовка говорит о вроде бы качественном характере понятия «достаточность», но тут же речь идет о том, что «единичное, косвенное» доказательство является недостаточным. Что здесь является определяющим фактором, то, что оно единичное или косвенное? Если это доказательство одно, но оно прямое, будет ли оно достаточным? Практика показывает, что такое возможно. А если доказательства косвенные, но их два или три, будут ли они достаточными? Все зависит от их соотношения с доказываемым фактом и друг с другом. То есть совершенно очевидно, что количество фактов, выступающих в роли доказательств либо вторично, либо вообще не имеет значения.

Представляется, что оценка каждого доказательства в отдельности предполагает оценку всех собранных доказательств в совокупности с точки зрения достаточности их для разрешения дела. И совокупность собранных доказательств – не количественная, а все-таки качественная категория. Достаточность доказательств – это не их сумма, это система, которая характеризуется внутренним единством, взаимосвязью доказательств и их логической непротиворечивостью.

В научных трудах авторы определений понятия достаточности доказательств апеллируют к категориям «допустимость», «относимость» и «достоверность» доказательств, повторяя, по сути ч. 1 ст. 88 УПК РФ [4]. Соответствие этим трем качествам делает доказательство достаточным, по их мнению. Приведем в качестве примера авторские определения, данные в диссертационных работах Р. В. Костенко и Н. В. Профатиловой, непосредственно посвященных проблеме достаточности доказательств в уголовном процессе. Так, Р. В. Костенко дает

определение достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве как «системы допустимых, относимых, достоверных доказательств, полученной в результате всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств и всех собранных доказательств по уголовному делу, безусловно указывающей на достоверное установление обстоятельств предмета доказывания» [5, с. 8]. Н. В. Профатилова пишет: «достаточной является такая совокупность доказательств, где каждое из них отвечает требованиям относимости, допустимости и достоверности, и в целом они составляют необходимую основу для принятия законных и обоснованных процессуальных решений» [6, с. 5]. Данные определения, на наш взгляд, не раскрывают сущность понятия достаточности доказательств, так как для понимания ее в рамках такой трактовки надо, как минимум, ответить на вопрос: что такое допустимость, относимость и достоверность доказательств. Представляется, что Уголовно-процессуальный кодекс нуждается в самостоятельном и самодостаточном определении достаточности доказательств, которое целесообразно было бы закрепить в примечании к ст. 88 УПК РФ. Проект такой дефиниции видится следующим: «Достаточность доказательств – это качество доказательств, полученных в результате всестороннего, полного и объективного расследования уголовного дела, характеризующееся системными признаками единства, взаимосвязи и непротиворечивости, составляющая необходимую основу для принятия процессуальных решений».

Список литературы

1. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М. : Издательство (ЭТС), 1995.

2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М. : Мир и Образование: ОНИКС, 2012.

3. Большой юридический словарь // URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law6.php (дата обращения: 10.05.2021).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 01.05.2021).

5. Костенко Р. В. Достаточность доказательств в российском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Краснодар, 1999.

6. Профатилова Н. В. Оценка следователем достаточности доказательств при принятии основных процессуальных решений по уголовным делам : дис … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2009.

Воронина Н. А.[1]**,**
слушатель 464 учебного взвода института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Химичева О. В.[2]**,**
начальник кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЗА ПРИМИРЕНИЕМ СТОРОН В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ПОТЕРПЕВШЕГО

Первоочередной задачей уголовного судопроизводства в Российской Федерации является защита прав и законных интересов потерпевших. Статья 52 Конституции Российской Федерации гласит: «Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного вреда».

Одним из путей реализации данной конституционной нормы является предусмотренная УПК РФ возможность прекращения уголовного дела за примирением сторон. Именно данный институт позволяет обеспечивать защиту прав и законных интересов потерпевших, а также выступает гарантией реализации доступа потерпевшего к правосудию. И. О. Андреева верно отмечала, что «…сущность института прекращения уголовного дела определяется тем, чтобы защитить потерпевшего, обеспечить гуманное, бережное отношение к нему вследствие того, что его охраняемые законом права и свободы стали объектом преступного посягательства» [7, с. 63].

Казалось бы, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон нормативно весьма тщательно урегулировано, что не должно влечь проблем в его реализации. Однако анализ норм уголовно-процессуального закона указывает на наличие существенных пробелов, которые приводят к нарушению прав потерпевших.

Так, исследуя институт прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон, не раз ученые-процессуалисты поднимали вопрос: возможно ли примирение сторон в случае смерти потерпевшего? Несмотря на «жаркие» дискуссии в научных кругах, этот вопрос до сих пор остается открытым и требует разрешения.

Часть 8 статьи 42 УПК РФ гласит: «По уголовным делам о преступлениях, последствием которых являлась смерть лица, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников». Положение закона диктует правило о том, что лицо, к которому перейдут права потерпевшего (правопреемник потерпевшего), вправе примириться с лицом, совершившим преступление. Не совсем ясно – как будет выполняться одно из основных условий прекращения уголовного дела в связи с

[1] © Воронина Н. А., 2021.
[2] © Химичева О. В., 2021.

примирением сторон – возмещение вреда виновным лицом непосредственно погибшему потерпевшему? В связи с этим некоторые ученые придерживаются мнения, что нельзя прекращать уголовное дело в отношении лица, посягнувшего на самое дорогое – жизнь человека [9, с. 233–237].

Так, по мнению А. В. Шнитенкова, необходимо ввести запрет на примирение с потерпевшим по уголовным делам о преступлениях, последствием которых являлась смерть лица; а возмещение вреда в подобных случаях учитывать как обстоятельство, смягчающее наказание [12, с. 54–55].

На первый взгляд, эта позиция представляется правильной, так как статья 76 УК РФ предусматривает освобождение от уголовной ответственности в связи примирением непосредственного с потерпевшим.

Однако не все так однозначно. Пленум Верховного Суда Российской Федерации дает разъяснение следующего содержания: «При рассмотрении вопроса о применении положений статьи 76 УК РФ к лицам, совершившим преступление, последствием которого явилась смерть пострадавшего, судам следует иметь в виду положения части 8 статьи 42 УПК РФ о переходе прав потерпевшего в таких случаях к одному из близких родственников погибшего. Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит каких-либо ограничений в процессуальных правах лиц, признанных потерпевшими в порядке, установленном частью 8 статьи 42 УПК РФ, примирение лица, совершившего преступление, с такими потерпевшими может служить основанием для освобождения его от уголовной ответственности» [4].

Правоприменительная практика придерживается разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В первую очередь, это подтверждается впечатляющими цифрами статистики, относительно количества уголовных дел, прекращенных в связи с примирением сторон. По данному основанию в 2020 г. было прекращено 102 451 уголовное дело [6].

Однако, в судебной практике встречаются не единичные случаи, связанные с возвращением уголовного дела прокурору в связи с допущенными процессуальными нарушениями при определении потерпевшего по уголовному делу, в случаях его гибели.

Так, из Постановления Костромского районного суда № 1-40/2014 от 14 мая 2014 г. по делу № 1-40/2014 следует, что по данному уголовному делу следователь признал потерпевшим погибшего А. Н., а его представителем – специалиста органа опеки и попечительства Н. В.

Поскольку правоспособность физических лиц прекращается смертью, права потерпевших по делам о преступлениях, последствием которых являлась смерть лица, в силу ч.8 ст. 42 УПК РФ переходят к одному из его близких родственников и (или) близких лиц, а при отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников. На этом основании суд определил, что признание потерпевшим самого потерпевшего А.Н. противоречит положениям УПК РФ. Оснований для наделения правами потерпевшего иных лиц (в том числе органа опеки и попечительства), кроме указанных в за-

коне, тоже не имеется. Суд установил, что нельзя признать обоснованным наделение полномочиями потерпевшего специалиста органа опеки и попечительства – Н.В., так как данное лицо не является родственников погибшего.

В свою очередь, из материалов дела следует, что в обоснование своей позиции следователь указал, что погибший не являлся гражданином Российской Федерации, родственников на территории России не имел. Суд не согласился с доводами следователя, так как проживание родственников на территории другого государства не может умалять их право на участие в уголовном судопроизводстве в качестве потерпевших [5].

Данным пример наглядно показал: несмотря на наличие правовой регламентации процессуального правопреемства в случаях смерти потерпевшего, процессуальные ошибки случаются, а это, в свою очередь, ограничивает право граждан на доступ к правосудию. В рассмотренном нами примере явно прослеживаются нарушения процессуальных прав потерпевшего. Так, следователь не признал одного из родственников погибшего потерпевшими по уголовному делу, сославшись на то, что в ходе расследования не представилось возможным их установить. В силу того, что потерпевшим был признан ненадлежащий субъект, а «истинный» потерпевший (родственник погибшего) не имел возможности реализовать свои процессуальные права в ходе следствия, суд возвратил уголовное дело прокурору для устранения выявленных нарушений. Данное нарушение также умаляет права обвиняемых на прекращение уголовного дела по примирению сторон, так как потерпевшим был признан ненадлежащий субъект (орган опеки и попечительства). Это не позволяет выполнить все условия, необходимые для прекращения уголовного дела по примирению сторон, например, возмещение вреда потерпевшему.

Не менее важной проблемой, приводящей к нарушению прав и законных интересов потерпевших, является отсутствие законодательной регламентации перехода прав потерпевшего к родственникам и (или) близким лицам в случаях его смерти не в связи с совершенным преступлением.

А. П. Рыжаков отметил, что ч. 8 ст. 42 УПК РФ не наделяет близких родственников потерпевшего, умершего не в результате совершения в отношении него преступления, теми правами, которые имеются у потерпевшего как субъекта уголовного процесса [10]. Этот пробел в законодательстве блокирует возможность прекращать уголовные дела за примирением сторон.

Решение этой проблемы по-разному представляется учеными.

К примеру, С. С. Чернова считает нужным осуществлять правопреемство потерпевших, умерших по причинам не связанным с преступлением, аналогично допуску по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица [11, с. 72], полагая, что это позволит обеспечить защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также облегчит деятельность правоприменителей.

М. А. Гаврилов считает необходимым предусмотреть специальные нормы, устанавливающие основания, условия, процедуру перехода прав потерпевшего, умершего не в связи с совершенным преступлением, к другим лицам; установить

перечень лиц, которые могут стать правопреемниками потерпевшего, их процессуальный статус. При этом ученый предлагает установить законодательный запрет на прекращение таких уголовных дел за примирением сторон [8, с. 511–517]. Позволим себе не согласиться с М.А. Гавриловым в части, касающейся установления законодательного запрета на прекращение уголовных дел за примирением сторон в таких случаях.

На наш взгляд, в целях разрешения имеющегося «правового вакуума» необходимо дополнить ч. 8 ст. 42 УПК РФ:

в случае смерти потерпевшего не в связи с совершенным преступлением, права потерпевшего переходят к одному из близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве – к одному из родственников.

Полагаем, что данное новшество в нормах УПК РФ позволит стандартизировать деятельность правоприменителей, касаемо вопросов прекращения уголовного дела по примирению сторон в случаях смерти потерпевшего не в связи с совершенным преступлением.

На сегодняшний день, из-за отсутствия законодательной регулирования данного вопроса судебная практика исходит из возможности прекращения уголовных дел за примирением сторон в случаях смерти потерпевшего не в связи с совершенным преступлением. Однако не во всех случаях к участию в деле допускаются правопреемники умершего потерпевшего, в некоторых случаях – уголовные дела прекращаются лишь на основании ходатайства таких лиц [8, с. 511].

В заключение следует отметить, что в настоящей статье мы пытались предложить лишь некоторые возможные пути решения имеющихся проблем, которые требуют обстоятельного изучения как с позиции теории уголовного процесса, так и практики.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63 (ред. от 08.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. 2013. № 145.

5. Постановление Костромского районного суда № 1-40/2014 от 14.05.2014 г. по делу № 1-40/2014 // URL: www.sudact.ru (дата обращения: 06.05.2021).

6. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: http://www.gks.ru/ (дата обращения: 05.06.2021).

7. Андреева О. И. Пределы проявления диспозитивности в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Томск, 1994.

8. Гаврилов М. А. Некоторые вопросы прекращения уголовного дела за примирением сторон в случае смерти потерпевшего // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9, № 4. С. 511–516.

9. Стерлегова И. Л. Защита прав потерпевшего при применении норм о прекращении уголовных дел в связи с примирением сторон // Вектор науки ТГУ. 2014. № 3 (29). С. 233–237.

10. Рыжаков А. П. Понятие, права, обязанности и ответственность потерпевшего в российском уголовном процессе. Комментарий к статье 42 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 06.05.2021).

11. Чернова С. С. Процессуальные последствия смерти потерпевшего // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 1 (26).

12. Шнитенков А. В. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы законодательства и судебной практики // Российская юстиция. 2014. № 11. С. 54–55.

Гордеева Е. А.[1]*,*
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

Миргородская Э. Р.[2]*,*
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России

ЭЛЕКТРОННАЯ ИНФОРМАЦИЯ В СИСТЕМЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В настоящее время современные информационные технологии проникли во все сферы жизни общества, в том числе и в сферу уголовно-процессуальных отношений. Государством было принято достаточно мер по цифровизации общественных отношений, в частности, создан и функционирует государственный портал «Госуслуги», где граждане могут получить услуги, оказываемые различными ведомствами, в том числе и Министерством внутренних дел Российской Федерации, в электронном виде; заявление или жалобу в суд можно подать также в электронной форме, как и сообщение о преступлении. В некоторых государствах электронный документооборот почти полностью вошел в уголовный процесс. Так, в республике Казахстан ввели «электронное уголовное дело», в Украине функционирует в электронной форме «Единый реестр досудебных расследований», в котором регистрируется заявление о преступлении.

Таким образом, не вызывает сомнений широта применения информации, представленной в электронно-цифровой форме, а в некоторых примерах она даже вытеснила бумажную форму представления информации. Предметом нашего исследования выступает все более распространяющая в XXI веке электронная информация в системе доказательств по уголовным делам. Так, в частности во главу угла ставится вопрос: можно ли отнести информацию, представленную в электронном виде, к самостоятельному виду доказательств или же следует отнести ее к вещественным доказательствам, или же следует отнести ее к иным документам? Отнесение электронной информации к одному из видов доказательств имеет практическое значение, поскольку, если она не будет относится ни к одному из видов доказательств, то не может и приниматься во внимание при производстве по уголовному делу, и, как следствие, не может быть положена в основу установления истины по уголовному делу.

Для ответа на поставленный вопрос необходимо обратиться к определению понятия «доказательство». Согласно законодательному определению рассматриваемого понятия, а именно ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), доказательствами являются «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель… устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при

[1] © Гордеева Е. А., 2021.
[2] © Миргородская Э. Р., 2021.

производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [4]. В ч. 2 ст. 74 УПК РФ указаны виды доказательств, из которых нас интересует такие виды доказательств, как протоколы следственных и судебных действий и иные документы.

В настоящее время в науке активно обсуждается проблема использования цифровой информации в доказывании. Как отмечает Зазулин А. И., проблемы, возникающие с использованием цифровой информации в уголовно-процессуальном праве, связаны с отсутствием определений таких категорий, как «электронный документ» и «электронное доказательство». Действительно, одни ученые относят информацию, представленную в электронной форме, к самостоятельному доказательству по уголовным делам, а другие – к одному из видов вещественного доказательства или иных документов. Рассмотрим мнения ученых на данную проблему.

Например, Н. А. Зигура [2] обосновывает позицию о том, что компьютерная информация является самостоятельным доказательством по уголовному делу, и разграничивает ее от вещественных доказательств, и от иных документов по следующим критериям: по механизму формирования, по среде существования, по привязке к носителю, по признаку воспроизведения; по доказательственному значению, по признаку восприятия. Не вдаваясь в подробности анализа разграничения данных аргументов, отметим лишь то, что само по себе отнесение компьютерной информации к самостоятельному виду доказательств наталкивает на следующие размышления. На наш взгляд, компьютерная информация является одним из видов электронной информации, поскольку само понятие «электронная информация» включает в себя и информацию, хранящуюся на компьютере, и в облачном хранилище, и на любом другом материальном носителе, не являющемся компьютером, но работающим по его принципу (например, телефон, планшет, электронно-цифровые устройства и т.п.).

Таким образом, если отнести компьютерную информацию к самостоятельному виду доказательств, возникает вопрос: целесообразно ли тогда выделять новые самостоятельные виды доказательств в зависимости от устройства, на котором хранится информация? Думается, что нет, и понятие «электронная информация» включает в себя вышеперечисленные виды информации. Как правильно было отмечено ранее, данное обстоятельство обосновывается отсутствием определения понятия, что же такое «электронная информация». Если обратиться к определению понятия «электронная информация», то следует согласиться с Зазулиным А. И. [1], что «цифровая информация представляет собой сведения, закодированные в двоичной системе счисления, передаваемые посредством физических сигналов, не воспринимаемых человеком непосредственно и содержащиеся только на определенных материальных носителях, специально предназначенных для их хранения – носителях цифровой информации». Действительно, исходя из приведенного автором определения понятия «цифровая информация», можно сделать вывод о том, что она может быть представлена в двоичной системе счисления. Как известно, в понятие «двоичный» вкладывается значение того, что информация содержит два числа 0 и 1, то есть цифровые сигналы существуют в виде последовательности чисел во времени. Мы отчасти разделяем

точку зрения автора на понятие «цифровая информация», но с другой стороны, следует возразить и обратить внимание на то, что такая информация может быть представлена не только на материальных носителях, как указывает автор, но и в облачных хранилищах. Поскольку известно, что под материальным носителем понимаются предметы, которые имеют физическую форму, которую можно потрогать и ощутить. Облачное же хранилище нельзя ощутить, и поэтому оно не является материальным носителем в прямом смысле этого слова. Однако, на наш взгляд, облачное хранилище также содержит в себе электронную информацию и может являться носителем цифровой информации наряду с материальными носителями. Таким образом, к категории вещественных доказательств нельзя отнести понятие «электронная информация» на том основании, что такая информация может храниться и на не материальных носителях. Но есть исключение, которое мы рассмотрим ниже.

Так Р. И. Оконенко приходит к выводу о том, что электронные доказательства должны оформляться либо как «иные документы» либо как «вещественное доказательство». Основное различие он видит в следующем: «Если значение для уголовного дела, наряду с основным содержанием файла, имеет информация о свойствах файла, то электронный носитель информации можно рассматривать в качестве вещественного доказательства, если же значение для уголовного дела имеет только содержание файла, то соответствующий материальный носитель может быть приобщен к делу в виде иного документа» [3, с. 17]. Следует согласиться с мнением автора о том, что материальный носитель может быть приобщен к уголовному делу в качестве «иного документа», а также с тезисом о том, что если имеет ценность информация о свойствах файла, то электронный документ уже относится к вещественному доказательству. В данном случае этот тезис кажется совершенно справедливым, поскольку это положение, на наш взгляд, вытекает из уголовно-процессуального закона. Так, в пунктах 1–2 части 1 статьи 81 УПК РФ говорит о том, что если электронная информация «…служила орудием, оборудованием или иным средством совершения преступления или сохранила на себе следы преступления», или на нее «были направлены преступные действия», то электронная информация признается в качестве вещественного доказательства.

Решением рассматриваемой проблемы видится во включении в ст. 5 УПК РФ понятия «электронного документа». Так, например, в УПК Республики Казахстан закреплено, что под «электронным документом» понимается документ, в котором информация представлена в электронно-цифровой форме и удостоверена электронно-цифровой подписью.

Таким образом, включением определения в УПК РФ понятия «электронный документ» снимет неоднозначность этого термина и позволит отнести его к одному из видов доказательств, а именно «иные документы».

Список литературы

1. Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 Екатеринбург, 2018. 32 с.

2. Зигура Н. А. Компьютерная информация как вид доказательства в уголовном процессе России : автореф. дис. … канд. юрид. наук :12.00.09. Челябинск, 2010. 20 с. .

3. Оконенко Р. И. Электронные доказательства и проблемы обеспечения прав гражданина на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединенных Штатов Америки и Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2016.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 13.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://-www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.06.2021).

Грачева А. С.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕР ПОПЕЧИТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 160 УПК РФ

Современный период характеризуется усилением разнообразия круга мер процессуального принуждения, прежде всего заключения под стражу, как одного из неотложных средств реагирования правоприменителя, при реализации охранительной функции. Последнее, по нашему мнению, распространяется, и в отношении лиц, у которых имеются на попечении несовершеннолетние дети и иные иждивенцы.

В соответствии с п. 6 ч. 2 ст. 38 и п. 2 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, должностные лица, осуществляющие предварительное расследование, уполномочены также осуществлять иные полномочия, которые определены нормами уголовно-процессуального законодательства. Одним из направлений реализации таких полномочий является применение мер попечительного характера, закрепленных положением ч. 1 ст. 160 УПК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (далее – ППВС РФ № 41) в п. 9 содержит разъяснения, согласно которым «судам при удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу следует обратить внимание дознавателя (следователя) на необходимость решить вопрос о передаче иждивенцев на попечение» [1].

Интересным представляется тот факт, что ранее принятое Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (далее – ППВС РФ № 21) в п. 5 содержало несколько иные положения. А именно: «суд в момент удовлетворения ходатайства об избрании заключения под стражу, должен был располагать данными, свидетельствующими о том, что дознаватель (следователь) принял меры попечения» [2].

Однако такое условие должно было соблюдаться, лишь в том случае, если данная мера пресечения применялась в отношении женщины, которая имеет на иждивении несовершеннолетнего ребенка. На наш взгляд, это связано с законодательным установлением, нашедшим отражение в нормах материального права, согласно которых понятие «беспомощного состояния», что, как полагаем, распространяется и на детей, которые в силу возрастных критериев (психического и физического характера) могут находиться в таком состоянии, при этом их положение наиболее уязвимое, в отличие от других иждивенцев.

[1] © Грачева А. С., 2021.

На сегодняшний день содержание данного постановления потеряло приоритетное значение, а действующие разъяснения не предусматривают способов осуществления судебно-контрольных функций за применением положений, предусмотренных ч. 1 ст. 160 УПК РФ. При этом, изменений положений уголовно-процессуального законодательства в этой сфере, до сих пор не нашло отражение в соответствующих нормативных актах, в связи с чем не представляется обоснованным игнорирование контрольных функций суда на этапе принятия решения о применении заключения под стражу.

При разрешении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении женщин, на попечении которых находятся дети, суды обязаны были проверять наличие в деле сведений о том, на чьем попечении будут находиться несовершеннолетние. Районный суд г. Саратова продлил срок задержания подозреваемой У., однако, по истечению этого срока, суд отказал в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении У. При этом одним из оснований для отказа явилось то, что следователь не предоставил сведений о том, на чьем попечении будут находиться двое ее малолетних детей. При этом суд принял решение об избрании домашнего ареста подозреваемой [3]. Полагаем, что, поскольку принятое решение суда не обжаловалось сторонами примененная мера пресечения соответствовала целям деятельности органов предварительного расследования, и обеспечила возможность соблюдения прав детей без применения положений ч. 1 ст. 160 УПК РФ.

С момента принятия ППВС РФ № 41, можно отметить, что суды лишь ориентируют на то, что субъектом принятия мер по попечению является дознаватель (следователь); оставляя раннее принятое решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, не удовлетворяя поданную жалобу. Проиллюстрируем на примере. Л.М.Т. обжаловалось постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В жалобе выражено несогласие с принятым решением, поскольку, суд не учел, что Л.М.Т, признал вину и раскаялся в содеянном, подписав протокол о явке с повинной. В числе данных, характеризующих личность обвиняемого, указал, на следующие обстоятельства: его подзащитный имеет работу, гражданство РФ, проживает и зарегистрирован на территории места проведения предварительного расследования, имеет на иждивении малолетнего ребенка. На основании приведенных данных защитник считает, что судом не была учтена полная оценка личности и посткриминальному поведению Л.М.Т. На основании этого ходатайствует об отмене судебного решения. После проверки материалов уголовного дела, обсудив доводы поступивших апелляционных жалоб, суд соответствующей инстанции пришел к выводу: вопреки доводам стороны защиты, при принятии обжалуемого решения были учтены все данные о личности Л.М.Т. Кроме того, указал на то, что вопросы мер попечения о детях подозреваемого, заключенного под стражу, в силу ч. 1 ст. 160 УПК РФ разрешаются следователем, дознавателем, а не судом [4].

Помимо вышеизложенного, суд указал, что нарушений уголовно-процессуального закона, влекущих его изменение либо отмену постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, судом не допущено, а,

следовательно, постановление соответствует требованиям ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Полагаем, что данное судебное решение, действительно является законным, обоснованным и мотивированным. Однако, соблюдение следователем одного из общих условий предварительного расследования, предусмотренного ч. 1 ст. 160 УПК РФ, на наш взгляд, в рамках приведенного примера не произошло. Думается, это связано с тем обстоятельством, что в практической действительности правоохранительных органов не всегда учитываются разъяснения, поступающие в результате анализа судебно-следственной практики и, отраженные в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Полагаем, это существенное упущение, поскольку их (разъяснения) следует рассматривать не только в качестве, руководящих, способствующих единообразию правоприменительной деятельности, но и как составляющую (часть) системы прецедентного права. На что, в определенной степени, направлены устремления национального законодателя.

Современному периоду свойственно совершение женщинами достаточно большого количества преступлений, а именно с января по июнь 2020 года выявлено таковых – 70826 [5, с. 52].

В 2019 году Главой комитета Совета Федерации по экономической политике А. Кутеповым была озвучена инициатива запрета заключения под стражу женщин. Смысл ее заключался в следующем – беременных или женщин, имеющих детей, не достигших возраста 14 лет не подвергать применению самой строгой меры пресечения с учетом ограничений, вытекающих из норм материального права. Эта инициатива не нашла законодательной поддержки в целом, и, в том числе, по возрастному цензу, несовершеннолетних детей. Она могла бы способствовать разрешению охранительных задач правоохранительной деятельности, при соблюдении определенных условий. Полагаем, что такая законодательная рекомендация решила бы ряд правоприменительных вопросов, связанных с применением попечительных мер. А, кроме того, она является экономически обоснованной.

Кроме того, законодатель «разрешает» подозреваемым и обвиняемым женщинам иметь при себе детей в возрасте до 3-х лет. При этом, в случае их совместного размещения, а также при помещении в СИЗО беременной женщины должны быть созданы улучшенные материально-бытовые условия. Это является подтверждением целесообразности целевого использования средств федерального бюджета при решении вопроса о замене применения мер процессуального принуждения, ограничивающих свободу подозреваемых (обвиняемых), имеющих на попечении несовершеннолетних детей, на запрет определенных действий ст. 105.1 УПК РФ, залог ст. 106 УПК РФ или домашний арест ст. 107 УПК РФ.

Полагаем, в исключительных случаях, и как единственно возможное в конкретных условиях с учетом обстоятельств совершенного преступления и данных о личности, заключение под стражу может быть применено и в отношении, подозреваемого (обвиняемого) в совершении определенных категорий и направленности уголовных дел, имеющего на попечении несовершеннолетних детей, остающихся без присмотра и помощи, с последующим применением к ним мер предусмотренных ч. 1 ст. 160 УПК РФ. Однозначно, к таким преступлениям

должны быть отнесены насильственные преступления, преступления против личности, против общественной безопасности, против семьи и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Современная система реализации положений ч. 1 ст. 160 УПК РФ распространяется на содержание охранительной функции в отношении несовершеннолетних детей подозреваемого (обвиняемого), остающихся без присмотра и помощи, нуждается в совокупной корректировке с учетом положений норм материального, процессуального и иных отраслей юридического права, а так же ведомственных нормативных актов в регулируемой сфере.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (ред. от 11.06.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федераци от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» (ред. от 14.06.2012) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93317/.

3. Справка по результатам обобщения практики применения судами области уголовно-процессуального законодательства, регулирующего вопросы применения мер уголовно-процессуального принуждения (заключение под стражу, домашний арест, залог) // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/.

4. Апелляционное постановление Тамбовского областного суда от 18 ноября 2019 г. по делу № 22К-2423/2019 // НПП «Гарант-сервис». URL: http://base.garant.ru/.

5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020.pdf.

Дорош Е. Ю.[1],
адъюнкт Омской академии МВД России

Научный руководитель: ***Е. В. Буряков,***
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России
кандидат юридических наук, профессор

СУБЪЕКТЫ УПОЛНОМОЧЕННЫЕ НА ПРИМЕНЕНИЕ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В ходе проведенного исследования нами было установлено, что государственное принуждение характеризуется тем, что применение принудительных мер возлагается на уполномоченные государственные органы и их должностные лица, в установленных законодательством процедурных формах и может быть выражено как в устном требовании о совершении тех или иных действий, которые носят принудительный характер, а также иметь письменную форму, в виде распорядительных документов, в том числе судебного характера. Принуждение, в оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), как вид государственного принуждения, характеризуется тем, что осуществляется государственными органами (их должностными лицами), которое в соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [1] (далее – ФЗ «Об ОРД») уполномочены на осуществление ОРД (п. 1 ч. 1 ст. 13) и имеющие в своем арсенале принудительно-правовые средства, носящие обязательный характер. Таким образом они должны обладать соответствующими полномочиями, под которыми понимаются служебные права, связанные с выполнением должного обязанностей [2, с. 237]. При этом необходимо отметить, что права должностных лиц органов, осуществляющих ОРД, являются и их обязанностями, которые закреплены в нормативных правовых актах. Так, согласно положений федерального закона «О полиции» [2], на сотрудников полиции возложена обязанность «осуществлять оперативно-розыскную деятельность в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, обеспечения собственной безопасности, а также в иных целях, предусмотренных федеральным законом» (п. 10 ст. 12), т.е. в их правовом статусе предоставляемые права, в том числе на применение мер государственного принуждения, служат обеспечению исполнения этой обязанности.

Согласно ФЗ «Об ОРД» должностные лица органов, осуществляющих ОРД, решают ее задачи посредством личного участия в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а также используя помощь должностных лиц и специалистов, обладающих научными, техническими и иными специальными знаниями, отдельных граждан с их согласия на гласной и негласной основе (ст. 6). Вместе с тем, в практической деятельности оперативных подразделений возникает вопрос о возможности применения мер оперативно-розыскного принуждения иными лицами (органами), в том числе

[1] © Дорош Е. Ю., 2021.

действующими по поручению должностных лиц органов осуществляющих ОРД. Так, наше исследование показало, что оперативные подразделения для обеспечения силовой поддержки, проведения ОРМ, решения задач связанных с задержанием, блокировкой участков местности, обеспечением физической защиты оперативных сотрудников, проводящих ОРМ и др., к проведению ОРМ привлекают сотрудников подразделений специального назначения МВД России («Гром»), а также Росгвардии (СОБР, ОМОН), в подготовке и проведении ОРМ могут принимать участие сотрудники других подразделений правоохранительных и иных органов. На наш взгляд, органы, относящиеся к системе правоохранительных, привлекаемые для проведения ОРМ, наделены правом на осуществление принудительных действий, исключительно по поручению должностных лиц, органов, непосредственно проводящих ОРМ. По аналогии приведем в пример уголовно-процессуальную деятельность, когда у следователя есть право давать органу дознания, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении ОРМ, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении» (п. 4, ч. 1 ст. 38 УПК России) [4].

Таким образом, для участия в проведении ОРМ должностных лиц подразделений не выполняющих задачи в сфере ОРД, данные права должны быть регламентированы в нормативных правовых актах, фактическое основание их участия должно быть документально оформлено заданием, поручением, указанием и др., а сам факт участия в ОРМ должен быть отражен в документах по его результатам. Граждане не относящиеся к должностным лицам правоохранительных органов, в том числе оказывающие содействие органам внутренних дел, на конфиденциальной основе могут привлекаться к поведению ОРМ, но правом применения властных полномочий по принуждению они не наделены, а применяемые ими меры, носящие принудительные признаки (например, захват лица, совершившего преступление), используются не для реализации властных полномочий, а в условиях необходимой обороны или крайней необходимости. Таким образом, мы отметим, что меры принуждения при проведении ОРМ могут быть применены только должностными лицами правоохранительных органов, осуществляющих ОРД, которые наделены соответствующими полномочиями, а иные лица правоохранительных органов, на основании данных им поручений (заданий).

Анализ норм ФЗ «Об ОРД» показывает, что проведение ОРМ, а следовательно, и применение мер оперативно-розыскного принуждения может проводиться на усмотрение оперативных сотрудников и осуществляться без санкционирования со стороны руководителей органов осуществляющих ОРД, а также может носить внесудебный характер. Вместе с тем, в специально оговоренных законодательством случаях, при нарушения конституционных прав и свобод человека и гражданина, меры оперативно-розыскного принуждения могут применяться исключительно с разрешения суда. Вместе с тем, как верно отмечают В. А. Гусев и В. Ф. Луговик «отсутствие законодательно регламен-

тированной процедуры проведения ОРМ в ряде случаев приводит к справедливым сомнениям относительно правомерности их проведения» [5, с. 3], а также приводит «к прямому или косвенному нарушению прав и свобод человека и гражданина» [5, с. 2]. Это же в полной мере касается и процедур применения принудительных мер при проведении ОРМ. Частично процедурные аспекты применения мер оперативно-розыскного принуждения прописаны, в частности ФЗ «О полиции», обязывает сотрудника полиции «в случае применения принудительных мер – разъяснить причину и основания их применения, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина» (п. 4 ст. 5), в ФЗ «Об ОРД» прописана процедура изъятия при проведении гласных ОРМ (ст. 15). Таким образом, нам видится необходимым прописать в законодательстве, регулирующем ОРД меры оперативно-розыскного принуждения, а также четкие процедурные формы их реализации уполномоченными должностными лицами.

Список литературы

1. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 2 августа 2019 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 12.05.2021).

2. Бахрах Д. Н. Административное право России. М., 2000. С. 237.

3. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 24 февраля 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 12.05.2021).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 12.05.2021).

5. Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М. : Проспект, 2019. 318 с.

Емельянова А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО, ОБВИНЯЕМОГО

Человек представляет собой часть социума, следовательно, участвует в различных сферах деятельности и может иметь разнообразные интересы. Каждый человек имеет свои личные интересы, то есть определенные стремления, побудительные мотивы к достижению чего-либо. В зависимости от того, в какой круг общественных отношений попадает личность, в соответствии с содержанием этих отношений она и будет действовать. В частности, в сферу уголовно−процессуальных отношений может быть вовлечен несовершеннолетний, ввиду факта совершения им преступления. Это, в свою очередь, влечет наделение его соответствующим процессуальным статусом, а именно процессуальным статусом подозреваемого или обвиняемого.

Как известно, одними из составляющих процессуального статуса лица являются права, обязанности, а также законные интересы. Категория – законный интерес представляет собой дискуссионный объект изучения в области юридических наук. В разные периоды развития юридической мысли учеными высказывались мнения, связанные как с отождествлением права и законного интереса, так и с их отделением [1, с. 32; 2, с. 293].

Отметим, что уголовно-процессуальный закон закрепляет следующую конструкцию – «права и законные интересы». Так, в качестве одного из составляющих элементов назначения уголовного судопроизводства уголовно-процессуальный закон закрепляет защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Таким образом, законодатель констатирует самостоятельное существование как прав, так и законных интересов.

В действительности, тот объем интересов, который требует своего законодательного закрепления, намного шире правовой базы, регулирующей многообразие общественных отношений. В этой связи, А. В. Чернышов отметил, что «… право по своей природе «медленно» реагирует на необходимость закрепления вновь появляющихся общественных отношений, а с ними и интересов субъектов – участников таких отношений. … Следовательно, если эти интересы, упомянутые в статьях нормативных правовых актов, соответствуют принципам и сущности действующего права, они признаются законными» [3, с. 48].

Законный интерес имеет непосредственную связь с правом, опосредуется им, выступает побудительным мотивом к действиям, сообразующимся с назначением (целями) уголовного судопроизводства, не должен противоречить нормативному правовому акту.

---

[1] © Емельянова А. А., 2021.

Отметим, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах» (статья 1) [4], человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод – обязанность государства (статья 2 Конституции Российской Федерации). Каждый человек в соответствии с его природой стремится к состоянию безопасности, комфорта, справедливости совершаемых в отношении него действий. Так и любой подозреваемый, обвиняемый стремится к такому производству по уголовному делу в отношении него, в котором его права, свободы, законные интересы не будут ограничиваться незаконным образом, а обвинение и осуждение будет законным и обоснованным. Ввиду указанного подозреваемый, обвиняемый может защищаться любыми средствами и способами, не запрещенными законом (п. 11 ч. 4 ст. 46, п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Стоит сказать о том, что отдельно процессуалистами вопрос об обладании законными интересами несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым не рассматривается. Вопрос об обладании законными интересами рассматривается применительно к подозреваемым, обвиняемым в целом без акцента на несовершеннолетних. Вместе с этим, ведутся дискуссии относительно соотношения интересов несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого и его законных представителей. В юридической литературе имеют место мнения, посвященные определению возрастных критериев, связанных с возникновением у несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого законного интереса [5, с. 84]. Однако, как нам представляется, возникновение законного интереса не следует связывать с наступлением определенного возраста, во–первых, для законного представителя характерна презумпция законности интереса представляемого лица – участника уголовного процесса [6, с. 122]; во–вторых, в каком возрасте несовершеннолетнему будут разъяснены его права, свободы, обязанности, суть производства по уголовному делу, с того момента и возникает его собственный законный интерес, который и будет представлять законный представитель и защитник (двойное представительство).

У несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого может возникнуть интерес, связанный с применением в отношении него более мягкой меры процессуального принуждения, вместе с тем, законодательно определен порядок избрания и применения той или иной меры принуждения. Наряду с этим, например, в случае неправомерного ограничения прав несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, защитник, представляющий его интересы, наделен одним из полномочий, связанных с принесением жалоб на действия (бездействия) и решения следователя или дознавателя. *Так, несовершеннолетнему обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 166 УПК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Не согласившись с принятым решением, защитник Алешкин С. О. подал апелляционную жалобу, в которой указал, что постановление суда является незаконным и необоснованным, просит его отменить и избрать в отношении Перепелятникова меру пресечения в виде домашнего ареста. Сослался, что несовершеннолетний вину*

признал полностью и раскаялся в содеянном, активно сотрудничает со следствием, в связи с чем указанная мера пресечения является неадекватной по отношению к Перепелятникову. Кроме того, доказательств в подтверждение своих доводов, следователем не представлено. Перепелятников не намерен скрываться от следствия и суда, у него двое братьев и матери трудно одной воспитывать и содержать их, он не намерен оказывать давление на свидетелей. По мнению автора жалобы, суд формально перечислил в принятом решении положения, указанные в ст.108 УПК РФ. Полагает, что нет доказательств того, что он может скрыться от суда и следствия, продолжить заниматься преступной деятельностью либо иным путем воспрепятствовать производству по делу. Обращает внимание, что Перепелятников учится в школе и с 3 по 14 августа 2020 года у него запланированы занятия в школе. Он также работал и отдавал свой заработок матери. Просят избрать меру пресечения в виде домашнего ареста в домовладении, принадлежащем его бабушке Казимировой Г. Г. Изучив материалы дела, проверив доводы апелляционной жалобы, судебная коллегия находит обжалуемое постановление законным и обоснованным. Однако, несмотря на то, что в отношении несовершеннолетнего Перепелятникова Д. С. возбуждено уголовное дело в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч.2 ст.166 УК РФ, суд не привел каких-либо конкретных сведений, подтверждающих необходимость избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении суда убедительных мотивов, из которых следовало бы, что интересы правосудия по своевременному рассмотрению уголовного дела не могут быть обеспечены иными мерами пресечения, кроме как содержанием Перепелятникова под стражей, не содержится. Не учтено судом также то, что сама по себе тяжесть преступления, в совершении которого обвиняется Перепелятников, не может служить достаточным основанием для заключения под стражу. В должной мере судом не дана оценка совокупности сведений о личности обвиняемого Перепелятникова, который является несовершеннолетним, учится в 7 классе, трудоустроен, у врача нарколога и психиатра на учете не состоит. Каких-либо конкретных обстоятельств, свидетельствующих о том, что Перепелятников предпринимал меры по оказанию воздействия на свидетелей, пытался скрыться от следствия и суда, продолжал заниматься преступной деятельностью либо иным путем препятствовал производству по уголовному делу, не установлено. Таким образом, оснований для применения в отношении несовершеннолетнего обвиняемого наиболее строгой меры пресечения в виде заключения под стражу не имеется. Судебная коллегия, принимая во внимание изложенное, учитывая тяжесть преступления, в совершении которого обвиняется Перепелятников, совокупность сведений о его личности, в целях соблюдения баланса между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения и важностью права на свободу личности, приходит к выводу об отмене постановления суда первой инстанции и избрании Перепелятникову более мягкой меры пресечения в виде запрета определенных действий с установлением в соответствии с ч.6 ст.1051 УПК РФ определенных запретов [7].

Рассмотренный пример из практики суда апелляционной инстанции иллюстрирует недостатки в правоприменительной деятельности, что влечет обжалование принимаемых должностными лицами органов предварительного расследования процессуальных решений в целях должной защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего обвиняемого, в отношении которого избиралась и применяется мера пресечения.

Таким образом, законный интерес несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого заключается в стремлении реализовать социально значимые потребности, удовлетворения которых возможно достичь путем использования способов и средств, не запрещенных законом. Социально значимыми ценностями для несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого являются – защита его от предъявленного подозрения, обвинения, а также обеспечение его прав, свобод от незаконного и необоснованного применения мер уголовно–процессуального принуждения, а именно ограничении прав и свобод несовершеннолетнего.

Список литературы

1. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М. : Издательство Братьев Башмаковых, 1912.

2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М. : Юрайт, 2016.

3. Чернышов А. В. К вопросу о формировании понятия «Законный интерес» в юридической науке // Вестник СГЮА. 2020. № 1 (132).

4. Всеобщая декларация прав человека, принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 20.05.2021).

5. Стражевич Ю. Н. Правовой статус несовершеннолетнего потерпевшего в российском уголовном процессе : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Тюмень, 2008. 30 с.

6. Н. Капинус Обеспечение прав и законных интересов личности как вид процессуальных гарантий. // Право и жизнь. 2001. № 37.

7. Апелляционное постановление судебной коллегии п уголовным делам Верховного суда Республики Калмыкия от 5 августа 2020 г. № 22К–332/2020 по делу № 3/12–Б/Н/2020 // URL: //sudact.ru/regular/doc/one8WNEE5t5R/ (дата обращения: 20.05.2021).

Ендольцева А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РОЛЬ СУДА В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

«Свободный, справедливый и независимый суд есть лучший охранитель личности, и, пока суды пользуются доверием и независимостью, каждый может считать себя в безопасности под их охраной» [1]. Мнение известного дореволюционного правоведа (П. И. Люблинского), изложенное в книге «Неприкосновенность личности» 1917 г., и по сей день отражает существенное значение судебной власти в обеспечении неприкосновенности личности, защите ее прав и свобод. Права Е. Б. Абросимова в том, что «суд, защищающий и претворяющий в жизнь политику партии (как было в советский период), ее глобальные и конкретные интересы, становится далеко не значимым в государстве» [2]. По мнению В. А. Лазаревой, «извращение роли суда в советский период надолго превратило его в орудие политической борьбы, в инструмент подавления и уничтожения классового врага» [3]. Признание принципа разделения властей, обособление суда от органов исполнительной власти, провозглашение Конституцией России [4] человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), гарантирование судебной защиты каждому (ст. 46) снова укрепило доверие граждан к судебным органам.

Несомненно, суд является органом правосудия, рассматривая и разрешая уголовное дело по существу. Однако наряду с функцией правосудия, суд осуществляет судебный контроль, причем как в судебном производстве, так и в досудебном. Полномочия суда в досудебном уголовном судопроизводстве существенно менялись с течением времени. На сегодняшний день наблюдается тенденция расширения их объема, что в свою очередь усиливает и роль суда на данном этапе уголовного судопроизводства. В советский период вневедомственный партийный контроль нивелировал роль судебного контроля в досудебном производстве по уголовному делу. Судебный контроль за решениями и действиями (бездействием) органов предварительного расследования вообще отсутствовал, вернее, как утверждает Н. А. Колоколов, осуществлялся «постфактум»[5], после окончания предварительного расследования, когда дело направлялось в суд для его рассмотрения. В настоящее время участники уголовного судопроизводства не ущемлены в праве на своевременное обжалование действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования, что, несомненно, является важным.

Среди недавно введенных полномочий суда можно назвать следующие:

− рассмотрение в порядке, установленном ст. 108 УПК РФ, ходатайства следователя, дознавателя об избрании в качестве меры пресечения запрета определенный действий (ст. 105[1] УПК РФ, введена Федеральным законом от 18 апреля 2018 г. ФЗ № 72);

---

[1] © Ендольцева А. А., 2021.

– рассмотрение ходатайства прокурора или руководителя следственного органа о разрешении отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214^1 УПК РФ, введена Федеральным законом от 12 ноября 2018 г. ФЗ № 411), что создало к тому же новую судебно-контрольную процедуру принятия судом решения на этапе досудебного уголовного судопроизводства.

На наш взгляд, расширение объема полномочий суда в досудебном производстве является положительной тенденцией, так как именно суд в правовом государстве является олицетворением независимости и справедливости. Суд не связан ведомственными интересами ни с одной из сторон уголовного процесса и выступает в роли беспристрастного защитника прав личности. Считаем, что роль суда в досудебном уголовном производстве по делу состоит в недопущении нарушения прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс (несанкционирование обыска, выемки в жилище без достаточных на это оснований, отказ в заключении под стражу подозреваемого, обвиняемого и пр.), а также в способствовании восстановлению нарушенных прав и законных интересов.

Даже по самым резонансным уголовным делам суд остается на позиции минимального ограничения прав и свобод личности. Приведем в качестве примера решение Тверского суда города Москвы, который 3 апреля 2021 г. избрал блогеру Билу, совершившему ДТП в центре Москвы, в качестве меры пресечения запрет определенных действий. Сторона потерпевшей посчитала такую меру слишком мягкой [6].

Статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации подтверждают постепенное снижение случаев избрания самой строгой меры пресечения. В таблице [7] представлены данные за 2017–2020 гг., свидетельствующие о количестве поступивших в суд ходатайств следователей и дознавателей об избрании подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе удовлетворенных судом.

Годы	Окончено производством	Удовлетворено
2017	126 299	113 269
2018	114 300	102 205
2019	106 046	94 633
2020	96 663	84 917

Вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет увидеть прямую зависимость расширения объема полномочий судебного контроля и увеличения степени защищенности прав и свобод человека, что позволяет говорить о повышении роли суда в досудебном уголовном судопроизводстве и его направленности на достижение главной цели – судебной защиты прав и свобод каждого человека.

Список литературы

1. Люблинский П. И. Неприкосновенность личности. Петроград : Изд-во Муравей, 1917. С. 23.

2. Абросимова Е. Б. Судебная власть в Российской Федерации: система и принципы. М. : Институт права и публичной политики, 2002. С. 12.

3. Лазарева В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара : Самарский Университет, 1999. С. 31.

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 № 1–ФКЗ.

5. Колоколов Н. А. Судебный контроль в уголовном процессе : учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. 2009. С. 23.

6. Суд запретил определенные действия блогеру Билу по делу о ДТП в центре Москвы // Государственное информационное агентство. URL: https://tass.-ru/proisshestviya/11063857(дата обращения: 15.05.21).

7. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru/ index.php?id=79&item=5258 (дата обращения: 15.05.21).

Казимирова Е. Д.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ПРЕКРАЩЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО

Важнейшей задачей уголовного судопроизводства является соблюдение прав и свобод лиц, принимающих участие в расследовании уголовного дела, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В связи с чем, законодателем детально излагается в УПК РФ процессуальный статус участников уголовного судопроизводства [1].

Однако, далеко не все вопросы, возникающие в правоприменительной деятельности, находят четкое нормативное закрепление.

Так, одним из актуальных вопросов, который однозначно не решен в теории и практике является вопрос процессуального статуса подозреваемого, в частности временной промежуток нахождения лица в данном статусе, в том числе момент его прекращения в уголовном судопроизводстве.

Процессуальный статус подозреваемого закреплен в ст. 46 и др. УПК РФ. К одному из оснований наделения лица статусом подозреваемого относится применение меры пресечения до предъявления обвинения в соответствии со ст. 100 УПК РФ. При этом обвинение должно быть предъявлено подозреваемому не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, то мера пресечения немедленно отменяется, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 100 УПК РФ [1]. Таким образом, момент возникновения процессуального статуса четко регламентирован ст. 46 УПК РФ, а вот про момент прекращения в законе не говорится.

В данном вопросе имеет концептуальное значение момент окончания процессуального статуса подозреваемого. Так, рассматривая непосредственно вышеуказанную меру пресечения следует отметить, что в науке большинство ученых высказывают единую позицию [5; 6], согласно которой в случае не предъявления обвинения в течение 10 суток после применения меры пресечения лицо теряет процессуальный статус подозреваемого. Однако на практике ситуация складывается иначе.

Лицо приобретает процессуальный статус подозреваемого в случае применения к нему меры пресечения, но не теряет его, когда данная мера перестает действовать (к примеру, когда была применена мера пресечения в виде подписки о невыезде, но обвинение в течение 10 дней не предъявлено). В таком случае лицо продолжает обладать процессуальным статусом подозреваемого, даже если в отношении него нет действующей меры пресечения. Такой вывод следует из судебной практики, к примеру постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2017 г. № 30-П [2], решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 10 мая 2018 г. по делу № 2-1927/2018 [3].

---

[1] © Казимирова Е. Д., 2021.

Однако, не влечет ли нарушение прав и законных интересов лица, в отношении которого сложилась такая неопределенность с процессуальным статусом? Фактически к нему мера пресечения не применяется, но лицо все равно является подозреваемым. Наличие такого статуса так или иначе влечет для лица определенные ограничения (к примеру, при устройстве на работу, репутационные потери и др.).

Как справедливо было отмечено, «для подозреваемого никак не меньшее значение, чем приобретение соответствующего правового положения, имеет констатация окончания осуществления уголовного преследования и, следовательно, утрата статуса подозреваемого» [4, с. 59].

Следует обратить внимание и на возможность реализации права лица, с которого сняты подозрения в совершении преступления, на возмещение имущественного и морального вреда в соответствии с главой 18 УПК РФ (реабилитация).

В пример можно привести реальную ситуацию, сложившуюся на практике. Так, в отношении лица была применена мера пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, проведен допрос в качестве подозреваемого, однако в течение 10 дней обвинение не было предъявлено. Спустя некоторое время повторно применяется вышеуказанная мера пресечения, с последующем предъявлением обвинения в установленном порядке. Несколько месяцев лицо носило процессуальный статус обвиняемого. Однако вышестоящим руководителем следственного органа было отменено постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, с указанием на необоснованность и преждевременность вынесенного решения. После отмены вышеуказанного постановления, лицо, в отношении которого было принято это решение, подает исковое заявление в суд о возмещении имущественного и морального вреда за незаконное уголовное преследование. Суд в удовлетворении исковых требований отказал, ссылаясь на отсутствие права на реабилитацию, а также на то, что лицо носит процессуальный статус подозреваемого, несмотря на доводы истца об обратном.

Исходя из правоприменительной практики, отмена меры пресечения без предъявления обвинения не влечет за собой изменение процессуального статуса подозреваемого. Процессуальный статус подозреваемого прекращается только вынесением надлежаще оформленного решения – либо постановления о прекращении уголовного преследования (в этом случае лицо приобретает право на реабилитацию согласно ст. 133 УПК РФ) или постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (в соответствии с которым лицо становится обвиняемым).

Таким образом, в настоящее время в силу отсутствия четкой регламентации в УПК России вопрос о прекращении процессуального статуса подозреваемого относится к числу дискуссионных в теории и правоприменительной практике. В связи с этим, в целях соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, приведения уголовно-процессуальных норм к единообразному толкованию, следует уточнить момент прекращения статуса подозреваемого при применении меры пресечения в виде подписке о невыезде и надлежащем поведении. Данный вопрос требует более тщательной проработки учеными и практиками.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.05.2021).

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2018. № 1.

3. Решение Центрального районного суда г. Барнаула Алтайского края от 10.05.2018 по делу № 2-1927/2018 // URL: http://centralny.alt.sudrf.ru/ (дата обращения: 10.05.2021).

4. Химичева О. В., Шаров Д. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5. С. 56–61.

5. Николаева Т. А. Проблема определения срока пребывания лица в процессуальном статусе «подозреваемый». От теории к практике // Вестник Удмуртского университета. 2015. Т. 25. Вып. 4. С. 131–136.

6. Рыжаков А.П. Подозреваемый: понятие и правовой статус. Комментарий к статье 46 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ (дата обращения: 11.05.2021).

Калачева М. С.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ТАКТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕНЕВОГО ИНТЕРНЕТА ДЛЯ БЕСКОНТАКТНОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ

На сегодняшний день в Российской Федерации наиболее важное место в системе экономической безопасности занимает борьба с преступностью, которая входит в число основных внутренних угроз национальной экономике государства. Преступность провоцирует рост теневого сектора, увеличение уровня криминализации и подрыв экономического развития страны [1, с. 99–100].

Согласно данным ГИАЦ МВД России за период с 2014 по 2020 г., количество выявленных преступлений органами внутренних дел, квалифицируемых по признакам ст. 186 УК РФ, составило 18 % от общей массы преступлений экономической направленности. На протяжении всего периода, число преступлений, совершаемых в составе группы, организованной группы или преступного сообщества, оставалось на высоком уровне [2, с. 6–10]. Наибольшее их количество было выявлено в: Центральном, Приволжском и Южном округах, соответственно и в их городах: Москве и Воронеже, Нижнем Новгороде и Казани, Ростове и Краснодаре [3, с. 29–31].

При достаточно большом количестве выявленных преступлений лишь незначительная часть направляется в суд для рассмотрения дел по существу. За рассматриваемый период их численность в десятки раз превышает количество преступлений, уголовные дела которых направлены в суд [4, с. 34–36]. Такое обстоятельство связано с тем, что по большей части поддельные денежные средства обнаруживаются не сотрудниками правоохранительных органов, а работниками банковской сферы и кассовых операций. По данным фактам возбуждаются уголовные дела, но провести весь комплекс оперативно-розыскных действий по их проверке не представляется возможным ввиду того, что в основном поддельные купюры поступают в организации от непричастных к преступной деятельности граждан, которые часто не располагают информацией о способе и месте получения ими фальшивок. Таким образом, малое количество имеющейся оперативно-значимой информации и ограниченный перечень проводимых действий не достаточны для полноценного расследования и раскрытия преступлений, а также направления для рассмотрения и разрешения их дел в суде.

Анализ статистики доказывает, что современная обстановка преступлений в сфере изготовления, хранения, перевозки или сбыта поддельных денежных средств или ценных бумаг остается крайне нестабильной и обусловлена влиянием ряда факторов.

Криминализация финансово-кредитной системы. Доля наличных денег в общей денежной массе в России за последние шесть лет составляет около 21 %, что

[1] © Калачева М. С., 2021.

свидетельствует о высоком уровне наличных средств и, как следствие, провоцирует рост экономических преступлений, а в частности фальшивомонетничество [5]. В настоящее время помимо сотрудников правоохранительных органов и работников коммерческих организаций в банковской системе выявляется более 50% поддельных денежных знаков, что подтверждает заметный объем общей массы фальшивок. Основными объектами посягательств являются купюры номиналом 5000 руб. и 1000 руб., а среди денежных знаков иностранных государств чаще всего встречаются доллары США, евро и китайские юани [6].

Совершенствование способов изготовления фальшивых денежных знаков. До широкого распространения нынешней копировально-множительной техники при подделывании денежных средств преобладали приемы рисования, фотографические и полиграфические способы изготовления. В настоящее время для изготовления поддельных банкнот применяются так называемые бесконтактные способы печати. Простота получения полноцветного изображения и доступность аппаратных средств позволяет большому кругу лиц производить высококачественные фальшивки [7, с. 10–31]. Наиболее распространенными способами являются струйная печать и лазерная электрофотография. Традиционные полиграфические способы печати, в определенных условиях конкурирующие с репрографическими используются все реже и при подделке конкретных изображений реквизитов денежных билетов [8, с. 47–49].

Модернизация характеристик и организации действий лиц, вовлекаемых в фальшивомонетничество. Если ранее фальшивомонетчики являлись высококвалифицированной категорией профессиональных преступников, постоянно изучающих конъюнктуру рынка, психологию людей, разбирающихся в экономике и технике, то в настоящее время определить круг лиц, занимающихся изготовлением и сбытом подделок затруднительно, потому как состояние научных достижений, доступность «интернет» ресурсов и высокотехнологичного оборудования для широких слоев населения формирует новые виды криминальных сообществ, уникальную субкультуру, которая полностью видоизменила преступную деятельность. В них нередко отсутствует лидер, участники группы лично не знакомы и находятся в разных местах, координация действий осуществляется с использованием сетевых технологий или скрытой мобильной связи, причем вовлеченные лица могут одновременно участвовать в деятельности нескольких сообществ и создавать временные союзы для решения конкретных преступных задач [9, с. 358–361].

Изменение способа распространения фальшивых денежных знаков. По мнению Е. П. Фирсова, сбыт подделок нередко осуществляется самими изготовителями, а также их знакомыми, членами организованной группы преступников и других группировок преступной направленности, при этом способ передачи подделок предполагает контакты этих лиц с посторонними лицами, привлекаемыми для сбыта (посредники). При этом он утверждает, что группу посредников чаще всего составляют оптовики, перекупщики, несовершеннолетние из неблагополучных семей и обладающие пагубными привычками, а также лица без определенного места жительства и зависимые. [10, с. 57–62].

Специфика использования городской инфраструктуры для скрытого распространения поддельных денежных средств или ценных бумаг привели к трансформации их сбыта. Традиционная схема распространения денежных средств или ценных бумаг «от продавца – к покупателю» полностью видоизменилась и стала основываться на бесконтактной продаже в сети Интернет на специализированных сайтах, и бесконтактной передачи в виде «закладок». Теперь изготовители и члены организованной преступной группы не принимают участия в распространении, не посещают места передачи, а действуют только через посредников (курьеров), которых находят по интернет-объявлениям. Такой алгоритм сбыта фальшивых купюр позволяет совершенствовать способы сокрытия следов преступления, делая его полностью латентным, так как курьеры не встречаются ни с изготовителями, ни с конечными потребителями.

Условия для функционирования специализированных площадок и особую среду для сбыта фальшивых купюр в сетевом пространстве предоставляет теневой интернет (даркнет). Это собирательное название скрытых компьютерных сетей, архитектура которых препятствует слежке за пользователями и контролю над передачей информации.

Скрытые сети даркнета существуют параллельно друг другу и строятся различными способами. Например, крупнейшая из них – TOR (The Onion Router) – построена по принципу луковой маршрутизации, когда сообщение оборачивают в несколько слоев шифрования, затем его передают через множество сетевых узлов «маршрутизаторов», каждый из которых снимает защитный слой, чтобы узнать следующий узел в цепочке. В результате ни один посредник не видит ни содержимое, ни весь маршрут сообщения и полная расшифровка происходит только на стороне получателя [11, с. 60–71].

В качестве платежного средства на торговых площадках «dark net» изготовители и сбытчики поддельных денежных средств используют криптовалюту (биткоин) – это альтернативная государственным платежная система, обладающая некоторыми уникальными свойствами денег, такими как: ограниченное количество, сложность подделки или воспроизведения, однородность и делимость, хорошая сохранность, компактность и значимость. Виртуальная валюта позволяет производить оплату поддельных купюр без посредников по аналогии с передачей наличных денег напрямую от покупателя к продавцу, при этом сохраняется анонимность личности пользователей и транзакций [12, с. 47–59].

Фальшивые купюры распространяются в виде «закладок», которые представляют собой герметично запечатанные пакеты с запрещенной продукцией по следующей схеме: продавец оставляет крупную партию в промежуточной точке, откуда в дальнейшем ее забирает курьер. После этого посредник разделяет партию на заказы и осуществляет скрытую раскладку по местам, сообщая координаты потребителям, которые минуя личную встречу с продавцом и курьером забирают заказы.

Продажа фальшивых денег на специализированных площадках имеет свою направленность. Пользователю предоставляется выбор приобретения купюр различного номинала, старых и новых образцов, партий по количеству, которые бывают малыми от 3 штук, средними от 10 штук и крупными от 25 штук и

территориальности, где осуществляется распространение. Продукцию можно приобрести с доставкой по России, путем отправления исключительно первым классом, скрытым методом (стелсом), пряча их в игрушки, книги и иные предметы. Тут же указываются рекомендации по сбыту, где производится наличный расчет: в мелких точках, рынках и ярмарках, такси, оплатой курьерам и по объявлениям о продажах.

Завершая рассмотрение обозначенной темы, считаю важным отметить следующее. Во-первых, в настоящей статье было уделено внимание современному состоянию преступности в сфере фальшивомонетничества и факторам, влияющим на него, а также тактике использования теневого интернета для бесконтактного распространения поддельных денежных средств или ценных бумаг.

Во-вторых, число преступлений, совершаемых с его использованием, значительно и наносит немалый ущерб. Поэтому концентрируемая информация на специализированных площадках «сайтах» теневого интернета, важна для раскрытия преступлений. Перспективным направлением для ее получения может служить интернет-мониторинг, который заключается в наблюдении за состоянием и процессами в сетевой криминальной среде со сбором, обработкой и анализом полученных сведений.

В-третьих, осуществление мониторинга необходимо на регулярной основе и может базироваться на применении в сетевом пространстве различных оперативно-розыскных и технических мероприятий для выработки усовершенствованного комплекса мер по противодействию.

В обзоре пресс-центра МВД России по итогам 2020 года опубликованы данные, свидетельствующие о том, что благодаря целевому мониторингу с применением более сложных алгоритмов поиска, оперативным сотрудникам удалось выявить мошенников, запустивших в оборот 1 млрд. фальшивых рублей. В преступную организацию входили несколько десятков человек, ни один из которых лично не знал друг друга. Фальшивомонетчики активно использовали в своей деятельности «dark net» и бесконтактный способ сбыта через специально оборудованные тайники. Аналогичных дел, выявленных в практике с помощью указанного способа, еще не было, поэтому с точки зрения получения оперативно значимой информации в последнее время этот способ довольно продуктивный и позволяет получать новые ценные знания, непостижимые иными способами.

Список литературы

1. Сухаренко А. А. Изучение новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федераци // 2017. № 41 «ЭЖ-Юрист». С. 99–102.

2. Состояние преступности в России за 2014–2020 гг. // Главный информационно-аналитический центр МВД РФ. С. 6–16.

3. Состояние преступности в центральном Федеральном округе за 2014–2020 гг. // Главный информационно-аналитический центр МВД РФ. С. 28–32.

4. Состояние преступности в России за 2014–2020 гг. // Генеральная прокуратура Российской Федерации. С. 32–38.

5. Денежная масса (национальное определение) // URL: https://www.cbr.ru/statistics/ms/.

6. Фальшивые купюры: статистика выявления поддельных денежных знаков за 2014–2020 гг. // URL: https://bankirsha.com/falshivyu-kupyury.html.

7. Основы проведения экспертизы денежных знаков: Ч. 1. Банкноты : методическое пособие / под. ред. В. В. Финогенова, А. В. Юрова. М. : Европеум-пресс, 1999. С. 10–52.

8. Лютов В. В. Исследование подлинности банкнот. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Кей Инфо Системс, 2008. С. 51–60.

9. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. 4-е изд., переработ. и доп. М. : ИНФА-М, 2020. С. 357–370.

10. Фирсов Е. П. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов : монография / под ред. В. И. Комиссарова. М. : Юрлитинформ, 2004. С. 56–64.

11. Райтман М. А. Искусство легального, анонимного и безопасного доступа к ресурсам интернета. Петербург, 2016. С. 58–72.

12. Поппер Н. Цифровое золото: невероятная история Биткойна, или как идеалисты и бизнесмены обретают деньги заново; пер. с англ. А. Ю. Бараша. М. : Диалектика, 2018. С. 47–75.

Кияева Е. Ю.[1]*,*
курсант 682 учебного взвода
института судебной экспертизы
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. А. Прохорова****,*
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА, ПОЛУЧЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Стремительное развитие науки и техники актуализировало вопрос, касающийся применения технологий искусственного интеллекта в сфере уголовного судопроизводства. Учеными-процессуалистами обсуждаются целесообразность внедрения современных технологий и перспективные направления их использования, в том числе, ставится вопрос о том, как могут повлиять такие изменения на сложившуюся систему оценки доказательств [1, с. 65–68].

Особый интерес представляет вопрос о том, как будет оцениваться заключение эксперта, полученное с применением технологий искусственного интеллекта, какое место оно будет занимать среди всех собранных по делу доказательств?

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, заключение эксперта является самостоятельным источником доказательств, в связи с чем подлежит оценке по общим правилам, опирающимся на принцип свободы оценки доказательств, регламентированный ст. 17 УПК РФ. Лицо, осуществляющее предварительное расследование, прокурор, суд оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью, вне зависимости от мнений и желаний других лиц.

Особое значение и характер заключения эксперта не могут служить основанием для исключительного к нему отношения, поскольку никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

При оценке любого заключения эксперта следует исходить из его соответствия общепринятым критериям: достаточность, относимость, допустимость и достоверность (ч. 1 ст. 88 УПК РФ).

Достаточность заключения эксперта оценивается в совокупности со всеми собранными доказательствами по делу, а относимость определяется, как способность установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Внедрение технологий искусственного интеллекта в экспертную деятельность не окажет существенного влияния на правила оценки данных свойств, поэтому они не будут предметом глубокого исследования в представленной статье.

---

[1] © Кияева Е. Ю., 2021.

Допустимость заключения эксперта оценивается с точки зрения соблюдения процессуального порядка назначения и производства судебной экспертизы. Анализ соблюдения процессуального порядка включает проверку: законности назначения экспертизы (соблюдение установленных требований при вынесении постановления либо определения о назначении судебной экспертизы), соблюдения процессуального порядка подбора материалов для исследования, соблюдения при назначении и производстве экспертизы прав участников процесса. Также необходимо акцентировать внимание на процессуальном порядке разъяснения эксперту его прав и обязанностей, наличии необходимых по закону реквизитов заключения как процессуального акта [2, с. 728].

Заключение эксперта имеет юридическую силу только в том случае, если его форма соответствует требованиям, закрепленным в нормативных правовых актах – ст. 204 УПК РФ, пунктах 28–34 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 и др. В противном случае имеются основания для признания его недопустимым доказательством.

Особое внимание со стороны субъекта оценки доказательств уделяется критерию достоверности, что предполагает необходимость анализа содержания заключения эксперта: имеет ли экспертиза необходимую научную основу, обосновано ли заключение эксперта, соответствуют ли выводы проделанному исследованию (логическая связность исследования и вывода), достаточно ли экспертом исследовано материала для формирования вывода, правильно ли выявлены и оценены общие и частные признаки исследуемого объекта.

Анализ всей информации в заключении, а также проверка соблюдения методики производства экспертизы проводятся в целях выявления ошибок, неточностей или противоречий. На этапе оценки достоверности орган, назначивший экспертизу, будет разбираться в исследовательской части заключения. Следует отметить, что оценка заключения эксперта – логическая операция, требующая специальных знаний, таким образом, следователь, дознаватель, судья, не обладающие ими, не всегда могут верно оценить заключение, поэтому для проверки информации в заключении, разъяснения специальной терминологии в тексте привлекают специалиста.

С учетом рассмотренных аспектов оценки заключения эксперта, обоснованно возникает вопрос о возможности применения «классического» порядка оценки доказательств к заключению, полученному с помощью искусственного интеллекта.

На сегодняшний день мы не знаем, как будет выглядеть такое заключение, мы можем лишь прогнозировать, какими будут ход исследования и качество представленных искусственным интеллектом результатов. Полагаем, что на начальных этапах внедрения технологий искусственного интеллекта программам доверят лишь вспомогательную функцию. То есть, например, рассматривая процесс производства экспертиз идентификационного характера, этап самого сравнения будет возложен на программу. Представляется, что такие изменения незначительно изменят саму структуру заключения, поскольку аналитикой и

формированием вывода будет заниматься эксперт-человек. Соответственно ответственность за итоговый вывод исследования будет нести эксперт. В данном случае правила оценки доказательства, по нашему мнению, не изменятся, так как сам процесс исследования будет контролировать эксперт, а применение таких технологий будет охвачено методикой проведения того или иного вида экспертиз. Структура заключения останется прежней, применение технологий искусственного интеллекта будет отражено в конце экспертизы в разделе, который включает в себя перечисление того, что использовалось при проведении исследования.

Ярким примером программы, которая в будущем сможет стать прототипом искусственного интеллекта является программа АДИС ПАПИЛОН, используемая в производстве дактилоскопической экспертизы. Программа за короткий промежуток времени находит в базе наиболее сопоставимые отпечатки папиллярных узоров пальцев и ладоней рук, тем самым оптимизируя работу эксперта. Подобные программы, используемые экспертами, могут быть основой для внедрения в них сложных алгоритмов, которые приведут к автономности, самообучаемости и способности давать выводы с точностью 99,9 %.

Однако, мы можем предположить, что искусственный интеллект в скором времени будет способен проводить экспертизы в полном объеме и давать заключение. Вопрос об оценке допустимости заключения искусственного эксперта напрямую связан с нормативной регламентацией использования таких технологий в Уголовно-процессуальном законодательстве. Такое заключение будет отвечать критерию допустимости только в том случае, если законодатель закрепит возможность получения такого заключения и обозначит определенные требования к нему.

Кроме того, необходимо правовое регулирование порядка назначения экспертизы, производство которой предполагается с применением технологий искусственного интеллекта, так как, например, стандартная процедура предупреждения эксперта об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ будет отсутствовать.

При поручении программе производство экспертизы, существенные изменения будут наблюдаться в самом оформлении заключения. По нашему мнению, исследовательская часть будет сокращена или полностью отсутствовать, это будет являться главным отличием заключения эксперта-человека от заключения, полученного искусственным интеллектом. Программа будет давать краткий ответ на поставленный вопрос. Отсутствие исследовательской части может являться препятствием к объективной оценке проведенной экспертизы следователем, судом. В данной ситуации исследовательскую часть вполне смогут заменить иллюстрационные таблицы (приложение к заключению эксперта). Именно таблицы будут подлежать проверке и оценке. Такой вариант актуален при получении заключения по дактилоскопической, почерковедческой, портретной, баллистической, трасологической и технической экспертизе документов. Так, в традиционном варианте, в этих видах экспертиз иллюстрационная таблица очень информативна, она визуально отражает ход и результаты исследования.

Внедрение искусственного интеллекта в производство судебной экспертизы поставит вопрос о том, кто будет нести ответственность за выводы заключении: эксперт, программа или разработчики данной программы? Нам видится, что, предоставляя программу в экспертно-криминалистические подразделения МВД России, компания, занимавшаяся ее разработкой, должна установить гарантийный срок, в течение которого система будет осуществлять работу исправно и безошибочно. В случае допущения программой ошибки ответственность должна нести компания, ее разработавшая. Конечно, данная ответственность не будет являться уголовной, так как не в интересах компании умышленно создавать неверный алгоритм.

Оценивая заключение «искусственного эксперта», либо часть исследования в заключении, которая была выполнена машиной (речь идет о вспомогательной функции), поводов для скептического отношения к искусственному разуму у нас нет, так как алгоритм исследования закладывают в программу люди, обладающие специальными знаниями в той или иной области науки, техники, искусства или ремесла. Возникновение ошибок возможно только при сбое системы или при внедрении вредоносного программного обеспечения. В случае значительного расхождения заключения с другими доказательствами целесообразным будет назначение повторной или дополнительной экспертизы, но производство таких экспертиз будет возложено на эксперта-человека. Также, мы полагаем, что программа должна подвергаться систематическим проверкам на предмет выявления отклонений.

Конечно, хочется признать заключение, полученное с помощью технологий искусственного интеллекта, бесспорным, но такое решение будет противоречить сложившейся системе оценки доказательств, чего допустить нельзя. Мы понимаем, что в скором времени перемены неизбежны, необходимо будет регламентировать современные требования к новому виду доказательств, закрепить способ его получения, разрешить вопрос ответственности за выводы, представленные искусственным интеллектом. В конечно итоге, такое доказательство, несмотря на всю беспристрастность, полноту заложенной информации должно оцениваться в совокупности со всеми собранными доказательствами по внутреннему убеждению следователя, дознавателя, суда.

Список литературы

1. Мичурина О. В. Искусственный интеллект против внутреннего убеждения: взгляд в будущее уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2020. № 3. С. 65–68.

2. Жогин Н. В. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд., исп. и доп. М. : Юридическая литература, 1973. 736 с.

Коглина В. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОБ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЗНАНИЙ В ТРАСОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

Криминалистическая трасология как самостоятельный раздел системы криминалистики сформировалась в 30–40 гг. XX в. Значительный вклад в разработку теоретических основ трасологии и трасологической экспертизы внесли С. М. Потапов, Б. И. Шевченко, Г. Л. Грановский, Е. И. Зуев, Ю. Г. Корухов, Н. П. Майлис.

Б.И. Шевченко в 1947 г. справедливо отметил: «Практическая направленность трасологии является ее сильной стороной, но на определенном этапе привела к тому, что ее теоретические основы оказались развиты недостаточно. Были разработаны эффективные средства изъятия следов, но оставались малоизвестными закономерности их формирования; отсутствовала обоснованная система классификации признаков, мало известно о закономерностях искажения признаков, о количественных объективных способах их оценки…» [6]. Иными словами, трасология первоначально до 50–60 гг. XX в. существовала в качестве раздела криминалистической техники, и решала задачи правоохранительных органов по исследованию различных материальных следов. Однако, с нарастанием практики производства трасологических экспертиз возросла необходимость в формировании теоретической базы, решении дискуссионных вопросов о круге объектов, предмете, задачах, решаемых в рамках трасологии, классификации следов. И по мере совершенствования теоретической составляющей в трасологии формировались самостоятельные учения, такие как микротрасология; дактилоскопия, которая по причине активного накопления знаний, информатизации процессов производства дактилоскопических экспертиз преобразовалась из раздела трасологии в самостоятельную науку [1, с. 47].

Однако, в настоящий момент процессы дифференциации в трасологии продолжаются, что необходимо для развития отдельных разделов и учений, расширении их возможностей в рамках решения задач уголовного судопроизводства. Криминалистами были высказаны предложения о выделении в системе науки трасологии самостоятельного учения – трасологическая механоскопия, которое позволило бы более фундаментально рассмотреть теоретические и методические основы механоскопических исследований.

По мнению Н. П. Майлис, на современном этапе развития трасологии «этот процесс дифференциации необходим, этого требует практика» [2, с. 13]. При этом в трасологической механоскопии должны изучаться «не только свойства орудий, инструментов и механизмов, но и главное – своеобразный, присущий только им процесс следового контакта (взаимодействия)» [2, с. 8]. Яковлева Л. А. отмечала, что трасологическая механоскопия представляет собой самостоятельный раздел трасологии, в котором разрабатываются методы и средства обнаружения, фиксации, изъятия и экспертного исследования следов, образуемых

[1] © Коглина В. А., 2021.

и воспринимаемых сложными техническими устройствами, функционирование которых преимущественно не определяется действиями человека [7].

По нашему мнению, данные процессы дифференциации в трасологии позволят усовершенствовать и углубить теоретическую и эмпирическую базу как науки, в целом, так и ее отдельных разделов и привести их в соответствие с современными достижениями научно-технического прогресса.

По мнению А. Г. Сухарева, система науки трасологии должна состоять из следующих структурных элементов: трасологическая морфология, трасологическая механоскопия, микротрасология, поскольку для каждого из данных учений характерны свои специфические предмет, объект и решаемые задачи [4, с. 8]. При этом микротрасология в качестве самостоятельного учения начала формироваться в конце 70-х гг. прошлого столетия, в ее развитие большой вклад внес Г. Л. Грановский, сформулировав ее предмет, объект, задачи, классификацию микрообъектов [4, с. 8]. Но несмотря на работы ученых-криминалистов Бобева К. К., Пономарева В. В., которые освещали отдельные аспекты исследования микрообъектов, Н. П. Майлис отметила, что на настоящий момент не уделено должного внимания комплексному исследованию микроследов и микрочастиц, а также не выработан единый методологический подход к исследованию данной группы объектов, что непосредственно отображается на качестве работы с ними при производстве следственных действий, а также при проведении криминалистических экспертиз [3, с. 60].

Таким образом, становление и совершенствование теоретических основ науки трасологии и ее отдельных разделов является неотъемлемым элементом развития системы криминалистики в целом. А процессы интеграции и дифференциации являются своеобразным инструментарием для развития системы трасологии, позволяющим интегрировать достижения науки и техники, адаптировать их для разработки новых методов и средств работы со следами, и эффективно использовать получаемую информацию в целях раскрытия и расследований преступлений.

Список литературы

1. Кудинова Н. С. Роль современных направлений диагностической дактилоскопии в раскрытии и расследовании преступлений // Информационная безопасность регионов. 2016. № 1 (22). С. 46–52.

2. Майлис Н. П. Криминалистическая трасология как теория и система методов решения задач в различных видах экспертиз : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. М., 1992. 37 с.

3. Майлис Н. П. Микротрасология: проблемы развития и совершенствования как научного направления // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. № 3. С. 56–60.

4. Сухарев А. Г. Предмет и объекты трасологической механоскопии // Судебная экспертиза. Научно-практический журнал. Саратов : СЮИ МВД России, 2007. № 4 (16). С. 7–18.

5. Трасологические методы исследования микроследов и микрочастиц: метод. пособие для экспертов / под ред. Г. Л. Грановского. М. : ВНИИСЭ, 1987.

6. Шевченко Б. И. Научные основы современной трасологии / под ред. Е. У. Зицер. М., 1947. 54 с.

7. Яковлева Л. А. Отдельные аспекты трасологической механоскопии // Российский следователь. 2017. № 21.

Комаров М. В.[1]*,*
курсант 183 взвода
факультета подготовки сотрудников для оперативных подразделений полиции
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***П. О. Панфилов****,*
преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

В настоящее время возможности сети «Интернет», электронных цифровых платформ и сервисов достаточно обширны, современные цифровые технологии показали свое преимущество как в служебной деятельности, так и в обычной жизни, особенно в период пандемии COVID-2019.

В связи с этим возникает актуальный вопрос о внедрении данных возможностей в уголовное судопроизводство. Необходимость разработки специальных законодательных положений подтверждается количеством преступлений, совершающихся в сети «Интернет». Каждое из таких преступлений оставляет электронные цифровые следы, требующие особого правового режима их сбора, оценки и проверки.

В 2020 году зарегистрировано 510,4 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или на 73,4 % больше, чем за 2019 г. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес увеличился с 14,5 % в 2019 г. до 25 % в 2020 г.

Практически все преступления в сфере информационных технологий (98,6 %) выявляются органами внутренних дел. Больше половины таких преступлений (52,4 %) относится к категориям тяжких и особо тяжких: 267,6 тыс. (+87,5 %); больше половины (58,8 %) совершается с использованием сети «Интернет»: 300,3 тыс. (+91,3 % в сравнении с 2019 г., то есть почти в два раза), почти половина (42,9 %) – средств мобильной связи: 218,7 тыс. (+88,3 % в сравнении с 2019 г.). При этом каждое четвертое совершается путем кражи или мошенничества, а каждое одиннадцатое для незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 47,1 тыс. (+90,7 % в сравнении с 2019 г.) [6].

Стоит отметить актуальность данного вопроса в период пандемии новой коронавирусной инфекции, когда некоторые уголовные дела приходилось приостанавливать из-за болезни участников процесса, а также невозможности произвести следственные действия в условиях угрозы жизни и здоровью людей. Так, в Калужской области прокуратура предложила приостановить расследования по ряду уголовных дел [7].

---

[1] © Комаров М. В., 2021.

3 марта 2021 г. на коллегии МВД Президент России особо подчеркнул необходимость включения в уголовный процесс новых форм собирания доказательств, в том числе в тех случаях, когда участники следственных действий объективно не могут явиться к месту их проведения [8].

Вызвано данное предложение пандемией, которая затруднила возможность для проведения следственных действий, оперативного раскрытия преступлений, при том, что цифровые технологии затрагивают все сферы общественной жизни.

Однако некоторые исследователи считают, что вводить новый вид доказательства – электронное доказательство не следует, необходимо лишь уточнить понятие «доказательство», указав, что сведения могут быть в виде электронной информации, которая, в свою очередь, «вполне способна восприниматься в одном из традиционных доказательств – вещественное доказательство или документ» [1].

По мнению Л. А. Головко, несмотря на цифровизацию оснований для перестроения уголовного процесса нет, в силу своей универсальности, уголовный процесс уже содержит все необходимые инструменты для правильного закрепления электронных доказательств, допустимы лишь точечные изменения процессуальной формы [2, с. 21].

Представляется, что стоит согласиться с Л. В. Головко в том, что отдельная корректировка уголовно-процессуального закона все же требуется. Так, предлагается введение формы допроса посредством видеосвязи.

Согласно УПК РФ допрос проводится не только в отношении подозреваемого и обвиняемого, но и потерпевшего, свидетеля и т. д. В определенных случаях допрашиваемые лица не имеют возможности прибыть к лицу, осуществляемому предварительное расследование лично, например, лицо находиться в больнице. Отдельной проблемой является посещение следователем следственного изолятора, где существует проблема больших очередей [3], тормозящих процесс расследования. Все указанные факторы сильно влияют на сроки предварительного расследования, а общая нагрузка на сотрудников, осуществляемых предварительное расследование, увеличивается.

Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей Б. Ю. Титов в ежегодном докладе предложил внести в УПК РФ положения о дистанционном допросе посредством видео- конференцсвязи путем дополнении ч. 1 ст. 187 УПК РФ положением о возможности проведения допроса лица (в том числе находящегося за пределами РФ) с использованием одобренных правоохранительными органами систем видео-конференцсвязи. При этом предлагается предусмотреть обязанность следователя удовлетворять соответствующие ходатайства свидетеля, подозреваемого, обвиняемого, защитника либо законного представителя. Также в качестве необходимого условия проведения дистанционного допроса должно быть заблаговременное предоставление в адрес следствия данных о личности допрашиваемого лица и его местонахождении за рубежом с удостоверением личности допрашиваемого консульством Российской Федерации в соответствующей стране его нахождения [4].

Подобные инициативы высказывались и в Совете Федерации и в Государственной Думы, однако до настоящего момента одобрения в виде принятого проекта закона не получили [9].

Очевидно, что предварительно требуется создание специальной информационной среды на примере Единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД) МВД России, позволяющее участие в допросе лиц, имеющих определенный процессуальный статус с возможностью полной регистрации для уточнения паспортных и иных данных, требующихся для заполнения протокола допроса, идентификации допрашиваемого и иного лица, а также последующую возможность связи с таким лицом. Стоит обратить внимание при создании такой среды на защищенность данных, безопасности лиц, участвующих в допросе и предотвращения возможности взлома такой среды для предупреждения новых преступлений (кража и разглашение персональных данных, разглашение предварительного расследование и другие). Однако по состоянию на начало 2020 г. только 334 480 сотрудников ОВД подключены и имеют доступ к ИСОД МВД России, то есть только около 30 % от общего количества.

Предложение об использовании допроса посредством видео- конференц-связи может вполне положительно сказаться на реализации задач уголовного процесса, так как возможность допросить процессуальное лицо, не вызывая его в подразделение органов предварительного расследования или посещение данного лица лично следователем, дознавателем станет фактором более быстрого расследования уголовного дела. Но стоит также учесть факт, то если есть возможность лицу прибыть в орган предварительного расследования лично, то в таком случае необходимо проводить допрос в традиционной форме.

Также считаю необходимым при допросе посредством системы видео-конференц-связи подозреваемого и обвиняемого обязательное участие защитника, а допросы иных лиц производить под видео- аудиозапись, и хранить данную запись при уголовном деле, при этом в конце такого допроса следователь, дознаватель обязан либо зачитать в слух протокол допроса либо методом демонстрации экрана предоставить допрос лицу для его личного ознакомления и поставить вопрос лицу, согласно ли лицо с написанным в протоколе или нет, а также зафиксировать в нем заявления и ходатайства.

Для установления личности и ознакомления с протоколом допроса допрашиваемому необходимо иметь электронную подпись, документы, подтверждаемые данную электронную подпись и паспортные данные допрашиваемое лицо обязано предъявить по средству ведомственной системы, по которой будет проходить допрос. В целях дополнительной идентификации допрашиваемое лицо обязано предъявить документ, удостоверяющий личность и представиться на видео устройство.

Стоит отметить, что в случае, если у допрашиваемого лица не имеется электронной подписи, то данное лицо обязано участвовать в «традиционной» форме допроса. Таким образом, внедрение дистанционного допроса предлагается не вместо, а в качестве альтернативы очному допросу и допросу по поручению следователя другим сотрудников в другом регионе.

Еще одной «цифровой» инициативой является более активное внедрение в уголовный процесс электронного документооборота. Электронный документооборот даст возможность быстро обмениваться материалами проверки сообщения о преступлении, уголовного дела, например, направить прокурору постановление о возбуждении уголовного дела, направлять ходатайства и материалы к нему о санкционировании следственных действий в суд и т. д.

Еще одним перспективным предложением по внедрению цифровых технологий в уголовный процесс является электронная подпись. Данная технология может позволить оперативно получить решение суда, в случаях, когда следственным органам необходима санкция на проведение следственных действий. Электронная подпись уже действует в системе электронного документооборота Министерства внутренних дел Российской Федерации, но не практикуется в уголовном судопроизводстве.

Стоит отметить, что выдача электронной подписи будет производится только сотрудникам правоохранительных органов, и применяться она будет именно в ходатайствах перед руководителем следственного органа, решении суда по мере пресечении и его продлении, в иных документах, в которых участвуют именно уполномоченные на то участники уголовного процесса.

Стоит так же отметить возможности технологии «Блокчейн» в уголовном процессе.

Блокчейн – выстроенная по определённым правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Система работает как «цифровой сейф», в который любой, имеющий доступ может положить информацию, которую увидят все пользователи этого сейфа, но изъять информацию или изменить ранее загруженную информацию так, чтобы об этом не узнали другие пользователи невозможно. Таким образом, можно раз и навсегда покончить с фальсификацией материалов уголовного дела, служебным подлогом и т.д.

Однако сейчас ее применение осложнено трудоемким процессом загрузки материалов в систему «Блокчейн», а также отсутствием нормативной базы по ее использованию. Так же необходимо учесть, что для обеспечения такого процесса необходимо создание соответствующего программного обеспечения, например на базе ИСОД МВД России, привлечение сотрудников внутренней службы для контроля выполнения таких действий.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Несомненно, компьютерные технологии активно развиваются, но не все предложения по цифровизации уголовного процесса в настоящее время возможно реализовать с учетом того, что уголовный процесс требует надежности и обязательной реализации гарантий прав и свобод человека и гражданина. Ошибки, сбои в работе, которые сейчас нередки по делам об административных правонарушениях (например, по делам о превышении скорости) здесь недопустимы. Цена ошибки слишком велика. В связи с этим, действительно стоит включить в УПК РФ допрос с помощью видео- конференц- связи, ввести электронную подпись и электронный документооборот для взаимодействия между органами исполнительной и судебной власти. Однако для апробации только в те уголовно-

процессуальные институты, которые характеризуются низким уровнем конфликтности между участниками (особый порядок, сокращенная форма дознания и т. д.) и только при одновременном внедрении новых способов защиты информации, защиты персональных данных человека, гарантий неразглашения данных предварительного расследования и иной информации, а так при сохранении всех имеющихся гарантий защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7(152). С. 74–84.

2. Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25 .

3. Право.ru // URL: https://pravo.ru/story/229060/ (дата обращения: 15.03.2021).

4. ТАСС // URL: https://tass.ru/ (дата обращения: 14.03.2021).

5. Обидин К. В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 198–206.

6. Отчет о состоянии преступности за 2020 г. по материалам ГИАЦ МВД России.

7. Адвокатская газета // URL: https://www.advgazeta.ru (дата обращения: 01.06.2021).

8. Официальный сайт Президента России // URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 01.06.2021).

9. Российская Газета // URL: https://rg.ru/ (дата обращения: 14.03.2021).

10. Панфилов П. О. Изменение уголовно-процессуального закона, вызванное цифровизацией экономических отношений: реальность и потребность // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 3. С. 106–109.

Котов А. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРАКТИКА НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ БОТАНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТОДОВ ДЕНДРОХРОНОЛОГИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Судебная ботаническая экспертиза с применением методов дендрохронологии назначается при расследовании незаконных рубок леса, административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования, имел место случай назначения при расследовании поджога. Экспертизы назначаются с целью установления календарного периода рубки, жизненного состояния деревьев на момент рубки (живые или сухостойные) и определения места происхождения заготовленной древесины. Результаты экспертиз необходимы для квалификации преступлений, проверки и установления некоторых обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствии со ст. 73 УПК РФ [1].

Перед экспертом возможна постановка вопросов в следующей формулировке: 1. В какой период времени осуществлялась рубка деревьев? 2. Являлись ли деревья на момент рубки сухостойными? 3. Не произрастали ли деревья, образцы которых изъяты в ходе осмотра места происшествия, на месте незаконной рубки? 4. Присутствуют ли среди сравниваемых объектов части ствола одного и того же дерева?

Объектами исследования являются древесные спилы – с пней, бревен, порубочных остатков, пиломатериалов, таких как брус, доска и других, а также контрольные образцы – образцы древесины с живых, растущих деревьев.

Для изъятия спилов древесины используют бензопилу. Рекомендуемая толщина спилов 3–5 см. Отбор контрольных образцов проводят с помощью возрастного бура, как правило, привлекая представителя лесничества. Изъятие образцов может проводиться в ходе осмотра места незаконной рубки, отведенной под рубку делянки, мест хранения или переработки древесины, перевозящих лес транспортных средств, деревянных построек. Отбор контрольных образцов производится с живых здоровых деревьев на месте незаконной рубки или в непосредственной близости с ним [2, с. 29–35].

Несмотря на востребованность экспертизы в практике предварительного расследования незаконных рубок, следует обозначить ряд существующих проблем. Во-первых, экспертиза является трудоемкой и продолжительной по времени, при этом исследование большого количества объектов отрицательно сказывается на сроках предварительного расследования. Во-вторых, возможности решения конкретной задачи могут зависеть от индивидуальных особенностей представленных объектов, например, породы дерева, степени сохранности древесины, размеров образца.

---

[1] © Котов А. С., 2021.

Таким образом, представляется целесообразным рассмотрение вопроса об оптимизации процесса назначения и производства судебных ботанических экспертиз с применением методов дендрохронологии и альтернативных способах получения доказательственной информации в ходе осмотра места происшествия.

Так, для решения задачи по установлению календарного периода рубки, рекомендуется изъятие незначительного количества объектов исследования – от 3 до 5 спилов с пней вырубленных деревьев. Кроме спилов с пней на экспертизу должны быть предоставлены контрольные образцы с 2–3 живых здоровых деревьев, той же породы, что и спилы с пней. При этом, в случае рубки и хвойных и лиственных пород на месте происшествия, предпочтительно и достаточно для определения периода рубки, изъятия образцов только с пней хвойных деревьев (например, ель, сосна). Среди лиственных деревьев предпочтительно изъятие образцов деревьев с кольцесосудистой древесиной (например, дуб, ясень). У деревьев хвойных пород и лиственных кольцесосудистых пород годичное кольцо состоит из морфологически отличающихся «ранней» и «поздней» древесины, что позволяет установить не только год и сезон, но и, в некоторых случаях, период продолжительностью около месяца. Для определения породы спиленных деревьев следует привлекать к осмотру и отбору образцов специалистов лесной отрасли. Следует отметить, что в большинстве случаев в ходе экспертизы устанавливается год и сезон рубки, или период с интервалом более полугода. В связи с чем, при наличии в распоряжении органов предварительного расследования достоверной и более конкретной информации о периоде совершения рубки, назначение экспертизы может быть нецелесообразным.

Важно также отметить, что решение рассматриваемой задачи имеет ограничения – определение периода рубки деревьев возможно лишь в тех случаях, когда на представленных образцах древесины сохранились последние (подкоровые) годичные кольца. Таким образом, в отношении подвергшегося механической обработке сортимента древесины – оцилиндрованных бревен, обрезных досок, бруса, решение вопроса не представляется возможным [3, с. 51]. В практике производства экспертиз такая необходимость редка, так как на экспертизу в большинстве случаев предоставляются спилы с пней.

Интересны для получения информации о времени рубки деревьев результаты исследований текстуры поверхностей пней сосны, формирующейся в результате выделения на поверхность пней после рубки деревьев смолы и различных водорастворимых соединений [4]. В ходе исследования были выявлены отличия поверхностного рисунка пней в зависимости от времени проведения рубки. В частности, отличия между майской, июньской и сентябрьской рубками деревьев породы сосна. Полученные результаты, по нашему мнению, могут быть использованы в практике получения информации о периоде рубки некоторых хвойных деревьев, как на этапе проведения осмотра места происшествия, так и при последующем экспертном исследовании.

Решение вопроса о том, являлись ли деревья на момент рубки сухостойными, позволяет оценить характер и размер причиненного вреда, что необходимо для квалификации преступления. Среди проблем назначения ботанической экспер-

тизы следует обозначить некоторые случаи направления на экспертизу значительного количества образцов. Такая ситуация возникает при больших объемах и площадях рубок. Какой-либо методики отбора образцов в ходе осмотра места происшествия, позволяющей на основании экспертного исследования части образцов получить объективные данные о количестве сухостоя во всем объеме вырубленного леса, на сегодняшний день нет.

Одним из выходов в такой ситуации представляется максимально возможная фиксация признаков, характерных для сухостойных деревьев, в ходе осмотра места происшествия, и последующее выборочное экспертное исследование лишь части объектов, в отношении которых имеются сомнения. Для решения этого вопроса также могут быть использованы специальные знания специалистов лесного хозяйства. В практике производства судебных ботанических экспертиз в качестве диагностических признаков сухостоя выступают структура древесины, ходы насекомых, нехарактерные для живых деревьев окраски и гнили, состояние коры и некоторые другие признаки. Кроме того, в ходе осмотра места происшествия возможно обнаружение остатков кроны деревьев, что поможет вполне конкретно определить жизненное состояние срубленного дерева.

Еще одним решением проблемы, на наш взгляд, может быть реализация предложений сотрудников Дальневосточного юридического института МВД России по применению влагомеров древесины в ходе осмотра места происшествия и отбора образцов [5]. В частности, представляется целесообразным использование влагомеров с целью исключения из направляемых в дальнейшем на экспертизу объектов спилов деревьев без признаков сухостойности.

Определение места происхождения заготовленной древесины посредством судебной ботанической экспертизы с применением методов дендрохронологии также требует некоторых пояснений.

При решении вопроса о произрастании деревьев на конкретном участке местности, то есть о групповой принадлежности сравниваемых объектов, делается вывод о возможном произрастании деревьев в одной местности – определенном участке административного района, лесничества, лесного квартала, с одинаковыми лесорастительными условиями. Таким образом, в случаях совершения рубки деревьев за границами отведенной делянки (переруб), или сравнении образцов с близкорасположенными местами рубок, вывод об общей групповой принадлежности не позволит однозначно установить принадлежность деревьев конкретному участку леса.

Лишь в некоторых случаях, например, когда имеются два или несколько точно установленных места рубки, отличающихся друг от друга по условиям произрастания деревьев, и при этом исключено наличие других возможных мест заготовки леса, установление групповой принадлежности будет категорично свидетельствовать о произрастании деревьев на конкретном участке местности.

Таким образом, изъятие образцов древесины следует проводить не только на месте незаконной рубки, но и на всех возможных местах лесозаготовки. Отбор образцов производят со всех отличающихся между собой по рельефу, увлажнению, плотности насаждений, участков территории. Масштабная фотосъемка поверхности пней спиленных деревьев, с запечатленными индивидуальными

признаками образца – формой, размерами, рисунком, способствует в дальнейшем отбору образцов для сравнения с целью поиска частей ствола одного и того же дерева. Следует отметить, что при наличии общей линии разделения у сравниваемых образцов, целесообразнее по срокам производства назначать трасологическую экспертизу.

Таким образом, при назначении судебной ботанической экспертизы с применением методов дендрохронологии, необходимо тесное взаимодействие участвующих лиц по вопросам возможностей получения в ходе экспертного исследования значимой для расследования информации. Соответствующее процессуальное закрепление результатов осмотра места происшествия, в том числе, допросов лиц, обладающих специальными знаниями в области лесного хозяйства, внедрение в практику результатов проведенных научных исследований, будут способствовать формированию необходимого и достаточного объема доказательств и оптимизации сроков расследования.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 51. Ч. I. Ст. 4921.

2. Судебно-ботаническая экспертиза при расследовании незаконной рубки лесных насаждений: учебно-практическое пособие / [В. И. Воронин и др.]. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. 200 с.

3. Котов А. С. Об опыте производства ботанических экспертиз с использованием методов дендрохронологии в раскрытии преступлений, связанных с незаконной рубкой леса // Вестник МВД России. 2019. № 1. С. 48–53.

4. Романов А. В., Смирнов И. И. Использование поверхности соснового пня для определения давности рубки (на примере Карагайского участкового лесничества Пермского края) // Символ науки: международный научный журнал. 2016. № 5. С 72–75.

5. Веснина С. Н., Неустоева А. В., Кулик В. А. Перспективы использования влагомеров древесины при осмотре места незаконных рубок лесных насаждений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4. С. 143–149.

Крылова Д. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Н. Клещина****,*
профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, доцент

РОЛЬ ОБЩИХ УСЛОВИЙ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ И СВОБОД УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Оплотом и фундаментом уголовного процесса являются его принципы, на которых основываются все остальные институты и нормы уголовного судопроизводства [1, с. 187]. Значение принципов заключается в выражении сущности, характера и демократизма процесса, в гаранте соблюдения прав и свобод человека и гражданина, а также в возможности отмены решений, вынесенных с нарушением норм.

Принципы уголовного процесса в свою очередь берут свое начало из общепризнанных международно-правовых источников, а также из Конституции Российской Федерации (далее – Конституции).

Поскольку при вовлечении в уголовный процесс его участники неизбежно сталкиваются с вторжением в их частную жизнь, права личности в уголовном процессе нуждаются в особенном обеспечении, в том числе в соответствии с требованиями международного законодательства.

Такая особенная защита прав и свобод участников уголовного процесса связана с наличием в уголовно-процессуальной деятельности различных мер государственного принуждения, а также перечня следственных действий, которые в значительной степени затрагивают права человека и гражданина. Сама формулировка назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК) говорит о столкновении двух «миссий» уголовного судопроизводства: с одной стороны его функция заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений, а с другой – в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. По-нашему мнению, такое изложение подразумевает крайне тонкую грань между защитой прав одних и обеспечением прав других участников, которая не всегда соблюдается.

В рамках стадии предварительного расследования особая роль в обеспечении прав и свобод участников уголовного процесса отведена её общим условиям, которые отнюдь не заменяют принципы, как основополагающие начала, а воплощают их в жизнь при расследовании уголовных дел [2, с. 87].

Таким образом, общие условия – это правила производства следственных и процессуальных действий, требования к принятию тех или иных процессуаль-

[1] © Крылова Д. С., 2021.

ных решений, основанные на нормативных международно-правовых актах, Конституции и принципах уголовного процесса, которые призваны в рамках стадии обеспечивать их реализацию.

По-нашему мнению, часть системы общих условий прямо предназначена для обеспечения соблюдения прав и защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства при расследовании уголовных дел – при классификации элементов системы общих условий нами даже выделена такая самостоятельная категория.

К ним мы отнесли обязательность рассмотрения ходатайства, меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества, меры по обеспечению гражданского иска, недопустимость разглашения данных предварительного расследования. Безусловно, все общие условия, как правила, вытекающие из нормативных международно-правовых актов, Конституции и принципов уголовного процесса, призваны обеспечивать соблюдение прав и свобод участников уголовного судопроизводства, однако, перечисленные выше общие условия предназначены для особой стороны уголовного процесса – участников предварительного расследования.

Так, Всеобщая декларация прав человека впервые на международном уровне провозгласила необходимость защиты основных прав человека и является одним из важнейших международных документов в области соблюдения и защиты прав граждан. Ее текст пронизан демократическими идеями, что дало толчок в развитии соответствующего законодательства различных государств, в том числе российского.

Анализ текста Всеобщей декларации прав человека показал, что она провозглашает право каждого на личную неприкосновенность (ст. 3), право на восстановление в правах (ст. 8), право считаться невиновным, пока его виновность не будет установлена судом (ст. 11), право на неприкосновенность частной жизни, жилища (ст. 12), право на создание семьи и ее защиту со стороны государства (ст. 16), право на владение имуществом (ст. 17), право на особое попечение материнства и младенчества (ст. 25). Все эти постулаты нашли свое отражение в отечественной системе общих условий предварительного расследования [3]:

– право каждого на личную неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, жилища, право считаться невиновным, пока его виновность не будет установлена судом нашли свое отражение в ст. 161 УПК «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования», которая как раз защищает участников уголовного судопроизводства от распространения конфиденциальной информации, а также от преждевременного придания лицу, в отношении которого ведется уголовное преследование, статуса виновного в глазах общества;

– право на восстановление в правах отражено в ст. 160.1 УПК «Меры по обеспечению гражданского иска», которая обязывает следователя, дознавателя к принятию мер по возмещению имущественного вреда, причиненному потерпевшему;

– право на создание семьи и ее защиту со стороны государства, право на особое попечение материнства и младенчества, право на владение имуществом закреплено в ст. 160 УПК РФ «Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества». Таким образом, государство приняло на себя обязательства по охране прав иждивенцев, детей лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, а также по охране права их собственности.

В системе общих условий нашли свое отражение и нормы Конституции, провозглашающие права и свободы человека и гражданина [4]:

– право на равенство всех перед судом (ст. 19), неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени (ст. 23), запрет на использование и распространение информации о частной жизни (ст. 24), презумпция невиновности (ст. 49) в той или иной степени легли в основу ст. 161 УПК РФ «Недопустимость разглашения данных предварительного расследования». К примеру, незаконным является распространение в средствах массовой информации данных о лице, привлекаемом в качестве обвиняемого, до вступления в законную силу решения суда о признании его виновным в совершении преступления, поскольку это дискредитирует его в глазах общества. Такое лицо еще не признано судом виновным, а уже находится в положении осужденного, оправдывающегося, что нарушает его право о презумпции невиновности.

– защита частной собственности (ст. 35), материнства, детства и семьи (ст. 38) регламентирована статьей 160 УПК РФ «Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества», что говорит о важной роли государства в обеспечении неотъемлемых прав граждан, которым ввиду уголовного преследования гарантируются меры по защите их детей, иждивенцев и собственности.

– нормы о защите своих прав любыми способами, незапрещенными законом, а также о возможности обжаловать решения и действия (или бездействия) органов государственной власти, должностных лиц закреплены 159 УПК РФ «Обязательность рассмотрения ходатайства», что гарантирует участникам уголовного процесса реализацию своих прав при расследовании уголовных дел. Стоит отметить, что УПК РФСФСР 1960 года содержал статью «Обязательность удовлетворения ходатайств, имеющих значение для дела», закрепляла обязанность следователя удовлетворять ходатайства участников уголовного судопроизводства об установлении обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела [5, с. 232], однако, какие именно обстоятельства являются важными и имеют значение, законодатель не конкретизировал, наверняка оставив это на усмотрение следователя. На наш взгляд, такая интерпретация статьи давала не мало поводов к затруднению реализации прав участников уголовного процесса, ведь у каждого следователя свое мнение о важности каких-либо обстоятельств, ведь сколько следователей столько и мнений. Современная же статья 159 УПК обязывает следователя лишь рассматривать каждое заявленное ходатайство, гарантируя тем самым право участников на доступ к правосудию, поскольку каждое такое ходатайство оставляет след в уголовном деле, позволяет проследить тенденцию линии защиты.

Таким образом, в эпоху гуманизации общества государство придерживается политики неукоснительного соблюдения прав и свобод всех граждан, не зависимо от их положения и процессуального статуса, а общие условия предварительного расследования являются гарантом соблюдения прав и защиты законных интересов участников уголовного судопроизводства. Обязательность рассмотрения ходатайства, меры по обеспечению гражданского иска, меры попечения о детях (иждивенцах) подозреваемого (обвиняемого), недопустимость разглашения данных предварительного расследования – все это общие условия предварительного расследования, которые гарантируют соблюдение прав всех участников уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Химичева О. В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : монография. М. : Юнити–Дана, Закон и право. 2004.

2. Горленко С. В. Общие условия производства предварительного следствия в уголовном процессе (понятие, история и современность) : дис. … канд. юрид. наук : М., 2000.

3. Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru // (дата обращения 11.05.2021).

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.05.2021).

5. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Спарк, 1997.

6. Предварительное следствие : учебник для курсантов учреждений высшего образования МВД России / [Е. Н. Арестова и др.]. М. : Юнити-Дана, 2017.

Кулакова А. А.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСЧИСЛЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ

Любая юридическая процедура может быть эффективной только при условии ее осуществления в разумные и оптимальные сроки – временные промежутки или моменты, которые учреждают процессуальную деятельность, стимулируют ее к наискорейшему осуществлению, создают условия для осуществления реализации гарантий как правосудия, так и соблюдения прав и законных интересов человека и гражданина.

Особенно важны сроки в юридических процедурах, которые наиболее серьезно затрагивают конституционные права и свободы человека, прежде всего – это уголовное судопроизводство. Примечательно, что в действующей в настоящее время редакции УПК РФ термин «уголовно-процессуальные сроки» отсутствует. В научной литературе это определение трактуется по-разному, однако в целом процессуальный срок понимается как временной промежуток, в течение которого в соответствии с УПК РФ либо предписанием должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, может быть совершено либо должно быть реализовано процессуальное действие или принято процессуальное решение, либо требуется от данных действий воздержаться [1, с. 87].

Сроки в уголовном судопроизводстве – огромная гарантия соблюдения процессуальных прав. Вместе с тем эта гарантия действенна лишь при условии верного понимания правоприменителем порядка исчисления сроков, предусмотренных УПК. В противном случае соблюдение процессуальных сроков в том виде, как это задумано законодателем, весьма проблематично.

В уголовном процессе проблема соблюдения процессуальных сроков приобрела особую актуальность в связи с введением в 2010 году в УПК РФ ст. 6^1, утвердившей новый, в тот момент, принцип в Российском уголовно-процессуальном праве – «Разумный срок уголовного судопроизводства», таким образом указав на особое назначение данного положения для организации и порядка уголовного судопроизводства [2]. Введение данной нормы в УПК РФ стало логичным итогом отражения в российской правовой системе положений международного права о защите прав и законных интересов личности.

К сожалению, в уголовно-процессуальном законодательстве порядок исчисления процессуальных сроков регламентирован недостаточно детально, что заметно отрицательно сказывается на реализации одной из основных гарантий уголовного процесса.

Правила исчисления сроков в уголовном судопроизводстве варьируются в зависимости от величин, которыми они исчисляются. Нормы действующего УПК определяют различные виды процессуальных сроков, однако порядок их исчисления предусмотрен лишь для сроков, которые исчисляются часами, сутками и

---

[1] © Кулакова А. А., 2021.

месяцами (ст. 128 УПК РФ). Регламентация последних также далеко не безупречна [3, с. 154].

Например, не совсем понятно, почему законодатель при исчислении сроков месяцами требует не учитывать не только сутки, которыми начинается течение процессуального срока, но и тот час. Достаточно понятно, что если не учитываются сутки, то и час начала течения срока тоже не может быть учтен. По нашему мнению, вполне разумна мысль Б. Т. Безлепкина о том, что не принимать во внимание тот час, которым начинается течение срока целесообразно лишь при исчислении срока часами. Не принимать в расчет те сутки, которыми начинается течение срока, возможно только в случае, если этот срок исчисляется сутками и месяцами [4, с. 18]. Заметим, что в УПК РСФСР 1960 года (далее – УПК РСФСР) обязанность не учитывать час и сутки, которыми начинается течение срока распространялась на все виды сроков (ст. 103 УПК РСФСР – «сроки, установленные настоящим Кодексом, исчисляются часами, сутками и месяцами. При исчислении сроков не принимается в расчет тот час и сутки, которыми начинается течение сроков), что представляется более логичным, хотя и небезупречным. Вероятно, в УПК РСФСР закладывалась идея, что сутки, которым начинается течение срока, не учитываются при исчислении сроков сутками, а часы – при исчислении сроков часами. В действующем же УПК РФ запрещается учитывать час при исчислении сроков месяцами! В действующем кодексе упорядочивание сроков и вовсе нелогично: порядок начала исчисления сроков в виде суток и часов проигнорирован напрочь.

Однако, если ориентироваться на теорию публичного права и исчислять срок от момента, то при исчислении сроков часами и сутками необходимо учитывать тот час и те сутки, которыми начинается их течение [1 с. 154; 5 с. 139].

Также, в ч. 1 ст. 128 УПК РФ указано, что при исчислении сроков заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и нахождения в медицинской или психиатрической организации, оказывающей соответствующую помощь в стационарных условиях, в это сроки включается также нерабочее время, что создает предпосылки неверного вывода о том, что при исчислении иных процессуальных сроков нерабочее время в них не включается. Конечно, если речь идет о том, что срок заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий, нахождения в медицинской или психиатрической организации, оказывающей соответствующую помощь в стационарных условиях, оканчивается в соответствующие сутки без учета того, является ли день окончания срока рабочим или нерабочим, то это правило не оспаривается. Однако в этом случае необходимо руководствоваться указаниями ч. 2 ст. 128 УПК РФ, где говорится также и о сроках задержания, которые, как известно, исчисляются не месяцами, не сутками, а часами. Какой смысл заложен законодателем в ч. 1 ст. 128 УПК РФ остается вопросом без возможности дать на него логичный ответ.

При этом, предусмотрев исчисление срока часами, законодатель не формулирует систему правил порядка его исчисления, лишь указывая в отдельных нормах на конкретные юридические факты, с которых начинается исчисление срока.

Так, допустим, при задержании момент начала исчисления данного срока определяется и начинает свое течение с момента фактического задержания, а срок задержания, в соответствии с законом, исчисляется часами, таким образом начало его течения будет исчисляться с определенной минуты и оканчиваться в соответствующий час и минуту. Однако задержание – не исключительное процессуальное действие, предусмотренное УПК, которое исчисляется часами. Можно ли с уверенностью утверждать, что срок исчисляемый часами всегда исчисляется по таким правилам? Относительно, например, предельного срока проведения допроса, разграниченного в зависимости от возраста допрашиваемого, сомнений в этом нет. В данном случае исчислять срок нужно с соответствующего часа и минуты. Однако для всех ли сроков, исчисляемых часами в уголовном судопроизводстве, целесообразна, да и вообще возможна, четкая фиксация начала течения срока с конкретной минуты: для 24-часового срока отмены прокурором постановления о возбуждении уголовного дела (ч. 4 ст. 146 УПК РФ), 8–часового срока рассмотрения судьей ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу (ч. 4 ст. 108 УПК РФ) и др.?

Отметим, что определив сроки допроса лица в течение суток, законодатель не учел, что ограничение времени участия лица в течение суток необходимо и для иных следственных действий [1, с. 155]. Законодатель предусмотрел в ст. 128 УПК исчисление процессуальных сроков такими единицами измерения, как часы, сутки и месяцы, однако, очевидно, что это не все сроки, предусмотренные УПК, и используемые в судопроизводстве. Единицы измерения сроков согласно УПК весьма разнообразны – день (ч. 3 ст. 6^1 УПК РФ), неделя (ч. 4 ст. 186^1 УПК РФ), год (ч. 3 ст. 326 УПК РФ), сроки-моменты, обязывающие правоприменителя безотлагательно выполнить действие – «немедленно» (ч. 3 ст. 94 УПК РФ и др.). Однако каких либо правил исчисления этих сроков в кодексе нет. Между тем, вопрос имеет выраженное практическое значение. Например, исчисление срока со «дня» может иметь самые разные толкования. Так, если сутки исчисляются в периоде 24 часов, то «день» может пониматься в различных аспектах. «День» может быть рабочим, нерабочим (следует ли учитывать это при исчислении сроков?), либо же астрономическим. В п. 21 ст. 5 УПК дается определение ночного времени с 22 часов до 6 часов, что логично приводит к мысли о том, что дневным временем будет период с 6 часов до 22 часов. Если посмотреть положения трактовок Толковым словарем русского языка слова «день», то согласно его данный термин можно рассматривать и как синоним слова «сутки».

Однако если «день» и «сутки» синонимы, то для чего используются разные термины? Обратим внимание, что ввиду отсутствия ясных указаний в ст. 128 УПК РФ о моменте начала исчисления сроков сутками, даже сроки проверки сообщения о преступлении исчисляются чаще всего нелогично: сутки, которыми начинается течение срока учитываются, что нередко лишает следователя (дознавателя) почти целых суток срока. Такие термины как «немедленно», «незамедлительно» следует, судя по всему, толковать буквально: действие должно быть совершено без промедлений и отлагательств. Однако немедленное выполнение действия не всегда возможно, в том числе и по организационным причинам. При

этом невыполнение действия незамедлительно чревато самыми серьезными последствиями, особенно в случаях ограничения конституционных прав личности. Так должностное лицо, которое не исполнило предписание законодательства, допустим, о немедленном освобождении задержанного подозреваемого, может быть привлечено к ответственности, вплоть до уголовной. Неясно, при этом, следует ли разграничивать термины «немедленно» и «незамедлительно». Для чего-то законодатель использовал разную терминологию.

В этой связи в УПК РФ желательна конкретизация. Представляется целесообразным предусмотреть вместо срока «немедленно» (как, например, в ст. 449 УПК, где говорится о немедленном освобождении при задержании после установления личности Члена Совета Федерации, Депутата Государственной Думы и т.п.) и «незамедлительно» (см. ст. 146 УПК РФ о незамедлительном направлении копии постановления о возбуждении уголовного дела прокурору) срок «в тот же час», либо «в срок не более часа» либо «немедленно при появлении для этого реальной возможности» Последний вариант представляется наиболее разумным. Реальная возможность не всегда может появиться в течение часа, тем более сразу после выполнения определенного действия или принятия решения. С целью недопущения совершения правоприменителями ошибок при исчислении сроков, предусматривающих оценочный характер (продолжительное время, длительное время), следует ввести единый порядок исчисления неопределенных сроков [6, с. 470].

Таким образом, в целях обеспечения максимальной эффективности сроков в уголовном судопроизводстве как процессуальной гарантии необходимо существенное совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Список литературы

1. Победкин А. В., Яшин В. Н. Процессуальные сроки: не утратить гарантию // Современное общество и право: научно-практический журнал. 2018. № 3 (34).

2. Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (в ред. от 08.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99920/.

3. Яшин В. Н. О некоторых проблемах исчисления сроков в уголовном процессе// Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1.

4. Безлепкин Б. Т. Уголовный процесс России. М. : ТК Велби, 2003. 456 с.

5. Калиновский К. Б. Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве и их регламентация по уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2005. № 2 (3). С. 139–145.

6. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Г. И. Загорского. М. : Проспект, 2017.

***Лисова А. П.*[1],**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЗИЦИЯ ИЛИ ПОЗИЦИЯ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СООБЩЕСТВА

Фундаментальный принцип «презумпция невиновности» в Российской Федерации закреплен в основном законе государства, а именно, в статье 49 Конституции, которая гласит, что: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда» [1]. Здесь же свое отражение находит положение о бремени доказывания, а именно: «Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность». В уголовно-процессуальном законодательстве данные положения повторно отражаются в принципах уголовного судопроизводства, закрепленных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а именно в статье 14. Позиция законодателя и правоприменителя заключается в том, что бремя доказывания в отечественном уголовном судопроизводстве лежит на стороне обвинения и ни коем образом не может перекладываться на сторону защиты. Хотя следует отметить, что некоторые ученые-процессуалисты отмечают тот факт, что нередко и в Российской Федерации, на практике, происходит реверс бремени доказывания, инверсия общепринятой позиции: перемещение бремени со стороны обвинения на строну защиты. В своей статье «Бремя доказывания в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты» [2, с. 1–7] О. В. Химичева и А. А. Сумин соглашаются с позицией К. Б. Калиновского относительно распределения бремени доказывания в уголовном процессе, где как считает ранее упомянутый ученый «иногда фактическое переложение бремени представления доказательств на обвиняемого даже не скрывается за ширмой «внутреннего убеждения» и прямо используется презумпция виновности». [3, с. 1].

Отличной от этой позиции, является позиция стран Европейского союза, где в Уголовно-процессуальных нормах государств закрепляется «обратное» бремя доказывания, находящее отражение в принципе презумпции невиновности. Например, такие нормы имеются во Франции, Бельгии, Германии, Италии и Испании и др.

Такая разница в положениях о презумпции невиновности имеет место быть, потому что сам принцип имеет с одной стороны отношение к гарантиям индивидуальных прав человека, а с другой стороны к обеспечению социальных прав общества в целом. Толкование непосредственно распределения бремени доказывания уходит корнями глубоко в историю и идеологические рамки того или иного государства или целой семьи права. Таким образом, презумпция невиновности выступает продуктом определенного идеологического выбора, на котором основана определенная организация общества и судопроизводства, в частности. С аксиологической точки зрения можно сказать, что этот выбор варьируется

[1] © Лисова А. П., 2021.

между поощрением государством своевременного расследования преступления и защитой невиновных лиц.

В странах европейского сообщества, как известно, очень развит дух свободы, прав человека и личности, которые нередко выносятся на первый план, отодвигая тем самым даже общественные интересы. Уголовное судопроизводство в европейских странах в вопросе о бремени доказывания и презумпции невиновности, опирается, также на положения Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, конкретнее, на статью 6, которая резюмирует: «Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет как минимум следующие права:

a) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

c) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него;

e) пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке» [4, с. 1].

Глубокий всесторонний анализ данных положений свидетельствует о том, что в европейском сообществе сторона защиты имеет достаточно большой объем прав в ходе уголовного судопроизводства и судебного разбирательства.

Так, например, в Бельгии действует принцип свободного и своевременного осуждения, исходящего от суда в лице судьи, а все сомнения трактуются в пользу обвиняемого. А во Франции презумпция невиновности получила фундаментальное значение еще со времен Конституции 1958 года, которая торжественно провозглашает верность правам человека, закрепленным в Декларации 1789 года. Этот принцип также был снова установлен в обычном законодательстве, получив отражение в ст. 304 уголовно-процессуального кодекса.

Нельзя не отметить, что для большинства европейских стран основополагающее положение «презумпция невиновности» имеет важное значение, находит отражение в международных конвенциях, касающихся самых основных прав и свобод, и в первую очередь в пункте 1 статьи 11 Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году Ассамблеей Организации Объединенных Наций. Кроме того, это также подтверждается в вышеупомянутом пункте 2 статьи 6 Европейской конвенции по правам человека 1950 года, из чего можно сделать вывод, что данное положение имеет наднациональный характер. Положительной чертой такого закрепления является то, что единая позиция относительно презумпции невиновности в ряде стран европейского сообщества имеет прочную идеологическую подоплеку и тем самым сильно влияет на упорядочение и гармонизацию европейской системы уголовного судопроизводства. Это является

признаком сплоченности как права в целом, так и уголовного судопроизводства еще на этапе расследования уголовных дел.

Подводя итоги, проанализировав законодательную базу и правоприменительную практику можно сделать вывод, что принцип презумпции невиновности в странах Европы можно назвать более «гибким», что происходит за счет распределения бремени доказывания между сторонами или полного возложения этой обязанности на сторону защиты. В Российской Федерации принцип распределения бремени доказывания не имеет законодательного закрепления, хоть и не отрицается некоторыми учеными. Данная тема представляет собой огромный интерес для отдельного правового исследования и сравнительно-правового анализа.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Химичева О. В., Сумин А. А. Бремя доказывания в уголовном процессе: некоторые сравнительно-правовые аспекты. М., 2018.

3. Калиновский К. Б. Распределение бремени доказывания в уголовном процессе: всегда ли в пользу обвиняемого? // Уголовная юстиция: связь времен : избранные материалы Международной конференции (Санкт Петербург, 2010).

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

Михайлина Ю. В.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

*Научный руководитель: **А. В. Ендольцева**,*
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ ПОЯВЛЕНИЮ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Появление Федерального закона от 18 апреля 2018 г. № 72-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» [1] (далее – ФЗ № 72) послужило основанием к внесению изменений в УПК РФ. Реализация таких изменений выступила дополнением уголовно-процессуального законодательства, что выразилось в появлении запрета определенных действий, как меры пресечения.

Отметим, что действующая в государстве уголовная политика имеет направленность на проведение гуманизации и создание таких условий, при которых права и интересы, обусловленные законом, будут обеспечиваться в полной мере. Такие условия должны быть реализованы и в случае применения принудительных процессуальных мер в отношении тех лиц, которые в деле определены как подозреваемые или обвиняемые.

Прежде чем какой-либо нормативно-правовой акт появляется в законодательном пространстве, отмечается возникновение ряда предпосылок к тому. Необходимо провести изучение тех причин, в силу которых был принят ФЗ № 72. Еще в 2015 г. соответствующий законопроект был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального собрания Российской Федерации, однако фактическое его принятие состоялось лишь спустя три года.

По утверждению лиц, являющихся авторами законопроекта, применение нового запрета позволит реализовать альтернативную меру вместо заключения под стражу. Это обеспечит уменьшение государственных расходов, которые направляются на содержание лиц, помещенных под стражу. Помимо этого, реализация вновь введенной меры существенно сократит возможность предъявления требований о возмещении вреда, понесенного лицами, содержащимися под стражей.

По мнению авторов проекта, выполнение его реализации не будет сопровождаться несением дополнительных затрат, покрываемых за счет средств федерального бюджета. По утверждению юристов это объясняется отсутствием у государственных органов обязанности по проведению контроля за соблюдением запрета определенных действий, что существенно отличается от осуществления

[1] © Михайлина Ю. В., 2021.

контроля за подозреваемыми или обвиняемыми в то время, когда они выполняют домашний арест или несут иные ограничения, возложенные на них[1].

О том, что существующая система мер пресечения должна быть интегрирована, ученые говорили еще несколько лет назад. Из представлений Д. А. Воронова, изложенных в 2016 г., следовала необходимость включения запрета определенных действий в указанную систему в качестве новой меры пресечения [2]. Сходные представления имелись и у И. В. Головинской, которая признавала неизбежным процесс, влекущий за собой появление новых мер принуждения и изменение существующих. Автор утверждала, что такие меры должны реализовываться с соблюдением баланса между гарантиями, свойственными правам личности, и теми интересами, которые присущи правосудию [3].

Принятие ФЗ № 72 было выполнено по причине возникновения потребности к созданию условий, при которых могли бы быть реализованы меры, выступающие альтернативой заключению под стражу. Поводом к этому послужило существование гуманистических начал, на которых базируется уголовный процесс.

Признание рассматриваемого запрета в качестве меры пресечения было определено в силу соблюдения норм и принципов, свойственных международному праву. Исходя из Минимальных стандартных правил ООН, касающихся тех мер, которые не находятся во взаимосвязи с выполнением тюремного заключения, следует, что предварительное заключение под стражу выступает крайней мерой. Именно потому применение альтернативных мер должно быть выполнено еще на первоначальном этапе. Только тогда, когда отечественное законодательство будет соответствовать международным правовым нормам, может быть снижено число жалоб, направляемых Европейскому суду по правам человека от российских граждан.

Тот факт, что рассматриваемая мера применяется не так давно, не должен стать причиной закрепления за ней декларативного статуса и позволит эффективно применять ее в рамках судопроизводства по уголовным делам.

По информации, раскрывающей судебную статистику, за 2019 г. российскими судами было удовлетворено 94 633 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, за 2020 г. – 84 917.

Ходатайства об избрании мер пресечения в виде домашнего ареста, залога и запрета определенных действий удовлетворялись судами в 2019 году – 6 037, 77 и 1246 раз соответственно, в 2020 г. – 6 948, 244 и 1 849[2]. По результатам 2020 г. применение рассматриваемой меры было выполнено большее количество раз, нежели в течение 2019 г.

---

[1] Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ (в части избрания и применения мер пресечения в виде залога, запрета определенных действий и домашнего ареста)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/.

[2] Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2019 г. и за 2020 г. Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_ststistika/2020/F1-svod-2019.xls (дата обращения: 15.04.2020).

К апрелю 2018 года такие меры как залог и домашний арест не смогли заменить заключение под стражу. В таком положении потребность совершенствования системы рассматриваемых мер стала более острой. Прослеживалась необходимость к появлению новой меры, которая отличалась бы меньшей строгостью.

Отечественное законодательство характеризуется появлением очередного новшества, представленного в виде запрета определенных действий. Зарубежная практика показывает, что подобные меры широко применяются в иностранных государствах. Стоит отметить, что в России авторы законопроекта пошли своим путем и создали отдельную самостоятельную меру пресечения в виде запрета определенных действий. Для достижения поставленных целей, а именно оптимизации системы мер пресечения, данный выбор, по нашему мнению, является наиболее верным.

После того как рассматриваемый запрет был введен в действие, система, включающая в себя существующие меры пресечения, стала выглядеть по-новому. Так, был отмечен тот факт, что процессуальное принуждение получило более широкую дифференциацию мер. В течение всего времени применения уголовно-процессуального законодательства, в порядок, по которому применяются отдельные меры пресечения, регулярно актуализировался, несмотря на это, изменения в системе мер не произошли [4].

Положительным моментом является также и то, что такая самостоятельная мера пресечения в большей мере позволяет обеспечить права субъектов предпринимательской деятельности. Если при избрании меры пресечения в виде домашнего ареста подозреваемый или обвиняемый был лишен возможности непосредственно заниматься экономической деятельностью, то теперь при применении запрета определенных действий указанные лица могут заниматься такой деятельностью в период предварительного расследования.

Тот факт, что законодатель уделяет особое внимание вопросам развития системы мер пресечения, указывает на возможность появления новых мер и позволяет расширить представление о возможности пресечения негативного поведения подозреваемых или обвиняемых в то время, когда ведется уголовное судопроизводство. Реализация представленного подхода позволит усовершенствовать отечественную систему мер пресечения, применяемую в рамках уголовного судопроизводства, что будет иметь положительные результаты не только в нормотворческой деятельности, но и практическом применении законодательных положений.

Список литературы

1. Федеральный закон от 18 апреля 2018 г. № 72- ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста: // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 17. Ст. 2421.

2. Воронов Д. А. Запрет определенных действий в рамках залога, домашнего ареста и новой меры пресечения // Российский судья. 2016. № 3. С. 21–24.

3. Головинская Н. В. Институт мер пресечения: проблемы диверсификации и варианты их разрешения // Современное право. 2016. № 3. С. 90–96.

4. Цветкова Е. В., Симагина Н. А. К вопросу о введении новой меры пресечения в виде запрета определенных действий // Современное право. 2019. № 3. С. 133–137.

Михайлова Е. Е.*[1]*,
аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

*Научный руководитель: **А. Г. Харатишвили**,*
заведующий кафедрой уголовного процесса
факультета подготовки следователей
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ ИЗЪЯТИЯ СВЕДЕНИЙ О ПЕРЕПИСКЕ И ИНЫХ СОЕДИНЕНИЯХ ГРАЖДАН, ОСУЩЕСТВЛЯЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕССЕНДЖЕРОВ

Использование программ (приложений) для мгновенного обмена сообщениями (далее – мессенджеры), установленных на смартфонах, планшетах, компьютерах, уже давно вошло в обиход граждан. Современные мессенджеры являются полноценными коммуникационными центрами, реализующими не только возможность обмена сообщениями, файлами, но и голосовой и видеосвязи, в том числе проведения веб-конференций.

Так, по опубликованным в январе 2021 г. данным пресс-службы Мегафон, лидерами по трафику в сети среди мессенджеров являются компании: WhatsApp (58 %), Telegram (32 %), Viber (2 %), Facebook (1,7 %), «IMO» (1,7 %). Для осуществления звонков чаще всего используют: WhatsApp – 73 %, Viber – 7,2%, Facebook – 4,4 %, IMO – 4,2 %, FaceTime – 3 %. Для отправки контента и общения в чатах абоненты активнее всего используют: WhatsApp – 52 %, Telegram – 44 %, IMO – 0,7%, Facebook – 0,7 %, WeChat – 0,5 %. Схожие показатели были получены и другими операторами связи (МТС, Билайн, Tele2) [7].

С учетом столь высокой пользовательской активности, информация, содержащаяся у провайдеров мессенджеров, а также в сохраненных на мобильных устройствах пользователей чатах, звонках, пересылавшихся файлах и т. п., очевидно, имеет большое доказательственное значение по уголовным делам. Такие доказательства можно встретить в приговорах по делам, связанным с дистанционным сбытом наркотиков, мошенничеством, вымогательством, коррупционными и компьютерными преступлениями [6, с.42]. Возможность использования в доказывании информации о переписке и иных соединениях граждан, осуществляемых с использованием мессенджеров, обусловлена ее соответствием критериям оценки доказательств, установленным УПК РФ. И для того, чтобы указанные сведения были признаны допустимым доказательством, прежде всего они должны быть получены в соответствии с требованиями УПК РФ и других законодательных актов.

---

[1] © Михайлова Е. Е., 2021.

Очевидно, что использование мессенджеров для переписки или переговоров граждан должно охватываться правом на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, гарантированным статьей 23 Конституции Российской Федерации, ограничение которого допускается только на основании судебного решения.

В соответствии с требованиями, установленными в статье 186.1 УПК РФ, получение информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами допускается на основании судебного решения, принимаемого в порядке, предусмотренном статьей 165 УПК РФ, копия которого направляется для исполнения в организацию, осуществляющую услуги связи.

Проблема заключается в том, что в настоящее время на территории России не имеется представительств технологических компаний (провайдеров) широко распространенных мессенджеров: Facebook (мессенджеры WhatsApp, Messenger, Instagram), Twitter (мессенджер Periscope), Google (мессенджеры Google Hangouts, Google Talk), Apple (мессенджеры iMessage, FaceTime), Skype, Signal, Snapchat относятся к юрисдикции США, Viber к юрисдикции государства Израиль, Telegram к юрисдикции Великобритании и т. д. Соответственно, судебное решение может быть направлено для исполнения перечисленными выше провайдерами в рамках заключенных Российской Федерацией международных договоров о правовой помощи по уголовным делам. Однако, такая практика единична, в том числе по причине длительности исполнения запросов о правовой помощи.

10 декабря 2020 г. на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте России. В. В. Путин распорядился подготовить предложения о дополнительных требованиях к зарубежным ИТ-компаниям, в том числе об открытии ими офисов в России [8]. Во исполнение данного поручения, 21 мая 2021 г. внесен и на момент подготовки настоящей публикации рассмотрен в первом чтении законопроект «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» [5].

Кроме того, на процесс сбора и закрепления доказательств от провайдеров наиболее популярных в России мессенджеров, могут повлиять технические особенности хранения данных и применяемого шифрования сведений. Так, мессенджер Viber поддерживает удаление сообщений с серверов через определенный интервал времени; мессенджер Signal не хранит на серверах переписку между пользователями, используя шифрование end-to-end. Мессенджер Snapchat удаляет информацию о содержании отправления сразу же после просмотра всеми получателями или через 30 дней после отправки, если сообщение не будет открыто; мессенджер Telegram поддерживает возможность включения секретной учетной записи; мессенджер «WhatsApp» использует шифрование сведений об учетных записях пользователей и используемом им аппарате и т. д. [9]

Также проблемой в доказывании может стать применяемое при использовании мессенджеров так называемое обезличивание пользовательского ID путем его регистрации на виртуальные номера сотовых телефонов, виртуальные e-mail адреса, указание при регистрации иной подложной информации о пользователе,

что в конечном итоге может существенно затруднить идентификацию пользователя мессенджера с конкретным физическим лицом.

В то же время, непосредственно в памяти смартфона, планшета, компьютера, посредством которого осуществляется использование мессенджеров, в большинстве случаев хранится информация о произведенных соединениях, содержание переписки, данные геолокации и иная информация, представляющая интерес для следствия. В связи с чем практика идет по пути изъятия сотрудниками следственных органов и органов дознания (в том числе осуществляющих оперативно-розыскную деятельность) указанных устройств, осуществления их осмотра или производства криминалистической судебной экспертизы в целях обнаружения и фиксации интересующей информации.

Изъятие электронных носителей следователями и дознавателями осуществляется в ходе осмотров мест происшествий, при личном обыске во время задержания в порядке ст.ст. 91, 92 УПК РФ, при производстве выемки, а интересующая следствие информация получается в ходе последующего осмотра предмета или проведения экспертизы, то есть при производстве следственных действий, не требующих получения судебного решения для их проведения, как это следует из определений Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2010 г. № 433-О-О, от 25 января 2018 г. № 189-О.

В других случаях изъятие, получение информации и ее исследование производится сотрудниками органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [3] (например, обследование помещений, снятие информации с технических каналов связи), в том числе с применением методов или специальных технических средств для перехвата электронной информации в режиме реального времени. Активно привлекаются также лица, оказывающие содействие правоохранительным органам, или имеющие доступ к мобильному устройству интересующего следствие лица, или непосредственно ведущие с ним переписку, и предоставляющие о ней информацию в виде сканированных копий, фотоизображений, распечаток. В таких случаях закон не охраняет тайну личных переговоров, поскольку одна из сторон добровольно и непосредственно предает их огласке, что следует из определений Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июня 1997 г. №72-О, от 16 ноября 2006 г. №454-О [6, с. 43–44].

Органами Следственного комитета Российской Федерации закуплено и применяется универсальное устройство извлечения судебной информации – UFED (Universal Forensic Extraction Device), позволяющее произвести извлечение из памяти изъятого устройства и дешифровку сообщений наиболее популярных в России мессенджеров в рамках судебной экспертизы. Условием использования такого оборудования является наличие смартфона, на котором устанавливался и не удалялся в интересующий следствие период мессенджер, и в котором, в свою очередь, не включена функция удаления сообщений через определенный промежуток времени.

Если лицо, у которого произведено изъятие устройства, добровольно сотрудничает со следствием и сообщает пароль (код) доступа к самому устройству,

установленному на нем мессенджеру и профилям, следователь (дознаватель) может получить интересующую информацию в ходе осмотра предмета. Однако и в этом случае нельзя исключать возможности утаивания участником уголовного судопроизводства сведений, например, о наличии и доступе к секретной учетной записи, или настройках пользователя, обеспечивающих безвозвратное уничтожение всех данных при несоблюдении определенного порядка действий, в связи с чем обеспечивается участие в таком осмотре привлеченного специалиста.

Вместе с тем, возвращаясь к конституционным гарантиям тайны переписки и иных переговоров, нам представляется ошибочной сложившаяся практика, основанная на отсутствии единообразного закрепления понятий, а также толковании ряда упомянутых определений Конституционного Суда Российской Федерации, позволяющая получить сведения о переписке и иных соединениях граждан, осуществляемых с использованием мессенджеров, без судебного решения. Тем более, что в части 7 статьи 185 УПК РФ содержится положение, согласно которому при наличии достаточных оснований полагать, что сведения, имеющие значение для уголовного дела, могут содержаться в электронных сообщениях или иных передаваемых по сетям электросвязи сообщениях, их осмотр и выемка могут быть проведены следователем по решению суда.

Из пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» следует, что под сообщениями граждан, передаваемых по электрической связи, следует понимать в том числе передаваемые посредством сети «Интернет» мгновенные сообщения, электронные письма, видеозвонки, а также сообщения, пересылаемые иным способом [4]. Поэтому мы считаем, что анализируемая переписка с использованием мессенджеров полностью подпадает под названное выше определение, а соответственно, должна изыматься и осматриваться по решению суда или, что представляется наиболее целесообразным (с учетом проведения, в подавляющем большинстве случаев, рассматриваемых мероприятий в условиях не терпящих отлагательства) с соблюдением процедуры уведомления прокурора и суда о произведенных следственных действиях, в порядке, регламентированном в части 5 статьи 165 УПК РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.06.2021).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.04.2021, с изм. от 13.05.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.06.2021).

3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 30.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/ (дата обращения: 10.06.2021).

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (ст.ст. 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314616/ (дата обращения: 10.06.2021).

5. Законопроект № 1176731-7 «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1176731-7 (дата обращения: 10.06.2021)

6. Клевцов К. К. Переписка в мессенджерах как доказательство. Способы получения и оформления // Уголовный процесс. 2020. № 10. С. 42–45.

7. Мобильные операторы назвали самые популярные у россиян мессенджеры // ИТАР-ТАСС. URL: https://tass.ru/ekonomika/10544793 (дата обращения: 10.06.2021).

8. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека. // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/ president/news/64638 (дата обращения: 10.06.2021).

9. Ли Д. Сравнительный анализ безопасности и приватности мессенджеров // Anti-Malware.ru – информационная безопасность для профессионалов. URL: https://www.anti-malware.ru/compare/Messengers-security-and-privacy. (дата обращения: 10.06.2021).

Несмиянова И. О.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

В настоящее время для современного мира характерны протекающие в нем технические и технологические изменениями. Появление персональных компьютеров, планшетов, смартфонов, сети Интернет увеличило объемы информации и значительно повлияло в том числе и на образовательный процесс.

Формирование специалистов различного профиля ориентировано на развитие у обучающихся именно мыслительной деятельности. Профессиональное образование, в настоящее время, базируется на компетентностном подходе. В соответствии с требованиями, отраженными в образовательном стандарте высшего профессионального образования для специальности «Судебная экспертиза» [1], информационная компетентность является обязательным и неотъемлемой частью общей профессиональной компетентности.

Особое значение подготовке экспертных кадров в своих работах уделяет профессор Н. П. Майлис, которая считает, что данная подготовка представляет собой сложный и трудоемкий процесс, связанные с различными особенностями и подходами к самому процессу преподавания, обобщению экспертной практики и использованию современных технологий [2].

В свете использования современных технологий возрастают требования как к повышению эффективности судебной экспертологии, так и к качеству подготовки судебных экспертов. В связи с чем остановимся на особенностях использования информационных технологий в образовательном процессе при подготовке судебных экспертов.

Подробнее рассмотрим возможности применения программного комплекса «AnShredder». На исследование было представлено около 6200 фрагментов от неизвестного количества страниц документа, уничтоженного с помощью шредера, и поставлен вопрос: «Не составляли ли ранее единое целое представленные на исследование фрагменты документа?». Для решения данного вопроса разработан программный продукт программистами из Сан-Франциско All Your Shreds Are Belong To U.S. [3], позволяющий восстановить содержание документа, уничтоженного шредером (измельчателем). Объекты, представленные на исследование, представляют собой фрагменты рукописного текста, измельченного на шредере, для их представления в цифровом формате они были отсканированы с разрешением 400 DPI. Программа по работе, с документами, уничтоженными шредером, включает несколько этапов.

На первом этапе необходимо подготовить фрагменты документов, провести их очистку от фона и выравнивание, выделить границы после заливки фона. Программа идентифицирует верхнюю и нижнюю границу фрагментов. Каждый

[1] © Несмиянова И. О., 2021.

фрагмент сохраняется в файл, перед сборкой составляется база данных с информацией о каждом фрагменте, и включает размерные характеристики, координаты линий (если фрагмент листа в линейку), форма границы, точки выхода следа, цвет каждой точки на границе, а символы. На основе полученной информации сборка документа осуществляется вручную в графическом редакторе (GIMP и Paint.NET). Общий документ со всеми найденными совпадениями постепенно дополняется, а вероятность пересчитывается.

В завершении программа выдает составленный документ, и эксперт делает вывод, о том, что представленные на исследование фрагменты документа ранее составляли единое целое, и с помощью программы представляет содержание документа.

Таким образом, данная программа позволяет эксперту проводить трасологические исследования документов, уничтоженных с помощью шредера, способствует повышению качества трасологических исследований целого по частям. В связи с этим мы считаем, что данный программный продукт целесообразно использовать при установлении целого по частям в рамках комплексного исследования. Подводя итог, отметим, что использование программ, применяемых при исследовании объектов трасологических экспертиз, не являются основной и окончательной целью, так как данное направление и данные технологии развиваются с высокой скоростью, поэтому их необходимо использовать и внедрять и в экспертную деятельность, повышать качественный уровень производства судебных экспертиз с использованием современных информационных технологий, которые, на наш взгляд, будут способствуют автоматизации работы эксперта, повышению продуктивность и скорость работы при исследовании объектов судебных экспертиз.

Список литературы

1. Приказ Министерства образования и науки Российской Федераци от 31 августа 2020 г. № 1136 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_362992/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddf518/ (дата обращения 20.04.2021).

2. Майлис Н. П. Совершенствование судебно-экспертной дидактической деятельности с использованием инновационных технологий // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2015. № 2. С. 12.

3. URL: https://oper.ru/news/read.php?t=1051609285 (дата обращения 20.04.2021).

Плахота К. С.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВИДЕОКОНФЕРЕНЦСВЯЗЬ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ

Ежегодно отмечается рост использования информационных технологий во всех сферах жизни общества и государства. Высокие технологии активно используются преступниками, преступными группами, преступными сообществами. По данным МВД России динамика совершения кибермошенничеств увеличилась в период с 2018 года по 2019 год на 68,5 %. «За период январь-декабрь 2019 года зарегистрировано 294,4 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (далее – ИКТ), из них 48,5 % относится к категориям тяжких и особо тяжких» [1]. Для раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием высоких технологий, правоохранительным органам необходимо цифровизировать свою деятельность.

Как отметил В.В. Путин 3 марта 2021 г. на расширенном заседании коллегии МВД России – следственная практика нуждается в новых формах собирания доказательств. По нашему мнению, в качестве одной из новых форм собирания доказательств можно считать использование видеоконференцсвязи (ВКС) на стадии предварительного следствия.

Внедрение ВКС в судопроизводство позволило реализовать право стороны защиты и обвинения на «непосредственность», отстаивание своей позиции лично. Необходимость использования ВКС вызвана объективными обстоятельствами – невозможностью граждан физически участвовать в уголовном судопроизводстве (территориальная удаленность места проживания, эпидемиологические заболевания, чрезвычайные обстоятельства, физические недостатки и т. д.). Важно, что использование ВКС является гарантией фундаментальных прав на личное участие в судебном заседании и состязательность сторон. Впервые применение ВКС в судебном заседании было процессуально закреплено в ч. 3 ст. 376 УПК РФ, принятого в 2001 году (в УПК РСФСР данная процедура не была регламентирована).

18 ноября 1999 года в судебном заседании была использована видеоконференцсвязь; подсудимый, находясь в челябинском следственном изоляторе №1, дистанционно присутствовал при рассмотрении уголовного дела в суде кассационной инстанции [2]. Челябинский следственный изолятор № 1 находился территориально далеко от места судебного разбирательства, в связи с чем конвоирование подсудимого требовало значительных финансовых затрат, в результате чего суд пришел к выводу, что возможно обеспечить его участие в судебном заседании посредством ВКС.

19 апреля 2000 года в Верховном суде Российской Федерации в дистанционном режиме, с помощью использования ВКС, состоялись слушания по трем уголовным делам. Видеоконференцсвязь была установлена между судом

---

[1] © Плахота К. С., 2021.

и СИЗО-77/3 Главного управления исполнения наказаний г. Москвы, которая продолжалась около трех часов [3].

В связи с изменениями в УПК РФ на сегодняшний день участие подсудимого через ВКС возможно в суде апелляционной и кассационной инстанций (389.12, 399, 401.13 УПК РФ). Правительством Российской Федерации для развития деятельности судебной системы были приняты Федеральные целевые программы, например, в соответствии с Федеральной целевой программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406, предусмотрено развитие «электронного судопроизводства». Согласно судебной статистике: «за шесть месяцев 2020 года суды первой инстанции рассмотрели с использованием ВКС 7621 уголовное дело, 5953 ходатайства об избрании (продлении) меры пресечения, 42409 материалов в порядке исполнения приговора или судебного контроля» [4].

Кроме того, следует отметить, что в период действия ограничительных мер, связанных с распространением инфекции COVID-19,Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что судам первой инстанции разрешено рассматривать материалы и уголовные дела посредством использования ВКС [5]. Как было отмечено выше УПК РФ позволяет применять ВКС в судах апелляционной и кассационной инстанций. В науке и практике выделяют ряд проблем, связанных с использованием ВКС:

1. Сложность установления психологического контакта с допрашиваемым, находящимся «за экраном». Установить контакт с человеком, находящимся в зале судебного заседания значительно легче. Однако современные технологии обеспечивают четкое изображение, качественный звук, что позволяет корректно и адекватно воспринимать информацию.

2. Проблема признания доказательств, полученных с помощью ВКС, допустимыми и достоверными. Такими являются доказательства при условии, что было обеспечено прочное соединение (без помех, перебоев, долгих пауз и т.п.). Помехи, сбои, участие третьей стороны (в том числе в лице специалиста) для восстановления связи служат поводами к признанию доказательств недопустимыми. В качестве решения данной проблемы можно предложить оборудовать здание суда (зала судебного заседания) локальным техническим устройством, способным поддерживать многоканальную передачу данных, обеспечить их видеофиксацию, с последующим выводом информации на экран.

3. Еще одним неразрешенным вопросом остается местонахождение защитника. В УПК РФ не предусмотрено должен ли защитник находиться в зале судебного заседания или же со своим подзащитным. На наш взгляд, тактически верным будет присутствие защитника по месту нахождения подзащитного в период судебного заседания, то есть в специально оборудованной камере следственного изолятора (так у защитника с подсудимым гарантировано осуществление права на конфиденциальную беседу; исключается давление на осужденного со стороны других участников процесса). Касаясь процессуальной

стороны вопроса следует отметить, что УПК РФ предусматривает дистанционное участие осужденного, содержащегося под стражей в судебном заседании; для защитника такой возможности не предусмотрено.

4. Внимания заслуживает вопрос о перечне лиц, которые могут быть допрошены дистанционно в судебном заседании. В УПК РФ предусмотрено, что могут быть допрошены посредством ВКС свидетель, потерпевший и подсудимый (ст. 240, ст. 241 УПК РФ). На наш взгляд, необходимо регламентировать возможность дистанционного допроса специалиста, эксперта. Зачастую следователь вынужден назначать экспертизы в экспертные учреждения, находящиеся на территории других субъектов, что в зале судебного заседания затрудняет допрос специалиста, эксперта в случае необходимости.

Использование ВКС на стадии судебного разбирательства имеет множество преимуществ: сокращение срока рассмотрения дела в суде, обеспечение принципа «непосредственности», сокращение финансовых затрат, а также минимизация риска побега заключенного. Однако согласно вышеизложенному существуют правовые, организационные и технические проблемы, требующие разрешения, которые необходимо учесть при регламентации производства следственных действий с использованием ВКС на стадии досудебного разбирательства.

Список литературы

1. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации // URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 01.05.2021).

2. Челябинский областной суд. Использование технологии видеоконференцсвязи // URL: http://www.chel-oblsud.ru/?html=n_video_conf (дата обращения 01.05.2021).

3. Самтынова Е. Верховный Суд Российской Федерации отмечает 20-летие использования видео-конференц-связи // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/news/1361912/ (дата обращения: 01.05.2021).

4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 01.05.2021).

5. URL: https://rg.ru/2020/04/30/vs-razreshil-provodit-ugolovnye-razbiratelstva-v-rezhime-videokonferencsviazi.html (дата обращения: 01.05.2021).

Поташов М. Р.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О ВОПРОСАХ ПРИЗНАНИЯ ВВОЗИМЫХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ НАРКОТИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ

Начиная с 2019 года российские правоохранительные органы начали заводить уголовные дела в отношении граждан, заказывающих препараты с бупропионом в зарубежных интернет-магазинах. Бупропион входит в состав некоторых лекарственных средств (веллбутрин, зибан, элонтрил), которые назначаются врачами-психиатрами в качестве средства при лечении депрессивных расстройств и никотиновой зависимости.

Лекарственные средства с бупропионом вышли на рынок около тридцати лет назад и продолжают оставаться популярными в наше время. В США препараты на основе бупропиона занимают четвертое место среди назначаемых лекарств от депрессии. В России бупропион, производимый британской компанией «GlaxoSmithKline», был зарегистрирован в 2010 году под торговым названием веллбутрин. Однако, в августе 2016 года компания-производитель ушла с российского рынка лекарственных средств, и регистрация на производство веллбутрина была отозвана. Таким образом, на территории России над оборотом бупропиона был установлен контроль как производного наркотического средства эфедрона (меткатинона).

В России функционируют не менее десяти интернет-сайтов, где можно заказать лекарственные средства на основе бупропиона. Доставляется бупропион в форме таблеток по 30 штук в упаковках под наименованиями: зибан, веллбутрин, элнотрил. Заказать можно препараты, произведенные в Европе и Индии, европейские препараты стоят дороже.

Фармакологическое действие бупропиона обусловлено специфическим влиянием на организм человека. Это не однородное по своему составу вещество. В организме он распадается на несколько метаболитов, каждый из которых оказывает собственное влияние на клетки центральной нервной системы. Бупропион является селективным ингибитором обратного захвата норадреналина и дофамина. Это означает, что средство препятствует поступлению перечисленных медиаторов из синоптической щели внутрь нейронов. При этом повышается концентрация этих веществ, и они чаще связываются с рецепторами нейронов, которые также находятся в синоптической щели. Чем больше дофамина и норадреналина воздействует на рецепторы, тем лучше самочувствие пациента. Развитие депрессии связывают с уменьшением в головном мозге серотонина, норадреналина и дофамина. Бупропион обеспечивает повышение концентрации двух медиаторов, что способствует улучшению настроения. Но это не все эффекты бупропиона. Путем воздействия на дофаминовые рецепторы, он уменьшает чувство голода и позволяет эффективнее бороться с ожирением. Кроме того, вещество помогает справиться с никотиновой зависимостью. Бупропион

[1] © Поташов М. Р., 2021.

способен связываться рецепторами с никотином, тем самым «обманывая» мозг и помогая отказаться от курения табака.

Использование в медицинских целях является основным предназначением бупропиона, но формальное отнесение его к производному наркотического средства эфедрон (метилметкатинон), который включен в список I [1] и отнесен к наркотическим средствам, оборот которых запрещен в соответствии с законодательством Российской Федерации, вызывает острую дискуссию в обществе. В средствах массовой информации активно освещаются процессы, связанные с приобретением препаратов, содержащих бупропион. Для прояснения ситуации считаем необходимым разъяснить, что именно понимается под определением производного наркотического средства.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2012 г. №1178 были внесены дополнения о производных, в частности в примечания был включен пункт, который гласит: «6. Производные наркотических средств и психотропных веществ являются веществами синтетического или естественного происхождения, которые не включены самостоятельными позициями в государственный реестр лекарственных средств или в настоящий перечень, химическая структура которых образована заменой (формальным замещением) одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества на иные одновалентные и (или) двухвалентные атомы или заместители (за исключением гидроксильной и карбоксильной групп), суммарное количество атомов углерода в которых не должно превышать количество атомов углерода в исходной химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества. В случае, если одно и то же вещество может быть отнесено к производным нескольких наркотических средств или психотропных веществ, оно признается производным наркотического средства или психотропного вещества, изменение химической структуры которого требует введения наименьшего количества заместителей и атомов» [2, с. 51].

Фраза «которые не включены самостоятельными позициями в государственный реестр лекарственных средств…», дает понимание того, что включенные в данный реестр лекарственные средства, в основе которых содержатся наркотические средства, не подпадают под категорию запрещенных к обороту, а являются лекарственными средствами. Так и было с бупропионом до августа 2016 г., однако, после исключения из данного реестра, он автоматически стал подпадать под контроль как производное наркотика эфедрон (метилметкатинон).

В апреле 2019 г. сотрудниками Московской таможни было возбуждено уголовное дело в отношении двух граждан России и уроженца Танзании, которые действовали по предварительному сговору и совершили контрабанду наркотиков средствами почтовой связи (из следственной практики СО ЛО МВД России на ВТ (уголовное дело № 11904009611000005 – 2019 г., ч. 3 ст. 229.1). Данные граждане через сеть Интернет из Индии заказали препарат с обозначениями «UNIDEP-150», в составе которого в результате физико-химической экспертизы был обнаружен бупропион общей массой 99 грамм.

Химическая структура соединения бупропион рассматривается как производное химической структуры соединения эфедрон (меткатинон), в которой один атом водорода в 3-м положении бензольного кольца замещен на одновалентный заместитель – галоген (хлор), а три атома водорода метильного радикала метиламиногруппы замещены соответственно на три одновалентных алкильных заместителя – метильные группы. На этом основании и в соответствии с пунктом 6 примечаний к Перечню наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, а также «Методическими подходами по отнесению соединений к «производным наркотических средств и психотропных веществ» [3] в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2012 г. № 1178 бупропион является производным эфедрона (меткатинона).

Вопрос о том, следует ли считать производным наркотического средства вещество, которое входит в состав лекарственных препаратов, при этом исключенное из государственного реестра лекарственных средств, остается спорным. По действующему законодательству бупропион является производным наркотического средства эфедрон (меткатинон). Однако мы считаем, что надо пересмотреть порядок определения производного наркотического средства для случаев, когда это вещество входит в состав лекарственных средств. Очевидно, что для признания какого-либо вещества производным наркотического средства недостаточно формального подхода, особенно в части, касающейся лекарственных средств. Считаем, что в данном случае нужны дополнительные лабораторные исследования, с целью подтверждения наркотического эффекта от употребления производного вещества.

На территории России в открытом доступе нет информации, подтверждающей наркотический эффект от употребления бупропиона. Клинические исследования, проведенные в США, показали, что люди, находящиеся под воздействием бупропиона, ощущали себя более настороженными и энергичными, чем обычно, что характеризует общие стимулирующие свойства бупропиона. Например, в отличие от употребления амфетамина у испытуемых не наблюдалось «наркотического удовольствия» и стремления к повторному приему препарата [5]. Сравнение бупропиона (150 мг) с не являющимся наркотиком кофеином (178 г) показало, что кофеин имеет бóльшую возможность к злоупотреблению, поскольку эффект от его применения описывался как доставляющий более «высокое» удовольствие, чем от бупропиона [6].

В связи с приведенными данными предлагаем пересмотреть порядок признания производными наркотических средств веществ, которые входят в состав лекарственных препаратов. На наш взгляд, необходимо дополнить формальные признаки отнесения веществ к производным наркотических средств, проведением специальных лабораторных исследований, направленных на изучение возможности оказания наркотического эффекта данными веществами на организм человека.

Список литературы

1. Постановление Правительства Российской Федераци от 30 июня 1998 г. № 681 «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

2. Шестакова С. В., Брянцева Н. В. Проблемы законодательства, регулирующего создание и распространение производных наркотических средств и психотропных веществ // Успехи в химии и химической технологии. 2014. С. 51.

3. Методические подходы по отнесению соединений к «производным наркотических средств и психотропных веществ в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2010 г. № 882 (информационное письмо начальника генерал-лейтенанта милиции В. В. Мартынова). М. : ЭКЦ МВД России, 2010.

4. Земцова С. И., Чулахов В. Н. Участие специалиста в раскрытии и расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств : монография. М. : Юрлитинформ, 2019. 176 с.

5. Rush C. R., Kollins S. H., Pazzaglia P. J. Discriminative-stimulus and particiant-rated effects of methylphenidate, bupropion, and triazolam in d-amphetamine-trained humans // Experimental and clinical psychopharmacology: journal. 1998 Vol. 6, no. 1. pp. 32–34.

6. Zernig G. De Wit H., Telser S., et al. Subjective effects of slow-release bupropion versus caffeine as determined in a quasi-naturalistic setting // Pharmacology: journal. 2004. Vol. 70, no. 4, pp. 206–215.

Салганский Н. Е.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Салганская Д. Д.[2]*,*
эксперт экспертно-криминалистического центра УВД по ТиНАО ГУ МВД России по г. Москве

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТА ЗАМЕНЫ ЛИСТОВ В МНОГОСТРАНИЧНЫХ ДОКУМЕНТАХ

Замена листов в многостраничном документе – способ подделки, достаточно часто использующийся преступниками для осуществления материального подлога [2, с. 262]. Однако в учебно-методической, а также научной литературе данный вид подлога документов освещен недостаточно. Кроме того, в типовых экспертных методиках исследования вещественных доказательств ЭКЦ МВД России отсутствует отдельная методика исследования многостраничных документов с целью установления факта замены листов. Таким образом, эксперт, перед которым могут быть поставлены подобного роды вопросы, не имеет четкого руководства по последовательности выполнения действий в рамках исследования. В результате эксперту приходится выстраивать алгоритм исследования самостоятельно, руководствуясь общими положениями теории судебной экспертизы, и проводить аналогии с типовыми методиками.

При установлении факта замены листов в многостраничном документе затруднения вызывает и смежное положение проводимого исследования между двумя областями судебной экспертизы. С одной стороны, оно проводится в контексте технико-криминалистической экспертизы документов, с другой – выявление и оценка наиболее значимых признаков, могущих прямо указывать на факт замены листов (признаки разъединения и повторного соединения документа), имеют трасологическую природу. Кроме того, при проведении подобного рода исследований, помимо прочего, подвергаются анализу признаки почерка в подписях и рукописных записях и свойства красящих веществ, которыми они выполнены. Это свидетельствует о возможности проведения полноценной комплексной экспертизы с привлечением экспертов в области почерковедения и исследования веществ, материалов и изделий [1, с. 192–197].

Проблема установления факта замены листов в учебно-методической литературе рассматривается преимущественно в отношении документов, относимых к категории защищенной полиграфической продукции. Данный факт объясняется тем, что к изготовлению и оформлению таких документов выдвигаются определенные требования (в том числе, наличие конкретных защитных средств), а конечный вид документа должен соответствовать образцу. Все требования и условия, касающиеся изготовления и оформления защищенной полиграфической продукции, строго регламентируются ГОСТами и ТУ [5]. Таким образом, наличие сведений о том, какие материалы и оборудование используются, какие

[1] © Салганский Н. Е., 2021.
[2] © Салганская Д. Д., 2021.

технологии применяются и каков стандарт изготавливаемого документа, облегчает задачу выявления технической подделки. В данном случае, наличие уже одного несоответствия образцу может свидетельствовать о факте замены листов в многостраничном документе.

Несколько иначе ситуация обстоит с документами, изготавливаемыми посредством копировально-множительной техники, знакопечатающих устройств и выполненных рукописно. Несмотря на наличие соответствующих стандартов оформления отдельных видов документов, в общем случае они не являются обязательными и применяются организациями и учреждениями на добровольной основе.

Как правило, конкретные организации и учреждения устанавливают свои особые требования к оформлению многостраничных документов – формат бумажных листов документа, ориентация страниц и особенности их нумерации, абзацное деление, использование различных гарнитур и их размеров, начертания межстрочных интервалов, способов скрепления листов и т. д. Такие требования либо прописаны в нормативной документации конкретного предприятия, либо существуют в устной форме [4, с. 49–53].

Отсутствие единых требований к оформлению документов затрудняет оценку выявленных признаков при решении вопроса о замене листов в многостраничных документах. Так, неоднозначно трактуются различия физико-химических свойств бумаги; выполнение печатных реквизитов на разных печатающих устройствах; различие признаков почерка в подписях, рукописных записях; логические нарушения в тексте документа и проч. Однако, данные признаки могут проявиться вследствие причин, не связанных с фактом замены листов. Так, различия физико-химических свойств бумаги могут появиться в связи с использованием для создания документа листов из разных производственных партий, а логические нарушения в тексте документа вызваны отсутствием необходимых компетенций у лица, занимавшегося оформлением документа и т. д.

Таким образом, при проведении исследований на предмет замены листов в защищенной полиграфической продукции и документах, изготовленных с использованием копировально-множительных устройств, в связи с вышеописанными особенностями необходимо использовать разные научно-методические подходы. Важно учитывать, что документ, изготовленный средствами полиграфии и имеющий защитный комплекс, изначально является единым целым, обладающим совокупностью признаков, указывающих на эту целостность, в то время как документ, изготовленный способами репрографии, заведомо лишен этой целостности. Следовательно, если в отношении защищенной полиграфической продукции будет достаточно уже одного различия в признаках с образцом для формирования вывода о факте замены листов, то при исследовании остальных видов документов необходимо выявлять максимально возможное количество признаков. Так, если при исследовании бланка трудовой книжки различие по типу бумаги и способу выполнения реквизитов будет являться достаточным основанием для вывода о наличии факта замены листа, то эти же признаки при исследовании договора, оформленного на обычной офисной бумаге, не будут

иметь сколько-нибудь существенной значимости, так как требования использовать бумагу исключительно одного типа (из одной пачки), распечатывать все листы документа одномоментно на одном печатающем устройстве – отсутствуют.

Рассмотрим основные группы признаков, которые характеризуют многостраничные документы, не являющиеся защищенной полиграфической продукцией, и могут свидетельствовать о факте замены листов в документе. К таковым относят [3, с. 107–110]:

– логические нарушения в тексте документа, а также различия в оформлении печатных реквизитов;

– признаки, указывающие на разъединение ранее скрепленных листов и повторное их скрепление;

– различие признаков, характеризующих процесс изготовления, эксплуатации и хранения документа;

– использование листов бумаги, обладающих разными физико-химическими свойствами;

– выполнение печатных реквизитов на разных печатающих устройствах;

– различие физико-химических свойств красящих веществ рукописных реквизитов, оттисков печатей, штампов;

– различие признаков почерка в подписях, рукописных записях, а также различие признаков печатей (штампов) в оттисках.

В большинстве случаев эксперт имеет возможность лишь констатировать тот или иной факт: использование бумаги с разными физико-химическими свойствами, выполнение печатных реквизитов на разных печатающих устройствах, расшивание и повторное сшивание документа, добавление конкретного листа в состав документа после выполнения определенных реквизитов и т. д. Решение вопроса о замене листа в категорической форме допустимо только при обнаружении признаков расшивания и повторного сшивания листов документа при условии исключения всех посторонних причин, которые могли повлечь проявление этих и других признаков, включая логические нарушения, выполнение страниц документа на различных копировально-множительных устройств и др. Таким образом, самостоятельное диагностическое значение имеют только признаки разъединения и последующего соединения листов документа. Остальные признаки при их наличии являются дополнительным подтверждением сделанного категорического вывода.

В остальных случаях возможен лишь альтернативный вывод, в котором должны быть указаны все возможные причины проявления тех или иных признаков. При этом дальнейшее установление природы происхождения данных признаков, а равно и установление факта, было ли подвергнуто изменению первоначальное содержание документа или нет, должно находиться в пределах компетенции лица, назначившего экспертизу, и может быть осуществлено посредством исследования иных доказательств по делу, а также путем допроса лиц, причастных к изготовлению документа, свидетелей и пр.

Список литературы

1. Досова А. В., Ляпичев В. Е. Комплексный подход как необходимое условие получения объективной информации о замене листов в документе // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : II Международная научно-практическая конференция, 21–22 мая 2014 г. : сборник материалов. Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2014. С. 192–197.

2. Технико-криминалистическая экспертиза документов : учебник / под ред. А. А. Проткина. М. : Юрлитинформ, 2015. 320 с.

3. Хмыз А. И., Хмыз О. Г. Об оценке признаков при установлении факта замены листов в рамках проведения технико-криминалистической экспертизы документов // Сборник материалов криминалистических чтений. Барнаул : Барнаульский юридический института МВД России, 2013. С. 107–110.

4. Шведова Н. Н., Досова А. В. Установление факта замены листов в документах, изготовленных с помощью копировально-множительных устройств (КМУ) // Вестник криминалистики. 2007. № 2 (22). С. 49–53.

5. Шлыков Д. А. К вопросу о проблемах установления факта замены листов в многостраничных документах, изготовленных с использованием копировально-множительной техники // Энциклопедия судебной экспертизы. URL: http://www.proexpertizu.ru/theory_and_practice/698/ (дата обращения: 09.04.2021).

Сидоров Ю. В.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС ИНСТИТУТА ОБВИНЕНИЯ В РОССИИ

Институт обвинения в России как наиболее значимая процессуальная категория, представляющая сложную совокупность уголовно-процессуальных норм, требует глубокого осмысления и изучения на всех исторически важных этапах становления Российского законодательства. Изучение и анализ развития института обвинения в России позволяет оценить современный уголовный процесс и увидеть основные направления изменений.

В теории уголовного процесса принято выделять четыре этапа развития института привлечения в качестве обвиняемого: дореформенный (до судебной реформы 1864 года), послереформенный (с 1864 года до 1917 года), советский период (с 1917 года по 1990 год) и современный этап (с 1990 года).

Как указывает Ф. Б. Мухаметшин, начало возникновения института обвинения в Древнерусском государстве относится к IX веку [2, с. 119–120]. Одним из важнейших памятников права, связанных с формированием института обвинения, являлась «Русская Правда». Анализ положений указанного правового документа позволяет увидеть двойственную позицию, занятую государством в отношении института обвинения. Некоторые положения «Русской Правды», касающиеся преступлений, совершенных в отношении княжеской власти, носили исключительно репрессивный характер. При этом доминирующим являлось положение об обязанности истца нести бремя доказывания, начиная со сбора доказательств и заканчивая обеспечением явки ответчика в суд.

Впервые привлечение лица в качестве обвиняемого было нормативно закреплено в Псковской и Новгородской судных грамотах, в которых содержались нормы, регламентирующие привлечение лиц, совершивших тяжкие преступления к уголовной ответственности, а также задержание и доставление обвиняемого в суд. Вместе с тем основанием привлечения в качестве обвиняемого являлось заявлением истца и принесение специальной присяги.

Магистральным направлением развития процессуального законодательства в XV-XVI веках было постепенное увеличение удельного веса следственного процесса взамен состязательного. Нормы Судебников 1497 и 1550 годов определили одним из основных векторов развития процессуального института обвинения охрану феодальной собственности. Обвинение со стороны благонадежных с точки зрения феодалов людей имело доказательную силу. «Судебник» 1550 г., принятый Иваном IV, значительно расширил перечень преступлений против государственной власти. При этом важнейшее место отводилось институтам обвинения, открыто ущемляющим права подозреваемого.

Во второй половине XVI-XVII веке изменения уголовно-процессуального законодательства существенно затронули порядок рассмотрения дел. По делам,

[1] © Сидоров Ю. В., 2021.

находившимся вне компетенции губных учреждений, сохранялся состязательный порядок процесса, наделявший стороны весьма широкими правами, включая собирание и представление доказательств. Усиление следственного начала повлияло на дела, рассматривавшиеся в порядке состязательного процесса, за которым закреплялось наименование «суда» в смысле видового термина в отличие от разыскного процесса. В указанной форме законодательство XVI века перестраивало органы суда и форму процесса, одновременно усиливая уголовную репрессию.

Одной из характерных черт сложившегося в России в первой четверти XVIII века абсолютистского государства являлась судебная система. В указанный период начинается отделение суда от администрации. В марте 1715 года императором Петром I было издано «Краткое изображение процессов или судебных тяжб», посвященное судоустройству и процессу. В данном правовом документе давалось определение судебного процесса, описывались его стадии и виды. В целом можно констатировать повышение роли суда в организации процессуальных действий.

Во второй половине XVIII–XIX в.в. происходит процесс закрепления системы судебных органов. Определяется состав суда совместно с должностными лицами, находящимися при нем: председатель, аудитор, асессоры. Характерной чертой дореформенного суда являлась следственно-разыскная форма уголовного процесса. Судебное разбирательство проходило в глубокой тайне без непосредственного изучения доказательств. Суд при разрешении дела ориентировался на материалы, собранные в ходе предварительного следствия, производил опрос свидетелей и обвиняемого.

Принятый 20 ноября 1864 года «Устав уголовного судопроизводства» оказал большое влияние на развитие российского уголовного процесса в целом, так и на институт привлечения в качестве обвиняемого в частности. Так, Устав определил отличия между поводом к началу предварительного следствия и основаниями привлечения лица в качестве обвиняемого. Это впоследствии привело к выделению и развитию привлечения в качестве обвиняемого как самостоятельного правового института. Устав уголовного судопроизводства не содержал понятий «подозреваемый» и «обвиняемый», в связи с чем различий в них не имелось. Выделение привлечения в качестве обвиняемого в самостоятельный этап уголовного судопроизводства обусловливалось потребностью определения лица, уполномоченного принимать решение о привлечении в качестве обвиняемого, и момента принятия такого решения. Устав уголовного судопроизводства содержал в себе нормы, образующие институт привлечения в качестве обвиняемого и крайне схожие с современным уголовным процессом: например, статьей 3 потерпевшим от преступлений, полицейским и административным властям предоставлялось право обличать обвиняемого перед судом; статья 16 содержала причины прекращения уголовного преследования обвиняемого и т.п.

Последующий этап развития института привлечения в качестве обвиняемого связан с изменением политической обстановки в стране, в ходе которой упраздняются правоохранительные и судебные органы, действовавшие до 1917 года, запрещается применение законов, принятых в эпоху царской и имперской России.

Период с 1917 года по 1922 год нельзя назвать активной стадией развития института привлечения в качестве обвиняемого, однако некоторые положения, закрепленные в отдельных нормативно-правовых актах, все же его затронули. Так, пункт 9 Положения о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 года предписывал, что постановления следственных комиссий об освобождении арестованных, арестах, выемках и привлечении новых лиц в качестве обвиняемых проводятся в порядке существующих постановлений через действующий орган [1, с. 84]. При этом нормы, содержащие алгоритм действий лица, принявшего решение о привлечении в качестве обвиняемого, в указанном нормативно-правовом акте отсутствовали, как и требования к содержанию самого постановления.

Правовая регламентация привлечения в качестве обвиняемого в УПК РСФСР 1922 года приобрела важное значение для предварительного расследования и судебного разбирательства. УПК РСФСР 1922 года оказал влияние как на развитие советского уголовного судопроизводства в целом, так и на институт обвинения в частности, закрепив порядок привлечения лица в качестве обвиняемого. При этом указанный нормативный правовой акт имел свои недостатки, выраженные в отсутствии четких понятий «подозреваемый» и «обвиняемый», что несомненно являлось препятствием в реализации их прав. Дальнейшие изменения уголовно-процессуального законодательства вплоть до 1958 года институт привлечения в качестве обвиняемого практически не затронули.

Важнейшим этапом, повлиявшим на развитие института привлечения в качестве обвиняемого, стало принятие в 1958 году «Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик» и УПК РСФСР 1960 года. Большинство положений указанных актов легли в основу института привлечения в качестве обвиняемого и остаются до настоящего времени актуальными. Основанием для привлечения лица в качестве обвиняемого согласно ст. 143 УПК РСФСР 1960 года являлось «наличие достаточных доказательств», а не «наличие достаточных данных», имеющих более широкое значение и предусмотренное ранее действовавшими УПК советского периода. Изменения УПК РСФСР 1960 года, по нашему мнению, привнесли в существующий механизм института привлечения в качестве обвиняемого как недостающую деталь «изменение и дополнение обвинения». Кроме того, УПК РСФСР 1960 года выступал важным гарантом соблюдения прав обвиняемого в уголовном процессе, закрепив возможность участия защитника в ходе предварительного следствия, при том что в дознании защитник участия не принимал.

Дальнейшие изменения уголовно-процессуального закона связаны с решениями Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июня 1972 года и касаются допуска по постановлению прокурора к участию в уголовном деле защитника с момента предъявления лицу обвинения (изменения внесены в ч. 1 ст. 47 УПК РСФСР 1960), а также от 08 августа 1983 года об обеспечении обвиняемому права на защиту (ст. 19 УПК РСФСР 1960 года с изменениями от 08 августа 1983 года). Согласно новым требованиям суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязывались обеспечивать обвиняемому право на защиту, которое возникает с момента предъявления обвинения. Тем самым указанные

изменения обеспечивали участие в уголовном деле защитника с момента привлечения в качестве обвиняемого.

УПК РФ, принятый в 2001 году и основанный на Концепции судебной реформы, внес в институт привлечения в качестве обвиняемого некоторые изменения [3]. Как полагают некоторые процессуалисты, порядок привлечения в качестве обвиняемого в целом соответствовал положениям УПК РСФСР за некоторыми исключениями: 1) о привлечении лица в качестве обвиняемого выносится постановление; 2) с 2-х до 3-х суток увеличился срок для предъявления обвинения; 3) повторный допрос обвиняемого по тому же обвинению в случае его отказа отдачи показаний производится по просьбе самого обвиняемого; 4) обвинительный акт при производстве дознания является формой предъявления обвинения.

Помимо указанных изменений в УПК РФ глава 23 получила новое наименование «Привлечение в качестве обвиняемого. Предъявление обвинения», тем самым дав понятию «привлечение в качестве обвиняемого» более широкий смысл наряду с предъявлением обвинения. В указанной главе четко структурирована процедура привлечения в качестве обвиняемого, при этом из нее исключили розыск и привод обвиняемого, участие защитника при привлечении в качестве обвиняемого как нормы, носящие, с нашей точки зрения, общие обеспечительные функции.

Изучив историю развития института привлечения в качестве обвиняемого на различных этапах его законодательной эволюции, можно сделать вывод о том, что он имел и имеет в настоящее время важнейшее значение для уголовного судопроизводства в целом. Основной вектор развития данного института направлен на расширение процессуальных полномочий участников уголовного процесса в целях обеспечения их прав и законных интересов.

Список литературы

1. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сборник документов / под ред. С. А. Голунского. М., 1995. 635 с.

2. Мухаметшин Ф. Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России: IX – начало XX века : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01. СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2004. 360 с.

3. Постановление ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=221794#05919438714600729 (дата обращения: 12.04.2021).

Сорокина И. А.[1]***,***
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МОМЕНТ ПРИОБРЕТЕНИЯ УЧАСТНИКОМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ВЫДЕЛЕНО В ОТДЕЛЬНОЕ ПРОИЗВОДСТВО И ЕГО ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

«Сделка с правосудием», а в российской интерпретации досудебное соглашение о сотрудничестве, всегда вызывала неоднозначные суждения относительно своей сути. С одной стороны, лицо совершившее преступление имеет право раскаяться в содеянном деянии и попытаться загладить причиненный ущерб посредством помощи органам, осуществляющим предварительное расследование в изобличении своих сообщников [1]. С другой же стороны, полагаться на показания преступника и в основном строить позицию обвинения, на данных полученных от лица, преступившего закон не совсем логично, ведь в стремлении уменьшить размер наказания он может направить следствие по неверному пути [3].

Еще больше споров породила регламентация нового участника процесса, получившего название – лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Являясь по факту ни свидетелем, ни подозреваемым по основному делу, он представляет собой по большей степени гибрид указанных ранее процессуальных статусов. Как бы неоднозначно к нему не относились [4, 5], его правовое положение имеет место быть исходя из закрепленных в уголовно-процессуальных нормах аспектах, в связи с чем, в настоящей статье нам бы хотелось осветить основные моменты его появления на уголовно-процессуальном поле.

Обращаясь к УПК РФ, стоит заметить, что процессуальное появление некоторых участников он связывает с вынесением должностным лицом определенного решения по делу. Так статус потерпевшего оформляется соответствующим постановлением о признании лица таковым, подозреваемым человек становится, когда, например, в отношении него возбуждается уголовное дело. Необходимость составления указанных процессуальных документов прямо вытекает из содержания нормы, регламентирующей конкретного участника производства.

Однако по данному поводу есть особое отношение Конституционного Суда Российской Федерации, изложенное в нескольких постановлениях и определениях (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О, от 17 ноября 2011 г. № 1555-О-О и др.), объединяющих единое мнение о том, что правовое положение участника не должно быть связано с принятием соответствующего решения субъектом осуществляющим расследование, а исходить из фактического положения лица.

---

[1] © Сорокина И. А., 2021.

В данном случае, речь идет о возможном ущемлении или пренебрежении правами некоторых участников в первую очередь подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего. Обращаясь к положениям ст. 56.1 УПК РФ, мы видим, что закон не связывает приобретение статуса лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве с составлением какого-либо процессуального документа, таким образом, возникает вопрос, когда же указанный ранее участник приобретает свои права и обязанности в рамках дела в отношении своих соучастников.

Главное назначение регламентации упомянутого нами ранее субъекта уголовно-процессуальных отношений это дача показаний в рамках основного производства с целью изобличить сообщников и помочь органам предварительного следствия в собирании доказательственной базы по уголовному делу, так сказать «из первых уст». Поэтому полученные от него сведения играют важную роль в процессе доказывания, и соответственно от правильности понимания момента его появления как уголовно-процессуального субъекта может зависеть допустимость полученных при его содействии доказательств.

Исходя из уголовно-процессуальных положений, зафиксированных в ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ мы видим, что период, в течение которого подозреваемый или обвиняемый может воспользоваться своим правом ходатайствовать о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, ограничен досудебным производством и определяется «с момента начала уголовного преследования до объявления об окончании предварительного следствия». Главное требование состоит в том, что лицо должно выражать желание содействовать органам предварительного расследования, а также обладать интересующими следствие сведениями относительно криминальной деятельности соучастников преступления.

В связи с тем, что при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, характер производства приобретает особый порядок, позиция Верховного Суда Российской Федерации, изложенная в постановлении от 28 июня 2012 г. № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» относительно выделения данного уголовного дела из основного непреклонна «когда такое уголовное дело не было выделено в отдельное производство и поступило в суд в отношении всех обвиняемых, судья назначает предварительное слушание для решения вопроса о возвращении уголовного дела прокурору в порядке, установленном статьей 237 УПК РФ.». Однако конкретный момент, когда дело необходимо выделить не указывается. Потому следователь сам определяет этап, на котором он будет выделять уголовное дело по основанию, предусмотренному п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ. Исходя из анализа правоприменительной практики, указанное ранее решение, лицо, ведущее расследование принимает на заключительном этапе, перед ознакомлением с материалами уголовного дела. В связи с чем по больше части не привлекая к участию в досудебном производстве лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

Это связано в первую очередь с неоднозначностью трактовки его показаний относительно ст. 74 УПК РФ, а также с незнанием следователя с какого момента этот субъект приобретает права, предусмотренные ст. 56.1 УПК РФ, и как ему регламентировать перемену статуса в рамках одного дела.

И так рассмотрим возможные варианты появления лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве в рамках основного производства. Например, это может быть момент вынесения постановления о выделении уголовного дела по основанию, касающемуся заключения досудебного соглашения о сотрудничестве. Вынося указанное процессуальное решение, следователь разделяет два производства, соответственно, отсекая возможность участвовать другим подозреваемым или обвиняемым в процессе доказывания или знакомится с материалами по выделенному делу. Но с другой стороны уголовно-процессуальный закон разрешает использовать доказательства, полученные по выделенному делу, в основном производстве.

Показания, который дает подозреваемый заключивший досудебное соглашение о сотрудничестве обретают процессуальную форму в рамках основного дела при условии смены им процессуального статуса, регламентированного ст. 56.1 УПК РФ. Однако мы считаем нецелесообразным использовать в формулировке постановления о выделении уголовного дела в отдельное производство указание на приобретение процессуального положения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. Это связано в первую очередь с тем, что в рамках данного постановления мы указываем основания для выделения уголовного дела, а во вторую очередь, когда имеется угроза безопасности подозреваемого, обвиняемого, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, указание его идентифицирующих данных может привести к рассекречиванию его личности.

Стоит иметь в виду, что получить сведения от любого участника процесса мы можем в ходе допроса, при проведении которого одной из обязанностей следователя является разъяснение прав и обязанностей допрашиваемому субъекту. Исходя из этого со своими новыми правами, регламентированными ст. 56.1 УПК РФ лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве знакомится только в рамках своего допроса. Таким образом, как мы считаем, приобретая свой статус. С другой стороны, проводя аналогию с моментом возникновения такого участника как свидетель, некоторые процессуалисты отмечают, что одним из критериев определения его сущности, а соответственно и его процессуального положения, является факт вызова его на допрос, в соответствии с требованиями УПК РФ [2, с. 39–40]. Однако мы считаем, что момент вызова на допрос (посредством предусмотренного УПК РФ способа, а именно передача повестки) и приобретение лицом комплекса принадлежащих ему прав не может быть тождественен. Так как следователь может вызвать рассматриваемое нами лицо на допрос в качестве подозреваемого по выделенному делу, а после допросить в рамках основного уже в статусе, регламентированном ст. 56.1 УПК РФ.

Стоит обратить внимание на то, что если следователь не допросит его в рамках основного производства в приобретенном «новом» положении, то соответственно не сможет указать его статус в обвинительном заключении в списке лиц, подлежащих вызову в судебное заседание.

Подводя итог вышесказанному хочется сделать вывод, что статус это набор определенных процессуальных прав, обязанностей характеризующих того или иного участника процесса, поэтому мы считаем что моментом возникновения такого субъекта как лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве является его допрос, в ходе которого следователь разъясняет правовое положение участника уголовно-процессуальных правоотношений.

Список литературы

1. Головинский М. М. Досудебное соглашение о сотрудничестве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Владимир, 2011.

2. Григорьев Ф. Г. Процессуальное положение свидетеля в уголовном судопроизводстве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. М., 2008.

3. Кубрикова М. Е. Актуальные вопросы института досудебного соглашения о сотрудничестве : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Челябинск, 2013.

4. Победкин А. В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 47–54.

5. Шадрин В. С. «Новый» участник уголовного судопроизводства – свидетельствующий соучастник // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 33–36.

Сумина А. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ С СОТРУДНИКАМИ ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ И ПРОИЗВОДСТВЕ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШЕННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ МЕТАТЕЛЬНОГО СТРЕЛКОВОГО ОРУЖИЯ

Одним из актуальных направлений взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации при раскрытии и расследовании преступлений является работа следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений при назначении и производстве судебных экспертиз.

Первоначальное взаимодействие следователя с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений осуществляется в процессе производства следственных действий. Остановимся подробней на осмотре места происшествия по делам о преступлениях, совершенных с применением метательного стрелкового оружия.

В ходе осмотра места происшествия осуществляется совместная работа следователя и специалиста, направленная на всесторонний сбор вещественных доказательств на месте происшествия. Специалист может оказывать следователю содействие:

– в определении необходимых для осмотра места происшествия технико-криминалистических средств;

– в определении привлечения дополнительных специалистов – эксперта, который обладает специальными знаниями в области производства конкретного вида судебной экспертизы и др.;

– в обнаружении, фиксации, изъятии и упаковке метательного стрелкового оружия, снарядов к нему и следов их применения;

– в описании составных частей и деталей метательного стрелкового оружия, снарядов к нему и следов их применения в протоколе осмотра места происшествия (а также иных объектов и следов);

– в проведении предварительных исследований на месте происшествия;

– определении направления дальнейшего использования обнаруженных и изъятых объектов и следов в раскрытии и расследовании преступлений [1, с. 46];

– формулировании вопросов эксперту, которые перед ним поставит следователь при назначении определенного вида (рода) судебной экспертизы;

– определении вида и технологии получения образцов для сравнительного исследования и др.

Анализ изучения уголовных дел показал, что по преступлениям, совершенным с применением метательного стрелкового оружия, назначаются следующие

[1] © Сумина А. В., 2021.

виды судебных экспертиз: судебная экспертиза холодного и метательного оружия (однако, следует отметить, что указанная экспертиза не назначалась по преступлениям, совершенным с применением рогаток); экспертиза материалов, веществ и изделий; дактилоскопическая экспертиза; трасологическая экспертиза; биологическая экспертиза тканей и выделений человека; комплексная экспертиза, а также иные судебные экспертизы: фоноскопическая, судебно-медицинская, психофизиологическая, баллистическая.

Кроме того, результаты анкетирования сотрудников следственных подразделений и дознания показали, что 35 % респондентов не обращаются за консультативной помощью к специалисту или эксперту при формулировании вопросов при назначении судебных экспертиз.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что по преступлениям, совершенным с применением метательного стрелкового оружия не всегда назначаются необходимые судебные экспертизы, а также не всегда ставятся на разрешение эксперта вопросы, которые связаны с обстоятельствами совершения преступления и обнаруженными следами применения метательного стрелкового оружия.

Так, по-нашему мнению, при обнаружении в ходе осмотра места происшествия метательного стрелкового оружия и его снарядов, а также с учетом обстоятельств совершенного преступления, необходимо в обязательном порядке назначать экспертизу холодного и метательного оружия, дактилоскопическую экспертизу, биологическую экспертизу тканей и выделений человека; при обнаружении следов применения метательного стрелкового оружия, необходимо назначать комплексную экспертизу, привлекая к ней: эксперта-трасолога; эксперта-баллиста; эксперта, обладающего специальными знаниями в области холодного и метательного оружия; судебного медика (при наличии трупа или повреждений на одежде), что позволит не только повысить эффективность выявления иных следов (рук, потожировых, запаховых и др.), но и установить все факты и обстоятельства расследуемого преступления.

Таким образом, следует отметить, что при расследовании преступлений, совершенных с применением метательного стрелкового оружия, назначение определенных судебных экспертиз и формулирование по ним вопросов следователем на разрешение эксперта, должны осуществляться с учетом обстоятельств совершения преступления и обнаруженных следов применения указанного оружия на месте происшествия, в целях установления механизма совершения преступления, процесса следообразования и др., в связи с чем, следователю необходимо обращаться за консультативной помощью к сотрудникам экспертно-криминалистических подразделений (специалисту, эксперту), поскольку такое взаимодействие будет способствовать установлению всех фактов и обстоятельств, которые подлежат доказыванию по конкретному преступлению, совершенному с применением метательного стрелкового оружия.

Список литературы

1. Демидова Т. В. Взаимодействие следователя с экспертом на стадии подготовки материалов для производства судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 46–50.

Тютерева Ю. С.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИСТАНЦИОННОГО ПОРЯДКА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Вопросы дистанционного порядка производства по уголовному делу являются очень актуальными и насущными. В науке уголовного процесса они поднимались на протяжении последнего десятилетия, однако в связи с пандемией коронавируса они стали особенно актуальными, и значимость разрешения всех существующих в данной сфере вопросов объясняется не только безопасностью всех участников уголовного процесса, но и своевременным и всесторонним рассмотрением материалов уголовного дела, по которому нет возможности обеспечить даже принудительной силой уголовного и уголовно-процессуального закона присутствие всех участников очно и непосредственно. Изначально в науке рассматривалась допустимость рассмотрения уголовного дела в электронной форме, как это существует в арбитражном и гражданском судопроизводстве [4, с. 67–68], однако современные условия ограниченного доступа в судебные заседания диктуют новые вызовы для практики рассмотрения уголовных дел. К сожалению, многие исследователи отмечают в своих работах, что российская система уголовного судопроизводства оказалась явно не готова к вызовам нового вида, и ее реакцией стало ограничение доступа в судебные заседания и отказ применения дистанционных электронных технологий, если речь идет о правоотношениях принудительного характера, что наиболее характерно для уголовного процесса [3, с. 23–24].

Несмотря на то, что правоприменитель разъяснил судам правила проведения судебных заседаний по уголовным делам в условиях пандемии, многие суды ссылаются на невозможность проведения заседаний в дистанционном режиме и прямо саботируют указания Верховного Суда Российской Федераци [2]. Как отмечает в своей работе И.И. Шереметьев, в своем Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространения на территории Российской Федераци новой коронавирусной инфекции № 2 [6]. Верховный Суд Российской Федерации разъяснил, что по каждому материалу или уголовному делу, требующему безотлагательного рассмотрения, суд вправе принять решение о проведении всего судебного разбирательства с использованием систем видеоконференц-связи, что позволит обеспечить личное участие и соблюдение процессуальных прав подсудимого, подозреваемого, обвиняемого и иных лиц в судебном заседании [5, с. 98–99].

Несмотря на то, чтоВерховный Суд Российской Федерации все же сумел дать разъяснения судам о том, как приспособиться к новым условиям рассмотрения дел, нельзя не отметить абсолютную неподготовленность российского законодательства к данным нововведениям, поэтому с точки зрения нижестоящих судов,

[1] © Тютерева Ю. С., 2021.

толкующих закон буквально, практически во всех случаях требуется непосредственное участие и присутствие участника уголовного процесса в судебном заседании.

Необходимо отметить, что особенности российского уголовного процесса, препятствующие внедрению дистанционного порядка рассмотрения уголовного дела, а также возможности удаленного участия тех или иных фигурантов в уголовном судопроизводстве, заложены на уровне принципов. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 240 УПК РФ [1] непосредственность и устность является одним из ключевых принципов уголовного процесса. Согласно ч. 1 ст. 241 УПК РФ в судебном разбирательстве все доказательства по уголовному делу подлежат непосредственному исследованию, за исключением случаев, предусмотренных разделом X настоящего Кодекса. Суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит судебные действия по исследованию доказательств. Таким образом, доказательства по делу могут исследоваться только непосредственно в судебном заседании, то есть, их рассмотрение и материальное объективное присутствие должно быть обеспечено. Однако, как быть в том случае, если доказательствами являются показания лиц, принимающих участие в уголовном судопроизводстве.

В соответствии с п. 4 ст. 240 УПК РФ свидетель и потерпевший могут быть допрошены судом путем использования систем видеоконференцсвязи. Их показания в соответствии с п. 2 ст. 74 являются доказательствами по уголовному делу. При этом законом не предусмотрена возможность исследования остальных доказательств, указанных в п. 2 ст. 74 УПК РФ, в аналогичном дистанционном формате. Уже сам по себе такой подход может скрывать в себе существенное неравноправие процессуальных оснований дистанционного исследования доказательств по делу, что может свидетельствовать о том, что свидетель и потерпевший как носители информации, обладающей доказательственным значением, поставлены в преимущественное положение по сравнению с подсудимым, подозреваемым, обвиняемым и экспертом.

Кроме того, основополагающим и фундаментальным принципом уголовного процесса является открытость. В соответствии с ч. 1 ст. 241 УПК РФ разбирательство уголовных дел во всех судах открытое, за исключением случаев, предусмотренных настоящей статьей. Непосредственность как принцип уголовного судопроизводства распространяется на подсудимого, что существенно отличается от подхода к участию в деле потерпевшего и свидетеля. Однако и из принципа непосредственности для подсудимого имеются отдельные исключения. Согласно п. 6.1 ст. 241 УПК РФ подсудимый участвует в судебном заседании непосредственно. В исключительных случаях в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства суд вправе по ходатайству любой из сторон принять решение об участии в судебном заседании подсудимого, содержащегося под стражей, путем использования систем видеоконференцсвязи.

Таким образом, потерпевший и свидетель могут быть допрошены в судебном заседании путем систем видеоконференцсвязи без каких-либо оговорок, при этом предусмотрены нормы допроса свидетелей в удаленном режиме онлайн (ст.

278.1 УПК РФ). Подсудимый может участвовать в судебном заседании по видеоконференцсвязи лишь в исключительных случаях по отдельным статьям УК РФ. Во всех остальных случаях подсудимый обязан присутствовать лично в судебном заседании, а заочное производство по уголовным делам не допускается, за исключением отдельных особо оговоренных случаев.

Из этого можно заключить, что принудительная сила уголовного закона в наибольшей мере распространяет свое действие на подсудимого, а в отношении свидетелей и потерпевшего возможен дистанционный порядок участия в уголовном процессе. Несмотря на состязательность и равноправие сторон перед судом, на наш взгляд, все же дистанционный порядок уголовного судопроизводства чаще всего применяется стороной обвинения по ходатайству представителя обвинения и распространяется, в основном, на показания свидетелей и потерпевшего, и это может нарушать право подсудимого на защиту, поскольку отступление от принципа равноправия и состязательности ухудшает положение подсудимого.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федераци от 18 декабря 2001 г. №174-ФЗ // Российская газета. 2001. № 249.

2. Коробка Е. Адвокаты и юристы рассказали Адвокатской газете о своих впечатлениях от судебных онлайн-заседаний // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokaty-i-yuristy-rasskazali-ag-o-svoikh-vpechatleniyakh-ot-sudebnykh-onlayn-zasedaniy/.

3. Макарова О. В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела // Журнал правосудия. 2019. № 2. С. 159–168.

4. Соколов Ю. Н. Допустимость рассмотрения материалов уголовного дела в электронной форме // Информационное право. 2017. № 1. С. 28–33.

5. Шереметьев И. И. Использование современных цифровых технологий при судебном разбирательстве уголовных дел в дистанционном режиме // Вестник университета именип О.Е. Кутафина. 2020. № 10. С. 97–107.

6. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 21 апреля 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 5.

Урывкова А. Е.[1]***,***
аспирант факультета подготовки научно-педагогических кадров
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

ФАКТЫ ОТМЕНЫ ПРОКУРОРОМ РЕШЕНИЙ ОБ ОТКАЗЕ В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА – ВЕСОМЫЙ АРГУМЕНТ В ПОЛЬЗУ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА?

В УПК РФ с момента его принятия периодически вносятся изменения и дополнения, касающиеся правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела. Вместе с тем, не все проблемы, возникающие у правоприменителя при проведении проверки сообщения о преступлении на стадии возбуждения уголовного дела, удалось решить посредством законодательного регулирования, а все новеллы, которыми дополнена глава 19 УПК РФ, лишь повысили актуальность существующей проблематики, поскольку не всегда учитывают интерес правоприменительной практики.

Вопрос о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве является одним из самых дискуссионных в современном юридическом сообществе [1, с. 31]. Ряд авторов настойчиво высказываются за отказ от данной стадии, другие – за сохранение, но с необходимостью ее дальнейшего реформирования.

В настоящее время, несмотря на значительные трансформации в своем содержании, стадия возбуждения уголовного дела, тем не менее, продолжает существовать. Однако стоит отметить, что после одобрения Концепции судебной реформы 1991 года (далее – Концепция) вектор внимания отечественных процессуалистов существенно смещен к данной проблеме.

В Концепции изложены «революционные» для системы современного уголовного процесса положения, идея которых сводится к отсутствию целесообразности выделения стадии возбуждения уголовного дела в качестве самостоятельной стадии и отсутствию необходимости ее существования как таковой [2].

В научных кругах вывод о несостоятельности института отказа в возбуждении уголовного дела зачастую обосновывают данными о количестве отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [3, с. 18].

Анализ статистических данных за 2017–2019 гг. показал, что прокурорами в рамках надзорных полномочий в 2017 году отменено 2 381 432 постановления следователей и дознавателей об отказе в возбуждении уголовного дела, что составило 115,6 % от общего числа зарегистрированных на территории России преступлений, в 2018 году – 2 225 641 (–6,5 %) или 111,7 %, в 2019 году – 2 035 927 (–8,5%) или 100,5 % [4]. Количество отмененных процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе с повторными, сокращается.

---

[1] © Урывкова А. Е., 2021.

В то же время, приведенные показатели наглядно демонстрируют, что за отмеченный период количество отмененных решений превышает количество зарегистрированных преступлений более чем на 100 %.

Безусловно, видя такую статистику граждане и исследователи проблематики стадии возбуждения уголовного дела делают вполне категоричные выводы о распространенности фактов принятия должностными лицами незаконных и необоснованных решений на первоначальной стадии уголовного судопроизводства.

При отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела следователь (дознаватель) по результатам доследственной проверки принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом, в обязательном порядке в течении 24 часов надзирающему прокурору направляется копия данного процессуального документа. Прокурору в силу п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ предоставлено право отменить такое решение, если он сочтет его незаконным и необоснованным.

Таким образом, логика вышеобозначенных аргументаций о распространенности нарушений закона в стадии возбуждения уголовного дела проста – если постановление об отказе в возбуждении уголовного дела отменяются, то следует, что эти решения являются незаконными и необоснованными.

Однако, по нашему мнению, не все так очевидно, и при рассмотрении данного вопроса следует учесть ряд немаловажных обстоятельств. Тем более, что после отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в 2017 году возбуждено 176, 9 тыс. уголовных дел, что составляет лишь 7,4 % от общего количества отмененных решений, в 2018 году – это 165, 6 тыс. уголовных дел или 7,4 %, в 2019 году – 162,4 тыс. уголовных дел или 7,9 % [4]. То есть, по большинству материалов «доследственных проверок» после проведения дополнительных мероприятий не было получено данных, которые бы повлияли на первоначальное процессуальное решение, принятое по результатам проведенной проверки.

Анализ следственной практики показывает, что несмотря на ч. 4 ст. 7 УПК РФ, в которой прямо закреплено, «что любое постановление в уголовном судопроизводстве должно быть законным, обоснованным и мотивированным» [6], при вынесении постановления об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела прокурором какая-либо мотивировка принятого решения и мотивировка указаний, адресованных следователю или дознавателю, не приводится, проверяющему лицу не указывается для чего необходимо провести опросить то или иное лицо либо осмотреть предметы и документы. Как правило, речь идет о случаях, когда прокурор отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в связи с поступившей жалобой заявителя. В таких случаях прокурор фактически требует проверить доводы, которые в своей жалобе указал заявитель и провести те проверочные мероприятия, о которых просит заявитель. Даже в тех случаях, когда выполнение таких мероприятий не обусловлено объективной необходимостью.

Практикующим юристам известен тип заявителей, которые обжалуют процессуальные решения исключительно потому, что те приняты не в их пользу. Такие решения обжалуются надзирающему прокурору, а тот инициирует проведение дополнительных мероприятий для проверки «все новых и новых» доводов заявителя.

Мы солидарны с позицией Боруленкова Ю. П., который ранее высказывался о том, что «возникает ситуация, когда нет оснований для возбуждения уголовного дела, а прокурор, по мере поступления жалоб заявителя, отменяет постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, давая неисполнимые указания. И это может продолжаться годы» [6, с. 4].

Нередки и случаи, когда в своих постановлениях прокуроры указывают на необходимость выполнения проверочных мероприятий, проведение которых заведомо не влияет на результат проверки и принятое процессуальное решение. К числу таких отмен можно отнести отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, в связи с отсутствием характеризующих материалов в отношении участников проверки, необходимости повторного опроса лиц (для подтверждения ранее данных им пояснений) или, например, ввиду отсутствия должностных документов сотрудников правоохранительных органов в материалах проверок по сообщениям о должностных преступлениях, в то время как решение об отказе принято в связи с отсутствием события преступления.

Очевидно, что приобщение характеристики лица с места работы либо с места жительства не может повлиять на принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела, если в ходе «доследственной проверки» на момент принятия решения достоверно установлено отсутствие события или состава преступления. Например, лицо не обладает признаками специального субъекта, когда это необходимо, либо в результате действий лица не наступили последствия, предусмотренные законом.

На этот счет в межведомственном указании Генеральной прокуратуры Российской Федерации и следственных органов закреплено требование «об исключении фактов отмены прокурорами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по формальным основания, не имеющим отношения к предмету проверки или не влияющим на обоснованность принятого процессуального решения» [7]. И здесь правоприменителю важно понимать, что даже если требование прокурора о проведении проверочного действия имеет отношение к предмету проверки (для обеспечения так называемой полноты проверки), оно может не влиять на обоснованность уже принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако на практике данное правило не принимается во внимание. «Отмена процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, результатом которой является вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по тем же основаниям, в отношении тех же лиц или фактов, по мотивам одной лишь неполноты, не должна признаваться выявлением нарушения закона» [1, с. 33].

Несмотря на то, что ч. 6 ст. 148 УПК РФ не требует от прокурора мотивировать свое решение об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, по нашему мнению, оно должно быть мотивировано в силу требования ч. 4 ст. 7 УПК РФ. Это правовая позиция нашла отражение в совместном приказе Генпрокуратуры Российской Федерации и следственных органов от 26 марта 2014 г. и сформулирована следующим образом: «прокурор должен вынести мотивированное постановление, в котором указать конкретные обстоятельства, подлежащие дополнительной проверке...» [8].

Требование мотивированности постановления в стадии возбуждения уголовного дела имеет важное и принципиальное значение в аспекте обеспечения прав заявителя и лица, в отношении которого проводилась проверка, служит гарантией недопущения формального подхода к принятию процессуального решения. Мы полагаем обязательным закрепление в законе требования, в соответствии с которым в описательной части постановления об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела прокурор будет обязан мотивировать причины, по которым им принято решение об отмене постановления следователя (дознавателя), а также обосновывать, какие именно обстоятельства произошедшего возможно установить в результате проведения проверочных мероприятий, предложенных им, и каким образом они могут повлиять на принятие итогового решения.

Обоснование прокурором своих указаний, отраженных в постановлении об отмене решения об отказе в возбуждении уголовного дела, будет условным ориентиром для следователя (дознавателя) при проведения дополнительной проверки по сообщению о преступлении, позволит исключить случаи повторных отмен решений об отказе в возбуждении уголовного дела по тем же основания, а также позволит следователю (дознавателю) аргументировать свое несогласие с решением прокурора об отмене их постановления, в случае принятия решения об его обжаловании.

На сегодняшний день у прокурора фактически имеются законные полномочия по неоднократной отмене процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, в том числе и по истечении длительного времени с момента его принятия.

Например, в 2019 г. прокурорами Приморского края более половины решений об отказе в возбуждении уголовного дела, принятых сотрудниками следственных подразделений Следственного комитета Российской Федерации в предыдущие отчетные периоды, с момента вынесения, которых прошло более одного года, что составило 53,7 % от общего количества отмененных прокурорами решений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Обобщая вышесказанное, стоит отметить, что отмена решений об отказе в возбуждении уголовного дела по формальным основаниям, в том числе многократно и спустя значительное время с момента принятия решения, противоречит принципу разумности уголовного судопроизводств. В данном случае, возникает ситуация, при которой следователь (дознаватель) загружен работой по проведению повторных проверок по сообщениям о преступлениях, зарегистрированным несколько месяцев назад либо в прошлые годы, выполняя при этом указания, которые заведомо не повлекут изменения ранее принятого решения. Более того, в случаях неоднократных отмен материалов «доследственных проверок» существенно нарушаются права лица, в отношении которого проводилась «доследственная проверка», поскольку создаются условия, при которых он находится в состоянии угрозы уголовного преследования.

В свете сказанного, полагаем, что целесообразно по аналогии с ч. 1.1 ст. 214 УПК РФ, определяющей условия отмены постановления о прекращении уголовного дела, закрепить возможность отмены решения следователя (дознавателя) об

отказе в возбуждении уголовного дела, принятого по истечении одного года со дня его вынесения только на основании судебного решения. Данное нововведение будет способствовать оперативной оценке прокурором законности материалов проверок, а не спустя продолжительное время либо после поступления жалобы от гражданина.

Для аннулирования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела необходимо установить, исходя из самой формулировки – его незаконность или необоснованность. Легальное определение данных понятий отсутствует.

Под незаконностью понимается несоответствие процессуального решения требованиям закона, например, когда имеются основания для возбуждения уголовного дела, а в нем отказывается, или, допустим, не имеется оснований для избрания меры пресечения, а она избирается. Такие процессуальные решения признаются незаконными, то есть не соответствующими требованиям УПК РФ.

Необоснованные, в свою очередь, подразумевают, хотя формально и соответствующие закону, однако, недостаточно аргументированные решения, принимаемые на основании преждевременных, не до конца исследованных, выводов.

Применительно к рассматриваемому нами вопросу наиболее полную трактовку данного понятия приводит профессор А. П. Рыжаков: «Необоснованным следует считать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, когда в нем отсутствует мотивировка принятого решения, изложенные в постановлении сведения не соответствуют материалам проверки, указанные в резолютивной части постановления выводы следователя не соответствуют содержанию его описательно-мотивировочной части» [9, с. 150].

По нашему мнению, если в уголовно-процессуальном законе будет обозначено, какое постановление следует считать необоснованным, это позволит исключить из практики случаи толкования данного понятия по усмотрению правоприменителя.

Таким образом, в отрыве от реалий правоприменительной практики количественные показатели отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела не должны расцениваться как сильный аргумент в пользу отказа от спорного института.

Список литературы

1. Саньков В. И. Качество проверки сообщения о преступлении: актуальные вопросы следственной практики, ведомственного контроля и прокурорского надзора // Российский следователь. 2018. С. 31–34.

2. Постановление Верховного суда РСФСР от 24 октября 1991 № 1801-16 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://base.garant.ru/6318369/ (дата обращения: 07.06.2021).

3. Гаврилов Б. Я. Уголовно-процессуальное законодательство: современные реалии и перспективы развития // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 2.

4. Основные статистические данные о деятельности органов прокуратуры // URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/ (дата обращения: 08.06.2021).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (редакция Федерального закона от 08.12.2020 № 425-ФЗ) // Российская газета. 2001. № 249.

6. Боруленков Ю. П. Доследственная проверка: за и против // Российский следователь. 2013. № 19.

7. Указание Генпрокуратуры России № 275/36, СК России № 1/206, МВД России № 2/5443, МЧС России № 195, ФССП России № 1-у, ФСБ России № 21, ФСКН России № 4, ФТС России № 1081 от 03.06.2015 «Об организации прокурорского надзора и ведомственного контроля за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» // URL: https://legalacts.ru/doc/ukazanie-genprokuratury-rossii-n-27536-sk-rossii/ (дата обращения: 07.06.2021).

8. Приказ Генпрокуратуры России № 147, МВД России № 209, ФСБ России № 187, СК России № 23, ФСКН России № 119, ФТС России № 596, ФСИН России № 149, Минобороны России № 196, ФССП России № 110, МЧС России № 154 от 26.03.2014 «Об усилении прокурорского надзора и ведомственного контроля за законностью процессуальных действий и принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела при разрешении сообщений о преступлениях» // URL: https://legalacts.ru/doc/prikaz-genprokuratury-rossii-n-147-mvd-rossii/ (дата обращения: 07.06.2021).

9. Рыжаков А. П. Обжалование в суд решений (действий, бездействия) следователя (дознавателя): комментарий к Постановлению Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». М. : Дело и Сервис, 2010. 208 с.

Хиленко А. Ю.[1]*,*
обучающийся 2 курса магистратуры факультета подготовки криминалистов Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

Научный руководитель: ***И. Ю. Макаров****,*
профессор кафедры судебно-экспертной и оперативно-разыскной деятельности Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор медицинских наук, профессор

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПО ДЕЛАМ О ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЯХ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Как известно, правоотношения, складывающиеся между пациентом и медицинским работником характеризуются сложным содержанием, регулируемым нормами права. Применительно к Российской Федерации будет обоснованным отметить, что данные правоотношения находятся на стадии формирования и последующего развития. В данном разрезе, как совершенно справедливо отмечается А. П. Божченко, особенно остро стоит проблема разрешения конфликтных ситуаций [2, с. 7].

При этом А. П. Божченко дополнительно отмечает, что конфликтные ситуации между медицинскими работниками и пациентами не являются частыми, однако практика показывает, что при их разрешении правоприменительные органы сталкиваются с диаметрально противоположными экспертными заключениями.

Однако анализ современных статистических данных, а также материалов периодической печати подтверждает, что случаи профессиональных правонарушений, допускаемых медицинскими работниками, имеют тенденцию к росту [1, с. 11].

Здесь хотелось бы также дополнительно отметить, что ни одно разрешение правового конфликта между медицинским работником и пациентом, особенно, если он связан с возможным фактом профессиональной ошибки со стороны медицинского работника, не обходится без проведения соответствующих судебно-медицинских экспертиз. При их проведении эксперты сталкиваются со значительными сложностями, как правило, их проведение требует значительной продолжительности времени. Все это актуализирует выбранную тему исследования. Разумеется, в рамках данной статьи в силу ограниченности ее объема отсутствует возможности отражения всех тактических и методологических аспектов проведения судебно-медицинских экспертиз по делам выбранной категории, поэтому остановимся на некоторых из них.

Как правило, продолжительность проведения судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников составляет более двух месяцев (как известно, данный процессуальных срок является общим для проведения предварительного следствия при отсутствии продления).

---

[1] © Хиленко А. Ю., 2021.

Такая продолжительность связана с тем, что данные экспертизы носят в большинстве случаев комиссионный характер, характеризуются сложностью и большим количеством вопросов. При этом практика рассмотрения дел о профессиональных нарушениях медицинских работников свидетельствует о том, что сроки расследования зачастую продлеваются по причине противоречивости либо неточности экспертного заключения. Общеизвестный факт того, что по «врачебным делам» во многих случаях назначаются две, три, а то и четыре (как правило, повторные) судебно-медицинские экспертизы, свидетельствует о том, что они далеко не всегда соответствуют выводам друг другу.

В ряде регионов правоприменительные органы сталкиваются с проблемами назначения данных экспертиз ввиду нехватки квалифицированных специалистов в требуемой области, поэтому соответствующие судебно-медицинские экспертизы назначаются для их проведения в другие территориальные образования нашей страны, в том числе на платной основе. Как известно, финансовые возможности правоохранительных органов существенно ограничены, а финансирование урезано. Более того, если проведение экспертизы по делам о профессиональных нарушениях медицинских работников требуется осуществить в ведущих российских экспертных учреждениях, специализирующихся на медицинских вопросах, срок получения заключения экспертизы может составлять до двух лет.

На данную проблему указывали многие специалисты в исследуемой области, к примеру, И. О. Перепечина, Д. В. Смирнова, Н. А. Купряшина [4, с. 81].

Безусловно, такое положение дел нельзя признать обоснованным и отмечающим задачами и целям расследования, возмещения причиненного вреда потерпевшему. Поэтому требуется решение задачи ускорения производства судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников и, соответственно, ускорение процесса расследования.

Здесь хотелось бы отметить, что следует положительно отнестись к ранее выдвинутой инициативе Следственного комитета, направленной на ускорение расследований, которая состояла в соглашении между следственными управлениями и местными департаментами здравоохранения о незамедлительном сообщении последними обо всех фактах смертей в лечебных учреждениях (прежде всего среди несовершеннолетних, беременных и рожениц) [3, с. 8]. Однако, к сожалению, такая инициатива не была реализована на практике.

Поэтому следует признать, что одной из важнейших задач совершенствования процесса и тактики проведения судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников является принятие соответствующих организационных мер, направленных на ускорение процесса назначения и проведения экспертиз рассматриваемого рода. В связи с этим требуется повторно вернуться к рассмотрению вышеназванной инициативы Следственного комитета в правоприменительной деятельности.

Список литературы

1. Бастрыкин А. И. Противодействие преступлениям, совершаемым медицинскими работниками: проблемы и пути их решения // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1. С. 11–14.

2. Божченко А. П., Исмаилов М. Т., Никитин И. М. Состав преступления как фактор, определяющий подлежащие доказыванию обстоятельства, и предмет судебно-медицинской экспертизы по делам о правонарушениях медицинских работников // Медицинское право. 2018. № 2. С. 7.

3. Божченко А. П., Исмаилов М. Т., Никитин И. М. Состав преступления как фактор, определяющий подлежащие доказыванию обстоятельства, и предмет судебно-медицинской экспертизы по делам о правонарушениях медицинских работников // Медицинское право. 2018. № 2. С. 8.

4. Перепечина И. О., Смирнова Д. В., Купряшина Н. А., Перепечин Д. В. Современное состояние проблемы разработки криминалистической характеристики преступлений, совершенных медицинскими работниками против жизни и здоровья // Проблемы выявления и расследования преступлений в сфере оказания медицинских услуг. М. : Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2016.

Черкасова Ю. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС СТАТИСТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В теории уголовно-процессуального права неоднократно на протяжении нескольких десятилетий исследуется проблема процессуального положения отдельных участников уголовного судопроизводства, которые не обладают в полном объеме самостоятельным статусом. Совершенствование законодателем действующего УПК РФ, в рамках Раздела II главы 8, в 2018 г. обусловлено увеличением количества поданных ходатайств о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве. Помимо введения ст. 56.1 УПК РФ, а также перечисленных в главе 8 УПК РФ участников, считаем, что представленный перечень должен быть дополнен «новым» лицом, активно принимающем участие в следственном действии «Предъявление для опознания» - статистом. Однако, следует отметить, что, по нашему мнению, статист может участвовать не только в вышеуказанном следственном действии, но и в других, например, в проверке показаний на месте. Роль статиста будет заключаться в оказании помощи уполномоченным лицам, а именно, создание (воспроизводство) обстановки, ситуаций и условий исследуемого преступного деяния, а также демонстрация определенных действий человека, показания которого проверяются. Аналогичная цель и задачи могли бы возлагаться на вышеупомянутого участника, например, при производстве следственного эксперимента.

Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР 1960 года и действующий УПК РФ не содержат понятия «статист», однако, оно упоминается в теории уголовно-процессуального права и практической деятельности сотрудников. В Толковом словаре С.И. Ожегова, дано следующее определение: «Статист – это человек, чье участие в каких-либо действиях ограничивается только присутствием» [1, с. 519]. В теории уголовно-процессуального права понятие «статист» характеризуется, как правило, следующими признаками:

1. Отсутствие нормативно-правового определения в действующем законодательстве.

2. Выполняемая функция– малозначительна (по сравнению с компетенцией, например, следователя).

3. Как правило, данное лицо является подставным, интересы которого не учитываются при реализации следственного действия [3, с. 63].

Если рассматривать исследуемое понятие в контексте уголовно-процессуальных отношений, то можно отметить, что, действительно, статист обладает внешними схожими чертами с опознаваемым (внешностью, голосом), и др. Он является не только участником, оказывающим вспомогательную помощь уполномоченному лицу, но и его присутствие – необходимое условие для законного

[1] © Черкасова Ю. А., 2021.

и правомерного проведения следственного действия. Кроме того, считаем, что качество расследуемого уголовного дела напрямую зависит от качества производства следователем следственных действий, а именно от успешной подготовки. Для предъявления для опознания это выражается прежде всего в подборе именно таких лиц, предъявляемых на опознание, которые по внешним признакам схожи с опознаваемым. Зачастую такой подбор проблематичен из-за сложности подобрать группу лиц (не менее двух) с совокупностью идентичных внешних признаков. Ситуацию осложняет то, что значительная часть граждан не желают оказывать помощь правоохранительным органам, отказываясь принимать участие в следственных действиях. Причин тому много, остановимся на рассмотрении одной из них.

Одна из основных обязанностей следователя и дознавателя перед началом следственного действия – разъяснить права и обязанности каждому участнику. Однако, по отношению к статистам выполнить это проблематично, поскольку в УПК РФ отсутствует закрепление их процессуального статуса, и соответственно, не обозначено основное предназначение такого участника – его цели и задачи при привлечении его в производство следственного действия. Если в теории уголовно-процессуального права, а также на законодательном уровне, отсутствует решение данной проблемы, то на практике используется не вполне правомерный выход – применение аналогии закона: при разъяснении прав и обязанностей статиста использовать содержание статьи 60 УПК РФ (права и обязанности понятого).

Следует отметить, что предназначение статиста и понятого имеет сходные черты. Общим признаком для вышеуказанных участников является то, что они выполняют (помогают выполнить) «удостоверительное» предназначение, то есть способствовать обеспечению достоверности получаемых доказательств в уголовном деле. Тем не менее обращает на себя внимание значимое количество отличий между данными участниками:

1. Роль понятого во всех следственных действиях пассивная, роль статиста может быть, как активная, так и пассивная [2, с. 228–230].

2. Хотя статист и понятой оказывают содействие правоохранительным органам, но понятой способствует обеспечению законности в проводимых следственных действиях, удостоверяя факт, содержание, ход и результат процессуального действия, а статист – своими физическими действиями оказывает непосредственную помощь при осуществлении конкретного следственного действия.

3. В соответствии с содержанием статьей УПК РФ, понятой может принимать участие как до возбуждения уголовного дела, так и в последующем - при производстве по уголовному делу. Статисты привлекаются для проведения следственного действия «Предъявление для опознания», то есть на стадии, когда уголовное дело уже возбуждено. Ранее отмечалось, что, по нашему мнению, участие статистов возможно и необходимо не только в только в вышеуказанном следственном действии, но и в таких как «Проверка показаний на месте», а также «Следственный эксперимент», которые осуществляются на идентичных законных условиях и основаниях.

4. Понятого, в случаях, указанных в ч. 3 ст. 170 УПК РФ, можно не привлекать при условии обязательного использования технических средств фиксации

хода и результатов следственного действия. Реализовать, к примеру, предъявление для опознания без участия статиста невозможно, так как будет нарушено одно из условий проведения следственного действия, предусмотренного ст. 193 УПК РФ. Кроме того, законодателем регламентируется положение, связанное с количеством привлекаемых опознаваемых – не менее трех (ч. 4 ст. 193 УПК РФ), следовательно, статистов – не менее двух.

Иными словами, процессуальное положение таких лиц, как статисты, в настоящее время требует нормативно-правового закрепления. Несмотря на указанные выше сходства и отличия понятого и статиста, еще имеются принципиальные отличия в понятии, правах и обязанностях, а также в круге лиц, вовлекаемых в качестве участника уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, основной перечень понятий, регламентируемый в ст. 5 УПК РФ, должен быть дополнен п. 44.1 УПК РФ с следующим содержанием: «Статист – участник уголовного судопроизводства, привлекаемый следователем, дознавателем или судом, с целью оказания дополнительной помощи при производстве следственных действий». Кроме того, с целью законодательной регламентации правового положения участника уголовного судопроизводства, процессуальный статус статиста необходимо закрепить в ст. 60. 1 «Статист». При участии в следственном действии статист праве:

– знать цели и задачи, процессуальный порядок следственного действия и лиц его осуществляющих;

– знакомиться с протоколом следственного действия, в котором принимал участие, а также давать замечания;

– приносить жалобы на действия (бездействие) лиц, реализующих следственное действие;

– ходатайствовать о применении, в необходимых случаях, к нему мер безопасности.

К вопросу о том, какие обязанности возлагаются на статиста при предъявлении для опознания:

– являться по требованиям дознавателя, следователя и суда;

– не нарушать процессуальный порядок проводимого следственного действия;

– выполнять законные требования следователя, дознавателя или суда.

В случае необходимости, по решению уполномоченных лиц, может быть также допрошен в качестве «свидетеля», с целью проверки на предмет законности процессуального порядка и содержания проведенного следственного действия. Статист, наравне с другими участниками уголовного судопроизводства, должен нести уголовную ответственность, в соответствии со ст. 310 УК РФ.

В заключение следует отметить, что по поводу статистов в юридической литературе подробно прослеживается криминалистический аспект. Но вопросы их процессуального статуса в должной мере не исследованы, и в первую очередь: какие требования предъявляются к лицу; кто не может быть статистом; какие права и обязанности должен разъяснять дознаватель, следователь, суд статисту перед началом следственного действия; какую ответственность несет статист в случае нарушения требований законодательства; в каких следственных и иных

процессуальных действиях необходимо участие статистов; в каких случаях участие статистов возможно, а в каких обязательно; как поступать правоприменителям, если получен результат следственного действия, который не ожидался (например, опознающий опознал не опознаваемого, а статиста); какие иные правовые средства необходимы для надлежащего обеспечения прав и интересов статиста. Отсутствие ответов на вышеуказанные вопросы в действующем законодательстве может повлечь нарушение не только законных процессуальных, но и конституционных, прав и интересов человека, вовлеченного в уголовно-процессуальные отношения. Следовательно, положение статиста в действующем УПК РФ требует законодательного закрепления, с созданием необходимых процессуальных гарантий, что должно привести к корректировке уголовно-процессуального, уголовного и иного законодательства.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е. изд. М. : Российская академия наук, Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 1998. 939 с.

2. Уханова Н. В. Организация и производство проверки показаний на месте. М. : Щит-М, 2007. 385 с.

3. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие. М. : НИиРИО ВШ МООП РСФСР, 1967. 290 с.

Чернышов А. Г.[1]*,*
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ КАК ЭЛЕМЕНТ БЕЗОПАСНОСТИ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рассмотрению вопросов реализации обеспечительных мер в контексте безопасности следственной деятельности в уголовно-процессуальной науке уделяется недостаточно внимания. Само понятие «обеспечительные меры», в сущности, не имеют расширенного применения в рамках данной науки. Однако для целей следственной деятельности и уголовного судопроизводства в целом, а также теории уголовно-процессуального права указанная категория нуждается в более тщательном исследовании.

Анализ уголовно-процессуальных норм позволил прийти нам к выводу о том, что значение обеспечительных мер в законодательстве фактически не определено. Лишь отдельные упоминания об этом отражены в некоторых статьях УПК РФ. Так, в ч. 2 ст. 97 «Основания для избрания меры пресечения» указано на то, что «Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном статьей 466 настоящего Кодекса» (ст. 466 «Избрание или применение избранной меры пресечения для обеспечения возможной выдачи лица»). В ч. 1 ст. 111 «Основания применения иных мер процессуального принуждения» УПК РФ содержится перечень мер процессуального принуждения, применяемых в отношении подозреваемого или обвиняемого в целях обеспечения установленного порядка уголовного судопроизводства. В соответствии с данной нормой к таковым отнесены: обязательство о явке; привод; временное отстранение от должности; наложение ареста на имущество. По логике законодателя меры принудительного характера, применяемые в отношении отдельных субъектов уголовно-процессуальной деятельности, обеспечивают надлежащую реализацию уголовно-процессуальных функций со стороны субъектов обвинения и суда [2].

Как видно, указанные меры имеют выраженный принудительный характер и создают определенные условия для возможного ограничения действий со стороны подозреваемого (обвиняемого) в виде уклонения от явки для участия в процессуальных действиях, оказания психологического воздействия в силу должностных полномочий на подчиненных с целью склонения таковых к отказу от дачи показаний или уклонения от них и т. п. Иными словами, данные меры предупреждают фактическое негативное воздействие конкретным лицом на ход расследования.

Вместе с тем, на наш взгляд, наложение ареста на имущество не целесообразно ставить в один ряд с вышеуказанными мерами принуждения. В соответствии со ст. 115 УПК РФ наложение ареста на имущество осуществляется в целях обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания

[1] © Чернышов А. Г., 2021.

штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Таким образом, наложение ареста на имущество нацелено на последующее обеспечение заявленного гражданского иска, и других материальных выплат, в том числе, и судебных издержек. При этом данная мера принуждения применяется не только в отношении подозреваемого или обвиняемого, но и в отношении иных лиц, а точнее, «арест может быть наложен на имущество находящееся у других лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или лицами, несущими по закону материальную ответственность за их действия, если есть достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации)».

Таким образом, меры принуждения, кроме наложения ареста на имущество, направлены на упреждение прямого воспрепятствования ходу расследования и судебного разбирательства со стороны подозреваемого и обвиняемого, тогда как наложение ареста на имущество выступает формой обеспечения гарантий для дальнейшего исполнения заявленного гражданского иска и других видов материальной компенсации не только со стороны указанных субъектов, но и иных лиц.

В связи с этим, считаем целесообразным ввести в уголовно-процессуальное законодательство понятие обеспечительных мер, предусмотрев в качестве таких наложение ареста на имущество физических лиц и организаций, а также на денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях.

Обеспечительные меры, это прежде всего запрет на осуществление каких-либо действий с денежными средствами, материальными ценностями, ценными бумагами, выраженный в их отчуждении в любой форме, уничтожении, видоизменении, сокрытии.

Институт применения обеспечительных мер сформирован в рамках арбитражного процесса, а ст. 91 АПК РФ [3] содержит их перечень. Статья 140 ГПК РФ [1] также предусматривает ряд мер по обеспечению иска, предполагающие: наложение ареста на имущество, принадлежащее ответчику и находящееся у него или других лиц, запрещение ответчику совершать определенные действия, запрещение другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, в том числе передавать имущество ответчику или выполнять по отношению к нему иные обязательства. И гражданско-правовые, и арбитражно-правовые споры в контексте исследования в качестве объекта предполагают экономические отношения физических лиц и субъектов хозяйствования, а предметом таких отношений выступают денежные средства или ценности (объекты движимого и недвижимого имущества), имеющие определенное стоимостное выражение. Именно поэтому обеспечительные меры направлены на ограничение обращения указанных объектов. Аналогичные отношения возникают и в уголовном судопроизводстве в случае заявления гражданского иска. Однако указанные

объекты играют не столько обеспечительную сколько компенсационную роль. Но механизм применения соответствующих мер обеспечения, в принципе, схож.

Вместе с тем, не следует проводить прямой аналогии между применением обеспечительных мер в рамках уголовного судопроизводства и арбитражного и гражданского процессов, поскольку здесь возникают разные объекты отношений.

Основаниями для применения обеспечительных мер в уголовном судопроизводстве могут являться следующие:

– заявленный гражданский иск со стороны потерпевшего лица или законного представителя;

– санкция инкриминируемой статьи уголовного кодекса, предусматривает конфискацию имущества либо наложение денежного штрафа;

– денежные средства и материальные ценности добыты преступным путем;

– государственному имуществу преступлением причинен материальный ущерб.

Таким образом, несмотря на успешное применение мер обеспечения по заявленному гражданскому иску в уголовном судопроизводстве, конфискации имущества, наложение ареста на вклады и др., единого определения обеспечительных мер в уголовном процессе нет. По этой причине нами и предложено выделить в качестве самостоятельного компонента принуждения, направленного на решение отдельных задач уголовного судопроизводства, обеспечительные меры, выступающие системным элементом безопасности следственной деятельности.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 30.04.2021).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изменениями от 13.05.2021).

3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с изменениями от 08.12.2020).

Яковлева К. Ю.[1]**,**
слушатель 365 учебного взвода института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***А. В. Андреев*****,**
старший преподаватель кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОЦЕССА СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Совершенствование средств передачи, разработки и создания новых технических устройств улучшает процесс обработки информации. Обнаруживается необходимость в уголовно-процессуальных средствах, методах для раскрытия и расследования киберпреступности.

Правоохранительные органы России за январь – декабрь 2019 года зарегистрировали 2024,3 тыс. преступлений, из которых 294 409 преступлений совершенны с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За январь – декабрь 2020 года всего по России 2044,2 тыс. зарегистрированных преступлений, что свидетельствует о росте преступности на 1 %. Зафиксирован и рост киберпреступности – за указанный период 510,4 тыс. По отношению к 2019 году число указанных преступлений увеличилось на 73,4 %, из которых 94 942 раскрыто. Преступность увеличивается или уменьшается с каждым годом на 1 – 15 %. Киберпреступность, по отношению к предыдущему году, шагнула далеко вперед и увеличилась на 215 991 (58 %) в 2020 году [5].

Фаза процесса доказывания – собирание доказательств. Процесс собирания непрерывен в ходе расследования уголовного дела [1, с.5]. Собирание доказательств регламентируется статьей 86 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК России), а именно осуществляется в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором и судом путем производства следственных и иных процессуальных действий. Следует указать, что статья 37 УПК России не предоставила прокурору право собирания доказательств, а также он не является субъектом производства следственных действий. Собирание доказательств состоит из обнаружения, выявления, фиксации, а также документирования сведений.

Появление электронной формы данных активизировало развитие процесса собирания, элементы которого анализируются многими учеными. Так, С.И. Кувычков рассмотрел имеющиеся уголовно-процессуальные средства для расследования преступлений в сфере компьютерной информации. Он считает, что процесс собирания данных предусматривает осмотр и изъятие необходимых сведений [3, с. 188]. Примером получения цифровых данных могут служить мониторинг сетевого трафика, изготовление цифровых копий, посредством поиска, задержания, проверки, принудительным или добровольным изъятием.

---

[1] © Яковлева К. Ю., 2021.

Обнаружение, изъятие электронных данных осуществляется в ходе осмотра, обыска и выемки. Учитывая специфику данного доказательства, следователь (дознаватель) обязательно обеспечивает участие в следственных действиях специалиста IT-технологий. Собирание (формирование) доказательств – выявление, изъятие и фиксация в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона [6, с. 122]. Процесс собирания доказательств должен отвечать процессуальным требованиям: надлежащий субъект, надлежащий способ собирания, фиксация с соблюдением всех требований закона. Отметим, что классический подход к оценке допустимости доказательства предполагает наличие уже на этапе собирания доказательств их надлежащего источника, что вытекает и из части 1 статьи 88 УПК России. Однако в тексте закона определение понятия «источник доказательства» отсутствует, что обусловило существенное расхождение теоретиков по данному вопросу: от позиции отождествления понятий «виды доказательств» (ч. 2 статьи 74 УПК России) и «источник доказательств» до полного отрицания последнего. Электронные данные получает надлежащий субъект уголовного процесса: следователи (дознаватели), принявшие к своему производству уголовное дело, и те участники уголовного судопроизводства, которые временно наделены соответствующим правом.

Электронные данные, имеющие значение для уголовного дела, могут быть получены в результате производства следственных и процессуальных действий. Местами обнаружения являются сети киберпространства, построенные на иерархии и на равном взаимодействии друг с другом единиц сети. В данном случае не рассматриваются такие носители информации, которые могут хранить электронные данные в отсутствии связи и сети, а именно: флеш-накопитель [9, с. 11], жесткие диски и другие.

Фиксация обнаруженных сведений осуществляется путем обязательного протоколирования и, если имеются следы, то обязательного их изъятие. Также, следователь (дознаватель) имеет право провести следственное действие – осмотр, например: осмотр Web-сайта «Internet» сети. Обнаружение и фиксация информации, которая хранится и обрабатывается на различных серверах [9, с. 47], имеет территориальную проблему. Данные серверы находятся в другом субъекте, за рубежом, удалены от места возбуждения и предварительного расследования уголовного дела. Примерами могут быть Web-ресурсы, базы данных организаций. Осуществляют исключительно осмотр электронных данных, которые находятся в свободном доступе. Следовательно, процесс собирания данных может происходить с изъятием необходимых сведений. Собирание вещественного доказательства может осуществляться без изъятия необходимого материала, так как в некоторых случаях нецелесообразно, в силу соблюдения принципа разумных сроков, или совершенно невозможно.

Классическим примером может служить изъятие видеозаписей, в котором не возникает проблем в законодательном закреплении. Трудности возникают в такой ситуации, когда информации в электронной форме нельзя или затруднительно придать материальную форму. Таковыми являются: информация больших объемов, которую невозможно поместить на материальные носители;

информация на серверах крупных компаний, находящихся в других государствах, с которыми Россия не имеет международных соглашений; данные, работающие исключительно в онлайн режиме; информация, построенная на технологии распределенного реестра – криптовалюта; информация из «облачных» хранилищ, построенных на облачных технологиях – интернет-сервисов [7, с. 43–57]. Для вышеперечисленных примеров информации универсальные следственные действия: осмотр, обыск и выемка представляют риск потери этих данных. Трудность заключается в том, что отсутствует такое процессуальное действие, с помощью которого можно изъять сведения, выраженные в электронном виде. Данное следственное действие должно включать процесс копирования без модификации, без потерь и (или) угрозы потери данных. В противоположном случае, возможно, такое: информация, созданная на удаленном сервере, при ее извлечении на внешний носитель информации будет являться копией с модифицированной датой создания. Возникновение проблемы проверки соответствия исходной информации и ее копии неизбежно, поскольку этот аспект относится к такому свойству доказательств, как достоверность. Также, особая трудность возникает в отсутствии возможности получения сведений от других государств.

Кроме совершенствования криминалистических тактик производства универсальных следственных действий, производится разработка нового следственного действия и (или) совершенствование существующих норм в УПК РФ, используя IT-средства. С. В. Власова предложила заменить следователя на программиста-следователя, для того, чтобы собирание электронных сведений осуществлялось без потерь и угрозы потерь электронных данных [2, с. 15]. По нашему мнению, данная идея является нерациональной, так как специализация следователей общеуголовной направленности, по расследованию преступлений в сфере экономики и других направлениях не всегда в ходе предварительного расследования требует изъятия электронных данных, к тому же необходимые действия вполне может выполнить такой участник уголовного судопроизводства как специалист. Соответственно, часть 5 статьи 186.1 УПК РФ следует дополнить тем, что следователь осматривает представленные документы о соединении с «Интернет» сетью с обязательным участием IT-специалиста в сфере информационных технологий. Особое значение присуще изъятию и использованию криптовалют в процессе доказывания. В настоящее время данный вопрос остается нерешенным. В России уже существуют примеры в следственной и судебной деятельности. Имеются уголовные дела, в которых объективная сторона отражает деяние, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, в которых денежные средства получены в криптовалюте «Биткойн» [4]. Отсутствие правового регулирования с существованием анонимности серьезно препятствует собиранию доказательств по уголовным делам о преступлениях, совершенных с использованием криптовалюты. Верховный суд Республики Коми признал лицо невиновным в совершении преступления, предусмотренного частью 2 статьей 174.1 УК РФ. В данном примере полученные сведения, связанные с финансовыми операциями с криптовалютой «Биткойн» не являются доказательствами, так как выступают предположениями [4].

Таким образом, на базе существующей практики процесс собирания электронных доказательств функционирует с применением уголовно-процессуального законодательства, но с угрозой потери данных. Уголовно-процессуальные трудности собирания электронной формы вещественного доказательства могут устраниться, если закрепить обязательное участие IT-специалиста в сфере информационных технологий в часть 5 статьи 186.1 УПК РФ. Изъятие и использование криптовалют в процессе доказывания затруднено, так как отсутствует законодательное признание криптовалюты имуществом, но собирание актива возможно. Производство следственного действия, направленного на получение электронных доказательств необходимо осуществлять с участием IT-специалиста.

Список литературы

1. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве в 2 ч. : учебное пособие для вузов. Ч. 2. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2017. 294 с.

2. Власова С. В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Научный журнал. 2018. № 1. С. 15–17.

3. Кувычков С. И. Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород, 2016. 273 с.

4. Приговор Советского районного суда г. Тулы от 10 августа 2016 года, дело 1-47/2016 // URL: https://rospravosudie.com (дата обращения: 14.03.2021); Приговор Емельяновского районного суда Красноярского края от 29 августа 2016 г. по делу №1-160/2016 // URL: https://rospravosudie.com/ (дата обращения: 12.03.2021); Приговор Индустриального районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики от 13 июня 2017 года по делу № 1-102/17 (79/81) // URL: http://sudact.ru/regular/doc/ (дата обращения: 12.03.2021); Приговор Верховного Суда Республики Коми от 15 мая 2017 года (дело № 2-5/2017) // URL: https://vs.komi.sudrf.ru/modules. (дата обращения 17.03.2021).

5. Статистика и аналитика МВД России // URL: https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 15.04.2021).

6. Уголовный процесс. Практикум : учебное пособие для вузов / [Б. Я. Гаврилов и др.]; под ред. Б. Я. Гаврилова, А. В. Победкина. М. : Юрайт. 2020. 122 с.

7. Losavio M., Pastukov P., Polyakova S. Cyber Black Box / Event Data Recorder: Legal and Ethical Perspectives and Challenges with Digital Forensics // Journal of Digital Forensics, Security and Law. 2016. Vol. 10 (4), pp. 43–57.

РАЗДЕЛ V
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Васильев М. К.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Д. В. Дианов,***
профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук

ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

Коррупционные преступления требуют повышенного внимания и анализ, поскольку они образуют незаконные действия, совершаемые должностными лицами или лицами, осуществляющими управленческие функции, с использованием служебного положения, в целях реализации корыстного или иного мотива, имеющего существенное значение для данного лица, а также деяния, способствующие совершению противоправных деяний коррупционной направленности иными лицами или в интересах иных лиц.

На сегодняшний день единая научная позиция по поводу понятия коррупции и системы преступлений коррупционной направленности не сформирована, что напрямую связано с отсутствием легального законодательного определения рассматриваемого понятия. В этой связи предлагает возможным предложить следующее определение: к преступлениям коррупционной направленности следует относить преступления, совершенные должностными лицами и иными приравненными к ним субъектами, направленные на личное обогащение или обогащение третьих лиц, совершенные с корыстной целью.

Несмотря на активное противодействие коррупции со стороны органов государственной власти и общественных организаций, крупных успехов в борьбе с данным негативным явлением сегодня не достигнуто.

В сознании большинства граждан коррупционные преступления ассоциируются с таким деяниями, как получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, злоупотребление должностными полномочиями, коммерческий подкуп. Действительно, при анализе уголовной статистики, информация о которой размещается в открытом доступе на официальном сайте МВД России, можно увидеть, что за 2020 год было зарегистрировано 30991 преступление коррупционной направленности. Структура данных преступлений может быть представлена следующим образом:

– преступления, связанные со взяточничеством – 13 867 фактов, из них получение взятки – 3 988; дача взятки – 3 174; посредничество во взяточничестве – 1 297, мелкое взяточничество – 5 408;

---

[1] © Васильев М. К., 2021.

– преступления, связанные с коммерческим подкупом – 1 294, из них получение и передача коммерческого подкупа – 990, мелкий коммерческий подкуп – 304.

В этой связи следует более подробно остановиться на преступлениях, связанных с коммерческим подкупом, которые получили сегодня широкое распространение.

Уже в самом наименовании деяния содержится указание на то, что оно осуществляется посредством передачи незаконного денежного вознаграждения. Фактически коммерческий подкуп выступает разновидностью взятки, однако данное деяние посягает на иной объект - общественные отношения, охраняющие интересы службы в коммерческих и иных организациях, тогда как взяточничество угрожает нормальной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, что обусловливает его повышенную общественную опасность и свидетельствует о направленности на подрыв устоев национальной безопасности.

Тем не менее, опасность коммерческого подкупа нельзя недооценивать. Любой подкуп лица, осуществляющего управленческие полномочия, подрывает авторитет органов управления, создает ощущение безнаказанности и возможности решения проблем при помощи денег и иных материальных ценностей [4].

Исходя из диспозиции статьи 204 УК РФ [1], под коммерческим подкупом законодатель фактически понимает передачу взятки, поскольку предмет коммерческого подкупа и взятки полностью совпадает. Само деяние может осуществляться как в пользу получателя коммерческого подкупа, так и в пользу любого другого лица.

При совершении коммерческого подкупа могут передаваться и приобретаться деньги, ценности, имущественные услуги и имущественные права. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федераци от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» приводится ряд разъяснений по поводу того, что следует считать оказанием услуг или предоставлением имущественных прав. Это любые действия, влекущие для получателя какие-либо имущественные выгоды. Иными словами, это предоставление возмездных услуг бесплатно или за существенно сниженную цену [2].

К таким услугам относятся, например, бесплатное проведение ремонта, погашение кредита, прощение денежного долга.

Состав данного преступления является формальным. В соответствии с подп. 10, 11 Постановления № 24, получение и дача незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе будут считаться оконченными с момента принятия лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей, независимо от того, получило ли указанное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными ему ценностями по своему усмотрению [2].

В тех случаях, когда предметом получения или дачи взятки, посредничества во взяточничестве либо коммерческого подкупа является незаконное оказание услуг имущественного характера, преступление считается оконченным с начала

выполнения с согласия должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, действий, непосредственно направленных на приобретение ими имущественных выгод (например, с момента уничтожения или возврата долговой расписки, передачи другому лицу имущества в счет исполнения обязательств взяткополучателя, заключения кредитного договора с заведомо заниженной процентной ставкой за пользование им, с начала проведения ремонтных работ по заведомо заниженной стоимости).

В целом, объективная сторона коммерческого подкупа выражается только в активных действиях:

– со стороны лица, осуществляющего коммерческий подкуп – действия по передаче денег, ценных бумаг, иного имущества, предоставление различных услуг;

– со стороны лица, получающего предмет коммерческого подкупа – добровольное принятие данного имущества или услуг и пользование ими.

На практике состав коммерческого подкупа устанавливается как в действиях дающего, так и в действиях принимающего. Квалификация деяния подкупающего и подкупаемого проводится по соответствующим частям статьи 204 УК РФ.

Субъектами рассматриваемого преступления выступают:

– во-первых, лицо, которое передает денежные средства, ценные бумаги, оказывает услуги материального характера лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации;

– во-вторых, само лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации – в случае добровольного получения предмета коммерческого подкупа.

Таким образом, субъект данного преступления может быть как общий, так и специальный. Кроме этого, в ситуации, когда одно лицо передает предмет коммерческого подкупа, а другое лицо добровольно его принимает, имея намерение совершить незаконные действия в пользу заинтересованного лица, имеют место два субъекта преступления.

Верховный Суд в Постановлении № 19 разъясняет, что к лицам, являющимся получателями коммерческого подкупа, относятся руководители с функциями единоличного исполнительного органа, а также лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в этих организациях (например, директор, генеральный директор, член правления акционерного общества, председатель производственного или потребительского кооператива, руководитель общественного объединения, религиозной организации) [3].

Анализ судебной практики показывает, что в качестве получателей коммерческого подкупа выступают лица, способные с использованием своего служебного положения упростить или облегчить процесс получения различных справок, удостоверений, выписок; свидетельств и других документов, требующих производства определенных действий, зачастую - затратных по времени или связанных с определенными неудобствами. В качестве примеров можно привести следующие должности:

– директор частного профессионального образовательного учреждения, обладающий полномочиями, по выдаче документа о прохождении обучения по профессии;

– руководитель частной медицинской организации;

– конкурсный управляющий;

– декан факультета образовательного учреждения;

– начальник отдела продаж акционерного общества и ряд других.

Квалифицированные и особо квалифицированные виды составов коммерческого подкупа содержатся в частях 2–8 статьи 204 УК РФ, предусматривающих семь квалифицирующих признаков.

Первый признак – совершение коммерческого подкупа в значительном размере, то есть превышающем 25 тыс. руб. Это могут быть не только деньги, но и любые имущественные услуги или имущественные права, которые способны иметь денежный эквивалент.

Второй признак – совершение коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Этот же признак вменяется и в случае, если коммерческий подкуп получен или передан за совершение заведомо незаконных действий, либо совершен в крупном размере.

Как разъясняетВерховный Суд Российской Федерации в Постановлении № 24, групповым преступлением будет признан факт получения коммерческого подкупа двумя и более лицами, обладающими управленческими функциями. При этом преступление считается оконченным с момента получения предмета подкупа хотя бы одним из них [2].

Также в пункте 16 данного Постановления указывается на то, что в организованную группу, которая, в отличие от обычной, характеризуется устойчивостью, более высокой степенью организованности, распределением ролей, наличием организатора и (или) руководителя, могут входить и лица, не обладающие признаками специального субъекта получения коммерческого подкупа [2].

Крупный размер коммерческого подкупа образует сумма, превышающая 150 тыс. руб. Это также могут быть деньги, имущество, имущественные права, имущественные услуги.

Третий признак – совершение коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору или организованной группой в особо крупном размере. В соответствии с примечанием к ст. 204 УК РФ особо крупным размером коммерческого подкупа признаются сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества, услуг имущественного характера, иных имущественных прав, превышающие один миллион рублей.

Четвертый квалифицирующий признак вводит уголовную ответственность для лица, который непосредственно получает незаконное вознаграждение в виде денег, ценностей, иного имущества, а также пользуется услугами имущественного характера за совершение заведомо незаконных действий в интересах лица, передающего данное вознаграждение (часть 5 статьи 204).

Пятый, шестой и седьмой квалифицирующие признаки основываются на получении предмета коммерческого подкупа и включают в себя получение денег, ценных бумаг или иного имущества:

- в значительном размере;
- группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- сопряженное с вымогательством предмета подкупа;
- совершенное за незаконные действия (бездействие);
- в крупном размере;
- в особо крупном размере.

Как видно, законодатель в одной уголовной норме устанавливает уголовную ответственность как за передачу вознаграждения, так и за его получение. Данный подход представляется не вполне удачным, поскольку перегружает статью 204 УК РФ квалифицирующими признаками. Учитывая, что после части 5 в статье 204 УК РФ располагаются еще 3 квалифицирующих признака, ссылающихся на часть 5 этой нормы, можно сделать вывод о возможном разделении статьи 204 на две самостоятельные нормы по аналогии со ст.ст. 290 и 291 УК РФ – дача взятки и получение взятки.

Отдельно следует остановиться на таком квалифицирующем признаке, как получение коммерческого подкупа, сопряженное с вымогательством предмета подкупа. В соответствии с пунктом 18 Постановления № 24 под вымогательством предмета подкупа необходимо понимать не только требование передать незаконное вознаграждение, сопряженное с угрозой совершить действия (бездействие), которые могут причинить вред законным интересам лица, но и заведомое создание условий, при которых лицо вынуждено передать данное вознаграждение с целью предотвращения вредных последствий для своих правоохраняемых интересов.

При этом, как разъясняет Верховный Суд, для квалификации содеянного не имеет значения, была ли у лица, выполняющего управленческие функции, реальная возможность осуществить данную угрозу, если у лица, передавшего предмет коммерческого подкупа, были основания опасаться осуществления данной угрозы.

При анализе преступления, предусмотренного статьей 204.1 УК РФ (посредничество в коммерческом подкупе), можно увидеть, что данные деяния разграничиваются по субъекту преступления. Если в статье 204 УК РФ им выступает лицо, осуществляющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, то в статье 204.1 УК РФ субъектом является лицо, выполняющее функции посредника, т. е. лицо, передающее предмет коммерческого подкупа по поручению дающего подкуп или получающего его или иным образом способствующее в достижении либо реализации соглашения между ними о передаче и получении подкупа.

Посредник отличается от получающего или передающего предмет коммерческого подкупа тем, что действует не в своих интересах и не по своей инициативе.

Следует разграничивать коммерческий подкуп и получение (дачу) взятки. Разграничение проводится как по объекту, так и по субъекту преступления.

Так, при коммерческом подкупе объектом преступления является нормальная реализация прав и обязанностей в процессе осуществления управленческих функций коммерческой или иной организации. При получении или даче взятки объектом является нормальная и правильная работа органов государственной власти и местного самоуправления.

Что касается субъекта преступления, то при коммерческом подкупе субъектом преступления является лицо, осуществляющее функции управления коммерческой организацией или иной организацией. Тогда как при получении взятки субъектом является должностное лицо, признаки которого рассмотрены выше.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что наличие коррупционных преступлений в системе деяний, посягающих на интересы службы в коммерческих и иных организациях, обусловливает необходимость более жесткого отношения законодателя к уголовной ответственности за данные виды преступлений.

В то же время, законодатель значительно снизил порог уголовной ответственности за совершение коммерческого подкупа по сравнению с получением и дачей взятки. Несомненно, взяточничество посягает на основы государственного управления, что существенно повышает общественную опасность данного преступного деяния. Однако коммерческий подкуп также относится к коррупционным преступлениям, что фактически приравнивает его к взятке. Поэтому представляется, что санкции ст. 204–204.2 УК РФ должны быть значительно повышены.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 15.05.2021).

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федераци от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 24.12.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/ (дата обращения: 15.05.2021).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федераци от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148355/ (дата обращения: 15.05.2021).

4. Павлов, В. Г. Актуальные проблемы уголовного права : учебное пособие. СПб. : Юридический центр Пресс, 2020. 216 с.

Журило П. И.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Н. Д. Эриашвили****,*
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор

ВЛИЯНИЕ РЕНОВАЦИИ ЖИЛОГО ФОНДА В МОСКВЕ НА РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Реновация жилого фонда в Москве, определила вектор развития не только градостроительных отношений, но и целого пласта правоотношений, возникающих в связи с реализацией программы реновации. В первую очередь, принятие пакета нормативно-правовых актов определило изменения в уже существующий порядок, определив комплекс специфичных процедур, включая принятие решения об участии-не участии в реновации общим собранием собственников имущества многоквартирного дома [1, с. 19] и, как следствие, принуждение к заключению договора, предусматривающего переход права собственности на жилое помещение, расположенное в многоквартирном доме, включенном в программу реновации в судебном порядке.

В настоящей статье в наиболее общем виде рассматривается основные параметры гражданско-правового механизма реновации, нашедшие свое отражение в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 494 «О внесении изменений в градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты российской федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» [2], определившем новый порядок развития жилого фонда, а вместе с этим и внесении специфики в институт права собственности.

Безусловно, внесение столь крупных изменений и дополнений определило, что правоотношения, возникающие на их основе, не позволят описать, проанализировать и сделать выводы в рамках научной статьи, однако, на наш взгляд, в концентрированном виде необходимо рассмотреть одну из новелл, возникших в рамках опыта реновации и грядущего комплексного территориального развития.

Закон Российской Федерации «О статусе столицы Российской Федерации» [3], дав старт программе реновации, определил порядок учета мнения населения. Статья 7.1. «Выявление и учет мнения собственников помещений и нанимателей жилых помещений при формировании и реализации программы реновации. Информирование по вопросам осуществления реновации» определила, что формы и порядок выявления и учета мнения собственников помещений и нанимателей жилых помещений при формировании и реализации программы реновации устанавливаются нормативными правовыми актами города Москвы с учетом положений указанной статьи. Так, постановление Правительства Москвы № 245-ПП от 2 мая 2017 г. «Об учете мнения населения по проекту реновации

[1] © Журило П. И., 2021.

жилищного фонда в городе Москве» [4] утвердило порядок голосования для последующего включения многоквартирных домов в проект программы реновации жилищного фонда в городе Москве. Данный порядок определил, что собственники помещений в многоквартирном доме, предложенном в перечне к голосованию для последующего включения многоквартирных домов в проект программы реновации жилищного фонда в городе Москве, вправе провести в соответствии с Жилищным кодексом Российской Федерации [5] (далее – ЖК РФ) общее собрание собственников помещений в многоквартирном доме по вопросу согласия или несогласия с включением их многоквартирного дома в проект программы реновации жилищного фонда в городе Москве.

На первый взгляд, указанный порядок не несет никаких правовых последствий, однако, как показала практика – решение большинства участников общего собрания жильцов многоквартирного дома является ключевым в определении дальнейшей судьбы объекта недвижимости. Иными словами, большинство собственников способно реализовать право собственности меньшинства вразрез с волей последних.

Указанное обстоятельство инициировало ряд судебных споров о правомерности использования такого механизма определения воли собственников. Однако, вместе с этим, судебная практика поддерживала законность указанного порядка [6, с. 78]. В дополнение к этому стоит отметить, что помимо включения в программу реновации, общее собрание собственников позволяет и не включать многоквартирный дом в эту программу.

Неоднозначность такого подхода, определило дальнейшее направление развития жилищного законодательства, а также института права собственности. Внесение изменений в ЖК РФ позволило в статье 44 определить, что в компетенцию общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме входит принятие решения о включении многоквартирного дома в границы территории жилой застройки, подлежащей комплексному развитию в соответствии с проектом решения о комплексном развитии такой территории, а также принятие решения об исключении многоквартирного дома из границ такой территории, из проекта решения о комплексном развитии территории жилой застройки или из решения о комплексном развитии территории жилой застройки. В данном случае обнаруживается корреляция указанной нормы с положениями Конституции Российской Федерации. Так, согласно статье 40 – каждый имеет право на жилище и никто не может быть произвольно лишен жилища, а органы государственной власти и органы местного самоуправления создают условия для осуществления права на жилище. Учитывая, что комплексное территориальное развитие направлено на улучшение жилищных условий, а самого явления как «жилище» ни программой реновации, ни комплексным территориальным развитием не предусмотрено, так как возмещение, в той или иной форме, предусмотрено всегда.

Статья 35 Конституции Российской Федерации [7], определяющая, что право частной собственности охраняется законом, и никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда в расширительном токовании коррелиру-

ется с положениям ЖК РФ о компетенции общего собрания собственников жилого помещения в той части, что несогласие с его решением позволяет обратиться в суд, решение которого и определит правовую справедливость и законность. В это же время согласуется с новеллой о возможности распоряжения многоквартирным домом как единым объектом права собственности всех собственников и положение вышеуказанной статьи Конституции, определяющей, что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. С одной стороны, триединые полномочия права собственности, реализуемые «совместно с другими лицами», по большей части реализуются в результате кооперацій лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Однако, более широкий взгляд на отношения, возникающие между собственниками многоквартирного дома, целенаправленность их воли на благополучие общего объекта позволяют заключить, что в теоретическом аспекте реализации права собственности можно допустить соответствие положений 44 статьи ЖК РФ нормам Конституции Российской Федерации.

Подводя итог рассмотрению новеллы, введенной программой реновации, поддержанной законодателем в рамках использования комплексного территориального развития, можно сделать ряд выводов:

– положения реновации жилого фонда в Москве стали площадкой для апробации новых гражданско-правовых механизмов развития института права собственности;

– общее собрание собственников многоквартирного дома полномочно рассматривать вопросы, определяющие судьбу объекта недвижимости, в том числе вразрез с мнением меньшинства его участников;

– законодательство Российской Федерации содержит нормы, позволяющие не только оспаривать указанное выше решение, но и защищать имущество, при этом отсутствует положение, целиком лишающее собственника прав;

– конституция Российской Федерации содержит теоритические положения, позволяющие реализовать в полной мере область частноправовых отношений, связывающих собственников сложного объекта права собственности.

Список литературы

1. Журило П. И. Реновация в Москве и проблема в реализации права собственности: статья // Международный журнал гражданского и торгового права. 2019. № 4. С. 18–21.

2. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 494 «О внесении изменений в градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372677/ (дата обращения: 06.04.2021).

3. Закон Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4802-I «О статусе столицы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3356/ (дата обращения: 06.04.2021).

4. Постановление Правительства Москвы от 2 марта 2017 г. № 245-ПП «Об учете мнения населения по проекту реновации жилищного фонда в городе Москве» // Российская газета. URL: https://rg.ru/2017/05/11/moscow-post245-regdok.html (дата обращения: 06.04.2021).

5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ// СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения: 06.04.2021).

6. Журило П. И. Обзор судебной практики по судебным делам, связанным с осуществлением реновации в городе Москва // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 77–79.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 06.04.2021).

Канаева Ю. А.[1]**,**
соискатель кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Н. Д. Эриашвили*****,**
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор

О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВЫХ ОСНОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ПОРЯДОК РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ НА ПОЛУЧЕНИЕ ЖИЛИЩА СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Приказом МВД России от 24 мая 2003 г. № 345 [1] утвержден порядок учета сотрудников ОВД, претендующих на получение квартир. Кроме того, предусмотрена приоритетность в предоставлении жилых помещений внеочередным порядком семьям погибших, пропавших без вести сотрудников, принимавших участие в обеспечении правопорядка в зонах боевых действий.

Если решение о выдаче жилого помещения принято уполномоченным органом, формально административные правоотношения значатся законченными, а полным завершением реализации права на получение социального жилья является заключение с гражданином договора социального найма на основании норм, предусмотренных гл. 7 и 8 ЖК РФ и гл. 35 ГК РФ.

Особый порядок обеспечения жилыми помещениями сотрудников ОВД предусматривает определенный установленный законом регламент освобождения занимаемого по договору социального найма жилого помещения. Так, например, при прохождении службы в ОВД сотрудник был уволен по болезни, но на основании договора найма служебного помещения (заключенного 21 ноября 2011 г.) между сотрудником и Департаментом городского имущества города Москвы в срочное возмездное пользование предоставлено жилое помещение для проживания на период прохождения службы в УВД по ГУ МВД России по г. Москве. Вступившим в законную силу Решением Хорошевского районного суда г. Москвы от 23 ноября 2017 г., в удовлетворении исковых требований сотрудника к Департаменту городского имущества г. Москвы и Главному управлению МВД России по г. Москве о сохранении за ним права пользования жилым помещением отказано, а встречный иск Департамента городского имущества г. Москвы о выселении сотрудника и членов его семьи из этой квартиры удовлетворен [2]. Главным управлением МВД России по г. Москве признано право сотрудника на предоставление единовременной социальной выплаты в соответствии со ст. 4 № 247-ФЗ. Следовательно, по договору найма служебного помещения прекращение службы влечет расторжение договоров социального найма, заключаемых между государственным органом власти и сотрудниками ОВД.

---

[1] © Канаева Ю. А., 2021.

Приведенный пример показывает наличие проблемы правового регулирования отношений, исходящих из правовых последствий договора социального найма, предоставления служебных жилых помещений сотрудникам ОВД.

Статьи 79, 90 и 91 ЖК РФ закрепляют допустимость при расторжении договора социального найма выселения нанимателя вместе с членами его семьи при выявленных нарушениях условий договора. Сотрудники ОВД обязаны освободить занимаемое жилое помещение в связи с окончанием службы.

Ключевым фактором в этом случае является то, что окончание срока службы обычно не соответствует сроку реализации права сотрудника по улучшению жилищных условий. Например, сотрудник ОВД находится в очереди по улучшению жилищных условий под номером 2083 и реализовать право по улучшению жилищных условий, сможет лишь через достаточно длительный временной период.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указывает на отсутствие правовых регламентов по реализации права в предоставлении жилого помещения в собственность в порядке ст. 5 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. Российская Федерация – социальное государство, его политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2], и, следовательно, не должна умалять права граждан, основой которых является Конституция Российской Федерации [3].

Таким образом, действующие правовые основы, регулирующие право на граждан на жилище защищены ЖК РФ, права сотрудников ОВД, имеющих в пользовании жилое помещение, ограничены. В целях совершенствования правовых основ, регулирующих порядок реализации прав на получение жилища сотрудниками ОВД, представляется обоснованным в ст. 6 Федерального закона от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ предусмотреть обязанность государственных органов власти, осуществляющих реализацию вышеуказанных прав сотрудников ОВД, исключить выселение сотрудников ОВД и членов их семей из занимаемого жилого помещения, до фактической выплаты единовременного пособия по улучшению жилищных условий.

Список литературы

1. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 мая 2003 г. № 345 (ред. от 27.07.2004) «Об упорядочении учета лиц, нуждающихся в улучшении жилищных условий, и распределения жилой площади в органах внутренних дел» (зарегистрировано в Минюсте России 31.07.2003 г. № 4938) // Российская газета. 2003. № 156.

2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 августа 2020 г. № 5-КГ20-64-К2. Документ опубликован не был // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru.

3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ; от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ; от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 15. Ст. 1691.

Кузьмичёв А. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РОЛЬ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ

Функционирование предприятия в условиях рыночной экономики неразрывно связано с осуществлением инвестиционной деятельности – целевого вложения инвестиционных ресурсов, совершения сопутствующих практических действий в целях извлечения прибыли, либо достижения иного полезного эффекта, [1] которая в свою очередь, сопряжена с определенной долей риска. Под инвестиционным риском понимается вероятность возникновения непредвиденных финансовых потерь, в том числе, вероятность недополучения прогнозируемого объема доходов от инвестиционной деятельности. Уровень инвестиционного риска зависит от степени влияния различного рода факторов:

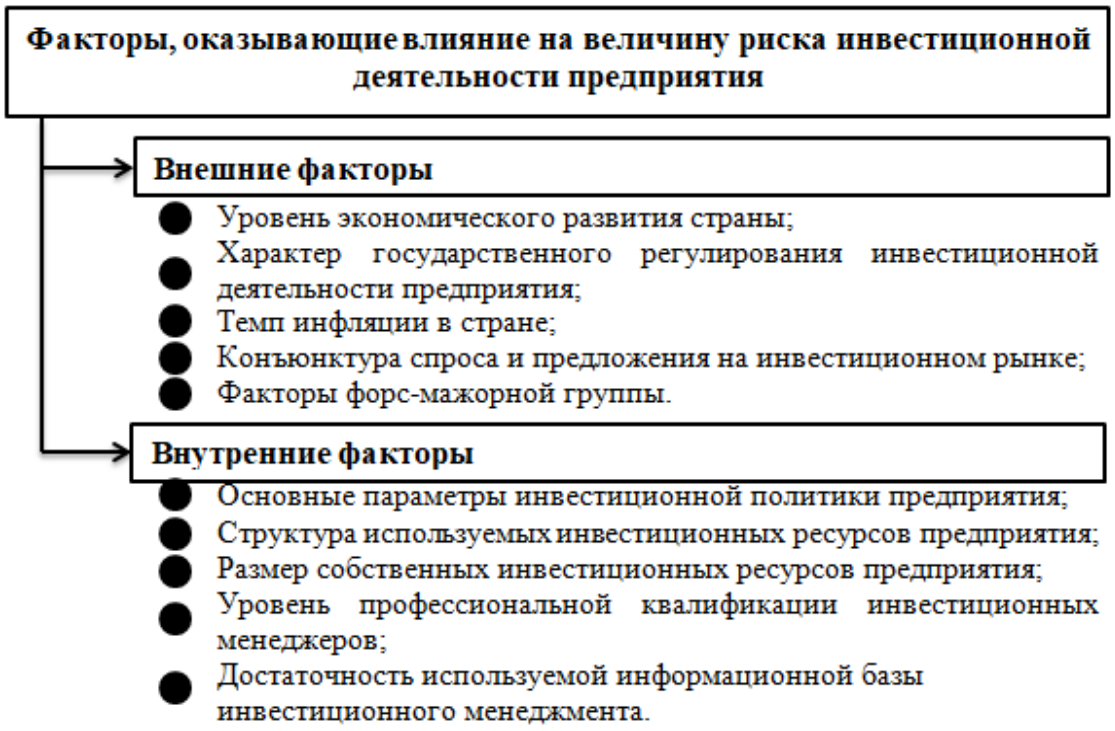

Рис. 1. Факторы, оказывающие влияние на величину риска инвестиционной деятельности предприятия

Стоит отметить, что внутренние факторы, оказывающие влияние на величину инвестиционного риска, обусловлены особенностями организации и осуществления экономической деятельности предприятия, в то время как, внешние факторы характеризуются действием объектов, находящихся за пределами сферы влияния экономического субъекта.

Высокая вероятность наступления неблагоприятных финансовых последствий от осуществления инвестиционной деятельности является одной из угроз экономической безопасности предприятия, требующей комплексного подхода к

[1] © Кузьмичёв А. В., 2021.

ее нейтрализации [2]. Обеспечение экономической безопасности предприятия в рамках реализации инвестиционной деятельности направлено на снижение уровня инвестиционного риска. Эффективным инструментом управления рисками в инвестиционной деятельности предприятия, следовательно, эффективным инструментом обеспечения его экономической безопасности, является инвестиционная политика экономического субъекта [3].

Реализации инвестиционной политики предприятия в части обеспечения его экономической безопасности осуществляется посредством комплекса целенаправленных мероприятий по снижению уровня инвестиционного риска (превентивный характер), а также минимизации или ликвидации связанных с ним неблагоприятных последствий (ликвидационный характер):

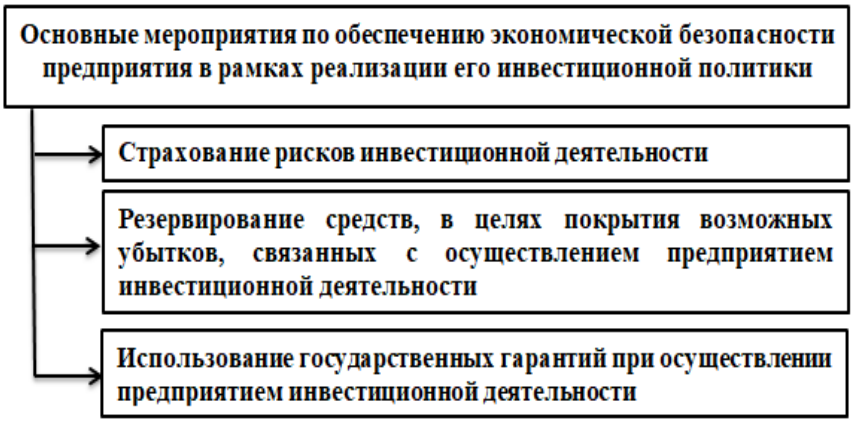

Рис. 2. Основные мероприятия по обеспечению экономической безопасности предприятия в рамках реализации его инвестиционной политики

Страхование рисков инвестиционной деятельности является наиболее перспективным и приоритетным мероприятием, направленным на минимизацию непредвиденных негативных финансовых последствий от осуществления капитальных вложений, предполагающим полную или частичную передачу инвестиционного риска страховой компании, индивидуальному страхователю на основании страхового договора. Передача инвестиционного риска, посредством страхования, позволяет обеспечить защиту финансовых интересов предприятия при осуществлении им инвестиционной деятельности.

Резервирование средств, в целях покрытия возможных убытков, связанных с осуществлением предприятием инвестиционной деятельности, предполагает формирование целевого резервного фонда, источник формирования которого, а также размер регулярных отчислений определены уставом экономического субъекта, его инвестиционной политикой, а также иными внутренними организационно-распорядительными документами. Целевое использование средств резервного фонда, в случае наступления неблагоприятных финансовых последствий от инвестиционной деятельности, гарантирует покрытие возникших непредвиденных убытков. Использование государственных гарантий при осуществлении предприятием инвестиционной деятельности. Правом на использование государственных гарантий при осуществлении инвестиционной деятельности обладают экономические субъекты, реализующие приоритетные направления инвестирования в сферу социально-экономического развития, обес-

печения государственной безопасности России. Реализация государственных гарантий осуществляется в форме предоставления экономическому субъекту льготных условий взимания федеральных налогов и взносов в государственные внебюджетные фонды, а также послабления режима запретов и ограничений в отношении осуществления капитальных вложений на территории Российской Федерации. Эффективность мероприятий по управлению инвестиционными рисками напрямую зависит от своевременности выявления воздействующих или потенциальных угроз, оперативности в принятии решений, направленных на их ослабление или полное устранение.

Определение уровня инвестиционного риска, выбор мероприятий по его минимизации осуществляется путем проведения прединвестиционного анализа – комплекса исследований, позволяющих, посредством технико-экономических расчетов, произвести оценку уровня инвестиционного риска, определить соотношение доходности и рискованности различных вариантов инвестирования, а также обеспечить осуществление наиболее оптимальных вложений капитала. Объектом прединвестиционного анализа выступает инвестиционный проект. Под инвестиционным проектом согласно Федерального закона «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» понимается обоснование экономической целесообразности, объема и сроков осуществления капитальный вложений, в том числе необходимая проектная документация. Кроме того, инвестиционный проект включает в себя описание практических действий по осуществлению вложений денежных средств, ценных бумаг, а также иного имущество организации в объекты предпринимательской и иной деятельности в целях получения экономических выгод. Количественная и качественная оценка инвестиционного риска, в рамках прединвестиционного анализа, осуществляется при помощи одного из следующих методов:

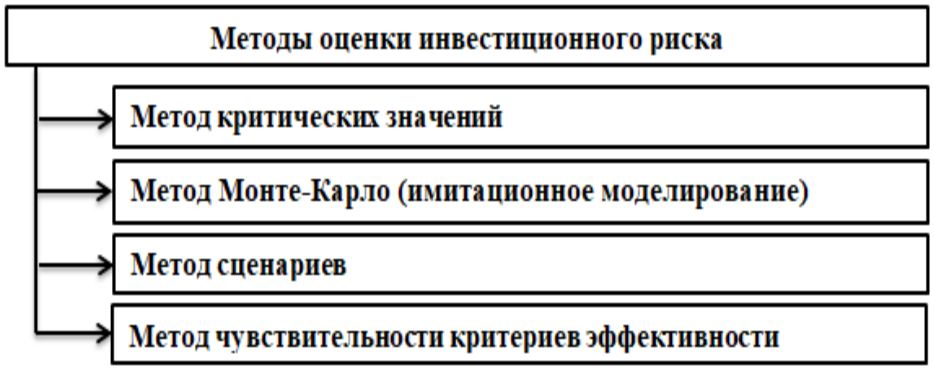

Рис. 3. Методы оценки инвестиционного риска

Метод критических значений факторов (анализ безубыточности), влияющих на величину инвестиционного риска, предполагает нахождение числовых значений, при которых инвестиционный проект, ввиду критического значения инвестиционного риска, не подлежит дальнейшему утверждению и реализации.

Метод имитационного моделирования (метод Монте-Карло) заключает осуществление последовательных действий: выбор ключевых факторов, оказывающих влияние на величину инвестиционного риска, определение максимально и минимально возможных значений факторов, расчет показателей дисперсии,

среднеквадратического отклонения, в целях расчета сводного коэффициента NPV (чистая приведенная стоимость) инвестиционного проекта. Метод сценариев предполагает исследование различных вариантов реализации инвестиционного проекта на основе оценки всех возможных значений факторов. Метод чувствительности критериев эффективности позволяет определить, насколько сильно изменится уровень инвестиционного риска при определенном изменении количественных и качественных параметров инвестиционного проекта. В качестве критериев эффективности инвестиционного проекта, как инструмента для обоснования целесообразности инвестиционных решений, выступают следующие экономические показатели.

Таким образом, роль инвестиционной политики предприятия в системе обеспечения его экономической безопасности заключается в минимизации существующих инвестиционных рисков, повышении степени надежности капиталовложений, в целях обеспечения финансовой устойчивости предприятия, создания условий перспективного развития. Кроме того, реализация инвестиционной политики, в рамках обеспечения экономической безопасности предприятия, посредством создания благоприятного инвестиционного климата, позволяет экономическому субъекту поддерживать высокий уровень конкурентоспособности, формировать дополнительные факторы конкурентного преимущества. Инвестиционная политика предприятия, сформированная и реализуемая в соответствии с требованиями эффективности и целесообразности, в соответствии со стратегией экономической безопасности является значимым элементом системы его экономической безопасности, способствующим минимизации воздействия внутренних и внешних угроз. Реализация инвестиционной политики предприятия, осуществляемая посредством комплекса целенаправленных мероприятий по снижению уровня инвестиционного риска, способствует принятию взвешенного и экономически обоснованного инвестиционного решения, следовательно, сводит возможность наступления неблагоприятных последствий к минимуму, обеспечивает нормальное функционирование инвестиционной и иных видов деятельности предприятия.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999 № 9. Ст. 1096.

2. Алексеева А. Е. Инвестиционная политика предприятия как условие укрепления его экономической безопасности // Вопросы студенческой науки 2019. № 8 (36). С. 56–59.

3. Риполь-Сарагоси Л. Г., Куралимова О. С. Особенности инвестиционной политики как фактора обеспечения экономической безопасности предприятия // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право. 2019. С. 117–119.

4. Лавренова Г. А., Лавренова Е. В. Анализ методов оценки рисков инвестиционной деятельности предприятия // ЭКОНОМИНФО. 2018. № 1. С. 44–48.

Кулешова А. Н.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно и научно-педагогических кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ ТИПОВЫХ КОНТРАКТОВ В НЕФТЯНОЙ ОТРАСЛИ

Мировая нефтяная индустрия – это огромный, сложный и многогранный бизнес. Нефтяные и газовые компании ежедневно совершают миллионы сделок во всех уголках мира. Каждая из этих транзакций приводит к тому или иному виду контракта. Многие из этих контрактов связаны с большими суммами денег, значительным риском, огромными обязательствами и многими другими вопросами. В зависимости от их сложности, переговоры, составление и подписание документов занимают месяцы, а иногда и годы. Стандартизация типовых контрактов может сэкономить месяцы управленческого времени на каждом этапе переговоров. Довольно часто нефтяные контракты создают важные международно-правовые прецеденты.

В нефтяной промышленности все шире используются типовые контракты, где заключенные договоры о сотрудничестве являются обычным явлением и требуют постоянной работы с целью ее эффективности.

Типовые контракты стремятся стандартизировать условия, регулирующие определенные общие типы соглашений, используемых в нефтяном бизнесе. Переход к модельным контрактам неудивителен, если учесть, насколько важную роль может сыграть стандартизация для достижения эффективной работы.

На протяжении более 100 лет отрасль разработала серию контрактов для этих сделок. Первоначально компании договаривались и составляли свои собственные договоры друг с другом. Это заняло значительное время и ресурсы. Иногда доминирующие игроки были успешны в том, чтобы заставить другие стороны использовать их контракт. Но чаще стороны обнаруживали, что они вступили в «битву за контракты» за использование определенного договорного формата. При таком подходе не удалось установить отраслевые контрактные стандарты. За последние несколько десятилетий отрасль приняла альтернативный подход и работала на основе сотрудничества для разработки и использования различных типов нефтяных типовых контрактов для получения преимуществ стандартизации и эффективности.

На основании пункта 3 Правил разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов установленных Постановлением Правительства Российской Федерации от 2 июля 2014 г. № 606 «О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения» [3] типовые условия контракта разрабатываются в отношении отдельных условий гражданско-правового договора, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества), заключаемого от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также

[1] © Кулешова А. Н., 2021.

бюджетным учреждением, государственным, муниципальным унитарным предприятием либо иным юридическим лицом в соответствии с Федеральным законом «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2].

В простых типовых контрактах, как правило, используются стандартизированные формы, где не требуется от сторон участвовать в переговорах и составлять проекты. Чаще всего такие договоры выпускаются в бумажном формате, где необходимо указать стороны и поставить подпись. Многие типовые контракты в нефтяной отрасли, которые касаются более сложных транзакций, доступны в электронном формате, чтобы стороны могли гибко использовать документ по своему усмотрению. Они могут принять его полностью в выданном формате, просто выбрав нужный вариант или они могут использовать типовой контракт в качестве отправной точки и переработать, дополнить или убрать лишние пункты документа, как сочтут нужным. Естественно, чем больше видоизменяется типовой контракт, тем сложнее и продолжительнее становятся переговоры, в результате чего теряются преимущества такого вида контракта.

Многие стороны в мировой нефтяной отрасли используют типовые контракты, в основном между компаниями, однако такие типовые контракты используют и правительства различных стран, например в Российской Федерации есть Федеральный закон от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» [1], «Отраслевое соглашение по организациям нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства объектов нефтегазового комплекса Российской Федерации на 2020–2022 годы» [4].

Самыми широко распространенными типовыми контрактами в нефтяной сфере можно назвать договор поставки, транспортировки и перевозки нефти и нефтепродуктов. Такого рода договоры и соглашения можно использовать в качестве модели для государственных контрактов в конкретной юрисдикции, но они не всегда широко принимаются и используются в других странах, даже несмотря на то, что некоторые страны сотрудничали друг с другом, разделяя такие типы прецедентов. Эти модели иногда поощряются и поддерживаются многосторонними организациями, такими как Всемирный банк. Всемирный банк предложил свою помощь государствам в разработке их правовых, договорных и налоговых рамок для привлечения прямых иностранных инвестиций, которые ускорят развитие нефтяных возможностей. В рамках этой программы Всемирный банк призвал государства разработать один или несколько вариантов «типового контракта» и предоставил техническую помощь для их создания. Уильям Т. Онорато, бывший ведущий юрисконсульт Всемирного банка по нефти и газу, выразил это следующим образом: «Несмотря на некоторые разногласия в отрасли по поводу необходимости этого элемента, государству лучше всего иметь свой собственный специально разработанный договорный формат, который поможет начать переговоры по нефтяным соглашениям» [5, с. 74].

Создание типового контракта требует значительных усилий со стороны организации, которая разрабатывает и ведет его. В связи с чем рассмотрим преимущества и недостатки такого рода контракта.

Плюсом типового контракта является его рентабельность, то есть происходит стандартизация бизнес-процессов, что позволяет значительно сэкономить время и деньги. Также позитивной стороной будет выступать скорость, благодаря которой можно согласовать, завершить и провести сделку быстрее, если документация может быть быстро согласована, это позволит сократить время переговоров вдвое [6].

Кроме того, этот контракт поможет избежать рисков, когда транзакция происходит до того, как заключено соответствующее соглашение. Как например, это зачастую происходит в сфере разведки, добычи и торговли нефтью и нефтепродуктами, когда торговцы обмениваются и торгуют с головокружительной скоростью, а договор заключают уже когда происходит сама транзакция, в связи с чем возникали судебные тяжбы, так как письменного договора нет и все условия были согласованны устно. Типовые контракты помогают избежать такого рода проблем, позволяя сторонам сосредоточиться на крупных вопросах, а не на мелких, и тем самым позволяют им быстро перейти к подписанному соглашению.

Вместе с тем контракты становятся более высокого качества, то есть над его разработкой в большинстве случаев работают квалифицированные юристы, обладающие значительным опытом работы по созданию типовых контрактов. Следовательно, большинство типовых контрактов, как правило, являются лучшими документами, чем первый проект, подготовленный стороной, работающей без образца.

Хорошо подготовленные типовые контракты, которые стали широко использоваться в качестве отраслевого стандарта, приводят к согласованному учету аналогичных транзакций во всей отрасли. Обычно в результате происходит лучшее понимание транзакций. Благодаря большей последовательности и взаимопониманию стороны по своей сути уменьшают потенциальные основания для спора и, следовательно, риск их судебного разбирательства.

Еще одной положительной чертой типового договора можно назвать сведение к минимуму количество проблем, которые необходимо решить. Типовые контракты предоставляют отрасли возможность выстраивать и поддерживать прочные отношения с контрагентами посредством сокращенных сессий переговоров, которые сосредоточены на ключевых проблемах, стоящих на кону.

Несмотря на все преимущества, которые связаны с моделями, существует ряд недостатков так большинство компаний, создающих типовые контракты, стремятся создать сбалансированное и справедливое соглашение, учитывающее интересы всех сторон типового контракта. Обычно это предполагает, что существует равенство переговорной силы между сторонами, но на практике зачастую более сильные компании находятся в более выгодном положении.

Вместе с тем, еще одним минусом будет то, что типовые контракты используют недостаточно квалифицированные специалисты, то есть люди, не имеющие юридического образования и не разбирающиеся в тонкостях такого рода контрактов. Также существует так называемый «модельный паралич», когда одна сторона предлагает изменение, которое подходит и разумно в данных обстоя-

тельствах, но предполагает отступление от положений контракта. Контрагент будет возражать против изменения на том основании, что типовой контракт согласован в данной отрасли и не должен изменяться.

Нефтяная промышленность всегда разрабатывает новые технологии и пробует разные подходы к разработке нефтяных месторождений. Иногда новая сделка требует переоценки пригодности модели. Однако, как только типовой контракт был создан, кажется, что возникает желание «подогнать» каждую сделку к нему, независимо от того, подходит ли к этой сделке. Этого недостатка можно избежать путем надлежащего образования и передачи договора в руки квалифицированных специалистов.

Безусловно в типовом контракте встречаются и изъяны. Иногда проблемы не до конца продуманы и узкий круг выбора. Кроме того, отраслевые практики претерпевают изменения, и технологии развиваются, в связи с чем в данное типовой контракт должны быть внесены изменения.

В целом преимущества типовых контрактов намного перевешивают их недостатки. Большинство перечисленных выше недостатков можно избежать за счет правильного использования типового договора. Таким образом, очевидно, что есть значительные преимущества и недостатки, которых обычно можно избежать, если будут квалифицированные, знающие пользователи типовых контрактов.

В заключении следует сказать, что выгоды в связи с применением типовых контрактов должны были привести к их расширенному развитию и применению в нефтяной промышленности в будущем. На сегодняшний момент многие типовые контракты изменяются и обновляются на регулярной основе. Это демонстрирует стремление нефтяной промышленности поддерживать эти модели в контексте бизнеса, который постоянно меняется. Хотя есть причины с осторожностью подходить к созданию или принятию типового контракта, однако практика подтверждает, что международная нефтяная промышленность твердо привержена использовать типовые контракты. Можно с уверенностью сказать, что типовые контракты не только сохранятся, но и будут продолжать развиваться в ближайшие годы.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 1995 г. «О соглашениях о разделе продукции» № 225-ФЗ (с изм. и доп. от 27.06.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 18.

2. Федеральный закон Российской Федерации от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп. от 09.04.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 июля 2014 г. № 606 «О порядке разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов, а также о случаях и условиях их применения» (вместе с «Правилами разработки типовых контрактов, типовых условий контрактов») // Собрание законодательства Российской Федераци. 2014. № 28. Ст. 4053.

4. Отраслевое соглашение по организациям нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства объектов нефтегазового комплекса Российской Федерации на 2020–2022 годы (подписано 11 декабря 2019 г.) // Официальный сайт Министерства труда Российской Федерации. URL: https://rosmintrud.ru/. (дата обращения: 12.05.2021).

5. Onorato W. T., Park J. World petroleum legislation: Frameworks that foster oil and gas development // Alberta Law Review. 2001. 39 (1), pp. 70–126.

6. Martin A., Park J. Global petroleum industry model contracts revisited: Higher, faster, stronger // Journal of World Energy Law & Business. 2010. Vol. 3. №. 1 (40), pp. 1–9. URL: https:// www.extractiveshub.org/servefile/getFile/id/2622 (дата обращения: 12.05.2021).

Кушхова А. А.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ COVID-19

2020 год для мирового рынка труда стал поворотным, российский рынок – не исключение. Менялись как «количественные» характеристики рынка труда (сокращение доли занятых, снижение темпов динамики трудовой миграции – внутренней и внешней, рост числа сотрудников, переведенных на удаленный формат работы и т. д.), так и его «качественные» показатели: некоторые профессии и отрасли в значительной мере трансформировались или вовсе прекратили свое существование вслед за появлением новых направлений. Кроме того, стало понятно, что некоторые профессии могут вовсе не восстановиться – ни в ближайшее время, ни в долгосрочной перспективе, так как пандемия в значительной мере повлияла на потребительское поведение [6].

В то же время, эксперты пророчат, что новые профессии (например, организаторы виртуальных бизнес-туров, онлайн-няни и др.) и наиболее востребованные специалисты (в сфере IT, медицине и др.) не потеряют своей актуальности в долгосрочной перспективе [10]. Рынок труда закономерно смещается в область повсеместной автоматизации, и пандемия лишь выступила триггером, ускорившим этот переход. Поскольку одной из основных тенденций рынка труда является цифровая трансформация, как госсектора, так и бизнеса, а «профессии будущего» связаны с цифровыми компетенциями [7].

В условиях пандемии возрос спрос на специалистов, связанных доставкой с и логистикой, непосредственно взаимодействующих с людьми, в том числе, курьеров – причем, изменения в структуре спроса и предложения рынка труда в данном сегменте отмечаются не только в городах-миллионниках, но и в более отдаленных регионах. По данным Росстата, в ноябре 2020 г. – январе 2021 г. численность безработных составила 4,46 млн. чел., уровень безработицы составил 5,9 % (рис. 1) [2], что на 1,3 п. п. выше аналогичного периода 2020 г. Максимальное значение зафиксировано в августе 2020 г.: 6,4 %, или 4,8 млн безработных человек (6,4 %) [5].

Стабилизация ситуации на российском рынке труда, по данным Минэкономразвития, ожидается не ранее 2021, но для этого требуется, в том числе, открывать границы, активнее привлекать иностранных граждан, поскольку недостаток трудовых ресурсов мигрантов (в объеме 1,5 миллиарда мигрантов, по мнению ведомства) привел к задержке или «заморозке» инвестиционных проектов, на которых труд гастарбайтеров традиционно используется наиболее активно [9].

[1] © Кушхова А. А., 2021.

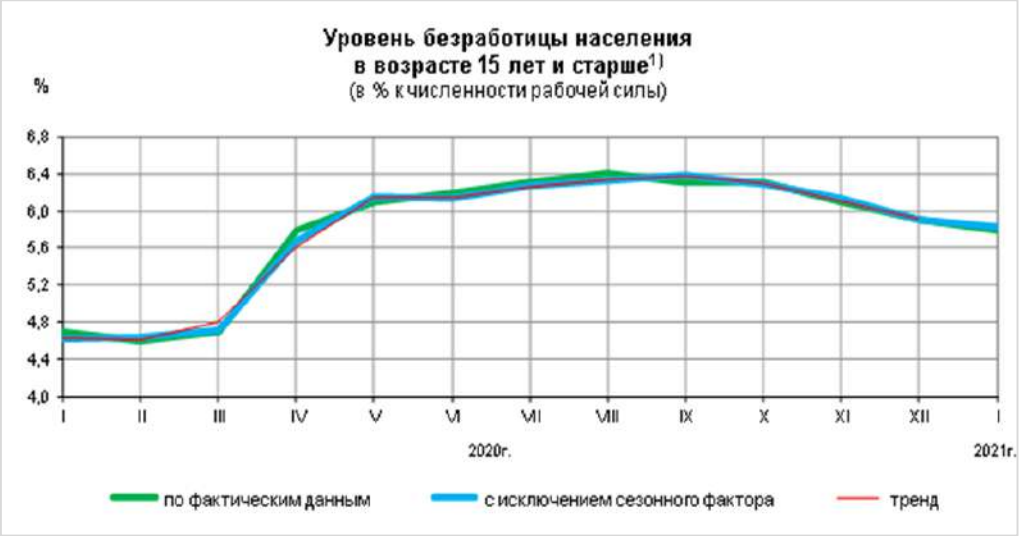

Рис. 1. Уровень безработицы населения России в возрасте 15 лет и старше в I кв. 2020 г. – I кв. 2021 г.

Насколько объективны данные цифры, судить крайне сложно. По данным Росстата, чистый приток мигрантов в январе–августе 2020 г. сократился в 2,4 раза по сравнению с 2020 г. (рис. 2). По данным Главного управления МВД по вопросам миграции, более, чем на треть сократилось и количество выданных патентов и разрешений на работу, количество трудовых мигрантов в Москве сократилось примерно на40 % [3, с. 116; 4, с. 102].

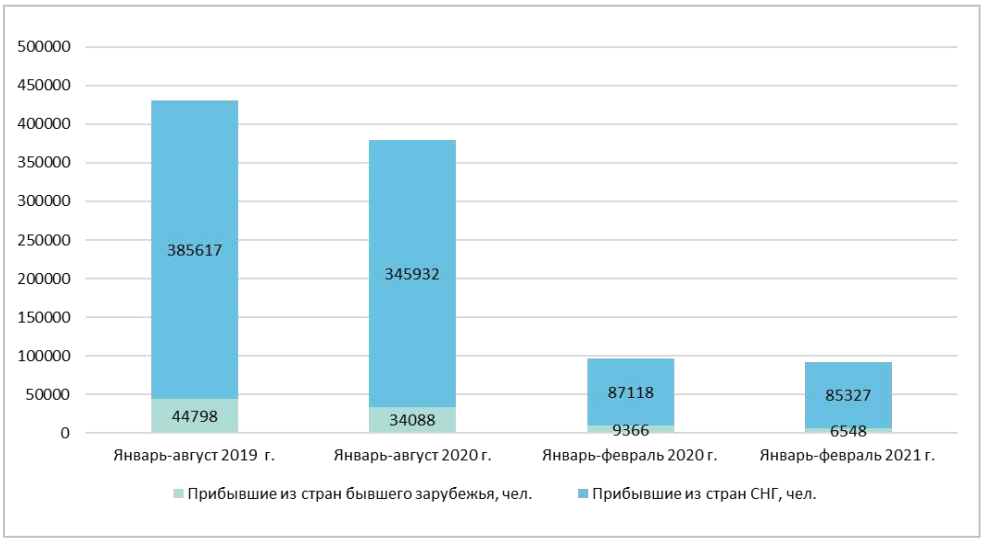
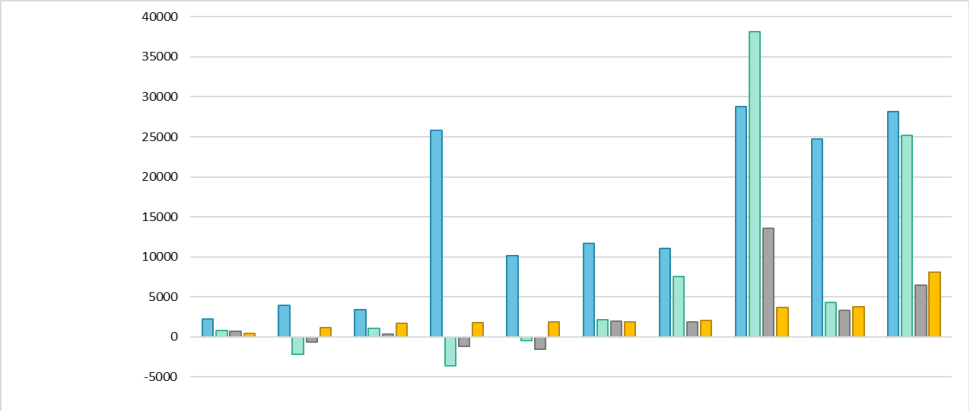

Рис. 2. Динамика международной миграции (прибывшие в Россию)

Безусловно, данные цифры не включают статистику по нелегальным мигрантам, среди которых, как минимум, 1 млн чел. должны покинуть страну до 15 июня 2021 г. самостоятельно, в добровольном порядке: порядка 29 % из них – граждане Узбекистана, 22 % – Республики Таджикистан, миграционный прирост среди граждан которой остается одним из наиболее высоких, несмотря на то, что до 1 апреля 2021 г. авиасообщение Таджикистана и России было закрыто (рис. 3).

Основная сфера занятости мигрантов в России – это строительная отрасль, ЖКХ, сфера бытовых услуг. В данных отраслях действительно в период активных ограничений на фоне пандемии наблюдалось «проседание» работ и проектов – однако не столько из-за дефицита трудовых ресурсов, сколько из-за введения карантинных ограничений как таковых [3, с.117; 4, с.103].

	Туркменистан	Беларусь	Республика Молдова	Армения	Киргизия	Узбекистан	Азербайджан	Украина	Казахстан	Таджикистан
Январь-август 2019 г.	2250	3913	3385	25815	10125	11701	11017	28788	24696	28112
Январь-август 2020 г.	770	-2204	1027	-3611	-455	2112	7535	38106	4300	25222
Январь-февраль 2020 г.	704	-683	357	-1215	-1587	1931	1869	13537	3305	6473
Январь-февраль 2021 г.	418	1154	1695	1787	1818	1832	2075	3701	3793	8076

Рис. 3. Показатели миграционного прироста с государствами-участниками СНГ

В начале 2021 г. разработан упрощенный механизм порядка найма мигрантов в строительные компании в целях поддержки отрасли, однако порядка 30 % иностранных граждан, которых застройщики привлекают для работы из-за рубежа, переходят работать в другие отрасли, уровень дохода в которых незначительно ниже, однако не столь высок уровень сложности и опасности труда – как правило, это сфера доставки.

Таким образом, возникают закономерные вопросы:

– насколько необходимо возобновление миграционного потока с точки зрения стратегической поддержки экономики России;

– насколько активность трудовых мигрантов влияет на местный рынок труда;

– каким образом российский рынок труда и экономика в целом могут быть сбалансированы в своем устойчивом долгосрочном развитии вне зависимости от потока трудовых мигрантов.

Основная мотивация прибывающих из стран СНГ мигрантов – финансовая поддержка семей, остающихся на Родине. Однако если ознакомиться с данными статистики, можно отметить следующее. На фоне переменной стагнации экономики России экономика стран СНГ демонстрирует неуверенную, но положительную динамику роста. Так, ВВП Республики Таджикистан в 2020 г. демонстрирует рост +35,3 % в сравнении с 2018 г. после девальвации сомани в 2019 г., уровень безработицы в Республике остается на уровне 2,1 %, что на 8,7 % ниже уровня 2018–2019 гг. Средний уровень заработной платы возрос в 2021 г. на 12,6 % в сравнении с 2021 г.

ВВП Узбекистана в 2020 г. демонстрирует рост +18,8 % в сравнении с 2018 г. Уровень безработицы в «пандемийном» 2020 году достиг рекордных 10,5 %, что,

однако, лишь на 16 % выше уровня 2019 г. (9 %) и на 12,9 % превышает показатель 2018 г. (9,3 %). При этом уровень средней заработной платы в 4 кв. 2020 г. превышает уровень 1 кв. 2018 г. более, чем на 72 %.

Таким образом, для трудовых мигрантов остается открытым вопрос – насколько целесообразно осуществлять поиск рабочих мест за пределами страны, а именно, в Российской Федерации. Средний уровень заработной платы рабочих, занятых в строительстве, в апреле 2021 г. сократился на 49,7 %. Безусловно, данное сокращение не может не отразиться на мотивации трудовых мигрантов, которые вынуждены на заработках в России оплачивать патент, нести дополнительные затраты на съем жилья, питание и др.

Между тем, согласно результатам исследования РАНХиГС, доходы трудовых мигрантов в России существенно выше, чем у местного населения. Отчасти это объясняется тем, что трудовые мигранты заняты в превалирующем объеме на рынках Москвы и Санкт-Петербурга, других крупных городах, а также в целом работают большее количество часов – но не менее важно отметить, что трудовые мигранты заняты в основном в неквалифицированных видах труда, поэтому уровень дохода иностранных граждан в целом превышает средний уровень заработка россиян, занятых во всех видах труда. Кроме того, в некоторых отраслях – например, строительстве, очень сильны национальные диаспоры, нанимающие работников во многом по принципу землячества. В силу этих и многих других причин сложно говорить о полноценной замене мигрантов местными трудовыми ресурсами в сегменте неквалифицированного труда [1, с. 35].

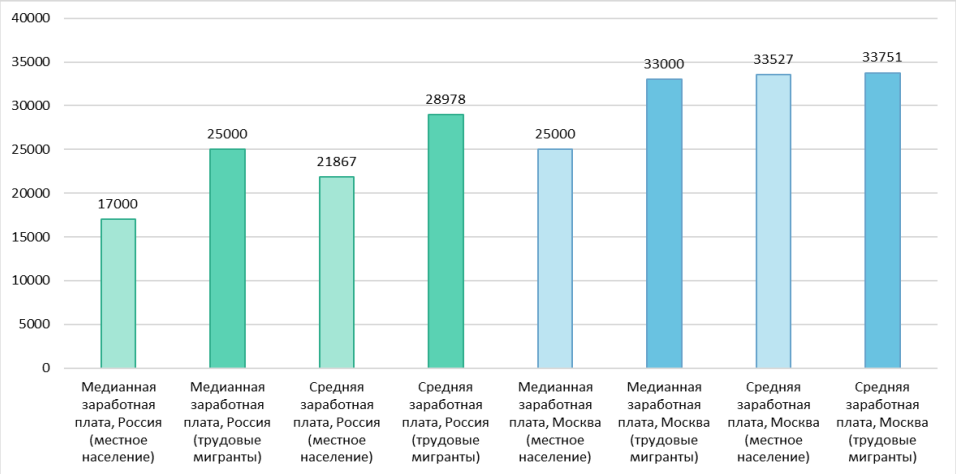

Рис. 4. Сравнение средних и медианных значений дохода мигрантов и местного населения

Динамика внутренней трудовой миграции на фоне пандемии COVID-19 сократилась: россияне все больше становятся «гиперлокальны», они готовы к переобучению в целях поддержания уровня релевантности уровня своих компетенций актуальным требованиям рынка труда, а также готовы к переходу на дистанционный формат работы с целью сохранения рабочего места.

Таким образом, можно говорить о постепенном «оседании» специалистов в пределах государственных границ – пандемия в этом плане предоставляет российскому рынку труда приостановить пресловутую «утечку мозгов» за границу –

хотя бы на уровне физических ограничений на перемещение. Что касается восполнения человеческих ресурсов в связи с выбытием мигрантов, то закономерным является решение вопроса об автоматизации неквалифицированных видов работ. Так, для восполнения нехватки трудовых ресурсов в сфере ЖКХ все чаще используется больше техники: специализированные машины для уборки и ремонта дорог, автоматизация обслуживания инженерных коммуникаций, сбора и вывоза мусора. Аналогичные тенденции наблюдаются и в строительной отрасли.

Необходимо признать, что именно данный вектор является единственно возможным и адекватным с точки зрения восстановления национальной экономики России, не только после кризиса пандемии COVID-19, но и в долгосрочной перспективе. Тренд на технологичность не является чем-то далеким, актуальным в перспективе – в этом плане будущее наступило «еще вчера», и, если российская экономика не сможет перестроиться на интенсивный вектор развития с фокусом на развитие IT-решений во всех отраслях, ее ждет еще большее отставание от экономически развитых стран, которые, несмотря на значительные «просчеты» в миграционной политике все же постепенно перестраивают социально-экономическую среду с учетом нового технологического уклада. И с учетом того, что в эпоху четвертой промышленной революции многие профессии как таковые исчезают, в целях стабильного социально-экономического развития российский рынок труда должен уже сегодня разрабатывать актуальные механизмы структурной перестройки [8, с. 164]. Пандемия COVID-19 является триггером, способствующим ускорению данных изменений.

Список литературы

1. Варшавер Е., Иванова Н., Рочева А. Положение мигрантов в России во время пандемии коронавируса (COVID-19): результаты опроса // URL: https://www.researchgate.net/publication/343180986_/

2. Занятость и безработица в Российской Федерации в январе 2021 года (по итогам обследования рабочей силы) // URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/-IssWWW.exe/ Stg/d02/38.htm.

3. Информация о социально-экономическом положении России (январь–сентябрь 2020 г.) // РОССТАТ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/-a0oy0RLz/oper-09-2020.pdf.

4. Информация о социально-экономическом положении России (январь–март 2021 г.) // РОССТАТ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/5i6bShA4/oper-03-21.pdf.

5. Исследование выявило рост уровня безработицы в России // РИА Новости. URL: https://ria.ru/20210315/bezrabotitsa-1601183794.html.

6. Мониторинг рынков труда в условиях сдерживания пандемии COVID-19: Основное содержание обследований рабочей силы и работа с особыми группами населения // International Labour Organization. URL: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/publications/WCMS_746162/lang--en/index.htm.

7. О ситуации на рынке труда в условиях пандемии // Национальное агентство развития квалификаций. URL: https://nark.ru/activity/mrt/analiz-sites-hr.php.

8. Осин Р. В. Нужны ли трудовые мигранты в эпоху четвертой промышленной революции, развития искусственного интеллекта и цифровизации общества? // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире : материалы 5-й Международной научно-практической конференции (Пенза, 27–28 марта 2020). С. 160–165.

9. Фаляхов Р. Без мигрантов не получается: как власти будут решать проблему безработицы // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/ business/2020/12/-25/13414712.shtml.

10. Chamberlain A. Glassdoor Workplace Trends 2021. 5 Trends Reshaping How We Work After COVID-19 // Glassdooer Economic Research, 2021.

Малышева Н. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ТРЕБОВАНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ, РАЗУМНОСТИ И СОРАЗМЕРНОСТИ К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО ПРАВОМЕРНЫМИ ДЕЙСТВИЯМИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Работа органов государственной власти строится на основе конституционных норм, признающих права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. В связи с этим, деятельность по защите граждан от противоправных посягательств, по охране общественного порядка и общественной безопасности является ключевым направлением деятельности правоохранительных органов, как структурного звена государственных органов. Выполняя служебные обязанности, сотрудники правоохранительных и иных государственных органов руководствуются положениями различных нормативно-правовых актов. Процесс взаимодействия субъектов власти и общества всегда находился в центре внимания юридической науки. Постоянное реформирование государственного управления, поиск форм участия государственной власти в решении проблем общества свидетельствуют об отсутствии оптимального механизма государственного реагирования на некоторые проблемные вопросы общества [4, с. 3–4]. Одной из нерешенных проблем является вопрос о компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. В первую очередь, проблемы возникают в результате их неправильного теоретического осмысления в системе обязательственного права. По нашему мнению, необходимо разграничивать обязательства вследствие причинения вреда и правоотношения по компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, несмотря на наличие общих признаков. Главным отличием указанных групп правоотношений выступает основание их возникновения: обязательства вследствие причинения вреда возникают из общего запрета посягать на права и законные интересы других лиц; компенсация ущерба, в свою очередь, возникает из установленного права должностных лиц посягать на права граждан и юридических лиц. Кроме того, данные правоотношения отличаются по субъектному составу, по направленности цели, по выполняемым ими социальным функциям, по принципу возмещения вреда и др. Указанные признаки не позволяют отождествлять данные группы правоотношений.

Ошибочно также рассматривать компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, в качестве частного или общего случая обязательства, возникающего в ситуациях крайней необходимости. Их смешение ведет к неверному применению нормы материального права. Так, Е. М. Гинц утверждает, что при причинении вреда в состоянии крайней необходимости, возникают правоотношения, регулируемые ст. 16.1 ГК РФ, которые

[1] © Малышева Н. А., 2021.

подлежат применению с учетом ст. 1067 ГК РФ [1, с. 83–84]. Диффузное понимание указанных правоотношений связано с наличием в них элемента чрезвычайной, крайней ситуации. Однако, причинение правомерного вреда связано с исключительными случаями, связанными с выполнением профессиональных обязанностей должностными лицами. Должностные лица причиняют вред в силу того, что государство наделяет их таким правом, признавая их поведение социально полезным. Правом же на причинение вреда в условиях крайней необходимости обладают все граждане, оно выступает частным случаем выражения ч.2 ст. 45 Конституции РФ [3]. В связи с этим, компенсация ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, должна осуществляться на основании ст. 16.1, п.3 ст. 1064 ГК РФ и специальной правовой норме, дающей право причинять вред и обеспечивающей условие правомерности.

Главная практическая проблема реализации нормы 16.1 ГК РФ заключается в отсутствии действенного законодательного механизма. Сегодня существует лишь механизм компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями при пресечении террористического акта [5], остальные случаи правомерного причинения вреда остаются «за бортом» правового регулирования. Считаем необходимым принять Постановление Правительства Российской Федерации «Порядок компенсации ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, а также иных лиц, которым государством делегированы властные полномочия» (далее – Постановление), которое бы стало единым нормативным правовым актом, позволяющим эффективно применять ст. 16.1 ГК РФ.

Без наличия такого правового акта нормы специального законодательства и гражданского права выглядят неким «правовым теннисом», поскольку отсылают правоприменителя от одних норм к другим. Из данной проблемы плавно вытекает и другая, которая связана с определением размера компенсации. Во-первых, законодатель ясно дает понять, что компенсации подлежат не все понесенные убытки, а лишь реальный ущерб. Во-вторых, ст. 16.1 ГК РФ ставит возможность ее реализации в зависимость от нормы специального закона. Это означает, что размер компенсационных выплат должен определяться специальной правовой нормой. На сегодняшний день вопрос о размере выплат решен только в Федеральном законе Российской Федерации от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [7]. По нашему мнению, законодателю еще только предстоит создать действенный механизм реализации нормы 16.1 ГК РФ. При создании такого механизма необходимо руководствоваться требованиями справедливости, разумности и соразмерности. Принцип справедливости находит свое отражение в ст. 16.1 ГК РФ в той части, что запрещает компенсировать причиненный вред в полном объеме. На наш взгляд, принцип не полного причинения вреда обусловлен спецификой действия органов государственной власти. Их деятельность направлена на достижение социального блага, а потому они наделены правом причинять вред в исключительных случаях. В данном случае поднимается вопрос о справедливости такого решения: почему в некоторых случаях компенсировать ущерб допустимо, а в некоторых нет. Представляется, что, решая

вопрос таким образом, законодатель исходил из принципа практической целесообразности. Именно при пресечении террористического акта причиняется вред большому количеству граждан и их имуществу. Вышеобозначенные случаи в действительности требуют внимания со стороны законодателя.

Применительно к требованию соразмерности, следует исходить из затрат, потребовавшихся для лечения, для восстановления утраченного имущества либо потерь, выразившихся в утраченном доходе или смерти кормильца [2]. Принцип разумности должен проходить «красной нитью» на протяжении всего процесса решения вопроса о компенсации ущерба.

Таким образом, можно сказать, что соблюдение требований соразмерности, справедливости и разумности выступают необходимыми составляющими права на компенсацию ущерба, причиненного правомерными действиями государственных органов. Иными словами, такие требования обеспечивают право на компенсацию и являются неотъемлемой его составляющей.

Список литературы

1. Гинц Е. М. Возмещение вреда, причиненного правомерными действиями государственных органов: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. М., 2014. 153 с.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 09.03.2021) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 23.03.2021).

3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 23.03.2021).

4. Королева Ю. М. Взаимодействие общества и государства как фактор укрепления системы национальной безопасности России (Социально-философский анализ) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 09.00.11. М., 2011. 21 с.

5. Постановление Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2019 г. № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 1 (часть II). Ст. 106.

6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (последняя редакция) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/ (дата обращения: 23.03.2021).

Масько С. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УТИЛИТАРНЫЕ ЦИФРОВЫЕ ПРАВА: ОТДЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Цифровизация является следующим этапом развития общества по отношению к информатизации и компьютеризации, повсеместно внедряется во все сферы жизни человека и деятельность государства.

Качественные изменения в науке и технике, в том числе технологиях обработки и хранения больших объемов разнородной информации, искусственного интеллекта, финансовых технологий послужили основой для перехода к цифровизации и внедрению «цифровой экономики».

Отправной вехой для создания «цифровой среды» в России считается программа «Цифровая экономика», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р. Таким образом, возникла необходимость осмысления традиционных институтов через призму новых технологий и их регулирование.

Цифровые решения, обладающие трансграничным характером, способны связывать людей и бизнес непосредственно, минуя посредников и не обращая внимание на национальные границы.

В этой связи возникает необходимость в правовом регулировании этой сферы, включая надежные способы защиты при использовании информационных технологий в рамках цифровизации и легитимации новых объектов, конечно же с учетом национальной безопасности государств.

Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», ввел самостоятельный объект гражданского права «цифровые права».

Нельзя переоценить актуальность определения базовых понятий для целей адекватного регулирования отношений с использованием цифровой среды. Подготовка и обсуждение его проектов сопровождалась острыми дебатами, в которых научным сообществом и представителями бизнеса обсуждались различные варианты юридических конструкций, в том числе весьма радикальные.

Проиллюстрировать сказанное нагляднее всего можно на дефиниции «цифровые права», которая менялась в зависимости от подхода от проекта к проекту. Так, в первоначальной редакции указанного проекта федерального закона № 424632-7 [9] под цифровыми правами предлагалось понимать цифровой код или обозначение, существующие в децентрализованной информационной системе, удостоверяющие права на объекты имущественных гражданских прав.

В редакции принятого Федерального Закона цифровые права определены, как названные в таком качестве, обязательственные и иные права, содержание и

[1] © Масько С. В., 2021.

условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам.

Вместе с тем, закрепленная формулировка, равно как и первоначально предложенная, также не способствовали раскрытию юридической природы цифровых прав и обострила дискуссию о необходимости выделения нового объекта гражданскиправ, либо отнесения лишь к новой форме уже известных имущественных прав.

В пояснительной записке к законопроекту обосновывалось введение в российское гражданское законодательство понятия «цифровое право» как эквивалента термину «токен». На данное обстоятельство указано Л. А. Новоселовой [13], обратившей внимание на несоразмерность самой формулировки «цифрового право» по отношению к его содержанию, которое кодексом определяется значительно узко.

Верно отмечается профессором О. А. Рузаковой применительно к возможности иметь в качестве объекта исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, что объективно может породить конструкцию «право на право», учитывая, что цифровые права в отличии от обязательственных, корпоративных, исключительных и др., в которых имеет значение сущностный элемент, представляют собой лишь новую форму удостоверения имущественного права [11].

При этом, за «бортом» законодательного регулирования по-прежнему остаются такие нематериальные объекты цифрового пространства, как, например, аккаунты, права доступа к программам, персонажи в онлайн-играх.

Одним из существенных условий для обозначения цифровых прав законодателем закреплено прямое указание на это законом.

Первым таким законодательным актом стал Федеральный закон Российской Федерации от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», так называемый «закон о краудфандинге», который ввел первый вид цифровых прав – утилитарные цифровые права.

В соответствии со статьей 8 указанного Закона в инвестиционной платформе могут приобретаться, отчуждаться и осуществляться следующие цифровые права (утилитарные цифровые права):

1) право требовать передачи вещи (вещей);

2) право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;

3) право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

При этом, утилитарными цифровыми правами не могут являться право требовать имущество, права на которое подлежат государственной регистрации, и (или) право требовать имущество, сделки с которым подлежат государственной регистрации или нотариальному удостоверению.

В связи с тем, что в проекте рассматриваемого федерального закона [10] использовался термин «токен», целесообразно сделать оговорку, что

в рамках данной статьи, под цифровым правом будем понимать «токен», а под утилитарным цифровым правом – «токен полезности».

В связи с гетерогенной природой применяемых в настоящее время токенов, а также возникновением данной категории в странах англосаксонской правовой семье имеет смысл рассмотреть их классификации в этих юрисдикциях в целях лучшего понимания их юридической природы.

Существуют несколько подходов к классификации токенов: технологический и функциональный (способ обеспечения и реализации предоставляемых прав).

В рамках технологического подхода различают «протокольные токены» и «токены приложений».

Согласно данному подходу, приведенному Аароном Райтом и Йонатоном Рохом, в блокчейн технологиях под протоколами обычно понимают набор правил, обеспечивающих взаимодействие между узлами, например, в процессе совершения трансакций, токены приложений – токены, используемые для разблокировки полезности приложений, сконструированные поверх другого протокола. Однако, такая классификация не отграничивает все проявления токенов. В связи с чем детальное рассмотрение деления по данному основанию для целей настоящей статьи нецелесообразно [1].

Для целей понимания юридической природы интерес представляет выделение токенов в зависимости от предоставляемых прав своему обладателю.

В иностранных юрисдикциях принято выделять следующие группы: платежные токены, токены полезности, токены безопасности:

1. Платежные токены – этот тип токенов предназначен для функционирования главным образом в качестве платежного средства, которое может быть свободно передано одноранговым способом по технологии блокчейн или связанной с ней технологии, без использования посредника или географических ограничений. Эта категория токенов стремится походить на деньги в своих функциях, как средство обмена, единица счета и как эквивалент стоимости. Принято выделять криптовалюты и стабильные монеты (токены с денежным обеспечением).

2. Токены полезности – это токен, который часто используется как (или как единственное) средство (дисконтированной) оплаты или доступа к конкретному приложению, построенному поверх существующего протокола блокчейна. Другими словами, токены полезности предоставляют своим покупателям своего рода «полезность» или права потребления, например, возможность использовать токен для доступа или покупки некоторых услуг/продуктов, которые предлагает или намеревается предложить информационная система, для которой он создан.

Существует множество вариаций с точки зрения конструкций. Самая «чистая» форма токена полезности используется только для разблокировки полезности связанного с ним приложения, не будучи передаваемым, на практике практически не встречаемый в таком виде.

3. Токены безопасности или инвестиционные токены, отличаются от токенов полезности и платежных токенов тем, что они предоставляют держателям экономические права. Такие экономические права могут, например, принимать форму частичного долевого участия в компании-эмитенте, дивидендных прав,

прав на доход или прав на часть трансакционных издержек в сети или (частичного) владения реальными активами.

Токенизации здесь понимается в широком смысле и может быть представлена в виде токенов безопасности (security tokens) либо токенов полезности (utility tokens).

Токены безопасности, в свою очередь, различаются токенами акций (equity tokens – сопоставимыми с традиционными акциями) и долговыми токенами (dept tokens – эквивалент облигаций с применением блокчейн технологии). Токены полезности предлагают владельцу права на конкретную услугу, например, доступ к зданию (его части), использование конференц-залов, облачное хранилище и так далее.

В этой связи, популярность набирают гибридные токены, сочетающие полезность и доходность, как более гибкие и эффективные по сравнению со стандартными средствами доступу к пространству и взимания платы за это использование.

Например, в Великобритании, в начале 2020 года запущен полноценный проект IPSX[1], который специализируется на прямых инвестиций посредством токенизации в коммерческую недвижимость через публичный рынок.

Еще одним примером может служить Primebase, построенный по концепции flexoffice, в котором владельцы получают доход от сдачи в аренду офисных пространств. Таким образом, гибридные токены имеют хороший потенциал для применения, в том числе совместного владения объектами.

Однако, технологии децентрализации более подвержены волатильности, за счет чего требуют более четкого и жесткого регулирования в целях защиты инвесторов. В частности, риски могут возникнуть в случае создания недобросовестными эмитентами видимости ликвидности в активах, которые по своей сути неликвидны либо являются оценка которых затруднительна.

В этом отношении в странах, легализовавших вышеназванные подходы к инвестированию с использованием технологии блокчейна, любой выпуск токена, который выглядит или ведет себя как токен безопасности», подпадает под действие режима обращения ценных бумаг (без исключения).

Данная классификация токенов, в настоящее время воспринята финансовыми регуляторами большинства стран: например, США, Европейского союза, Великобритании, Сингапура.

Вместе с тем Аурелио Гурреа Мартинесом[2] отмечается, что приведенная классификация не отвечает правовой природе токенов. С юридической точки зрения токены могут быть классифицированы только как токены безопасности или как токены, не связанные с безопасностью.

---

[1] Сайт биржи IPSX // URL: www. https://www.ipsx.com (дата обращения: 02.05.2021).

[2] Aurelio Gurrea Martínez. Assistant Professor of Law, Singapore Management University. Proposed regulatory framework of cryptoassets in the UK: A critical analysis // URL: https://www.-law.ox.ac.uk/business-law-blog/blog/2019/03/proposed-regulatory-framework-cryptoassets-uk-critical-analysis (дата обращения: 02.05.2021).

Следует заметить, что принцип дихотомии характерен и для российского гражданского права.

Исследователи правовой природы токенов полезности в станах континентального права, в частности Йоханнес Вирц и Михаэль Юнеманн [5] предлагают рассматривать их как цифровой ваучер на товары и услуги. Эмитент обязуется предоставить услугу или доставку товаров при погашении токена полезности.

В рамках указанного подхода при применении токенов полезности можно выделить следующие особенности:

а) они символизируют права и обязанности только между эмитентом и держателем;

б) они принимаются только эмитентом, вследствие чего должна исключатся их классификация как платежных средств;

в) они не являются ни ценной бумагой, ни капиталовложением [6].

С учетом того, что данное предположение имеет решающее значение только в случае конструирования «реального» полезного токена (не путать с ситуацией, когда форма полезного токена используется только как маска);

г) они не отражают требование о деньгах к эмитенту. Он представляется только ваучером, который можно обменять на товары или услуги. Поэтому его обращаемость вне информационной конкретной платформы (например, на криптобиржах) соответствует торговле товарами, а не ценной бумагой.

При этом считается, что приобретатель инвестирует не в инструмент, который должен приносить доход от инвестиций, предоставляемых эмитентом, а в ваучер, который должен быть погашен за товары или услуги именно конкретного эмитента. Ожидания относительно возврата инвестиций устремляются на вторичный рынок, но не к особенностям самого токена полезности[1].

Приведенные подходы к определению юридической природы токенов полезности в разных юрисдикциях помогут более глубокому осмыслению их юридической природы в российской правовой доктрине.

Список литературы

1. Aaron Wright, Jonathan Rohr Blockchain-Based Token Sales, Initial Coin Offerings, and the Democratization of Public Capital Markets // Cardozo Legal Studies Research Paper. 2017. № 527. URL: https://ssrn.com/abstract=3048104 (дата обращения: 02.05.2021).

2. Andrew Baum. The Future of Real Estate investment? // University of Oxford. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/349156600 (дата обращения: 02.05.2021).

3. Maas, Thijs, Initial Coin Offerings: When Are Tokens Securities in the EU and US? // URL: https://ssrn.com/abstract=3337514 (дата обращения: 02.05.2021).

[1] Cf. Blockchain Bundesverband, Statement on Token Regulation with a focus on token sales, p. 11 // URL: http://bundesblock.de/wp-content/uploads/2018/02/180209_Statement-Token-Regulation_blockchain-bundesverband.pdf (retrieved on February 12, 2018).

4. The treatment of cryptotokens at english law back to the future // URL: https://www.cliffordchance.com/content/dam/cliffordchance/briefings/2019/07/the-treatment-of-cryptotokens-at-english-law-back-to-the-future.pdf.

5. ICO: Legal Classification of Tokens: utility token // URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c1d69ffb-c010-4ffe-8923-841a804907db.

6. Initial Coin Offerings: BaFin publishes advisory letter on the classification of tokens as financial instruments // URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/EN/Fachartikel/2018/fa_bj_1803_ICOs_en.html.

7. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102) С. 111–119.

8. Овчинников А. И., Фатхи В. И. «Цифровые права как объекты гражданских прав» // Философия права. 2019. № 3 (90). С. 104–112.

9. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/424632-7 (дата обращения: 02.05.2021).

10. Проект федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/419090-7 (дата обращения: 19.05.2021).

11. Рузакова О. А. Вопросы цифровизации прав в банковской сфере в соответствии с Федеральным Законом «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Банковское право. 2019. № 4.

12. Рожкова М. А. Об имущественных правах на нематериальные объекты в системе абсолютных прав (часть вторая – общее о правах на новые объекты, деловая репутация и некоторые «нематериальные блага») // URL: https://zakon.ru/blog/2018/12/23/ (дата обращения: 19.05.2021).

13. Цифровые права как новый объект гражданского права / [Л. Новоселова и др.] // Закон. 2019. № 5.

Петухова М. Р.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ДОГОВОР СЧЕТА ЭСКРОУ И ДОГОВОР УСЛОВНОГО ДЕПОНИРОВАНИЯ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

В результате реформирования гражданского законодательства в российскую систему права был введен новый термин «эскроу», заимствованный из практики зарубежных стран. Свое отражение институт «эскроу» нашел в двух договорах ГК РФ – в виде договора счета эскроу и договора эскроу, именуемым также договором условного депонирования. На первый взгляд кажется, что правовая природа этих понятий идентична, однако анализ нормативно-правового регулирования исключает такую возможность. Нельзя не отметить, что законодатель выделил под институт условного депонирования отдельную главу – 47.1 ГК РФ, в то время как, нормы, характеризующие договор счета эскроу, дополняют главу 45 ГК РФ, посвященную положениям о банковском счете. В этой связи в науке гражданского права возникает дискуссионный вопрос, касающийся соотношения рассматриваемых договорных конструкций.

В юридической литературе обращается внимание на тесную правовую связь между договором условного депонирования (договором эскроу) и договором счета эскроу. Л. Ю. Василевская полагает, что правовая природа договора счета эскроу уже нашла отражение в науке, в том числе в соотношении с другими банковскими сделками, так как счет эскроу выступает как разновидность банковского счета [3, с. 112–114]. Вместе с тем, А.М. Эрделевский считает, что договор счета эскроу и договор условного депонирования являются тождественными по своему содержанию, оперируя тем, что указанные договорные конструкции не различаются по субъектному составу, механизму депонирования имущества, содержанию основных обязательств участников эскроу–отношений, а также целям заключения эскроу–договоров [13, с. 303–307]. Эта позиция нашла подтверждение в п. 4. ст. 860.7 ГК РФ, согласно которому к отношениям сторон применяются не только нормы статей 860.7–860.10 ГК РФ, но и общие положения о банковском счете и договоре эскроу (глава 47.1). На основании этого профессор Эрделевский делает вывод, что договор счета эскроу является разновидностью договора условного депонирования.

Иного мнения придерживается Руденко Е. Ю, которая пишет, что отношения по эскроу должны оформляться совокупностью договоров счета эскроу и непосредственно договором эскроу [10, с. 1–10]. Также С.П. Карчевский отмечает, что без договора условного депонирования не может быть заключен договор счета эскроу [10, с. 29–36]. Могу предположить, что автор руководствовался положениями Проекта Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,

[1] © Петухова М. Р., 2021.

в соответствии с которым договор счета эскроу нормативно закреплялся как разновидность договора условного депонирования (договора эскроу) и, соответственно, заключался на его основании [10, с. 56–58]. Однако практика в сфере долевого строительства позволяет заключать договор счета эскроу путем открытия счета эскроу без договора условного депонирования, а лишь на основании договора участия долевого строительства в соответствии с ч. 4. ст. 15.5 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации». Таким образом, мы видим, что нет единого мнения на предмет соотношения договора эскроу и договора счета эскроу, поэтому, чтобы провести комплексный сравнительный анализ, необходимо разобрать каждый договор по составным элементам, а также выявить их сходства и различия [12, с. 40].

Итак, в соответствии с п. 1. ст. 860.7. ГК РФ по договору счета эскроу банк в качестве эскроу–агента получает от владельца счета, именуемым депонентом, денежные средства для учета и удержания на счету эскроу в целях передачи их третьему лицу, выступающим по договору бенефициаром, при возникновении определенных договором оснований [4, с. 410]. По договору эскроу в соответствии с п.1. ст. 926.1 ГК РФ депонент передает на депонирование эскроу–агенту имущество в целях исполнения обязательства депонента по его передаче другому лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества, то есть бенефициара, а эскроу-агент обязуется обеспечить сохранность такого имущества, и передать его бенефициару при возникновении оснований, указанных в договоре. Исходя из рассмотренных норм, можно сделать вывод, что субъектами эскроу договоров являются: эскроу-агент, депонент и бенефициар, которые порождают трехсторонние правоотношения. Соответственно и договор эскроу (условного депонирования) и договор счета эскроу – это трехсторонние договоры, где от каждого участника зависит надлежащее исполнение условий договора.

Однако договор счета эскроу в ст. 860.7 ГК РФ определяет конкретного эскроу-агента, которым может являться только банк, в то время как договор условного депонирования в соответствии с п. 1. ст. 926.1 ГК РФ им не ограничивается, поэтому в качестве эскроу-агента по договору условного депонирования возможно участие и нотариусов, и юридических фирм, кредитных организаций, и инвестиционных компаний и др. Таким образом, несмотря на идентичный субъектный состав, как казалось вначале, договор эскроу в отличие от договора счета эскроу имеет неисчерпывающий перечень возможных участников в качестве эскроу-агента.

Немаловажным является вопрос, касающийся объекта депонирования, который также позволяет разграничить договоры, связанные с институтом эскроу. Так, на основании ст. 860.7 ГК РФ объектом депонирования выступают только денежные средства, которые вносит депонент на открытый банком (эскроу–агентом) счет эскроу. А в соответствии с п.3. ст. 926.1 ГК РФ объектом депонирования выступают движимые вещи, включая наличные деньги, документарные ценные бумаги и документы, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги [4, с. 410]. Необходимо отметить, что денежные средства,

находящиеся на счете эскроу, принадлежат депоненту до даты возникновения оснований для передачи денежных средств бенефициару, а после указанной даты – бенефициару. Такой же порядок предусмотрен и по договору условного депонирования, то есть после передачи объекта депонирования эскроу–агент и в течение всего периода действия договора эскроу депонент не вправе распоряжаться данным имуществом, если иное не предусмотрено договором согласно п. 4. ст. 926.1 ГК РФ [4, с. 410]. Таким образом, законодатель не ограничивает объект депонирования лишь денежными средствами, в отличие от договора счета эскроу, поэтому сфера применения договора эскроу (условного депонирования) шире, чем договора счета эскроу.

Анализируя нормативное правовое регулирование договора условного депонирования и договора счета эскроу, следует сделать вывод о предназначении этих договоров, заключение которых минимизирует риски всех участников эскроу–отношений за счет блокирования и сохранения денежных средств либо имущества эскроу–агентом до наступления обстоятельств, определенных сторонами договора, то есть до момента исполнения обязательств третьим лицом.

Таким образом, договор эскроу и договор счета эскроу, во-первых, выступают как надежный механизм обеспечения обязательств и впоследствии исполнения условий договора, во-вторых, учитывают интересы каждого субъекта эскроу-отношений, в-третьих, гарантируют сохранение переданных на депонирование денежных средств и имущества. Из вышесказанного ясно, что цели договора условного депонирования и договора счета эскроу совпадают, так как обе договорные конструкции позволяют каждой из сторон нивелировать риски по сделкам.

Сравнив основные элементы каждого договора, можно понять, что несмотря на некоторую схожесть в субъектном составе, способе и порядке депонирования объекта (либо денежных средств, либо имущества), в исполнении обязательств сторон по эскроу, а также целях заключения того или иного договора, есть значительные отличия, которые не позволяют считать договор условного депонирования и договор счета эскроу тождественными, иначе законодатель не выделил бы их в два самостоятельных договора Гражданского кодекса. Однако вопрос их взаимосвязи остается законодательно неурегулированным. Единственным примером объяснения является положение п. 4. ст. 860.7 ГК РФ, определяющее, что к отношениям сторон применяются общие положения о банковском счете и договоре эскроу (глава 47.1), если иное не предусмотрено настоящей статьей, а также статьями 860.8 – 860.10 настоящего Кодекса [4, с. 410]. Исходя из смысла вышеуказанной нормы, договор счета эскроу является разновидностью договора условного депонирования, поскольку есть прямая отсылка к последнему.

Отсюда также следует, что нормы, содержащиеся в ст. 860.7 – 860.10 не исчерпывают все вопросы, связанные с обеспечением договора счета эскроу, почему приходится ссылаться на положения о договоре условного депонирования и банковском счете. Такой же позиции придерживается В. В. Батин, который, изучая правовую природу эскроу-договоров, соотносит договор счета эскроу и договор условного депонирования как часть и целое [1, с. 67–69]. С такой точкой зрения, безусловно, согласна. Анализируя нормы, посвященные договору счета

эскроу, мы видим, что законодатель ограничивается лишь регулированием вопросов, связанных с открытием, закрытием и обслуживанием счета эскроу, а также определяет основные права и обязанности участников договора. Следовательно, можно сказать, что нормативно-правовое регулирование договора счета эскроу представлено достаточно в усеченном варианте, поэтому законом предусмотрена прямая отсылка к договору условного депонирования.

Подводя итог, следует отметить, что правовая природа института эскроу неоднозначна, а правоотношения, порождаемые новым договорным инструментом, носят сложный многоуровневый характер, который позволяет выявить отличительные характеристики в рассматриваемых эскроу–соглашениях. Это объясняется, в первую очередь, тем, что отношения, возникающие из договоров с применением «эскроу», имеют трехсторонние обязательства, о чем свидетельствует наличие эскроу-агента, депонента и бенефициара. Однако, как уже было отмечено, различия проявляются в возможности участия субъектов гражданского права в качестве эскроу-агента. Несмотря на это обстоятельство, интересы всех сторон по договору условного депонирования и договору счета эскроу учитываются, а права и обязанности предоставляются в равной мере. Поэтому оба договора выступают надежной гарантией, обеспечивающей надлежащее исполнение обязательств, чем подтверждается общая цель заключения эскроу–договоров. Таким образом, проведя сравнительно–правовой анализ договора счета эскроу и договора условного депонирования (договора эскроу), можно сказать, что их правовая природа идентична, несмотря на различия в нормативно–правовом регулировании. Также следует отметить, что анализ соотношения договора счета эскроу и договора эскроу (условного депонирования) показал, что договор эскроу включает в себя нормы, в части касающиеся счета эскроу, поэтому можно признать, что договор счета эскроу есть разновидность договора эскроу-договора условного депонирования.

Список литературы

1. Батин В. В. Договор условного депонирования (эскроу) и договор счета эскроу: соотношение обязательств и перспективы сосуществования // Юридическая наука. 2014. № 2. С. 67–69.

2. Блинкова Е. В. Договор условного депонирования (эскроу) в российском гражданском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 3 (104). С. 21–26.

3. Василевская Л. Ю. Договор счета эскроу: проблемы правовой квалификации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 2. С. 37–48.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: Федеральный закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 03.07.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. С. 410.

5. Гражданское право: в 2 т. / под ред. Е. А. Суханова. М., 1994. Т. 2. С. 143–187.

6. Долинская В. В. Новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации о финансовых сделках: обзор основных положений // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 6. С. 3–8.

7. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая (постатейный). 2-е изд. / под ред. [Е. Н., Абрамова и др.]. М. : Проспект, 2017. С. 245.

8. Коневина Ю. Л. Применение договора эскроу // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 5. С. 145–149.

9. Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/12976.html/.

10. Руденко Е. Ю. Договор счета эскроу: перспективы применения отдельные правовые проблемы // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом. 2015. С. 1–10.

11. Рузакова О. А., Степкин С. П. Некоторые проблемы правового регулирования договорных отношений условного депонирования (эскроу) // Банковское право. 2018. № 2. С. 29–36.

12. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 13.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 40.

13. Эрделевский А. М. О новых видах договоров банковского счета // Мудрый юрист. URL: https://wiselawyer.ru/poleznoe/74825.

Терентьев А. В.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАСКРЫТИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

На сегодняшний день экономическая преступность – это то негативное явление, с которым рано или поздно сталкивается любая социально система в процессе своего функционирования.

Под экономической преступностью принято понимать род незаконной деятельности, приносящий ощутимый финансовый ущерб, как простым гражданам, так и юридическим лицам, индивидуальным предпринимателям и государству.

Как справедливо полагают некоторые авторы, современная деятельность соответствующих государственных органов, направленная на предупреждение экономических преступлений и коррупционных проявлений в служебной деятельности, имеет фрагментарный характер, что обусловлено применением одного и того же набора частных мер предупредительного характера [1, с. 707–716], что не является достаточно эффективным. Более того, проблему угрозы национальной безопасности они не решают.

Следует отметить, что в настоящее время упомянутые ранее подразделения МВД России ведут активный поиск новых возможностей противодействия экономическим преступлениям и укреплению авторитета государства в области бизнеса и экономической безопасности, чему немало способствует, частичная декриминализация экономических преступлений и гуманизация уголовного кодекса в целом [2].

Учитывая современные темпы развития информационных технологий, следует отметить, что экономическая преступность все больше приобретает высокоинтеллектуальный и организованный характер, что повышает латентность экономической преступности и затрудняет раскрываемость [3], на что указывают многие исследователи, опираясь на результаты анализа понятий и признаков современных экономических преступлений [4].

Реалии 21-го века таковы, что применение цифровых технологий при осуществлении экономической деятельности влечет за собой переход от традиционной модели экономики к цифровой, в которой все взаимоотношения, в том числе и преступность, переходят в виртуальную среду.

К слову сказать, упомянутая декриминализация некоторых экономических статей, проводимая в 2010–2019 гг., привела к сокращению количества экономических преступлений практически равномерно во всех федеральных округах страны.

По данным обзора о состоянии преступности Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2020 году в целом на четыре зарегистрированных в прошедшем году преступлений приходится одно правонарушение, совершенное с

[1] © Терентьев А. В., 2021.

использованием информационно-телекоммуникационных технологий. За последние пять лет число таких преступлений увеличилось более чем в 11 раз, а удельный вес в структуре преступности возрос с 1,8 % до 25 %.

Так, если в 2010 г. в среднем приходилось 2–3 преступления на тысячу населения, занятого в экономике, то в 2018 году данный показатель составлял в среднем 1,5, а к концу 2019 снизился до 1,2–1.

За последние 10 лет в ряде федеральных округов, как например в Приволжском, количество преступлений в сфере экономики сократилось почти на половину, снижаясь ежегодно в среднем на 7,4 % [5].

Однако за 2017–2019 гг. вновь отмечается активизация экономической преступности и рост количества преступлений в данной сфере. Только за два первых месяца 2021 года число экономических преступлений увеличилось на 1 % по сравнению с аналогичным периодом 2018 года. Из них более 7,5 тысяч экономических преступлений совершены в крупном и особо крупном размере, что составляет порядка 30 % от всех преступлений данной категории [6].

Статистика раскрываемости экономических преступлений и процент доведенных до суда дел позволяет сделать говорить о сложившейся негативной тенденции сокращения доли зарегистрированных преступлений, доведенных до суда. На сегодняшний день доля таких дел из общего числа зарегистрированных и предварительно расследованных составляет менее 45 %, в то время как ранее их доля доходила до 70 %. В последние годы отмечается рост более чем на 5 % доли нераскрытых преступлений экономического характера, снижение более чем на 10 % предварительно расследованных преступлений, сокращение на 20 % доли экономических преступлений, дела о которых направлены в суд.

Принимая во внимание уже упомянутую латентность и высокую организованность экономической преступности – актуальность приобретает проблема раскрываемости и противодействия экономической преступности.

Противодействие экономической преступности в настоящее время сталкивается с рядом проблем. Современная экономическая преступность умело маскируется под законную деятельность и экономические преступления зачастую совершается именно под видом законной деятельности, правомерных хозяйственных операций, и рассмотреть в этом преступные посягательства без специальных знаний и навыков практически невозможно [7]. По этой же причине реальные масштабы преступных действий в сфере экономики значительно больше официальных.

Поскольку современные экономические преступления чаще совершаются с применением различных средств связи, электронных устройств, информационно-телекоммуникационных сетей и сети Интернет, в деле противодействия экономической преступности должны широко применяться современные цифровые технологии [8].

Таким образом, наиболее эффективным направлением по совершенствованию мер борьбы с экономической преступности видится законодательное регулирование цифровой экономики, совершенствование оперативно-розыскной деятельности по выявлению экономических преступлений в части информационного обеспечения и модернизация подхода к аналитике и работе с данными.

Список литературы

1. Кузнецова О. А., Абрамов Г. Ф. К вопросу о предупреждающих мероприятиях в сфере противодействия коррупции: эффективность, перспективность, проблематичность // Административное и муниципальное право. 2014. № 7. С.707–716.

2. Мильков И. Г. Криминализация и декриминализация преступлений в сфере экономической деятельности // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 15. С. 1576.

3. Каминский А. М. Организованная преступность в сфере экономики: методологические предпосылки исследования // Вестник Пермского института ФСИН России. 2016. № 4 (23). С. 26–31.

4. Криминология. Особенная часть : курс лекций / под ред. В. Д. Малкова. М. : Академия управления МВД России, 2010.

5. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2020 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru›upload/iblock/4fb/sbornik_6_2020/ (дата обращения: 31.03.2021).

6. Взятки составили почти половину коррупционных преступлений в 2021 году // Независимая газета. URL: https://www.ng.ru/news/705853.html (дата обращения: 31.03.2021).

7. Каминский А. М., Овчинникова Д. А. Использование электронных криминалистически неупорядоченных банков данных в раскрытии преступлений // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. Вып. 1. С. 91–98.

8. Овчинский В. Контроль над преступностью в цифровом обществе // URL: https://nstarikov.ru/vladimir-ovchinskij-kontrol-nad-prestupnostyu-v-tsifrovom-obshhestve-104507 (дата обращения: 31.03.2021).

Шаповалов Я. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***С. А. Шаронов*****,**
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА

В современном мире актуальность обеспечения антитеррористической защищенности (далее – АТЗ) не вызывает сомнений. Безопасность граждан лежит в основе конституционного строя России, а обеспечение антитеррористической безопасности является одним из главных векторов государственной политики, что подтверждается Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации, Федеральным законом «О противодействии терроризму» (далее – Закон о противодействии терроризму) и другими нормативными правовыми актами.

В целях профилактики предотвращения актов терроризма и минимизации возможных последствий Правительство Российской Федерации занимается разработкой обязательных требований к АТЗ объектов (места массового пребывания граждан, здания, сооружения и т. п.) [5], которые включают в себя различные организационно-правовые, трудовые, охранные и иные мероприятия, направленные на обеспечение АТЗ объекта – воспрепятствование совершению на нем террористического акта. Так, существуют более 50 Постановлений Правительства Российской Федерации, устанавливающих указанные требования в отношении торговых объектов, гостиниц, объектов спорта, водоснабжения и других потенциально опасных территорий, но в отношении многоквартирных домов (далее – МКД) требования к АТЗ приняты не были.

Учитывая важность обеспечения жизни и здоровья, собственности жителей МКД, представляется необходимым исследование некоторых частноправовых аспектов обеспечения АТЗ МКД, что является целью настоящей публикации. Для реализации цели необходимо выполнить две научные задачи: 1) определить состояние правового регулирования АТЗ МКД; 2) определить субъекты, обеспечивающие выполнение требований к АТЗ МКД.

В контексте решения первой задачи публикации следует отметить, что Минстроем России в 2018 году был подготовлен Проект Постановления Правительства Российской Федерации (далее – Проект), который устанавливает требования к АТЗ МКД [7]. Согласно Проекту, требования к АТЗ дифференцированы согласно категориям МКД, которые в свою очередь определяются на основании потенциальной опасности совершения теракта, состава жилой зоны, а также показателей вероятного экономического ущерба и количества людей, ко-

[1] © Шаповалов Я. А., 2021.

торые могут пострадать в результате теракта. Перечень мероприятий по обеспечению АТЗ МКД устанавливается комиссией по обследованию и категорированию МКД и направляется лицу, обеспечивающему реализацию данных мероприятий. В соответствии с Проектом, АТЗ МКД обеспечивается проведением организационных мероприятий (ограничение доступа в подвальные, технические помещения, путем организации взаимодействия с органами безопасности и т.д.), поддержания инженерно-технических средств в рабочем состоянии, проведением информационных и других мероприятий, направленных на профилактику предотвращения актов терроризма.

Кроме того, в зависимости от категории объекта требуется выполнение следующих мероприятий: установка системы контроля и управления доступом, систем сигнализации, охранного освещения, а также организация обхода и осмотра МКД. Следует сделать важное замечание, что данные мероприятия могут быть выполнены только посредством привлечения сторонней специализированной организации, которая имеет лицензию на осуществление охранной деятельности, а именно – частной охранной организации (далее – ЧОО). Охрана имущества, обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов на объектах, в отношении которых установлены требования к АТЗ является одним из видов охранных услуг, осуществляемых ЧОО [3]. Однако в настоящее время упомянутый Проект не был принят. Следует констатировать, что общественные отношения по АТЗ МКД не урегулированы нормативными правовыми актами, что, тем не менее, не мешает участникам гражданского оборота обеспечить реализацию своих интересов с помощью частноправовых средств. В части рассмотрения второй задачи публикации необходимо отметить, что Закон о противодействии терроризму возлагает обязанность по обеспечению требований к АТЗ отдельных категорий объектов (торговли, спорта, гостиниц) на некоторых субъектов предпринимательства, которым принадлежат данные объекты на праве собственности или на ином законном основании [5]. С одной стороны, цель и намерения законодателя по введению требований к АТЗ МКД очевидны и понятны – обезопасить граждан от террористических угроз на объектах, которые истинно являются местами массового пребывания людей. С другой стороны, публично-правовая установка – обязать жителей МКД к обеспечению требований к АТЗ – идет в разрез с принципом диспозитивности, провозглашаемым гражданским законодательством, в соответствии с которым граждане по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права [1].

Таким образом, целесообразность принятия таких требований, а в следствие этого – трансформация субъективного права жителей МКД на АТЗ в юридическую обязанность, находится под вопросом и является перспективной темой дальнейших научных исследований. В настоящий момент в Проекте законодателем было предложено положение о том, что организационные мероприятия по обеспечению АТЗ МКД осуществляет должностное лицо органа местного самоуправления или сельского поселения (далее – ответственное лицо). Реализацию всех мероприятий (в том числе инженерно-технических, по организации обхода и осмотра МКД и др.) обеспечивает лицо, управляющее МКД, которым, согласно жилищному законодательству, может быть товарищество собственников жилья,

жилищный кооператив либо иной специализированный потребительский кооператив или управляющая организация [2]. При непосредственном способе управления МКД или в случае, если выбранный способ не реализован, реализация указанных мероприятий обеспечивается ответственным лицом.

Стоит отметить важность вопроса финансирования мероприятий по обеспечению АТЗ. Данный вопрос справедливо предлагается рассматривать самими собственниками помещений на общем собрании. В случае принятия решения об отказе в финансировании, лицо, на которое возложена обязанность по реализации таких мероприятий, выполняет те из них, которые не требуют дополнительного финансирования, например, по ограничению доступа в технические помещения, по информированию жителей о порядке действий при угрозе теракта, по осуществлению контроля за лицами, которые находятся на территории МКД, по соблюдению ими мероприятий по обеспечению АТЗ и т. п.

Однако вопрос финансирования также является дискуссионным. Например, для информирования жителей МКД нужны средства на соответствующую печатную продукцию (листовки, плакаты, стенды) или на заработную плату работника, в трудовую функцию которого будут включены соответствующие обязанности. Представляется, что подобным работником может выступать сторож или консьерж, с которым может быть заключен договор подряда. Обычно в таком договоре указываются обязанности подрядчика по наблюдению за территорией, реагированию на противоправные деяния (прежде всего связь с правоохранительными органами), экстренному оповещению жильцов, хранению ключей от подвальных и чердачных помещений, контролю за исправностью средств охраны и видеонаблюдения, контролю за входом/выходом лиц и вносом/выносом вещей. Подобного рода мероприятия действительно влияют на состояние АТЗ объекта. Так, свободный доступ в чердачное помещение, как указывают судебные органы, создает условия для совершения актов терроризма [6], таким образом, обязанность по запиранию дверей на технические помещения может попасть под требование к АТЗ МКД. Контроль за входом и выходом лиц очень походит на такой вид охранных услуг, как обеспечение внутриобъектового и пропускного режимов, который осуществляется ЧОО. Однако привлечение непрофессиональных субъектов, таких как сторожа, консьержи и др., «не приводит к повышению состояния защищенности объектов охраны ввиду отсутствия у этих субъектов надлежащей профессиональной подготовки и организованности» [8, с. 318]. Следует отметить, что одним из субъектов, деятельность которых связана с управлением МКД, может выступать территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС). ТОС может осуществлять свою деятельность без образования юридического лица, либо выступать как юридическое лицо в организационно-правовой форме «некоммерческая организация».

Исследователи указывают, что в этом правовом статусе оно может быть заказчиком охранных услуг в виде «обеспечение пропускного и внутриобъектового режимов» [10, с. 110], осуществление которых содействует антитеррористической защите МКД, поскольку эти услуги, будучи предметом соответствующего договора, содействуют антитеррористической защите отдельных объектов [9, с. 180–181].

Подводя итоги публикации, следует резюмировать:

1. Общественные отношения по АТЗ МКД не урегулированы действующим законодательством, однако данные отношения подлежат регулированию с помощью гражданско-правовых средств.

2. Субъектами, обеспечивающими выполнение требований к АТЗ МКД, могут являться товарищество собственников жилья, жилищный кооператив либо иной специализированный потребительский кооператив, управляющая компания, ТОС.

3. Способом обеспечения АТЗ МКД может являться такое частноправовое средство, как договор оказания охранных услуг, который содействует АТЗ объекта.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1. Ст. 14.

3. Закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385/.

4. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 5 октября 2009 г. // Российская газета. 2009. № 198.

5. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146.

6. Постановление Мирового судьи судебного участка № 4 Азовского судебного района от 22 июня 2017 г. по делу № 5-288/2017 // URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/xl4F7kvORcYg/ (дата обращения: 08.05.2021).

7. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности многоквартирных домов и формы паспорта безопасности многоквартирного дома» // URL: https://regulation.gov.ru/ projects (дата обращения: 08.05.2021).

8. Шаронов, С. А. Гражданско-правовое регулирование охранной деятельности в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. Волгоград, 2015. 445 с.

9. Шаронов, С. А. Юридико-фактические свойства договора оказания охранных услуг // Гуманитарные и юридические исследования. 2021. № 1. С. 180–186.

10. Шаронов, С. А., Коровин, Н. А. Гражданско-правовые аспекты правоотношений, складывающихся по поводу деятельности территориального общественного самоуправления // Вопросы российского и международного права. 2020. Т. 10. № 5А. С. 104–113.

Шашилова С. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Н. М. Бобошко****,*
профессор кафедры экономической безопасности, финансов и экономического анализа Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор экономических наук

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРУШЕНИЯМ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Налоговый контроль является важным институтом в системе налогообложения Российской Федерации, который необходим для осуществления надзора уполномоченными органами за добросовестным соблюдением действующего налогового законодательства физическими и юридическими лицами, являющиеся налогоплательщиками, налоговыми агентами или плательщиками сборов.

Существует несколько толкований определения налогового контроля. Например, П. М. Годме считает, что сущность налогового контроля раскрывается в деятельности специально уполномоченных государственных органов по обеспечению реализации фискального содержания налоговых платежей [4, с. 127] И. В. Горский определяет налоговый контроль как неотъемлемую часть любой системы обязательных платежей, та сфера, в которой «непосредственно вступают во взаимоотношения налогоплательщик и государство в лице налогового органа» [3, с. 78].

Официальное определение налогового контроля установлено НК РФ ст. 82: «Налоговым контролем признается деятельность уполномоченных органов по контролю за соблюдением законодательства о налогах и сборах в порядке, установленным настоящим законом».

Из приведенных нами трактовок понятия налогового контроля можно выделить обязательные признаки, на которые обращают внимание авторы, изучающие данное направление:

- наличие специальных уполномоченных органом;
- контрольная деятельность, регулируемой НК РФ.

Органы внутренних дел Российской Федерации в рамках налогового контроля осуществляют взаимодействие с контролирующими органами в борьбе с налоговой преступностью и обеспечивают выполнение поставленных перед ними обязанностей и задач в соответствии со своей компетенцией и полномочиями. В соответствии с Приказом МВД РФ и Федеральной налоговой службы от 30 июня 2009 г. № 495/ММ-7-2-347 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению

[1] © Шашилова С. А., 2021.

и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» сотрудники правоохранительных органов по запросу могут привлекаться к проведению совместно с налоговыми органами выездных налоговых проверок. Данный документ определяет порядок и основные положения взаимного сотрудничества между налоговыми и правоохранительными органами.

В процессе проведения налоговых проверок каждый из контролирующих органов сохраняет самостоятельность при выборе средств и методик проведении контрольных и иных мероприятий в пределах своей компетенции в том случае, если каждая из сторон информирована о действиях другой стороны [2]. Основной задачей органов внутренних дел России в системе налогообложения Российской Федерации является своевременное предупреждение, пресечение и выявления нарушений налогового законодательства, влекущее за собой уголовную или административную ответственность физических и юридических лиц, являющихся налогоплательщиками.

Для повышения эффективности налогового контроля необходимо проведение систематических и своевременных статистических исследований налоговых правонарушений, которые дают оценку обоснованности проводимых методов контроля или результативности работы специальных уполномоченных органов в рамках всей страны или отдельного субъекта.

Проведем анализ организуемого в России налогового контроля по одному из показателей. Обратимся к данным по осужденным лицам, представленным на официальном сайте судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации:

Таблица

Данные по количеству осужденных по налоговым статьям УК РФ за период с 2016 по 1 полугодие 2020 года

Наименование показателя	2016	2017	2018	2019	1 пол. 2020
Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица (ст. 198 УК РФ), ед.	48	87	75	61	20
Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ), ед.	343	294	341	353	108
Неисполнение обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ)	65	42	20	16	0
Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов и (или) сборов, ед. (ст. 199.2 УК РФ)	85	124	130	146	64
Уклонение страхователя – физического лица (организации) от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд (ст. 199.3. – 199.4 УК РФ)	Введена федеральным законом от 29 июля 2017	Введена федеральным законом от 29 июля 2017	0	0	0
Всего осужденных за налоговые преступления	541	547	566	576	192

На протяжении четырех лет самым распространенным налоговым преступлением остается «Уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации».

За изученный период количество осужденных лиц постоянно увеличивается и достигает максимального значения в 2019 году – 576 осужденных (2020 год не учитываем, так как данные опубликованы всего за 1 полугодие). Помимо того, мы наблюдаем, что скачок почти в два раза налоговых преступлений совершенных физическими лицами по статье 198 произошел в 2017 году, в дальнейшем в 2018–2019 году этот показатель пошел на спад.

Следует отметить, что в период с 2016 года не было зарегистрировано ни одного преступления попадающего под статьи 199.3 – 199.4 УК РФ, связанных с уклонением страхователей физических и юридических лиц. Данный факт свидетельствует о необходимости определения причин отсутствия судебной практики по данным статья и изучения и возможно проведение корректировок их диспозиций для повышения эффективности работы по раскрытию и предупреждению налоговых преступлений.

Подведем итог, налоговый контроль является важной составляющей в борьбе с налоговой преступностью и обеспечением налоговой безопасности государства. Субъектами налогового контроля осуществляется деятельность по обнаружению, профилактике, своевременному предотвращению, пресечению налоговых преступлений и правонарушений, а также восстановлению причиненного ущерба государству. К субъектам налогового контроля можно отнести: Министерство финансов Российской Федерации, Федеральную налоговую службу и ее территориальные органы, Федеральную таможенную службу и другие. Исполняя свои задачи и функции, они обеспечивают законное и своевременное пополнение бюджета государства денежными средствами за счет налоговых поступлений, сборов и страховых взносов налогоплательщиков.

Органы внутренних дел осуществляют взаимодействие с органами налогового контроля, обеспечивают в рамках своей компетенции выявление и борьбу с налоговой преступностью, тем самым укрепляя налоговую безопасность государства. Обязанность по исчислению и уплате налогов составляет важную категорию в системе налогообложения государства и несоблюдение налогоплательщиками и налоговыми агентами действующего налогового законодательства влекут за собой деструктивные и негативные последствия на экономическое, социальное и политическое положения России. Налоговая безопасность государства обеспечивает стабильное пополнение бюджета страны или конкретного субъекта обязательными платежами и сохраняет устойчивое положение экономической безопасности государства в целом. Налоговый контроль конкретизирует и устанавливает четкие границы и сферы деятельности налоговых органов и органов, осуществляющие взаимодействие в ходе реализации своих обязанностей по контролю уплаты налогов и сборов. Несмотря на то, что за последние годы мы можем наблюдать положительную динамику в раскрываемости налоговых преступлений, увеличении объема возмещенного ущерба, данное направление остается одним из главных при формировании государственной политики и требует постоянных корректировок в связи с изменениями, как в законодательстве, так и экономической ситуации в стране.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 29.10.2019) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671.

2. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации № 495, Федеральной налоговой службы Российской Федерации № ММ-7-2-347 от 30 июня 2009 г. «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений» (ред. 12.11.2013 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_91290.

3. Налоговое администрирование и контроль : учебник / под ред. Л. И. Гончаренко. М. : Магистр: ИНФРА-М, 2019. 448 с.

4. Налоговый контроль. Налоговые проверки : учебное пособие для магистратуры / под ред. О. В. Болтиновой, Ю. К. Цареградской. М. : Норма: ИНФРА-М, 2019. 160 с.

5. URL: https://www.nalog.ru/rn62/.

РАЗДЕЛ VI
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Ануфриева Д. А.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ИМИДЖ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ

На протяжении многих десятилетий правоохранительные органы выполняли функции социального контроля одного из элементов репрессивной системы, обеспечивающей законность и устойчивость существовавшего режима, что, по нашему мнению, наложило существенный отпечаток на имидж сотрудника полиции.

Являясь органом исполнительной власти, с наделением соответствующих полномочий, в то же время полиция является социальным институтом, который стоит на страже интересов граждан и должен оправдывать их ожидания, в результате сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с различными трудностями при выполнении должностных обязанностей. Однако, несмотря на неоднозначное мнение общественности в вопросе об имидже полиции, гражданин при первой необходимости обращается за помощью именно к сотруднику правоохранительных органов.

С развитием как государства, так и социума в общественном сознании все сильнее закрепляется представление об имидже полиции как об определенном образе, стереотипе, включающем в обобщение характеристик, личностных и деловых качеств, которые формируются посредством восприятия, представления окружающих. Примечательно, что в последние годы наблюдается устойчивая тенденция руководства МВД России к оцениванию деятельности сотрудников не только на основании различных статистических данных, по итогам раскрываемости преступлений, а в большей степени на основании мнения граждан о работе правоохранительных органов, т.е. через призму общественного мнения.

Развитие системы правоохранительных органов [3] и улучшение взаимодействия между гражданами и сотрудниками зависит от того, как общество воспринимает полицейского и как сам сотрудник полиции видит свою профессию и ощущает себя в ней.

Таким образом чрезвычайно важно изучить природу происхождения имиджа. Некоторая стихийность формирования имиджа обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных влиянию имиджа на развитие личности, оценки его результативности и эффективности, разработке методов его совершенствования, на сегодняшний день в психологии труда остаются недостаточно исследованными

[1] © Ануфриева Д. А., 2021.

вопросы психологического влияния имиджа на сотрудников полиции, психологических аспектов его формирования, внутренних факторов, в том числе проблема психологического влияния личной ответственности на формирование имиджа полиции.

Необходимо отметить, что имидж сотрудника полиции складывается из:

– восприятия деятельности сотрудника полиции в аспекте социально-экономических характеристик (анализ социально-экономических показателей деятельности, уровень материального обеспечения профессиональной деятельности, социальные льготы и др.) (внешний фактор);

– восприятия деятельности сотрудника полиции в визуальном аспекте (уровень и специфика показателей физической привлекательности, внешних параметров выразительности, атрибуты деятельности полицейского (стиль, форма и т. д.) (внешний фактор);

– восприятия деятельности сотрудника полиции в интеллектуальном аспекте (совокупность личностно-деловых индивидуальных качеств, показатели профессионального мастерства) (внутренний фактор);

– восприятия деятельности сотрудника полиции в аспекте его социально-индивидуально-личностных возможностей (индивидуально-личностные характеристики и параметры социального окружения, социальный потенциал личности: система межличностных отношений, личная ответственность сотрудника полиции) (внутренний фактор) [1].

Из чего следует заключить, что общественное доверие к полиции, ее значимость в глазах граждан зависит от многих факторов. К ним можно отнести: положительное или отрицательное восприятие достижений сотрудников, индивидуально-личностные особенности сотрудника, успешность выполняемой работы, сформированность образа каждого сотрудника полиции, а также, то какие чувства и эмоции испытывает население при непосредственном взаимодействии с правоохранительными органами. Позитивное социальное восприятие и положительный имидж полиции способствует сотрудничеству граждан с правоохранительными органами, которое выражается в поддержке полиции при выполнении ею своих обязанностей, влияя тем самым на эффективность деятельности института в целом.

Список литературы

1. Деулин Д. В. Исследование проблем имиджа сотрудника полиции // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2018. № 2. С. 48–50.

2. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982.

3. Раков К. А. Социальные основания правопорядка // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 1 (27). С. 173–176.

Башкина Е. В.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***В. С. Агапов,***
профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук

САМООБЛАДАНИЕ В СТРУКТУРЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В современных реалиях все более популярным становится термин «психологическая безопасность личности». Для того, чтобы разобраться в этом феномене необходимо изучать такие понятия как: «безопасность», «опасность», «угроза», «защищенность», а также изучить факторы, способствующие сохранению психологической безопасности личности.

В классическом понимании безопасность подразумевает под собой состояние, при котором отсутствует угроза, причиняющая вред физическому и психическому здоровью личности, при этом, характер угрозы не имеет значения [1].

В свою очередь безопасность личности рассматривается как состояние человека, при котором действие внешних и внутренних факторов не ухудшает функционирование организма и психики в целом, и не препятствует достижению поставленных целей [2].

Однако личная безопасность представляет собой уже комплекс мер, направленных на обеспечение защиты себя, общества и государства от неблагоприятного воздействия окружающей среды [5, с. 6].

При этом, А. И. Папкин считает, что личная профессиональная безопасность сотрудника полиции является системой личной защищенности и психологической готовности к осуществлению профессиональных, при этом безопасных действий при выполнении оперативно-служебных задач. Важную роль в развитии безопасного поведения играют: профессиональная подготовка, владение безопасными методами труда, потребность в обеспечении безопасности и установка на выживание, а также высокий уровень самообладания [4].

Понятие опасность является ключевым, при определении ситуации, в которой может быть нанесен ущерб физическому и психическому здоровью сотрудника полиции. Опасность – это угрожающее событие, ситуация, при которой возможно возникновение процессов и явлений, способных наносить физический, материальный и психологический ущерб. Также, в рамках изучаемой проблемы, следует акцентировать внимание на таком явлении как угроза, которое понимается как непосредственная форма опасности или совокупность условий и факторов, создающих опасность.

---

[1] © Башкина Е. В., 2021.

В связи с вышеизложенным, целесообразно рассмотреть факторы, способствующие обеспечению и сохранению психологической безопасности. Защищенность – состояние психической стабильности, положительное эмоциональное переживание, регулятивная система стабилизации личности, которая обеспечивает удовлетворение потребностей при неблагоприятных ситуациях. Важным к рассмотрению становится феномен самообладание, представляющий собой баланс между внешними воздействиями окружающей среды и внутренними переживаниями личности.

В классификации А. А. Золотаревой самообладание подразделяется на: личностное, событийное и экзистенциальное.

Личностное самообладание проявляется в способности выдерживать повседневные жизненные обстоятельства. Событийное самообладание отвечает за сохранение стойкости духа в сложных и непредсказуемых ситуациях. Экзистенциальное самообладание способствует достижению гармонии между собой и окружающим миром в любых обстоятельствах [3 С. 103].

В исследовании приняли участие курсанты Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя в количестве 70 человек. Психодиагностическим материалом послужила методика А. А. Золотаревой «Тест самообладания» [3].

Таблица

Результаты исследования самообладания среди курсантов (n=70, средние значения)

	Личностное самообладание	Событийное самообладание	Экзистенциальное самообладание	Общий уровень самообладания
Женщины	15,7	10,3	11,3	37,3
Мужчины	16,2	10,3	10,3	36,9

Полученные данные свидетельствуют о том, что общий уровень самообладания находится на среднем уровне, а это значит, что курсанты чутко относятся к своим потребностям, а душевное равновесие достигается при помощи включения «внутреннего цензора».

Также установлены относительно невысокие различия между мужчинами и женщинами. Так, у женщин более развито экзистенциальное самообладание, для этой группы респондентов характерны мудрость, осознанность, интуитивное постижение окружающего мира. В свою очередь, у мужчин доминирует личностное самообладание, которое характеризуется сдержанностью, уверенностью в собственных силах, настойчивостью и упорством.

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что такое явление как самообладание является важным при сохранении психологической безопасности личности, так как оно постоянно балансирует взаимодействие внутренних процессов и внешних факторов, а также может являться жизненным ориентиром.

Список литературы

1. Безопасность. Гражданская защита: Энциклопедия в 4-х томах. Т. I. А-И. М. : ВНИИ ГОЧС (ФЦ), 2015.

2. Заплатинский В. М. Терминология науки о безопасности. // Zbornik prispevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie «Bezhecnostna veda a bezpecnostne vzdelanie». Liptovsky Mikulas: AOS v Liptovskom Mikulasi, 2006.

3. Золотарева А. А. Тест самообладания: психометрические характеристики и перспективы применения // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 103–114.

4. Папкин А. И. Психология и безопасность деятельности работников правоохранительных органов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2000. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-i-bezopasnost-deyatelnosti-rabotnikov-pravoohranitelnyh-organov (дата обращения: 19.05.2021).

5. Смирнов А. Т., Хренников Б. О. Основы безопасности жизнедеятельности 11 класс : учебник для общеобразовательных организаций : базовый уровень. М. : Просвещение, 2018. 336 с.

Гаврилина А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***М. А. Ерофеева,***
профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор педагогических наук, профессор

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА

В начале XXI века в России и во всем мире продолжается период трансформации общественной жизни, который сопровождается радикальными преобразованиями в области образования и социально-педагогической деятельности. Развиваясь, процессы демократизации, курс на развитие гражданского общества, созданные в прошлом веке, обусловливают изменения приоритетов социальной политики, социального воспитания и деятельности социальных институтов. Доминанту современной социально-педагогической парадигмы составляет интеграция усилий, средств и возможностей различных государственных и неправительственных организаций на всех уровнях, в том числе и на уровне образовательных организаций, с целью проведения социально-педагогической работы с детьми и молодежью, привлечение самих субъектов к решению собственных проблем, содействию их активному участию в общественной жизни. Анализ литературных источников и результатов научных исследований по проблемам социальной педагогики позволяет сделать вывод, что в многочисленных и весомых теоретических и прикладных наработках остается без внимания проблема комплексного исследования цифровой компетенции современного социального педагога в части построения эффективной работы с детьми и молодежью, что обуславливает цель данной статьи – освещение цифровых технологий в профессиональной деятельности социального педагога.

Самым доступным и популярным источником информации сегодня выступают различные информационно коммуникационные технологии (ИКТ), которые наряду со школьными знаниями дают возможность ребенку формировать собственное информационное пространство, в котором он живет. Как отмечают Дивина Т. В. и Маймина Э. В., сегодня школьник является активным пользователем и потребителем различных ИКТ, которые неоднозначно влияют на процесс его социализации [4, с. 39]. Поэтому наряду с учителем должен работать социальный педагог, который бы помог гармонизировать влияние ИКТ на школьника, что обуславливает необходимость владения педагогом цифровой компетентностью и компьютерной грамотностью. Содержание понятия «цифровые технологии» современными исследователями определяются как: совокупность новых информационных технологий (методов и технических средств),

[1] © Гаврилина А. А., 2021.

позволяющих находить, собирать, обрабатывать, создавать, передавать и подавать информацию, управлять и пользоваться ею и способствовать различным формам коммуникации; совокупность методов и технических средств сбора, организации, хранения, обработки, передачи и представления информации, что расширяет знания людей и развивает их возможности по управлению техническими и социальными проблемами [1, с. 19]; целенаправленная организованная совокупность информационных процессов с использованием средств вычислительной техники, обеспечивающих высокую скорость обработки данных, быстрый поиск информации, рассредоточение данных, доступ к источникам информации независимо от места их расположения; комплекс учебных и учебно-методических материалов, технических и других средств вычислительной техники учебного назначения, а также методы и организационные формы обучения [2, с. 12]; компьютерные технологии, основанные на использовании определенной формализованной модели содержания, представленной педагогическими программными средствами, записанными в память компьютера, и возможностями телекоммуникационных сетей [3, с. 24]. Именно с помощью цифровых средств возникают в деятельности социального педагога педагогические технологии работы с возможностями глобальной сети Интернет и мобильной связи в целом, конкретными Интернет-ресурсами, приложениями и социальными сервисами. Практическое использование возможностей киберсоциализации и технологий киберпедагогики получают широкое распространение в современной системе отечественного и зарубежного образования. Стремительное развитие цифровизации, динамическое распространение Интернета коренным образом изменили социум, в котором формируется современный школьник. В связи с этим, как подчеркивает в своих наработках О.В. Вакуленко, активировалась проблема социализации, формирования социальной компетентности школьников в современном социуме. Именно поэтому функции, которые выполняют ИКТ (а именно: развлекательная, информационная, функция моделирования гендерных ролей и культурной идентификации и др.), особенно актуальны для детей школьного возраста, а, следовательно, должны быть учтены в профессиональной деятельности социального педагога [2, с. 14].

Безвесильная А. А. в своих исследованиях констатирует, что современные ученики под влиянием глобализации ищут собственные идеалы и ценности в медиапродукции. Это образцы семейных отношений, социальные роли, поведенческие стандарты [1, с. 21]. Целью образования является гармоничное развитие ребенка в соответствии с его возрастными и индивидуальными психофизиологическими особенностями и потребностями, воспитание общечеловеческих ценностей, поддержка жизненного оптимизма, развитие самостоятельности, творчества и любознательности [6, с. 21]. Сегодня социальный педагог является ведущим специалистом по социальному воспитанию, специалистом по воспитательной работе с детьми и молодежью, который призван создавать благоприятные социальные, учебно-воспитательные условия для их развития и социализации. Целью работы социального педагога является содействие успешному решению учениками собственных проблем. В связи с теми изменениями, которые происходят в социальном окружении современных детей, а именно

мощная виртуализация социума, одним из направлений достижения этой цели является использование цифровых технологий в работе с учениками и их родителями. В учебных заведениях и социальных институтах ставятся вопросы использования различного программного обеспечения общего назначения в работе социального педагога и социального работника. Спектр применения данных программ очень большой, например, паспортизация класса, учреждения, ведение документации семей, личной документации ученика, создание наглядности для работы с различными социальными группами, проведение диагностики, разработка творческих продуктов и пр. [8, с. 28]. Также одним из направлений социальной работы является налаживание коммуникативных связей с детьми и их родителями путем использования электронных социальных сетей. Особенность такой работы заключается в решении определенных проблем независимо от временного пространства и места жительства [7, с. 62].

Основные характеристики привлекательности электронных социальных сетей в реализации данной профессиональной задачи социального педагога следующие: популярность, бесплатная регистрация, возможность выбора языка сайта, бесплатные услуги, наличие чатов и т.п. Поэтому, использование электронных социальных сетей (Вконтакте, Одноклассники, Instagram, Facebook и др.), а также приложений-мессенджеров (WhatsApp, Telegram, Viber и др.) позволяет создавать профили со сведениями о себе, наполнять контент, управлять настройками доступа, взаимодействовать с другими пользователями частным образом (через личные сообщения) и публично (через механизм групп и встреч), создавать и распространять соответствующий учебный и информационный контент.

К сожалению, в нашей стране электронные социальные сети рассматривают исключительно в развлекательных целях (например, прослушивание аудиопродукции, просмотр видеоматериалов, страниц других пользователей, фильмов и мультфильмов, участие в онлайн играх и т. д.). Большинство социальных педагогов не используют электронные социальные сети для обеспечения продуктивной работы, ведь не полностью осведомлены в возможностях их использования [5, с. 72]. Более конкретно электронные социальные сети специалисты социальной сферы в своей работе могут использовать для: как уже отмечалось, личной коммуникации и групповой работы; создания обсуждений по соответствующей тематике; возможности эффективного планирования родительских собраний (например, в сети Facebook социальный педагог может создавать встречи и приглашать на них родителей, заранее предупредив о дате и цели встречи); возможности проведения социальной работы в созданных группах; предоставления сведений о различных социальных институтах при необходимости (кружки, клубы по месту жительства, социальные службы и т.д.); возможности проведения опросов, дискуссий, фокус-групп; распространения информации для детей и родителей по решению определенной проблемы; размещения собственных разработок полезного характера, литературы, видеофрагментов и др. Мессенджеры, в свою очередь, позволяют создавать группы для детей и родителей (например, класса, творческого коллектива, по интересам и т.д.) и обмениваться бесплатно мгновенными сообщениями в группе и индивидуальными сообщениями друг с другом. Эти программы имеют преимущества над группами в социальных сетях

в том, что пользователи, установив их на любой свой гаджет, мгновенно получают сообщения независимо от времени и места нахождения, и так же могут среагировать на любую информацию или вопросы в группе. Привлекательным является тот факт, что общение в рамках этих программ является бесплатным. Кроме текстовых сообщений, здесь также можно осуществлять бесплатные аудио- и видеозвонки.

Итак, можно сделать вывод о том, что полноценное выполнение социальными педагогами своих профессиональных обязанностей сегодня невозможно без использования современных цифровых технологий, ведь их динамическое развитие влияет на стиль, методику и методологию работы специалиста социальной сферы, способствует созданию и практическому использованию диагностического инструментария на базе современной вычислительной техники. Главной характеристикой цифровых технологий в социальной и социально-педагогической работе является их функциональная направленность на решение социальных проблем в обществе.

Список литературы

1. Безвесильная А. А. Информационные технологии в профессиональной деятельности социального педагога // Среднее профессиональное образование. 2008. № 11. С. 19–22.

2. Вакуленко О. В. Возможности использования информационных технологий в социально-педагогической деятельности // Вестник ШГПУ. 2014. № 30. С. 12–15.

3. Гасумова С. Е. Информационные технологии в социальной сфере : учебное пособие. Пермь : ПГУ, 2007. 250 с.

4. Дивина Т. В., Маймина Э. В. Возможности и перспективы использования цифровой трансформации в образовании // Актуальные проблемы экономики и менеджмента. 2020. № 1 (25). С. 38–48.

5. Зайцева В. П., Горбунова Т. В. Информационные и коммуникационные технологии в профессиональной деятельности социального педагога в условиях сельского социума // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. С. 70–73.

6. Картунова И. И. Информационные системы в социально-педагогической деятельности. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. 83 с.

7. Лазарева Л. И. Информационная культура социального педагога: структура, правила подготовки и оформления результатов самостоятельной учебной и профессиональной деятельности. Кемерово : КемГУКИ, 2014. 183 с.

8. Нагель О. П. Медиаграмотность педагогов как условие профилактики социальной дезадаптации несовершеннолетних и молодежи // Вестник Белгородского института развития образования. 2019. Т. 6. № 2 (12). С. 27–36.

Гагарина П. А.[1]*,*
слушатель 862 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. В. Полозова****,*
профессор кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор философских наук

ТИКТОКЕРЫ КАК МОЛОДЕЖНАЯ СУБКУЛЬТУРА

В век информационных технологий социально-коммуникационная сеть Интернет стала неотъемлемой частью жизни любого человека. Люди различного статуса от первоклассника до президента сейчас просматривают платформы социальных сетей и вносят свой вклад в существующий непрерывный поток информации, видео и форумов с изображениями. В статье New York Times необходимость участия в социальных сетях описывается как «страх упустить что-то», а статья, в которой добавляются такие простые жизненные аспекты, как концерт, пляж или поздний завтрак, становится важной в осознании того, что мы часть более крупного сообщества. Социальные сети больше нельзя игнорировать в повседневной личной жизни людей. Особой популярностью среди пользователей сети Интернет пользуются социальные сети, в том числе социальная развлекательная сеть Tiktok.

По данным, предоставленным компанией Apple, в рейтинге самых скачиваемых приложений за прошлый год социальная сеть Tiktok поднялась с 16 позиции на 4, уступая лишь таким гигантам, как YouTube, Instagram и Snapchat. По данным интернет-издания Газета.ru ежедневно Tiktok посещают свыше 800 млн пользователей[2]. Причина такого резкого скачка популярности заключается с одной стороны, в желании пользователей социально-коммуникационной сети Интернет просматривать короткие смешные видео, что является легкодоступным способом получения положительных эмоций и не перегружает потоком информации, с другой - в удачном сочетании сразу всех видов и типов контента.

Данная социальная сеть была основана в 2014 году как интернет-площадка, предназначенная для различного обучающего контента (видеолекции, обучающие уроки и т. п.), однако успеха площадка не получила и в 2017 году была продана основателем владельцу китайской компании ByteDance Чжан Имину, который модернизировал площадку, объединив такие крупнейшие сервисы как «musical.ly» и «Vine», что и привело социальную сеть к успеху.

Согласно официальным данным, озвученным на конференции «Маркетинг #реальноговремени» представителями Tiktok, 43 % пользователей данного сервиса составляют подростки, 33 % – пользователи от 18 до 24 лет[3]. Таким образом

---

[1] © Гагарина П. А., 2021.
[2] URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2020/08/a_13174843.shtml?updated.
[3] URL: https://www.pro-smm.com/chto-takoe-tiktok.

можно сделать вывод, что социальная сеть Tiktok особой популярностью пользуется среди подрастающего поколения.

Молодежь, активно выставляющая видеоролики в TikTok, выполняющая различные флешмобы и челленджи и уделяющая данной социальной сети большую часть своего свободного времени, называет себя «TikTokерами». TikTok предоставляет им возможность идентифицировать себя с другими пользователями, имеющими схожие интересы. Поскольку идентификация играет важную роль в развитии молодых людей, социальные сети предлагают это без необходимости прямого взаимодействия. Исследования показали, что среди групп молодых людей, которые использующих социальные сети, причиной использования платформ является преодоление предполагаемых недостатков внутри себя [4].

Следует отметить, что TikTok условно делят на 2 части: Straight и Alt. Straight TikTok – идеальная его сторона, демонстрирующая роскошь, успех и красивую картинку. Straight TikTokеры обычно представляют собой молодых людей, задающих тренды TikTok. Они снимают танцы под музыку, определенный набор движений, это может быть даже снятая под музыку мимика. Подобные видео, разлетаясь словно вирус, выходят в рекомендации пользователям и молодежь активно подхватывает все новые и новые тренды, пытаясь быть похожими на своих кумиров. Ярким примером Straight TikTokеров являются TikTok House. Наиболее популярные TikTokеры объединяются и заселяются в один дом для создания совместного контента. При этом, жизнь TikTokеров в TikTok House напоминает реалити-шоу, за которым может следить любой пользователь TikTok. Зачастую молодые люди, участвующие в TikTok House, представляют интерес для рекламодателей, что позволяет TikTokерам зарабатывать деньги. В декабре 2020 года в США появляется «The Hype House», объединяющий 19 участников от 16 до 23 лет, обладающих многомиллионными аккаунтами в TikTok. Вдохновившись идеей, в марте 2021 года в России появляется Dream Team House, участниками которого становятся молодые ребята от 18 до 21 года.

Alt TikTok в свою очередь, является полной противоположностью Straight TikTok. «В альтернативном тиктоке можно найти много локальных движений – например, субкультуры, ЛГБТ-сообщество, «ведьмы» и другие. При этом не все представители альтернативного тиктока гомосексуальны или позиционируют себя как готы – ими могут быть и обычные пользователи, разделяющие ценности альт-стороны. Можно сказать, что альтернативный тикток – это местный андеграунд»[1].

TikTokеры, как и любая другая субкультура, обладает рядом отличительных характеристик.

Л. В. Шабанов приводит следующий ряд характеристик неформальных объединений молодежи [3]:

– спонтанное возникновение на базе стихийного общения в конкретных условиях, конкретной ситуации (TikTokеры возникли стихийно на базе резкого скачка популярности социальной сети TikTok);

[1] URL: https://daily.afisha.ru/brain/15985-alt-protiv-streyt-kak-tiktok-razdelilsya-na-dva-lagerya/.

– самоорганизация и независимость от официальных (формальных) структур (TikTokеры – неофициальная молодежная субкультура эпохи социальных сетей, не зависящая от формальных структур);

– обязательные для участников модели поведения, направленные на реализацию не удовлетворяемых в обычных формах жизнедеятельности потребностей (самоутверждение, социальный статус, защищенность, престижная самооценка, с помощью социальной сети TikTok подростки самоутверждаются, набирая большое количество просмотров, лайков и комментариев под своим видеороликами, повышают социальный статус за счет роста популярности среди пользователей TikTok);

– относительная устойчивость и определенная иерархия (наиболее частые пользователи TikToka знают о популярных TikTokерах, обсуждают их видеоролики, подражают им);

– ярко выраженные особенности мировоззрения, ценностных ориентаций, отношений к внешнему миру, поведенческих стереотипов (TikTokеры стремятся к популярности за счет развлечения людей, вызывания у них положительных эмоций. Они совершенно не стесняются записывать на видео и выкладывать в социальную сеть различные моменты своей жизни, вплоть до самых личных).

Нами был проведен опрос на базе социальной сети Instagram, в котором пользователи ответили на вопрос «Что общего у всех TikTokеров, как у молодежной субкультуры?». Наиболее частыми ответами респондентов были следующие: «Стремление к популярности», «Стремление к высокому доходу», «Отсутствие стеснения, закрепощенность перед камерой», «Привычка снимать все, что происходит в жизни», «Следование модным трендам сети TikTok».

Таким образом можно сделать вывод о том, что TikTokеры – молодежная субкультура эпохи социальных сетей. Однако, внутри сети TikTok образовались свои субкультуры. Например, e-girls и e-boys, которые также называют переродившимися «ЭМО». Данная субкультура сочетает в себе не только признаки «ЭМО», но и готов, скейтбординга, хип-хопа, косплея, аниме и других. E-girls объединяют такие внешние атрибуты как розовые тени для век, ярко выраженные стрелки, сердечки под глазами и покрасневший нос. Они обычно носят майки от Urban Outfitters (молодежный бренд одежды) поверх полосатых рубашек с длинными рукавами в полоску и танцуют под песню TeddyLoid – «Me! Me! Me!». В целом внешний вид e-girls напоминает стереотипный образ японской школьницы. Однако, если субкультуры эпохи нулевых объединяли единомышленников, а внешний вид был лишь способом заявить о себе, то E-girls безразличны другие представительницы данной субкультуры. Для них на первое место вышел именно внешний образ, а не идеи, и образ этот, по сути, – альтернативная личность, которая существует только в соцсетях. Именно поэтому их не считают типичной субкультурой, а скорее ее имитация в эпоху социальных сетей.

Однако, E-girls - не единственная субкультура, образовавшаяся в TikTok, существуют также VSCO-girls, soft girl и Темная академия. Термин «Темная академия» пришел из литературы, так неофициально называют жанр, где действие происходит в закрытых школах и в атмосфере декаданса. Атрибутикой Темной

академии являются длинные пальто и накрахмаленные рубашки. Эстетика Темной академии заключается в обсуждении философских трактатов и чувстве собственного элитизма. В TikTok по хэштегу #darkacademia можно увидеть короткие видеоролики, в которых фигурирует классическое искусство, стиль preppy или винтаж и различного рода мистический антураж.

14 июня 2019 года в словаре Urban Dictionary появилась первая запись о VSCO Girl. Вот какое определение дал автор:

VSCO Girl – это очень эстетически привлекательная (чрезвычайно симпатичная) девушка, которая редактирует все свои фото в Instagram с помощью приложения vsco с фильтром C1. Как правило, у нее всегда есть hydroflask, любой тип чокера, рюкзак Fjällräven и Полароид. Таким образом, VSCO Girl – молодежная субкультура, преобладающим большинством которой являются девушки. В 2019 году в сети Интернет появляются инструкции «Как стать VSCO Girl», которые содержали список вещей, обладательницами которых должна быть каждая участница субкультуры. Например, Бутылка для воды (лучше всего HydroFlask), большие тканевые резинки вместо браслета, чокер, мини шорты с завышенной талией, футболки на несколько размеров больше. В настоящее время пользователи TikTok пародируют поверхность VSCO Girl.

Soft girl. На вид их сложно отличить от E-girls, поскольку у обеих субкультур общие корни и действительно схожая эстетика. Однако, вместо кислотных и мрачных цветов представительницы Soft girl предпочитают натуральные и пастельные оттенки. В конце 2020 года в TikTok был запущен #softgirlchallenge суть которого заключалась в том, что девушки переодевались из мрачных альтернативных нарядов во что-то простое и нежное. В отличии от E-girls, VSCO Girl, представительниц «Темной академии» Soft girl нежнее и позитивнее к миру.

Резюмируя вышесказанное хочется сделать вывод о том, что технический прогресс диктует изменения в социуме, в том числе среди субкультур. Уходят в прошлое такие субкультуры как «ЭМО», готы, скиндхеды, хип-хоп и многие другие. На смену им приходят субкультуры, отвечающие современным тенденциям, интересам современной молодежи, проводящей большую часть своего свободного времени в информационно-коммуникационной сети Интернет.

Список литературы

1. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010 г.

2. Латышева Т. В. Молодежные субкультуры: основания. Тюмень : ТюмГНГУ, 2011. 152 с.

3. Логвинова М. И., Логвинова Т. И. Молодежные субкультуры: психологические аспекты // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2016. Т. 17. С. 569–573

4. Cell Dilon. Tiktok Influences on Teenagers and Young Adults Students: The Common Usages of the Application Tiktok // American Scientific Research Journal for Engineering, Technology, and Sciences. 2020. № 68 (1), pp. 132–142.

Гарманова О. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Л. Е. Дерягина****,*
профессор кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор медицинских наук, профессор

ЗНАЧЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИТУАЦИОННЫХ ЗАДАНИЙ ДЛЯ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ К УСЛОВИЯМ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Повседневная деятельность сотрудников органов внутренних дел сопряжена с длительными физическими и психическими нагрузками. Часто сотруднику органов внутренних дел приходится принимать оперативные решения при недостатке времени и информации, пресекать преступления, предупреждать правонарушения. Чтобы успешно выполнять свой служебный и гражданский долг, сотрудник органов внутренних дел должен не только обладать необходимыми профессиональными знаниями, но и уметь правильно ими воспользоваться в сложных экстремальных ситуациях. При соблюдении этих условий он может эффективно выполнять поставленные перед ним задачи, выступать для граждан гарантом защиты и справедливости.

В связи с этим большое значение уделяется психологической и профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел. Для соответствия социально-желаемому образу сотрудника органов внутренних дел в образовательных организациях системы МВД России в образовательный процесс вводятся специальные учебные дисциплины, направленные на формирование профессионально значимых качеств, стрессоустойчивости, умение действовать в типичных и нестандартных ситуациях служебной деятельности.

Это действительно необходимо, поскольку в период профессионального становления, в том числе на различных его этапах, адаптации к условиям служебной деятельности, важно обеспечение готовности сотрудников органов внутренних дел к действиям в различных профессиональных ситуациях. Специально разрабатываемые ситуационные задания, которые в игровой форме воспроизводят примеры, максимально приближенные к реальным, можно использовать для обеспечения успешной адаптации сотрудников органов внутренних дел к условиям практической деятельности, в том числе в процессе обучения сотрудников органов внутренних дел по основным программам профессионального обучения. Использование таких ситуаций возможно как при выполнении индивидуальных заданий, так и при проведении специальных тренинговых занятий, тематической подготовки по определенных узким практическим вопросам. Приведем возможный вариант ситуационного задания, особенности его психологического анализа и его значимость для использования в процессе работы по адаптации различных

[1] © Гарманова О. В., 2021.

должностных категорий сотрудников органов внутренних дел на раннем этапе профессионального становления.

Сотрудник полиции С., не находясь на службе, в выходной день был в торговом центре. Когда он ходил по территории торгового центра, к нему подошел незнакомый П. и спросил, не может ли он купить у него очень дешево мобильный телефон, золотые сережки или цепочку. На вопрос о происхождении вещей убедительно стал пояснять, что есть необходимость в денежных средствах, золотые украшения принадлежат его жене, которая с маленьким ребенком ждет его дома.

При анализе ситуации необходимо обратиться к процессу принятия решения, влияния внешних и внутренних, положительных и отрицательных факторов (мотиваторов). Под ними Е. П. Ильин имеет в виду психологические образования, участвующие в конкретном мотивационном процессе и обусловливающие принятие человеком решения [2, с. 85]. Зачастую сотрудники органов внутренних дел, даже не находясь на службе, могут принимать во внимание окружающие факты действительности, анализировать поведение посторонних, своевременно выявлять лиц, от которых, судя по их антиобщественному поведению, можно ожидать совершения преступлений. Они должны знать способы и методы выявления лиц, уже совершивших преступления, уметь применять профессиональные знания и методы работы, относить каждого нового воспринимаемого объекта к некоторому классу подобных и уже известных ранее объектов (функционирование категоризации) [1, с. 32–33]. Отнесение таких объектов означает, что категоризация сокращает путь выбора модели поведения, сводит этот процесс к краткому варианту действия. Как отмечается в психосемантике, это связано с тем, что «…психологический смысл всякого процесса категоризации заключается в подготовке решения. Поэтому психологически принятие решения и не требует от субъекта какого-либо заметного отрезка времени, так как решение уже фактически подготовлено отнесением стимульного объекта к определенной категории» [3, с. 46].

В данной ситуации сотрудник органов внутренних дел сталкивается с ситуацией выбора: отказаться от совершения покупки мобильного телефона, золотых сережек или цепочки; удовлетворить корыстные потребности и дешево приобрести вещи, возможно добытые преступным путем, тем самым, нарушив требования закона и служебной дисциплины при непринятии необходимых мер по выявлению возможной причастности П. к совершению преступления; проявив бдительность, проверить причастность П. к совершению преступления; проявить равнодушие и пройти мимо.

На выбор поведенческого решения в указанной ситуации влияют определенные мотиваторы, причем те из них, которые влияют на процесс принятия решения в пользу законопослушного поведения можно обозначать как положительные, а в пользу противоправного действия – как отрицательные:

Таблица

Мотиваторы	
Положительные	**Отрицательные**
Понимание того, что совершает действия вопреки служебным обязанностям и интересам службы	Возможность выгодного приобретения золотых украшений и мобильного телефона
Чувство вины за приобретение, возможно, краденых вещей	Возможность случайного обогащения
Чувство ответственности, профессионального долга	Нежелание тратить свое личное время в выходной день
Необходимость совершения действий по обязательной проверке по ориентировкам, суточным сводкам о зарегистрированных преступлениях фактов возможного совершения преступления, что может привести к быстрому раскрытию преступления и др.	Нежелание проверять информацию о возможных недавних фактах совершения преступлений против собственности, предметом которых могли выступить мобильный телефон, золотые сережки или цепочка
Уверенность в правильности своих действий	Неуверенность в правильности своих действий из-за того, что П. убедительно объясняет источник происхождения вещей
Представления о том, что опытные сотрудники полиции при доставлении задержанного в помещение дежурной части территориального органа внутренних дел смогут выяснить истинное происхождение этих вещей и др.	Страх из-за возможной ответственности за необоснованное задержание

В указанной профессиональной ситуации сотрудник органов внутренних дел должен принять определенное решение, при этом различная группа мотиваторов (их сила и значимость) оказывают разнонаправленное влияние на процесс принятия решения, а соответственно и на выбор поведенческого решения сотрудников органов внутренних дел в каждой вновь возникшей профессиональной ситуации. Мы считаем, что варианты принимаемых решений в данной ситуации, модель поведения, аргументация и глубина обоснования выбора варианта действий может различаться в зависимости от должностной категории сотрудников органов внутренних дел и имеющегося опыта принятия определенных решений, модели поведения, воспринятой при прохождении стажировки в органах внутренних дел, в процессе начала службы, характерных для деятельности определенных подразделений.

При разработке таких ситуационных заданий возможно введение эмоционально окрашенных условий, введение дополнительных условий, неизвестных факторов, которые должны доводиться до сведения обучающихся на этапе обсуждения такой ситуации и анализа содержания и последствий принимаемых сотрудников органов внутренних дел решений. В частности, одним из условий данной ситуаций является действительная причастность П. к совершению изнасилования потерпевшей, которое произошло накануне вечером, а также к открытому хищению у потерпевшей ее имущества, которое гражданин П. решил

продать на следующий день утром. При изучении данной ситуации возможна работа с содержанием положительных мотиваторов и доведение до сотрудников органов внутренних дел значимости выполнения правильных действий, которые характеризуют группу таких мотиваторов. В частности, можно указать на возможность эффективных действий сотрудников органов внутренних дел при принятии решения о проверке причастности П. к совершению преступления по ориентировкам, суточным сводкам о зарегистрированных преступлениях. Напротив, возможно и приведение противоположных примеров, согласно которым при выполнении сотрудником органов внутренних дел действий вопреки установленным требованиям нормативных правовых актов, при ведущем влиянии на поведение сотрудника отрицательных мотиваторов, П. удается избежать ответственности, длительно находиться в розыске, хотя именно в этот день его причастность к совершению преступлений могла бы быть установлена при правильном выборе сотрудником органов внутренних дел варианте поведения.

Таким образом, возникает необходимость более глубокого изучения мотивационной сферы личности сотрудников органов внутренних дел, их ценностных ориентаций, готовности выполнять поставленные задачи в соответствии с требованиями Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4] и иных нормативных правовых актов. Мы считаем, что использование подобных ситуационных заданий, ставящих перед ситуацией выбора, в том числе выбора действий в рамках профессионально-этических стандартов поведения, может оказывать влияние на формирование собственных представлений о профессии сотрудника органов внутренних дел, обучающегося в образовательной организации МВД России и впервые принятого на службу органов внутренних дел. Полагаем, что специально разработанные практические ситуации позволяют обеспечивать целенаправленное формирование профессионально значимых качеств личности сотрудника органов внутренних дел на раннем этапе профессионального становления.

Использование таких ситуационных заданий может влиять на устранение следующих основных трудностей профессиональной адаптации:

– неполное представление о содержательной стороне профессии, ее общественной значимости;

– недостаточный уровень развития профессиональной мотивации к службе в органах внутренних дел;

– недостаток практического опыта сотрудников и их специальных знаний;

– психологическая неподготовленность к нестандартным условиям службы и практическим ситуациям.

Полагаем, что исследование данного вопроса должно быть продолжено в контексте профессиональной адаптации сотрудников органов внутренних дел на различных этапах профессионального становления.

Список литературы

1.Андреева Г. М. Психология социального познания : учебное пособие. М. : Аспект-пресс, 1997. 239 с.

2. Ильин Е. П. Мотивация и мотивы : учебное пособие. СПб. : Питер, 2004. 512 с.

3. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М. : Издательство Московского университета, 1983. 158 с.

4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

Голубкина А. М.[1]*,*
слушатель 862 учебного взвода Института психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***М. А. Ерофеева****,*
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, профессор

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ НАД ДЕТЬМИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Проблема насилия над несовершеннолетними проявляется как в ряде международно-правовых актов (как Конвенция ООН «О правах ребенка), так и в российском законодательстве. Недопустимость применения насилия в отношении ребенка в нашей стране закреплена в статье 21 Конституции Российской Федерации, которая провозглашает «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Акты насилия со стороны взрослых в отношении детей способствуют формированию у несовершеннолетних антисоциального, а зачастую деструктивного поведения, среди последствий которого ряд исследователей выделяют: склонность к суицидальным действиям; уход из семьи или специализированного учреждения; повышенная конфликтность несовершеннолетнего, агрессия и совершение насильственных действий; нарушение физического развития и др.

В 1992 году органами внутренних дел Российской Федерации было зарегистрировано около 25–26 тысяч несовершеннолетних, в отношении которых были совершены насильственные преступления, среди которых около 2 тысяч погибли и около 9 тысяч получили телесные повреждения различной тяжести. На сегодняшний день акты физического и психологического насилия над детьми встречаются как в условиях образовательных организаций, различных кружках и секциях, так и в семьях. Причем проблема домашнего насилия в отношении детей может проявляется как в асоциальных и неблагополучных семьях, так и в семья со средним уровнем благосостояния [3].

Наибольшую опасность представляет собой сексуальные преступления в отношении несовершеннолетних, в том числе малолетних детей. По данным Следственного Комитета России, в 2018 году было зарегистрировано более 20 тысяч преступлений, которые были совершены в отношении несовершеннолетних, среди которых свыше 6 тысяч против половой свободы и неприкосновенности, в том числе раскрыто свыше 3 тысяч преступлений по ст. 134 УК РФ «Половое сношение с лицом, не достигшим 16 лет». Так, в 2019 году в республике Татарстан 27-летний мужчина изнасиловал свою дочь в возрасте 1,5 года из мести супруге. В декабре 2020 года молодая пара из Ростовской области на протяжении

[1] © Голубкина А. М., 2021.

месяца насиловали девятимесячную дочь, выкладывая и продавая в социальных сетах видеоролики порнографического содержания. Стоит отметить, что зачастую домашнее насилие в отношении несовершеннолетних обладает достаточно высокой степенью латентности, поскольку не каждый ребенок может признаться в том, что с ним жестоко обращались. Несовершеннолетние могут продолжать терпеть насилие, что порождает искажение психики и формирование асоциальных установок.

Говоря о причинах домашнего насилия над детьми, стоит отметить, что в такое насилие определяется получением несовершеннолетними различного рода физических или психических повреждений от лиц, являющихся родителями либо законными представителями ребенка [1]. Среди причин домашнего насилия над несовершеннолетними М. В. Сапровская выделяет: особенности личности и образа жизни родителей или законных представителей: неблагополучность семьи, асоциальный образ жизни, психические расстройства личности, педагогическая несостоятельность; отсутствие либо нарушения во взаимодействии детей и родителей: рождение нежеланного ребенка, порождающее эмоциональное отторжение и игнорирование потребностей детей. Последствия такого насилия могут выражаться как в телесных повреждениях, так и в деформации личности, что приводит к повышенной тревожности и агрессивности ребенка, нежелание посещать образовательную организацию, формированию аддиктивного поведения, склонности к одиночеству.

Неблагополучие семьи как фактор, порождающий домашнее насилие, способствует росту совершения детьми правонарушений и преступлений [2]. Субъектом домашнего насилия может быть как семья в целом, так и отдельный член семьи: родители или законные представители либо братья, сестры несовершеннолетнего. Исследователи выделяют следующие риски домашнего насилия, связанные с семьями детей и подростков: особенности структуры и уровня жизни семьи; особенности образа жизни и физического развития членов семьи; личностные характеристики членов семьи (склонность к агрессии, алкоголизму, наркомании, наличие травмирующего опыта из детства и др.); особенности детей, над которыми совершается насилие (отставание в развитие, наличие физических дефектов, личностные особенности: гиперактивность, повышенная утомляемость, неусидчивость и др.) [4]. При анализе домашнего насилия особое внимание необходимо уделать мерам профилактики жестокого отношения к детям со стороны родителей. Для того, чтобы установить последствия насилия над ребенком, необходимо проанализировать особенности и риски отдельно взятой семьи и в случае необходимости привлечь субъекты профилактики: подразделение по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства и др.

Среди мер профилактики домашнего насилия исследователи выделяют: стадия предупреждения, в условиях которой принимаются меры по недопущению формирования в семьях асоциальных установок, по развитию в семьях приемлемых форм и методов воспитания детей; стадия предотвращения, которая позволяет проинформировать их о возможных последствиях домашнего насилия в семьях, где родители склонны к асоциальному поведению, но не демонстрируют его; стадия пресечения, направленная на принятие мер в отношении родителей, склонных

к насилию (либо совершивших насилие), в том числе применение мер административного, уголовного, морально-нравственного и иного воздействия [5].

Своевременная профилактика домашнего насилия, на наш взгляд, позволит осуществить защиту прав и интересов несовершеннолетних, тем самым избежать ущемления личности и достоинства ребенка. Кроме того, проведение социально-профилактических мероприятий благоприятствует развитию системы предупреждения правонарушений, в том числе ее субъектов, что способствует недопущению совершения действий асоциальной направленности. Деятельность по профилактике домашнего насилия способствует созданию условий по психолого-педагогической поддержки, помощи и реабилитации семей посредством взаимодействия всех субъектов профилатики.

Список литературы

1. Грицай А. Г., Спирина В. И. Физическое насилие в семье как одна из форм жестокого обращения с детьми // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2011. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskoe-nasilie-v-semie-kak-odna-iz-form-zhestokogo-obrascheniya-s-detmi (дата обращения: 11.05.2021).

2. Горохова П. С. Влияние домашнего насилия на личностное развитие ребенка // Современные проблемы в науке и образовании глазами молодых ученых : сборник научных статей (Петропавловск-Камчатский, 18–22 апреля 2016 г.) Петропавловск-Камчатский : Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, 2016. С. 14–16.

3. Нораревян О. А. Насилие над детьми в семье: состояние, проблемы и пути решения // Вестник МГУ. 2012. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nasilie-nad-detmi-v-semie-sostoyanie-problemy-i-puti-resheniya (дата обращения: 10.05.2021).

4. Стоева Т. Р., Стойчева Б. Л., Торньова Б. Л., Шопов Д. Г. Домашнее насилие в отношении детей как социально-педагогическая проблема. Состояние, проблемы и перспективы развития современного образования : монография. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2021. С. 160–174.

5. Тагирова М. И. Признаки домашнего насилия и меры предосторожности жертвы домашнего насилия // Актуальные вопросы устойчивого развития России в контексте ключевых целей национальных проектов : материалы XVIII Всероссийской студенческой научно-практической конференции: в 2 частях (Челябинск, 23–24 апреля 2020 г.) Челябинск : Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2020. С. 244–245.

Демидов В. Н.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АНАЛИЗ КООРДИНАЦИОННОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Современное государство невозможно представить без хорошо развитой и эффективно функционирующей правоохранительной системы. Наша страна не является исключением. Одной из функций этой системы является охрана общественного порядка, возложенная на сотрудников полиции. Ежедневно, патрулируя улицы городов, сотрудники полиции вынуждены сталкиваться с агрессивно настроенными гражданами, зачастую находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Конфликтные ситуации, возникающие между полицейскими и неадекватно настроенными гражданами, нередко требуют применения сотрудниками физической силы. Становится очевидным, что для эффективного выполнения служебных обязанностей сотруднику полиции необходимо обладать хорошо развитыми физическими качествами. Ситуации, возникающие при задержании правонарушителей, являются сложнопрогнозируемыми и требуют от сотрудника проявления широкого комплекса двигательных действий. В кратчайшие сроки полицейский должен оценить обстановку и выполнить двигательное действие наиболее рациональное в складывающейся ситуации. Следовательно, сотрудник должен быть хорошо координированным и ловким, наряду с хорошо развитыми остальными физическими качествами.

На наш взгляд, в современны программах подготовки сотрудников правоохранительных органов не уделяется достаточно времени совершенствованию координационных способностей и ловкости. В том числе и при отборе на службу уровень развития координационных способностей проверяется одним тестом (челночный бег 10 × 10), который лишь косвенно характеризует уровень их развития. Для сравнения можно привести примеры упражнений, используемых для совершенствования координационных способностей в иностранных государствах. Так, например, в китайской народной республике для тренировки полицейских большое значение уделяется упражнениям с высоким уровнем координационной сложности, в том числе выполнение ситуационных задач в усложненных условиях окружающей обстановки [5, с. 3]. Для подготовки полицейских в США широко используются упражнения, связанные с преодолением различных препятствий.

Одним из таких упражнений является «Полоса препятствий» – 402 метра (440 ярдов = 1/4 мили) скоростной бег с преодолением препятствий – представляет собой преодоление искусственных препятствий, имитирующие действия по преследованию и задержанию подозреваемого. Испытуемый должен пробежать 6 кругов, трасса напоминает восьмерку. На протяжении шести кругов испытуемому необходимо будет преодолевать препятствия в виде низких барьеров и

[1] © Демидов В. Н., 2021.

лестницы. Время ограничено и для выполнения дается две мин [2, с. 12]. Выполняя данные упражнения от сотрудника полиции требуется не только продемонстрировать хороший уровень развития основных физических качеств (быстрота, выносливость, сила), но и высокий уровень развития координационных способностей и двигательной ловкости. В рамках подготовки к выполнению служебных обязанностей полицейские Германии значительное внимание уделяют тестам, призванным определить уровень развития двигательной ловкости и составляющих ее отдельных видов координационных способностей. Один из таких тестов предлагает испытуемому пробежать небольшую дистанцию несколько раз меняя направление движения, попутно преодолевая невысокие препятствия (высота 41 см) [1, с. 18].

Очевидно, что специалисты в области физической подготовки различных стран мира отмечают значимость развития у сотрудников правоохранительных структур координационных способностей и двигательной ловкости, о чем свидетельствует достаточно большое количество тестов для проверки уровня их развития и совершенствования. В системе профессионально - прикладной физической подготовки сотрудников полиции в Российской федерации большое внимание уделяется уровню владения боевыми приемами борьбы (служебно-прикладные упражнения). Указанный раздел физической подготовки включает большой арсенал двигательных действий сложной координационной направленности. Для успешного освоения данного раздела необходимо обладать хорошо развитыми физическими качествами и самое главное, хорошо развитыми координационными способностями.

Анализируя программу подготовки сотрудников полиции, можно заметить, что целенаправленному совершенствованию координационных способностей практически не уделяется должного внимания. Следовательно, сотруднику предлагается освоение сложнокоординационных действий (боевых приемов борьбы) без определения уровня его координационных способностей и зачастую не обладающему необходимой базой двигательных действий.

Для примера рассмотрим основную программу профессионального обучения «Профессиональная подготовка лиц рядового состава и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, по должности служащего «Полицейский» [7, с. 1]. Анализируя данную программу подготовки, можно отметить, что на дисциплину «физическая подготовка» отводится 90 учебных часов, из которых на самостоятельную подготовку выделено 20 учебных часов. Если не считать экзамены и лекционные занятия, то практических занятий остается 58 учебных часов (29 занятий). Следует отметить, что все эти занятия предполагают изучение раздела «служебно-прикладные упражнения» (боевые приемы борьбы). Однако, в данной программе присутствует факультативная дисциплина «совершенствование общефизической подготовки», но ее тематика не предусматривает целенаправленного развития координационных способностей.

Таким образом, обучение сложнокоординационным упражнениям (боевым приемам борьбы) вынуждено проходить без определенной координационной базы, что существенно снижает эффективность обучения. Исследования ученых

(Жарков С. А, Овчинников В. А., Дружинин А. В. и др.) доказывают прямопропорциональную взаимосвязь использования упражнений общей координационной направленности на эффективность обучения сложнокоординационным упражнениям.

Наличие данного противоречия в подготовке существенно усложняет процесс обучения. Анализируя критерии отбора граждан, претендующих на службу в органах внутренних дел, можно отметить, что в тестах по определению уровня физической подготовленности практически отсутствуют упражнения, которые отражают уровень развития координационных способностей. Это на наш взгляд является серьезной проблемой, поскольку служебная деятельность сотрудника полиции выполняется в постоянно меняющихся условиях, требующих в кратчайшие сроки принятия верного двигательного решения, что напрямую связано с высоким уровнем развития координационных способностей и двигательной ловкости. Для решения вышеуказанных противоречий предлагается усовершенствовать критерии отбора для граждан, поступающих на службу, в части касающейся определения координационных способностей.

В качестве упражнения для проверки уровня развития координационных способностей предлагается «Т-тест», который заключается в преодолении небольшой дистанции, в строго определенном порядке, в форме буквы Т. Данное упражнение напоминает челночный бег, но в более усложненном варианте и с дополнительными заданиями повышенной координационной сложности. На наш взгляд введение дополнительного критерия отбора кандидатов на службу существенным образом окажет влияние на качественные показатели физической подготовленности будущих сотрудников полиции. С целью повышения эффективности обучения сотрудников (слушателей образовательных организаций МВД России) служебно-прикладным упражнениям (боевым приемам борьбы) предлагается внедрение в подготовительно и основную часть занятия, помимо общеразвивающих упражнений, заданий повышенной координационной сложности. К таким упражнениям можно отнести упражнения на удержания равновесия (стойки на фитболе с использованием зрительного анализатора, так и без него). Так же предлагается использование широкого арсенала упражнений с использованием координационной лестницы. Данный тренажер, очень компактный и не занимает большую площадь. Его можно использовать как на улице, так и в помещении. Лестница состоит из прочных нейлоновых лент (линий) и 9 или 11 гибких (6 или 8 метров) пластиковых поперечен (поперечных линий). Ширина лестницы – 50 см, расстояние между планками – 40 см. Применение координационной лестницы позволит подобрать ритм и темп во время выполнения различных движений, избежать двигательной асимметрии, обучить согласованной работе рук и ног и т. д. Повторяя одни и те же упражнения, постоянно увеличивая темп, нервная система приучается к более быстрым и согласованным движениям – именно так достигается стабильный прогресс [8, с. 12].

Анализируя характер выполнения служебных обязанностей сотрудников полиции совершенно точно можно сказать, что их служба характеризуется тяжелыми условиями. Наряду с высоким моральным напряжением достаточно часто

сотрудники вынуждены в ограниченное время выполнять сложнокоординационные действия, от которых зачастую зависит их здоровье и эффективность работы. Очевидно, что целенаправленное совершенствование координационных способностей в период обучения в образовательных организациях МВД России существенно повысит уровень готовности обучающихся к дальнейшей службе в рядах полиции. Высокие требования к уровню развития координационных способностей для сотрудников, исполняющих служебные обязанности не находят отражения в тестах при отборе граждан на службу, что требует дополнительной доработки и устранения данного противоречия. Введение дополнительного критерия при отборе на службу в полицию, позволит устранит данное противоречие и существенным образом повысить качество выполнения служебных обязанностей сотрудниками полиции в их дальнейшей службе.

Список литературы

1. Ананкин Д. А., Овчинников В. А., Гросс И. Л. Анализ тестов и нормативов физической подготовленности полицейских иностранных государств // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2018. № 4 (158). С. 15–19.

2. Сравнительный анализ требований к физической подготовленности претендентов на службу в полиции США (г. Майами, штат Флорида) и России / [И. Л. Гросс и др.] // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2 (37). С. 124–127.

3. Жарков С. А. Методика развития физических качеств курсантов образовательных организаций МВД России : дис. … канд. пед. наук : 13.00.04. М., 2016. 160 с.

4. Карасев А. В., Ципинов Х. Б. Особенности профессионального отбора и критерии физической пригодности сотрудников полиции США // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2018. № 4. С. 50–55.

5. Кошкин Е. В., Елохов И. В. Особенности стрелковой и физической подготовки сотрудников военной полиции КНР, пенитенциарной системы государства Израиль: описание опыта. Пермь : Пермский институт ФСИН России, 2015. 7 с.

6. Основная программа профессионального обучения «Профессиональная подготовка лиц рядового состава и младшего начальствующего состава, впервые принятых на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, по должности служащего «Полицейский». Тверь : Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019.

7. Пушкарева А. М., Пушкарев А. В., Ананьева А. Г. Развитие координационных способностей в физическом воспитании студентов : учебно-методическое пособие. Ижевск : Удмуртский университет, 2017. 42 с.

Журавлева А. К.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. Б. Лебедев*****,**
профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор психологических наук, профессор

Я-КОНЦЕПЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОВД

Я-концепция оказывает влияние на все сферы жизнедеятельности, в том числе, она тесно взаимосвязана с профессиональной деятельностью сотрудника ОВД. Профессиональная сфера является крайне значимой составляющей, занимающей значительные временные промежутки, в связи с этим оценка себя как профессионала в большой степени влияет на самовосприятие себя как личности.

В научный оборот термин профессиональной Я-концепции введен как один видов Я-концепции, включающий также идеальную и реальную составляющие. Впервые термин «профессиональной Я-концепции» в своем докладе на конференциии в США в 1949 году использует американский психолог Дональд Сьюпер [6]. С точки зрения Сьюпера, она является компромиссом между генетическими предрасположенностями, задатками человека, его опытом социального взаимодействия, способности играть социальные роли и тем, на сколько это согласовывается с внешним ожиданием его коллег и руководства. В последствии он уточнил собственное определение и обозначил такую Я-концепцию как «набор характеристик самовосприятия, осознаваемых индивидом как профессионально релевантные». Вопрос профессиональной Я-концепции вызвал интерес у научного сообщества, ее изучением занимались Д. Сьюпер, А. А. Реан, С. Т. Джанерьян, В. Н. Козиев, Л. Б. Шнейдер и др. Профессиональная Я-концепция структурируется аналогичным образом с классической, и включает в себя: когнитивный, эмоционально-оценочный и поведенческие компоненты.

Когнитивный компонент рассматривается как, совокупность характеристик, приписываемых самому себе в профессиональной сфере. К таким характеристикам относят профессиональные навыки, самоэффективность, систему представлений о труде и конкретной профессии, карьерные ориентации. Каждый из выделенных когнитивных элементов подвергается оценке со стороны личности, в отношении к ним формируется эмоционально-оценочное суждение. Такое суждение во многом влияет на самовосприятие личности как профессионала, его самоудовлетворенность в рабочей сфере и реальное профессиональное поведение. Аналогично сформированное Я-идеальное предполагает представление об идеальных когнитивных элементах в сочетании с отношением к ним. То, насколько идеальное и реальное представление о профессиональном развитии и достиже-

[1] © Журавлева А. К., 2021.

ниях согласуются между собой, определяет удовлетворенность собой в профессиональной сфере. Преодоление имеющихся противоречий между идеальным образом и реальным Я зависит от сформированности волевой и мотивационной сфер сотрудника. Таким образом, разногласия этих представлений могут служить источником профессионального роста сотрудника или причиной низкой профессиональной самооценки в сочетании со сниженной продуктивностью в деятельности. Рост личности, то есть ее изменения в сторону Я-идеального, достигается в том числе за счет волевой сферы. Достаточно сформированная волевая сфера, имеющая преимущественно интернальный локус контроля, способна обеспечить стабильность профессионального роста и повышение профессиональной компетентности (в сочетании с достаточной мотивированностью сотрудника). Локус контроля, по мнению Дж. Роттера, является осознаваемым [5] или частично осознаваемым, в случае недостаточного проявления рефлексии. Склонность к рефлексии способствует осмыслению собственных поступков и эмоций с целью их дальнейшего изменения и повышения эффективности. Такая когнитивная работа необходима для профессиональной деятельности сотрудника ОВД, при отсутствии рефлексивного анализа, принятие собственных ошибок и повышение продуктивности (без качественного внешнего контроля) представляется затруднительным. Пониженная склонность к рефлексии сопровождается сниженной осознаваемостью собственного локуса контроля. Локус контроля ситуативно может сменяться от интернального к экстернальному и присутствует в личности в определенном соотношении. Превалирование интернального локуса контроля определяет внутреннюю ответственность за происходящие события, в том числе в профессиональной сфере. Невозможно достичь идеального образа будучи слабой в волевом отношении личностью, с экстернальным локусом контроля. Таким образом, устанавливается внутренняя зависимость в достижении Я-идеального от сформированности интернального локуса контроля. Это связано с тем, что перенос ответственности за происходящие события на внешние факторы ставит личность в зависимое положение, которое предполагает бесполезность предпринимаемых сотрудником действий. Данная позиция представляется наименее эффективной при работе сотрудника ОВД, так как особенностью его профессиональной деятельности является принятие решений, от которых зависят безопасность жизни, здоровья, прав и свобод граждан [1], накладывающих высокую ответственность как на министерство в целом, так и на каждого отдельного сотрудника, реализующего данные функции. Уровень притязаний сотрудника также оказывает влияние на потенциальное достижение идеального профессионального образа, так как определяет профессиональный уровень, который принимается за идеальный. Его адекватности реальным возможностям человека способствует переживание ситуаций успеха и неудач в профессиональной сфере в сочетании с самооценкой личности и степенью значимости данного результата для самого сотрудника.

Согласно экспериментальным исследованиям К. Хоппе проводимых под руководством К Левина в 20-х годах 20 века [4], личность устанавливает свой уровень притязаний между очень трудными и очень легкими задачами и целями таким образом, чтобы сохранить на должной высоте свою самооценку. Однако,

процесс реализации сокращения разрыва между идеальным представлением о себе и реальным относится к сложным волевым действиям, которые сопровождаются преодолением препятствий и значительными ресурсными затратами. Продуктивность волевого действия в таком случае зависит не только от мотивации сотрудника, но и от принятия ответственности за достижение поставленной цели. Наличие внешнего контроля может способствовать достижению данной цели, однако в таком случае процесс продвижения к идеальному профессиональному образу является не стабильным и в случае исключения этого контроля происходит стагнация или деградация, не приводящие к профессиональному росту.

Таким образом, профессиональная Я-концепция, формирующаяся под воздействием многих факторов, может способствовать или препятствовать профессиональному росту сотрудника ОВД. Однако, процесс реализации движения личности от реального представления о себе, как о специалисте, к идеальному профессиональному образу в определенной степени зависит от сформированности волевой сферы, наличия интернального локуса контроля и четко определенной мотивационной составляющей.

Список литературы

1. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. и доп., 15.09.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

2. Андропова Л. О. Механизмы и функции самоконтроля в структуре Я-концепции учителя начальных классов / под ред. В. С. Агапова. М. : МААН, 2008. 100 с.

3. Козлова О. Н. Взаимосвязь личностной и социальной идентичности в структуре Я-концепции будущих специалистов: дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01. М. : Российский университет дружбы народов, 2012. 206 с.

4. Левин К. Определение понятия «поле в данный момент» // Хрестоматия по истории психологии (период открытого кризиса: начало 10-х – середина 30-х гг. XX века). М. : Издательство МГУ, 1980. 296 с.

5. Rotter J. B. Generalized expectancies for internal versus external control of reinforcement // Psychological Monographs. 1966. 80. (Whole № 609).

6. Super D. E. Self-concepts in vocational development // Career development: Self-Concept Theory. 1963, pp. 1–16.

Зайцев Р. Б.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СИСТЕМА «ПРОСТО» – ПРОФИЛЬ РОСТА ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ СОТРУДНИКА ОПЕРАТИВНОГО ПОЛКА ППС

Неоднократно отмечалось, что одним из основных недостатков в деятельности органов внутренних дел является неадекватный требованиям сегодняшнего дня уровень компетентности и профессионально-личной надежности сотрудника органов внутренних дел. Одной из важных теоретических и практическим проблем полицейской педагогики и психологии является профессиональная подготовка без отрыва от правоохранительной практики сотрудников оперативного полка ППС.

В этой подготовке главным противоречием выступает то, что процесс вхождения сотрудника оперативного полка ППС в правоохранительную деятельность происходит в новых условиях, а его профессиональная подготовка осуществляется по старым концепциям и педагогическим принципам. В современных условиях возникла потребность в научном осмыслении и обоснования новых путей формирования компетентности и профессиональной надежности сотрудников ОВД, которые определяются нами как способность и готовность персонала ОВД качественно и безошибочно выполнять служебные обязанности в соответствии с требованиями законодательства, стандартами профессиональной деятельности, нормами служебной дисциплины и корпоративной культуры.

На основе анализа факторов, влияющих на профессиональное развитие сотрудника полка ППС, показать возможности педагогического проектирования в профессионализации сотрудников ОВД (управленческая модель «ПРОСТО» – профиль роста сотрудника интегрирует в себе технологию управления, служебно-боевую подготовку и саморазвитие).

Для достижения целей профессиональной подготовки и получения эффективности работы нарядов из сотрудников полка ППС в профессиональную подготовку к действиям по полицейскому реагированию нами были включены не только формирование профессиональной компетентности, но и надежности[2]. С этой целью было расширено использование категории «надежность» при анализе деятельности от действий в системе «человек-машина-производственная среда» до анализа закономерностей правоохранительной деятельности в системе «человек-человек». Опираясь на мнение Г. С. Никифорова, установившего, что не только профессиональное мастерство, но и нравственные качества работников влияют на безопасность, безаварийность и безошибочность труда [2, с. 40], мы

---

[1] © Зайцев Р. Б., 2021.

[2] Надежными в исследовании нами считаются сотрудники, постоянно сохраняющие высокую работоспособность, дисциплинированность, принципиальность и морально-психологическую устойчивость, преданных делу, работающих эффективно, лояльно относящихся к служебному коллективу, к коллегам и руководству, к системе правоохранительных органов государства в целом, чувствующих себя неотъемлемой частью системы МВД.

предположили, первых, что компетентность, ряд личностных качеств и надежность профессиональной деятельности тесно взаимосвязаны. Во-вторых, производной профессиональной надежности в нашем исследовании выступает нравственная, личностная надежность, позволяющая не только производить в сознании смыслы корпоративных этических норм, но и понимать общественное значение и необходимость соблюдения этих норм, регулировать свои потребности, осознавать ответственность перед нравственными ценностями и идеалами, длительно противостоять узкогрупповой морали. В данном направлении проводились ряд исследований ученых [1, 3, 4, 5], которые позволили нам выделить мировоззренческие и ценностные предпосылки профессиональной надежности, определить и осуществить прогноз личностных структур, обеспечивающих добросовестное и ответственное отношение сотрудника к своему труду, преданность интересам дела, верность слову, дисциплинированность и исполнительность в работе и службе. По мнению Е. Ю. Стрижова [3, с. 314] и С. Н. Тихомирова [4, с. 17] специфика профессиональная деятельности сотрудников ОВД обуславливает личностные трансформации, которые существенно влияют на особенности профессиональной самореализации. Это позволило нам в ходе реализации проекта наблюдать и фиксировать динамику трансформаций личностной сферы сотрудников, наблюдать изменение внутренних связей и отношения между разноуровневыми компонентами и параметрами, определяющими, уровень устойчивости и профессиональной надежности сотрудников ОВД. По результатам опытно-экспериментальной работы была разработана программа профессионального развития сотрудников оперативного полка ППС. В ней оценка уровня профессионального развития определялась по перспективе стабилизации служебного роста каждого молодого специалиста. Прогноз потенциальной стабильности составлялся в результате анализа комплекса факторов: уровня развития профессиональных способностей, характера мотивации включения в деятельность, уровня профессиональной подготовленности, особенностей личности.

Инструментально-технологическое обеспечение педагогического сопровождения профессионального развития сотрудника оперативного полка полиции включало в себя организационно-методический инструментарий деятельности командиров, представленный современными педагогическими технологиями: моделирование ролей, форсайт-технологии, веб-квест, саморазвитие, социально-нравственных практики. По результатам экспертной оценки, сотрудники были разделены на контрольную и экспериментальную группы по уровню профессионального развития и надежности, включающие и уровень субъективного профессионального опыта специалиста, развитие его профессионально важных качеств, стаж работы по специальности и особенности его личности. В состав контрольной группы вошли 53 сотрудника в возрасте от 23 до 38 лет. Стаж их службы в ОВД от 3 до 10 лет. При выполнении служебных задач действуют спокойно и уверенно, самостоятельно, решительно, хорошо контролируют эмоции и поведение. В экспериментальную группу вошли 55 сотрудников в возрасте от 21 до 33 лет. Стаж службы в ОВД составляет от 8 месяцев 4 лет. Профессиональная деятельность характеризуется низким и средним качеством выполнения служебных

задач. Низкий уровень способности контролировать своя деятельность в экстремальных условиях, снижена устойчивость к стрессу, поведение с элементами тревожности, напряженности, беспокойства.

Корреляционный анализ позволил установить, что профессиональное развитие и уровень профессиональной надежности имеют тесную положительную связь со стажем работы специалиста (r = 0,93); типом копинга «самоконтроль» (r=0,91); семантическую близость конструктов «Я» и «Профессионал» (r= 0,90); моральной нормативностью (r = 0,88); направленностью на задачу (r = 0,71); самопринятием (r = 0,69); ценностью «Здоровье» (r = 0,67); интернальностью в области неудач (r =0,33); самооценкой (r = 0,29); потребностью в активной жизненной позиции всех членов коллектива (r = 0,26); интернальность в области достижений (r= 0,20); интернальность в области семейных отношений (r = 0,20). Отрицательную связь имеет с показателями: личностная тревожность (r+ -0,44); конфронтационный копинг (r = -0,41); семантическая близость конструктов «Профессионал» и «Неудачник» (r =-0,31); доверчивость-настороженность (r = -0,22). С сотрудниками полка, включенными в экспериментальную группу, был проведен комплекс мероприятий. Для получения информации о профессиональной и личностной динамике специалистов, которые принимали участие в проекте, через 10 месяцев проводились повторные экспертные оценки и психодиагностическое обследование личностных и профессионально-деловых качеств сотрудников. Полученные данные сравнивались с аналогичными исследованиями, которые проводились до их участия в проекте «Профиль РОСТа сотрудника» (интегрировал в себе технологию управления (ресурс «Персональная карта профессионального развития сотрудника оперативного полка ППС», служебно-боевую подготовку и саморазвитие).

Установлено, что данные сотрудники проявляют большую активность в формулировке жизненных целей и их исполнении (использование командирами и психологами методик- «Качели времени», «Сценирование», «Стратегическая сессия», «Колесо жизненного баланса»). Отмечается, что некоторые конструкты, в частности те, которые относятся к ценностно-смысловым блокам «Профессия, работа», «Качества способствующие достижениям», в ходе мониторинга оказались не сразу доминирующими в семантическом пространстве специалистов после комплекса воспитательных воздействий, а через определенное время, что свидетельствует о целенаправленности действии и отсроченности, а также устойчивости вызванных реализацией педагогического проекта положительных индивидуально-профессиональных изменений в ценностно-смысловой сфере специалистов. В результате участия в проекте у сотрудников полка оказывается более позитивное отношение к своей жизни, отмечается рост общего показателя осмысленности жизни, развиваются лидерские качества, инициативность, собранность.

Положительная динамика наблюдается по показателю «моральная нормативность», что свидетельствует о высоком уровне профессиональной социализации, адекватной оценки своей роли в коллективе, ориентации на соблюдение профессиональных норм поведения. Среди общих тенденций изменений в смысловой сфере важно отметить возрастание у сотрудников ощущения успешности самого

себя в жизни и службе, способности влиять на ход собственной жизни, уверенности в принципиальной возможности самостоятельного осуществления жизненного выбора и ощущение успешной самореализации.

Выводы. Таким образом, использование ресурсного, личностного подхода применительно к проблеме профессионального развития и формирования надежности личности сотрудника, приводит к понимания того, что исследуемые феномены представляют собой не пассивную интеграция влияния внешних и внутренних условий существования, не только характеристику приспособленной активности, а результат аккумуляции способов достижения цели, которые сформировались у сотрудников.

В педагогическом проекте «ПРОСТо (Профиль РОСТа сотрудника)» «развитие» предполагает направление профессионального выбора, понимание сотрудником собственных профессиональных дефицитов с точки зрение особенностей своего профессионального развития и карьерного продвижения, а также позитивные профессиональные амбиции сотрудника в отношении профессиональных достижений и удовлетворенности от процесса и результатов труда. Обнаружение и фиксация персональных профессиональных дефицитов, с одной стороны, и амбиции в профессиональном продвижении с другой стороны приводят сотрудника оперативного полка ППС к необходимости ревизии своих знаний и умений и поиску места и времени для получения необходимых для профессионального развития нужных знаний и умений.

В педагогическом проекте «ПРОСТо «управление» связано с ролью руководителя при обеспечении достижения критически важной цели развития организации. А именно: процесс планирования, организации, мотивации, координации и контроля, необходимые для профессионального развития. В конечном итоге – это процесс обеспечения (руководителем) и \или самообеспечения (педагогом) и организации процесса научения, в целях покрытия профессиональных дефицитов.

Прикладной аспект «ПРОСТо заключается в том, что по итогам работы сотрудника оперативного полка ППС с «персональной картой профессионального развития» создается сценарий его актуального развития на год. Он является результатом самоанализа сотрудника и его диалога с экспертным профессиональным сообществом и педагогическим консилиумом. Работа с «персональной картой профессионального развития» обеспечивает возможность самостоятельного конструирования своего образовательного маршрута с учетом своих профессиональных потребностей, дефицитов и возможностью выбирать наиболее приемлемые для себя сроки и формы его реализации; осуществляет мониторинг профессиональных достижений. А благодаря комплексу мер становится возможным расширение «зоны надежности» сотрудника ОВД.

Список литературы

1. Бессонова Ю. В. Ценностные предпосылки профессиональной надежности. URL: http: //www.rusnauka.com/28_PRNT_2011/Psihologia/10_94600.doc.htm.

2. Никифоров Г. С. Надежность профессиональной деятельности. СПб. : Издво Санкт-Петербургского государственного университетата, 1996. 176 с.

3. Стрижов Е. Ю. Нравственно-психологический надежности личности // Психология человека в современном мире : материалы юбилейной научной конференции (15–16 октября, 2009 г.). М. : Институт психологии РАН, 2009. Т. 6. С. 312–319.

4. Тихомиров С. Н. Формирование основ профессионально-нравственной устойчивости у курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России: автореф. дис. … канд. пед. наук : М., 1999. 26 с.

5. Федотов А. Ю. Пути и способы достижения профессиональной надежности на примере специалистов силовых структур // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы : сборник материалов IV Международной конференции. М., 2020. С. 131–136.

Зыков Д. Р.[1]*,*
курсант 891 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. Б. Лебедев****,*
профессор кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УРОВНЕЙ СОЗНАНИЯ ПСИХИКИ

Тема, которая касается специфики психического функционирования человека с учетом особенностей возрастных этапов, является актуальной и значимой для специалистов в настоящее время, поскольку сегодня в психологии проблема возрастной периодизации жизненного цикла человека считается самой сложной. Данную тему изучали такие ученые, как Ю. А. Александровский, В. А. Бодрова, Э. Н. Вайнер, К. Вильмс, Н. Е. Водопьянова, С. Гринберг, Ю.В. Щербатых. За свою жизнь человек проходит через ряд стадий своего развития - младенчество, детство, подростковый возраст, юность, зрелость, пожилой возраст и, наконец, старость и угасание. На каждом этапе возникают свои задачи и приоритеты, жизненные проблемы и связанные с ними переживания. Данные возрастные этапы изучает возрастная психология. Возрастная психология изучает специфику психических процессов, возрастные возможности усвоения знаний, факторы развития личности, возрастные изменения в разные возрастные этапы.

Возрастные изменения могут быть эволюционные, революционные и ситуационные. К эволюционным изменениям относят качественные и количественные изменения, которые происходят в психике человека при переходе из одной возрастной стадии в другую. Революционные изменения проходят быстро и за короткий срок. По сравнению с эволюционными они более глубоки. Эти изменения происходят в период кризиса возрастного развития, который возникает на рубеже возрастов между сравнительно спокойно протекающими периодами эволюционных изменений психики и поведения. Ситуационные изменения связаны с воздействием на психику ребенка конкретной социальной ситуации. Возрастные эволюционные и революционные изменения психики и поведения устойчивы, необратимы, не требуют систематического подкрепления. Они составляют психологию человека как личности.

Жизненный путь человека делится на отдельные, качественно различные отрезки – возрасты. Это хронологический возраст, биологический и психологический возраст.

Психика не дается человеку в готовом виде с приходом в этот мир. Она также не способна развиваться сама по себе, то есть независимо от физиологического развития организма. Психические состояния носят рефлекторную природу, воз-

[1] © Зыков Д. Р., 2021.

никая и закрепляясь под воздействием окружающей обстановки, физиологических процессов, трудовой деятельности, вербальных поощрений или нареканий. При одном психическом состоянии качество жизни выглядит иным по сравнению с другим состоянием.

В период своей жизни каждый человек на определенном этапе своего психического развития проходит «кризисы», которые влияют на состояние человека, его сознание, мировоззрение и мышление. В психологии выделяют несколько этапов психического развития человека в течение его жизни.

1. Психологические особенности новорожденного ребенка

Новорожденность - это кратковременный период особых физиологических состояний, отражающих процесс приспособления ребенка к новым условиям среды. Период новорожденности в психологии считается с рождения до 2х месяцев. Ребенок полностью биологически зависим от матери.

К главным признакам этого периода относятся: наличие рефлексов (сосательного, защитного, ориентировочного и др.), отсутствие способности к выделению себя и других. Кризисные проявления этого периода: процесс рождения, физического отделения от матери, приспособления к новым условиям при помощи имеющихся безусловных рефлексов.

2. Психологические особенности младенческого возраста

Начало младенческого возраста совпадает с завершением кризиса новорожденности. Поворотный момент происходит между 2-м и 3-м месяцами жизни ребенка и определяется выделением взрослого человека как основного компонента окружающей реальности. В этот период происходит формирование привязанности. Именно полноценное общение с младенцем позволяет ему успешно развиваться физически, психически, умственно. В этот период происходит: развитие эмоциональной сферы; подготовительный этап в развитии речи; познание мира предметов; формирование самосознания

1. Психологическое развитие в раннем детстве

Раннее детство охватывает период от 1 до 3 лет. Уже в кризисе 1 года жизни формируются ключевые противоречия, переводящие ребенка на новую стадию становления.

Социальная ситуация полной слитности ребенка со взрослым на данном этапе исчезает. В ней появляются двое - ребенок и взрослый. В раннем детстве происходит развитие речи у ребенка в виде ситуативных слов.

Кризис 1 года проявляется в нарастании противоречий между потребностями в познании окружающего мира и возможностями, которыми ребенок обладает (ходьба, речь, аффект и воля), возникают потребности в новых впечатлениях, в общении и, а возможности ограничены.

2. Психологические особенности дошкольного возраста

Дошкольный возраст подразделяется на три этапа: младший дошкольный возраст, средний и старший. Отделение ребенка от взрослого и установление отношений с миром взрослых людей (мир социальных отношений) опосредованно с помощью игровой деятельности. Появляется новая форма общения со взрослым – «теоретическое сотрудничество». Успешность этой стадии развития зависит от понимания родителями важности задаваемых ребенком вопросов, на

которые необходимо отвечать своевременно, понятно, обсуждать их вместе с ним, помогая тем самым достичь цели. В период дошкольного возраста ребенок сталкивается с кризисом 3х и 7 лет.

3. Психологические особенности подростков

В психологии средний школьный возраст (11-15 лет) принято именовать подростковым.

Особенность возраста связана с пубертатным периодом развития ребенка, что создает дополнительные проблемы. Это период реконструкции телесного образа «Я», переход к взрослой сексуальности, развития интеллектуальной сферы. Данный этап характеризуется интенсивным общением со сверстниками, бурным физическим и физиологическим развитием. Внешними факторами, усиливающими симптомы кризиса, являются родительский контроль и гиперопека, зависимость в семейных отношениях. К внутренним факторам, обостряющие кризис - относятся психологические особенности подростка.

4. Психологические особенности юношеского возраста

Юность в психологии принято разделять на два периода – ранняя юность (15-17 лет) и поздняя юность (17-21). Ранняя юность считается наиболее важным периодом развития. Острота кризиса будет зависеть от степени разрешенности более ранних кризисов (доверия, независимости и т.д.).

К основным рискам юношеского возраста относится: неверное профессиональное самоопределение или провал вступительных экзаменов, как следствие девиации как неадекватный способ самовыражения и самоактуализации (агрессивность, развязность, эксцентричность, вызывающее поведение и внешний вид).

5. Психологические особенности периода взрослости

Нижняя граница взрослости связывается физиологами и антропологами с возрастом 17–25 лет. Верхняя граница зрелости и начало старости еще более варьируют в разных периодизациях в большом спектре: это 55 лет-75 лет. Успешность этой стадии развития зависит от достигнутого уровня удовлетворенности от трудовой деятельности, сложившихся отношений с детьми, личностных запросов, общественного признания, материального благополучия.

Кризис 30 лет – выражается в изменении представлений о своей жизни, иногда в полной утрате интереса к тому, что раньше было в ней главным. Кризис 40 лет – осмысление жизненного пути, обостряются семейные отношения. Симптомы кризиса: апатия и депрессия, снижение самооценки, учащение конфликтных ситуаций с родственниками и членами семьи, обесценивание достижений, переживания, печаль, снижение мотивации.

6. Психологические особенности старческого возраста

В рамках старости принято выделять три этапа: ранее старение (60-75 лет), среднее (75-90 лет), глубокая (больше 90 лет). Успешность развития зависит от обретения к этому возрасту такого качества как интегративность - целостность личности. Большую роль для человека в этот период будут играть близкие люди, в первую очередь дети.

Опасным является следующий этап – средняя старость. По силе этот кризисный момент напоминает переходный возраст. Происходит новый слом ценностей, осознание конца и ухода жизни. Депрессия способна перейти в суицидальные наклонности и попытки суицида.

Вывод

В заключении можно сказать, что каждый человек имеет свою неповторимость. Траектория жизни человека представляет собой разные формы поведения. Психическое развитие человека формируется под влиянием разных факторов. Такими факторами может быть генетическая наследственность, культурная среда и жизненные обстоятельства. С помощью возрастной периодизации человека можно изучить личность и более глубоко понять истоки развития в каждом определенном возрасте. Неравномерность психического развития человека основана на том, что в жизни человека есть наиболее благоприятные периоды для того, чтобы развить новые психические функции. Каждый возрастной этап развития включает в себя определенные структуры личности, а также разные психические процессы и личностные новообразования.

Список литературы

1. Александровский Ю. А. Состояние психической дезадаптации и их компенсация. М.: Наука, 2016. 270 с.

2. Бодров В. А. Психологический стресс : развитие и преодоление. М. : ПЕРСЭ, 2016. 345с.

3. Болотова А. К., Молчанова О. Н. Психология развития и возрастная психология : учебное пособие. М. : ИД ГУ ВШЭ, 2017. 526 с.

4. Котова И. Б., Канаркевич О. С. Общая психология : учебное пособие. М. : Дашков и К, Академцентр, 2017. 480 с.

5. Алтунина И. Р., Немов Р. С. Социальная психология : учебник. Люберцы : Юрайт, 2015. 427 с.

Коваленко Е. Е.[1]***,***
курсант 892 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. А. Слесарева,***
доцент кафедры информатики и математики
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
кандидат психологических наук

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В СИСТЕМЕ УЧЕБНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ

В данной статье анализируются психолого-педагогические аспекты становления «стрессоустойчивости» в служебной деятельности курсантов Московского Университета МВД России имени В. Я. Кикотя, а также влияние стресса на прохождение дисциплин по физической и огневой подготовке, проводится связь между данными дисциплинами и психологической подготовкой личного состава.

В последние годы отмечается увеличение нервно-психических нагрузок в процессе служебной деятельности в органах внутренних дел, что ужесточает требования, предъявляемые к состоянию психического здоровья курсантов и слушателей образовательных учреждений министерства внутренних дел Российской Федерации. Возрастает интерес к проблеме диагностики нервно-психических расстройств, возникающих у сотрудников органов внутренних дел в процессе повседневной профессиональной деятельности.

Теоретико-методологическая разработанность проблемы исследования заключается в изучении научной литературы, а именно: учебных пособий, методических рекомендаций, диссертационных исследований, научных статей и так далее. Особое внимание уделялось работам таких авторов, как А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, Л.С. Выготский, Б.Ф. Ломов, Н.А. Бернштейн, Р.М. Баевский и т.д. Важной проблемой считается поддержание высокой профессиональной работоспособности сотрудников органов внутренних дел как одного из необходимых условий в решении специальных и боевых задач. Деятельность в экстремальных условиях предъявляет повышенные требования не только к состоянию здоровья и функциям организма, но и к системе психической регуляции, обеспечивающей оптимальную профессиональную надежность и поддержание адекватного психического состояния.

Морально-психологическая устойчивость сотрудника МВД России характеризуется набором следующих личностных качеств, который представлен профессиональным мастерством, физической выносливостью, дисциплинированностью и организованностью. Благодаря наличию данных личностных

[1] © Коваленко Е. Е., 2021.

качеств сотрудник МВД России может эффективно решать задачи профессиональной деятельности. Исследования особенностей стрессоустойчивости курсантов на стадии их становления как специалистов актуально тем, что выбранная ими профессиональная деятельность является одним из напряженных видов социальной работы и входит в категорию профессий с высоким присутствием стресс-факторов. Каждый сотрудник полиции проходит этап адаптации, во время которого вероятность испытать стресс в учебной или служебной деятельности становится намного больше.

Канадский врач Ганс Селье заметил, что из-за стресса человек сталкивается с различными заболеваниями. В связи с этим он определил стресс как систему привычных реакций, готовящих организм к сопротивлению, что помогает избежать многие непредвиденные опасности. Именно под адаптационным синдромом Ганс Селье описал защитную реакцию организма на различные трудности. По мнению А. Б. Леоновой, стресс помогает активизировать внутренний «запас» ресурсов организма, чтобы преодолеть возможные трудности или защититься от опасного влияния [6, с. 54].

Понятие «стресс» было использовано американским психофизиологом Уолтером Брэдфордом Кенноном в исследованиях о реакциях организма. Ученый пришел к выводу, что различные реакции на стресс зависят исключительно от «степени угрозы» фактора.

В профессиональной деятельности посредством стрессоустойчивости возможно создать благоприятные отношения между компонентами психической деятельности в любых ситуациях [2, с. 34]. Под стрессоустойчивостью кандидат психологических наук О. В. Лозгачева понимает свойство личности, которое отличается необходимой степенью адаптации индивида к воздействию постепенно накапливаемых как внешних, так и внутренних факторов в процессе жизнедеятельности, зависящее от уровня психики и ресурсов организма [7, с. 98].

Стрессоустойчивость курсантов в учебной деятельности является комплексным свойством и включает в себя низкую личностную тревожность, низкий уровень напряжения, устойчивую самооценку чуть выше среднего уровня нормы и эмоциональную устойчивость. Также на развитие стрессоустойчивости влияют как внешние, так и внутренние факторы. К первым относится педагогическое и межличностное взаимодействие, стимул, а внутренние включают в себя различные особенности личности, к которым относятся: психофизиологические особенности, социально-психологические и психолого-педагогические. Значение тренинговых технологий для формирования эффективной управленческой деятельности коллектива сотрудников ОВД и учет данных особенностей стрессоустойчивости курсантов может стать основным базисом и для целенаправленной работы с ними, и для прогнозирования профессионально-психологического соответствия курсантов выбранной профессии.

Повышение психологической подготовленности курсантов в своей деятельности является значительным фактором для создания наиболее благоприятных условий в период физической и огневой подготовки, так как с самого первого курса данные дисциплины являются основными и обязательными в учебных за-

ведениях такого плана. С одной стороны, каждый поступающий на службу в органы внутренних дел должен быть морально и физически подготовлен к предстоящим трудностям, в том числе к освоению физической и огневой подготовки. С другой стороны, именно данные дисциплины помогают учащимся повысить их уровень стрессоустойчивости. В связи с этим проводится активная совместная работа по сопровождению курсантов при выполнении отработок кейсовых заданий по служебной деятельности на предметах огневой и физической подготовки. Таким образом, повышение психологической подготовленности курсантов отражается на служебной деятельности и является значительным фактором для создания наиболее благоприятных условий в период учебной деятельности.

Для достоверности полученных результатов был проведен тест на самооценку стрессоустойчивости С. Коухена и Г. Виллиансона среди личного состава. Средний результат показателей стрессоустойчивости получился также высоким: отличный показатель – 35 % опрошенных; хороший показатель – 27 %; удовлетворительный показатель – 23 %; плохой показатель – 15 %; очень плохой показатель – 0 %. Делая вывод, можно сказать о том, что курсанты Московского Университета МВД России обладают развитой стрессоустойчивостью, что позволяет им справляться с различными трудностями по службе.

Таким образом, для того, чтобы в дальнейшем углубленно погрузиться в научные представления о проблематике формирования психологической устойчивости у личного состава Московского Университета МВД России, необходимо учитывать процесс различных затруднений, которые будут приближены к условиям, где физическая и огневая подготовка будут неразрывно связаны с психологической подготовкой в обеспечении стрессоустойчивости и отработки необходимых навыков.

В учебном процессе могут быть использованы три источника информации: звук, изображение, мышечное усилие. Они могут применяться по одному, либо все вместе в комплексе. Данные источники информации определяют следующие модальности восприятия: визуальная, кинестетическая, аудиальная и дигитальная. Успешная организация обучения курсантов и слушателей обеспечивается благодаря использованию стратегии обучения с учетом особенностей восприятия каждой модальности (визуал, аудиал, кинестетик).

Уровень профессиональной психологической подготовленности определяет личную безопасность, эффективность практических действий сотрудников в ситуациях, сопряженных с большой ответственностью, риском, опасностью для жизни, требующих неотложных и безошибочных действий. Повышению успешности учебной и служебной деятельности, боевой и физической подготовке курсанты имеют возможность развивать и совершенствовать самообладание, физическую активность, выносливость, а также способность устойчиво переносить различные тяготы.

Список литературы

1. Адаев А. И. Оценка и прогноз психологической готовности курсантов ведомственных учреждений МВД к деятельности в экстремальных ситуациях. СПб., 2004. 120 с.

2. Варданян Б. Х. Механизмы саморегуляции эмоциональной устойчивости // Категории, принципы и методы психологии. Психологические процессы. М., 1983.

3. Катунин А. П. Стрессоустойчивость как психологический феномен // Молодой ученый. 2012. С. 243–246.

4. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М. : Академический Проект, 2009. 368 с.

5. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / под ред. Л. Леви. М. : Медицина, 1970. С. 178–208.

6. Леонова А. Б. Стресс-менеджмент: печальная необходимость. М., 2018. 274 с.

7. Лозгачёва О. В. Формирование стрессоустойчивости на этапе профессионализации: на примере юридического вуза : дис. … канд. психол. наук : 19.00.03. Екатеринбург, 2004. 158 с.

8. Лебедев И. Б., Михайлова С. Ю. Социально-психологический тренинг в деятельности правоохранительных органов: теоретические и прикладные аспекты : учебное пособие. М., 2013.

9. Слесарева Е. А. Профессионально-значимые качества личности инспекторов ДПС ГИБДД // Вестник ГУУ. 2011. № 19. С. 254–258.

10. Федотов А. Ю. Системно-ситуативный подход в профессиональной подготовке сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 3–7.

Когутова А. А.[1]***,***
курсант 891 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. Б. Лебедев,***
профессор кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор психологических наук, профессор

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОМОТЕТИЧЕСКОГО И ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ ДЛЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

На сегодняшний день актуальность проблемы повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел не вызывает сомнений. Специфика прохождения службы в ОВД: строгая регламентация деятельности, повышенные требования к физической и психологической подготовке сотрудников, сопутствующее нервно-психическое напряжение - приводит к необходимости обеспечения ОВД РФ квалифицированными кадрами, эффективно выполняющими требования профессиональной деятельности независимо от складывающихся обстоятельств.

Зарубежный и отечественный опыт показывает, что ключевым аспектом повышения эффективности профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов выступает оценка системы объективных показателей, отражающих степень выполнения должностных обязанностей, успешность достижения поставленных целей и непосредственный результат деятельности. Система показателей эффективности профессиональной деятельности может выражаться как в качественной, так и в количественной форме, быть как слабоформализуемой, так и четко квантифицируемой [5, с. 255].

Несмотря на большое количество различных инструментов оценки (диагностики) предложенных показателей эффективности профессиональной деятельности, психологи правоохранительных органов испытывают дефицит психодиагностических методик, которые позволили бы им применять личностный принцип (индивидуальный субъективный подход) к исследуемой личности сотрудника ОВД. Рассуждение о развитии и формировании личности абстрактного человека не вызывает у современных психологов особых затруднений, в то же время разностороннее описание образа действия определенной личности в конкретном контексте и отрезке времени становится весьма непростой задачей. Методология и принципы комплексного полноценного анализа, разрабатываемые на теоретическом уровне, заметно опережают практическую психодиагностику, на данном этапе более адаптированную к работе со стандартизированными нормами, а не к взаимодействию с уникальной и целостной личностью человека. Проблема исследования того, как конкретный человек

[1] © Когутова А. А., 2021.

«…познает и воспринимает сложный мир социальных отношений, других людей и самого себя, как формируется целостная система представлений и отношений конкретного человека» [2, с. 93]. По сути, здесь имеются в виду, два подхода к оценке и пониманию психологических особенностей человека, в том числе определяющих эффективность его профессиональной деятельности: номотетическом и идеографическом.

Номотетический и идеографический подходы были впервые обозначены немецким философом баденской школы В. Виндельбантом, а позднее подробно разработаны Г. Риккертом. Номотетический подход в психологии опирается на изучение общих для разных людей черт, не принимая во внимание ценность отдельного объекта наблюдения. Человек в номотетическом подходе лишается неповторимых особенностей, выходящих за рамки общих закономерностей, позволяющих объединять и типологизировать группы людей. Общие закономерности, открываемые в рамках номотетического подхода, дают возможность предсказывать состояние объектов в будущем и воздействовать соответствующим образом на ход вещей [3, с. 7].

Идеографический метод, с присущим ему конкретно-индивидуальным своеобразием, ставит целью исследовать и описать единую уникальную целостность личности, ее нетипичность. Результаты исследования личности человека в рамках идеографического метода могут и должны резюмироваться в понятиях, имеющих индивидуальное, а не всеобщее содержание [2, с. 95; 3, с. 10].

Противопоставление номотетического и идеографического подходов заметно проявляется в психодиагностике. Оценка эффективности служебной деятельности сотрудника ОВД, в рамках номотетического подхода сводится к определению нормативных общегрупповых значений, не способных полноценно обеспечить все запросы практики. Оценка, опирающаяся на идеографический подход, трудно совместима с устоявшимися в современном мире принципами научного познания, в свою очередь позволяет рассмотреть эффективность профессиональной деятельности сотрудника ОВД как неповторимой личности. Дело, однако, не в том, руководствоваться ли общим или только единичным при оценке эффективности профессиональной деятельности. Важно помнить, что полноценная диагностика должна быть многосторонней: описывать общие стабильные черты эффективности профессиональной деятельность сотрудника ОВД, опираясь на хорошо разработанные и часто применяемые количественные методы измерения, а также распознавать неповторимые особенности, требующие качественного анализа.

Список литературы

1. Витцлак И. Основы психодиагностики. // Психодиагностика: теория и практика. М. : Прогресс, 1986. 205 с.

2. Забродин Ю. М. Модель личности в психолодиагностике. М. : Прогресс, 1994. 182 с.

3. Забродин Ю. М., Похилько В. И. Теоретические источники и назначение репертуарных личностных методик. // Франселла Ф., Биннистер Д. Новый метод исследования личности. М. : Прогресс, 1987. С. 5–17.

4. Лебедев И. Б., Михайлова С. Ю. Социально-психологический тренинг в деятельности правоохранительных органов: теоретические и прикладные аспекты : учебное пособие. М., 2013.

5. Слесарева Е. А. Профессионально-значимые качества личности инспекторов ДПС ГИБДД // Вестник ГУУ. 2011. № 19. С. 254–258.

Костина Е. Ю.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. Б. Лебедев,***
профессор кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор психологических наук, профессор

ПРОЯВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ В СОСТАВЕ СЛУЖЕБНОГО КОЛЛЕКТИВА СОТРУДНИКОВ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ

Чаще всего, когда говорится о творческих способностях, воображение слушателя или читателя создает образ одинокого творца, гения, возвышающегося над толпой. Истинно творческий человек может наблюдать за другими людьми, но при этом не смешиваться с ними; пользоваться их помощью, но при этом создавать шедевры в гордом одиночестве. Однако это распространенное заблуждение: творческий продукт быстрее и гораздо охотнее появляется в целых творческих сообществах, участники которых общаются друг с другом и с удовольствием прорабатывают новые идеи вместе. Цитируя британского молекулярного биолога Фрэнсиса Крика: «Самый опасный человек – тот, у кого только одна теория, потому что он будет биться за нее насмерть» [4, с. 210].

Исходя из широкого определения творческих способностей, согласно которому они не являются прерогативой писателей, поэтов, художников, скульпторов, танцоров и пр., а «человеческое право, данное по праву рождения» [6, с. 302], мы полагаем, что тезисы, изложенные выше, актуальны и для сотрудников оперативных подразделений МВД России. Даже знаменитые сыщики прошлого, настоящие гении своего дела, не обходились без помощи своих коллег. Так, И.Д. Путилин не только создал «летучий» отряд уголовного розыска Петербурга, но и умел объединять усилия всех подчиненных, хорошо знал достоинства каждого [9, с. 14]. В свою очередь, согласно воспоминаниям Вячеслава Котова, бывшего начальником МУРа с 1984 по 1989 гг. вспоминал, что «… в МУРе работали люди с большим практическим опытом. Корнеев, Паталов, Дерковский, Калугин, Даньшин – высочайшие профессионалы, если не профессора в своем деле. Общение с ними для меня было главной милицейской академией. Они щедро дарили свои знания молодым. Знали: завтра молодые придут на смену, как когда-то и они сменили старших товарищей, опираясь на их опыт. В этой преемственности была сила МУРа. Да она и сегодня, как мне кажется, в принципе остается таковой...» [8].

Групповой характер оперативно-розыскной деятельности сотрудников становится заметен даже в случайной выборке статей из специализированных источников: периодических изданий, таких как «Милиция», «Полиция России»,

[1] © Костина Е. Ю., 2021.

«Петровка, 38», «Щит и Меч». Разумеется, учитывали мы и то, что не все разновидности творческих способностей в составе коллектива будут подробно описаны в силу секретности некоторых дел, но и открытой информации было достаточно, чтобы понимать: «момент озарения – это тоже плод коллективного труда» [2].

Проанализировав 185 различных статей и 10 книг автобиографического содержания, мы выделили следующие типы творческих способностей в составе служебного коллектива:

1. Организация работы подразделения/опергруппы, принятие инновационных решений и создание психологически комфортных условий, что усиливает творческую активность, повышает эффективность коллективной и индивидуальной оперативно-розыскной деятельность. В рамках данного пункта можно упомянуть экспериментальную группу, созданную начальником ГУВД г. Москвы Владимиром Иосифовичем Панкратовым. В состав этой группы входили лучшие спортсмены главка, в том числе дзюдоисты и самбисты, которые успешно решали поставленные задачи [5].

2. Инсайтное решение трудной задачи или специфической проблемы, которое предваряет напряженная интеллектуальная работа оперативников в составе группы. Таковым является хитрый ход оперативника МУРа Александра Чиченева, участвовавший в задержании «вора в законе» Мамии. Притворившийся пьяным, Чиченёв смог без опаски подойти к дому, где скрывались подозреваемые, и дать условный сигнал своей группе [10].

3. Сотворчество в моделировании ситуации, выдвижении версий, творческом проявлении оперативно-розыскных и профессионально-психологических действий, что обеспечивает согласованность, слаженность и эффективность совместной оперативно-розыскной деятельности. Пример подобного сотворчества произошел в 1982 году, когда оперативникам пришлось искать способ задержать вооруженного мужчину, забаррикадировавшегося в квартире. Пятичасовые переговоры провалились, и оперативная группа пошла на нестандартный ход: отвлекла буяна, не взломав, а выбив дверь взрывом специального устройства «Ожерелье», что привело преступника в замешательство и позволило его задержать [1].

4. Гибкое распределение ролей в коллективе (служебном коллективе или оперативной группе) с учетом индивидуально-психологических особенностей оперативников и складывающейся оперативной ситуации, что обеспечивает эффективное решение оперативно-служебных задач. Ветеран МУРа Андрей Юрьевич Гармаш, в 1997 году вместе со своей оперативной группой задержавший группу «черных» риэлторов, придумал следующий способ, чтобы «расколоть» несговорчивых бандитов: «Ребята допрашивают, а я хожу из кабинета в кабинет. Послушаю одного, другого, пятого. Потом делаю другой круг, начинаю задавать подозреваемым вопросы. А когда я пошел со своими уточнениями по третьему кругу, то они начали подозревать, что кто-то уже начал давать показания. И нашел слабое звено в лице водителя, который в убийствах участия не принимал» [3].

5. Творческая мотивация и активность руководителя или отдельных сотрудников (творческих лидеров), что эмоционально заражает служебный коллектив (оперативную группу) на сотворчество в оперативно-розыскной деятельности и повышает профессионализм. Примером такого руководителя является первый командир «летучего» отряда уголовного сыска Петербурга Л.К. Петровский, который был «мозговым центром» нового подразделения, знал город и то, что в нем творится. Его сотрудники работали столько, сколько было необходимо, не считаясь со временем, как и сам их руководитель, который с 9 часов для каждого бойца готовил задание на день, а с 19 до 22 часов лично принимал рапорта и отчеты о проделанной работе. Неудивительно, что Петровский пользовался любовью и непререкаемым авторитетом у подчиненных [7, С. 58–59].

Таким образом, мы можем видеть, что творческие способности в составе коллектива могут быть разнообразны по своим проявлениям, и, будучи грамотно проявленными как руководителями, так и рядовыми сотрудниками, способны привести к быстрому и эффективному осуществлению оперативно-служебной деятельности.

Список литературы

1. Вологодский, С. Я благодарен судьбе // Петровка, 38. 2018. № 48 (9649). URL: http://petrovka–38.com/item/ya–blagodaren–sudbe?highlight= (дата обращения: 24.11.2020).

2. Дышев, С. Момент озарения – дело коллективное // Петровка, 38. 2018. № 46 (9647) // URL: http://petrovka–38.com/arkhiv/item/moment–ozareniya–delo–kollektivnoe?highlight=WyJcdTA0NDFcdTA0NGJcdTA0NDlcdTA0MzhcdTA0M2EiXQ (дата обращения: 23.11.2020).

3. Дышев С. Офицерские пути-дороги // Петровка, 38. 2018. № 30 (9631). URL: http://petrovka–38.com/arkhiv/item/ofitserskie–puti–dorogi?highlight=WyJcdTA0M2VcdTA0M2ZcdTA0MzVcdTA0NDAiXQ (дата обращения: 23.11.2020).

4. Иглмен Д. Креативный вид. Как стремление к творчеству меняет мир. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 288 с.

5. Кирпичёв А. Элемент профессии // Петровка, 38. 2017. № 20 (9572). URL: http://petrovka–38.com/item/element–professii?highlight (дата обращения: 14.01.2021).

6. Кэмерон Дж. Золотая жила. М. : Livebook, 2013. 312 с.

7. Любвин Р. «Крестный отец» ОМОНа // Милиция. 2001. № 10. С. 58–59.

8. Моспан Т. «Я всегда занимался своим делом // Петровка, 38. 2018. № 24 (9625). URL: http://petrovka–38.com/arkhiv/item/ya–vsegda–zanimalsya–svoim–delom?highlight= (дата обращения: 12.01.2021).

9. Нечевин Д. К., Беляева Л. И. Шеф сыскной полиции Иван Дмитриевич Путилин: Соч. в 2 т. М. : ОЛМА Медиа Групп. 476 с.

10. Яковлев А. Выстрелы на Смоленской // Петровка, 38. 2018. № 26 (9627). URL: http://petrovka–38.com/arkhiv/item/vystrely–na–smolenskoj?highlight (дата обращения: 24.11.2020).

Кругликова С. А.[1]*,*
слушатель 862 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. В. Ульянова****,*
профессор кафедры педагогики учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор педагогических наук, доцент

СУЩНОСТЬ ИГРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В последние десятилетия ведется интенсивная разработка и использование игры как одного из актуальных методов обучения. Игра как фундамент в образовательном процессе – это важный и наиболее адекватный путь включения в учебную деятельность. Через игру педагог воспитывает личность в следующих направлениях: коммуникативное, адаптационное, организационное, интеллектуальное (аналитическое), рефлексивное, эмпатийное и др.

Однако данная проблема в образовательном процессе ненова. Она изучается в науке на различных уровнях. Мы акцентируем свое внимание на культурологии, психологии и педагогике.

В рамках культурологии игра признается основой любого культурного феномена. Теория игры в культурологии получила свое развитие в результате деятельности следующих ученых: Дж. Апплетон, К. Гросс, С.М. Лацарус, Г. Морфи, Г. Спенсер, Г. С. Холл (конец XIX века); Э. Берн, Л. Витгенштейн, Я. Морено, Ж. Пиаже, К. Рейноутер (начало XX века).

В рамках психологии проблему игры изучали такие ученые как: Дж. С. Брунер, С. В. Григорьев, А. Джолли, К. О. Монтенегеро, С. Л. Новоселова, М. А. Нарбашева, Н. Н. Палагина, К. Сылва, Б. Сеттон-Смит, А. В. Черная, Д. Б. Эльконин, и др. (XX век).

С разных сторон проблема игры изучалась и деятелями педагогической науки: Е. А. Аркин, Г. Н. Волков, Л. С. Выготский, В. М. Григорьев, Р. И. Жуковская, Т. В. Захарченко, А. Э. Измаилов, П. Ф. Каптерев, Б. Ф. Контуаутене, О. Н. Кышпанакова, Г. К. Селевко, Г. Н. Симаков, А. С. Симонович, Е. И. Тихеева, А. П. Усова, К. Д. Ушинский, А. П. Усова, А. Н. Фролова, С. А. Шмаков и др. Вышеперечисленные ученые отмечали развивающий потенциал игры в процессе обучения и воспитания.

Г. К. Селевко выделяет следующее понятие: «По определению, игра – это вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта, в котором складывается и совершенствуется самоуправление поведением.» [2, с. 16].

В. А. Сухомлинский трактовал понятие игры следующим образом: «Без игры нет и не может быть полноценного умственного развития. Игра – это огромное

[1] © Кругликова С. А., 2021.

светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений, понятий. Игра – это искра, зажигающая огонек пытливости и любознательности» [3, с. 114].

Е. Н. Давыдова и И. С. Кобозева отмечают: «Игра эмоциональная по своей природе способна даже самую сухую информацию оживить и сделать яркой и наполненной эмоциями. В игре возможно вовлечение каждого в активную работу, это форма, которая противостоит пассивному слушанию или чтению» [1, с. 71].

К. С. Терехова и Е. Е. Яшина упоминают: «Необычные, интересные творческие задания вызывают у детей интерес к получению новых знаний. Учителю необходимо научить своих учеников учиться, то есть развивать их познавательные силы и способности. Игровая деятельность доступна детям, более того, она оживляет познавательный процесс, активизирует личность и формирует ее. В игре осуществляются самовыражение, самораскрытие личности ребенка» [4, с. 233].

В работах Г. К. Селевко подчеркивается, что в отличие от игр вообще педагогическая игра обладает существенным признаком – четко поставленной целью обучения и соответствующим ей педагогическим результатом, которые могут быть обоснованы, выделены в явном виде и характеризуются учебно-познавательной направленностью.

Классификация педагогических игр по Г. К. Селевко выглядит следующим образом:

Рис. 1. Классификация педагогических игр по Г.К. Селевко

Таким образом, игра – понятие междисциплинарное, исследуемое не только учеными-педагогами, но и учеными-культурологами, учеными-психологами.

На основе изложенных понятий мы сформулировали авторское определение «игры»: Игра – универсальный вид деятельности, позволяющий организовать образовательный процесс людей различных возрастов.

В дидактике обучение и игра тесно взаимосвязаны. «Педагог, создавая образовательную среду, применяет игровые технологии, которые представляют собой совокупность методов и приемов организации процесса обучения с помощью различных форм педагогических игр. В отличие от обычных игр, основным мотивом которых является сам процесс, а не результат. Для педагогических игр характерно наличие цели обучения и соответствующего ей педагогического результата, который определяется учебно-познавательной направленностью» [2, с. 556].

Переходя к педагогике высшей школы, отметим, что ФГОС высшей школы рекомендует проводить учебные занятия, применяя активные и интерактивные методы. Авторы подтверждают позитивное влияние данных методов на эффективность процесса обучения, они обеспечивают интенсивность процесса усвоения и применения знаний при решении практических задач.

Представляется эффективным применение следующих видов игр в образовательном процессе: ролевые и деловые игры, организационные игры, коммуникативные игры, адаптационные игры, дидактические учебно-профессиональные игровые ситуации и др.

Таким образом, использование игры и заданий с элементами игры оказывают благотворное влияние на обучающихся, помогает сформировать гармоничную личность, способную к усвоению знаний, получению умений и навыков.

Список литературы

1. Давыдова Е. Н., Кобозева И. С. Дидактическая игра: сущность и содержание // Научное обозрение. Педагогические науки. 2019. № 3-1. С. 69–72.

2. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии : учебное пособие. М. : Народное образование, 1998. 256 с.

3. Сухомлинский В. А. Проблемы воспитания всесторонне развитой личности // История педагогики в России. М., 1999. С. 377.

4. Терехова К. С., Яшина Е. Е. Игра и игровая деятельность как составляющая образовательного процесса в школе // Вопросы педагогики. 2020. № 3-2. С. 233–235.

Кублова М. Г.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Н. Билоус****,*
профессор кафедры оперативно-разыскной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор

АКТУАЛЬНОСТЬ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПСИХОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В современном обществе психология все увереннее занимает позицию в системе наук, охватывая все сферы общественной жизни. Применение психологических знаний, в настоящее время, актуально в любой сфере жизнедеятельности, в том числе и профессиональной. Служба сотрудников органов внутренних дел связана с постоянным общением и взаимодействием с людьми, порой, оказавшихся в непростой жизненной ситуации. Реализуемые в настоящее время методы регулирования служебного поведения сотрудников ОВД не в полной мере используют потенциал социально-психологических и организационно-психологических факторов группового поведения [1]. Изучение личности, ее оценка, необходимость установления психологического контакта, перерастающего в доверительный и доброжелательный диалог, положительное воздействие на личность – взаимосвязанный коммуникативный комплекс, необходимый для сотрудников органов внутренних дел в практической деятельности. Грамотный, высококвалифицированный специалист должен обладать не только глубокими профессиональными знаниями, но и психологическими приемами. Руководитель с большим стажем руководящей деятельности характеризуется более выраженной независимостью и самообладанием, ответственностью, высоким уровнем правосознания и правовых знаний, соблюдением законности и правовых норм в деловой сфере [2].

Целью изучения теоретических основ психологии является формирование навыков и умений качественно и эффективно выстраивать диалог с различными категориями граждан и решать конфликты, возникающие в ходе служебной деятельности. Основными задачами психологических наук являются формирование комплексного представления о необходимости психологических знаний в служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел, изучение тонкостей коммуникативного процесса, выработка навыков профессионального общения, умение установить доверительные отношения с собеседником и научиться способам саморегуляции в стрессовых ситуациях. Психологические знания помогают обеспечить высокую культуру общения, способствуя повышению престижа сотрудников органов внутренних дел. Владение социально-психологическими закономерностями и умение ими пользоваться в практической деятельности –

[1] © Кублова М. Г., 2021.

важное условие эффективной правоохранительной деятельности. Таким образом, психологическая подготовка сотрудников – актуальное, важное и значимое направление деятельности для становления грамотного специалиста.

В деятельности полиции роль психологии существенна, сотрудники должны обладать силой психолого-педагогического воздействия, оказывающего положительное влияния на поведение людей, совершивших преступление. В свою очередь, понимание преступного поведения неотъемлемо связано с понимаем личности преступника, с его мышлением, сознанием, мотивами совершения противоправных деяний. Сталкиваясь с проявлением агрессии со стороны преступника, демонстрацией крайне негативного отношения и неуважения со стороны правонарушителя, у сотрудника органов внутренних дел возникает вопрос: как действовать против данных проявлений в соответствии с законом, исключая злоупотребление властными полномочиями [3]. Знание определенных психических закономерностей, владение психологическими методами, умение установить контакт с преступником, чувствуя специфику его индивидуальности, значительно помогает сотрудникам органов внутренних дел грамотно, рационально и эффективно использовать имеющиеся психологические знания в целях воздействия на лиц и получения оперативно – значимой информации.

Служба сотрудников органов внутренних дел требует усердного труда, обширный круг знаний, способность к анализу практической деятельности, правильному применению норм права в служебной деятельности, высокий уровень личной ответственности, умение находить контакт с окружающими, высокий уровень стрессоустойчивости и соблюдение норм профессиональной этики. Становление высококвалифицированного специалиста – сложный, многогранный процесс, выходящий за рамки теоретических знаний. Знание психологической науки помогает воспитанию культурного, образованного, продуманного, чувствующего и умело направляющего своего собеседника в нужном направлении сотрудника, который, используя полученные теоретические знания в области психологии, на практике становится профессионалом своего дела и эффективнее справляется с поставленными задачами.

Постоянное общение с людьми, преступившими закон, причастных к противоправной деятельности, являющимися носителями отрицательных качеств очень часто затрудняет, особенно у молодых специалистов, процесс получение значимой информации. В связи с этим очень важно грамотно выстраивать беседу с лицом, представляющим оперативный интерес. Применение различных тактик и приемов в ходе беседы обусловлено характеристикой личности, не только гражданина, но и самого сотрудника, а также зависит от целей проведения беседы, места, времени, в которых она происходит. Установление психологического контакта способствует становлению доверительных отношений сотрудника органов внутренних дел с преступниками и лицами из их окружения, поскольку именно в этой среде зарождаются и отсюда управляются криминогенные процессы. Навыки установления межличностных отношений являются базовыми, лежащими в основе продуктивной оперативной работы.

Задача сотрудника правоохранительных органов, при общении с гражданами, распознавание психологической основы установления доверительных отношений и построение тактики контакта. Коммуникативные особенности выражены в способности быстро установить контакт с людьми, умении найти нужный тон, целесообразную форму общения в зависимости от психологического состояния и индивидуальных особенностей собеседника, отстаивать свою точку зрения и получать необходимую информацию, формируя у собеседника доверительное отношение. Выработка вышеперечисленных коммуникативных навыков формируется путем изучения психологических особенностей общения и связана с развитием речевых приемов, таких как грамотная, логичная и четкая формулировка мысли, правильно подобранный тон голоса и интонация, логический акцент на словах. Так же, при установлении контакта, важны социально-психологические умения: грамотно организовать знакомство с партнером, выбрать уместные для ситуации приемы для диалога, прогнозировать возможные варианты развития коммуникативной ситуации, контролировать эмоциональный настрой партнера, доминировать при общении и удерживать инициативу, вести доброжелательный диалог, высказывать свое мнение, пожелания и предложения. В ходе беседы необходимо применение невербальных средств общения, таких как паузы, интонация, дыхание, дикция, темп, громкость, жесты, мимика и другие. Не менее важным являются психологические умения самонастройки и саморегулирования сотрудника, который может преодолевать психологические барьеры в общении, эмоционально настраиваться на ситуацию, психологически «пристраиваться» к партнеру по общению.

Вышеперечисленные теоретические знания имеют огромное значение в практической деятельности. Большую часть в жизнедеятельности человека занимает взаимодействие и общение, от их успешности во многом зависит настроение, эмоциональное состояние и даже здоровье человека [4]. Деятельность сотрудников органов внутренних дел требует постоянного волевого напряжения, преодоления опасных ситуаций, активной умственной деятельности и высокого чувства ответственности. Находясь в состоянии эмоционального напряжения, стресса и нехватки времени применение психологических знаний поможет снять тревогу, неуверенность, сомнения, значительно облегчит и исключит появление нервно-психическое напряжение, поможет вернуться к спокойному состоянию, принять взвешенных решений, сохранять самообладание в условиях, отклоняющихся от привычных. Развитые коммуникативные умения у высококвалифицированного специалиста предполагают не только умение найти «контакт», но и сам сотрудник должен быть личность с высоким интеллектом, эрудицией, сильными волевыми качествами, харизмой и умением привлечь и заинтересовать собеседника. Имея запас психологических знаний, сотруднику удастся глубже понимать мотивы совершения преступления, что является основой для установления первоначального психологического контакта, поможет воздействовать на личность, направлять беседу в нужном направлении и получить оперативно-значимую информацию. Оперативно-розыскная психология призвана исследовать специальные проблемы, вырабатывать практические предложения и рекомендации для совершенствования оперативно-розыскной деятельности. Оперативно-

розыскная психология должна не только идти в русле оперативно-розыскной деятельности, решать прикладные задачи, обеспечивать ее, но и активно влиять на содержание, видоизменять ее по мере изучения объективных психологических закономерностей. Эти изменения будут отражаться в нормативно-правовом регулировании оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, знание психологических особенностей правонарушителя и причин совершения преступления имеет огромное значение для совершенствования оперативно-розыскной деятельности и расследования преступления. Актуальность темы также обусловлена повышенными нагрузками, необходимостью быстрого реагирования на изменяющуюся оперативную обстановку и принятия при этом взвешенных решений. Применяя психологические знания, сотрудник легче сможет преодолевать коммуникативные барьеры, грамотно выстраивать отношения с интересующими людьми, познавать объективную действительность и правильно ее оценивать. Имея запас таких знаний, повышается эффективности в деятельности органов внутренних дел в целом, исключается излишняя эмоциональная напряженность у сотрудников, которые постоянно общаются с лицами, непосредственно связанными с преступным миром. Только постоянная практика в сочетании с навыками профессионального поведения в конфликтных ситуациях позволит сотруднику грамотно вести диалог и эффективно выполнять поставленные служебные задачи.

Список литературы

1. Щеголева Т. В. Групповые нормы и ценности как факторы регуляции служебного поведения сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. …. канд. псих. наук : 19.00.05. М., 2020. С. 3–5.

2. Реутова В. И. Психологическая диагностика в прогнозировании профессиональной успешности руководителей органов внутренних дел: автореф. дис. … канд. псих. наук : 19.00.06. М., 2020. С. 12–14.

3. Балашова В. А., Котова А. А. Психологические индикаторы профессионального поведения сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 5. С. 292–300.

4. Психологические особенности представления о смысле жизни осужденными и особенности его формирования / [И. Б. Лебедев и др.] // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 326–332.

Лаврова М. С.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Л. Н. Костина****,*
начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя доктор психологических наук, доцент

ТРЕНИНГ САМОРЕГУЛЯЦИИ КАК СРЕДСТВО ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ ПСИХОЛОГОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В последние годы проблема выгорания специалистов «помогающих» профессий (психологов, менеджеров, социальных педагогов и пр.) становится одной из актуальных, поскольку они ежедневно сталкиваются с нестандартными ситуациями, требующими не только включенности и сопереживания, но и умения принимать оптимальные решения, от которых зависит дальнейшая жизнь человека. Как следствие, растет психическое и эмоциональное напряжение, оказывающее отрицательное воздействие на личность самого субъекта труда и его межличностные отношения. Очевидно, что все это может привести к снижению адаптивных функций человека, вызвать тревогу и утомление, изменить отношение специалиста к себе и результатам своего труда, то есть к формированию профессионального выгорания [6, с. 87]. В этой связи актуализируется роль тренинга саморегуляции, как одного из эффективных методов профилактики профессионального выгорания.

Психологический тренинг как метод имеет достаточно длительную историю, ведь об эффектах группового воздействия знали еще в древности. «Безумен тот, кто, не умея управлять собой, хочет управлять другими», - говорил древнеримский поэт Публий Сир. Но интерес к групповому влиянию возрастает лишь во второй половине XIX века благодаря деятельности врачей-психотерапевтов. Значительный вклад в изучение групповых методов привнесли такие психологи как А. Адлер, К. Левин, Дж. Морено, Ф. Перлз, В. Райх, К. Роджерс и др. Так, взгляды К. Левина лежат у истоков концепции «лабораторного тренинга», а бихевиоризм послужил основой для тренинга, ориентированного на поведенческие модели обучения [1, 2]. Проблема психологического тренинга в отечественной психологии имеет глубокие традиции. Элементы тренинговых методов использовались в нашей стране еще в 1920–30-е гг. как методы профессионального психологического отбора. В настоящее время изучением психологического тренинга занимаются такие ученые как Ю. Н. Емельянов, В. П. Захаров, С. И. Макшанов, Л. А. Петровская, Б. Д. Парыгин, Е. В. Сидоренко, А. П. Ситников, Н. Ю. Хрящевая и др. В деятельности органов внутренних дел разработкой данной проблемы с учетом специфики труда занимаются Н. В. Аникеева (тренинг развития

[1] © Лаврова М. С., 2021.

волевой регуляции сотрудников органов внутренних дел), Е. М. Гончарова (психологический тренинг развития профессионально-важных качеств сотрудника органов внутренних дел), О. В. Евтихов (тренинг формирования профессиональной компетентности курсантов образовательных организаций МВД России), И. В. Усачева (тренинг по формированию эмпатии) и др. [8].

В современной трактовке психологический тренинг представляет одну из областей практической психологии, использующую активные методы групповой психологической работы с целью развития разнообразных компетенций. Специалист по тренингам Ю. Н. Емельянов утверждает, что психологический тренинг – это особый метод развития способностей к овладению каким-либо видом деятельности, например, общением [3]. Специалист в области нейролингвистического программирования А. П. Ситников в целом солидарен с мнением Емельянова, добавляя лишь то, что психологический тренинг сочетает в себе как учебную, так и игровую деятельность, которые реализуются в условиях моделирования ситуаций [7].

В данный момент времени в зависимости от конкретных задач существует большое количество разновидностей тренинга: коммуникативной компетентности, сензитивности, делового и профессионального общения, ведения переговоров, личностного роста, саморегуляции, уверенности в себе, разрешения конфликтов и др. [4].

В процессе выгорания психолога органов внутренних дел, в первую очередь, страдает психоэмоциональная сфера, поэтому в рамках профилактики профессионального выгорания наиболее оптимально использовать тренинг саморегуляции, который служит средством предотвращения перенапряжения, восстановления сил, нормализации эмоционального фона, а также мобилизации ресурсов организма. Целью такого тренинга является формирование условий для овладения навыками и умениями, направленными на укрепление психического здоровья, осознания имеющихся сложностей, установления внутреннего равновесия и активизации внутренних (личностных) ресурсов [5].

Как и любой другой вид тренинг саморегуляции состоит из нескольких этапов или блоков, сменяющих друг друга: введение и знакомство – обеспечение работоспособности, формирование мотивации; информационный – сообщение определенных теоретических знаний о сущности тренинга, его целях, задачах и формах проведения; обучающий – формирование базовых навыков саморегуляции; личностный – индивидуализация полученных навыков; завершающий – подведение итогов. Каждое занятие структурировано и имеет своей целью активизацию участников, создание доброжелательной обстановки, снятие барьеров общения, формирование базовых навыков саморегуляции на различных уровнях, исследование личностных ресурсов, снятие психоэмоционального напряжения, а также рефлексию (обратная связь) [5].

По данным проведенного нами анкетирования психологов подразделений МВД России в количестве 25 человек из 20 субъектов Российской Федерации (г. Москва и Московская область, Тульская область, Брянская область, Ставропольский край, Республика Крым, Республика Татарстан и др.) было установлено, что 93 % респондентов считают использование тренинга саморегуляции

или его элементов эффективным методом профилактики профессионального выгорания. Также установлено, что 62 % психологов в своей профессиональной деятельности используют данный метод, эффективность которого доказана на протяжении длительного времени.

Таким образом, правильно проводимый тренинг саморегуляции нацелен на активизацию личностных ресурсов и самовосстановление личности, является эффективным методом профилактики постоянно развивающегося процесса профессионального выгорания, стабилизации профессиональной деятельности психологов органов внутренних дел. Но наряду с ним существуют и другие приемы и методы, например, ведение психологического дневника, дыхательные техники, аутогенная тренировка, супервизия и др., которые в комплексе с элементами тренинга саморегуляции будут включены нами в программу профилактики профессионального выгорания в рамках диссертационного исследования.

Список литературы

1. Беме К. Из опыта социально-психологического тренинга в ГДР // Актуальные проблемы современной психологии / под ред. Г. М. Андреева, А. А. Бодалева. М. : Московский университет, 1983. С. 183–185.

2. Вачков И. В., Дерябо С. Д. Окна в мир тренинга / под ред. С. Д. Жанр. СПб. : Речь, 2004. 272 с.

3. Емельянов Ю. Н. Активное социально-психологическое обучение. Ленинград : Ленинградский университет, 1986. 168 с.

4. Захаров В. П., Хрящева Н. Ю. Социально-психологической тренинг : учебное пособие. Л. : ЛГУ, 1989. 56 с.

5. Захарова Г.И. Теория и методика психологического тренинга : учебное пособие. Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2008. 44 с.

6. Серегина, А. Д. Проблема синдрома эмоционального выгорания в современном обществе / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой // Психология в России и за рубежом : материалы международной заочной научной конференции (г. Санкт-Петербург, октябрь 2011 г.) СПб. : Реноме, 2011. С. 87–89.

7. Ситников А. П. Акмеологический тренинг: теория, методика, психотехнологии. М. : РАГС, 1996. 428 с.

8. Тренинги в профессиональной подготовке и деятельности психологов органов внутренних дел : учебно-практическое пособие / под ред. Л. Н. Костиной. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 324.

Левчук Г. А.[1]***,***
курсант 882 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского Университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***С. Ю. Михайлова,***
преподаватель кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО УЛУЧШЕНИЮ УРОВНЯ КРЕАТИВНОСТИ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ В ПРОЦЕССЕ ИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Воображение сотрудников и курсантов в процессе становления в профессии может претерпевать изменения в связи со спецификой деятельности и влиянием факторов окружающей среды (специфики выполнения служебных обязанностей), в связи с чем выявление срезов роли креативности у курсантов высшего учебного заведения Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя значима.

Креативность рассматривается учеными с разных сторон. Каждый из них приводит определение данному понятию в зависимости от того, что является в центре внимания: креативность личности, креативный продукт или процесс. К примеру – Б. Г. Ананьин определял креативность как «способности индивида создавать новые понятия и формировать новые навыки» [1, с. 230].

Необходимо отметить, что креативность может существовать как отдельный компонент, так и иметь вспомогательные факторы. Ими выступают воображение и мировоззрение. С помощью вышеуказанных факторов креативные процессы у человека развиваются еще лучше. Это помогает ему в продуктивном выполнении профессиональных задач, которые стоят перед ним.

В данный момент эффективная работа полицейского не обходится без креативного мышления, правильно подобранного пути решения, выстраивания логических цепочек, гибкости выбора поведенческих тактик. Все это помогает психологу и руководителю подразделения выстраивать «мотивационные допинги» роста креативного мышление сотрудника, которое необходимо развивать на этапе вузовского обучения.

Мышление является одной из важнейших составляющих креативности. С первых дней обучения «новоиспеченные» курсанты могут развивать свои профессиональные качества не только на лекционных и семинарских занятиях, но и с помощью практико-ориентированного творчества и научно-исследовательской деятельности.

На базе специализированных классов УНК ПСД Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя в течение двух лет проводилось исследование среди курсантов первого и третьего курсов обучения. Всего в исследовании при-

[1] © Левчук Г. А., 2021.

няли участие 59 респондентов, из них 41 – девушки, 18 – юноши. Среди респондентов 1 курса, общее количество которых составило 31 человек, 24 – девушки, 7 – юноши. Среди 3 курса обучающихся общее количество респондентов составило 27 человек, из них 19 – девушки, 7 – юноши. Это исследование предполагает, что применение диагностических методик для саморефлексии своего потенциала и фокус-ориентированная модульно-блочная тренинговая программа арт-терапии очищает «пространство творческого мышления» с помощью раскрытия искусства стратегировать ситуации через понимания своего поведенческого профиля, что поможет курсантам и слушателям уменьшить стресс, а также повысить их уровень восприятия и адаптации.

Для того, чтобы понять, какое мышление присуще курсантам на первом, втором и третьих курсах обучения и определить четыре особенности их творческой личности, им необходимо было пройти субтест «Эскизы» и опросник «Диагностика личностной креативности» (ДЛК) Е.Е. Туник [2, с. 59–64] в процессе модульно-тренинговых занятий по выявлению профессионально-важных качеств и пониманию осознанно стратегировать свою модель поведения в неординарных ситуациях при выполнении служебных обязанностей.

Следует также отметить, что психолог решает ряд задач, в том числе и диагностических, стоящих перед ним во время тренингов с использованием кейсов на креативность и целью указанного опросника является определение четырех особенностей (направлений) творческой личности, а именно:

– любознательность (Л);

– воображение (В);

– сложность (С);

– склонность к риску (Р, актуальная шкала для профессий военизированных вузов).

При помощи данного опросника, проводимого в начале и в конце блока тренинговых занятий (тренировок для закрепления выработанных навыков), можно было выяснить уровень креативности курсантского состава и определить, насколько сам курсант считает себя творческой личностью на разных курсах обучения. При обработке данных обычно психологом используется шаблон, который можно накладывать на лист ответов или же происходит сопоставление ответов и их перепроверка, которые дал испытуемый, с ключом в обычной форме.

В данном случае определение каждого из факторов креативности личности, которые представлены, производиться на основе положительных и отрицательных ответов, которые оцениваются в +2 балла. Также испытуемый может дать ответ в форме «может быть», они совпадают с ключом, который оценивается в +1 балл. Существуют также ответы «не знаю» или «не могу решить». Они оцениваются в – 1 балл. Из 50 пунктов, которые представлены в тесте, 12 утверждений относятся к любознательности, 12 – к воображению, 13 – к способности идти на риск, 13 – к фактору сложности. При условии, что все ответы будут совпадать с ключом, то суммарный ответ испытуемого может быть равен 100, также должен выполняться условие, если пункты «не знаю» не будут отмечены.

Если же испытуемый ответит на вопросы в форме «может быть» («отчасти верно»), то его оценка может в общей суме набрать 50 баллов, также при выполнении данного условия должен быть соблюден фактор того, что не будут даны ответы «не знаю» или «не могу решить».

Конечная оценка определяется путем суммирования всех ответов испытуемого. Они также должны совпадать с ключом. Необходимо учитывать при высчитывании общего результата ответы «может быть» (+1) и вычитания из этой суммы ответы «не могу решить» (–1). Можно сделать вывод о том, что, чем выше будет так называемая «сырая» оценка человека, который испытывает по отношению к себе позитивные чувства, тем более творческой личностью, который обладает любознательностью, хорошем воображением и способностью пойти на риск и разобраться в трудных проблемах. Все вышеперечисленные личностные факторы имеют связь с творческими способностями, которые влияют на креативные способности человека.

По данному опроснику можно получить оценки как по каждому фактору в отдельности, так и суммарную оценку. Оценки по определенному фактору способствуют выявлению индивидуальных способностей личности, которые помогут определить, как он сможет справиться с трудными задачами или же оценить обстановку. При высчитывании общей оценки, кажется общий результат личности в сфере его креативных способностей.

Среди курсантов первых курсов результаты получились следующие: показатели «ниже 50» были выявлены у 8 курсантов, что составило 26 % от общего числа; средний показатель, то есть «до 70» было выявлено у 16 курсантов, что составило 55 % от общего числа; показатель «свыше 70» был получен у 6 курсантов. От общего числа это 19 %.

Если рассматривать результаты среди курсантов третьих курсов, то они следующие: показатели «ниже 50» были выявлены у 9 курсантов, что составило 40 % от общего числа; средний уровень (до 70) креативности был проявлен у 11 курсантов, что составило 45 %; свыше 70 – высокий уровень развития креативности был выявлен всего лишь у 4 человек, от общего числа курсантов это составило 15 %.

Таким образом, можно сделать вывод, что уровень креативности как у курсантов первых, так и у курсантов третьих курсов развит на среднем уровне, что дает основание в дальнейшем сделать упор на проработку с ними кейсов по повышению развития креативности мышления. Если рассматривать курсантов первого года обучения, то показатели «свыше 70» у них показало большее количество, чем у представителей третьего курса.

В целом, как показывают срезы исследования в процессе блочно-модульных тренингов, креативность на первых и третьих курсах развита не в полной мере. При опросе результаты показали, что курсанты первого курса отвечали, «что еще не в полной мере привыкли к условиям обучения, а еще важный фактор в этом сыграла пандемия».

Также при подсчете результатов необходимо учитывать тот факт, что факторы, которые необычны для других студентов образовательных вузов России в процессе их обучения, такие как выполнение служебных обязанностей, влияют

на развитие креативности у курсантов военизированных вузов за счет умения творчески подходить к решению проблем мобилизовать свою деятельность. В связи с чем у курсантов зачастую все основные процессы, которые помогают развиваться личности иногда смещаются на второй план.

Большому количеству курсантов при развитии креативности помогают педагогики. На занятиях с ними проводятся тренинги, которые направлены на различные сферы деятельности и взаимодействия курсантов.

Можно отметить, что проведение данного комплекса мероприятий помогает в улучшении психического и эмоционального состояний курсантов, повышает их креативность и гибкость мышления. Такого рода занятия с использованием симбиоза кейсов, направленных на решения служебных задач и «Юнгинианской песочницы», содействуют снижению психоэмоциональных тревог курсантов первого года обучения, позволяют повысить уровень психологической комфортности по проработки своих тревог, морально тонизируют обследуемых курсантов при работе малыми группами, мотивируют к познавательной активности на вторых и третьих годах обучения.

Для сохранения продолжительного эффекта, необходимо, чтобы занятия шли регулярными циклами, с добавление, по мере необходимости, арт-терапевтических заданий с целями, которые позволяют решить определенный вопрос, так как арт-терапия многогранна, и, по мимо снижения стресса она также помогает разрешать конфликты (не важно внутри- или же межличностные), искать и накапливать внутренние ресурсы организма и другое. Улучшение психического состояния возможно только если соблюдаются вышеперечисленные условия.

Модульно-блочные тренинговые программы, проводимые на первых и третьих курсах, которые включают кейсы на умение творчески нешаблонно, но при этом в рамках правового поля, расписать решение заложенной в кейсе проблемы, способствуют улучшению креативности.

Список литературы

1. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды В 2-х т. / под ред. А. А. Бодалёва. М. : Педагогика, 1980. 230 с.

2. Михайлова С. Ю., Мирзахмедов Д. Ш. Целенаправленное воздействие на ценностные ориентации курсанта как один из факторов личностной надежности на ранних стадиях обучения // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы двадцать первой Всероссийской научно-методической конференции, 2016.

3. Лебедев И. Б. Психологические особенности формирования убеждения у курсантов высших военных командно-инженерных училищ // Сборник докладов научно-практической конференции. М. : ВПА имени В.И. Ленина, 1991.

4. Костина Л. Н. Психология в деятельности сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие: в 2 ч. Орел : Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2011.

Мельник-Веденеев Я. Р.[1]***,***
курсант 801 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Л. О. Евраев,***
доцент кафедры огневой подготовки
учебно-научного комплекса специальной подготовки
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЕ ТРЕВОЖНОСТИ, ФРУСТРАЦИИ И ДЕПРЕССИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ НЕДАВНО ПРИНЯТЫХ НА СЛУЖБУ

Служба в органах внутренних дел в первые годы пребывания на ней связана с необходимостью постоянно работать в режиме большого напряжения и самоотдачи. Данная профессиональная деятельность занимает большую часть свободного времени сотрудников. Сотрудники в процессе своей деятельности контактируют с криминальным контингентом, что увеличивает психологические и эмоциональные нагрузки.

Психические состояния сотрудников органов внутренних дел, недавно принятых в ряды правоохранительной системы, могут влиять на их профессиональную деятельность. Деятельность сотрудников органов внутренних дел зависит от психических состояний фрустрации, депрессии, тревожности. Психические состояния фрустрации, депрессии, тревожности у сотрудников органов внутренних дел имеют существенные особенности, что повышает психическую готовность к деятельности и ее длительность.

В своей повседневной жизни сотрудник первого года службы не только познает действительность, но и имеет к ней какое-то определенное отношение. Все то с чем он сталкивается, вызывает у человека отношение, одно вызывает симпатию, радует его, а что-то его может огорчать и даже вызывать огорчение. Психическое состояние, это существующая в течение времени система проявления психических компонентов, которые могут проявляться с разной скоростью и интенсивностью. Оно всегда связанно с внешними обстоятельствами, состоянием здоровья, а также выполняемой человеком деятельностью. Благодаря психическому состоянию сотрудник способен успешно адаптироваться к определенной ситуации.

Психические состояния всегда причинно обусловлены, так как они напрямую зависят не только от совокупности условий внешней среды, влияющие на сотрудника, но и от его личных особенностей.

Структура психического состояния может изменяться в процессе функционировании. Существует большое количество определений психического состояния, которые дополнялись в процессе большого исторического промежутка времени. В рамках данной статьи мы будем понимать психическое состояние как сложное

[1] © Мельник-Веденеев Я. Р., 2021.

многообразное, относительно устойчивое, но сменяющееся психическое явление, которое дает целостную характеристику психики, за определенный период времени, повышающее или понижающее активность и успешность жизнедеятельности индивида в конкретной ситуации. На основе данного определения мы можем рассмотреть структуры психического состояния и выделить его основные характеристики.

К основным детерминантам психического состояния относят: потребности, стремления человека и его желания; его возможности, которые уже проявились и скрытые потенциалы; условия окружающей среды.

После рассмотрения структуры психического состояния целесообразно перейти к рассмотрению основных характеристик состояния.

Характеристика состояния определяется соотношением потребностей, желаний, стремлений, возможностей, способностей и условий среды. Не стоит забывать о том, что все психические состояния непрерывны. Между двумя разными состояниями нет резких разрывов, так как одно психическое состояние плавно перетекает в другое.

По доминированию психических процессов в психических состояниях по К.К. Платонову делятся на:

1. Гностические психические состояния. К данным состояниям можно отнести – любопытство, любознательность, изумление, сомнение, заинтересованность, сосредоточенность и т. п.

2. Эмоциональные психические состояния. К данной группе состояний можно отнести: грусть, огорчение, недоумение, угнетенность, влечение, страсть, аффект, подавленность и т. п.

3. Волевые психические состояния, к которым можно отнести: решительность и нерешительность, уверенность и неуверенность, рассеянность, спокойствие, активность, пассивность и т. п.

Все эти психические состояния соответствуют трем психическим процессам, в этом и проявляется одна из значимых закономерностей психологии.

Рассматривая деятельность сотрудников органов внутренних дел, мы выделили и охарактеризовали следующие психические состояния, которые существенным образом влияют на готовность к длительной работе, такие как: фрустрация, тревожность и депрессия. Психические состояния фрустрации, депрессии, тревожности у сотрудников подразделения специального назначения имеют существенные особенности, что повышает психическую готовность к деятельности и ее длительность.

Нами был проведен теоретический анализ литературы, в ходе которого мы убедились в том, что существует большое количество определений психического состояния, которые дополнялись в процессе большого исторического промежутка времени. В рамках данной работы мы определили психическое состояние как сложное, но сменяющееся психическое явление, которое дает целостную характеристику психики, за определенный период времени, повышающее или понижающее активность и успешность жизнедеятельности индивида в конкретной ситуации. На основе данного определения мы рассмотрели структуры психиче-

ского состояния, и выделить его основные характеристики. К основным характеристикам мы отнесли: эмоциональные, активационные, тонические, тензионные, временные и полярность.

Психические состояния, как уже рассматривалось, характеризуется многоуровневостью и многокомпонентностью, что говорит о них как о системных явлениях. Они занимают как бы промежуточное значение между психическими процессам и психическими свойствами, так как границы психических состояний относительно размыты. Так же существует еще одна причина трудностей диагностики психических состояний, которая заключается в слабой разработанности психодиагностического инструментария.

Существует три основные группы методов, которые оценивают психические состояния сотрудника: субъективно-оценочные (изучают осознанные компоненты психического состояния); методы, которые направлены на изучение неосознаваемых психических состояний; методы, которые направлены на изучение поведенческого компонента психических состояний.

В своей профессиональной деятельности сотрудник ОВД сталкивается с различными экстремальными ситуациями, которые требует своевременного и правильного принятия определенного решения, совершенно очевидно, что в таких ситуациях наибольшее влияние на принятие каких-либо решений оказывают психические состояния сотрудника в данной ситуации. Для достижения поставленной цели психологами подразделений предусматривается решение следующих задач: изучать проблему психических состояний и обосновать категорию психических состояний; выявлять критерии психических состояний фрустрации, депрессии, тревожности и сформировать батарею диагностических методик.

Исходя из этого сотруднику необходимо следовать определенным рекомендациям психолога, чтобы корректировать свои негативные психические состояния. Получая рекомендации, сотруднику нужно учесть то, что это всего лишь рекомендации и они не могут полностью гарантировать полное избавление от негативных психических состояний, соблюдая эти рекомендации, сотруднику следует соблюдать их, иначе негативные психические состояния могу перерасти в нечто более плохое, то есть в патологию.

Для актуализации, профилактики и коррекции негативных психических состояний и укрепления психологического здоровья следует проводить тренинговые и иные мероприятия психологического профиля.

Занятия проводятся в соответствии с Руководством по организации психологической подготовки в ОВД. Объем занятий в год составляет 38 часов и включают такие мероприятия как: тренинги, направленные на проработку отрицательных психических состояний (напряжение, тревога, фрустрация, аффект, стресс), которые рассматриваются в психологии как эмоционально-волевые реакции; коррекция карьерного роста сотрудника ОВД (зависит от нескольких факторов: различные экстремальные ситуации - успешное реагирование в этих ситуациях - хороший итог - поощрения со стороны руководства и, в конечном итоге, карьерный рост, поэтому, так как отрицательные психические состояния имеют существенную роль в этом, с ними нужно бороться).

Говоря в данной статье о психических состояниях, мы понимали его как существующую в течение времени систему проявления определенных психических компонентов, которые проявляются с разной интенсивностью и скоростью. Именно благодаря психическому состоянию, сотрудник способен к успешной адаптации в какой-либо ситуации. Способность к адаптации устанавливает соответствие между ресурсами и актуальными для сотрудника потребностями, которые необходимы для его существования. Так же психическое состояние выполняет регулятивную функция и интегративную, которая обеспечивает совокупность психических процессов и свойств целостно.

Так как психические стояния (фрустрация, тревожность, депрессия, готовность к длительной работе) изучены не в полной мере, это ограничивает возможности их диагностики, прогноза их развития, устойчивости и изменчивости, а также затрудняет проследить влияния состояний на деятельность, поведения и взаимоотношения.

Для того что бы повысить готовность к длительной работе у сотрудников первого года службы психологами вверенных им подразделений должны быть разработаны рекомендации, которые помогут организовать деятельность каждого сотрудника и создать условия, повышающие эффективность деятельности.

Список литературы

1. Адаев А. И. Оценка и прогноз психологической готовности курсантов ведомственных учреждений МВД к деятельности в экстремальных ситуациях. СПб., 2004. 120 с.

2. Варданян Б. Х. Механизмы саморегуляции эмоциональной устойчивости // Категории, принципы и методы психологии. Психологические процессы. М., 1983.

3. Катунин А. П. Стрессоустойчивость как психологический феномен / А. П. Катунин // Молодой ученый. 2012. С. 243–246.

4. Лебедев И. Б., Михайлова С. Ю. Социально-психологический тренинг в деятельности правоохранительных органов: теоретические и прикладные аспекты: учебное пособие. М., 2013.

5. Слесарева Е. А. Профессионально-значимые качества личности инспекторов ДПС ГИБДД // Вестник ГУУ. 2011. № 19. С. 254–258.

6. Федотов А. Ю. Системно-ситуативный подход в профессиональной подготовке сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 3–7.

7. Федотов С. Н. Психологические основы формирования профессиональной пригодности сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.03. Тверь, 2001. 46 с.

Милюкова Ю. Д.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***С. Н. Федотов****,*
начальник учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук, профессор

СПЕЦИФИКА РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ К НЕГАТИВНЫМ ФАКТОРАМ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Служба в органах внутренних дел неизбежно сопровождается физическими и психологическими нагрузками. Высокоинтенсивный ритм служебной деятельности, отсутствие навыков восстановления после длительных нагрузок, повышенный уровень ответственности за выполнение оперативно-служебных задач и за их результаты, необходимость быстро и правильно принимать решения в различных условиях, угроза жизни и здоровью – все это предъявляет повышенные требования к личности сотрудника органов внутренних дел.

Грамотность действий сотрудников полиции в разных ситуациях, позволяющая успешно решать оперативно-служебные вопросы, во многом определяется его индивидуально-психологическими особенностями: интеллектуальной, эмоционально-психологической и мотивационной сферами, адаптационным потенциалом, коммуникативной компетентностью и др.

В нашем исследовании особый интерес представляет эмоционально-психологическая сфера личности сотрудника, в частности наличие психологической устойчивости к негативным факторам служебной деятельности молодых специалистов ОВД.

Изучению психологической устойчивости посвящены труды отечественных ученых (Л. И. Божович, Л. М. Аболин, Б. С. Басаров, В. Э. Чудновский, В. В. Варваров, М. Ф. Секач и др.).

Так, по мнению Л. И. Божович, «устойчивость личности – это уровень сформированности личности, на котором человек приобретает способность сохранять в различных условиях свои личностные позиции, обладать определенным иммунитетом по отношению к внешним воздействиям – чуждым ему личностным установкам, взглядам и убеждениям» [3].

В свою очередь, Л. М. Аболин считает, что «эмоциональная устойчивость – системное качество, приобретаемое человеком и проявляющееся у него в напряженной деятельности в единстве рациональных, эмоциональных и телесных компонентов» [1].

В.В. Варваров писал, что «Психологическая устойчивость – это способность противостоять негативному влиянию напряженности на поведение и действие человека» [4]. Схожее мнение можно встретить и в трудах М.Ф. Секача, где психологическую устойчивость он определял как «способность предвидеть и

[1] © Милюкова Ю. Д., 2021.

предотвращать неприятные события жизни, а в случае их возникновения, без существенных потерь выходить из них» [5].

Анализируя мнения указанных авторов, мы формулируем свое определение понятию психологической устойчивости, под которым понимаем интегрированную личностную характеристику, позволяющую индивиду выполнять профессиональные задачи в любых условиях жизнедеятельности, что обусловлено способностью принимать решения, адекватные жизненной ситуации.

В начале нашего исследования мы пришли к выводу, что служебная деятельность предъявляет особые требования к личности полицейского. В свою очередь, психологическая устойчивость является важным компонентом профессиональной пригодности сотрудников полиции к служебной деятельности, особенно для вновь пришедших молодых специалистов.

Психологическая устойчивость сотрудников включает в себя некоторый набор качеств, развитие которых способствует преодолению негативным факторам служебной деятельности. Отразим их в схеме :

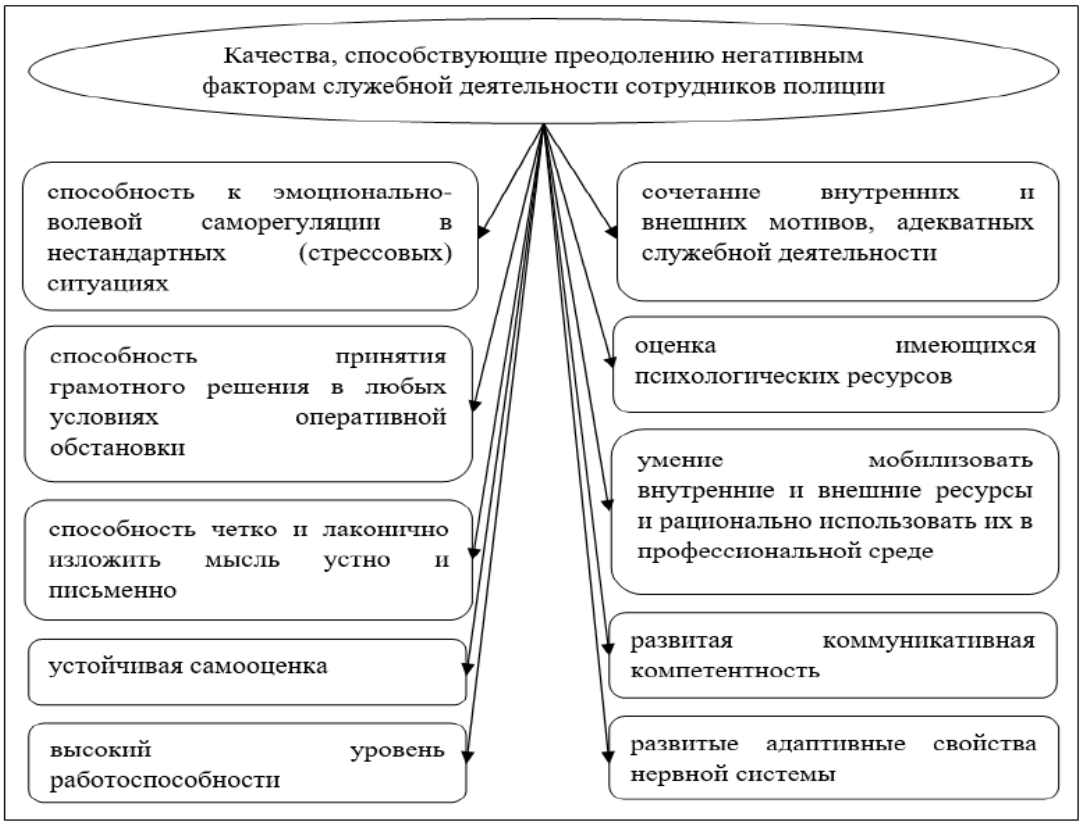

Рис. 1. Качества, способствующие преодолению и противодействию негативным факторам служебной деятельности сотрудников полиции

Можно сделать вывод, что наличие у сотрудников полиции вышеуказанных качеств, а также их развитие способствует успешному и эффективному преодолению как повседневных трудностей жизнедеятельности, так и конкретных негативных факторов служебной деятельности.

В этой связи необходимо выделить ряд факторов, которые в первую очередь влияют на эмоциональную, психологическую, мотивационную, волевую и интеллектуальную сферу всех категорий сотрудников, а также на адаптацию и успешность служебной деятельности молодых специалистов (рис. 2).

Рис. 2. Категории факторов, влияющие на все сферы личности молодых специалистов

Таким образом, мы можем сделать вывод, что, поступив на службу в органы внутренних дел, молодые специалисты сталкиваются с множеством различных факторов, которые напрямую отражаются на их эмоционально-психологическом состоянии.

Чтобы не допускать массовых увольнений молодых специалистов, сотрудникам отдела психологической работы необходимо регулярно проводить занятия по развитию и повышению уровня психологической устойчивости. Для этого мы разработали программу профессионально-личностного развития молодых специалистов, направленную на развитие способностей к преодолению трудных ситуаций и негативных факторов служебной деятельности и формирование навыков оказания психологической помощи самому себе, а также окружающим людям (коллегам по службе, гражданам).

Подводя итоги нашему исследованию, мы делаем несколько выводов:

1. Психологическая устойчивость как интегрированная личностная характеристика, позволяющая индивиду выполнять профессиональные задачи в любых условиях жизнедеятельности, и как следствие, способствует принятию решений,

адекватных жизненной ситуации – это одна из наиболее важных характеристик личности молодого сотрудника, поскольку именно в первые годы службы в органах внутренних дел он сталкивается с множеством профессиональных трудностей и различными негативными факторами служебной деятельности.

2. Разработанная программа профессионально-личностного развития молодых специалистов способствует развитию способностей к преодолению трудных ситуаций и негативных факторов служебной деятельности.

3. Высокий уровень психологической устойчивости в различных условиях службы в органах внутренних дел определяет успешность и эффективность работы молодых специалистов.

Список литературы

1. Аболин Л. М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека : монография. Казань : Издательство Казанского университета, 1987. 264 с.

2. Басаров Б. С. Проблемы психологической устойчивости личности. Ашхабад : Ылым, 1981.

3. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М. : Просвещение, 1968. 464 с.

4. Варваров, В. В. Об оценке психологической устойчивости // Военный вестник. 1982. № 1. С. 52–57.

5. Рогачева Т. В., Залевский Г. В., Левицкая Т. Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний : учебное пособие. Томск : Томский государственный университет, 2015. 276 с.

6. Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности : Психологическое исследование. М. : Педагогика, 1981. 208 с.

Михайлова С. Ю.[1]*,*
преподаватель кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СПЕЦИФИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ПО ПРОБЛЕМЕ ЛИЧНОСТНОГО РОСТА НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ СОПРОВОЖДЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Одним из важнейших и актуальных вопросов на современном этапе развития психологии и других наук, предметом которых является человек, является проблема личностного роста. О понятии «личностного роста» можно говорить, как о широком понятии, которое касается различных сторон жизнедеятельности человека и охватывает на протяжении долгих лет осознанную жизнь и успешную профессионализацию личности, чем обуславливало актуальность изучения данного понятия. Личностный рост сотрудника включает в себя развитие личности и ее динамичные процессы проходящие в процессе принятия себя в той деятельности, которую человек для себя выбрал.

Как и многие другие научные дисциплины и формы деятельности, психологическое консультирование в системе МВД сформировалось в связи с социальным запросом, то есть по мере необходимости появления именно такого рода деятельности для сопровождения личного состава вверенных психологу подразделений. Психологическое консультирование, в процессе сопровождения личного состава, может способствовать ускоренному процессу увеличения личностного потенциала сотрудников и способствовать их личностному росту - личностный рост характеризуется позитивными изменениями в личности человека, которое ведет к укреплению и развитию уже сформированных черт, увеличивающие потенциал личности.

Рассмотрение роста личности курсантов и слушателей образовательной организации МВД России происходит через такое ключевое для данного возрастного этапа явление как саморазвитие - непрерывного процесса, в рамках которого человек приобретает способность управлять текущими событиями, формировать открытые отношения с другими людьми, последовательно защищать свои взгляды, воспринимать жизнь в осознанной реальности, отвечать за свои действия как в рамках правового поля, так и вне «стен» выполнения своих функциональных обязанностей.

Выделяют отличительные черты развитой личности, которая берет на себя ответственность за свои действия [5]:

– удовлетворяет свои нужды без ущерба для других людей;

– достигает значительного успеха в деятельности, так как она служит для них объектом самовыражения;

– демонстрирует энергию и жизнестойкость в своей повседневной жизни;

– открыта профессиональном переменам и новому жизненному опыту и др.

---

[1] © Михайлова С. Ю., 2021.

Саморазвитие – это творческое отношение индивида к самому себе, создание им самого себя в процессе активного воздействия на внешний и свой внутренний мир с целью их преобразования [5].

Анализ литературы по проблеме психологического консультирования показал, что цели данного процесса зависят от выбранного специалистом направления, в котором он будет работать – к примеру, приобретение новой формы поведения человека является основной целью бихевиорального направления, а в экзистенциальном направлении – помочь человеку осмыслить намерения и отношение к жизни и т.д.

В российской психотерапевтической практики по проблемам личностного роста выделяются работы Большакова В. Ю., Василюка Ф. Е., Романенко О. К., Цукерман Г. А. и др. [1]

В свою очередь, в работе Ф. Е. Василюка описаны различные типы кризисных ситуаций, по причине которых люди могут обращаться к консультантам по проблеме личностного роста. Причем, в его работе отмечается, что сами по себе внешние обстоятельства не определяют точные последствия в жизни человека: одни и те же обстоятельства для одних могут оказаться глубоким труднопреодолимым кризисом, а для других – лишь незначительной фрустрацией [4].

Такая значимость и неоднозначность вопроса личностного роста показывает, что и разработка программы работы с личностным ростом будет включать в себя сложную структуру и индивидуальный подход для каждого индивида, в зависимости от потребностей, целей, мотивов и восприятия себя как профессионала.

Для достижения цели консультирования Г.С. Абрамова определила, что первостепенным необходимо создать благоприятные условия для нормального, психически здорового человека, при которых он сможет формировать осознанные шаблоны поведения, которые в дальнейшем будет реализовать в реальной жизни. А. Р. – А.Б. Кочюнас, в соответствии с целью консультирования, определил, что основной задачей данного процесса является появление черт зрелой личности.

Анализ теорий и методов клинически-ориентированной и личностно-ориентированной психотерапии по проблеме формирования личностного роста показал возможность включения тренинговых техник в процесс консультирования. В связи с этим были организованны программы проведения консультирования психологами курсантов разных годов обучения с включением групповой деятельности. Вариант программы «Интенсив личностного роста» позволяет помочь курсанту (в качестве клиента) в формировании навыков принятия себя не только в процессе индивидуальной беседы с психологом, но и с помощью социально-психологических методов влияния на его личность. Программа будет включать консультативную и коррекционную работу с курсантами и слушателями в три, четыре дня и включает пять основных этапов, которые соответствуют классическому консультативному процессу: подготовительный, настроечный, диагностический, стратегический, контрольный. На диагностическом этапе можно использовать опросники направленные на разные аспекты изучения личности курсанта и слушателя (к примеру «Личностного роста» Д. В. Грогорьева,

И. В. Кулешевой, П. В. Степанова и т. д) Некоторые из этапов должны быть разделены на несколько дней, так как затраченное время на эти этапы занимает больше, чем рассчитанное на прием время (60–70 мин):

Вариант программы проведения психологического консультирования «Интенсив личностного роста» с курсантами разного года обучения

Занятия	Этапы	Характеристика	Процедуры, техники
	Подготовительный	Сбор информации о курсанте (слушателе), обратившимся к консультанту (ведется дальнейшая подготовка профиля клиента)	—
День 1	Настроечный (5–10 мин)	Знакомство с клиентом и начало беседы	Встреча клиента, приветствие, проведение клиента на место, снятие психологических барьеров
	Диагностический (40–50 мин)	Сбор информации из слов самого клиента и данных, которые он предоставляет (подготовка первичного профиля клиента)	Эмпатийное слушание, беседа, интервью, наблюдение
День 2 (1 занятия в группе с перерывами)	Диагностический (30–40 мин) Варианты методик могут варьироваться	Продолжение сбора информации об индивидуально-личностных особенностей клиента, его запросов, прояснение проблем личного или профессионального плана	Активизация ПВК клиента, опросник «Личностного роста» Д. В. Грогорьева, И. В. Кулешевой, П. В. Степанова и т. д., Тест-опросник «Индекс жизненного стиля» Келлермана-Плутчика, Опросник УСК (уровень субъективного контроля) Роттера (адаптирован Е. Ф. Бажиным, С. А. Голынкиной, А. М. Эткиндом)
(2 занятия в группе с перерывами)	Стратегический (занятия по 30–40 мин)	Оказание воздействия на клиента путем проработок осознания проблем клиента исходя из его запроса. Техники для выявления вторичных выгод у клиента	Информирование клиента, убеждение, Варианты техник: «Определение скрытого знания», «Определение центральных убеждений», «Определение жизненных ориентиров» и т. д.
День 3 (2 занятия в группе с перерывами)	Стратегический (60–70 мин, 6–12 человек)	Оказание воздействия на клиента в работе с группой	Психолог использует варианты методов позитивной психотерапии, методы арт-терапии, методы психодрамы, методы позитивной психотерапии. Обратная связь и подведение итогов
День 4	Контрольный (35–45 мин)	Обсуждение применения полученных клиентом навыков в жизни	Эмоционально-положительное стимулирование, укрепление уверенности в себе, подведение итогов консультирования

В процессе психологического консультирования по проблеме личностного роста необходимо ориентироваться на требующие развития сферы личности конкретного курсанта или слушателя, что приводит к необходимости создания психологу методического плана по работе с развитием самосознания и соответственно сопровождения осознанного восприятия курсантом себя как профессионала.

Личностный рост представляет собой стремление личности к самоактуализации, саморазвитии, что ставит вопрос о включении тренинговых программ по трансформации человеческого «Я» в консультативный процесс. Таким образом, можно говорить о том, что психологическое консультирование курсантов и слушателей образовательной организации МВД России по вопросам личностного роста, является специфической формой оказания психологической помощи, направленно на сопровождение и воздействие на те или иные составляющие самосознания сотрудника, которое может включать в себя психокоррекционные методы.

Список литературы

1. Кузовкин В. В. Психотехнический подход к активизации личностного роста в подготовке офицеров запаса : дис. … канд. психол. наук : 19.00.01. М., 2003. 239 с.

2. Малкина-Пых И. Г. Психосоматика : практикум. М., 2020. 459 с.

3. Михайлова С. Ю., Мирзахмедов Д. Ш. Целенаправленное воздействие на ценностные ориентации курсанта как один из факторов личностной надежности на ранних стадиях обучения // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии : материалы двадцать первой Всероссийской научно-методической конференции, 2016.

4. Психология личности / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея, В. В. Архангельской. М. : АСТ: Астрель, 2009. С. 433–452.

5. Тавтилова Н. Н. К проблеме личностного роста // Молодой ученый. 2012. № 10. С. 294–296.

6. Хухлаева О. В. Основы психологического консультирования и психологической коррекции : учебное пособие. М. : Академия, 2013. 208 с.

Мышенкова Ю. Ю.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА ПО ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ В РЕАЛИЗАЦИИ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Построение образовательного процесса на основе компетентностного подхода предполагает формирование у обучающихся образовательных организаций МВД России способности самостоятельно решать задачи профессионально-служебной деятельности на основе интегрированного применения полученных знаний, умений и навыков в условиях высокой степени неопределенности.

Огневая подготовка является важнейшей составляющей профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, ввиду чего, дисциплины цикла огневой подготовки преподаются на протяжении всего периода обучения в образовательной организации МВД России. В результате освоения данных дисциплин на основе компетентностного подхода выпускник должен быть готов не только к эффективному применению огнестрельного оружия, но и к самостоятельному решению проблем, возникающих в процессе стрельбы, и здесь на первый план выходит самообразование специалиста, которое является основой развития индивидуальных способностей человека. «Очевидно, что формирование устойчивых умений и навыков, необходимых для правомерного и эффективного применения оружия при осуществлении профессионально-служебной деятельности, требует значительной по объему и продолжительности тренинговой подготовки, тщательной отработки всех необходимых практических действий. Однако объем времени, отводимого учебными планами ведомственных вузов на аудиторные занятия по огневой подготовке, не позволяет проводить в достаточном объеме практические занятия, предусматривающие выполнение обучающимися комплексов тренировочных упражнений» [1, с. 261]. Компенсировать недостаток практических занятий возможно в процессе организации самостоятельной работы по огневой подготовке, в чем заключается ее главная роль и значимость для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России.

За последние 20 лет произошло существенное изменение требований к огневой подготовке. В разные периоды времени сотруднику приходилось освоить от 5 до 7 стрелковых упражнений, которые не сильно различались по своим условиям выполнения. Во всех из них стрельба велась в основном из положения стоя одной рукой на большие дистанции от 15 до 50м в течение достаточно длительного периода времени. С 1998 г. по настоящее время существенно изменились условия упражнений как по уменьшению дальности до цели (до 5–15 м), так и по значительному сокращению времени стрельбы и зоны поражения цели. Сейчас активно внедряются новые стрелковые упражнения. Из этого следует, что уме-

[1] © Мышенкова Ю. Ю., 2021.

ния и навыки обучающихся, формирующиеся в настоящее время в процессе огневой подготовки, должны быть более разнообразными и легче трансформируемыми в изменяющихся условиях. Все это приводит к тому, что формирование знаний, умений и навыков самосовершенствования огневой подготовленности курсантов и слушателей становится приоритетной задачей современного образовательного процесса, необходимого для дальнейшего осуществления выпускниками профессионально-служебной деятельности, связанной с применением оружия.

Специфика огневой подготовки состоит в том, что, с одной стороны, формирование навыков и умений эффективного применения оружия не может происходить вне контроля преподавателя, вне учебной аудитории/тира. С другой стороны, многолетние педагогические наблюдения показывают, что работа, выполняемая только под руководством преподавателя также малоэффективна, и не способствует формированию такого профессионально-значимого качества личности как самостоятельность [2]. Общий результат обучения во многом зависит от самостоятельной работы курсантов. Ошибки в технике стрельбы индивидуальны для всех курсантов, а значит, их устранение должно быть также индивидуальным. Таким образом, основной особенностью учебной дисциплины является то, что без самостоятельной работы цель обучения огневой подготовке не может быть достигнута в полной мере.

Таким образом, самостоятельная работа по огневой подготовке обучающихся образовательных организаций МВД России способствует реализации компетентностного подхода в образовании, подготовке высококвалифицированных сотрудников, способных самостоятельно выполнять профессионально-служебную деятельность, связанную с применением оружия.

Список литературы

1. Жевлакович С. С., Мышенкова Ю. Ю. Особенности формирования умений и навыков профессионально-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел в условиях, связанных с применением оружия // Вестник экономической безопасности. 2020. № 5. С. 260–269.

2. Юдакова С. В. Готовность студентов вуза к профессионально-педагогическому самообразованию : монография. Владимир : ВИТ-принт, 2018. 111 с.

Новосельская С. Р.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***В. Л. Цветков,***
начальник кафедры юридической психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор психологических наук, профессор

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗА ПРОФЕССИИ У КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ МВД РОССИИ

Служба в органах внутренних дел Российской Федерации предъявляет высокие требования к специалистам в разных сферах правоохранительной деятельности. Они заключаются не только в сформировавшемся уровне профессиональной компетентности, но и личностной готовности полицейского к ответственной и, зачастую, опасной профессиональной деятельности.

Важным моментом при рассмотрении образа профессии является определение компонентного состава данного образования. При этом представленные авторами структуры образа профессии разнообразны, но имеют между собой схожие компоненты. Ряд исследователей (И. В. Дурманова, Е. А. Климов, М. Н. Рыбникова) в структуре образа профессии выделяют следующие составляющие [3]:

1) мотивационно-ценностная (понимание и переживание значимости профессии для общества, интерес к будущим обязанностям, увлеченность и стремление к самосовершенствованию, желание выполнять свои профессиональные обязанности на высоком уровне);

2) когнитивная (глубокие системные знания в области профессиональной деятельности, а также обо всех аспектах профессии и т. д.);

3) эмоциональная (эмоции и чувства по отношению к профессии, а также способы их регуляции, удовлетворенность профессией и др.);

4) личностная (профессионально-значимые качества личности, которые оказывают влияние на формирование и развитие образа профессии, коммуникативные свойства и особенности межличностного общения).

Особое значение имеет эмоциональная сторона образа профессии, которая проявляется в субъективном отношении к профессии, требованиям и обязанностям, специфике профессиональной деятельности. Как отмечает Л. Б. Шнейдер, «онтологическую сущность идентификации составляют чувства, переживания» [2]. Эмоционально-положительное отношение курсантов образовательных организаций МВД России будет свидетельствовать о принятии и удовлетворенности полицейской службы, а также собственную принадлежность к профессиональному сообществу сотрудников органов внутренних дел. Очевидно, что

[1] © Новосельская С. Р., 2021.

отношение курсантов к профессии тесно связано с их личностными предпочтениями, особенностями эмоционального реагирования на профессиональные ситуации, межличностного взаимодействия в ходе службы, а также способов регуляции эмоциональных проявлений.

В качестве основного метода исследования было избранно анкетирование. Структура разработанной анкеты соответствует структуре образа профессии у курсантов образовательных организаций МВД России: четыре блока – блок вопросов, отражающий эмоциональное отношение к будущей профессии и проявление волевых качеств при ее изучении и овладении; второй блок вопросов был направлен на получение информации и мотивационно-ценностном аспекте образа профессии, третий блок содержал вопросы, которые касались познавательной сферы курсантов, их представления о когнитивной составляющей будущей профессиональной деятельности и, наконец, четвертый блок вопросов представлял собой выявление информации, касающейся личностных качеств курсантов, связанных с образом будущей профессии.

Анализируя данные, мы стремились установить специфику эмоциональной составляющей структуры образа профессии курсантов образовательных организаций МВД России. Исследование проводилось на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. В нем приняло участие 200 человек – курсанты первого и второго курсов.

Для исследования эмоционального компонента образа профессии курсантов образовательных организаций МВД России были предназначены следующие вопросы анкеты: «Удовлетворены ли Вы выбором будущей профессии?», «Ваше отношение к будущей профессиональной службе?».

Анализ результатов эмпирического исследования показал, 76,8 % опрашиваемых курсантов полностью удовлетворены выбором своей будущей профессии, а также выбором образовательной организации, в которой они начали свое профессиональное становление. При этом 20,6 % респондентов удовлетворены своим профессиональным выбором частично, и только 2,5 % не удовлетворены вовсе.

На вопрос анкеты «Ваше отношение к будущей профессиональной службе?» курсантам предлагалось выбрать несколько вариантов ответа. Так, 69 % обучающихся предпочитают в ходе служебной деятельности исполнять свои обязанности точно, аккуратно и добросовестно. Половина первокурсников (49 %) будут стремиться на службе в органах внутренних дел, работать с интересом, увлеченно и с полной отдачей. Выявлено, что 3 % курсантов выбрали пункт анкеты «Не слишком много брать на себя, не очень утомляться», также 13,5 % курсантов выбрали для себя не быть эмоционально включенными в профессиональную деятельность, работать нормально и не быть в числе последних.

Таким образом, эмоциональный компонент структуры образа профессии курсантов образовательных организаций МВД России характеризуется следующими особенностями:

1. На начальном этапе профессионального становления курсанты образовательных организаций МВД России удовлетворены своим выбором будущей профессиональной деятельности, но при этом существует часть курсантов совершенно не удовлетворена перспективой службы в органах внутренних дел.

2. Больше половины исследуемых курсантов ответственно и добросовестно относятся к исполнению своих служебных обязанностей, но другая часть респондентов предпочитают посредственно выполнять служебные обязанности или же еще не определились с выбором. Это может быть обусловлено начальным этапом профессионализации, а также незавершенными адаптационными процессами первокурсников.

Список литературы

1. Деркач А. А. Акмеологические основы развития профессионала. М. : Московский психолого-педагогический университет, 2004. 752 с.

2. Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность. М. : МОСУ, 2001. 272 с.

3. Цветков В. Л., Старостин С. Н. Профессиональная идентичность сотрудников ОВД и ее влияние на выбор стратегий поведения в служебных конфликтах // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 1. С. 3–14.

Овсянников Н. С.[1]*,*
курсант 881 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***С. Ю. Михайлова****,*
преподаватель кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ЗНАЧЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ЗАЩИТ В ПРОЦЕССЕ УЧЕБНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ

В процессе своего обучения все курсанты необратимо встречаются с разного рода проблемами, которые требуют разрешения, преодоления. Модели поведения обучающихся в стрессовых ситуациях определяют их стрессоустойчивость и другие волевые качества личности, и как следствие, обучаемость и успешность в деятельности и межличностных отношениях. Курсанты вузов МВД также относятся к данной категории. Более того они испытывают большее давление, так как они находятся между молотом и наковальней, а именно между такими аспектами обучения в системе МВД как служба и учеба. Поэтому им очень важно уметь справляться со стрессом, владеть копинг-стратегиями и своими эмоциями, чтобы в дальнейшем грамотно использовать их и направлять их на достижение положительных результатов в выполнении своих служебных обязанностей и эффективного исполнения своей профессиональной деятельности.

Известно, что механизмы психологической защиты у всех одинаковые, однако имеют место индивидуальные особенности, например есть люди, которые ищут выход из ситуации и решают вновь возникающие проблемы, либо уходят от трудностей, не справляясь с ними, тем не менее, используя различные сочетания механизмов защиты от психотравмирующих факторов, при этом сохраняя своеобразный комфорт. И та, и другая модели поведения в будущем переклады-ваются также и на профессиональную деятельность психологическая защита в дальнейшем легко перекладывается и на профессиональную деятельность, что уже никак не способствует развитию данной сферы общества и МВД как института государства.

Таким образом, исследование механизмов защиты в процессе учебно-служебной деятельности в образовательных организациях МВД является весьма актуальной задачей.

Уровень изученности этой проблемы в литературе освещен, однако мало хорошо отработан. Имеются только единичные изучения, приуроченные к единой проблематике психологической защиты, которую применяют учащиеся любых учебных заведений в процессе своего обучения. Как показывают исследования (Г. Х. Васильев, Н. А. Березовин), использование механизмов психологической защиты студентами происходит по большей части не из-за того, что у них слабая

[1] © Овсянников Н. С., 2021.

подготовка после школы изначально, а потому, что у них не сформированы такие личные качества как способность быть самостоятельным, адекватная самооценка, недостаточно развита познавательная деятельность и стремление к ней.

Как показывают результаты других исследований (С. М. Мадорская), психологическая защита возникает в вузе из-за того, что методы школы и методы вуза кардинально отличаются друг от друга, поэтому у учащегося возникает некий барьер.

Психологическая защита – термин, обозначающий систему механизмов преодоления личностных трудностей. Целью данного понятия является минимизация отдельных либо системных переживаний негативной направленности, как правило связанными с конфликтами, которые ставят под угрозу целостность личности как таковой, а причиной данных конфликтов могут послужить противоречивые установки и несоответствие информации из окружающей среды с уже сформированным мировоззрением, взглядами и идеалами личности человека, а именно образа мира и образа «я».

За счет работы механизмов психологической защиты, благополучия и равновесия возможно достичь лишь отчасти, так как помимо положительной стороны жизни человека, непременно присутствует и негативная, от влияния которой сознание и бессознательное стремятся избавиться. Тем не менее проблемы, а также внутренние конфликты личности, не нашедшие своего решения, приобретают хронический характер, так как человек лишает себя возможности активно влиять и оказывать воздействие на ситуацию, которое может привести к решению проблемы, с той лишь целью, чтобы устранить первоисточник отрицательных переживаний. Наиболее положительную роль психологическая защита имеет тогда, когда возникающие проблемы малозначимы и не стоят того, чтобы слишком повышать общий уровень напряженности, что в дальнейшем может привести к психическим отклонениям, как максимум, а как минимум, к нейротизму.

Основные свойства защитных механизмов:

Исходя из воззрений З. Фрейда, защитные механизмы обладают следующими свойствами:

a) проявляются на бессознательном уровне;

b) искажают восприятие;

c) являют эмоциональную сторону реакции на события;

d) могут возникать на основе боязни перехода негативных импульсов в разряд осознанных.

В результате многочисленных исследований, проведенных прежде всего в рамках клинической практики, были выделены следующая классификация механизмов психологической защиты:

I. Отказ от обработки информации –

1. Вытеснение (подавление) – это защитный механизм, вытесняющий травмирующие инстинктивные требования в виде желаний, мыслей и чувств в бессознательное, которые сразу же осознаются, но не вытекая в элементы поведения, проявляются внешне не мотивированной тревогой.

Установка: «Забудь об этом»

2. Отрицание – защитный механизм психики, суть которого заключается в сдерживании негативных эмоций, вызванных включением человека в затруднительное положение, и выполняющий функцию игнорирования всевозможных стрессирующих факторов и воздействий на психику человека при помощи инфантильной подмены принятия решения либо выполнения действий, приводящих в равновесие.

Установка: «Не замечай это»

II. Манипулирование травматической информацией –

1. Изоляция – восприятие травмирующих ситуаций и обстоятельств либо вспоминание о них без чувства тревоги, уход от напряжения в другое психическое состояние.

Установка: «Не чувствуй этого»

2. Регрессия – процесс отката к приятному прошлому, на более ранний период развития, в котором не было травмирующих факторов, с которыми уход в прошлое, на более ранний период развития, в формы реагирования, которые в прошлом сыграли положительную роль.

Установка: «Плачь об этом»

III. Искажение или преобразование травматической информации –

1. Проекция – механизм защиты, суть которого заключается во включении индивидом в свой внутренний мир воспринимаемых им от других людей взглядов, мотивов, установок и пр. переносе личных состояний, мыслей и других характеристик, в том числе ответственности за свои поступки, на окружающих.

Установка: «Обвини это»

2. Интроекция – механизм защиты, суть которого заключается во включении индивидом в свой внутренний мир воспринимаемых им от других людей взглядов, мотивов, установок и пр.

Установка: «Не знай, откуда это»

3. Перенос – механизм бессознательного перемещения ранее пережитых чувств и отношений переноса ранее пережитых чувств и эмоции с одного объекта на другой.

Установка: «Переноси эмоции на что-либо (кого-либо)»

Интеллектуальные формы защиты сопряжены с повышенным контролем, не позволяющим узнать эмоции других.

1. Рационализация – поиск аргументов с целью оправдания вызванных подавленными и неприемлемыми чувствами эмоций.

Установка: «Найди оправдание этому»

2. Интеллектуализация – механизм защиты, действие которого содержит в себе бессознательные попытки абстрагирования от своих переживаний. Иными словами, это интеллектуализация предстает в виде абстрактное умствование вместо признания и переживания своих эмоций и чувств.

Установка: «Живи по намеченному плану, контролируя всех и вся»

IV. Разрядка напряжения –

1. Сублимация – перенаправление энергии неприемлемого сексуального или агрессивного чувства в социально приемлемую активность или творчество.

Установка: «Трансформируй это»

2. Идентификация – процесс бессознательного отождествления себя с другими индивидами на основе влечения.

Установка: «Будь, как это, чтобы не потерять его»

3. Фантазия – по Фрейду, сны (грезы), которые в реальной жизни проявляются в форме иллюзорного исполнения различных желаний.

Установка: «Мечтай об этом»

4. Аннулирование – по Фрейду, удаление события, а также его последствий из актуального сознания.

Установка: «Отмени это»

5. Замещение (смещение) – по Фрейду, бессознательная взаимозамена объектов, способ «цензурирования» в сновидениях.

Установка: «Нападай на что-то, заменяющее это»

В целом необходимо обозначить и тот факт, что именно в этом возрасте необходимо начинать коррекционную работу с подростками во избежание различных негативных ситуаций.

Для коррекции различного рода тревожности и возникающих на этом фоне механизмов психологической защиты у курсантов в процессе обучения предлагается к прохождению следующая коррекционная программа целью которой является психокоррекция последствий учебного стресса у курсантов (снижение уровня тревожности и нервно-психической напряженности до состояния «нормы»); достижение более глубокого понимания стрессовых обстоятельств, путей совладания с ними; нахождение путей активного разрешение проблем.

Основными задачами коррекционной программы являются:

1. Развитие у курсантов умений и навыков психофизической саморегуляции (снятие мышечного и эмоционального напряжения) и навыков владения собой в критической ситуации;

2. Формирование коммуникативных компетенций: умений и навыков конструктивно строить общение, разрешать конфликты;

3. Постоянное использование обратной связи, за счет чего углубляется самовосприятие и самоосознание участников.

Основными способами профилактики развития девиантного поведения у курсантов являются:

– обеспечение эффективной работы все семьи;

– эффективная помощь в создании жизненной перспективы для подростков, имеющих физические или психические аномалии развития;

– совершенствование деятельности как образовательных учреждений, так и социальных педагогов;

– настройка деятельности органов, способствующих трудоустройству курсантов, не продолжающих учебу, способствование их трудовой адаптации;

– настройка деятельности учреждений, обеспечивающих досуг молодежи;

– усовершенствование деятельности служб помощи несовершеннолетним и их семьям;

– организация деятельности добровольных и благотворительных фондов, общественных организаций;

– организация работы клубов самопомощи

Факт снижения показателя осмысленности жизни на третьем курсе может быть связан с содержательными компонентами социально-психологической адаптации курсантов. Несовпадение еще абитуриентских представлений и обретенного в процессе обучения более реального видения профессии часто приводит к кризису профессионального становления и, как результат – снижение осмысленности жизни. К окончанию третьего и началу четвертого курса первый этап кризиса профессионального становления завершается.

Механизмом разрешения кризиса может считаться трансформация личностного смысла обучения курсанта путем приведения его в большее соответствие с профессиональными требованиями.

Список литературы

1. Лебедев И. Б. Психологические механизмы, стратегии и ресурсы стресс преодолевающего поведения (копинг-поведения) специалистов экстремального профиля (на примере сотрудников МВД России) : автореф. дис. … д-ра психол. наук : 05.26.02. СПб., 2002. 31 с.

2. Лебедев И. Б., Михайлова С. Ю. Социально-психологический тренинг в деятельности правоохранительных органов: теоретические и прикладные аспекты : учебное пособие. М., 2013.

3. Слесарева Е. А. Профессионально-значимые качества личности инспекторов ДПС ГИБДД // Вестник ГУУ. 2011. № 19. С. 254–258.

4. Федотов А. Ю. Системно-ситуативный подход в профессиональной подготовке сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 3–7.

Пешков М. В.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***О. Ю. Ананьин,***
начальник кафедры педагогики
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук, доцент

ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССОВ САМОВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Задачей гуманистической, субъект-субъектной парадигмы образования является формирование не только знаний, умений и навыков, общекультурных и профессиональных компетенций, но и духовно-нравственное развитие и саморазвития личности. Воспитание и высшее его проявление – самовоспитание составляют фундаментальную основу для становления, самоопределения и самообразования личности, ее ценностно-смысловой ориентации в социальной и профессиональной сферах деятельности. В условиях кризиса, неопределенности, противоречивости, нивелирования гуманистических ценностей и искажения духовно-нравственных основ личности самовоспитание обретает особую актуальность. Самовоспитание является многомерным феноменом, который в философской и педагогической науках рассматривается в непосредственной связи с самообразованием, духовным самосовершенствованием, саморазвитием и самоопределением личности. Соотношение понятий самообразования и самовоспитания остается дискуссионным в педагогической науке. Н. С. Михайлова пишет: «Стоит отметить тот факт, что практически все исследователи проблемы самообразования отмечают его неразрывную связь с самовоспитанием (В. С. Безрукова, А. И. Кочетков, Б. Т. Лихачев и др.) [8]. Открытым остается вопрос об иерархии исследуемых понятий, однако считаем важным констатировать, что в педагогической науке принято считать, что образование неразрывно взаимосвязано с обучением, воспитанием и развитием. Таким образом, и самообразование непосредственно коррелирует и включает самовоспитание, самообучение, саморазвитие и личностные самопроцессы.

Сократ говорил: «Воспитание – дело трудное, и улучшение его условий – одна из священных обязанностей каждого человека, ибо нет ничего более важного, как образование самого себя и своих близких» [5, с. 15]. Для Сократа воспитание и познание самого себя является путем нравственного и интеллектуального развития, которое он называл «вторым рождением».

Воспитание и самовоспитание непосредственно связано с духовной составляющей личности. Дильтей, представитель герменевтики, рассуждая о духовности, писал: «Духовное - то внутреннее в нас, что определяет образ внешнего мира, который мы воссоздаем по некоему внутреннему плану, изначально заложен-

[1] © Пешков М. В., 2021.

ному в нас» [2, с. 298]. Г. В. Ф. Гегель, исследуя проблематику личности и социального, в труде «Феноменология духа» пишет: «Я есть бесконечное отношение духа к себе, но как субъективное, как достоверность самого себя». Для философа наивысшим выражением личности выступает самопознание, как результат самостоятельной деятельности личности по самоуглублению духа в самом себе.

Человек, согласно мысли русского философа И. А. Ильина, единственное существо, имеющий духовный опыт, поэтому воспитание духовности для него является важнее образования, как способности накапливать знания и применять их в рабочей сфере жизнедеятельности.

«Сущность духовности и формы духовного воспитания и самовоспитания даны Ильиным в работе «Путь духовного обновления» – пишет Ю. А. Огородников [6, с. 5]. В своей работе философ предпринимает попытку осмыслить сущность человеческого существования. Смысл бытия личности оказывается выше физиологических, психологических и социальных вопросов. Основой образования и самообразования личности выступает самовоспитание как необходимый элемента духовного обновления. В. В. Байлук, исследуя феномен культуры учения студентов, как форму учебно-познавательной деятельности в образовательном процессе, отводит существенное значение роли нравственного самообразования личности. «Нравственное самовоспитание студента – это его духовный рост: самосовершенствование, это практическое преобразование себя» – пишет ученый [1, с. 30]. Также педагог выделяет несколько этапов нравственного воспитания, среди которых хотелось бы особенно отметить следующие: а) овладение этическими нормами; б) самоопределение личности, т. е. индивидуальное отношение к общественным и культурным ценностям; в) самопознание – акт внутреннего осмысления своего «Я» на основе интериоризированных ценностей и начало процесса экстериоризации; г) практическое применение знаний самовоспитания для преодоления личностных проблем, формирования позитивных качеств и отношения к себя, людям и окружающему миру. А. Г. Самохвалова отмечает, что самовоспитание в педагогике рассматривается как высшая форма саморазвития. «Зрелое самовоспитание предусматривает сознательное и целенаправленное участие человека в разностороннем развитии собственной личности» [7, с. 11].

Самовоспитание – процесс работы над самим собой, включающий самопознание, саморефлексию, самоконтроль, саморегуляцию, которые в совокупности приводят к улучшению личностных качеств и устранению негативных. Мы солидарным с мнением В.Я. Кикотя и А. М. Столяренко, которые отмечают, что «Под самовоспитанием понимается активная, целеустремленная деятельность личности, направленная на формирование и развитие у себя социально и морально значимых качеств и привычек, а также на нейтрализацию и устранение отрицательных в соответствии с осознанными общественными потребностями, условиями деятельности и личной программой развития» [4, с. 220]. Также педагоги указывает на то, что важным компонентом самовоспитания является реализация собственного проекта, который подразумевает идеал, образ, к которому необходимо устремлять собственные усилия. В теории самовоспитания в постсоветском периоде внимания заслуживает позиция О. С. Газман. Педагог видит

существенное различие между воспитанием и самовоспитанием. О. С. Газман обращает внимание на то, что в деле воспитания происходит инкультурация личности, отрабатываются устойчивые навыки способов деятельности, интериоризация норм нравственности. Воспитание является: процессом становления характера, исторической категорией, преемственностью поколений, формой социокультурного и общественного опыта. Воспитание связано с непосредственным педагогическим воздействием и требует этого воздействия для становления личности, которая в последующем сможет осмыслить себя в мире, усвоить культурные нормы, правила и законы развития. Следующим этапом является самовоспитание, когда воспитание как элемент воздействие на личность, переходит к самопознанию, саморазвитию, самосовершенствованию, самоопределению. Е. В. Ежак отмечает, исследуя педагогические воззрения О. С. Газман, что «Категория самовоспитания выступает как понятие, характеризующие стремление человека войти в мир уже выработанных человеческих ценностей и нормативов, лично осмыслить их и построить свою позицию в самореализации своего жизненного пути» [3, с. 86].

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимосвязь самовоспитания и самообразования в философской и педагогической науках заключается в том, что они включают в себя следующие родственные понятия: самопознание, самоорганизация, самоуправление, самоконтроль, саморазвитие, самосовершенствование, духовно-нравственное преобразование и развитие личности.

Список литературы

1. Байлук В. В. Воспитание, самовоспитание и самореализация студентов в Институте социального образования : учебное пособие. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2009. 148 с.

2. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе Собр. соч. : В 6 т. пер. с нем. под ред. В. А. Куренного / под ред. А. В. Михайлова, Н. С. Плотникова. Т. 3. М. : Три квадрата, 2004. С. 298.

3. Ежак Е. В. Генезис и эволюция теории самовоспитания в российской педагогике. Ростов н/Д : Донской государственный технический университет, 2008. 156 с.

4. Юридическая педагогика / [В. Я. Кикоть и др.]. М. : Юнити-Дана, 2004. 895 с.

5. Нефедов В. И. Самообразование и самовоспитание в жизни человека. Нальчик : Эль-Фа, 2002. 61 с.

6. Огородников Ю. А. О воспитании и образовании в грядущей России. Значение веры в педагогике (по трудам И. А. Ильина). М. : Амрита, ИД Шалвы Амонашвили, 2018. 228 с.

7. Самохвалова А. Г. Ступени самовоспитания личности : учебно-методическое пособие. Кострома : Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, 2017. 178 с.

8. Михайлова Н. С. Основы самообразовательной деятельности : пособие / под ред. Т. А. Бабкина. Гродно : ГрГУ, 2011.

Пучкова Ю. С.[1],
курсант 881 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Л. Е. Дерягина****,*
профессор кафедры психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор медицинских наук, профессор

ДИАГНОСТИКА УРОВНЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ СРЕДЫ У КУРСАНТОВ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Большинство людей современного мира сталкивается с проблемой ориентации во внешней социальной среде в условиях неопределенности. Это в значительной степени осложняет четкое планирование и прогнозирование дальнейшей жизни индивида. Не сложно предположить, что курсант в своей повседневной деятельности часто сталкивается с подобными ситуациями, которые несут в себе неопределенность. Это часть необходимого процесса становления их как профессионалов в своей области. Курсанты, как и многие студенты других учебных заведений, сталкиваются с задачами, ранее им не встречающимися.

Помимо формирования знаний в своей будущей профессии, курсант учится владеть боевым оружием, строевой подготовкой, изучает боевые приемы борьбы. Все это наполнено новизной для неподготовленного человека, который только-только окончил школу. Обучающийся на данном этапе требует максимального сосредоточения на своей деятельности для более успешного ее выполнения. Как и говорилось выше, человеку, как и другим живым организмам, свойственно адаптироваться к меняющимся условиям окружающей среды. Поэтому так важно заниматься вопросом о толерантности и интолератности на первых этапах профессиональной деятельности курсантов. Интересен процесс изменения уровня толерантности у курсантов в зависимости от продолжительности их обучения. Изучение данного вопроса так же позволит улучшить диагностику личного состава в выявлении слабых мест, мешающих полноценному и продуктивному функционированию сотрудников. Для диагностики уровня толерантности предлагается использовать батарею тестов, рекомендованную Т. В. Корниловой. Татьяна Васильевна предлагает использовать опросник толератности-интолератности к неопределенности С. Баднера (в адаптации Т. В. Корниловой) совместно с Мельбурнский опросником принятия решений (далее МОПР) и шкалой «Психологической разумности» (далее – ШПР) (в адаптации Т. В. Корниловой, М. А. Чумаковой). Т. В. Корнилова описывает процесс преодоления неопределенности как центральную конструкцию, занимающую свое место в психологии суждения и принятия решения. Совместно с М. А. Чумаковой предлагает рассматривать понятие толерантности как неотъемлемую часть

[1] © Пучкова Ю. С., 2021.

Большой Пятерки, получившего название открытость новому опыту и впечатлениям, а не с позиции одной лишь устойчивости и терпимости. Опросник толерантности-интолерантности к неопределенным условиям среды в адаптации Т. В. Корниловой состоит из 33 вопросов. Испытуемым предлагается оценить степень своего согласия или несогласия с приведенными утверждениями [4, С. 95]. МОПР в адаптации Т. В. Корниловой включает в себя 22 утверждения. Предлагается оценить испытуемому свое согласие с этими утверждениями по 3-балльной шкале (1 – неверно для меня; 2 – иногда верно; 3 – верно для меня). Опросник позволяет диагностировать свойства: продуктивные (бдительность) и непродуктивные копинги (избегание, прокрастинация и сверхбдительность). При англоязычной апробации модели и разработке МОПР на основе опросника Флиндерса были выделены четыре латентные переменные, или фактора: бдительность, избегание, прокрастинация и сверхбдительность. Факторная структура МОПР на русскоязычной выборке соответствует этой четырехфакторной структуре [3, С. 3]. ШПР в адаптации М. А. Новиковой, Т. В. Корниловой содержит 45 утверждений. Испытуемому предлагается оценить свою степень согласия и не согласия с каждым из них. Опросник направлен на раскрытие процессов движения субъекта к своему внутреннему опыту и измеряет 5 факторов: 1) заинтересованность в сфере переживаний; 2) доступность переживаний; 3) польза от обсуждения переживаний; 4) желание и готовность обсуждать переживания; 5) открытость новому опыту [5, с. 66]. В данной статье будет рассмотрена динамика изменения толерантности-интолерантностик неопределенности (далее – ТН и ИНТ) курсантов Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя Института психологии служебной деятельности, с помощью предложенной Т.В. Корниловой батареи тестов. В исследовании принимали участие курсанты 1 и 2 курсов в количестве 49 человек (23 человека – 1 курс, 26 человек – 2 курс) в возрасте от 17 до 22 лет. Уровень ТН и ИНТ оценивали по нормам, указанным в соответствующей статье [4, с. 107–108]. Статистическую обработку данных проводили с помощью программы Statistics версия 8. Поскольку распределение практически всех показателей отличалось от нормального, применялись непараметрические методы. Для описаний показателей в группах в качестве характеристик положения и рассеяния использовались медиана и квартили. Критический уровень значимости (p) принимался равным 0,05. Для выявления наличия связи между переменными использовался коэффициент Спирмена, различия между группами определяли по критерию Манн-Уитни для независимых выборок.

Анализ результатов опросника толерантности-интолерантности, ШПР и МОПР 1 и 2 курсов выявил статистически значимую разницу в желании и готовности обсуждать переживания (p=0,049) и открытости новому опыту (p=0,003). Наблюдается тенденция уменьшения потребности обсуждения своих переживаний и большей открытости новому опыту по мере продолжительности обучения. В остальных показателях статистически значимых различий выявлено не было. Наблюдается тенденция снижения ИНТ и увеличения ТН среды в зависимости от года обучения, что подтверждает выдвинутую гипотезу.

Анализ показателей по первому курсу выявил прямую корреляционную зависимость между уровнем ИНТ и пользой от обсуждения переживаний (r=0,578).

Стремление к ясности и упорядоченности находит свою поддержку в обсуждении проблем. В прямой корреляционной зависимости находятся показатели уровня межличностной интолерантности к неопределенности (МИНТ), заинтересованности в сфере переживания (r=0,465), избегания (r=0,522), прокрастинации (r=0,649) и сверхбдительности (r=0,702). Свое стремление к ясности в межличностных отношениях и их контролю индивид проявляет любопытством и попыткой понять причины, почему люди ведут себя так. Через прокрастинацию происходит перекладывание ответственности, что сопровождается состоянием повышенной чувствительности, цель которого – обнаружение возможных угроз. На втором курсе проявляется прямая зависимость между ТН и пользой от обсуждений переживаний (r=0,571). В обратной корреляционной зависимости находятся МИНТ и доступность субъективных переживаний (r=-0,409), но в прямой зависимости с прокрастинацией (r=0,405) и сверхбдительностью (r=0,448). Стремление курсанта к контролю и ясности в межличностных отношениях может привести к дискомфорту, если эти условия не выполняются. В целом это соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими. Этим и может быть обусловлена обратная взаимосвязь с пониманием своих и чужих переживаний. В таком случае объяснимо увеличение уровня прокрастинации и сверхбдительности. Личность в погоне за стабильностью склонна уделять большое внимание своему окружению, словно ей угрожает постоянная опасность. Анализ результатов опросника позволил выявить отличия между данными курсантов, проживающих в общежитии и проживающих в Москве и МО, то есть дома. Статистически важная разница наблюдается по шкалам МИНТ (p=0,009), прокрастинация (p=0,047) и сверхбдительность (p=0,013). Курсанты, проживающие в Москве или МО, имеют более высокий уровень межличностной интолерантности к неопределенности. Это может быть обусловлено тем, что люди живущие дома более привыкли к стабильности обстановки. Не все из них готовы к глобальным переменам в плане смены своего ближайшего окружения. Эти люди большую часть времени жили в одном городе и, скорее всего, имеют установку на продолжение своей дальнейшей деятельности в той же среде. Те, кто приехал с периферии, наоборот, они готовы к этим изменениям, стремятся сменить свое окружение, ищут дальнейшие пути развития, выходя из зоны своего комфорта. Такие личности не боятся глобальных перемен. Как правило, они имеют большее количество перспективных знакомств и связей, в отличие от проживающих в Москве. Это может помочь им закрепиться на более престижном месте учебы или работы и обеспечить себе продуктивное будущее, чем они могли бы его сделать в своем родном городе. Уровень прокрастинациии сверхбдительности также выше у проживающих дома, нежели тех, кто проживает в общежитии. Данный феномен можно объяснить следующим образом: прокрастинация проявляется у курсантов, живущих дома, потому что на них существует гораздо меньше рычагов давления, в отличие от тех, кто живет в общежитии. Московский или, соответственно, проживающий в МО, курсант по приезду домой полностью предоставлен себе. Он распоряжается своим свободным временем, и никто не контролирует его (не берем в счет родственников или

сожителей). У человека, проживающего в общежитии, все по-другому. При недостаточно хорошей учебе курсанту могут не подписать рапорт на выходные дни, и он будет вынужден остаться в своей комнате. Вход и выход курсантов так же контролируется и каждый день проводятся вечерние поверки, где проверяют наличие личного состава. Этим и обусловлено то, что такие курсанты с большей вероятностью будут заниматься учебным процессом, в отличие от проживающих у себя дома, где существует гораздо больше соблазнов, отвлекающих от работы. Уровень сверхбдительности напрямую коррелирует с показателями МИНТ. Если человек не готов к переменам в своем ближнем окружении, то есть к межличностной неопределенности, то он будет испытывать стрессовое состояние. Это заставит его уделять больше внимания своему окружающему социуму и подмечать различного рода опасность, даже если она будет мнимой.

Курсанты Московского университета МВД России с первых дней подвергаются большим изменениям в своей привычной жизнедеятельности. Строгий распорядок дня, новые обязательства, повышение уровня ответственности за выполнение поставленных задач и несение ответственности за свое поведение и высказывания. В данной статье удалось доказать, что уровень толерантности к неопределенности увеличивается совместно с увеличением года обучения в Университете. Так же удалось выявить факт того, что уровень межличностной интолерантности к неопределенности значительно выше у лиц, проживающих дома, в отличие от проживающих в общежитии. Благодаря предложенному набору методик, по рекомендации Т.В. Корниловой, можно не только отследить динамику изменения толерантности курсантов, но и дополнительно проанализировать, почему эти изменения происходят и с чем они взаимосвязаны.

Список литературы

1. Дерягина Л. Е. Неопределенность среды как важный фактор адаптации к деятельности в экстремальных условиях : монография. Рязань : Book Jet, 2020.

2. Дерягина Л. Е., Рувинова Л. Г., Соловьева Н. В. Состояние высших корковых функций у студентов вуза в динамике учебного года // Экология человека. 1998. С. 27–29.

3. Корнилова Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 31. С. 2.

4. Корнилова Т. В., Чумакова М. А. Шкалы толерантности и интолерантности к неопределенности в модификации опросника С. Баднера // Экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 92–110.

5. Новикова М. А., Корнилова Т. В. «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 95–110.

Таланова Н. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. В. Ульянова,***
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор педагогических наук, доцент

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРЫ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КУРСАНТОВ

С конца 20 века происходит активная информатизация и компьютеризация общества. Эти процессы затронули все сферы жизнедеятельности современных людей. Образование, досуг, работа неразрывны связаны с сетью Интернет.

Посредством Сети происходит социализация личности, так как сеть выступает инструментом коммуникации людей, усвоения ими социальных норм, ценностей, правил общения и взаимодействия с другими людьми.

В широком смысле коммуникация – это передача и обмен информации между людьми, контакт «лицом к лицу» [1]. Интернет-коммуникация – это такой вид взаимодействия между людьми, при котором информация в различных формах (аудио, видео, текст) передается/принимается по информационным каналам сети.

Сверхбыстрое развитие Интернета приводит пользователей к отчуждению от реального мира и принятию виртуальности как неотъемлемой части жизни.

Одним из основных аспектов интернет-среды является культура ее использования. Однако не существует четких. Регламентированных правил поведения в Сети, которые соблюдали бы все пользователи, отсюда, многие абоненты сети пренебрегают изучением культуры пользования сетью и выбирают комфортный для них формат поведения, который зачастую далек от норм этики и нравственности [2].

Низкий уровень компьютерной грамотности и незнания/нежелания изучать культурные особенности сети обусловливают невысокое качество интернет-контента, что, в свою очередь, приводит к стагнации национального сегмента Сети (например, государственных/ведомственных интернет-порталов).

В целях повышения эффективности учебного процесса, будущей профессиональной деятельности курсантов образовательных организаций МВД России, нами видится необходимость повышения уровня культуры использования сети Интернет обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Актуальность проблемы заключается в том, что в настоящее время использование человеком интернет-ресурсов является одним из важнейших аспектов системы коммуникации в обществе, в которой культура использования сети выступает главным ее компонентом [3].

---

[1] © Таланова Н. В., 2021.

Вместе с тем, в виду отсутствия четкого регулирования при создании различного рода контента, а также культуры использования информационных источников, у общества сложился потребительский подход к пользованию сетью.

Абоненты преимущественно используют Интернет в качестве организации своего досуга, не используя другие возможности сети.

Изложенное выше диктует необходимость придания значимости воспитательной роли профессорско-преподавательского состава, руководящего звена курса/факультета в формировании осознанного и качественного использования сети Интернет курсантами образовательных организаций МВД России.

Мы предлагаем:

1. Ввести в образовательный процесс дисциплину/курс, в рамках которых курсанты смогут изучить культуру использования интернет-пространства.

2. Привлекать практических сотрудников, непосредственно связанных в своей деятельности с информационными процессами, к практическим и семинарским занятиям, проводимых в образовательных организациях системы МВД России.

Данный опыт позволит сформировать у курсантов осознанное отношение к использованию сети Интернет в соответствии с его развитием; исключить совершение курсантами по незнанию необдуманных поступков, касающихся использования интернет-ресурсов, а также подготовить к служебной деятельности в современных цифровых условиях, в которых важную роль играет знание различных программно-аппаратных комплексов и информационных систем.

Список литературы

1. Таланова Н. В. Виртуальные коммуникации как феномен межличностного общения в современном мире // Актуальные проблемы развития личности в современном социокультурном пространстве. 2020. № 2. С. 42–44.

2. Бирюкова Е. А. Интернет-коммуникация как средство межкультурного общения: жанровые и языковые особенности // Язык. Словесность. Культура. 2014. № 6. С. 75–98.

3. Ефремова А. А. Интернет-коммуникация как средство мобилизации общества // Международный студенческий научный вестник. 2017. № 1. URL: https://www.eduherald.ru/ru/article/view=16861 (дата обращения: 13.05.2021).

Титова М. О.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

*Научный руководитель**: В. С. Агапов**,***
профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор психологических наук

ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Обращаясь к анализу научных исследований, можно заметить, что довольно широко используется термин «выгорание», при этом некоторые исследователи говорят о нем в общем виде, не касаясь определенных профессий. Часто, оно обозначается с приставкой «эмоциональное». Под эмоциональным выгоранием понимается результат непреднамеренного искажения личностной структуры вследствие влияния значительного количества стрессогенных факторов в условиях перенасыщенного эмоционального фона с дальнейшим искажением данной структуры в виде появления отрицательных новообразований, проявляющихся в рабочей и внерабочей среде [1, с. 20].

Однако значительную часть своего времени человек проводит на работе и при этом не всегда деятельность доставляет удовольствие и удовлетворение, что приводит к определенным трудностям, в частности выгоранию, которое в данной ситуации становится профессиональным. Профессиональное выгорание следует понимать как состояние физического, умственного и эмоционального истощения, которое проявляется, в первую очередь, в профессиях социальной сферы [1, с. 138].

Следует обратить внимание, что процесс профессионального выгорания не является одномоментным, он может протекать на протяжении длительного времени и сопровождаться абсолютно различными синдромами. Чаще всего выделяют три основных этапа данного процесса:

– первый этап может длиться от трех до пяти лет; на данном этапе могут происходить различные сбои в организме, забывчивость, рассеянность, однако этому не придается большого значения (все списывается на усталость, нехватку витаминов и т. д.);

– второй этап сопровождается более серьезными симптомами: потеря интереса к работе и людям, возникновение трудностей в общении с коллегами, с членами семьи, тягость нахождения на работе; указанная стадия может проходить до пятнадцати лет;

– третий (заключительный) этап выражается в полном личностном выгорании, безразличии ко всему (работе, жизни), длительность данного этапа может доходить до двадцати лет и сопровождается, в том числе упадком сил, потерей остроты мышления и склонностью к одиночеству.

---

[1] © Титова М. О., 2021.

Основой синдрома профессионального выгорания является возникновение и переживание стрессовых реакций, которые повторяются многократно и истощают ресурсы организма. В связи с чем стоит определить пути с помощью, которых можно преодолеть стресс и тем самым сократить воздействие профессионального выгорания на субъекта труда.

В первую очередь, большое внимание следует уделить профилактике профессионального выгорания сотрудников правоохранительных органов, которая должна сопровождаться:

– формированием положительного морально-психологического климата в коллективе;

– создание установки на осознанное соблюдение этических принципов и норм;

– информированием сотрудников о последствиях негативных изменений личности;

– выработкой у сотрудников профессионально-нравственного иммунитета к негативным воздействиям преступной среды и криминальной субкультуры;

– организацией активного отдыха с частичным или полным изменением социально-психологического фона общения [3, с. 52].

Уделяя большое значение психологической профилактике, сотрудник может сократить и уменьшить для себя опасность профессионального выгорания, однако, если данные методы не окажут должного воздействия, то первоочередными методами борьбы со стрессом (как первопричиной выгорания) должны стать физические упражнения.

Одним из эффективных способов преодоления стресса являются дыхательные упражнения, которые помогают расслабить организм, насытить его кислородом и пережить стрессовую реакцию, которая может стать причиной последующего серьезного выгорания.

Также полезное воздействие на организм оказывают занятия физической культурой. Самые простые физические упражнения: ходьба, прыжки, растяжка благотворно воздействуют на завершение процесса стрессовой реакции.

Одним из действенных и результативных путей преодоления профессионального выгорания является самостоятельная работа со своими эмоциями, мыслями, осуществление каких-либо действий, которые позволят отвлечься от серьезных проблем и переживаний.

Так, например, следует подумать о будущем, о том, что вы имеете, и к чему приведет нестабильное эмоциональное состояние, подумать о семье, о жизненных ценностях. Такая проработка сознания позволит ощутить свою значимость не только в рамках работы и для коллег и руководства, но и для близких людей, которым также нужно внимание, забота и поддержка.

Возможно, профессиональное выгорание происходит из-за недовольства своей работой, занятие не своим делом усугубляет эмоциональное состояние. В данной ситуации, возможно, одним из путей решения проблемы будет являться смена деятельности, поиск иной профессии, которая будет доставлять радость и удовольствие [4].

Одним из путей, который поможет отвлечься от рутинной деятельности и разнообразить жизнь, может стать поиск занятия по душе, хобби. Например, занятия спортом, танцами, единоборствами, пением, игрой на музыкальных инструментах, рисованием, вышиванием и иными подобными творческими видами деятельности. Они позволят выплеснуть определенную негативную энергии, забыть об испытываемых отрицательных эмоциях.

Также изменить отношение к окружающим профессиональным факторам поможет смена обстановки на рабочем месте (перестановка, добавление элементов декора).

Одним из способов, который поможет минимизировать последствия профессионального выгорания, является четкое разделение рабочего времени и времени отдыха. В течение рабочего дня существует перерыв, который необходимо использовать по назначению – отдохнуть, а не успеть сделать то, что не сделано в течение рабочего времени.

Учитывая высокую подверженность сотрудников правоохранительных органов частым эмоциональным перегрузкам, изменениям в графике работы, недостаточная степень социально-правовой и социально-психологической защищенности, соблюдение психогигиены является жизненно важным условием успешно профессиональной деятельности.

Психогигиена представляет собой отрасль медицины, которая разрабатывает мероприятия по сохранению и укреплению психического здоровья населения, а также изучает условия оптимального психического функционирования человека [5, с. 158].

Психогигиена имеет своей целью изучить влияние социальной среды на психическое здоровье человека и разработать меры предупреждения психических заболеваний с учетом большого значения наследственности, биологических факторов в происхождении и проявлениях психической патологии.

В случае, если вышеуказанные методы самостоятельного преодоления профессионального выгорания оказались неспособны преодолеть стрессовые ситуации и негативные факторы, необходимо обратиться за квалифицированной помощью к психологу. В структуре правоохранительных органов имеются квалифицированные психологи, которые обязаны проводить социальную работу с сотрудниками, имеющую своей целью сокращение стрессовых ситуаций и факторов, влияющих на эмоциональное состояние сотрудника. Особенность социальной работы в правоохранительных органах состоит в ее ориентации на реализацию социальных гарантий и организацию индивидуализированных услуг с целью обеспечения психосоциальной гармонии существования сотрудника органов внутренних дел.

Таким образом, профессиональное выгорание субъектов труда может быть преодолено с помощью комплекса различных способов: самостоятельная проработка эмоций, совершение действий, помогающих отвлечься от негативных эмоций и как крайняя мера – помощь квалифицированных психологов.

Список литературы

1. Боянов В. С., Капустина Т. В. Эмоциональное выгорание как элемент профессиональной деформации личности в контексте профессионального кризиса // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2020. № 10. С. 14–21.

2. Шарипова Н. Ф., Куимова В. А. Понятие, сущность и профилактика профессионального выгорания // Проблемы управления качеством образования : сборник статей XI Всероссийской научно-практической конференции. Пенза : Пензенский государственный аграрный университет; Межотраслевой научно-информационный центр Пензенского государственного аграрного университета, 2018. С. 137–140.

3. Ерошенков Н. В. Профилактика профессионально-нравственного выгорания личности сотрудника ОВД // Морально-психологическое обеспечение оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел: состояние, проблемы и пути совершенствования : материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Крансодар : Краснодарский университет МВД России, 2016. С. 49–52.

4. Попова А. В., Сульдина Г. А., Владимирова С. А. Практики работы с эмоциональным выгоранием // Перспективы науки. 2020. № 12. С. 161–164.

5. Попков Н. Б. Принципы и методы психогигиены стресса в управлении организационным поведением / под ред. Г. И. Москвитина, Е. З. Карпенко, А. А. Степанова // Формирование эффективного трудового потенциала персонала организации : сборник статей Международной научно-практической конференции, 2016. С. 157–161.

Фам Вьет Кхоа[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Л. Н. Костина,***
начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор психологических наук, доцент

НАВЫКИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ГРАЖДАН КАК ОСНОВНЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ

Практика деятельности участковых уполномоченных полиции показывает, что навыки применения методов воздействия на граждан играют особо важную роль в успешности выполнения служебных задач. К навыкам применения методов воздействия относятся различные методы, тактики и приемы воздействия. В контексте выступления мы будем рассматривать эти навыки как основные профессиональные навыки участковых уполномоченных полиции.

В психологии труда профессиональные навыки и умения часто рассматриваются в русле профессионализма, который имеет две стороны: мотивационную и операционную [5]. Операционная сфера включает в себя профессиональные знания, умения, навыки и профессионально важные качества, необходимые для реализации сформированных мотивов трудовой деятельности и выполнения трудовых функций. Эффективность деятельности специалиста определяется уровнем его профессиональной подготовки [1, с. 363], т. е. сформированные профессиональные знания, навыки, умения; уровень владения разнообразными психологическими методами и приемами воздействия и т. д.

Учитывая тот фак, что профессионализм участкового уполномоченного полиции реализуется в навыках воздействия на граждан, направленного на решение тех или иных задач. При этом одной из основных обязанностей является информационно-профилактическая работа с населением. Общение стало ведущим средством выполнения служебных задач. Поэтому, навыки применения методов воздействия на граждан также рассматриваются как внешнее его проявление коммуникативных навыков.

В соответствии с особенностями профилактической работы, участковый уполномоченный полиции должен обладать определенными профессиональными знаниями, навыками, умениями, опытами, обеспечивающими эффективность профессиональных действий не только в повседневных, а также нестандартных, сложных ситуациях. К профессиональным знаниям, умениям, навыкам относятся юридические, психологические и этнические знания; навыки работы с документами; навыки составления протокола; навыки применения оружия и других специальных средств; навыки работы на компьютере и других технических средствах; навыки выполнения профессиональных приемов

[1] © Фам Вьет Кхоа, 2021.

и действий; навыки анализа обстановки и анализа результатов действий; умение наблюдать за поведениями граждан и за самим собой; умение быстро воспринимать речи и обстановку; умение устанавливать психологического контакта; умение профессионального и делового общения; умение организовать свою деятельность и деятельность других участников при совместной работе; умение оказывать психологическое воздействие на различные критерии граждан и т. д.

Формы воздействия участкового уполномоченного полиции на население могут быть различными: организационно-правовой (периодически проводятся информационно-пропагандистские акции, профилактические мероприятия и т. д.), коллективной (сформированной через выборочные общественные объединения), индивидуальной (заботиться о лицах, которым нужна помощь).

По мнению специалистов, современный участковый уполномоченный «в своей повседневной деятельности постоянно вступает во взаимоотношения с гражданами, общается с ними, рассматривает жалобы и заявления, разрешает конфликтные ситуации, оказывает воспитательное воздействие на правонарушителей» [3]. Воспитательное воздействие – это процесс, целенаправленный на изменение антиобщественных взглядов, привитие право послушного поведения [2]. Методы психологического профилактического воздействия, используемые в работе с населением, соответствуют по своей принципиальной схеме общим психологическим методам воздействия, однако обладают определенной спецификой, определяемой контингентом, в отношении которого применяются. Основные методы: убеждение, разъяснение, предупреждение, наказание. Основной формой применения этих методов является беседа.

Взаимодействие участковых уполномоченных полиции с различными категориями граждан является эффективным, если они обладают навыками делового и бесконфликтного общения, коммуникативной компетентностью, способностью создавать комфортную, доверяющую атмосферу и т. д.

Навык – доведенное до автоматизма путем многократных повторений действие [1, С. 286]. Разумеется, усвоение навыков применения методов воздействия можно осуществиться путем постоянного тренинга по типичным ситуациям, выявления ошибок и способов их избегания. На практике, в связи с дефицитом времени проведения группового тренинга большой аудитории, предлагается использовать способ наставничества. Опытный сотрудник в должности научит молодых сотрудников непосредственно в рамках выполнения служебных задач.

Как выше сказано, общение является главным средством, путем которого участковый уполномоченный полиции осуществляет взаимодействия с населением. Коммуникативные навыки представляют собой совокупность знаний, умений и навыков, необходимых в общении с людьми. В состав коммуникативных навыков входят знание личностных особенностей людей, их понимание, умение правильно воспринимать и оценивать людей, прогнозировать их поведение, оказывать на них внимание, от чего может зависеть успешность общения и взаимодействия человека с людьми.

Таким образом, эффективность профилактической работы во многом зависит от знания психологических подходов к работе с представителями подучетного контингента [4]. Участковый уполномоченный полиции при воздействии на

граждан должен гибко выбрать тактики общения в зависимости от их уровня правого сознания, образования, социального статуса, личностно-психологических особенностей граждан. Важно учитывать еще этнические особенности, обычаи, менталитеты местного населения, умение устранить коммуникативные барьеры, чтобы избегаться от конфликтов из-за непонимания этикета или нарушения норм поведения.

Список литературы

1. Большой психологический словарь /под ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК. 2003. 672 с.

2. Зуева Е. Г. Содержание педагогического воздействия участковых уполномоченных полиции на лиц, состоящих на профилактическом учете / [сост. А. С. Душкин, Е. М. Марченко] // Прикладная юридическая педагогика: от теории к практике : материалы межведомственной научно-практической конференции, 2017. С. 56–60.

3. Козловская Е. А. Психолого-педагогические основы деятельности участкового инспектора милиции. М., 1990. С. 8–9.

4. Кривова О. И. Психологическая составляющая деятельности участковых уполномоченных полиции // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2019. № 1 (88). С. 38–41.

5. Маркова А. К. Психология профессионализма. М. : Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. С. 49–52.

Харламова Д. А.[1]*,*
слушатель 862 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***М. А. Ерофеева****,*
профессор кафедры педагогики
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор педагогических наук, профессор

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПДН С ДЕТЬМИ ИЗ СЕМЕЙ ИММИГРАНТОВ

Каждое государство имеет свою «интеграционную политику», целью которой является создание условий для адаптации и интеграции иммигрантов, их социальной защищенности, стимулирование комфортного социально-культурного климата для проживания. В адаптации к новым жизненным условиям сложнее всего приходится детям из семей иммигрантов. Говоря о педагогической поддержке и защите детей-мигрантов необходимо выделить само понятие «педагогическая поддержка». Необходимо отметить, что это использование специальных мер, которые ориентированы на формирование, а также сохранение педагогических факторов, необходимых для более эффективной реализации существования детей иммигрантов. Необходимыми условиями для реализации педагогической поддержки и защиты детей из семей иммигрантов являются высокий профессионализм педагогов, их компетентность, а также умение тесно взаимодействовать педагога с самой семьей ребенка, реализации умений в нахождение положительного контакта, как с ребенком, так и с его семьей.

Направления социально-педагогической деятельности, которые необходимы для поддержки детей из семей иммигрантов, на наш взгляд, являются следующие: правовая поддержка детей иммигрантов; помощь в формирование ценностных установок и развитие самой личности в целом; помощь ребенку в решение проблем, с которыми он столкнулся (социальными, адаптационными, образовательными и др.). В последние годы на территории России иностранные граждане очень часто прибывают с детьми. Также высокий уровень и нахождения детей – иммигрантов без сопровождения родителей (законных представителей). Учитывая, что данная категория не может в полной мере осуществить реализацию и защиту своих прав, необходимо рассмотреть, как в данном аспекте осуществляют свою деятельность уполномоченные на то лица.

В начале, необходимо отметить, кто же такие иммигранты? Это иностранные граждане, которые переселяются в другую страну на временное или же постоянное место жительства. При этом данный переезд может быть осуществлен как просто «потому что захотелось», так и из-за экономической, политической, правовой нестабильности. Во многих случаях дети-мигранты испытывают как социально-педагогические, так и психологические проблемы: психологическая

[1] © Харламова Д. А., 2021.

неуравновешенность, чувство подавленности, неуспеваемость в обучении и т.д. В связи с этим у них возникают проблемы с адаптацией в новой для них социально-культурной среде. В силу своих национальных, а также личностных особенностей дети-иммигранты сталкиваются с унижением, оскорблениями со стороны сверстником и т. д. Из-за данных негативных внешних факторов несовершеннолетние попадают «в зону риску», а именно нарушают миграционное законодательство и совершают противоправные деяния, тем самым негативно влияя как на граждан, так и общество в целом. На сегодняшний день, к сожалению, отсутствует правовая норма в административном законодательстве, которая будет рассматривать правовой статус несовершеннолетнего иммигранта.

Рассмотрев проблемы и трудности, возникающие перед детьми из семей иммигрантов, на наш взгляд, актуально и необходимо рассмотреть, как реализуют социально-педагогическую деятельность сотрудники органов внутренних дел, а именно инспектора по делам несовершеннолетних осуществляя взаимодействие с данной категорией детей. В настоящее время существуют центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению, центры экстренной психологической помощи по телефону, социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центры помощи детям, оставшихся без попечения родителей. Все перечисленные учреждения очень плотно взаимодействуют с органами внутренних дел, а также осуществляют деятельность по оказанию помощи детям – иммигрантам, а также их семьям.

В основе главных задач деятельности подразделений по делам несовершеннолетних лежит именно профилактика безнадзорности, беспризорности и правонарушений; защита прав и законных интересов несовершеннолетних; социально-педагогическая помощь ребенку, который находится в социально опасном положении; выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, других противоправных и антиобщественных действий [4]. При реализации данных задач главным аспектом для сотрудников ПДН является защита прав ребенка, помощь ему в социализации, что является одной из главных задач при оказании помощи детям – мигрантам. Социально-педагогическая помощь является адресной, она направлена на конкретную личность [3, с. 52]. Выделим две составляющие при реализации социально-педагогической деятельности сотрудников ПДН: первая, непосредственная работа с ребенком; вторая, посредническая деятельность во взаимоотношениях ребенка со средой. При непосредственной работе с ребенком инспектор по делам несовершеннолетних проводит беседы с детьми – иммигрантами, в ходе которых узнает их личностные особенности, взаимоотношения с родителями в семье, как складываются отношения со сверстниками и т. д. Так же главная задача инспектора по делам несовершеннолетних является в проведение профилактических мероприятий среди несовершеннолетних. Для эффективной реализации помощи адаптации детям – иммигрантам в рамках данной задачи, на наш взгляд, будут являться такие мероприятия, как беседы о толерантности, проведение родительских собраний с участием инспектора, проведение классных часов, на которых бы рассматривались положительные стороны каждого народа, особенностей их языка, народные обычаи и представления, как о народе, в частности, так и нации

в целом. Главная задача сотрудников подразделений ПДН, в данном аспекте, будет заключаться в помощи ребенку в адаптации к социуму, помощи ему в реализации своих прав и т. д. Как отмечалось выше, непростая «конфронтация» растущего поколения может вылиться во внезапное повышение количества несовершеннолетних иммигрантов с асоциальным поведением. Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел обязаны реализовывать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних мигрантов. При этом они должны учитывать их правовое положение, а также необходимость реализовывать дополнительные меры профилактики их асоциального и антисоциального поведения. Ведь именно без эффективной деятельности данных подразделений, и контроля с их стороны уровень правонарушений данной категории будет только увеличиваться. А также будет расти и число привлекаемых детей – иммигрантов в трудовую деятельность незаконно.

В заключении, необходимо отметить то, что последующее объединение несовершеннолетних мигрантов в российский социум является единой. В настоящее время данной проблемой занимаются в основном социальные компании, которые проявляют существенную поддержку в защите прав и законных интересов. При этом социально-педагогическая работа сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних в данном случае должна быть равнодоступной, единой, многофункциональной. Деятельность данных подразделений должна быть направлена на нейтрализацию негативных детерминант, снижающих степень низкой социальной адаптации детей – мигрантов, а также ориентирована на актуальную, к тому же и быструю социальную адаптацию на основе конкретизации, в первую очередь в целом, общественного утверждения каждого несовершеннолетнего мигранта, и реализовывать его правовую защищенность.

Список литературы

1. Дорошенко О. М., Морукова А. А. Актуальные проблемы деятельности органов государственной власти Российской Федерации по контролю за соблюдением правил миграционного учета несовершеннолетних граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства // Миграционное право. 2016. № 2. С. 30–34.

2. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей, принятая резолюцией № 45/158 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1990 года // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/migrant.shtml.

3. Мудрик А. В. Социальная педагогика : учебник. М. : Academia, 2019. 95 с.

4. Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 23.11.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 26. Ст. 3177.

Чумакова Д. С.[1]***,***
курсант 891 учебного взвода
Института психологии служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***А. В. Соловьева,***
доцент кафедры психологии учебно-научного комплекса
психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИЯХ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛЖИ

Современная социальная ситуация характеризуется беспрецедентным ростом количества разнообразных преступлений и правонарушений, осуществляемых в форме мошенничества. Будучи основанными на лжи, они становятся мощной угрозой благополучию не только граждан, но и государственности в целом. Люди, отличающиеся друг от друга гендерно, статусно, мировоззрением, все чаще говорят об усталости, связанной с утратой современным обществом честных и искренних отношений между людьми. В этой связи актуальность исследований сущности правды и лжи переоценить трудно.

М. Твен говорил, что лгут все и всегда. Оксфордский словарь английского языка определяет ложь как преднамеренное ложное утверждение кем-то, кто знает, что это не так. Толковый словарь русского языка В.И. Даля ложью называет феномен общения, заключающийся в намеренном искажении объективного расположения вещей. [5, с. 654].

В наиболее общем виде, под ложью понимают утверждение, содержание которого говорящий считает ложным, что происходит с намерением обмануть слушателя в отношении данного содержания. На сегодняшний день имеется целый ряд исследователей, занимающихся проблемами психологии лжи. П. Экман, Э. Берн, Б. Пиз, Д. Моррис и др. занимались анализом поведенческих реакций людей, составляющим сущность безынструментальной детекции лжи. При этом П. Экман, к примеру, занимался практическими вопросами детекции лжи, располагая феномены «обман» и «ложь» в одном синонимическом ряду. В то время как В. В. Знаков, выдающийся отечественный исследователь в области психологии лжи, рассматривает особенности проявления искажения информации, главным образом, с философской точки зрения, но не с практической. Так если западные психологи уделяют основное внимание специфике процесса порождения лжи в ситуациях общения людей между собой (личностные и ситуативные детерминанты), а также разработке механизма распознавания лжи, основанного на анализе вербальных и невербальных признаков, с помощью которых человек ориентируется, лжет ему партнер по общению или нет, то в отечественной психологии главным аспектом исследования является вопрос о моральной допустимости такого понятия, как ложь.

В реальной жизни люди сталкиваются с самыми различными примерами искажения информации: собеседник говорит правду таким образом, чтобы в это

[1] © Чумакова Д. С., 2021.

трудно было поверить (речь идет о техниках преувеличения действительных событий, выраженного согласия с вменяемыми человеку действиями, интонирования (как правило, сатирическое), своеобразном выражении лица, сопровождающем произносимые слова (как правило, скептическое); собеседник сообщает полуправду, утаивая, не договаривая значительную часть правдивой информации; человек, сообщая информацию, верит в реальность существования чего-то, но ошибается – в результате он говорит неправду, сам того не осознавая, и многие другие варианты

Вместе с тем, «люди обманывали бы меньше, если бы думали, что есть верные признаки обмана» - заявляет П. Экман, подчеркивая тот факт, что признаков обмана как таковых не существует. «Нет ни одного жеста, выражения лица или непроизвольного сокращения мышц, которые означали бы, что человек лжет». И действительно, процесс обнаружения лжи довольно сложен, поскольку связан с необходимостью одновременно и незамедлительно распознавать и анализировать огромный поток информации (слова, паузы, звучание голоса, выражение лица, жесты, дыхание, румянец или бледность и многое другое). Примечательно при этом то, не все рассматриваемые источники информации являются в одинаковой степени достоверными.

Безусловно, как пишет Д. Л. Смит «В этом мире полном обмана, неплохо было бы иметь детектор лжи у нас в голове» [2, с. 17]. Один из вариантов такого «детектора лжи в голове» принадлежит П. Экману. Это одна из наиболее широко известных технологий верификации лжи. В ее основе лежат эмоции, которые испытывает человек, находясь в коммуникативной ситуации, их соответствие, либо не соответствие словам.

Для достоверного распознавания лжи, верификатор, по П. Экману, должен знать, каким образом разнообразные эмоции могут проявляться в поведении человека, а именно в телодвижениях и в мимике, тембре голоса и интонациях и огромном количестве других «ключей», наблюдая за которыми у верификатора появится возможность установить фальшивость демонстрируемых эмоций. Другие исследователи в верификации лжи изначально ориентируются на жесты, позы, речевые высказывания и другие «ключи», без их связи с какими-либо эмоциями.

Наряду с разработкой основ безынструментальной детекции лжи, в русле проблемы правды и лжи также находится изучение теоретико-методологических основ инструментальной детекции лжи, связанной с регистрацией физиологических реакций лжецов с помощью полиграфа. Естественнонаучной базой организации обследований с применением полиграфа является психофизиологический феномен, сформулированный известным российским полиграфологом Ю.И. Холодным [4, с. 95]. Суть этого феномена заключается в том, что внешний стимул, несущий человеку информацию о мероприятии, запечатленном в его сознании, памяти, и являющийся весомым в ситуации проводимой проверки, стабильно вызывает психофизиологическую реакцию, превосходящую реакцию на подобные стимулы, предъявляемые в тех же условиях, но не связанные с названным событием, т.е. не несущие ситуационно-значимой информации. Конечно, в современной России отношение к проверкам на полиграфе носит неоднозначный

характер: от полного принятия до их категорического отрицания и недоверия. Тем не менее его применение в настоящее время стало обычной реальностью. Возникают серьезные научные обоснования успешности и результативности его применения.

Таким образом, становится очевидным, что несмотря на значительное количество исследований в области психологии лжи проблема сущности правды и лжи и их верификации не теряет своей актуальности. Как писал Юрий Викторович Щербатых: «Чем цивилизованнее общество, тем большее в нем место занимают ложь и обман» [1, с. 10]. Из чего следует, что распознавание лжи – это мощнейшее оружие, ключевое средство «выживания» человека в социуме, изучение основ которого представляется весьма актуальной задачей.

Список литературы

1. Щербатых Ю. В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М. : Эксмо, 2001. С. 10.

2. Спирица Е. Психология лжи и обмана: как разоблачить лжеца. СПб. : Питер, 2016. С. 17.

3. Пол Экман. Психология лжи. СПб. : Питер, 2010. 270 с.

4. Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность. Справочная информация и рекомендации. М. : Мир безопасности, 1998. 95 с.

5. Даль В. И. Большая российская энциклопедия – электронная версия // URL: https://bigenc.ru/linguistics/text/4095731.

Шукаева Д. Т.[1]*,*
курсант 881 учебного взвода
Института психологии
служебной деятельности органов внутренних дел
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. А. Никулова****,*
преподаватель кафедры юридической психологии
учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат психологических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ И КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД, СПЕЦИАЛИЗИРУЮЩИХСЯ НА РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ

Для сотрудников ОВД, специализирующихся в области безопасности информационных технологий в правоохранительной сфере, а конкретно на технологиях защиты информации в правоохранительной сфере и также оперативно-техническом обеспечении раскрытия и расследования киберпреступлений, очень важно владеть психологической составляющей в своей профессиональной деятельности, поскольку во многих случаях это способствует более успешному раскрытию преступлений.

Задача психологов подразделений заключается в решении одной из задач, указанной в Приказе МВД России от 25 декабря 2020 г. № 900 «Вопросы организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации»: обеспечение профессиональной работоспособности сотрудников в повседневных и особых условиях служебной деятельности.

То есть, психологи ОВД должны консультировать сотрудников ОВД по поводу личностных особенностей преступников в сфере киберпространства, стратегий их поведения, психологических схем мошенничества. Также должна производиться консультация по поводу виктимологических аспектов киберпреступлений.

Данная работа может осуществляться в качестве консультаций во время процесса непосредственного мониторинга сотрудников и в процессе раскрытия ими киберпреступлений.

Для вышеуказанных сотрудников важно знать виды киберпреступлений различать их психологические особенности.

Некоторые разновидности кибермошенничества [5] представляют собой единичное событие с большим количеством потерпевших, в то время как другие предполагают развитие с объектом определенных по длительности взаимоотношений (например, романтических, деловых, дружеских). В последнем случае относительно жертв происходит хищение финансовых средств соответственно в

течение долгого времени (возможно осуществления данных махинаций одновременно с несколькими людьми). Также существует отдельный вид кибермошенничества – фишинг, элементы воздействия которого часто встречаются в иных типах преступлениях в интернет-сфере .

Виды кибермошенничества включают в себя:

1) мошенничества с предоплатой или Нигерийские письма. Что касается психологии мошенника, в этом виде преступлений он создает ситуацию, в которой увеличивает вероятность принятия неверного решения жертвой, воздействуя на эгоистическую направленность личности (по Ф. Е. Василюк), на такие эгоистические мотивы как престиж, слава, материальные блага («если я быстро разбогатею, то стану известен и популярен»);

2) мошенничество на основе интернет-знакомств. В данном случае преступником делается акцент на низкую самооценку, отсутствие самоконтроля или слабый самоконтроль, склонность к идеализации партнера, конформность и также наличие каких-либо личностных проблем, которые впоследствии и станут орудием мошенника;

3) благотворительная афера. Один из механизмов фишинга. Психологическая особенность: делается акцент на просоциальную направленность личности, эмоциональную сферу (помощь другим), ее эмпатийные способности, и как следствие мошенники могут воздействовать на восприятие человеком своего материального положения;

4) экстренная помощь. Психологическая особенность: в данном случае мотивация жертвы довольно проста – помочь нуждающемуся близкому человеку. В категорию риска попадают: люди престарелого возраста, малообразованные, люди со сниженным уровнем развития когнитивных способностей. Мошенники составляют сообщения таким образом, чтобы текст содержал как можно больше негативно окрашенных слов;

5) мошенничество с шантажом. Психологическая особенность: в своей деятельности мошенники используют следующие методы управления жертвой (зачастую наивные и доверчивые люди) – ложная вина [2] (запугивание; намеки жертве о ее невнимательности и эгоистичности) и использование жаргонизмов. Данные механизмы также часто воздействуют на людей с интернальным локусом контроля [4].

Считается, что «попадание в ловушку мошенника» происходит из-за так называемых «ошибок в принятии решений» в ситуациях, которые преступники конструируют искусственно. Когнитивные ошибки (например, самоуверенность в знаниях в определенной сфере) и мотивационные ошибки (например, когда ситуация вызывает положительные эмоции) также объясняют психологические причины, способствующие виктимизации.

Основные механизмы виктимизации включают в себя «призывы к доверию авторитета» личности преступника (использование известных имен популярных компаний или взлом аккаунтов друзей для того, чтобы просьбы о финансовой помощи выглядели приемлемыми и законными) и использование «ментальных триггеров» (часто используется в маркетинге), заставляющих потенциальных

жертв сосредоточиться на предвкушаемых вознаграждениях и воображаемом эмоционально-позитивном будущем.

Таким образом, проведенный психологический анализ может помочь лучше понимать поведение кибермошенников, психологические характеристики их жертв, а также поведенческие ошибки, которые совершают пострадавшие при взаимодействии с преступником, что поможет облегчить работу сотрудников ОВД, специализирующихся в области безопасности информационных технологий в правоохранительной сфере, а конкретно на технологиях защиты информации в правоохранительной сфере и также оперативно-техническом обеспечении раскрытия и расследования киберпреступлений.

Список литературы

1. Белинская Е. П. Психология Интернет-коммуникации : учебное пособие. М. : МПСУ; Воронеж: МОДЭК. 2013. 192 с.

2. Саймон Дж. Кто в овечьей шкуре? Как распознать манипулятора. М. : Альпина Паблишер, 2014. 190 с

3. An Introduction to Cyberpsychology / [I. Connolly et al] // Routledge, 2016.

4. Braiker H. B. Who's pulling your strings? How to break the cycle of manipulation and regain control of your life. McGraw-Hill Education, 2004. 256 p.

5. Monica T. Whitty, Garry Young. Cyberpsychology: the study of individuals, society and digital technologies. John Wiley & Sons Limited, 2016. 264 p.

РАЗДЕЛ VII
ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ

Алменбетова Г. Ж.[1],
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Б. Кужевская****,*
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА

Современные модели правоохранительной деятельности Европы и США ориентированы на тесное сотрудничество с населением, как по поддержанию общественного правопорядка, так и в борьбе с преступностью.

В 21 веке «силовые модели» борьбы полиции с преступностью уступили место концепции «полиция, ориентированная на общество» [1].

В Америке отправной точкой для проведения реформирования полиции послужили трагические инциденты со смертельным исходом среди гражданского населения, связанные с применением силы полицией, а также многочисленные факты необоснованных арестов и задержаний (к примеру, в 2011 году полиция Нью-Йорка совершило 685 724 задержаний, где 53 % задержанных лиц были черными, 34 % – латиноамериканцами, большинство из которых оказались невиновными [2]; согласно обзору Бюро судебной статистики Министерства юстиции США, за 9 месяцев с июня 2015 года по март 2016 года было зарегистрировано 1 348 смертей, предположительно связанных с тем, как полицейские осуществляли арест, в 2019 году – 1 004 человека [3]).

Признавая необходимость реформ полицейской системы, представители правоохранительных органов, эксперты в области охраны правопорядка, Министерство юстиции США, а также ряд общественных организаций объединились вокруг ключевых полицейских подходов, направленных на повышение общественного доверия и минимизацию напряженности в обществе при учете безопасности сотрудников полиции.

Несмотря на разные точки зрения, общественность, полиция и политики преследуют общую цель: создать хорошо обученные, управляемые и подотчетные полицейские силы, которые эффективно охраняют общественную безопасность.

Одними из путей укрепления доверия с сообществами является реализация таких мер как внедрение передового опыта полицейской деятельности посредством технической помощи, совместная проверка деятельности полиции, новой политики применения силы, тренинги и обучение деэскалации сотрудников, а также открытой публикации данных о работе полиции.

---

[1] © Алменбетова Г. Ж., 2021.

В качестве основы модели полицейской деятельности, ориентированной на общество, предлагается руководствоваться девятью принципами сэра Роберта Пиля, дважды Премьер Министра Великобритании, основателя Скотланд-Ярда.

Эти руководящие принципы Пиля были призваны укрепить представление о том, что основные обязанности сотрудников заключаются как в борьбе с преступностью, так и в защите прав граждан; задуманы как сознательное демократическое ограничение власти полиции.

Власть полиции, согласно концепции Пиля, проистекает из общественного согласия и одобрения. Полиция должна стремиться завоевать общественное доверие, не удовлетворяя различные желания, а путем постоянной демонстрации абсолютно беспристрастного служения закону.

Принципы Пиля для полицейской деятельности признают, что повышение общественной безопасности не требует попрания демократических ценностей. Фактически, эффективная работа полиции укрепляет демократию и свободу.

Вместе с тем, полицейская деятельность опасна, и никакая реформа не устранит полностью риски, с которыми сталкиваются сотрудники полиции, или не изменит тот факт, что произойдет трагическая гибель сотрудников полиции. Согласно опросу американских полицейских исследовательским центром Pew, 86 % из полицейских заявили, что общественность не слишком хорошо понимает проблемы и риски, с которыми они сталкиваются. Во многих ситуациях действия одного или группы сотрудников приписываются каждому полицейскому. И при всем этом с полиции не снимается ответственность за защиту общества [1].

В контексте полицейской деятельности закон и опыт снова и снова возвращаются к таким ценностям, как законность, доверие и сдержанность. Представление Пиля о полицейской деятельности возлагает ответственность как на общество, так и на полицию. В сложившихся условиях требуется взаимное уважение между полицией и обществом. Когда существует доверие между ними, общество выигрывает, потому что сотрудники правоохранительных органов придают первостепенное значение благосостоянию общества и понимают тяжесть своей ответственности. Полиция, в свою очередь, выигрывает от работы в обществе, которое ценит свою роль в обеспечении безопасности и активно поддерживает эту общую цель.

Хотя принципы Пиля восходят к Англии 1829 года, они не теряют актуальности и в настоящее время. Эти принципы служат ориентиром для продолжающейся общенациональной американской дискуссии о том, как изменить ее политику сегодня.

Результатом проведения реформ ожидается улучшение отношений между полицией и обществом, а также уменьшение вероятности чрезмерного применения силы сотрудниками полиции и снижение трагедий.

Заинтересованные стороны со всех точек зрения могут извлечь выгоду, сосредоточив внимание на общей основе - повышении общественной безопасности, что может быть достигнуто за счет принятия принципов Пиля и соответствующей тактики работы сообществ.

Для полицейских реформа представляет собой возможность улучшить их способность более безопасно и эффективно служить своему обществу, а также обрести или восстановить веру тех, кого они клянутся охранять и служить.

Для политических лидеров реформа дает шанс обеспечить как защиту общества, которые они представляют, эффективными и справедливыми полицейскими действиями, так и способность полиции в этих юрисдикциях заручиться доверием сообществ и использовать передовой опыт, а для общества реформа – это шанс залечить раны, защитить конституционные права и начать все заново. Некоторые полицейские участки, города, и общество принимают вариант самостоятельного реформирования, при котором федеральное правительство не будет инициировать или управлять процессом реформ.

Таким образом, американское общество и правоохранительные структуры надеются, что применение данных моделей взаимодействия будет способствовать повышению качества работы полиции на местах, а также более эффективному достижению целей по реформированию полицейской деятельности.

Список литературы

1. Debo P. Adegbile. Policing Through an American Prism // URL: https://www.yalelawjournal.org/feature/policing-through-an-american-prism#_ftnref-107. (дата обращения: 01.04.2021).

2. Stop-and-FriskData // URL: http:// www.nyclu.org/content/stop-and-frisk-data. (дата обращения: 01.04.2021).

3. CNN: в США при задержании погибает больше людей, чем в любой развитой стране // URL: https://russian.rt.com/inotv/2020-06-09/CNN-v-SSHA-pri-zaderzhaniihttps://russian.rt.com/ inotv/2020-06-09/CNN-v-SSHA-pri-zaderzhanii (дата обращения: 01.04.2021).

Богатырев Д. В.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Б. Кужевская****,*
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ И АНГЛИИ

Злоупотребление правом – проблема, присущая многим отраслям права. Наиболее остро она проявляет себя в рамках гражданских правоотношений, однако и в уголовном судопроизводстве данное правовое явление весьма активно проявляет себя на практике.

Прежде всего, важно отметить то, что ни российское законодательство, ни уголовно-процессуальная теория не закрепляет в себе единого, общепринятого понятия злоупотребления правом. То же касается и признаков рассматриваемого явления. Несомненно, уголовно-процессуальный закон регламентирует отдельные меры пресечения некоторых видов злоупотребления правом, однако не содержит в себе общих мер предупреждения и пресечения.

По указанным выше причинам злоупотребление правом является исключительно оценочным понятием, а потому решение о его наличии или отсутствии в деянии участника уголовного судопроизводства будет принимать должностное лицо. При этом по причине отсутствия мер ответственности за злоупотребление правом должностное лицо, пресекая указанные действия, будет руководствоваться только личным опытом и судебно-следственной практикой.

Обращаясь к зарубежному опыту, весьма интересным видится практика предупреждения и пресечения злоупотребления правом в Англии, где рассматриваемый термин граничит с уголовно-процессуальным нарушением, а иногда и вовсе является его составляющей. Важно отметить, что помимо законодательных актов, английский институт предупреждения и пресечения злоупотребления правом строится и на различного рода судебных прецедентах.

В целом англо-саксонская модель уголовного судопроизводства представляет из себя спор двух сторон – гражданина и государства. При этом важно отметить, что устанавливается состязательный характер процесса.

Рассмотрим некоторые случаи правоприменительной практики в контексте злоупотребления правом в уголовном судопроизводстве.

Интересным представляется практика уголовного судопроизводства Англии, в рамках которой злоупотреблением процессуальным правом является разглашение информации об уголовном преследовании, которая в дальнейшем может повлиять на исход по уголовному делу. Подобные случаи в английском уголовном судопроизводстве называют неблагоприятной оглаской. Таким образом, чрезмерные и неблагоприятные репортажи в средствах массовой информации могут

[1] © Богатырев Д. В., 2021.

сделать справедливое судебное разбирательство невозможным, в результате чего уголовное преследование будет приостановлено.

В качестве примера можно привести дело 2003 г. Coulter против H. M. Advocate, в котором суд постановил, что разглашение определенной информации по уголовному делу может вызвать серьезные предубеждения у присяжных заседателей, от чего справедливое судебное заседание может быть поставлено под сомнение. При этом основной критерий заключается в том, является ли риск предубеждения настолько серьезным, что несмотря на принятые меры устранить их уже не удастся [1].

Однако при этом указанные обстоятельства не будут являться основанием для отмены судебного разбирательства в том случае, если судья придет к выводу, что с его помощью возможно проведение справедливого судебного разбирательства, при этом в данном вопросе он может опираться на свой собственный опыт и опыт своих коллег-судей.

В уголовном судопроизводстве России такая практика применяется крайне редко. Ст. 161 УПК РФ предусматривает запрет разглашения данных предварительного следствия за исключением случаев, когда следователь или дознаватель дал разрешение на распространения определенного объема информации. Кроме того, участники уголовного процесса предупреждаются о недопустимости данных предварительного расследования и в случае нарушения несут уголовную ответственность согласно ст. 310 УК РФ. При этом следует сказать и о гласности уголовного судопроизводства, закрепленной ст. 241 УПК РФ, заключающейся в открытости судебных заседаний.

Не менее интересной представляется практика, в рамках которой прокурором не разглашается информация другим участникам уголовного судопроизводства. Случаи, когда прокурор не выполняет свои обязательства по разглашению информации или предоставляет ее не в полном объеме, могут быть признаны злоупотреблением процессуальным правом. Однако, важно обратить внимание на то, что в деле DPP против Petrie (2015) было указано, что «Полное невыполнение прокурором своих обязательств по раскрытию информации может быть оправдано требованием не предоставлять доказательства в соответствии с профессиональным кодексом прокуроров и рекомендациями, изложенными в Руководстве CPS / ACPO по раскрытию информации» [3].

Проводя аналогию в контексте данной формы злоупотребления процессуальным правом между Англией и Россией, следует отметить, что в российском уголовном судопроизводстве информирование участников предусмотрено в виде вручения им копий процессуальных документов, либо уведомлений. В случае же невыполнения обязанностей по предоставлению информации речь будет идти о уголовно-процессуальном нарушении, которое может повлечь за собой неблагоприятные последствия для должностного лица, тем самым в контексте данного деяния исключается категория злоупотребления правом.

Весьма необычной для российского законодательства представляется практика судебного преследования после уведомлений о фиксированных штрафах.

В деле R против Gore and Maher (2009), районный суд подтвердил, что, если уведомление о фиксированном наказании было выдано ошибочно, последующее выдвижение обвинений не будет нарушением процедуры [1].

В этом случае два человека получили уведомление о фиксированном штрафе за нарушение общественного порядка. Через некоторое время полиция ознакомилась с доказательствами этого инцидента, полученными с помощью камер видеонаблюдения, и пришла к выводу о том, что установленные меры наказания являются неуместными, арестовала двух обвиняемых и предъявила им обвинения в нанесении тяжких телесных повреждений. В ходатайствах о приостановлении производства по делу на основании злоупотребления процессуальным правом было отказано.

Несправедливость может возникнуть в тех случаях, когда сторона обвинения намеренно манипулирует процессуальными действиями. В деле R против Rotherham Justices exparte Brough (1991), Королевская прокурорская служба сознательно предприняла шаги для обеспечения того, чтобы обвиняемый, которому предъявлено обвинение в совершении преступления, подлежащего уголовному преследованию только при достижении совершеннолетия, не предстал перед судом до тех пор, пока он не станет совершеннолетним [1].

Сторона обвинения может быть уличена в злоупотреблении процессуальными правами, когда она выдвигает дополнительные обвинения по истечении срока содержания под стражей, чтобы предотвратить освобождение обвиняемого под залог. В деле R (Wardle) против Leeds Crown Court (2002), например, обвинение в убийстве было заменено обвинением в непредумышленном убийстве, когда истекал срок содержания под стражей [2]. Было решено, что предъявление нового обвинения будет являться злоупотреблением правом, если предъявление этого обвинения не может быть оправдано обстоятельствами дела, и суд убежден, что оно было предъявлено исключительно с целью получения нового срока содержания под стражей.

Схожая практика весьма активно наблюдается и в российском уголовном судопроизводстве. При этом в контексте указанного деяния грань между злоупотреблением правом и уголовно-процессуальным нарушением весьма тонка, и в силу отсутствия законодательной регламентации злоупотребления правом решение будет основано на личных убеждениях и опыта должностного лица, обеспечивающего законность и обоснованность уголовного судопроизводства.

Кроме того, зачастую в правоприменительной практике уголовного судопроизводства Англии встречаются случае провокации со стороны сотрудников правоохранительных органов. Так, в деле R против Looseley (2002), Палата Лордов постановила: когда обвиняемый может доказать провокацию со стороны сотрудников полиции, суд сможет приостановить разбирательство или может исключить доказательства [1]. Таким образом провокация со стороны сотрудников полиции является недопустимой, однако, если обвиняемый уже имел намерение совершить преступление того же или подобного рода, и полиция не сделала ничего, кроме того, что предоставила ему возможность осуществить его намерение, то это не будет вызывать возражений, при условии, что не было допущено тяжких последствий.

Говоря в данном контексте о российской практике правоприменения, важно обратить внимание на то, что аналогично указанным выше обстоятельствам доказательство, полученное в результате провокации, не будет допущено к участию в уголовном процессе, так как было собрано с нарушением законодательства.

Подводя итоги, отметим, что проблема злоупотребления процессуальным правом весьма актуальна для Английского уголовного судопроизводства и по практике его допущения весьма схожа с российским. Однако отметим, что в силу прецедентного права институт злоупотребления правом в Англии раскрыт более подробно, в том числе меры его предупреждения и пресечения.

Список литературы

1. Abuse if process // URL: https://www.cps.gov.uk/legal-guidance/abuse-process (дата обращения: 06.05.2021).

2. Criminal Law – 2015 Case Law Review – ICLR // URL: https://www.iclr.co.uk/blog/commentary/criminal-law-2015-case-law-review/ (дата обращения: 01.05.2021).

3. Criminal practice directions // URL: https://www.justice.gov.uk/courts/procedure-rules/criminal/docs/2015/crim-practice-directions-VI-trial-2015.pdf (дата обращения: 05.05.2021).

Гаврилина А. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. А. Горшенева,***
заведующий кафедрой иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор

ЮВЕНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРАВОСУДИЯ В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В последние годы общественность и ученые проявляют большой интерес к преступности и психическому здоровью, детей и подростков. Масштабы проблемы преступности среди несовершеннолетних вызвали неоднозначную реакцию со стороны правительств и средств массовой информации во всем мире, призывы к улучшению реабилитации и поддержки несовершеннолетних правонарушителей, конкурирующих с голосами, выступающими за более карательные подходы.

Вынесение приговора лицу, осужденному за уголовное преступление, в значительной степени обусловлено тремя ключевыми позициями: возмездие (наказание), сдерживание и реабилитация. В случае несовершеннолетних правонарушителей реабилитации уделяется повышенное внимание.

В большинстве стран существует определенное положение об особом обращении с детьми, которые вступают в конфликт с законом. В некоторых странах преобладает модель «благосостояния», в которой основное внимание уделяется потребностям ребенка, диагностике, лечению и неформальным процедурам, в то время как другие страны выступают за модель «справедливости», в которой особое внимание уделяется подотчетности, наказанию и процедурной формальности [4].

Примером страны с сильным процессом обеспечения благосостояния, поддерживаемой высоким минимальным возрастом уголовной ответственности в 18 лет, является Бельгия. Аналогичным образом, Франция создала сильную репутацию в области социального обеспечения, поставив образование и реабилитацию в центр реформ в области правосудия в отношении молодежи. В Новой Зеландии создана широко признанная система семейных групповых конференций, как неотъемлемой части правосудия в отношении молодежи.

В рамках моделей обеспечения благосостояния, несовершеннолетний может быть «лишен свободы» – определяется как любая форма содержания под стражей в соответствии с официальными властями в государственном или частном месте, которое несовершеннолетнему не разрешается покидать.

К таким местам относятся: полицейские участки, тюрьмы для несовершеннолетних, безопасные следственные изоляторы, бутс-лагеря, пенитенциарные колонии, закрытые специализированные школы, реабилитационные учреждения, военные лагеря, иммиграционные центры, безопасные молодежные общежития и больницы [3].

[1] © Гаврилина А. А., 2021.

Противоположными странами с низким возрастом уголовной ответственности и в которых традиционно преобладает модель «справедливости» являются, Великобритания и США. Возраст уголовной ответственности в Англии и Уэльсе – 10 лет, и всего 6 лет в нескольких штатах США.

Система правосудия по делам несовершеннолетних в США изначально была заинтересована в том, чтобы относиться к молодым людям иначе, чем к взрослым, с точки зрения уголовного процесса и его санкций. Следует отметить, что в 1899 году в Чикаго был создан первый в США суд по делам несовершеннолетних. Данная новаторская система судов послужила моделью, которая, была принята во всех штатах США, а также в округе Колумбия [1].

Однако со временем система правосудия в отношении несовершеннолетних претерпела огромные изменения в последние годы. Переходя от модели «благосостояния» к более карательному подходу, большинство законодательных органов штатов приняли все более строгие законы в целях дальнейшего сдерживания преступности среди несовершеннолетних.

Они включают в себя целый ряд обязательных механизмов передачи, с помощью которых несовершеннолетним, совершившим определенные тяжкие преступления или ранее совершившим такие преступления, может грозить перевод в тюрьмы для взрослых по достижении 21 года.

Система правосудия в отношении несовершеннолетних в Великобритании, схожа с моделью правосудия в США, но имеет некоторые особенности.

Английские суды осуществляют юрисдикцию в отношении правонарушителей в возрасте от 10 лет до 16 лет. Лица в возрасте до 14 лет относятся к категории «дети», а лица старше 14 лет и младше 17 лет классифицируются как «молодые люди». Правонарушители в возрасте 17 лет и старше предстают перед обычными судами по делам взрослых.

В Великобритании организованы организации, осуществляющие работу с несовершеннолетними:

- совет по делам молодежи;
- служба правосудия по делам молодежи.

В 1994 году был принят Закон об уголовном правосудии и общественном порядке предусматривает более суровые наказания для несовершеннолетних правонарушителей. В 2000 году последовал Закон об уголовном правосудии и судебных услугах, который выдвинул использование общественных работ в качестве одной из форм наказания для несовершеннолетних [2].

Стоит отметить, что современная система правосудия по делам несовершеннолетних фактически возникла в США, большинство ранних законов о преступности в европейских странах были смоделированы на основе концепций и практики, используемых в Чикаго в конце XIX в. Однако каждая европейская страна реализовала программы, подходящие для своей истории, культуры и ценностей.

Одной из тенденций в правосудии в отношении несовершеннолетних XXI в. стоит подчеркнуть реституционное правосудие, которое при равном значении уделяется правам жертв и реабилитации правонарушителей.

Список литературы

1. Арефинкина Е. Г., Оганесян А. К. Особенности становления ювенальной юстиции в США // Черные дыры в Российском законодательстве. 2017. № 5. С. 58–61.

2. Новицкий А. А. Некоторые аспекты законодательной деятельности в сфере ювенальной юстиции на примере Великобритании и Нидерландов // Политико-правовые аспекты реформирования российского законодательства : сборник статей Международной научно-практической конференции (Омск, 01 12.2020 г.) Омск : Аэтерна, 2020. С. 64–66.

3. Stevens A., Kessler I., Gladstone B. Review of Good Practices in Preventing Juvenile Crime in the European Union // URL: http://www.eucpn.org/library/index.asp (accessed 13 June 2013). Google Scholar.

4. Young S., Greer B., Church R. Juvenile delinquency, welfare, justice and therapeutic interventions // A global perspective. BJPsych Bulletin. 2017. 41 (1), pp. 21–29.

Малахов С. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Б. Кужевская*****,**
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук

ПРИНЦИП РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В АДМИНИСТРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ США

Одним из базовых, основополагающих начал современных демократических государств является принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную.

Впервые идея о разделении властей достаточно подробно и обоснованно была сформулирована в XVII в. во Франции выдающимся мыслителем эпохи Просвещения Шарлем-Луи де Монтескье в его трактате «О духе законов».

Без преувеличения следует отметить, что данное политико-правовое произведение является фундаментальным, его положения легли в основу формирования множества правовых концепций. Достаточное количество идей, которые можно обнаружить на страницах трактата, воплотились в государственном устройстве современных стран.

Правовой принцип «разделения властей» изначально формулировался через определение свободного государства от произвола, путем взаимного сдерживания самовольных действий каждой из ветвей государственной власти ими самими при помощи механизмов законодательного и организационного воздействия, а также распределения полномочий.

Так по мнению Шарля-Луи де Монтескье законодательная власть является представительным органом, выражающим волю народа через правоустановления (в процессе выявления права и формулирования его в законодательных актах); исполнительная власть предназначена для исполнения данных законов и регулирования отношений административных органов и общества; судебная власть в свою очередь карает за совершение преступлений и разрешает споры частных лиц.

Все ветви власти имеют правовой характер, однако, чтобы не допустить произвола со стороны одной из них (злоупотребления своим положением) они должны быть не только разделены между собой, но также и наделены правом приостанавливать, а в каких-то ситуациях и отменять решения друг друга.

Взаимные полномочия по сдерживанию ветвей государственной власти, как отмечает Шарль-Луи де Монтескье могли бы в конечном итоге привести к их бездействию, но объективно происходящее движение общественной жизни всеже побуждает их действовать, главное, чтобы их действие было согласованным, а гармоничное взаимодействие возможно только при условии верховенства закона в государстве [3].

---

[1] © Малахов С. А., 2021.

Основанием действия данного принципа в демократических государствах является его декларирование в Конституциях («основных законах государств»). Наличие писаных Конституций как главенствующих нормативных правовых актов характерно не для всех правовых систем. В качестве формального юридического источника права они имеются во всех государствах Романо-Германской правовой семьи и некоторых других правовых систем [2].

Правовая система Соединенных Штатов Америки относятся к смешанному типу, где в качестве формальных юридических источников права предусматриваются как нормативные правовые акты, так и судебные прецеденты.

Конституция США была принята еще в 1787 году и ее содержанию не свойственна частая динамика изменений, что отражает стабильность правового регулирования и достаточность правовых и общечеловеческих ценностей, провозглашенных в ней для воздействия на общественные отношения в государстве. Как отмечают многие специалисты: «США решили, что основной закон страны меняться не должен (это обеспечивает определенную стабильность в обществе), а чтобы документ, созданный и принятый несколько веков назад, соответствовал сегодняшнему дню и решал проблемы современной жизни, необходимо законодательно его дополнять – путем внесения поправок» [1].

Именно в Конституционных положениях отражены основополагающие начала разделения властей в США, а также правовые механизмы их реализации, заключающиеся в системе сдержек и противовесов.

Конгресс конструирует установленные законом схемы разделения власти, сдержек и противовесов через свои делегирования административным органам (органам исполнительной власти). Установленное законом разделение властей в государственном управлении (административная отрасль) является аналогом конституционного принципа разделения властей.

Установленное законом разделение властей направлено на предотвращение доминирования фракций и обеспечение стабильности политики. Но разделение и уравновешивание установленных законом полномочий – дело деликатное: оптимальный баланс трудно откалибровать заранее, баланс нестабилен, и есть риски, что исполнительные органы, в частности, могут попытаться расширить свои полномочия по сравнению со своими независимыми коллегами.

Разъясняя архитектуру установленного законом разделения властей, демонстрируется как законодательное разделение властей может способствовать сопротивлению исполнительной власти, так и то, как исполнительная власть может использовать определенные законодательные неопределенности в качестве оружия для достижения политического доминирования.

Представители обеих политических партий (речь идет о Демократической и Республиканской партии США) бесцеремонно используют административные органы для достижения политических целей. Действующая администрация США не является исключением: она отменила лимиты выбросов, ранее обнародованные Агентством по охране окружающей среды, переориентировала иммиграционную политику на обеспечение соблюдения и безопасность границ посредством изменений в Министерстве внутренней безопасности, и опирается

на Министерство энергетики, чтобы поддержать испытывающую трудности угольную промышленность.

Этот последний комплекс усилий до сих пор отвергается другими федеральными административными субъектами. Это не случайно. Конгресс установил существующий федеральный баланс энергетических ведомств после предыдущей попытки исполнительной власти доминировать в энергетической политике. Но из-за готовности администрации использовать установленные законом сдержки как меч, а не щит, межведомственный баланс власти оказался под всевозрастающим давлением [4].

Следует определить перечень некоторых регулятивных мер «сдержек и противовесов», которые образуют фундамент установленного законом разделения властей: координация работы ведомств и агентств посредством согласования рабочих программ; контрольно-надзорные полномочия органов исполнительной власти в отношении друг друга; межведомственная делегация; межведомственное вето и некоторые другие меры.

Самый сильный вариант межведомственных сдержек – это межведомственное вето. Подобно президентскому вето, межведомственное вето позволяет одному ведомству предотвращать действия другого.

Например, Федеральная Комиссия по регулированию энергетики (FERC) имеет право запрещать Министерству энергетики (DOE) предпринимать определенные действия, если обнаруживает, что такие действия «существенно повлияют» на любую из функций Федеральной Комиссии по регулированию энергетики. Аналогичным образом, «Закон о конкуренции в контрактах» позволяет агентствам отменять задержку заявок и протестов Государственной бухгалтерской службы в отношении незавершенного государственного контракта.

В качестве другого примера рассмотрим «Закон об исчезающих видах» (ESA), который содержит две версии межведомственного вето. Во-первых, федеральные агентства не могут предпринимать никаких действий, если Служба рыбного хозяйства и дикой природы (FWS) или Национальная служба морского рыболовства (NMFS) определит, что эти действия могут поставить под угрозу дальнейшее существование исчезающих или находящихся под угрозой исчезновения видов. Однако, во втором примере межведомственного права вето, Межведомственный комитет по исчезающим видам (учреждение, созданное Конгрессом в 1978 году в составе руководителей различных существующих ведомств) может отвергнуть выводы FWS и NMFS и разрешить выполнение основных действий.

Рассмотреть всю систему сдержек и противовесов в «законодательном установлении разделения властей» США в рамках настоящей статьи видится невозможным, так как объем настоящей статьи ограничен.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что конституционный принцип разделения властей проявляется и на субконституционном уровне в ходе административного управления, осуществляемого органами исполнительной власти. Установленное законом разделение властей органов исполнительной власти США является принципом, обеспечивающим административный баланс системы государственного управления.

Список литературы

1. Горшенева И. А., Кужевская Е. Б., Султанова Р. М. Однопредметные конституционные поправки (зарубежный опыт) // Поколение будущего: сборник статей Международной студенческой научной конференции, 2018. С. 339–347.

2. Митрофанова О. А. Социальное государство как объективная реальность // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых, 2019. С. 463–465.

3. Монтескьё Ш. Л. О духе законов / [сост., пер. и коммент. А. В. Матешук]. М. : Мысль, 1999. 672 с.

4. Sharon B. J. The Statutory Separation of Powers // The Yale Law Journal. 2019. Vol. 129. № 2, pp. 380–444.

Милюкова Ю. Д.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Л. А. Безбородова****,*
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ СТРЕСС В СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

Способность человека противостоять давлению внешних факторов жизнедеятельности и стрессу ограничена. Служба в полиции считается одной из самых стрессовых. В первую очередь, отмечается оперативно-разыскная деятельность с ее особенностями: угроза жизни и здоровья самого сотрудника полиции, применение огнестрельного оружия, взаимодействие с различными категориями граждан и многое другое; также в результате структурных реформ и сокращений стрессу подвергаются и иные подразделения, занимающиеся административной и организационной деятельностью.

Непрерывное влияние стрессовых ситуаций приводит к определенным нарушениям как физического, так и психологического здоровья личности сотрудников полиции. В ответ на физический стресс возможны такие последствия, как высокое кровяное давление, сужение сосудов, головные боли, нарушения зрения, головокружение, проблемы с дыханием, нарушение сна и др.; боль в мышцах и суставах; расстройства пищеварения, потеря веса и т. д. [4]

Существуют также и психологические реакции: страх, раздражительность, частая утомляемость, панические атаки, хроническая тревога, гнев, нервозность, перепады настроения. Как следствие может происходить нарушение концентрации внимания и мышления и т. д. На фоне этого снижается производительность труда, ухудшается качество выполнения оперативно-служебных задач. Сотрудник уже не стремится выполнять в полном объеме и на должном уровне свою профессиональную деятельность, совершает много ошибок в процессе выполнения поставленных задач.

Косвенными психосоциальными последствиями длительного влияния стресса на личность сотрудника полиции могут стать частые употребления алкоголя и иных расслабляющих веществ, появление зависимости от азартных игр, как способа отвлечения от служебной деятельности, проявление синдрома эмоционального выгорания и многие другие негативные последствия, что приводит к пренебрежению собственным здоровьем и межличностным отношениям.

Американский психолог Р. Лазарус в своей концепции стресса выделил физические и психологические стрессовые раздражители [1].

К первым относятся:

- погодные условия, воздействие климатических условий;
- болевые ощущения, травмы;
- стресс, связанный с какой-либо болезнью;

[1] © Милюкова Ю. Д., 2021.

– физические неудобства.

Ко вторым относятся:

– конфликты с коллегами, с членами семьи;

– монотонная деятельность;

– завышенные ожидания, желание несбыточных вещей, стремление их получить;

– развод, смерть близкого человека, поступление в учебное заведение, переезд и др.

Деятельность сотрудников полиции зачастую протекает в напряженных и опасных условиях. Никогда нельзя исключать вероятности неожиданных изменений оперативной обстановки. К примеру, вызванная для разрешения конфликтной ситуации агрессия, может обернуться против сотрудника. С другой стороны, полицейскому приходится вторгаться в личное пространство других людей, обыскивать их, применять физическую силу и т. д. [3]

Для успешного, эффективного и конструктивного решения любой сложившейся ситуации к сотруднику полиции предъявляются определенные требования: высокий уровень сформированности профессиональной компетентности, наличие высокого уровня профессионального правосознания, дисциплинированность, наличие творческого мышления, развитая культура поведения, наличие способности анализировать социально значимые проблемы, стремление к саморазвитию, морально-психологическая, эмоциональная и физическая подготовленность.

Так или иначе психологический стресс в служебной деятельности сотрудников полиции неизбежен. Для нейтрализации негативных последствий воздействия стрессовых ситуаций, а также с целью профилактики профессиональной деформации и эмоционального выгорания личности сотрудников полиции, необходимо организационное и индивидуальное воздействие [2]. Особую роль в деятельности сотрудников органов внутренних дел играет психологическая служба. Среди основных задач в деятельности сотрудников отела психологической работы можно выделить следующие:

– работа с психологическим потенциалом личности сотрудника полиции;

– развитие индивидуальных навыков преодоления негативных последствий стресса;

– нормализация психического состояния;

– повышение эффективности работы оперативно-служебной деятельности;

– контроль за социально-психологическим климатом служебного коллектива;

– изучение взаимоотношений между руководителем подразделения и его личным составом;

– обучения техникам саморегуляции, аутогенных тренировок, сохранения и восстановления работоспособности;

– проведение групповых тренингов и др.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что в настоящее время служба в органах внутренних дел приобретает особую актуальность, так как она

затрагивает интересы всех членов общества. Служебная деятельность сотрудников полиции постоянно вызывает определенные профессиональные трудности, стрессовые ситуации, что оказывает большое влияние на эмоциональное, психологическое и физическое состояние полицейского.

Наличие чрезвычайных ситуаций и иных особенностей профессиональной деятельности предъявляет особые требования к личности сотрудника, что заставляет постоянно повышать уровень развития профессионально-личностных качеств, а также обучаться навыкам и техникам саморегуляции, с целью преодоления психологического стресса в процессе служебной деятельности.

Список литературы

1. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс / под ред. Л. Леви. Л. : Медицина, 1970. 329 с.

2. Маюров Н. П., Маюров П. Н., Ороева О. Д. Особенности профессиональной адаптации молодых сотрудников ОВД к службе // Ленинградский юридический журнал. 2018. № 4 (54). С. 198–213.

3. Рогачева Т. В., Залевский Г. В., Левицкая Т. Е. Психология экстремальных ситуаций и состояний : учебное пособие. Томск : Томский государственный университет, 2015. 276 с.

4. Deutshe Polizei «Stress imDienst!» Zeitschrift der Gewerkschaft der Polizei // Fachzeitschriftund Organ der Gewerkschaft der Polizei. 2006. № 1.

Митрофанова О. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. А. Горшенева****,*
заведующий кафедрой иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор

ПРАВОТВОРЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СУДЬИ В СОЕДИНЕНННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Основная функция судов - выносить решения, а не издавать законы. Законодательная власть является и должна быть высшим источником права. Однако неизбежно судебный процесс в американских юрисдикциях требует, чтобы суды иногда создавали или изменяли общую норму для разрешения спора, находящегося на рассмотрении суда. Действительно, исторически Конституция Соединенных Штатов Америки и обычаи предусматривают выполнение судами функции по пересмотру и адаптации законодательства, для поддержания согласованности и актуальности закона. Тем не менее, бывают случаи, когда создание судебного закона уместно. Данная функция должна осуществляться с учетом традиционных ограничений и, прежде всего, в соответствии с аргументированным развитием ранее существовавшей доктрины, нежели для выражения какой-либо личной точки зрения судей [2].

Нет необходимости рассматривать различные философские концепции, которые разделяют философы права. Было бы лучше принять рабочее определение, что закон – это просто материальные или процессуальные нормы, с помощью которых суды решают дела, находящиеся на их рассмотрении в настоящее время. Таким образом, для настоящих целей наиболее уместно предположить, что правовые нормы, сформулированные судебными решениями, представляют собой судебное правотворчество, игнорируя гражданскую концепцию, согласно которой судебные решения являются лишь интерпретацией и что закон вытекает только из законодательства. Также необходимо, отметить частное право – судебную нормотворческую ответственность, возникающую при решении споров между частными лицами по урегулированию частных прав и обязанностей. Таким образом, можно будет избежать эмоционально заряженной атмосферы, окружающей обязанность судов решать публично-правовые вопросы политики и толкования конституции. При этом, в первую очередь, рассматривается правотворческая функция судов в развитии «закона адвоката» тихих юридических библиотек, а не «политический закон» шумного законодательного собрания или углов шумной улицы.

В наши дни, когда многие искренние слои населения, а также некоторые безответственные граждане протестуют против судебного законодательства, важно признать и подтвердить очевидную истину, что суды могут и, иногда, обязаны выполнять законотворческие функции [1].

---

[1] © Митрофанова О. А., 2021.

Откровенно признавая, что творческий подход судей является важным компонентом процесса решения дел, возможно, удастся найти способ исправить дезинформацию по этому поводу, представленную многими непрофессионалами. Введенные в заблуждение полуправдой Фрэнсиса Бэкона: «Судьи должны помнить, что их задача - толковать закон, а не издавать закон». И несколько поколений чрезмерно упрощающих учителей общеобразовательных школ в старших классах привели к тому, что множество людей поверили в то, что для судей неприемлемо признавать нововведение, выбор закона или пересмотр закона. Несправедливую критику со стороны непрофессионала и подрывающий доверие цинизм, возможно, лучше всего излечить путем открытого признания того, что суды действительно выполняют и всегда выполняли повседневную функцию адаптации закона как необходимую часть их традиционного процесса принятия решений [3].

Из уважения к преобладающим, но временами ошибочным мнениям, добросовестные и искренние судьи могут поставить под сомнение свою законотворческую власть. Однако исторически ограниченные законотворческие функции, обычные для судебной власти, рассматривались как дополнение, а не вторжение в работу законодательного органа. Судьи не должны уклоняться от жесткого выбора ценностей, иногда навязываемого им их обязанностью поддерживать регулярность, порядок и смысл закона путем творческого пересмотра и корректировки в пределах ограниченной области, где это необходимо. Если суды не будут выполнять эту обязанность, законодательные органы тоже не смогут, и от этого могут пострадать разумное развитие закона и его способность удовлетворять текущие потребности.

Список литературы

1. AlbertTate Jr. The law-making function of the judge // The Yale Law Journal. 2008. № 2 (28), pp. 211–234.

2. Gray J. C. The nature and sources of the law. The Columbia University Press, 1909 (Beacon Press reprint, 1963).

3. Stempf, Congressional Response to Supreme Court Rulings: The Interaction of Law and Politics, 14 J.PUB. L. 377 (1965).

Московцева К. А.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Л. А. Безбородова****,*
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА ФРГ

Уголовный процесс в Германии состоит из трех стадий, для каждой из которых характерны разные функциональные задачи. Различают предварительное расследование, судебное разбирательство и исполнительное производство.

Полиция Германии выполняет двойную функцию: она действует превентивно и репрессивно. Превентивная функция выражается в предотвращении правонарушений и угроз общественной безопасности и правопорядку. В этом аспекте деятельность полиции регулируется полицейским и административном правом. Репрессивная функция подразумевает раскрытие полицией уже совершенных преступлений и регулируется уголовно-процессуальным кодексом и законом о судоустройстве [3].

Превентивная деятельность включает не только предупреждение уголовно - наказуемых деяний и административных правонарушений, но и также пресечение ситуаций, нарушающих общественный порядок и безопасность. Такая деятельность полиции регулируется законом о полиции Земель, при этом у прокуратуры отсутствует право отдавать распоряжения [8]. Деятельность по уголовному преследованию состоит из установления и реализации права государства на уголовное преследование в случае совершения преступления.

Наряду с судами и прокуратурой эту функцию осуществляет и полиция. Право прокуратуры отдавать распоряжения в соответствии с § 161 УПК в совокупности с § 152 Закона о судоустройстве относится только к деятельности полиции по уголовному преследованию. Превентивные и репрессивные меры по осуществлению уголовного преследования нередко пересекаются и являются одними из основных задач полиции. Например, при захвате заложников в ходе ограбления банка преобладает аспект защиты заложников, поэтому прокуратура не может санкционировать применение огнестрельного оружия [1].

Прокуратура может самостоятельно проводить требуемое расследование согласно § 160 УПК, но она не в состоянии это осуществить в силу отсутствия необходимой материальной базы. Следовательно, для проведения расследования прокуратуре требуется исполнительный орган, сама она при этом является «головой без рук». Поэтому прокуратура привлекает для этого полицию. В соответствии с законом, полиция подчиняется министерствам внутренних дел Земель, которые самостоятельно определяют ее структуру, задачи и деятельность, однако функционально она находится в подчинении у прокуратуры. Среди полицейских необходимо различать как вспомогательных служащих прокуратуры,

[1] © Московцева К. А., 2021.

так называемых «помощников прокуратуры», так и прочих сотрудников полиции, в отличии от которых помощники прокуратуры наделены особыми полномочиями по применению мер принуждения. Они должны следовать всем распоряжениям прокуратуры, о чем говорит § 152 Закона о судоустройстве [4].

Правовые нормы земель четко разграничивают функциональные обязанности сотрудников полиции и помощников прокуратуры. Сотрудники полиции не обязаны действовать по распоряжению прокуратуры. Согласно § 163 УПК ФРГ, их задачей является проведение ряда неотложных следственных действий [7]. Сотрудник полиции имеет право на задержание подозреваемого, проведение мер по установлению личности, использованию технических средств и привлечению к расследованию тайных дознавателей, наделенных определенным кругом полномочий, закрепленных законодательно. По завершению выполнения необходимых действий дело передается в прокуратуру [6].

Многие уголовно-процессуальные меры воздействия требуют наличия судебного решения. Прокуратура и полиция имеют право на применение мер принуждения только в случаях, не терпящих отлагательств, «когда промедление грозит опасностью», к тому же этим правом наделены не все сотрудники полиции, а только помощники прокуратуры. На практике это правило нередко не соблюдается. Права на применение мер принуждения, которые предоставляются в распоряжение полиции для осуществления ее задач, четко разграничиваются между вспомогательными служащими прокуратуры и сотрудниками полиции. Правовые основания полицейского вмешательства закреплены в § 163 УПК ФРГ. В целом, они представляет собой такую норму, которая регулирует подведомственность [2].

Правовая защита от мер уголовно-процессуального преследования полиции должна, согласно административно-правовой практике и доктрине, осуществляться не в соответствии с §§ 40 и след. Закона об административных судах, но согласно §§ 23 и след. Вводного закона к закону о судоустройстве. При этом необходимо обратить внимание на дополнительную оговорку § 23 Вводного закона, согласно которой не допускается специальная процедура обжалования в рамках уголовного процесса [5].

Итак, из вышеизложенного следует, что такая вспомогательная роль полиции по отношении к прокуратуре в Германии имеет ряд особенностей, которые делают уголовный процесс ФРГ отличным от уголовного процесса Российской Федерации и ряда других государств. Ученые, занимающиеся изучением зарубежного опыта построения правовых систем с целью имплементации правовых норм в отечественную систему права, обратили внимание на тот факт, что существующая в российской процессуальной науке проблема распределения функций между контролирующими «инстанциями»: руководителем следственного органа и прокуратурой, попросту отсутствует в Германии в силу того, что там существует монополистская прокурорская модель осуществления уголовного процесса.

В последнее время среди отечественных процессуалистов особо актуальна данная проблематика, и поэтому стоит согласиться с мнением ученых о том, что необходимо сосредоточить внимание на немецкой модели ведения уголовного процесса, проанализировать возможность имплементации отдельных правовых

норм с целью оптимизации алгоритма осуществления контроля за деятельностью следователя на досудебном этапе производства по уголовным делам.

Список литературы

1. Овчинников С. Н. Превентивные формы предупреждения рецидива (на примере ФРГ) // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/preventivnye-formy-preduprezhdeniya-retsidiva-na-primere-frg/viewer (дата обращения: 02.05.2021).

2. Курочкина Ю. С. Сравнительный анализ судебного следствия России и Германии // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-sudebnogo-sledstviya-rossii-i-germanii/viewer (дата обращения: 09.05.2021).

3. AblaufderErmittlungsfehrfahren // URL: https:// www.justiz.nrw.de/Gerichte_Behoerden/Staatsanwaltschaften/Ermittlungsverfahren_Ablauf/Ablauf_Ermittlungsverfahren/idex.php (дата обращения: 02.05.2021).

4. DieEinleitungundderAblaufdesErmittlungsverfahren // URL: https://justizportal.niedersachsen.de/startseite/gerichte_und_staatsanwa-ltschaften/staatsanwaltschaften/ablauf_des_ermittlungsverfahrens/die-einleitung-und-der-ablauf-des-ermittlungsverfahrens-155739.html (дата обращения: 01.05.2021).

5. DasErmittlungsverfahrenimStrafprozess // URL: https://www.bussgeldkatalog.org/ermittlungsverfahren/ (дата обращения: 30.04.2021).

6. Ermittlungsverfahren Ablauf-Alles was Sie wissen müssen! // URL: https://www.strafrechtsiegen.de/ermittlungsverfahrenablauf/ (дата обращения: 30.04.2021).

7. Gabriele Rose Einfuehrung in das deutsche Strafprozessrecht // URL: http://law-.sfukras.ru/data/method/elibrarykup/Mono/Введение%20в%20уг.процесс%20-ФРГ.pdf (дата обращения: 01.05.2021).

8. Was isteinStrafverfahren? InfoszumAblauf // URL: https://www.bussgeldkatalog.org/strafverfahren/ (дата обращения: 03.05.2021).

Новосельская С. Р.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Б. Кужевская****,*
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук

ИССЛЕДОВАНИЕ МОТИВАЦИОННО-ЦЕННОСТНОГО КОМПОНЕНТА ОБРАЗА ПРОФЕССИИ У КУРСАНТОВ В КИТАЕ

В настоящее время наиболее актуальным является вопрос изучения образа профессии курсантов образовательных учреждений МВД России и, в частности мотивации курсантов полицейских образовательных учреждений других стран для проведения сравнительного анализа международного опыта, а также для того, чтобы после окончания вузов курсанты выходили хорошо подготовленными специалистами, стремящимися к профессиональному самосовершенствованию и развитию [1].

Структура образа профессии курсантов может включать следующие элементы: мотивационно-ценностный, познавательный, эмоционально-волевой, личностный, операциональный. Для более полного изучения характеристик образа профессии курсантов нами был проанализирован опыт эмпирического исследования профессиональной мотивационно-ценностного компонента образа профессии курсантов в Китае. Данные, использованные в этом исследовании, были собраны из известного полицейского колледжа в восточной провинции КНР. Анкеты для обследования изначально были разработаны на английском языке и переведены на китайский язык. Анкета содержала 63 вопроса, направленных на получение информации по различным аспектам мотивационно-ценностного элемента, например мотивация курсантов к поступлению в отряд, отношение к полиции, полицейской службе, продвижению по службе и возникающим проблемам.

Выборка исследования была представлена 182 курсантами Китайского кадетского колледжа [2].

Одним из вопросов анкеты звучал следующим образом: «Почему курсанты решили пойти служить в полицию?» и были предложены 19 позиций, по которым респондентам предлагалось сообщить об их наличии или отсутствии влияния на принятие решения стать полицейским. При этом, тремя самыми влиятельными факторами явились: безопасность работы (88%), стабильная заработная плата (86%) и влияние родителей (83%). Возможность помочь людям (77%), соблюдение закона (69%) и возможность бороться с преступностью (71%) были оценены как следующие (после 3-х самых влиятельных) по важности мотивы поступить на службу в полицию.

[1] © Новосельская С. Р., 2021.

Также социальные льготы (66 %), престиж и статус должности (61 %) и азарт службы (60 %) были выбраны значимым количеством курсантов. Реже всего курсанты соглашались с тем, что они пошли служить в полицию, потому что у них не было другого варианта (17 %) или, что они хотели попробовать, чтобы узнать, подходит ли им эта служба (20 %), или они находились под влиянием своих учителей или братьев и сестер (оба около 33 %).

Рассматривая относительную важность направленностей по категориям, были выделены две группы мотивов: «Гарантия занятости и льготы» и «Качество работы и функции» [3]. Мотивы в этих двух группах были оценены как 10 основных причин выбора профессии полицейского, с единственным исключением досрочного выхода на пенсию и достойной оплаты пенсии, которая заняла 13 место. Две другие группы, «Влияние со стороны других» и «Погружение в работу» занимали нижнюю часть рейтинга, за исключением «Влияния родителей», которое было третьим по значимости фактором.

В целом, индивидуальные особенности курсантов были незначимы: четыре из шести независимых переменных (возраст, пол, образование и семейный статус) не оказали существенного влияния на решения курсантов пойти служить в полицию. Большое количество курсантов стремились к прохождению службы в полиции из-за особых функций этой профессии (таких как, борьба с преступностью, помощь людям и обеспечение соблюдения закона) [4].

Таким образом, мотивационно-ценностный компонент образа профессии китайских курсантов обладает следующими отличительными особенностями:

В Китае при выборе будущей профессии курсанты ориентируются в большей степени на безопасность будущей службы, высокую заработную плату и рекомендации родителей. Важным фактором, оказывающим влияние на выбор будущей профессии и стремление пойти служить в полицию, стали особые функции службы в полиции, такие как, противоборство с правонарушениями, помощь обществу, а также обеспечение исполнения государственного законодательства.

Список литературы

1. Цветков В. Л., Балашова В. А. Профессиональная мотивация курсантов // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. Т. 25, № 4 (83). С. 395–401.

2. Wong, K. (2018). Police education in China // URL: http://works.bepress.com/kam_wong/.

3. Чжень Ван Синь. Взаимодействие полиции и общества в Китайской Народной Республике // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 4 (64). С. 236–240.

4. Хуан Бин. Общественная деятельность полиции Китая // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : материалы Международной научно-практической конференции. Иркутск, 2012. С. 364–369.

Плахота К. С.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***И. А. Горшенева,***
заведующий кафедрой иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, профессор

ЦИФРОВАЯ КРИМИНАЛИСТИКА (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Все сферы жизнедеятельности общества и государства подверглись цифровизации, правоохранительная деятельность не стала исключением. Сотрудники правоохранительных органов активно используют в своей служебной деятельности информационные технологии и иные достижения научно-технического процесса. В науке криминалистика появилась относительно молодое направление «форензика», которое именуется иностранными специалистами как «цифровая криминалистика» [1]. Цифровая криминалистика понятие широкое, она включает в себя исследования компьютерной криминалистики, мобильной криминалистики, сетевой криминалистики, а также восстановление данных и данные, находящиеся в памяти устройства. Инструменты цифровой криминалистики (киберкриминалистики) способствуют упрощению процесса расследования. Зарубежные специалисты выделяют программные, аппаратные, программно-аппаратные инструменты, которые применяются при расследовании для сбора информации, ее анализа, определения направления расследования. Некоторые криминалистические инструменты используются как с аппаратным обеспечением, так и с программным обеспечением, а некоторые могут быть просто приложением. Некоторые инструменты способны работать в автономном режиме, а другие требуют подключения к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Выбор средства обнаружения и собирания доказательств зависит от самого вида преступления, то есть специалист выбирает инструменты наиболее эффективные в каждом конкретном случае.

Для успешного раскрытия и расследования преступлений, совершенных в сфере высоких технологий, правоохранительным органам необходимо использовать инструменты цифровой криминалистики. Существует базовый алгоритм раскрытия и расследования преступлений: 1) идентификация – процесс выявления преступлений и связанных с ними информационных данных, используемых в качестве доказательства; 2) собирание – процесс целью которого является сбор, фиксация и обеспечение сохранности доказательственной информации; 3) анализ – процесс в котором полученные данные изучаются, сортируются и в последствии при наличии в них доказательственной информации приобщаются к материалам уголовного дела.

При изучении места происшествия, сотрудники следственно-оперативной группы занимаются поиском оперативно значимой информации, вещественных

[1] © Плахота К. С., 2021.

доказательств. Доказательства о киберпреступлениях зачастую не имеют физического состояния, как например, при поджоге – пожарный мусор, средство поджога, горючий материал и т. д. Специалисты имеют дело с цифровыми следами, которые могут быть представлены в виде шаблонов битов и байтов. Цифровые следы могут являться доказательствами или служить отсылкой к непосредственной доказательственной информации. Чтобы получить доступ к таким следам необходимо выполнить ряд действий, но самое главное не следует работать с исходной информацией, ее следует копировать (дублировать) на цифровой носитель, поскольку действия специалиста могут ее повредить или уничтожить. Инструменты цифровой криминалистки помогают сохранить целостность доказательств; обеспечивают восстановление важных данных, если злоумышленник пытался их удалить; формируют изображения; проверяют историю браузера; предоставляют данные об IP-адресе и т. д. Таким образом, правильно использованные инструменты помогают выявить, собрать необходимые доказательства для расследования уголовного дела.

Зарубежные ученые-криминалисты подразделяют инструменты цифровой криминалистики на следующие категории:

1. Инструменты компьютерной криминалистики (компьютеры, ноутбуки, инструменты, извлекающие информацию из памяти устройства) – используются для получения реестров и других зашифрованных данных с компьютера, а также для сбора и анализа энергозависимой памяти (RAM) компьютера (они используются для сохранения доказательств в памяти, которые теряются при выключении системы). Данные инструменты проверяют операционную систему и иное программное обеспечение, запущенное на устройстве. Такие инструменты работают на различных платформах: Windows, UNIX, Linux, DOS, MAC. (Windows – серия операционных систем с графическим интерфейсом, разработанная и продаваемая компанией Microsoft; UNIX – многозадачная, многопользовательская операционная система, существующая в различных вариациях. Сделана с использованием программного языка C; Linux – это подобная UNIX компьютерная операционная система, в которой бесплатное программное обеспечение с открытым исходным кодом доступа. Пользователи могут модифицировать, разрабатывать и продавать собственные версии ОС; DOS – 16-битная операционная система, работающая в реальном режиме процессора, поэтому для расширения возможностей и преодоления ограничений реального режима были созданы так называемые расширители DOS; MAC OS – семейство проприетарных операционных систем производства корпорации Apple. Разработана для линейки персональных компьютеров Macintosh).

2. Инструменты мобильной криминалистики включают в себя аппаратные и программные периферийные устройства. Мобильные устройства содержат личные данные, которые можно использовать в качестве доказательства. Мобильные операционные системы, которые исследуются с использованием криминалистических инструментов – Android, IOS, Blackberry OS, Windows Phone и т. д. (Android – открытая операционная система, основанная на ядре Linux (для смартфонов, планшетов, электронных книг, цифровых проигрывателей, наруч-

ных часов, фитнес-браслетов); Blackberry OS – операционная система с основным набором приложений для смартфонов и коммуникаторов, выпускаемых компанией Research In Motion Limited (RIM); iOS – операционная система корпорации Apple, устанавливаемая ею на мобильные телефоны iPhone 3-13, планшеты iPad, а также на музыкальный плеер iPod; Windows Phone: это операционная система для мобильных устройств. Была разработана корпорацией Microsoft. Преимуществом этой системы является четкость и скорость работы, которая сопоставима с iOS. Устройства Windows Phone производятся преимущественно Nokia, HTC, Huawei, Samsung и другими компаниями).

3. Сетевые инструменты судебной экспертизы. Инструменты сетевой криминалистики состоят из нескольких мониторов, которые могут быть установлены в разных точках сети и использоваться для распределенного сетевого наблюдения. Эти инструменты сетевого мониторинга объединяют данные с разных мониторов и обеспечивают полное и всестороннее представление о сетевой активности.

Типы цифровых инструментов:

– инструменты с открытым исходным кодом – те инструменты, которые доступны бесплатно. Исходный код этих инструментов открыто публикуется для использования или модификации любым пользователем или организацией;

– проприетарные инструменты – инструменты или программы, которые взимаются поставщиками. Это программное обеспечение имеет ограничения на любое смешивание, использование, настройку, тиражирование или распространение измененных форм продукта [2].

Однако вышеуказанные инструменты не единственное проявление цифровизации в правоохранительной деятельности. Пандемия COVID-19 стала неожиданным препятствием для уголовного судопроизводства, так как практические территориальные органы в условиях современной реальности оказались не готовы производить следственные действия удаленно. Однако в качестве примера оперативного реагирования на резко изменяющиеся в этих условиях ситуацию показали действия полиции Нью-Йорка, производившей расследование мошенничества в сфере здравоохранения. По уголовному делу необходимо было допросить значительное количество свидетелей, что полицейские сделали с использованием телефона (данная возможность законодательно предусмотрена в случае угрозы безопасности участников уголовного судопроизводства или же серьезной болезни).

Также иностранными коллегами активно использовались для производства следственных действий электронные платформы Zoom, Face time, Skype и т. д. Появились вопросы по каким категориям уголовных дел следует использовать вышеуказанные приложения: некоторые специалисты считают, что следует применять «виртуальные собеседования» в делах по так называемым преступлениям «белых воротничков». По словам же главного помощника окружного прокурора данные современные средства связи используются их учреждением «повсеместно»: по случаям убийства, покушений на убийство, сексуального посягательства, домашнего насилия и грабежа [3].

Из позитивного в данном опыте можно выделить, что сроки расследования не были нарушены, а из минусов – обнаружились проблемы технического (перебои

связи, отсутствие звука или видеоизображения), правового (тайное присутствие при допросе посторонних лиц, тайная запись хода допроса), психологического (у сотрудников отсутствовала возможность зрительно идентифицировать свидетеля и наблюдать за его поведением) характера.

John Curtis поделился опытом проведения дистанционного допроса: в его производстве находилось уголовное дело о расизме. Потерпевший по уголовному делу заверил, что есть свидетель, который сможет дать необходимые показания. Свидетелем оказалась женщина азиатского происхождения, с уникальным взглядом на расследуемое событие. Однако следователь не видел ее и знать этого не мог, поэтому своевременно не смог установить с ней психологического контакта, а она в свою очередь давала показания неохотно. Следователь задал женщине вопрос о ее фамилии, считает ли она себя «белой», то есть исследовал точку зрения женщины на ситуацию как расового меньшинства. Ответы на данные вопросы представили ему много дополнительной информации, которую он мог легко упустить, если бы избежал неудобного вопроса о расе свидетеля. John Curtis считает, что дистанционные допросы не для слабонервных.

Так же John Curtis сообщил, что иногда допрашиваемый представляет для следствия документы, в случае дистанционных следственных действий посредством электронной почты, в его случае гражданин предоставил неверный документ, чем затянул расследование [4].

Таким образом, современные технологии, повсеместная цифровизация активно внедряются в правоохранительную деятельность, оптимизируя и совершенствуя ее. Однако в статье рассмотрены правовые, технические проблемы, которые требуют своего решения. Заимствование зарубежного опыта для деятельности отечественных правоохранительных органов возможно в рамках разумного, с учетом недостатков и решением вышеуказанных проблем.

Список литературы

1. Хакер // URL:-https://xakep.ru/2018/04/03/forensics-guide-1/.
2. ResearchGate GmbH // URL: https://www.researchgate.net/publication/315726562_Forensic_Tools_used_in_Digital_Crime_Investigation_Forensic_Science.
3. Katelyn Polantz. Coronavirus forces prosecutors to embrace video conferencing in criminal probes. It's raised a host of issues // URL: https://edition.cnn.com/2020/05/06/us/prosecutors-embrace-video-conferencing/index.html.
4. John Curtis. Workplace Investigations During a Pandemic: Three Things We Have Learned // URL: https://www.johncurtis.ca/investigation/workplace-investigations-during-a-pandemic-three-things-we-have-learned/.

Сироткина Т. Г.[1]*,*
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Безбородова Л. А.[2]*,*
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ГЕРМАНИИ

В Германии имеется отдельное уголовное законодательство в отношении несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет. В этом возрасте подростки лишь частично привлекаются к уголовной ответственности за свои противоправные действия.

Уголовное законодательство в отношении несовершеннолетних в первую очередь определяет совершенное правонарушение, и возникает вопрос: что может помочь обвиняемому подростку, чтобы он в дальнейшем не совершал более никаких преступлений?

Лица в возрасте от 18 до 20 лет в некоторых случаях также предстают перед судом по делам несовершеннолетних: они считаются подростками, но судьи рассматривают вопрос о том, следует ли по-прежнему вести дело в соответствии с уголовным законодательством в отношении несовершеннолетних или уже в соответствии с общим уголовным правом. Если преступление было совершено из любопытства, безрассудства, группового давления, или если преступник хотел произвести на кого-то впечатление, то часто в отношении несовершеннолетних применяется более мягкое уголовное законодательство.

Чем дольше молодые люди находятся под стражей, тем больше вероятность того, что они будут совершать новые преступления. Тяжесть этих деяний также возрастает, а не уменьшается в связи с назначением наказания, связанным с лишением свободы [3].

Именно поэтому молодые люди, впервые нарушившие закон, в большей степени не подвергаются тюремному заключению, особенно за незначительные преступления. Таким образом, в Германии в основном избегают назначения наказаний несовершеннолетним, связанным с лишением свободы на определенный срок.

Один из основных способов смягчения наказания является достижение соглашения обеих сторон в споре. В случае причинения ущерба виновник и потерпевший могут заранее договориться о решении проблемы с помощью посредников. Например, подросток, который украл мобильный телефон, имеет возможность договориться со своей «жертвой» о возврате денег за мобильный телефон, заниматься общественной деятельностью и принести извинения. Потерпевший должен согласиться на такое решение, в противном случае будет проведено судебное разбирательство.

---

[1] © Сироткина Т. Г., 2021.
[2] © Безбородова Л. А., 2021.

Для того чтобы подросток был осужден судом по делам несовершеннолетних, так называемый помощник по делам молодежи должен заранее разъяснить, в связи с чем было совершено преступление. Затем он индивидуально показывает правонарушителю различные варианты, которые могли бы помочь ему или ей справиться с основной проблемой. В Германии существуют специальные тренинги для подростков, осуществляющие как общую терапию, так и терапию по направлениям (например, тренинги от наркозависимости).

В некоторых случаях судья может также назначить изменения условий жизни молодого человека (например, запрет на посещение определенных мероприятий, домашний арест).

Если несовершеннолетний нарушает воспитательную меру или снова совершает преступление, то судья может также прибегнуть к так называемым «средствам воспитания», например, назначению штрафа.

Лишение свободы в виде содержания под стражей несовершеннолетних является наиболее суровым: оно может длиться от выходных дней до четырех недель.

Наказание в виде лишения свободы сроком на шесть месяцев и более назначается подростку за серьезные деяния, когда образование и «средства воспитания» больше не работают.

За исключением нанесения серьезных телесных повреждений, убийств и непредумышленного убийства, молодые люди в Германии, как правило, не помещаются под стражу за первоначальное правонарушение. По данным Федерального статистического управления, из 102 175 молодых людей, осужденных по уголовному законодательству в отношении несовершеннолетних в Германии в 2019 году, 16 168 получили приговор по делам несовершеннолетних. Из них тюремное заключение было приостановлено в 9 948 случаях.

Каковы бы не были причины совершения преступлений молодыми людьми и в какой бы помощи они не нуждались, ведущие эксперты Германии многократно указывали на то, что чем более квалифицированную педагогическую помощь они получают и чем больше они имеют возможность сказать свое слово о том, что с ними происходит, тем успешнее реализуются воспитательные программы. Будут ли жесткие санкции сдерживать молодых людей от совершения новых преступлений, во многом зависит от того, будет ли выполнена педагогическая работа и как она будет сопровождаться.

Основными документами, регламентирующими уголовную ответственность несовершеннолетних в Германии, являются Уголовный кодекс Германии и закон «О суде по делам несовершеннолетних». Так же, как и в Российской Федерации, минимальный возраст уголовной ответственности – 14 лет (за некоторые категории преступлений). С 1 января 2020 года для молодых людей (лиц в возрасте от 18 до 21 года), применяются общие меры наказания, если за преступление может быть назначено лишение свободы не менее пяти лет, или если преступник совершил одно из следующих деяний: уголовно наказуемое деяние против жизни и здоровья; уголовно наказуемое деяние против половой неприкосновенности; уголовно наказуемое деяние в соответствии с 25-м разделом Особенной части

Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии (геноцид, преступления против человечности, военные преступления); лидерство и участие в террористическом объединении [1].

В этих случаях для молодых людей может быть назначено наказание не более 20 лет лишения свободы.

Во всех остальных случаях минимальный размер наказания в основном зависит от того, какое именно деяние совершил подросток, однако наказание не может быть назначено более строгое, чем 15 лет лишения свободы [2].

Если суд установит, что благополучие несовершеннолетнего находится под угрозой из- за влияния семьи, он может передать его под опеку другим, более ответственным родственникам.

Возможно осуществление следующих мер: поддержка воспитания (например, консультирование, терапевтическая помощь), при этом ребенок остается в своей семье; полное воспитание путем размещения в приемной семье.

При возбуждении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего, такие участники как присяжные заседатели должны иметь профессиональный опыт работы с подростками (например, профессия учителя, воспитателя). Таким образом, в каждом суде присяжных должны принимать участие четыре лица, работающие преподавателями, в качестве воспитателей или в государственном, или частном молодежном центре. Кроме того, в суде присяжных не менее двух присяжных, а в суде шеффенов - не менее одного шеффена должны принадлежать к полу обвиняемого.

Социальные службы федеральных земель Германии, в частности Управление по делам молодежи и семьи при соответствующем районном управлении предлагают подросткам, получившим уголовное наказание, и их семьям широкий спектр консультативной, поддерживающей и терапевтической помощи.

Ассоциация предлагает консультацию, уход, антикризисное вмешательство, устранение конфликтов, возмещение ущерба, профилактику и помощь в условно - досрочном освобождении или во внесудебном урегулировании преступлений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии от 13 ноября 1998 г. // URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiyi_Kodeks.pdf (дата обращения: 13.05.21).

2. Закон «О суде по делам несовершеннолетних» Федеративной Республики Германии (в редакции от 11 декабря 1974 г.).

3.Бибик О. Н. Введение в ювенальное уголовное право Германии : учебное пособие. Омск : Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, 2009. 83 с.

Шаповалов Я. А.[1]**,**
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель: ***Е. Б. Кужевская*****,**
доцент кафедры иностранных языков Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат философских наук

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В ИМУЩЕСТВЕННОМ ПРАВЕ ЛУИЗИАНЫ

Концепция добросовестности всегда играла важную роль при разрешении споров, возникающих, когда лицо, фактически не являющееся собственником движимого имущества, намеревается продать его другому лицу. Добросовестность играет определенную роль как в гражданском праве России, так и зарубежных стран. В данной публикации предлагаем рассмотреть опыт штата Луизиана (США), изученный Заслуженным профессором Джоном Ловеттом [4]. Профессор Ловетт отмечает, что Гражданский кодекс Луизианы рассматривает вопрос добросовестности в Главе 3 Раздела 1 Книги II «Передача права собственности по договору». В основе этой главы лежит статья 523 Гражданского кодекса. В ней просто и ясно говорится: «Приобретатель движимой материальной вещи добросовестен в целях настоящей Главы, если только он не знает или не должен был знать, что передающее вещь лицо не было собственником этой вещи» [1].

Чтобы понять, как функционирует концепция добросовестности, целесообразно рассмотреть доктрину добросовестного приобретателя. Она стремится примирить два принципиальных интереса—первоначального собственника украденной вещи и ее конечного приобретателя [6].

По мнению профессора Ловетта, доктрина добросовестного приобретателя Луизианы иллюстрирует настоящий гражданско-правовой компромисс [7]. Фактически, действующий Гражданский кодекс Луизианы подчеркивает важность добросовестности конечного приобретателя, делая эту характеристику решающей в четырех различных ситуациях: (1) в случае утери или кражи вещей; (2) в случае, если первоначальный собственник был обманут или обладал каким-либо другим пороком согласия расстаться с движимым имуществом; (3) в случае, если собственник продает вещь одному лицу, а затем продает ту же вещь другому лицу, прежде чем первое лицо вступит во владение;(4)когда собственник доверяет свое движимое имущество лицу, которое оказывается ненадежным депозитарием.

Во всех четырех случаях доктрины добросовестного приобретателя повторяются два вопроса. Во-первых, учитывая, что порядочность добросовестного приобретателя обычно предполагается, то какая в таком случае требуется степень осмотрительности? Во-вторых, предусматривает ли Гражданский кодекс или

[1] © Шаповалов Я. А., 2021.

суды какие-либо практичные короткие пути решения вопроса о том, был ли добросовестный приобретатель достаточно осмотрителен при покупке движимого имущества?

Рассмотрим первую проблему доктрины, которая касается утерянного или украденного движимого имущества. Две статьи Гражданского кодекса дают противоречивые представления о праве первоначального собственника. Во-первых, статья 521 гласит: «Тот, кто владеет утерянной или украденной вещью, не может передать ее в собственность другому. Для целей настоящей Главы вещь считается украденной, если ею завладели без согласия ее собственника. Вещь не является украденной, когда собственник отдает ее или передает другому лицу в результате мошеннических действий» [1].

Оставляя в стороне различие между кражей и мошенничеством, на данный момент, эта статья, по-видимому, создает абсолютную защиту для собственника потерянной или украденной вещи. Однако эта статья не решает более трудного и распространенного случая приобретателя, который покупает у посредника, который завладел имуществом от вора или нашедшего вещь лица. В этом случае следует обратиться к статье 524, которая гласит: «Собственник потерянного или украденного движимого имущества может требовать его от владельца, добросовестно купившего его на публичном аукционе, или от торговца, обычно продающего подобные вещи, при возмещении покупной цены. Бывший собственник утерянного, украденного или брошенного движимого имущества, проданного по закону, не может взыскать его с покупателя» [1].

Эта статья усложняет внешне полную норму статьи 521 в двух важнейших аспектах. Во-первых, она исключает право первоначального собственника на возврат вещи, если конечный покупатель приобретает вещь при публичной продаже. Во-вторых, и что более важно, она существенно ограничивает право первоначального собственника на возврат, требуя, чтобы собственник заплатил покупателю его покупную цену в указанных случаях. Другими словами, хотя первоначальный владелец теоретически может вернуть свое движимое имущество в рыночном обороте, закон гарантирует добросовестному покупателю компенсацию стоимости движимого имущества.

К сожалению, лишь в немногих Луизианских судебных решениях использовалось определение добросовестности, сформулированное в статье 523, в контексте похищенных вещей, и два из них выделяются своим противоположным толкованием к требованию добросовестности применительно к похищенным вещам.

Первое из них – дело «Brown & Root, Inc. v. SoutheastEquipmentCo.» («Браун и Рут Инк. против «Соуфист Эквипмент Ко»). Апелляционный суд Первого округа Луизианы постановил, что покупатель украденного промышленного оборудования — колесного погрузчика — действовал добросовестно по смыслу статьи 524 и, таким образом, имел право на возмещение его покупной цены до того, как от него потребовали вернуть погрузчик его первоначальному собственнику [2]. Когда он покупал погрузчик у дилера оборудования в Хьюстоне, покупатель либо не замечал, либо не беспокоился о том, что оригинальный серийный номер производителя был выдолблен из металлической рамы погрузчика на передней части автомобиля, а на его место был приклеен вымышленный серийный

номер. Суд счел эти факты недостаточно серьезными, чтобы заставить покупателя провести дальнейшее изучение права собственности предполагаемого продавца.

Несколько лет спустя в деле «Live stock Producers, Inc. v. Littleton» («ЛайвстокПродьюсерс Инк. против Литтлтона») суд установил, что посредник, купивший 74 единицы крупного рогатого скота у торговца скотом, который пытался быстро продать его, действовал недобросовестно и поэтому не имел права на возмещение покупной цены, когда покупатель позже узнал, что приобретенный им крупный рогатый скот фактически был украден у их надлежащего собственника – ответчика Литтлтона [3]. В этом запутанном рассказе о мошенничестве всплыли три важных факта. Во-первых, Б.Л. Литтлтон, надлежащий собственник, который в конечном итоге добивался возврата указанного крупного рогатого скота, предварительно помечал и маркировал этот скот своим собственным зарегистрированным в Техасе брендом «BL» после того, как он купил скот у Смита. Во-вторых, поспешная продажа крупного рогатого скота состоялась на аукционе, которым руководил Ронни Стрэттон, занимавшийся бизнесом от имени ЛайвстокПродьюсерс Инк. («LPI»), конечного покупателя 74 голов крупного рогатого скота— стороны, которая в конечном итоге обратилась за защитой в соответствии со статьей 524. Наконец, во время поспешной продажи бренд «BL», который на самом деле принадлежал Литтлтону, был отмечен в книге брендов Луизианы как принадлежащий фермеру Кушатта, не имеющему никакого отношения к Смиту, человеку, который намеревался продать коров на аукционе в качестве собственника. Примечательно, что Смит, ненадлежащий владелец коров, получивший их во владение в соответствии с договором о возмездном выпасе скота, не был постоянным клиентом аукциона.

В этих обстоятельствах суд, ссылаясь на дело «Браун и Рут», постановил, что покупатель, Стрэттон «LPI», на самом деле не был добросовестным, потому что, будучи аукционером и постоянным участником торгов скотом, он должен был немедленно заподозрить, что клейма скота, выставленного на продажу, не связаны со Смитом. Решение суда учитывает многие из существенных фактов, свидетельствующих об относительной небрежности приобретателя, отмечая множество подозрительных обстоятельств, сопутствующих сделке, легкость изучения товара и опыт покупателя на этом конкретном рынке [5].

Таким образом, концепция добросовестности в имущественном праве Луизианы включает в себя такие элементы, как порядочность и осмотрительность. Если такая составляющая, как порядочность действий стороны договора, предполагается, то степень осмотрительности практически всегда изучается судом. На примере двух судебных решений показано, что установление должной осмотрительности приобретателя украденной вещи является ключевым фактором признания его добросовестным собственником имущества. Однако при принятии судом решений как в штате Луизиана, так и в России по-прежнему отсутствуют однозначные критерии оценивания действий приобретателя имущества на предмет добросовестности, что делает актуальными дальнейшие научные исследования в данном направлении.

Список литературы

1. Гражданский кодекс штата Луизиана 1825 г. // URL: https://codes.findlaw.com/la/civil-code/ (дата обращения: 24.04.2021).

2. Brown & Root, Inc. v. Se. Equip. Co // URL: https://www.casemine.com/judgement/us/59148e63add7b04934552ff6 (дата обращения: 24.04.2021).

3. Livestock Prods., Inc. v. Littleton // URL: https://www.lexisnexis.com/community/casebrief/p/casebrief-livestock-producers-inc-v-littleton (дата обращения: 24.04.2021).

4. Lovett J. A. Good Faith in Louisiana Property Law // Louisiana Law Review. 2018. Vol. 78. № 4. URL: https://digitalcommons.law.lsu.edu/lalrev/vol78/iss4/11 (дата обращения: 24.04.2021).

5. Sinclair S. Comment, The Louisiana Good Faith Purchaser Doctrine: Codified Confusion // URL: https://www.tulanelawreview.org/pub/89-sinclair (дата обращения: 24.04.2021).

6. Tooley-Knoblett D., Gruning D. Sales // Louisiana Civil Law Treatise Series. Vol. 24. Baton Rouge: Thomson West, 2012.

7. Попов В. И. Коммуникативная функция права // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 19–22.